

elio magna

ЖАН РИШАР

ЛАТИНО-
ИЕРУСАЛИМСКОЕ
КОРОЛЕВСТВО

JEAN RICHARD

LE ROYAUME
LATIN DE
JÉRUSALEM

PRÉFACE DE RENÉ GROUSSET

Presses Universitaires de France
108, Boulevard Saint-Germain, Paris
1953

ЖАН РИШАР

ЛАТИНО-
ИЕРУСАЛИМСКОЕ
КОРОЛЕВСТВО

Санкт-Петербург
2002

ББК 63.3(0)4
УДК 94
Р57

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Научный редактор:
к. и. н. *Шишкин В. В.*

Ришар Ж.

Р57 Латино-Иерусалимское королевство. Пер. с франц. Карачинского А. Ю.;
Вступительная статья Близиук С. В. — СПб.: Издательская группа
«Евразия», 2002. — 448 с.
ISBN 5-8071-0057-3

Латинские королевства на Востоке, возникшие в результате Крестовых походов, стали островками западной цивилизации в совершенно чуждом мире. Наиболее могущественным из этих государств было Иерусалимское королевство, его центром был Святой Град Иерусалим с находящимся там Гробом Господним, отвоевание которого было основной целью крестоносцев. Жан Ришар в своей книге «Латино-Иерусалимское королевство» показывает все этапы становления государственности этого уникального владения Запада на Востоке, методично анализируя духовные и социальные причины его упадка и гибели. Взаимодействие западной и восточной культур, расширение европейского мировосприятия, рыцарские идеалы и столкновение двух религий наглядно демонстрируют всю панораму жизни средневекового человека XIII–XIV веков.

ББК 63.3(0)4
УДК 94

© Карачинский А. Ю., перевод, 2002
© Близиук С. В., вступительная статья, 2002
© Лосев П. П., обложка, 2002
© Издательская группа «Евразия», 2002

ISBN 5-8071-0057-3

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию «Латино-Иерусалимское королевство Ж. Ришара» (Близнюк С. В.)	9
Предисловие (Р. Груссе)	16
Предисловие автора	18
<i>Историография латинского Востока; географическое описание</i>	
Введение. Иерусалим, королевство паломников	23
<i>Паломничество, святыни; роль паломничества</i>	
Первая часть.	
Иерусалимское Королевство в правление Арденн-Анжуйской династии	33
I. Первый крестовый поход и рождение латинского королевства	37
<i>Крестовый поход; нехватка людей</i>	
II. Короли Вавилона, Азии или короли Иерусалима (1099–1154 гг.)?	47
<i>Аскалон; направление франкской экспансии; Египет; побережье; внутренние районы; бедуины; Дамаск; военные действия на севере; виды на Дамаск: Зенги, Нурреддин, Второй крестовый поход.</i>	
III. Египетский вопрос и союз с Византией (1153–1185 гг.)	67
<i>Завоевание Газы и Аскалона; война с Дамаском и союз с Византией; поход на Египет; Саладин; Рено де Шатильон и войны 1181–1185 гг.</i>	
IV. Короли Иерусалимские	80
<i>Избрание Готфрида Бульонского и Балдуина I; избрание или наследование; коронация и регентства.</i>	
V. Королевская власть	87
<i>Кодекс королевства и королевская власть; домен и ресурсы; центральная администрация; правление Амори I.</i>	
VI. Бароны	102
<i>Сеньории; «бароны»; военная служба; права вассалов; феодальные мятежи.</i>	

VII. Латинская церковь Иерусалима	116
<i>Церковная организация; легаты, патриархи, епископы;</i>	
<i>конфликты из-за подчинения; монашество; церковь и король;</i>	
<i>достоинства латинского духовенства: Гильом Тирский.</i>	
VIII. Рыцарские ордена	130
<i>Возникновение орденов тамплиеров и госпитальеров;</i>	
<i>военная и банкирская функция; отношения с церковью и королем.</i>	
IX. Горожане и колонисты	140
<i>Колонизация: вольные города; военная служба; палаты горожан;</i>	
<i>не-горожане.</i>	
X. Положение местного населения	149
<i>Рабы; мусульмане; другие общины; бедуины;</i>	
<i>религиозная терпимость; короли и нотабли; туркополы;</i>	
<i>рыцари из местного населения.</i>	
Вторая часть	
Второе Иерусалимское Королевство	161
I. Агония и падение королевства	162
<i>Придворные интриги при Балдуине IV;</i>	
<i>столкновения из-за регентства; восшествие на престол короля Ги;</i>	
<i>война с Саладином; падение Иерусалима; оборона Тира.</i>	
II. Осада Акры: Конрад I против Ги де Лузиньяна	179
<i>Третий крестовый поход; Ги и осада Акры; соперничество за трон;</i>	
<i>военная кампания короля Ричарда; конфликт между Конрадом и Ги.</i>	
III. Четвертый крестовый поход (1192—1204 гг.)	193
<i>Перемирие и равновесие в Сирии; германский крестовый поход;</i>	
<i>французский крестовый поход.</i>	
IV. Оборона Святой Земли (1204—1217 гг.) и поход в Египет (1218—1221 гг.)	
<i>Королевство в 1205 г.; нарушение перемирия;</i>	
<i>пятый крестовый поход; кампания в Сирии; кампания в Египте.</i>	
V. Иерусалимский король Фридрих II (1222—1231 гг.)	218
<i>Женитьба Фридриха II; шестой крестовый поход;</i>	
<i>союз с Египтом и внутренние распри.</i>	
VI. Поддержание королевской власти	229
<i>Государи; их бедность; столкновения с духовенством, итальянцами,</i>	
<i>крупными вассалами; со знатью; с крестоносцами;</i>	
<i>законы короля Амори II.</i>	
VII. Бароны, горожане и клирики	240
<i>Перемены в среде знати; горожан; латинской церкви;</i>	
<i>рыцарских орденов.</i>	

VIII. Усиление итальянцев	253
<i>Создание купеческих колоний; их жизнь в XII в.; после 1187 г.; борьба междоусобная.</i>	
IX. «Денационализация королевства»	264
<i>Этнические перемены; братства; политика Фридриха II; политика папства и Карла Анжуйского.</i>	
Третья часть	
Королевство Акры	273
I. Мятеж гвельфов	275
<i>Усиление Тевтонского ордена; Фридрих II против Ибеленов; гражданская война на Кипре; осада Бейрута и восстание в Акре; Казаль-Юмбер и война на Кипре; переговоры; состояние дел в королевстве.</i>	
II. Падение Иерусалима	288
<i>Крестовый поход 1239 г.; выдвижение Симона де Монфора на пост регента; заговор гибеллинов; ответный удар гвельфов: захват Тира; возобновление войны: поражение в битве при Форбии.</i>	
III. Крестовый поход Людовика Святого (1245–1254 гг.)	303
<i>Последствия разгрома при Форбии; седьмой крестовый поход; Людовик Святой в Сирии.</i>	
IV. Королевство купцов	316
<i>Торговля Сирии; королевская власть и купцы; организация торговли: рынки (фундуки) и консулаты; роль сирийцев.</i>	
V. Всесилие коммун	327
<i>Борьба между купеческими кварталами; война Св. Саввы; генуэзский Тир против венецианской Акры.</i>	
VI. Королевство под опекой	338
<i>Опасность и нищета; помощь из Европы; управление вместе с королями Запада; роль патриарха.</i>	
VII. Между монголами и мамлюками	349
<i>Монгольская угроза; нашествие 1260 г. и союз с Египтом; завоевания Бейбарса; восьмой крестовый поход; союз с монголами; предательство франков в 1280 г.</i>	
VIII. Королевство Ассиз	366
<i>Исчезновение королевской власти; правление королей Кипра и восшествие на престол Гуго III; редакция «Ассиз»; неудачи короля; воцарение Карла Анжуйского; возвращение Лузиньянов.</i>	

IX. Падение Акры	383
<i>Падение Триполи и подготовка к обороне; война и осада Акры; падение королевства; неудавшееся завоевание 1299.</i>	
Заключение. Итоги латинского господства во Святой Земле	399
<i>Участь франкского населения; интеллектуальная жизнь; строительство и художественная жизнь.</i>	
Библиография	410
Библиография трудов профессора Жана Ришара	415
Примечания	428
Именной указатель	431
Географический указатель	441

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ «ЛАТИНО-ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО Ж. РИШАРА»

Жан Ришар — известнейший современный французский историк, профессор, представитель Школы Хартий, член многих академических исторических и археологических обществ, один из наиболее выдающихся ученых XX в., изучавших историю крестовых походов и Латинского Востока. Докторская диссертация Жана Ришара 1953 г. однако была посвящена истории Бургундии и процессу формирования этого герцогства. Почти одновременно, в 1955 г., Жан Ришар возглавил кафедру истории Бургундии в Дижонском университете. Так началась плодотворная университетская карьера ученого, которая успешно продолжалась до 1968 г. Затем Жан Ришар руководил Центром Бургундских исследований и многочисленными научными обществами этого региона. В 1987 г. он стал членом Академии надписей и изящной словесности. Одновременно, параллельно исследованиям по истории Бургундии, Жан Ришар изучал эпоху крестовых походов. Именно он стал первым президентом Международного Научного Общества крестовых походов.

Крестоносное движение — интереснейший феномен, открывший новую эру в истории средневековой Европы. Образ благородного и доблестного рыцаря-крестоносца, готового к ратным подвигам во имя Христа и христианской веры, не раз вдохновлял и средневековых и современных поэтов, писателей, историков. Эта эпоха овеяна романтическими легендами о героических личностях и их подвигах, полных интриг, тайн и загадок. Крестоносная идея захватывала умы и сердца королей крупнейших европейских государств, аристократов, крупных феодалов, рыцарей и даже простых горожан и крестьян. Она заставляла их, бросив все у себя на родине, отправиться в поход на далекий, таинственный, неведомый, но столь манящий к себе Восток. Энтузиазм, сквозь призму веков кажущийся странным, пожалуй, невозможно объяснить только рациональными причинами, какими-то историческими предпосылками и целями. Он останется, наверное, самой большой, необъяснимой загадкой крестоносного движения.

Первые крестоносцы выступили на Восток в 1096 г. и их Первый крестовый поход наряду с Четвертым 1202—1204 гг. был одним из самых результативных. В Земле Обетованной появились первые латинские государства: Иерусалимское королевство, княжество Антиохийское и два графства — Эдесса и Триполи.

В истории одного из крупнейших и оригинальных государств крестоносцев на Востоке — Иерусалимского королевства, о котором нам сегодня предстоит гово-

ритель, было два этапа: 1) с момента завоевания Святого Города крестоносцами в 1099 г. и до завоевания его Саладином в 1187 г.; 2) с 1187 г. до падения последнего владения латинян на Востоке — Акры — в 1291 г. Соответственно, существовало Первое Иерусалимское королевство с центром в Иерусалиме и Второе — с центром в Акре. Таким образом, завоевание Иерусалима не положило конец самому королевству и его государственности, однако, несомненно, сократило его размеры и наложило свой отпечаток на его развитие.

Успехи египтян, завоевание ими Иерусалима и Гроба Господня в 1187 г., ради освобождения которого от неверных формально и были предприняты крестовые походы, породили новую волну крестоносного движения в Европе. Король Англии Ричард I Львиное Сердце, Франции Филипп II Август и Германии Фридрих I Барбаросса лично возглавят свои войска и отправятся в Третий крестовый поход на Восток. Каждый был движим тщеславием лично возратить христианам Святой Город и тем самым навеки прославить себя. Неудивительно, что ни о какой координации действий между ними не могло быть и речи. В итоге Иерусалим так и остался в руках неверных, и единственным результатом столь помпезного предприятия было завоевание у византийца Исаака Комнина Ричардом Львиное Сердце острова Кипр. Да и это событие произошло весьма случайно, в силу обстоятельств. Войска Ричарда прибил к берегам Кипра шторм. Это завоевание не было запланировано и как нельзя лучше демонстрирует неорганизованность крестоносцев, традиционную несогласованность их действий. Надо заметить, эта сумбурность и отсутствие четких планов у крестоносцев — характерная особенность всех «классических» крестовых походов 1096—1270 гг.

История крестовых походов для Франции — нечто вроде национальной легенды. Это вполне объяснимо. Ведь именно французское рыцарство всегда составляло основу крестоносного войска. Именно французский король традиционно виделся европейцам естественным предводителем крестоносцев. Именно французская литература дала миру многочисленные рыцарские романы, хроники, поэзию трубадуров, посвященные крестовым походам. Во французских семьях в семейных хрониках на протяжении веков бережно хранили предания о предках-крестоносцах и почитали за честь иметь таковых в своем роде. Именно во французской историографии нового времени созданы наиболее полные истории крестовых походов. Именно французские исследователи XIX—XX вв. — Г. Мишо, Луи и Рене де Мас-Латри, граф Беньо, Г. Додю, Р. Груссе и многие другие, — немало сделали для поиска и публикации источников по истории крестовых походов. Профессор Жан Ришар стал, с одной стороны, прекрасным продолжателем давней традиции французской историографии, с другой — явился настоящим новатором в изучении истории крестовых походов. Он приступил к изучению истории государств крестоносцев на Востоке во второй половине 1940-х годов. С появлением его научных трудов начался качественно новый современный этап в историографии крестовых походов. Жан Ришар сразу же показал, что история крестовых походов — это прежде всего история государств крестоносцев на Востоке, созданных в результате военной колонизации. Он одним из первых в медиевистике

начал изучать именно историю общества крестоносцев, его монархические, феодальные и церковные институты, а не только военные экспедиции западноевропейского рыцарства на Восток, как это делалось его предшественниками. Уже в его первых работах о графстве Триполи, Иерусалимском и Кипрском королевствах автор продемонстрировал широту своих взглядов, эрудицию, глубину и скрупулезность исследователя. Ж. Ришар дополнил свои солидные знания глубоким анализом изучаемых проблем, что поставило его работы несравнимо выше исследований прежних лет. В сферу интересов Жана Ришара входили проблемы формирования господствующего класса в новых государствах, генеалогия латинских знатных семей Иерусалимского и Кипрского королевств, взаимодействие латинян с местным населением, утверждение на завоеванных территориях латинской церкви, история города крестоносцев, их взаимоотношения с европейским купечеством, складывание международного рынка, экономическая и социальная жизнь сельской округи, проблемы топографии и ономастики, история права и культуры, проблемы источниковедения. Значительное место в научном наследии ученого занимает поиск и публикация архивных документов по истории Иерусалимского и Кипрского королевств. Примечательно, что одним из первых Жан Ришар соединил сведения нарративных источников с данными дипломатики и юридическими текстами, что историки прежней поры избегали делать.

Итак, перу профессора Ж. Ришара принадлежит великое множество превосходных научных трудов, посвященных названной проблематике. Первостепенное место среди них занимает «Латино-Иерусалимское королевство». Впервые книга вышла в свет в Париже в 1953 г., а в 1979 г. была переведена на английский язык. Сегодня мы с радостью приветствуем ее перевод на русский язык и готовы представить российскому читателю, ибо ее актуальность не прошла и по сей день. И сейчас это исследование по истории Иерусалимского королевства, образовавшегося после Первого крестового похода в 1099 г., является одним из лучших, полных, синтетичных, аналитичных и интересных в современной мировой историографии. Рене Груссе, назвав исследование Жана Ришара «учебником» по истории Иерусалимского королевства, прав в том смысле, что читатель найдет там ответы на многие вопросы, получит самые разносторонние и обоснованные доказательства и знания о событиях и явлениях, происходивших в названном государстве первых крестоносцев. Для российского читателя перевод книги на русский язык особенно примечателен, поскольку со времени перевода в 1897 г. с французского на русский язык книги Гастона Додю «Истории монархических учреждений в Латино-Иерусалимском королевстве» (СПб., 1897) в отечественной историографии не появилось ни одной монографии, ни одного целостного, всестороннего, синтетичного исследования, посвященного истории этого важнейшего и интереснейшего королевства крестоносцев.

Благодаря труду профессора Ришара, перед читателем проходят события новой эры в истории Западной Европы — эры крестовых походов и череда действующих лиц. Автор воспроизводит детали живой истории, рисует яркие характерные портреты иерусалимских королей и легендарных предводителей военных экспеди-

дий, создает прекрасные типажи баронов, которые предстают в образе суровых воинов, умевших служить своему сеньору и умирать с честью, а не грабителей и разбойников, несших с собой хаос и разрушения. Читатель узнает, как формировалось Иерусалимское королевство, сколь сложно и долго проходило там становление королевской власти и права престолонаследования, складывание административной системы и юридических институтов, познакомится с историей архитектуры, искусства, литературы, исторической и политической мыслью франков латинского Востока. Читая книгу Жана Ришара, читатель сможет увидеть и почувствовать восточную специфику и влияние Востока на крестоносцев и их традиции, методы и принципы дипломатии крестоносцев в отношениях с мусульманскими соседями: Египтом, турками, монголами. История Иерусалимского королевства наглядно показывает, что франки сочетали привычные им западные обычаи с необходимостью адаптации к условиям, — не только климатическим, но и культурным, языковым, социальным, — в которых они оказались на Востоке.

Оказавшись в необычной ситуации, крестоносцы быстро осознали свои нужды, и, с одной стороны, стремились создать для себя государство, похожее на то, в котором они привыкли жить, т. е. феодальное государство западноевропейского типа, с другой — они были вынуждены искать точки соприкосновения и способы сосуществования с местным населением, поскольку находились в абсолютном меньшинстве по сравнению с ним. Следует заметить, что франки оказались весьма толерантными завоевателями. Власти хватало политического здравого смысла, чтобы уважать веру, традиции, обычаи местного населения, сдерживать религиозное рвение крестоносцев и не предпринимать попыток насильственного обращения сирийцев в католицизм. В начале XIV в. французский теоретик крестовых походов Рамон Лулий писал: «Чтобы завоевать Святую Землю, нужны, прежде всего, три вещи: мудрость, сила и милосердие». С силой было проще всего. Латиняне Востока достаточно регулярно получали подкрепление и новых колонистов с Запада. Ведь ни для кого не было секретом, что без помощи европейских государей и постоянного притока новых поселенцев созданное во враждебной обстановке королевство не могло бы существовать. Мудрости и милосердию нужно было научиться. Надо отдать должное властям Иерусалимского королевства: они успешно это сделали и сделали хотя бы для того, чтобы выжить самим на новой земле. Политическая мудрость и терпение иерусалимских королей в значительной степени были залогом прочности и стабильности их государства, которое никак нельзя назвать эфемерным.

Сопоставительный анализ всего комплекса источников позволил ученому доказать, насколько реальность отличалась от идеальной картины, нарисованной в юридических трактатах («Ассизах»), которым традиционно было принято верить как наиболее достоверным и точным источникам. Иерусалимское королевство было принято считать примером классического феодального государства, в котором феодальные институты, феодальная иерархия нашли наиболее полное воплощение. Благодаря средневековым теоретикам феодального права, появлялась своего рода «страна Утопия» с ее «чистым», «идеальным» феодализмом. В течение долгого

времени медиевисты как бы следовали за средневековыми юристами и вслед за ними создавали модель «чистого» феодализма. Жан Ришар впервые в историографии засомневался «в исключительной точности картины, составленной для нас юристами», и показал, что Иерусалимское королевство развивалось как «нормальная» монархия, в которой власть королей все больше напоминала власть французских Капетингов. Исследователь всегда очень осторожен в оценках событий и явлений и часто показывает их неоднозначность. Детально проанализировав процесс становления административной и вассально-ленной системы королевства, Ришар показал, что при всей сложности взаимоотношений между крупными феодалами и королевской властью последняя смогла избежать внутренних столкновений и сохранить уважение к себе. Исследователь отнюдь не призывает рассматривать внутривластную ситуацию в Иерусалимском королевстве как бесконфликтную. На страницах его труда мы найдем немало примеров разногласий между королем и его вассалами — крупными сеньорами, владевшими обширными землями и державшими в своих руках немалую власть. Иногда королю приходилось сталкиваться и с настоящими мятежами. Однако ученый не склонен преувеличивать степень децентрализации королевства. Он видит Первое Иерусалимское королевство достаточно прочным и жизнеспособным политическим образованием. Любопытно, что вера в существование «чистого» феодализма в Иерусалимском королевстве встречается в историографии и по сей день.

Обстановка на латинском Востоке резко изменилась в результате завоевания Иерусалима Саладином в 1187 г., после которого усилились центробежные силы и Второе Иерусалимское королевство становилось все более неуправляемым. Перед читателем пройдут драматичные и вместе с тем захватывающие события Третьего и Четвертого крестовых походов, породивших множество коварных интриг в острой борьбе за иерусалимский трон и в результате смену правящей династии в королевстве. С конца XII в. судьбы и корона Иерусалимского королевства будут настолько взаимосвязаны и переплетены с историей Кипрского королевства Лузиньянов, что историк не может рассматривать их отдельно друг от друга.

Изучая военную организацию государств крестоносцев, и прежде всего Иерусалимского королевства, невозможно обойти стороной весьма примечательные в истории Европы институты — духовно-рыцарские ордена, обязанные своим рождением крестовым походам и паломничествам и сыгравшим столь заметную роль в истории латинского Востока. Их могущество, авторитет и богатства росли с невероятной быстротой. Среди них особенно известными и влиятельными (но не единственными в Святой Земле) были ордена тамплиеров и госпитальеров — неперенных участников всех крестовых походов, защитников паломников и латинских земель в Сирии и Палестине от мусульман. Госпитальеры и тамплиеры исполняли прежде всего военные функции. Им не разрешалось поднимать оружие против правоверных христиан. С течением времени они получали от многих правителей и отдельных частных дарителей огромные владения, привилегии и пожалования и на Востоке, и на Западе, и с точки зрения морали и политики должны были оправдывать эти дарения, демонстрируя воинственность против не-

верных. Жан Ришар показывает, как быстро ордена находят свое место на политической авансцене королевства и обретают реальную политическую и экономическую власть, как щедро им жаловались и дарились огромные земельные владения и замки. В некоторых областях, в графстве Триполи и Антиохии, ордена обладали фактически суверенной властью. Не менее любопытна коммерческая деятельность монахов-воинов: организация банков и проведение банковских операций для паломников и крестоносцев, прибывавших в Святую Землю. Быстро окрепнув экономически, ордена превратились в столь сильные и сплоченные политические организации, что доставляли немало хлопот и королевской власти и даже церкви, к которой номинально принадлежали, своей вольностью и независимостью, позволяя себе неповиновение и открытые оскорбления в их адрес. Однако все же без их помощи и королю, и паломникам пришлось бы трудно. Без них вряд ли власть самостоятельно могла бы защищать себя и свои владения от арабов и турок, а пилигримы относительно свободно передвигаться по территории Святой Земли.

Экономическое процветание королевства в значительной степени зависело от подъема портовых городов и развития международной торговли, когда купцы увеличивали прибыль за счет растущего товарооборота, а короли и иерусалимская знать, которой вместо или наряду с феодем часто жаловались доходы от торговли, — за счет налогов. Завоеватели быстро поняли, какую выгоду могут дать им прибрежные города и с точки зрения торговли, и с точки зрения обороны своих владений. Ибо мало было завоевать Святой Город, необходимо было подчинить своей власти округу и прибрежные города, через которые только и возможно было поддержание постоянных связей с Европой. Развитию городов в Иерусалимском королевстве уделялось особое внимание еще и потому, что все латиняне Востока — будь то торговцы, ремесленники или рыцари, — оказались городскими жителями. Многим землевладельцам пришлось проститься с европейской привычкой селиться в своих поместьях за пределами города. На Востоке только городские стены могли дать всем латинянам некоторое чувство защищенности и уверенности во враждебном мусульманском мире. Однако социальные границы между рыцарством и бюргерством соблюдались неукоснительно, как и на Западе. Постоянная потенциальная опасность со стороны местного населения и мусульманских соседей оказалась первостепенной причиной, заставившей бюргеров-латинян сплотиться и создать достаточно крепкую городскую организацию. Это была инициатива снизу, инициатива самих горожан, продиктованная необходимостью, а не политика королевской власти, как это считалось до исследований К. Каэна и Жана Ришара. Эта же причина объясняет отсутствие серьезных разногласий между горожанами и королевской или сеньориальной властью, которым подчинялись города. Любопытно, но Иерусалимское королевство не знало того коммунального движения, которое бушевало в XII в. во Франции. На Востоке горожане оставались верны клятве, которую давали своему сеньору. Сплоченность горожан-латинян приводит даже, по мнению ученого, к появлению новой «иерусалимской нации». Процесс «денационализации» начался только во времена Второго Иерусалимского королевства из-за разрушительной политики Фридриха II Гогенштауфена и

западноевропейских торговых коммун, обосновавшихся в иерусалимских городах. Таким образом, профессор Ришар дает почувствовать читателю, насколько специфичен был латинский город на Востоке с точки зрения его политического, социального или культурного развития.

Немалую роль в развитии латинского города под небом Востока сыграло итальянское купечество и правительства итальянских морских республик. Ученый наглядно демонстрирует и роль итальянских морских республик — Венеции, Пизы, Генуи — в завоевании сирийского побережья и создании в королевстве «морского фасада», состоявшего из цепи крупных портовых и торговых городов, их влияние на городскую застройку и городской пейзаж, их вмешательство в политические дела и экономику всего королевства. Читатель, несомненно, поймет, сколь необходима была финансовая и военная помощь итальянских морских республик правительству этой страны, с одной стороны, но сколь разрушительны для его политической сплоченности были их распри, конкуренция, своеволие, а затем экономическое и политическое всесилие. Обособленность европейских коммун Жан Ришар даже склонен считать одним из решающих факторов разъединения франков Сирии. Он одним из первых в медиевистике показал эту двойственную, как негативную, так и позитивную, роль иностранного купечества в истории Иерусалимского королевства — в частности, и всего латинского Востока — в целом. Доказательства Ж. Ришара были своеобразным указанием для историков пути дальнейших исследований деятельности иностранного купечества на латинском Востоке.

Процесс децентрализации и ослабления королевской власти, в конце концов, привел к катастрофическим последствиям — падению королевства и полному его завоеванию мамлюками в 1291 г. Слабые попытки европейских рыцарей, больше похожие на мечты, папская дипломатия и призывы к новому крестовому походу не могли спасти латинские земли, завоеванные в Сирии первыми крестоносцами и навсегда утраченные их потомками.

Итак, мы видим, сколь разнообразен круг проблем, которые ставит и во многом оригинально решает профессор Ришар. Читатель, следуя за мыслью ученого, несомненно, получит удовольствие от знакомства с историей Иерусалимского королевства.

Жан Ришар родился в 1921 г. Его коллеги во Франции и далеко за ее пределами в 2001 г. отмечали юбилей историка, которому посвятили издание специальной коллективной монографии. Перевод на русский язык одного из лучших исследований Жана Ришара — «Латинско-Иерусалимского королевства» можно считать проявлением нашей признательности и уважения к ученому. В заключении мы посчитали необходимым привести полный список трудов Ж. Ришара, дабы показать богатое творческое наследие ученого и облегчить поиск для всех, интересующихся историей Иерусалимского и Кипрского королевств, а также историей крестовых походов в целом.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жан Ришар подарил нам учебник об Иерусалимском королевстве, которого нам так недоставало и который мы так ждали, так как появление подобной работы было вызвано необходимостью познакомить студентов, эту огромную читающую аудиторию, с отдельными очерками и выводами, сделанными за последние годы Людовиком Брейе, Шабо, Полем Дешаном, Абелем, Венсаном, Клодом Каэном, мадам Ла Монт и самим Жаном Ришаром. Ведь диссертация автора, посвященная графству Триполи в эпоху Тулузской династии — из тех, что изменяют сам предмет исследования. Помимо ряда ценных открытий, разве не доказал он, что, по крайней мере до 1187 г., при дворе в Триполи говорили на южнофранцузском наречии (языке ок)? После публикации своей прекрасной работы, Жан Ришар, тут же принятый г-ном Дюссо в Археологическую и историческую библиотеку Старой службы древностей Сирии и Ливана, находясь то у во Франции, то в Италии во время своего пребывания в Римской школе, продолжал свои исследования и ускорял разрешение других проблем. Его высокопреосвященство кардинал Тиссеран допустил его к архивам Ватикана, что в свое время советовал ему Поль Пеллио для изучения франко-монгольских отношений. Жан Ришар вместе с Клодом Каэном принадлежат к новому поколению ученых, которые преодолели стену, столь долго разделявшую медиевистов латинского Востока и остальных востоковедов. Будучи членом азиатского общества, автор привнес в нашу науку, со свойственной ему как хартисту точностью, «разум Азии», своеобразие необъятных мусульманских, а затем и монгольских просторов, которые располагались, куда хватало глаз, за тесными границами франкских владений.

Поэтому настоящий обобщающий труд Жана Ришара, который предварительно можно заключить в рамки востоковедения, заслуживает того, чтобы привлечь к себе внимание как широкой аудитории, так и специалистов из-за ясности, с которой выявлены общие проблемы, рассмотрены актуальные вопросы, из-за изобилия информации и точности, с которой на каждой странице излагаются детали. Если книга, которая из-за обширности предмета своего исследования должна служить учебником, оказывается настоящим индивидуальным творением, то это всегда особый случай. Таково и представленное сочинение. Автор держал с нами пари, что создаст пространное повествование об исторических событиях, рассматривая отдельно каждый вопрос, указывая коротко состояние и направление исследований, неоднократно разбирая новые гипотезы. Богатые, но не обременительные ссылки

на собрания источников и библиографию попадают на глаза читателю каждый раз, когда у него возникает желание продвинуться дальше, показывая ему направление следования, с указующими вехами, чтобы лучше осознать маршрут. Работа такого рода должна, чтобы исполнить свое предназначение, одновременно являться пунктом встреч, наподобие остановки на перекрестке больших дорог, объединения предшествующих работ, и пунктом отбытия, гидом, приглашением к путешествию для исследователей завтрашнего дня. «Латинское королевство» Жана Ришара полностью отвечает этой двойной задаче. Уже со дня своего появления ему предназначено стать классикой.

Мы также не сомневаемся, что эта книга поспособствует рождению новых призваний и привлечению новых исследователей в эту область изучения латинского Востока, которую французская наука начала разрабатывать в эпоху Дю Канжа и где она должна оставаться в первых рядах.

Рене Груссе
член французской Академии

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

История крестовых походов познала необычайный подъем в средние века: интерес Запада к этим экспедициям привел к созданию в XII в. на французском и провансальском языках героических песен, например, «Песни об Антиохии» и «Песни об Иерусалиме», эпических поэм, которые стали предметом изучения для Атема и Глазенаэра. В средневековой литературе, как на латинском, так и на вульгарном языке, множество трудов, хроник, путеводителей для паломников, песен о крестовых походах посвящено франкским колониям в Сирии и Палестине: падение последних городов, основанных западноевропейцами в Леванте, вовсе не покончило с интересом к их истории. Проекты об отвоевании Святой Земли, составленные в XIV в. — а их было довольно много, — часто включали в себя главы о событиях, произошедших в этой стране после первого крестового похода: самым знаменитым из них являлся труд Марино Санудо — настоящая хроника Востока. Позднее интерес не уменьшился к этой истории, столь богатой военными действиями, до которых была так охочи жители Запада в эпоху Фруассара: об этом свидетельствует количество прекрасных манускриптов Гильома Тирского. Даже и в XVI в. географ Бельфорсе в своем издании «Мировой космографии», куда он вставил краткое повествование об истории королевства Иерусалимского, отсылал своих читателей к труду архиепископа Тирского, чей перевод на французский язык был, по его мнению, общедоступен и удобен для получения сведений¹.

Именно тогда научная мысль, в свою очередь, начала интересоваться латинским Востоком, который только что перестал существовать, ибо королевство Кипрское, ставшее венецианским владением в 1489 г., в 1575 г. попало в руки турок. В 1611 г. Бонгар собрал главные хроники (Гильома Тирского, Альберта Ахенского, Фульхерия Шартрского, Жака де Витри, Санудо...) в своих «Деяниях Господа через франков». Дю Канж отводил латинскому и в то же время византийскому Востоку значительное место в своих исследованиях: он подготовил работу о «Заморских семьях». Юрист Тома де Ла Томассьер изучал «Иерусалимские ассизы». Но в XVIII в. крестовым походам стали

¹ Fr. De Belleforest. La cosmographie universelle de tout le monde. Paris, 1575, T. II. p. 945.

уделять меньше внимания, т. к. некоторые философы видели в них масштабные грабительские экспедиции, проявления средневекового фанатизма: в «Заире» Вольтер вывел на сцену Ги (Гвидо) де Лузиньяна, чью историю он описал особенно неприглядно.

Историческое возрождение XIX в. ознаменовалось появлением новых работ, посвященных латинскому Востоку: вышла в свет «Библиотека крестовых походов» Мишо и Рейно, предварившая издание нарративных источников об истории крестовых походов, которое начала Академия надписей и изящной словесности. Возникло «Общество латинского Востока», и ученые, такие как граф де Риан, Людовик де Мас-Латри и Е.-Г. Рей опубликовали многочисленные статьи и труды по этой истории. Одновременно с этим немецкие эрудиты углубились в исследования того же рода: Пертц отвел в «Памятниках Германии» место для исторических текстов о Востоке; Хагенмайер установил хронологию событий первого крестового похода и нескольких последующих лет. Особая честь в продвижении этой истории принадлежит австрийцу Рейнхольду Рерихту. Завершив длинную серию статей и книг, среди которых самым полезным был «Регестр королевства Иерусалимского», его монументальная «История Иерусалимского королевства» стала неоценимым подспорьем для изучения латинского Востока: это был первый синтез работ XIX в. (наряду с «Франкскими колониями» Рейя); к несчастью, очень сжатая печать этого объемного труда помешала пользоваться им без затруднений.

После Рерихта интерес к исследованию крестовых походов не угас. Во Франции Г. Шлюмберген и Фердинанд Шаландон посвятили им часть своих работ; в Америке зародилась историческая школа во главе с В. Б. Стивенсоном, затем Даной К. Минро и мадам Ла Монт. За несколько лет вклад в историю крестоносцев стал обширным и особенно важным: г-н Дюссо в своей «Исторической топографии античной и средневековой Сирии» идентифицировал города, упоминаемые в древних текстах, несмотря на всю сложность подобной работы; П. Дешан, вернувшись к очеркам Рейя и Камилла Энлара, своими раскопками открыл перед археологами, исследовавшими военную архитектуру крестоносцев, равно как и саму их историю, новые горизонты. И наконец, Р. Груссе в трех объемных томах своей «Истории крестовых походов и Иерусалимского королевства», увидевших свет в 1934—1936 гг., поставил свои знания востоковеда на службу латинскому Востоку, дополнив в очень живом повествовании данные Рерихта с помощью недавно открытых текстов — прежде всего арабских или сирийских, среди которых дамаская хроника Ибн Каланиси занимает первое место. После небольшого перерыва Клод Каэн, в завершение своих долгих исследований, опубликовал «Северную Сирию в эпоху крестовых походов» — яркий и емкий труд. Более старая работа Брейе «Церковь и Восток в средние века: крестовые походы» уточняет основные моменты в этой истории.

С нашей стороны, может показаться довольно смелым пытаться внести свой вклад в это знание. Поэтому мы не ставили себе целью создать о Латино-Иерусалимском королевстве очерк, сравнимый с вышеперечисленными работами: нет никакой необходимости в том, чтобы заново излагать сюжет, столь мастерски разработанный г-м Груссе. Мы всего лишь стремились поведать в относительно кратком виде об истории Иерусалимского королевства так, как ее восстановили вышеупомянутые ученые, уделяя особенное внимание самым малозаметным сторонам этой истории — существованию королевства и его населения, его монархическим, феодальным и церковным институтам. По этим вопросам также выходили публикации, но «История монархических институтов Латино-Иерусалимского королевства» Гастона Додю, правда, полностью пересмотренная в великолепном труде мадам Ла Монт «Феодальная монархия Иерусалимского королевства» — в отношении собственно королевских институтов нам кажется довольно устаревшей. Поэтому, не желая посвящать этим вопросам исчерпывающее исследование, мы попытались набросать несколько идей о функционировании франкских институтов. В особенности мы старались использовать в тесной связи — что раньше делали довольно редко — юридические тексты, дипломатические акты с нарративными источниками.

Мы смогли проделать всего лишь неполную работу: однако надеемся, что в нашей книге можно будет найти несколько новых сведений о латинском Востоке, несмотря на ограниченный объем, в который мы должны были уложиться, чтобы изложить столь длительную и захватывающую историю.

Географические рамки нашего повествования не включают три крупных фьефа, которые относительно тесно были связаны с Иерусалимской короной — графство Эдесское, графство Триполи и княжество Антиохийское, которые стали предметом исследования современных авторов. То есть мы будем рассматривать только историю королевства Иерусалимского, с комплексом второстепенных графств и мелких бароний, в тех границах, в которых его воспринимали латиняне XII—XIII вв. (как, например, это показывает параграф 58 Устава тамплиеров), от Мертвого моря и египетской границы до «Па де Шьен», на границе с Триполи.

В этих рамках королевство не представляло собой единое географическое пространство: в него входили две различные области, Сирия и южная Палестина — правда, для средневековых людей термин Сирия («*Surie*») обозначал весь сирийско-палестинский регион; жителей королевства обыкновенно называли сирийцами, равно как, но в более ограниченном смысле, и местных христиан. Палестина, состоявшая из Иудеи, Самарии, Галилеи и филистимдянского побережья, по большей части является известковым плато на высоте до тысячи метров, антиклинальной выпуклостью, протянувшейся с Севера на Юг; плато спускается к морю, образуя террасы (лишь одна из них, Сефелах, обладает

урожайностью), господствуя над прибрежной равниной, восточная граница которой довольно плодородна, тогда как ее граница песчаника, tell («торон» на языке средневековья), к Западу исчезала под песчаными дюнами. На засушливом и безводном плато, лишенном растительной почвы, разделенном узкими долинами, где пещера громоздится на пещере, на островках, увенчанных крепостями, в Иудее можно было выращивать только скудные культуры. На севере Самария, лучше орошаемая и расположенная на более низком уровне, была плодородной областью, а Галилея, которая со своими горами вулканического происхождения простиралась в северном направлении, представляла прохладный и покрытый зеленью край. В свою очередь, палестинское плато, обрываясь у моря отвесным склоном Кармильской горы, с другой стороны натыкалось на «пучину» (Ghor) Иордана, куда вел часто головокружительный спуск (Мертвое море находится на двенадцать сотен метров ниже Иерусалима, расположенного от него всего в двадцати километрах). На юге плато терялось в степях Негеба и в известковой пустыне Тиха. На севере Палестины низинная равнина Эсдрелон (или «равнина Акры») представляла собой созданную самой природой дорогу через Галилею, между побережьем — прекрасный рейд Хайфы (древний Каифас), это первое пристанище на негостеприимном филистимлянском берегу — и внутренней Сирией с Дамаском. За Эсдрелонской равниной брала начало южная Сирия, которая по большей части состояла из горного хребта Ливана и его отрогов. После переплетения крутых холмов, простиравшихся к востоку от Акры, высота Ливана резко понижалась. Хребет достигал моря в районе мыса Накура, возле крепости Сканделион, и оттуда шел вдоль побережья, иногда отступая и образуя маленькие прибрежные равнины; земля в этой области вся испещрена ущельями и горловинами, просто созданными для засад, которые представляли собой природные границы, разделявшие сеньории Тира, Сидона и Бейрута. Берег в этих местах состоит сплошь из скалистых выступов, мысов и рейдов, где возникли древние финикийские порты, в которые крестоносцы вдохнули новую жизнь. На восточном направлении Ливан господствовал над низинами Марж Айюм (долина Литани) и Бекаа (долина Оронта), представлявшими всегда желанную цель для франкских баронов, рыскавших в поисках добычи.

Наконец, к востоку от Палестины, за бесплодной долиной Иордана (Гхор) простирались плато древнего Моаба, орошаемые гораздо лучше, чем Иудея, и дававшие богатый урожай — еще одна территория, куда франки совершали набеги; в этих местах им удалось основать свои постоянные поселения только в Ярмуке (земле Суэца), бесплодной Идумее и по соседству с ней, более урожайном, Белге (Зайорданской земле), добравшись до самого сердца Синайского полуострова.

Вот в этих-то границах и родилось Иерусалимское королевство, необычное государство, возникшее в результате «взлета Европы», который так хорошо

обрисовал Л. Альфен, в начале XII в. Надеюсь, что нам удастся уловить те некоторые из характерных черт этого франкского — скажем даже французского — государства, которые отличали его от Востока, и показать, как жили те люди, что создали его и обеспечили ему долгое существование¹.

Ж. Ришар

¹ Мы считаем своим долгом выразить огромнейшую благодарность своим предшественникам, особенно господину Р. Груссе, который охотно знакомил нас с тем, что было полезно для нашего исследования. Поэтому, если мы, упоминая те или иные события, не ссылались на кого-нибудь из них, то само собой подразумевается, что Рерихт, Рей, Мас-Латри или господин Груссе их уже основательно описали.

ВВЕДЕНИЕ

ИЕРУСАЛИМ,
КОРОЛЕВСТВО
ПАЛОМНИКОВ

Латино-Иерусалимскому королевству было суждено возникнуть в конце XI — начале XII вв. на филистимлянском и финикийском побережье, простиравшемся от древней Газы до северных окраин Бейрута. На востоке его внутренние области включали в себя плато Галилеи, Самарии и Иудеи и борозду, образованную Иорданской долиной и Мертвым морем. Эта впадина выходила за свои пределы на всей своей протяженности, с двумя выступами, один из которых вел к северу, в направлении Хаурана (наст. Джебел Друз), в «Суэцкой земле», другой на юг, к древнему Моабу: вот эта земля, заканчивавшаяся у Акабского залива на Красном море звалась «Занорданской землей».

Однако вовсе не плодородие этой почвы, ни ее торговое богатство привлекли и удержали крестоносцев в Палестине. За пределами Наблуской долины, в Самарии, и прибрежных равнинах — где особенно хорошо рос сахарный тростник — плато были довольно безводными; если же крестьянам удавалось добиться хорошего урожая зерновых культур, то ему грозила засуха или нашествие полчищ саранчи либо лесных мышей. Все эти неурядицы самым прямым образом отражались на политике Иерусалимских королей. Стада бедуинов должны были показаться западноевропейцам жалкими. Что касается торговли, то хоть она и познала великий размах в сирийских городах в XII в., но пока даже сравнима не была с тем, чем станет в XIII в.

Причина крестовых походов та же, что побудила основать новое королевство: папа Урбан II двинул баронов Запада к Иерусалиму с целью «освободить могилу Христа», поскольку нашествие турок сделало невозможным паломничество ко Гробу Господню. Число тех, кто откликнулся на его призыв, сильно превышавшее количество французских рыцарей, которые в том же самом XI в. помогали испанцам отвоевывать их полуостров у мавров — что было такой же «священной войной» и не требовало совершать опасное и долгое путешествие в Святую Землю — нам ясно демонстрирует, что христиане приняли эту задачу очень близко к сердцу. Точно так же, как паломничество в Компостелу побудило бургундцев основать графство Португальское, а паломничество к Монте Гаргано привело к созданию норманнского королевства обеих Сицилий, паломничество в Иерусалим лежало у истоков «королевства Востока» (используя выражение историка Гильома Тирского) и позволило ему просуществовать так долго.

Благоговение перед восточными святынями, Святой Землей, где проповедовал сам Христос во время своей телесной жизни, местами, где зародилось христианство и где разворачивались события, о которых повествовалось в Библии и Евангелии, не было «изобретено» в средние века. «Общество латинского Востока» издало собрание латинских «Описаний путешествий» в Святую Землю: они начались в эпоху раннего христианства и уже в IV в. Св. Иероним обосновался в Вифлееме: до нас дошло «Описание путешествия из Бордо в Иерусалим», датированное тем же веком. Великое переселение народов не остановило это движение, которому развивавшийся культ реликвий только прибавил популярности¹: описания о путешествиях гасконцев, бургундцев или англичан дошли до нас со времен Меровингов.

Само по себе арабское нашествие не превратило паломничество в неосуществимую затею. Если Св. Вилибальд и испытал некоторые трудности во время своего путешествия, прочие повествования нам показывают, что часто они протекали без особых осложнений. Карл Великий добился формального покровительства над Святыми местами, и возможно, поэтому в Палестине осели представители христианской церкви запада, что очень показательно: епископы и монахи так и остались в греческих монастырях Иерусалима и всего региона. Но вскоре палестинские святыни попали в руки «сарацин»: после фатимидского завоевания, когда в Сирии и Палестине начался, быть может, временно, подъем фанатизма, халиф Хаким, основатель религии друзов, приказал осквернить Св. Гроб в конце X в. Этот инцидент не имел длительных последствий, но он показал, что жизненному укладу, который воцарился на Востоке, может прийти конец. Подобные же события повторятся в тот момент, когда христианский мир обретет «самосознание», и вызовут неотвратимые карательные меры.

Итак, в XI в. популярность паломничества в Святую Землю еще более возросла: несколько свидетельств, дошедших до наших дней, не позволяют в этом сомневаться². В начале столетия, после виконта Ги Лиможского, Гильома III, графа Руэга, и Гильома II Тайфера, графа Ангулемского, сам Роберт Великолепный, герцог Нормандии, пустился в дорогу на Иерусалим и скончался

¹ До наших дней сохранились реликварии, где хранили елей из Святой Земли (например, знаменитая чаша в Монзе), куски земли с кровью, даже (в Вильер-Сен-Сепулькр, на Уазе; XI в.) плитки с мощеного пола церкви Гроба Господня. Именно из Палестины начал свое шествие по Европе культ Св. Стефана после нахождения его тела священником Люсьеном и распространение во множестве его мощей, — Tohler et Molinier. *Itinera Hierosolymitana*, I, Geneve, 1885. — В храме Богородицы в Булони почитали реликвии, присланные Готфридом Бульонским и Балдуином I.

² В 1055 г. папа Виктор II, столкнувшись с проблемой массового наплыва паломников, просил у властей Византийской империи освободить их от пошлин (Riant // A. O. L., I, P. 50).

на обратном пути (1035 г.). Гуго I, граф Шалонский и епископ Оксерский (ум. 1039 г.) также принял участие в паломничестве, а ужасный Фульк Черный, граф Анжуйский, совершал его трижды. Незадолго до 1085 г. граф Люксембурга Конрад умер во время паломничества, и великий граф Фландрии Роберт Фриз, посетил Алексея Комнина по возвращении из Иерусалима (1090 г.). Путешествия в Святую Землю также приписывали Петру Отшельнику, популярному проповеднику крестового похода, равно как и Раймунду Сен-Жилльскому, которому было суждено стать одним из его главных героев¹.

И паломничества уже становятся военными! Наряду с латинскими наемниками, которые, подобно Русселю де Байолю и Эрве «Франкопулу», оказали помощь Алексею Комнину в борьбе против турок и создали «франкским» наемникам добрую репутацию у князей Востока, мы видим, как трое германских епископов появились в Иерусалиме с многочисленным отрядом, ввязываясь во все драки по дороге (1064 г.). И когда Урбан II озвучил идею крестового похода, которая уже толкнула рыцарей в Испанию (и которую Вильгельм Завоеватель использовал в пропагандистских целях перед нападением на Англию), крестоносцам оставалось всего лишь вступить на дорогу, где уже прошли их отцы.

Но для латинского королевства также важным является то, что успех первого крестового похода обеспечил новый подъем паломничества. Историки крестоносцев вспоминали чувство, с которым бароны Запада вновь обрели места, освященные Христом, Девой Марией и апостолами. Недостатка в чудесах также не ощущалось, и рассказы вернувшихся домой крестоносцев придали духу тем, кто еще колебался. И хоть из крестоносцев, отправившихся в поход в 1000 г., мало кто добрался до Востока, толпы пилигримов, жаждавших посетить Святые места, все чаще и чаще прибывали по морю.

Лучше всего для нас будет пролистнуть «путеводители», которыми пользовались пилигримы, необычайно интересные и трогательные своей наивностью одновременно. Что может быть более очаровательно, чем замечание «это весьма доброе паломничество», следующее за описанием той или иной святыни! К этому прибавлялись примечания «туристического» свойства: крокодилы Цезареи стоят того, чтобы сделать крюк и поглазеть на их логово, а заодно и на находящуюся по соседству с ними часовню Богородицы, «необычайно красиво расположенную и весьма почитаемую». И конечно, привлекательность путеше-

¹ На самом деле паломничество совершил его брат Гильом IV Тулузский (около 1092 г.). См.: L. Laranne. Des pelerinages en Terre Sainte avant les Croisades // Bibliotheque de l'École des Chartes. 1845. P. 1, где упоминается о паломничестве в 1039 г. Тьерри III Голландского и графа Барселоны. Сведения о паломничестве графа Шалона содержатся в «Деяниях епископов Оксерра, ed. Duru // Bibliotheque historique de l'Yonne. L. Halphen. Le comte d'Anjou au XI siecle. P. 213 и далее».

ствия на Восток наряду с богоугодностью паломничества могло только подстегнуть пилигримов отправиться ко Гробу Господню¹.

В первые годы молодого королевства Яффа была единственным портом, где высаживались пилигримы: тем более что это был самый приближенный к Иерусалиму город. Но скоро Акра выдвинулась на первый план, и именно ее наши путеводители указывают в качестве принимающего порта в рекомендуемых маршрутах. «Дорога паломников» восходит в южном направлении к горе Кармил, откуда открывался вид на «Франшвилль», пещере и скиту Св. Дионисия, затем аббатству Св. Маргариты Греческой, где часовня напоминала о пребывании там Св. Илии. Недалеко от этого места Св. Бурхард основал монастырь Св. Девы Марии, где зародился орден кармелитов. Дорога шла возле моря, минуя маленькое поселение Анн, где, как говорили, были выкованы гвозди Креста — так же как неподалеку, в Кафарнаоне, отчеканили тридцать серебряников, за которые Иуда продал своего учителя. Еще дальше находился греческий монастырь Св. Иоанна, известный чудесами, которые там происходили.

Посетив могилу Св. Эуфемии, в Шатель-Пелерен, благочестивые путешественники спешили в Цезарею, где их глазам представала часовня центуриона Корнелия, «наследника Св. Петра на посту архиепископа Цезарейского», и могилы дочерей дьякона Филиппа. Рекомендуемая экскурсия предусматривала посещение «Reine Perdue», не столько из-за часовни Пресвятой Девы, сколько из-за болот, «где водилось много крокодилов, которых поместил туда один из сеньоров Цезарейских, приказавший привезти их из Египта». Другой путеводитель приводит более расширенный вариант этой легенды: этих «кровожадных тварей» привез туда «один богатый человек, пребывавший в Цезарии, и приказал их вскормить, ибо пожелал, чтобы они сожрали его брата из-за разногласий между ними». Но в день, когда он уговаривал своего брата искупаться в этом пруду, тот заставил его спуститься /в воду/ первым, и бестии, которых он завел, мигом утащили его на глубину, да так, что никто не смог его найти»². Впрочем, Плиний Старший уже поведал сходную легенду о первых крокодилах, которых видели в Сирии, прежде чем попасть в Египет, в этом регионе Цезарей, который напоминает дельту Нила.

Затем следовала часовня, где Мария Магдалина принесла покаяние; вслед за этим пилигримы попадали через Арсуф в Яффу, где им показывали причал, откуда «св. Яков Галисийский (Компостельский)» отправился в Испанию³.

¹ Н. Michelant et G. Raynaud. Itinéraires a Jerusalem. Geneve, 1882. P. 89—200 et passim.

² Foucher de Chartres. P. 778.

³ В церкви Сен-Пьер ла Гранд в Яффе, которую в 1103 г. патриарх Эвремар отдал каноникам Гроба Господня (R. R. 40).

Из Яффы путь вел в далекий монастырь Св. Екатерины на Синайской горе, о котором рассказывало множество привлекательных легенд: как и монахи, животные из самой пустыни питаются только маслом, проистекающим из гробницы святой, и «манной, которая снисходит на гору»; по пути можно было в Гадре (Газе) почтить память Самсона, который унес на плечах двери этого филистимлянского города. Но Яффа была прежде всего вратами Иерусалима, откуда две дороги вели в Святой Город¹: путь через Рамлу, менее безопасный, рекомендовали выбрать из-за необычайно древней часовни Св. Абакука; на другом дороге, пролежавшей мимо Лидды, Св. Петр воскресил Табифу, служанку апостолов, «и это — прекрасное паломничество из-за церкви необычайной святости и чудес, свершенных там Св. Георгием»

И на подходе к Иерусалиму паломник на каждом шагу встречал новые святыни: ворота Св. Стефана напоминали о побивании камнями первого мученика, Св. Гроб состоял из Циркуля (гробницы) и Круга (где было положено тело Христа перед его погребением). Перед паломником представляли Голгофа с колонной бичевания, место, где нашли Св. Крест, темница Господа, чудотворное изображение Девы Марии (Египетской), церковь Св. Марии Латинской, место, где рыдали святые женщины, Храм и Святой Холм, жертвенный алтарь Авраама, церковь Св. Иакова, возведенная на том месте, где претерпел мученическую смерть первый епископ Иерусалима. Затем следовал алтарь, где был умерщвлен Захария, сын Барахии, «Купальня Богородицы и Господа Нашего», изваяние Св. Симеона, Сионская гора, где умерла Пресвятая Дева, место трибунала Каифы, часовня Св. Духа — с Сенаклем, купелью Силоэ, поле Хакелдама, Кедронский ручей, где Давид собирал камни, которыми потом сразил Голиафа, Гефсиманский сад и Оливьерская гора, с отпечатком ноги Иисуса, «часовня Св. Пелагеона, ou Nostre Sir fist la Pater Nostre», место, где росло дерево, из которого сделали крест, Иосафатская долина, с изваянием Пресвятой Девы и множество иных мест, ставших святынями из-за связанных с ними воспоминаний или происходивших там чудес. Уже одного их перечисления было достаточно, чтобы сделать желанным паломничество в Иерусалим и притягивать толпы людей со всех уголков христианского мира к Святому Граду, несмотря на опасности, подстерегавшие их на долгом пути! Однако автор «путеводителя» позаботился о том, чтобы пилигримов не постигло разочарование при виде незначительных размеров городов, где находилось столько святынь: «города там, — пишет он, — не большие, маленькие».

Иерусалим был главной целью пилигримов, но как было не посетить Вифанию или «Етптаус», по пути побывав в месте рождения Иоанна Крестителя — как не посетить Сорокадневную гору, где постился Иисус, сад Авраама и

¹ P. Deschamps. Defense du royaume de Jerusalem. P. 20.

Иерихон, где Спаситель принял крещение? И Вифлеем с яслями, где все напоминало о поклонении волхвов, колодец, куда упала их путеводная звезда, гробницы Невинноубиенных Младенцев и Св. Иеронима? К югу от Вифлеема, по дороге, ведущей к Синаю, стоял Хеврон, где показывали место рождения Адама и Евы наряду с домами Каина и Авеля, и гробницы патриархов (Авраама, Исаака, Иакова и их жен), найденные в 1119 г. канониками латинского монастыря, водворившегося в этом городе и восстановленного по приказу Балдуина II¹.

Помимо Иудеи, Галилея была другим центром наиболее активного паломничества. Путь туда лежал посреди Самарии через Наблус — где колодец Иакова напоминал о разговоре Иисуса с самаритянкой, Севастия, место казни и могилы Иоанна Крестителя, и через Наим, что находился у подножия Гермонской горы, где все напоминало пилигриму о воскрешении сына вдовы. Дальше дорога вела на Галилею, где при виде Фаворской горы путник вспоминал о таинстве преображения; огромный город Табария (Тивериада) раскинулся на берегу озера, где Христу был дарован чудесный улов. Далее был Капернаум, прославленный столькими чудесами, «Стол Господа Нашего», «где, как гласит молва, он вкушал вместе со своими учениками», гора, где он умножил хлеба, и Геннисаретское озеро. В Кане Галилейской все напоминало о свадьбе, когда Христос претворял вино в воду, и пещера в скале, где он укрылся от иудеев. В Назарете, маленьком городке, паломнику показывали церковь Благовещения, источник архангела Гавриила, часовню, где жили Св. Захария и Св. Елизавета... Через Зафран, где родился Св. Иаков Галисийский, паломники возвращались в Акру, откуда самые благочестивые среди них отправлялись на север, посещая по пути Тир (где Христос объявил заповедь Блаженства), Сарефту (прославленную чудесами Илии) и Сидон (где Христос исцелил хананейку), вплоть до Бейрута, где поклонялись чудесному распятию, которое, пронзенное копьем одного иудея, исторгло кровь и слезы, объект почитания, о чем свидетельствует отсылка реликвий в Италию, Францию и Англию. И конечно, каждый паломник стремился привезти с собой на родину «сувениры», главным образом мощи: многочисленные тексты, составленные прелатами латинского Востока, были «подлинниками», своего рода сертификатами происхождения, которые прилагались к реликвариям.

В эпоху, когда паломничество было проявлением наиболее истового благочестия, королевство Иерусалимское, выступая в роли хранителя Святых мест, уже исходя из одного факта своего существования, выполняло задачу, которую мы бы сегодня назвали охраной общественных интересов. Защита дорог и

¹ Ch. Kohler. Un nouveau recit de l'invention des patriarches // Melanges pour servir a l'histoire de l'Orient Latin. T. I. Paris, 1906. P. 1; Riant // R. N. C., Hist. Occ. P. 302—316; Honigmann. Al-Kahalil // Encycl. De l'Islam. T. II.

полицейский надзор за ними занимали особенно важное место — П. Дашан отметил быстрый рост укреплений вдоль маршрутов следования пилигримов — и именно с этой целью и был создан орден тамплиеров; именно эти функции принесли ордену популярность и легли в основу его могущества. Обеспечив нормальное функционирование паломничеству, королевство извлекло из него пользу, чтобы пополнить свои ресурсы; так же поступала и церковь, с помощью гостеприимных домов оказывая пилигримам необходимую им общественную поддержку.

До нас дошло довольно мало сведений об этих доходах; по договору, заключенному с Венецией в 1244 г., король получал право на треть платы, которую паломники отсчитывали за проезд в Святую Землю. Эта плата никогда не была очень большой: по тарифу марсельцев от 1268 г. за путешествие в четвертом классе требовалось заплатить 25 су, а в первом — 60 су, а в 1248 г. корабль «Сен-Франсуа», отправлявшийся из Марселя, перевозил паломников за 38 су «*gaumodins*». Однако каждое судно могло перевозить в Святую Землю от 500 до 2000 пассажиров, что приносило королевской казне довольно значительный доход¹. Весьма вероятно, что помимо этих сумм взимались и другие пошлины и сборы. Кроме того, имущество паломников, скончавшихся без завещания — что называли «*echoite*» — принадлежало королю².

Приезд и пребывание пилигримов также благоприятствовало и экономической активности королевства. Не говоря о продуктах — которые часто поставляли приезжим гостеприимные дома и монастыри — продажа «сувениров» обогатила не одного купца. В Иерусалиме, например, в обычае было продавать пальмовые ветви: по свидетельству Эрнуля, возле рыбного рынка, неподалеку от лавок ювелиров, торговали «пальмовыми ветвями, которые паломники увозили домой из Святой Земли». Гильом Тирский познакомил нас с курьезной историей, повествующей о том, как одна семья получила монопольное право на продажу этих ветвей: в годину гонений одни сарацин якобы обвинил местных христиан в осквернении мечети. Чтобы спасти общину, один молодой сириец признался в преступлении, которое он на самом деле не совершал; но в вознаграждение за свою жертву юноша попросил у своих единоверцев разрешить его семье торговать пальмовыми ветвями; по словам Гильома, эту традицию продолжали чтить и после прихода крестоносцев.

¹ CH. De la Ronciere. Histoire de la Marine française. T. I. P. 244, 276 (Paris, 1909); L. Blancard. Documents inédits sur le commerce de Marseille au Moyen Age. (Marseille, 1885). T. I. P. 334. T. II. P. 321 (1248 г.: завещание некоего горожанина, Жиро де Карделлака, который отписал сумму, на которую неимущих крестоносцев перевозили бы в Святую Землю).

² <R. R>, 321, 322 (1156 г.).

Если паломники, принадлежавшие к разным течениям христианства, — русские, подобно игумену Даниилу (1113—1115 гг.), греки, как Иоанн Фока (1185 г.), абиссинцы, грузины, несториане, армяне — и даже евреи с самаритянами¹ обогащали королевство, то «латинские» пилигримы играли несколько иную роль, столь же важную для защиты Иерусалима. Ведь сезонный приезд паломников позволял Иерусалимскому королю нанимать к себе на службу рыцарей и сержантов, которые в этом качестве участвовали в кампаниях против мусульман. Часто случалось — как, например, в 1113 г. после разгрома христиан под Синн-аль-Наброй, — прибытие первых кораблей с Запада спасало королевство в тот миг, когда ему грозило нашествие врагов или же когда иерусалимская армия терпела поражение. На языке людей средневековья не было никакой разницы между «крестовыми походами» и «паломниками».

Поэтому, когда купцы и пилигримы посещали порты королевства, как, например, в 1220 г., то эти годы считали катастрофическими². Заключая договоры с сарацинами в XIII в., христиане всегда стремились добиться свободного доступа для паломников к святыням Иерусалима и Назарета даже тогда, когда эти города попадали в руки мусульман. Но, несмотря на это, мусульмане чинили препятствия пилигримам — взимали повышенные поборы, всячески притесняли, например, заставляли входить в город только через «потайную» дверь Св. Ладра (Saint-Ladre), запрещали латинянам посещать множество храмов — и число паломников из года в год стало уменьшаться. В ответ папство провозгласило защиту Святой Земли богоугодным делом; когда с середины XIII в. от королевства почти ничего осталось, понтифики продолжали призывать пилигримов посещать то, что от него уцелело. Именно с подобной целью был создан примечательный текст «Прощения Акры»³, где перечислены многочисленные монастыри этого города (заметим, что в предыдущих путеводителях паломникам рекомендовали побывать только у могилы Св. Гильома, прославленной не раз происходившими там чудесами), чье посещение сулило отпущение грехов. Мы видим в этом росте церквей, гарантировавших отпущение, средство, при помощи которого сирийское духовенство и «пулены»⁴ старались удержать как можно больше пилигримов на прежней стезе, ведущей в Иерусалим. То, что

¹ Michelet et Raynaud. Op. cit. P. 74: В Самарии существовал только один «монастырь (moustier), которым владели самаритяне (que li samaritain l'ont), и только там они могли совершать богослужение (sacrefice) на Пасху, а более нигде не могли... Туда приходили самаритяне из Египта и Дамаска и со всей языческой земли...

² Delaborde. P. 123—125.

³ Michelet et Raynaud, *in fine*.

⁴ «Пуленами» сначала называли детей, рожденных от брака между франками и местными жителями, но в конце концов этим прозвищем стали награждать всех «франков», родившихся в Святой Земле.

наплыв паломников в Святую Землю продолжался, косвенно засвидетельствовало папство, когда, стремясь в начале XIV в. организовать блокаду Египта, запретило в некоторой мере совершать эти благочестивые путешествия, дабы тем самым лишить мусульман доходов, каковые они взимали с приезжих. Но движение паломников было лишь приостановлено и вскоре возобновилось¹, правда, далеко не с тем размахом, который в свое время вдохнул жизнь в Иерусалимское королевство.

Итак, не забывая о роли, сыгранной в истории королевства этими экономическими аспектами, напомним, что все же именно паломничество внесло свою существенную лепту в дело созидания «Восточного королевства»; именно ему это латинское государство обязано своей парадоксальной выносливостью, с которой оно удержалось на сирийско-палестинском побережье, несмотря на свою отдаленность от Запада. В этом существовании франкской колонии во враждебной земле — которая сильно отличалась от сменившего ее Кипрское королевство — слишком часто хотели видеть доказательство ее полезности для торговых республик Италии. Но не забудем, с какой легкостью итальянцы утратили интерес к королевству в разгар своих междоусобных войн и политических альянсов с мусульманскими государями. Прежде всего, Иерусалим был королевством паломников — в большей степени, чем любое другое из государств, основанных на Востоке или на Западе в сходных обстоятельствах.

¹ Например, булла № 40265 Иоанна XXII (ed. C. Mollat) посвящена основанию в 1328 г. гостеприимного дома Св. Стефана в Фамагусте «для нужд пилигримов, плывущих в Святую Землю». Теперь пилигримы пускались в путь, только если получали разрешение Св. Престола на паломничество.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ИЕРУСАЛИМСКОЕ
КОРОЛЕВСТВО
В ПРАВЛЕНИЕ
АРДЕНН-АНЖУЙСКОЙ
ДИНАСТИИ

Рене Груссе присвоил восьми государям (только семеро из них носили корону), которые один за другим восходили на престол в Иерусалиме, династическое имя Арденн-Анжу, которое идеально подходит для этих персонажей, чьи семейные связи были достаточно запутанными. Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, был сыном графа Булонского и Иды, дочери Готфрида III Горбатого, чьим наследником он стал. Его брат Балдуин I, сменивший Готфрида на иерусалимском троне, умер бездетным, и наследство перешло к кузену двух первых государей, который сам не принадлежал к булонско-лотарингской семье — Балдуину II де Бурку, сыну графа де Ретеля и Мелизинды де Монлери¹. Балдуин II выдал замуж свою дочь Мелизиду, родившуюся от брака с армянкой Морфией, за графа Фулька Анжуйского. Двое сыновей Фулька сменили друг друга на троне: Балдуин III, женившийся на византийской принцессе Феодоре Комниной, не оставил после себя наследников. От брака его брата Амори I с Агнессой де Куртене родились сын и дочь, Сибилла; от второго брака Амори с Марией Комниной на свет появилась еще одна дочь, Изабелла. Амори наследовал его сын Балдуин IV, и эфемерное царствование Балдуина V Дитяти, сына Сибиллы и Вильгельма Монферратского, завершило династическую историю иерусалимского королевского дома.

Короли этой «династии» сильно отличаются друг от друга. Готфрид Бульонский остался легендарным героем лотарингского эпоса, «рыцарем с лебедем», чьи подвиги воспеты в цикле героических песен. В истории его образ мало отличается от легендарного: необычайно сильный — он отрубил ударом меча голову верблюду по просьбе одного арабского эмира, пораженного подобным деянием, — герцог Нижней Лотарингии был очень благочестив (клирики из его окружения жаловались на то, что он подолгу простаивал в церкви, пока остывал завтрак), простым в поведении: хорошо известна история с арабами, которые с изумлением увидели, как завоеватель Святого Града сидит прямо на полу своего шатра, без охраны и помпезности. Его смирение граничило со слабостью; он отказался от королевского титула и подчинился патриарху. Один бельгийский историк даже решился назвать свою недавно вышедшую статью

¹ Обычно Балдуина II называют Балдуином де Бургом. На самом же деле (в Ассизах его именуют «Балдуином дю Борком») его имя происходит от замка Бурк (Арденны, кантон Вузьер), располагавшегося в графстве Ретель.

«Был ли Готфрид Бульонский заурядным?»¹. На деле же его отвага в бою свидетельствует о несомненной энергии: он сумел стать правителем Иерусалима, несмотря на противодействие графа Тулузского, который уже чувствовал себя его государем...

Брат Готфрида, Балдуин, был совсем иным человеком: более заботясь о представительности, чем Готфрид, он умел окружить себя роскошью, чтобы подчеркнуть величие, соответствующее его высокому рангу. Младший сын в семье, в юности он предназначался для церковной карьеры, что позволило ему совмещать клерикальную культуру с неистовостью и алчностью — чертами, свойственными ему как барону. Рене Груссе провозгласил этого ловкого и коварного политика «основателем Иерусалимского королевства»: в течение своего царствования (18 июля 1100 г. — 2 апреля 1118 г.) Балдуин подчинял все своей королевской воле, не будучи особенно разборчив в средствах, что очень четко прослеживается на примере его брачных отношений — в личной жизни Балдуин вообще не имел ничего общего с достойным Готфридом: женившись в 1098 г. на Арде, армянке, он избавился от жены под первым же предложением, когда поменял графство Эдессу на королевство, где процент армянского населения был менее значительным. Вскоре он женился вторично, на графине Аделаиде Сицилийской, привлеченный ее солидным приданым, и, обвиненный в двоеженстве, отослал супругу обратно, после того как растратил все ее богатства (август 1113 — апрель 1117 гг.). Этот довольно неприятный развод имел династические последствия: статья брачного договора, по которой королевство должно было отойти к Рожеру Сицилийскому, сыну Аделаиды, была аннулирована.

Напротив, Балдуин II оказался более благочестивым, чем его предшественник. Сам также женатый на армянке, Морфии, он всю жизнь хранил ей безупречную верность. Скорее ловкий, чем жестокий, более осторожный, чем Балдуин I — что не помешало ему дважды попасть в плен к мусульманам, Балдуин II был более экономным и меньше пристрастен к роскоши. Как и его предшественники, он был воспет в рыцарских романах северной Франции, для которой крестовый поход был чем-то вроде национальной легенды: именно в валлонских землях после «Рыцаря с лебедем» увидел свет роман «Балдуин де Себурк», где на свой манер повествуется о подвигах Балдуина II². В лице Готфрида и обоих Балдуинов, иерусалимский трон попал к семье могущественных вассалов империи, хоть и разговаривавших на валлонском языке; и то, что эти вассалы были лотарингцами или брабантцами, отразилось на институтах королевства, например, на процедуре инвеституры знаменем, которое принял

¹ Статья Н. Glaesener в *Revue d'Histoire Ecclesiastique*. Т. XXXIX, 1943.

² E. R. Labande. *Etudes sur Baudouin de Sebourc, chanson de geste: légende poétique de Baudouin II du Bourg, roi de Jerusalem*. P., 1940.

Жослен де Куртене, когда Балдуин II даровал ему графство Эдесское¹: это была характерная черта императорских институтов — передача знамени германским императором символизировало пожалование крупного имперского лена одному из вассалов.

После смерти Балдуина II, который перед своей кончиной 21 августа 1131 г. принял монашеский постриг, маленькое восточное королевство (оно в какой-то степени походило на западные «княжества», герцогства или графства, которые позднее назовут пэрствами) перешло к представителю еще одного могущественного феодального рода. Фульк V Анжуйский, которого король Франции Людовик VI предложил посланцам Балдуина II на роль мужа дочери Иерусалимского короля, проявил себя при жизни тестя послушным зятем: хотя он и был владельцем одной из самых крупных бароний Франции и за двадцать лет своего правления (1109—1129 г.) сделал графство Анжуйское настолько могущественным, что его сын Жоффрау Плантагенет смог начать завоевание Нормандии и Англии. Благочестивый, верный и добрый, этот суровый правитель сумел показать себя в битве не только храбрым, но и осторожным, и его знакомство со Святой Землей, где он жил в 1120—1121 гг. и в 1129—1131 гг., позволило ему приобрести опыт в сложной игре, какой была восточная политика, и применить этот опыт в течение своего царствования (1131 — ноябрь 1143 гг.).

Его старший сын Балдуин III сумел показать себя одновременно «Плантагенетом Востока» (разве он не был сводным братом Жоффрау?) и дальновидным «пуленом». Величественный и приветливый, благочестивый и человечный, образованный и всегда уважающий обычное право, по которому жило королевство, Балдуин стал, по выражению Р. Груссе, «образцом Иерусалимского короля XII в.». Его брат Амори I (10 февраля 1163 — 11 июля 1174 гг.), был образован так же, как и Балдуин, но являлся более суровым; более сосредоточенный, скорый на насилие, он стал одним из самых энергичных королей и дальновидных политиков.

Но на Балдуине IV (1174 — март 1185 гг.) история Иерусалимских королей закончилась трагедией. Воспитаннику Гильома Тирского, необычайно образованному, Балдуину исполнилось всего лишь тринадцать лет, когда умер его отец. «Сообразительный и живой, несчастный ребенок очень рано заболел проказой, которая терзала его на протяжении всего царствования, превратившись в длительную агонию. Но он перенес ее верхом на коне, лицом к врагу, полностью осознавая свое королевское достоинство, долг христианина и ответственность за корону в те трагические часы, когда драма короля разыгрывалась вместе с драмой королевства. Когда болезнь усилится и прокаженный больше не сможет сесть в седло, он прикажет нести себя на поле боя на носилках, и

¹ G. T. P. 517.

появление этого умирающего заставит отступить Саладина». Необходимо еще раз вспомнить эти волнующие строки, которые Р. Груссе посвятил подростку, сумевшему соединить святость с энергией. «Этот прокаженный ребенок заставил всех уважать свою власть», — с восхищением вскричал мусульманский хронист в «Книге двух садов»¹ признав, что нет другой столь прекрасной фигуры, чем этот юный государь, терзаемый болью и героически ее переносивший. Но последние годы правления Балдуина IV, в час, когда ослепший и больной проказой король больше не сможет справляться со своим опасным окружением, пробьют похоронный колокол по франкской монархии. После его смерти франкской монархии суждено будет исчезнуть, и королевство переживет своего короля лишь на несколько лет.

Поэтому можно считать, что Арденн-Анжуйская династия правила Святой Землей с 1090 по 1185 г. (исключая царствование Балдуина V), и в этот период латинское королевство познало апогей своего развития.

I ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД И РОЖДЕНИЕ ЛАТИНСКОГО КОРОЛЕВСТВА

27 ноября 1095 г. папа Урбан II, изгнанный антипапой Гвибертом из Италии, взял слово на соборе, созванном им десятью днями ранее в оверньском городе Клермоне. В прочувствованной речи он напомнил своей пастве о трагическом положении христианского мира, которому угрожало распространение ислама — как в Испании, где высадка Альморавидов (с 1086 г.) обрекла на провал Реконкисту, так и на Востоке. Турки-сельджуки за несколько лет овладели Арменией (1048—1064 гг.) и византийской Анатолией (1071—1084 гг.). Захватив Антиохию (1085 г.), они выдворили византийцев из Сирии: опасность стала грозить даже Константинополю, когда турки, несмотря на все усилия нового императора Алексея Комнина, достигли берегов Мраморного моря. Особенное внимание папа обратил на губительные последствия этого наступления для Святой Земли: там не только систематически чинились препятствия паломникам (яковитский патриарх Михаил Сириец давал точные сведения на этот счет), но даже Иерусалим, захваченный турками у фатимидского халифа Египта в 1071 г., отбитый египтянами и снова попавший в руки турок в 1076 г., был жестоко разграблен. Чтобы избавить Святую Землю от тяжких испытаний, папа предложил баронам вступить в

¹ R. H. C., *Historiens*, IV, P. 258. В своей «Истории крестовых походов» Рене Груссе нарисовал великолепные портреты этих государей, к которым мы отсылаем читателя.

армию, которой должен был командовать его легат, епископ дю Пюи Адемар Монтейский, и двинуться освобождать Гроб Господень¹.

Призыв папы был услышан: необычайное воодушевление охватило толпу, присутствовавшую на соборе, и распространилось повсюду, и особенно к югу от Луары, где папа лично его поддерживал. Под руководством Адемара и графа Тулузского Раймунда Сен-Жильского почти вся «провансальская» знать — от графа Фореза до графа де Ди, Гильема де Монпелье и Гастона Беарнского — «приняла крест» (1095—1096 гг.). Однако и другие земли не остались в стороне: брат короля Франции, Гуго де Вермандуа выступил в поход с графом Этьенном Блуасским и виконтом Меленским, Гильомом Плотником, одним из героев «крестовых походов в Испанию». Герцог Нормандии Роберт Коротконогий последовал их примеру, а граф Фландрии Роберт II увлек своих вассалов по пути, которым проследовал его отец десятью годами ранее. Но один из самых крупных отрядов вышел из валлонских и булонских земель во главе с герцогом Нижней Лотарингии Готфридом Бульонским, его братьями Евстахием, графом Булони, и Балдуином, графом Эно и Туля. Наконец, в дорогу пустились отряды, куда менее организованные, состоявшие часто из беспокорных бойцов: булонские корсары или пираты Гинемера (предшественника Евстахия Монаха, который будет терроризировать Ла-Манш в XIII в.) с фламандскими, фризскими и антверпенскими кораблями, — и народные толпы, которые возглавили проповедник Петр Отшельник, рыцари Вальтер Неимуций, Вальтер Теккский, граф Тюбингена, Фолькмар, Готшалк, Эмихо Лейзингенский. В то время как бароны готовились к экспедиции, эти отряды фанатиков, родом в основном из Рейнских земель, да пятнадцать тысяч французов, частью были перебиты во время своих грабежей в Венгрии и Византийской империи. Алексей Комнин попытался использовать этих людей или по крайней мере, ограничить их злодеяния, но участники народного крестового похода, бросившись на приступ Никеи, были перерезаны турками 21 октября 1096 г. подле Цивитота: из двадцати пяти тысяч, пришедших в Византию, спаслось лишь три тысячи человек.

«Регулярные» армии, обладавшие лучшей организацией и командным составом, пустившиеся в путь немногим позже, также включали в себя значительное количество небоеспособных людей. Их численность известна хуже: примерно шестьдесят тысяч воинов и столько же прочих участников: пилигримов, женщин, прислуги²? Готфрид Бульонский и «лотарингцы» двинулись по суше,

¹ R. Grousset. Histoire des croisades. T. I, P. 1—4. Папы также рассматривали войну, которая велась в Испании, как крестовый поход, но когда Пасхалий II узнал о том, что испанские рыцари взяли крест, дабы отправиться в Сирию, то запретил им в письме от 14 октября 1100 г. продолжать эту затею.

² La Monte. P. 138: 60 000 участников, из них 10 000 бойцов. См. W. Porges. The clergy, the poor and the Non-Combattants in the First Crusade//Speculum, XXI.

через Германию, Венгрию и Византийскую империю; граф Тулузский спустился по долине По, дошел до Хорватии, полузависимой от Византии, где на его долю выпало немало невзгод, равно как по пути через Македонию и Фракию. Наилучший маршрут — через Бриндизи, Дюраццо и Салоники — незадолго до Раймунда проделал Гуго де Вермандуа, который потерпел кораблекрушение при переправе через Адриатическое море и был осмеян византийцами за свою спесь, когда оказался на берегу без гроша в кармане — и за уверенность в своем необычайно знатном происхождении, хотя в глазах подданных Василевса брат короля Франции мог быть только вождем варваров. Затем той же дорогой проследовали норманны из Южной Италии, во главе с Боэмундом Тарентским и его племянником Танкредом, армия которых была немногочисленной, но очень дисциплинированной и знакомой с Востоком. Вслед за ними промаршировали воины Роберта Нормандского и Этьенна Блуасского, потрепанные в Риме сторонниками антипапы.

Алексей Комнин пришел в замешательство, узрев толпы крестоносцев: в его войске уже служили латинские наемники, и он был хорошо знаком со строптивостью норманнов и «франков». То, что они хотели захватить Палестину, делало их нашествие несхожим с набегами, с которыми раньше приходилось сталкиваться императору: для него это был неожиданный шанс отбросить турок от Малой Азии и Сирии. Но он боялся, что крестоносцы атакуют Византию, прельстившись ее роскошью: действительно, лотарингцы разграбили город Селимбрию и объявили о намерении штурмовать столицу, когда им прекратили поставку продовольствия. После длительных переговоров (23 декабря 1096 — апрель 1097 гг.) Алексею удалось нанести Готфриду поражение, которое принудило герцога Нижней Лотарингии подчиниться. Сицилийские норманны, самые грозные противники, подошли к тому моменту, как император переправил лотарингцев на азиатское побережье с целью избегнуть опасной концентрации крестоносных войск: но они вели себя необычайно корректно. Провансальцы, выведенные из себя столкновениями на пути, были опасны: они разграбили Роццу, но были потрепаны под Родосто. Проход «французов» произошел без осложнений.

Алексей вознамерился превратить крестоносцев в имперские войска, продемонстрировав, что земли, через которые лежал их путь, хоть и захваченные к тому моменту турками, вовсе не являлись ничейными. Он потребовал от латинян клятву верности и обещания вернуть империи все территории, которые ей ранее принадлежали. Готфрид и все крупные бароны в конце концов принесли клятву, кроме Танкреда и графа Тулузского, который отказался признать Алексея своим господином, по крайней мере, пока тот не вступит в ряды крестоносного воинства; в результате Раймунд всего лишь обещал не причинять никакого вреда Василевсу. Всех, кто принес клятву верности, император осыпал подарками; им выдали плату и обеспечили поставку продовольствия до Анатолии. Правда, Боэмунд стремился добиться большего: он хотел стать вассалом Алексея либо в

качестве великого доместика Востока (титул, который принимал командующий византийской армии в Азии), либо в качестве владельца какого-либо фьефа в Азии — это свидетельствует, что у этого итальянского норманна уже родилась мысль осесть в Леванте. Алексей обещал дать ему фьеф за пределами Антиохии (то есть рядом с Алеппо и Дамаском, землями, которые были завоеваны арабами в VII в. и никогда не возвращались к империи) размером в четырнадцать дней пути на восемь дней, своеобразную мусульманскую марку, которая была бы выгодна византийцам — но это была бы точно такая же марка, как и та, где норманны, приглашенные византийцами, основали итальянское княжество, и, в конце концов, изгнали как мусульман, так и своих византийских союзников...

В сопровождении византийского корпуса под командованием Татикия крестоносцы осадили Никею, столицу сельджукского султаната в Анатолии: 26 июня 1097 г. Никея вновь, более чем на два столетия, стала византийским городом. После первого успеха латиняне направились в малоазиатские степи, где 1 июля все силы анатолийских турок внезапно обрушились на один из двух их отрядов, который возглавляли Боэмунд и Роберт Коротконогий. В критический момент норманнов выручил подоспевший Готфрид Бульонский с остальной армией, и сражение при Дорилее обернулось поражением для турок, чья привычная тактика (обстрел из луков издали) оказалась бесполезной перед все сметающей на своем пути атакой тяжелой кавалерии франков и их стойкостью. Однако франкская кавалерия скоро стала таять: в песках Фригии погибли все лошади с Запада. Турки оставляли после себя «выжженную» землю, и даже взятие франками Кони (Икония, 15 августа 1097 г.) не улучшило ситуации с продовольствием. Трава для лошадей попадалась лишь изредка, и после победы при Геракее (10 сентября) крестоносное войско разделилось на два корпуса: один под командованием Танкреда и Балдуина Булонского двинулся в Киликию, второй — на север, где занял Цезарею (Кесарию), возвращенную византийцам вместе с Команой (там остался франко-византийский гарнизон во главе с Пьером д'О (d' Aups). После этого отряд спустился до Мараша (октябрь 1097 г.) и подошел к Антиохии. В то же время Танкред и Балдуин пребывали в Киликии, где надеялись выгадать для себя помощь армянских вождей. Они выгнали турок, но в конце концов поссорились, и оба покинули регион, в котором Танкред и Гинемер Булонский, действуя в пользу Балдуина, оставили несколько гарнизонов. Сам Балдуин по зову армянских вождей вновь вернулся в Эдессу, где его как родного сына принял владелец города армянин Торос, от которого граф Булонский не замедлил избавиться — или ему в этом помог народный мятеж. Балдуин привел с собой только 80 рыцарей, но вскоре разрозненные воины, из тех, кто ранее потерял коней, постепенно подтянулись к Эдессе, где в конце концов их набралось около двух сотен.

В то время как рождалось будущее графство Эдесское (март 1098 г.), остальные крестоносцы осаждали Антиохию. Осада огромного сирийского го-

рода началась 20 октября 1097 г. и продлилась до 3 июня 1098 г. Хотя разлад в среде мусульманских вождей этого региона и облегчил крестоносцам задачу, они столкнулись с необыкновенно мощными укреплениями: осада была очень сложной уже из-за одной протяженности крепостных стен. Несмотря на то, что Раймунд Сен-Жильский предложил предпринять штурм в первые же дни, туркам хватило времени опомниться. Их рейды, прикрывавшие обозы с продовольствием для поддержания города, постоянно тревожили крестоносцев и мешали сообщению с булонской и византийской (состоявшей из английских судов под командованием последнего англо-саксонского короля Эдгара Этелинга, поступившего на службу к Василевсу) эскадрами, которые стояли в портах Сан-Симеона и Лаодикеи. В одной из таких вылазок турки, напавшие на Раймунда и Боэмунда, которые направлялись к Сан-Симеону, потерпели поражение (6 марта 1098 г.). Но в христианском лагере по-прежнему царил голод, так как турки не прекращали препятствовать подвозу продовольствия. Одна колонна, вверенная Боэмунду и Роберту Фландрскому, направилась в поисках фуража в среднюю долину Оронта: там крестоносцы наткнулись на турецко-арабскую армию, двигавшуюся из Хомса и Дамаска на помощь Антиохии. Боэмунд и Роберт одержали победу и помешали снятию осады, но в лагерь вернулись с пустыми руками (31 декабря 1097 г.). В условиях усилившегося голода, когда одни крестоносцы гибли, другие (как Петр Отшельник) дезертировали, Боэмунд спровоцировал уход византийского командира Татикия, присутствие которого мешало его планам в отношении Антиохии. Тогда мусульмане из Алеппо решились атаковать ослабленную армию: но, несмотря на численное превосходство нападавших, битва закончилась для них таким разгромом, что в бегстве они оставили франкам крепость Харим (9 февраля 1098 г.). Антиохийцы, сделав вылазку, не смогли соединиться с алеппской армией, а постройка крестоносцами многочисленных фортов затруднила поставку продовольствия в город, который снабжали даже христианские крестьяне этой области.

В конце концов, Боэмунд завязал отношения с отступником — армянином из города, который пообещал сдать ему крепостную башню. Норманн продолжил переговоры только после того, как заставил всех баронов уступить ему Антиохийскую сеньорию: эта договоренность становилась недействительной только в случае оказания помощи крестоносцам Алексеем Комниным. Один Раймунд Сен-Жильский, который хотел оставить город себе, отказался от сделки. Боэмунд, не обратив на него внимание, добился сдачи башни, и весь город попал в руки франков, за исключением цитадели, которая находилась на самом высоком участке крепостной стены (а не в центре, как франкские донжоны; таким образом, цитадель сохранила сообщение с внешним миром). В этот момент «Карборан» (Курбука или Кербога, правитель Мосула), подошел с огромной армией, которая в течение месяца напрасно осаждала Эдессу; крестоносцы едва успели укрепиться в городе. 5 июня началась вторая осада

Антиохии, но теперь уже воины огромной мусульманской коалиции, превосходившие числом своих противников, установили полную блокаду. Тем не менее несколько крестоносцев смогли бежать из окружения: Этьенн Блуасский и Гильом Меленский присоединились в Анатолии к византийской армии, которая шла на помощь латинянам, а после их ложных заверений повернула обратно к Алексею Комнину. Осада продолжалась, голод царил в городе, которому грозила опасность как снаружи, так и со стороны цитадели, откуда турки делали вылазки в глубь антиохийских улочек.

Чудесная находка воскресила боевой дух христиан. Провансалец Пьер Бартеlemi, озаренный видением, приказал начать раскопки в храме Св. Петра, откуда извлекли Св. Копье, которым был поражен в бок распятый Христос (14 июня 1098 г.). 28 июня франкская армия без помех построилась вне крепостных стен, так как в мусульманском лагере, охваченном распрями, и не подумали помешать ее выходу. Победоносный бросок Боэмунда разнес турецко-арабскую армию: она была рассеяна, а захваченная добыча — огромна. Захват всех продовольственных запасов Кербоги позволил крестоносцам надолго забыть о голоде, и цитадель сдалась Боэмунду¹.

Однако крестоносное воинство завязло в антиохийском регионе. Идея основать постоянные государства на Востоке постепенно овладевала умами крестоносцев. Для итальянских норманнов, Боэмунда и Танкреда, принадлежавших к многочисленной семье Танкреда Отвильского, было привычным делом основывать новые княжества в пределах или за пределами Византийской империи. Помимо этих авантюристов или младших сыновей в семье, не получивших наследство, как Балдуин, брат Готфрида, которых жажда завоеваний влекла столь же сильно, что и благочестивая цель крестового похода, другие князья покинули Запад без надежды на возвращение. В их числе был Раймунд Сен-Жилльский, поклявшийся не возвращаться на свою родину и всю жизнь посвятить защите Гроба Господня. Готфрид Бульонский также руководствовался подобными мотивами: прежде чем покинуть свою отчизну, он «ликвидировал» свое герцогство Нижнюю Лотарингию, продав епископу Льежскому свои родовые владения в Арденнах, включая Бульон. Его огромный фьеф унаследовал Генрих Лимбургский². Взятие Антиохии, добытой с таким трудом,¹ разожгло аппетиты некоторых из этих сеньоров, не желавших, чтобы их усилия пропали втуне, и Раймунд оспорил у Боэмунда право владеть этим

¹ В песнях о крестовом походе говорится, что «Корбаран» якобы сделался христианином после своего поражения: Готфрид же якобы женился на его сестре Флори.

² С Готфридом семья графов Верденских и Булонских потеряла герцогство Нижней Лотарингии, которое сначала было пожаловано Генриху Лимбургскому, а в 1106 г. — Готфриду Бородатому, графу Лувенскому; на самом же деле, обширное герцогство распалось: древняя Лотарингия оказалась поделена на герцогства Лимбургское, Брабантское, графство Эно.

городом. Шесть месяцев крестоносцы провели в Антиохии, якобы ожидая, пока придет вновь призванный Алексей Комнин и спадет сильная жара (от которой погибло много народу и, прежде всего, Адемар Монтейский), — а на самом деле, пытаясь разрешить конфликт между Боэмундом и Раймундом. В результате крестовый поход распался: много рыцарей и пехотинцев ушли в Эдессу к Балдуину — среди них были Дре де Нель, Ренард Тульский и Фульхерий Шартрский — и 500 рыцарских фьефов, составивших позднее графство Эдесское, демонстрируют, сколь значительное кровопускание перенесло войско крестоносцев. Другие поверили в счастливую звезду Боэмунда (большинство норманнов из Италии?). Готфрид Бульонский воевал в интересах своего брата; но Раймунд Сен-Жильский прежде всего стремился создать в регионе Апаimei маленькое провансальское княжество, опиравшееся на крепости Альбару и Маарат (Маара). Здесь должен был сформироваться во главе с епископом Пьером Нарбоннским провансальский центр, также потребовавший присутствия военного отряда, правда, совсем слабого: когда крестоносцы вновь двинулись в поход, гарнизон Альбары состоял всего лишь из семи рыцарей¹.

Действительно ли поход, начатый в далеком Западе, расплылся в северной Сирии? На это рассчитывали египетские Фатимиды, владыки Иерусалима, когда начали переговоры с византийским императором — который думал точно так же — и с самими франками. Жители Востока считали, что эта византийская экспедиция остановила натиск турецкой экспансии: после захвата Антиохии о ней более ничего не было слышно. Но паломники придерживались иного мнения: они бросили домашний очаг, истратили все сбережения и испытали столько тягот вовсе не ради того, чтобы сделать Боэмунда сеньором Антиохии, а Раймунда Сен-Жильского — владельцем Маарата. В рядах крестоносцев начался бунт, и Раймунду скрепя сердце пришлось обещать пуститься в дорогу на юг (13 января 1099 г.).

Различные арабские княжества, которые встречались по пути, вступали в соглашение с крестоносцами, предоставляя продовольствие. После Шейзара войска дошли до Триполи, минуя будущий Крак де Шевалье. Но богатства княжества Триполийского прельстили Раймунда; еще раз крестовый поход застрял под стенами Аркаса, который осаждали с 14 февраля по 13 мая 1099 г., тогда как отряд провансальцев направился штурмовать прибрежные города Мараклею и Тортосу. В свою очередь, Готфрид и Танкред, не принимавшие участия в походе на юг, осадили Джабалу, другой прибрежный городок. По воле случая крестоносцы собрались под стенами Аркаса, и Готфрид с Танкредом, до того момента состоявшие на жаловании у Раймунда, заставили графа Тулузского снять осаду и не дожидаться подхода императора Алексея, назначенного на июль. Новое видение Пьера Бартелеми не увенчалось успехом, и нужно было двигаться дальше.

¹ См. нашу статью: Note sur l'archidiocèse d'Арапие // Syria, XXV, p. 103.

Турки же только что потеряли Иерусалим, вновь отбитый египтянами 26 августа 1098 г. Египтяне предложили крестоносцам свободный пропуск для паломников. Бароны отвергли сей дар и решили захватить Святой Град у его новых хозяев. Получая продукты из прибрежных городов, латиняне заняли Рамлу (3 июня 1099 г.) и отрядили к Вифлеему отряд из ста рыцарей во главе с Танкредом и Балдуином де Бурком. Первый из «святых городов» был захвачен. 7 июня войска подошли к Иерусалиму, который был тут же осажден. Армия крестоносцев в тот момент состояла из 40 000 человек, 20 000 из которых были пехотинцами, а 1500 — рыцарями. Все бароны, хотя каждый из них позаботился продать или заложить свои владения перед выступлением в поход, оказались без денег: лишь граф Тулузский был в состоянии оплатить работу плотников и каменщиков, смастеривших военные машины, и взять на содержание рыцарей без средств к существованию¹. Несмотря на всевозможные трудности, нехватку питьевой воды, дерева и рабочих, специалистов по постройке военных машин, дело быстро пошло на лад. Шесть латинских кораблей прибыли в захваченную Яффу, и моряки стали плотниками; вновь отыскивали брусья для машин, использовавшиеся в предыдущем году. Казалось, что само провидение покровительствовало крестоносцам, религиозный пыл которых был необычайно высок. 14 июля 1099 г. штурм начался, и уже на следующий день, к двенадцати часам, Готфрид Бульонский одним из первых взобрался на городские стены. В городе лишь два очага сопротивления держались некоторое время — стена Харам-аш-Шериф (где находилась мечеть Омара, прозванная также Кубба и Захра, и храм Соломона или мечеть Аль-Аксар) и цитадель или башня Давида. Стена Харам была захвачена, а ее защитники вместе с укрывшимся в мечети населением были перебиты. Танкред захватил мечеть Омара и ее сокровища и пытался сохранить арабов для выкупа, но его пленные были умерщвлены. Только вечером 15 июля цитадель сдалась Раймунду, обещавшему препроводить ее гарнизон до Аскалона, что и было сделано. Арабское и еврейское (христиан изгнали из города до этого) население было почти полностью уничтожено победителями, выведенными из себя оскорблениями, которые жители адресовали процессии крестоносцев, обходившей город до штурма.

Крестовый поход увенчался успехом: Иерусалим был освобожден от ярма мусульман спустя пять веков тяжелой оккупации². Но чтобы закрепить этот

¹ С. Т. Р. 329.

² Гильом Тирский поведал о гонениях, которым подвергались христиане в Иерусалиме. Еще в 1063 г., когда потребовалось восстановить крепостные стены, ввиду угрозы нападения со стороны турок, фатимидские чиновники так сильно стали притеснять христиан, что Василевсу Константину Мономаху пришлось вмешаться по дипломатическим каналам и выслать денег, чтобы их поддержать (Р. 392). — Об убийстве Иерусалимских евреев см. J. Darmesteter. *L'Apocalypse persane de Daniel* // *Bibl. Ecole des hautes Etudes*. Т. 73. 1887, где описывается, какой резонанс произвела эта бойня.

успех, следовало организовать защиту Святого Града. Задача была необычайно важной: Роберт Нормандский, Роберт Фландрский, Евстахий Булонский, множество провансальцев желали вернуться домой как можно быстрее. Когда Готфрид Бульонский принял бразды правления Святой Землей, более двадцати тысяч крестоносцев пустились в путь на север. Численность отрядов, которыми Готфрид располагал в Иудее, а Танкред — в Самарии, не превышала три сотни рыцарей и две тысячи пехотинцев; кровопускание, которому армия крестоносцев подверглась в Сирии, бреши, образовавшиеся в ее рядах из-за голода, мора и боев, были весьма ощутимы. Крестовый поход часто представляют как экспедицию неимущих рыцарей и разорившихся крестьян. Некоторые старались связать этот массовый исход с экономическим кризисом, вызванным усовершенствованием запряжки, в свою очередь, спровоцировавшим огромную безработицу: однако почему-то, к несчастью для Иерусалимского королевства, таких авантюристов прибывало совсем немного!

Эта нехватка войск будет ощущаться долгие годы. Шанс возместить потери появился при новости о взятии Иерусалима, когда множество новых крестоносцев пустились в дорогу. Одна армия ломбардцев, усиленная немецкими и бургундско-шампанскими подразделениями — ее численность, по сведениям авторов, колебалась от 50 000 до 160 000 человек — прибыла в Константинополь, где Василевс назначил их предводителем Раймунда Сен-Жильского. Куда более беспорядочной толпой, чем первое крестовое воинство (где совет крупных баронов после смерти Адемара Монтейского осуществлял настоящее командование), эта армия направилась на северо-восток, захватила у турок Анкару (23 июня 1101 г.) и была разгромлена около Амазии 5 августа 1101 г. Спаслись только три тысячи человек во главе с Раймундом Сен-Жильским, графами Бургундским и Блуасским и имперским коннетаблем Конрадом. Отзвуком этого разгрома послужило истребление двух других армий: великолепный бургундский отряд под командованием Гильома графа Неверского и Оксеррского (15 000 человек), который двинулся на юго-восток через Анкару и Иконий, был окружен и уничтожен при Гераклее (август 1101 г.)¹. Гораздо менее дисциплинированная армия Гильома де Пуатье, Вельфа Баварского и Иды, маркграфини Австрийской, обремененная небоеспособными паломниками, благодаря чему ее численность достигала 60 000 человек, была разгромлена в том же месте в начале сентября. Гильом Вельф в одиночестве добрался до Антиохии. Сопровождавший его Гуго де Вермандуа скончался от ранений. Из двух сотен мужчин и женщин,

¹ Среди уцелевших в этом крестовом походе, где между прочими погибли сеньоры де Туси Итьер и Гуго, числились Гильом де Невер и граф Шалона Гуго де Донзи, который продал свой фьеф, чтобы отправиться в Святую Землю. Герцог Бургундии Эд I также погиб в 1101–1102 гг. на Востоке.

взявших путь на Иерусалим, почти никто не уцелел. Эта катастрофа тяжело сказалась на франкской Сирии, где надеялись увидеть их целыми и невредимыми, чтобы расселить в завоеванных землях.

Еще одно последствие этой нехватки военных сил описывает Фульхерий Шартрский, повествуя о постоянных заботах окружения Балдуина I, при котором он состоял капелланом, — недостаток лошадей. В песках Анатолии, теснинах Фороса, из-за летнего зноя Сирии, голода и баталий пало неисчислимое количество рыцарских коней, и захваченная добыча не могла восполнить их потерю. Кроме того, даже если спасшиеся после разгрома новых крестоносных армий рыцари все равно представляли бы собой ощутимую поддержку, то их уже нельзя было использовать в боевых действиях с надлежащим эффектом: ведь они утратили своих лошадей, а новых для них невозможно было достать. Те же рыцари, кто прибыл морем, не позаботились привести коней с собой. Когда Балдуин I задумал усилить свою армию, то приказал вассалам вооружить оруженосцев как рыцарей, но только если у них будет такая возможность. Сила франкской армии заключалась в ее кавалерии, но рыцаря нужно было обеспечить конем и оружием, причем конь должен быть достаточно крепким, чтобы вынести тяжеловооруженного всадника во время атаки: поэтому почти революционное нововведение Балдуина не увенчалось полным успехом¹. И Фульхерий, повествуя о сражениях, акцентирует внимание не столько на рыцарских подвигах и числе убитых, сколько на захваченных лошадях: по его словам, в той битве, где погиб Гуго Тивериадский (1106 г.), было убито две сотни воинов из Дамаска «и захвачено столько же лошадей». В 1107 г. трое рыцарей было убито в сражении, с прискорбием отмечает Фульхерий, а египтяне захватили у франков несколько лошадей. Но франки, в свою очередь, отбили коней в два раза больше, что в глазах нашего хрониста было достаточным, чтобы приписать победу христианам².

В результате первого крестового похода на сирийской земле была образована западноевропейская колония, которая состояла всего из горстки рыцарей и поселенцев. Потребовалась длительная борьба, чтобы удержаться до подхода подкреплений, для которых сухопутный путь отныне был закрыт, а морской путь — необычайно долог. Только гораздо позднее приток иммигрантов позволил Фульхерию Шартрскому написать свой «колониальный манифест» и воспеть в нем рождение франко-сирийской нации³. До этого же момента

¹ Foucher, ed. Hagenmeyer, P. 408 (1101) «pro eo quod militum eramus egentes, monente rege, quicumque potuit de armigero suo militem fecit».

² Ibid., P. 390, 428, 450, 510, 518...

³ Люди с Запада, мы превратились в жителей Востока. Вчерашний латинянин или француз стал в этой стране галилеянином или палестинцем. Житель Реймса или Шартра теперь обратился в сирийца или антиохийца. Мы позабыли свои родные земли, где родились:

(около 1120 г.) «франки» в обстановке тревоги и жесточайших боев удерживали за собой захваченные территории, пока их позиции не настолько окрепли, чтобы смогло произойти настоящее рождение латинского королевства.

II КОРОЛИ ВАВИЛОНА, АЗИИ ИЛИ КОРОЛИ ИЕРУСАЛИМА (1099—1154)?

Первый крестовый поход закончился, и два барона уже пустились в обратный путь, а Готфрид и его помощник Танкред, которым была вверена защита Святых мест, принялись собирать вокруг Иерусалима зависимые от него земли. Но едва Танкред и Евстахий Булонский к уже захваченным портам Яффе и Рамле добавили Наблус, сдавшийся без боя, как Готфрид Бульонский известил их о неизбежности египетского нападения: вспомогательная армия, посланная фатимидским халифом на выручку Иерусалиму, прибыла в Аскалон и приготовилась идти к Святому Граду. Но было слишком поздно или, скорее, слишком рано: крестоносное воинство еще не распалось окончательно. Сначала Роберт Нормандский и Раймунд Тулузский отказали в помощи Готфриду, посчитав, что их содействие требуется ему лишь для захвата нескольких крепостей. Но, узнав о реальной опасности, эти двое баронов без колебаний присоединились к лотарингской и фландрской армиям. После победоносного броска египетская армия, застигнутая врасплох на рассвете, была рассеяна и уничтожена под стенами Аскалона (12 августа 1099 г.). Латиняне тотчас же начали осаду этого города, и египтяне, уstraшенные бойней в Иерусалиме, помышляли только о капитуляции. Зная лояльность Раймунда Сен-Жильского по его поведению при сдаче защитников башни Давида и по рассказам аскалонских купцов, часто посещавших лангедокские порты¹ незадолго до крестового похода

многие из нас их никогда не видели, а иные даже не слышали о них. Здесь же один владеет домом и слугами с такой уверенностью, как будто это его наследственное право с незапамятных времен. Другой берет в жены не соотечественницу, а сирийку, армянку или даже крещенную сарацинку. Третий живет вместе с (местными) тестем, тещей или зятем. Один хозяин виноградника, другой — поля. Говорят же попеременно на разных языках. Каждый народ говорит не только на родном, а на ином, общем для всех, языке, и вера объединяет тех, кто раньше не знал друг друга. Ибо писано: лев и бык да будут есть из одного блюда. Иноземец стал местным жителем, переселенец — коренным обитателем. Изо дня в день наши близкие и родичи прибывают к нам, бросив все свое добро, ибо того, кто был беден там, Господь сделает богатым здесь; кто имел лишь несколько денье, тут владеет безантами без числа; кто не имел и деревни, здесь, по милости Всемогущего, получит город. Зачем же возвращаться на Запад тому, кто обрел на Востоке благополучие?

¹ Guillaume de Malmesbury, ed. Stubbs, IV. P. 457 (аскалонцы посещали Монпелье).

да, осажденные решили сдать Аскалон именно ему. Раймунд, решив создать вокруг Аскалона столь вожделенное для него княжество, простиравшееся к Египту, согласился. Однако Готфрид, увидев тулузское знамя, водруженное на крепостной стене, возмутился и потребовал, чтобы Аскалон, как город, зависимый от Иерусалима, отдали ему. Раймунд, придя в ярость от безосновательных претензий со стороны какого-то барона, которому всего лишь доверили защиту Гроба Господня, незамедлительно снял осаду вместе с графами Фландрии и Нормандии, также недовольными Готфридом, и передал аскалонцам, чтобы они продолжали защищаться. Двинувшись на север, граф Тулузский осадил Арсуф, но в тот момент, когда город был готов капитулировать, подошел Готфрид и потребовал сдать ему этот город. И снова Раймунд предложил населению города сопротивляться и ушел. Готфрид, сочтя этот поступок изменой, вознамерился атаковать графа, но его смогли отговорить.

Мы можем понять поведение Раймунда, хоть оно и оказалось пагубным для Святой Земли (поскольку Аскалон до 1153 г. оставался под властью египтян): ведь у графа отняли Антиохию, Марру, Аркас, и, наконец, выдворили из иерусалимской цитадели. Казалось, что ему просто не нашлось места на Востоке. В глазах Раймунда претензии Готфрида Бульонского были безосновательными: герцог Нижней Лотарингии был всего лишь временно назначенным сеньором Иерусалима, которому доверили защиту освобожденной церкви Гроба Господня. Вопрос о «Иерусалимском королевстве» даже не вставал, не только из-за противостояния части духовенства, но также из-за невозможности точно определить, какая именно территория должна подчиняться Готфриду. Доказательством этого служит расплывчатая титулатура первых франкских сеньоров Сирии: еще не родилась идея ограничить завоевание Иудеей, Галилеей, Финикией, антиохийской Сирией, Апамеей, Хомсом и Нижней Месопотамией (Эдессой). Будущие графы Триполи будут именовать себя «предводителями христианской армии в Азии», а будущие графы Эдессы будут мечтать о господстве над Северной Месопотамией. Успех крестового похода оправдал все надежды, и если первая волна крестоносцев распалась, то другие отряды уже выступили в дорогу, что позволяло снова придать завоеванию непрекращающийся характер. «Король латинян в Иерусалиме» (этот титул был дан Балдуину I в некоторых актах) пребывал в состоянии ожидания в этом небольшом палестинском городе. Понятны чувства патриархов Даимберта и Стефана Шартрского, желавших, чтобы государь поскорей освободил патриарший город, бывший их вотчиной (было естественным, чтобы Иерусалим принадлежал церкви, поскольку он, как Вифлеем и Назарет, являлся Святым Городом), и завоевал для себя Аскалон, ключ к Египту, или Дамаск, ключ к внутренней Сирии, откуда открывалась прямая дорога на Багдад. И действительно, Балдуин I планировал завоевание Египта: в 1104 г. он обещал пожаловать генуэзцам треть Вавилона (Каира) и три лучших поместья в Египте в тот день, когда

захватит эту землю¹. Он даже именовал себя «королем Вавилона и Азии» в 1103 г.²

В реальности, из-за отсутствия подкрепления, которое, несмотря на все ожидания, было более чем скромным, Готфрид истощил все силы под Арсуфом и прекратил осаду. Задача, которая выпала на его долю, оказалась более животрепещущей, чем завоевания, — требовалось обезопасить подходы к Иерусалиму и обеспечить его продовольственное снабжение. В то время как Танкред из Наблуса двинулся на штурм Тивериады и Бейсана, вынуждая мусульман оставить Галилею, Готфрид старался навязать свой протекторат «сарацинам» Иудеи, от Хеврона до Цезареи: блокированный им город Арсуф в конце концов согласился выплачивать подать рыцарю из окружения Готфрида, Роберту Апулийскому (25 мая 1100 г.). Укрепленная и вновь отстроенная Яффа вновь стала действующим портом для христианских купцов, прибывавших с продовольствием в Святую Землю, и паломников, стремившихся в Иерусалим. Города Аскалон, Цезарея и Акра, в свою очередь, стали выплачивать годовую подать в размере 5 000 безантов³, тогда как население внутренних областей обязалось приносить свои продукты в Иерусалим, взамен чего франки обещали не перекрывать их торговые пути. Мусульмане согласились видеть в латинянах не просто дорожных разбойников; франки же признали посредством налогообложения право на жизнь за их вчерашними противниками. Это было далеко не все.

Первым латинским государям Иерусалима предстояло выполнить множество задач: ликвидировать мусульманские анклавы в своих владениях, уничтожить пиратские гнезда, которыми являлись богатые фатимидские порты на побережье, наблюдать за набегами бедуинов на южной границе, и, в ожидании похода на Египет и Дамаск — традиционную цель франкской экспансии, — отражать наступление египтян и дамаскинцев на палестинскую Сирию.

¹ R. R., 43. См. J. Richard. Comte de Tripoli. P. 9.

² R. R. 36, 40. Roziere, № 36. P. 71 («Азиатское королевство», «королевство Иерусалима и Азии»). См.: Joseph Hansen. Das problem eines Kirchenstaates in Jerusalem. Luxembourg, 1928. P. 47, 84–85.

³ Крестоносцы, которые на Западе имели дело только с серебряными деньгами, познакомились с безантами (bisantios: византийская монета), с монетами из золота, имевшими хождение на Востоке. Первой им в руки попала византийская hyperperere, равноценная 15 су. Так же называли и сарацинский безант или фатимидский динар; по его подобию крестоносцы чеканили монету на своих монетных дворах Тира (около 1124–1127 гг.) и Акры. В одном акте 1131 г. делается различие между «bysantios perperos» и «bysantios sarracenas» (Regesta chartarum Italiae. Documenti del commercio veneziano., ed. Morozzo della Rocca et A. Lombardo. Rome, 1940. P. 65.). Один сарацинский безант, равный 9 денье «melgoriens», можно примерно приравнять к 12 золотым франкам. См. L. Blancard. Le besant d'or sarrazines. Marseille, 1880.

С реализмом, сближавшим их с первыми Капетингами (которые, не забывая о своих правах на Лотарингию, унаследованных от Каролингов, сначала постарались справиться с собственными вассалами), короли Иерусалима отложили на время свои амбициозные проекты, чтобы обеспечить защиту личных владений.

Самая большая опасность грозила Иерусалиму со стороны Каирского халифата. Фатимиды не могли отказаться от господства над Палестиной: эти повелители Египта, так же как и фараоны, Птолемеи, мамлюки и Мехмет-Али, считали Сирию частью своей империи. И боевые действия не прекращались. В 1099 г., после разгрома при Аскалоне, египетская армия была выведена из строя: чтобы завоевать Иерусалим и спасти от франков прибрежные порты, принадлежавшие Египту, каирский визирь Аль-Афдаль в мае 1101 г. прислал в Аскалон новый военный отряд и продолжал присылать подкрепления. В сентябре 1101 г. франкские «разведчики» узнали, что эта армия выступила в поход. Балдуин I, собрав свои войска — 260 рыцарей и 800 пехотинцев (вооружив как рыцарей нескольких оруженосцев), — натолкнулся в долине Рамалы на египтян и обратил их в бегство, сам при этом понеся тяжелые потери (7—8 сентября 1101 г.).

В мае 1102 г. двадцать тысяч египтян пришли в Аскалон. Получив неверные сведения, Балдуин бросился им навстречу со слабым отрядом и во второй битве при Рамле (17 мая) потерпел поражение, несмотря на проявленные в бою чудеса храбрости. Уцелевшие после сражения рыцари укрылись в Рамле, гарнизон которой состоял из пятнадцати рыцарей и уже в предыдущие дни подвергался нападению. Балдуин I спасся только благодаря одному арабскому эмиру (которому вернул жену, плененную в результате набега) и быстроте своего коня: город же был взят приступом, и все его защитники перебиты (и среди — них уцелевшие после крестового похода в Анатолию графы Бургундии и Блуа). Королю удалось добраться до Яффы по морю, а трое его рыцарей (Литард Камбрейский, Готман Брюссельский и виконт Яффаский) прибыли в Иерусалим, чтобы воодушевить обезумевшее от страха население. По пути в Арсуф Балдуин встретил восемьдесят рыцарей Гуго Тивериадского. В Иерусалиме «были мобилизованы как рыцари, так и все, кто имел коня или кобылу» (их собралось 90 человек) и две тысячи пехотинцев¹. Несмотря на блокаду египтян с моря и на суше (англичанин Годрик, который вез Балдуина в Яффу, дождался шторма, чтобы ускользнуть от вражеской эскадры), все эти войска вошли в Яффу. Прибытие большого флота с паломниками позволило усилить христианскую армию высадившимися рыцарями. В неожиданной вылазке христиане (27 мая 1102 г.) разгромили египтян. Приход франкских отрядов из северной Сирии во главе с

¹ Foucher, p. 450.

Танкредом и Балдуином де Бурком позволил даже Балдуину I произвести демонстративный поход под стены Аскалона (1102 г.).

В 1103 г. каирский двор предпринял новый натиск, но на этот раз в боевых действиях участвовал лишь морской флот, прибывший осаждать Яффу, тогда как осадный корпус остался в Аскалоне. Достаточно было уже одного известия о прибытии короля, чтобы египтяне, чьи командующие не ладили между собой, снялись с якоря и уплыли (сентябрь). На следующий год уставшие от битв Фатимиды не двигались с места, но уже в августе 1105 г. послали в Аскалон великолепную армию и добились от Дамаска вспомогательного корпуса. Благодаря случайности франки забили тревогу, и армия Балдуина раздавила мусульманскую коалицию в третьем сражении при Рамле (27 августа 1105 г.). Тогда египтяне, извлекая урок из своих поражений, решили отказаться от слишком крупных экспедиций, о которых франки узнавали заранее, и более не пытались отвоевать Иерусалим: правда, один раз попытка захватить этот город имела место с их стороны во время осады Тира (1123 г.), но, несомненно, она была совершена лишь для диверсии. Фатимиды удовлетворялись тем, что усилили гарнизон Аскалона, который сменялся два раза в год; отсюда немногочисленные отряды производили налеты на франкскую территорию, выполняя четко поставленную задачу — атаку обозов на дорогах, по которым двигались паломники, захват крестьян и урожая¹.

В 1106 г. один египетский отряд показался под стенами Яффы: кастелян Роже де Розуа потерпел поражение, которым аскалонцы воспользовались, чтобы разрушить Шастель-Арнуль, где был взят в плен Гонфруа, кастелян башни Давида. На следующий год они готовили подобную же участь Хеврону, когда были разбиты королем Балдуином. В 1110 г. аскалонский гарнизон произвел демонстративное наступление на Иерусалим, в надежде застать его врасплох. Затем наступило краткое затишье, правитель Аскалона заключил мирный договор с королем и даже впустил группу франков в город. Но в июле 1111 г. восставшие жители перебили эти три сотни латинян, а Балдуин подоспел на помощь слишком поздно. Таким образом, вместо того чтобы стать вассальным эмиратом, Аскалон по-прежнему оставался для франков источником постоянных тревожений: в 1113 г., воспользовавшись поражением франков, египтяне опустошили пригород Иерусалима; в 1115 г. они осадили Яффу. Самым опасным стал 1118 г., когда огромная армия Фатимидов и Дамаска соединилась в Аскалоне. На этот раз Балдуин II собрал все свои силы и удерживал вражескую коалицию на почтительном расстоянии в течение трех месяцев: на том

¹ Альберт Ахенский рассказывает о злоключении, постигшем одного из самых популярных баронов, Арнульфа Оденардского, который заблудился во время охоты, был застигнут врасплох и убит аскалонцами (1102 г.). Со своей стороны, франки грабили окрестности этого города в урожайное время. (Alb. Aq. IX, 51).

кампания и закончилась. Пленение турками короля, как и любой изъян в обороне королевства, воодушевило каирское правительство: Яффа подверглась тяжелой осаде, но коннетабль и бальи (регент) Евстахий Гранье набросился на египтян и в битве при Ибелене (29 мая 1123 г.) нанес им полное поражение.

Египетский флот также представлял опасность: например, в 1126 г. он угрожал всем прибрежным портам и попытался высадить десант около Бейрута, но потерпел неудачу; с 1150 до 1159 гг. каждый город на побережье подвергся нападению с моря, по крайней мере, один раз.

Поэтому окрестности Яффы, Иерусалима и Хеврона были пустынными, паломники передвигались, преодолевая препятствия, а земледельцы боялись приносить на городские рынки продукты. Аскалонские воины иногда заходили очень далеко: в 1124 г. они добрались до Ла Магомери, располагавшемся на полпути от Наблуса и сожгли этот город. Поэтому латиняне решили укрепить территории, легкодоступные грабежам: в 1132—1133 г. иерусалимские горожане восстановили Шастель-Арнуль (Бетнобль),¹ а в 1137 г. король Фульк построил замок Ибелен перед Хевроном. Немного позднее (1144 г.) замок Ибна (Ибелен) стал прикрывать Яффу, а Бланшгард — защищал дорогу на Иерусалим. Война, состоявшая из налетов, по-прежнему продолжалась между египтянами и маленькими гарнизонами этих четырех замков и городов Яффы и Лидды, но отныне королевству не угрожала опасность внезапно лишиться своей столицы в результате молниеносного рейда египетской кавалерии или в то время как его основные силы находились в отдалении Яффы.

Хотя и речи не могло быть о ведении боевых действий в пределах Египта — так как Аскалон еще преграждал дорогу — франки вовсе не ограничились простым отражением нападений фатимидских войск. В начале 1103 г. Балдуин I совершил отчаянно смелый рейд (правда, тщательно подготовленный при содействии бедуинов), пройдя пустыню Тих и захватив без боя город Фараму, достигнув тем самым берегов Нила, — именно при возвращении из этой экспедиции король скончался в Аль-Ариш, около оазиса, который с тех пор носит его имя (Sebkhat Bardawil), — а затем и все фатимидские порты один за другим попали в руки франкских королей. Сложность заключалась в том, что египетский флот по-прежнему господствовал на море, и это выводило франков из себя: пока Яффа оставался единственным франкским портом, реальная опасность грозила всем караванам, включавшим в себя менее пяти кораблей. Вплоть до захвата франками Тира (1124 г.), эскадры, базировавшиеся в этом порту, «очень часто совершали пиратские налеты на наших христианских

¹ В поэме Амбруаза «Шатель-Арно» располагается между Аль-Латруном (Торон де Шевалье) и Нубой (Бетноблем). Таким образом, речь идет о двух разных замках.

² Foucher. P. 387, 548. Альберт Ахенский перечисляет многочисленные случаи пиратства (IX, 18, 23—24), которые унесли жизни многих паломников (300 кораблей и 140 000 пилигримов в 1102 г.).

паломников»². На суше же гарнизон Тира, как и аскалонцы, постоянно совершал вылазки на франкскую территорию до тех пор, пока крепость Торон, выстроенная в 1105 г., не вынудила его ограничить свои набеги. Наконец, иерусалимские короли сразу замыслили придать своему королевству морской фасад, не в меньшей мере привлеченные богатствами, которые скопились в древних финикийских городах в результате торговли. Величина этого фасада в начале была весьма неопределенной: хоть первые государи, создавая свое королевство, и не имели заранее подготовленного плана, но вместе с тем вовсе не стремились ограничить его размеры. В 1100 г. Готфрид планировал захватить Триполи, находившийся на самом севере от Иерусалима, но тот лишь в 1109 г. попал в руки провансальского графа Триполи — Бертрана Сен-Жильского.

Чтобы овладеть этими городами, иерусалимским государям потребовалось содействие морского флота, способного своей мощью временно подавить превосходство египтян на море. Именно тогда появились итальянские колонии на Святой Земле: в конце концов, королям пришлось обратиться за помощью к торговым республикам Италии, которые обещали свою поддержку взамен уступки им независимых кварталов в каждом завоеванном городе. Первый договор подобного рода был заключен в 1100 г. Готфридом с венецианской эскадрой, прибывшей в Яффу. Венецианцы согласились помогать Готфриду с 24 июня по 15 августа, взамен им обещали одну церковь и рынок в каждом городе, который будет захвачен совместными усилиями их флота и иерусалимской армии. Если бы им удалось овладеть Триполи, то венецианцы получили бы этот город в полную собственность, тогда как добыча была бы поделена пополам. Наконец «король» отказался от права присваивать себе венецианские суда, выброшенные морем на берег. Подобные же договоры заключались перед каждой последующей атакой на порты побережья. В июле 1100 г. латиняне двинулись осаждать Акру, но Готфрид умер 18 июля: тогда решили осадить сначала Хайфу, населенную евреями, — в тот момент евреи держали в своих руках почти всю средиземноморскую торговлю, — которая сопротивлялась натиску около месяца и пала в конце августа. На следующий год Балдуин принял генуэзский флот паломников. Между ними был заключен новый договор, после чего все отправились осаждать Арсуф, который сразу же капитулировал: его жителям великодушно позволили уйти в Аскалон. Появившись под стенами Цезареи, франко-генуэзская армия взяла город приступом: все население погибло в жуткой резне, а огромная добыча была разделена с генуэзцами (которые получили чашу, ставшую затем знаменитой: ее посчитали «святым Граалем», и именно она послужила стимулом к возникновению цикла героических песен). Балдуин оставил при себе эмира и кади, «скорее чтобы получить выкуп, чем из-за дружеских отношений», с юмором отмечает Фульхерий Шартрский. Отныне все побережье от Акры на юге до Аскалона принадлежало франкам.

В 1103 г. Балдуин I, без помощи флота, попытался захватить Акру, которая наряду с Лаодикеей и Триполи являлась лучшим портом всего сирийского побережья. Но подход с моря египетских подкреплений обрек наступление франков на провал. Лишь прибытие генуэзского флота позволило королю осуществить свой замысел на следующий год: Акре пришлось капитулировать 26 мая 1104 г. Все собственно палестинское побережье находилось под властью франков, но Балдуин стремился овладеть последними фатимидскими городами: в 1104 г. провансальцы захватили Джебайл, и теперь последний оплот Фатимидов от севера до юга состоял всего лишь из Бейрута, Сидона и Тира. В 1108 г. Балдуин напал на Сидон (после демонстрации силы, осуществленной при поддержке английской эскадры в 1106 г.), но египетский флот одержал верх над итальянцами и вынудил франков снять осаду. На следующий год, следуя ставшей привычкой практике, генуэзские корабли прибыли в Левант: на этот раз они вместе с королем направились осадить Триполи, чтобы помочь Бертрану, сыну Раймунда Сен-Жильского. Затем начали осаду Бейрута: спустя три месяца город то ли сдался, то ли был взят штурмом.

В 1110 г. из далеких краев приплыла эскадра. Ее возглавлял конунг Норвегии Сигурд Крестоносец: вместе с венецианским дожем Орделафо Фальеро норвежцы помогли Балдуину I захватить Сидон (4 декабря 1110 г.). В 1111 г. король мог рассчитывать на поддержку всего лишь нескольких византийских кораблей, и ему пришлось снять едва начатую осаду Тира из-за вмешательства турок Дамаска, напавших на Сидон (апрель 1112 г.). Чтобы блокировать Тир, Балдуин выбрал единственно возможный вариант — построить крепость Сканделион (1116 г.). В период пленения его наследника Балдуина II (1223—1224 г.) коннетабль Гильом де Бюр и патриарх Гормон де Пикиньи, после победы над Фатимидами при Ибелене, решили захватить Тир, до этого времени защищаемый коалицией египтян и дамаскинцев. В 1122 г. Фатимиды изгнали своих союзников из Тира, но при приближении франков были вынуждены вернуть город дамаскинцам. Крупный венецианский флот по прибытии в Сирию начал военные действия, уничтожив египетскую эскадру в битве близ Аскалона и захватив торговые корабли мусульман (30 мая 1123 г.). Тогда франки колебались между осадой Тира или Аскалона: выбор пал на Тир, который венецианцы, заключившие выгодный договор с регентами Иерусалима, блокировали с моря, в то время как иерусалимские бароны и граф Триполи осаждали его на суше (15 февраля — 7 июля 1124 г.). Вылазки турецкого гарнизона, диверсии египтян из аскалонского гарнизона и дамаскинцев не увенчались успехом и не смогли заставить франков снять осаду. Вмешательство атабека (правителя) Дамаска свелось к заключению договора о капитуляции, который вызвал протест у «меньшого люда» в христианском войске, падкого на добычу: по условиям капитулярия жителям города разрешалось уйти на мусульманскую террито-

рию со своим имуществом. Отныне на побережье не осталось ни одного мусульманского владения...

О подчинении внутренних территорий королевства известно очень мало: из разных источников мы узнаем о карательных операциях против разбойничьих племен: в 1101 г. Балдуин I проводил подобные акции против арабов из окрестностей Рамлы и в 1103 г. против грабителей, обиравших путников в ущелье Пьер-Ансиз (там он был тяжело ранен). Но часто франкам хватало устного повиновения, обычно выражавшегося в выплате им подати. Так, например, «замок» Букио (Bacades или Bokerhel) был довольно поздно отнят у своих владельцев — арабского рода, который занимал эту важную позицию в горах Акры, постепенно отступая назад, в направлении к «Броду Иакова», до того момента, когда «король Балдуин» (Балдуин III?¹ изгнал его. Подобного рода операции зачастую осуществлялись самими сеньорами. Тем не менее королевская армия должна была осадить крепость Блахазент (Бельхакам), под стенами которой умер патриарх Гормон де Пикиньи (1127/1128)². Была ли эта крепость отбита мусульманами или же латинянам пришлось снять осаду в 1128 г.? 16 мая 1160/1161 г. армия во главе с Балдуином III, Онфруа Торонским, Готье Тивериадским, Гуго Цезарейским, Филиппом Наблусским и другими вассалами короны вновь осадил Блахазент. Возможно, речь шла о подавлении мятежа сеньора Сидона, Жирара, который как раз в то время совершенно рассорился с королем³.

Именно в области Сидона и Бейрута, где власть франков устанавливалась очень медленно, королю пришлось выстроить в октябре 1125 г. замок Мон-Главьен, чтобы помочь сеньору Бейрута подчинить мусульманских крестьян из бейрутской округи, которые «до того отказывались платить подати со своих селений»⁴. В этом регионе мусульманские вожди жили в постоянном контакте с франками, избегая чрезмерно провоцировать их своими набегами и, без сомнения, иногда выплачивая латинянам дань. Один такой эмир владел пещерной крепостью, прозванной гротом Тирона, неподалеку от Литани, и франки из Сидона жили с ним в мире. Без сомнения, этот эмир гораздо больше докучал дамасским мусульманам, поскольку в ноябре 1133 г. те явились, чтобы захватить его «логово». Встревоженные сидонцы организовали карательную экспедицию в 1134 г. В результате крепость попала в руки франков (до 1165 г.)⁵.

¹ G. T. P. 1050. Отождествление этой крепости с Аль-Бокей'а, отброшенное Рейем (Rey. Sommaire du Supplement...), было окончательно закреплено г-ном Дюссо (Dussaud. Topographie historique de la Syrie antique et medievale, P. 18.).

² G. T., P. 594. Гормон был погребен в Сидоне, где сохранилась его эпитафия.

³ R. R. 344; см. infra. P. 81.

⁴ Foucher. P. 772.

⁵ P. Deschamps. Une grotte-forteresse des Croisys dans le Liban: la cave de Tyron// Melanges Syriens offerts a m. Dussaud. II. 874–882.

Контакты франков с мункизскими эмирами из Шейзара (в среднем течении Оронта), известные нам благодаря воспоминаниям («Книга назидания») одного из мусульман этого рода, Усамы, являются самым знаменитым примером почти сердечного сосуществования франков и их соседей — арабских владык. Еще один потомок другой арабской семьи также написал историю своего рода, курьезный рассказ о том, как арабские эмиры вопреки всему — ведь вся история Сирии полна войнами и нашествиями — смогли удержать за собой свои мелкие княжества: этот араб, по имени Салих ибн Яхья писал в XVI в. на основе архива своих предков — эмиров Бохтора. Эти эмиры владели Гарбом, гористой местностью, располагавшейся по соседству с Бейрутом. На протяжении почти пятидесяти лет им удавалось удерживать свои позиции, находившиеся всего в нескольких километрах от франкской сеньории, и благодаря постоянно возобновляемым перемириям завязать с латинянами дружеские отношения. Как раз во время одного из таких перемирий эмиры из Бохтора со своими войсками были приглашены на праздник в бейрутский замок. Франки, воспользовавшись истечением перемирия, ринулись на их владения и безжалостно разграбили, а самих Бохторов перебили в замке и на обратном пути. Судя по всему франки сразу же завладели Гарбом, поскольку впоследствии Саладин вернул единственному потомку этой семьи, уцелевшему во время резни (он спрятался в кустарнике), владения его предков. Это предательское деяние, положившее конец как военным, так и дружеским контактам, произошло в 1160 г.; оно было делом рук франкского сеньора Готье II Бризбарра. Эмират Шуф, основанный в 1145 г. чуть к югу, чтобы контролировать сидонскую сеньорию, также попал во власть франков¹. Точно такие же соседские отношения установились между франками Иерусалима и бедуинскими племенами Трансиордании и Аравийской Петры. Франкские короли, не требуя от бедуинов полного подчинения, путем карательных экспедиций старались навязать им уважение к своим владениям, помешать их союзу с Дамаском или Египтом. Иногда они даже искали у бедуинов поддержки в борьбе против своих врагов или для нападения на караваны, пересекавшие франко-бедуинскую территорию по пути из Дамаска в Каир или Мекку. Сразу же по воцарении в Иерусалиме Балдуин I организовал с помощью крещенных арабских проводников смелую экспедицию из Хеврона на берега Мертвого моря, в Вади Араба и до Вади Муса, Mont Hor, сметая на своем пути мусульманские поселения (1100 г.)².

Спустя некоторое время король направился на восток Иордании, чтобы захватить лагерь одного арабского племени. Арабы призвали на помощь пра-

¹ Ch. Clermont-Ganneau. Deux chartes des Croises dans des archives arabes // Recueil d'archeologie orientale. VI. P. 1–30 и H. Lammens. La Syrie. II. Beyrouth, 1921. P. 8–18, 27. Churchill. Mount Lebanon. London, 1853. I. P. 236–239.

² R. Fazy. Baudouin I et Petra // Journal Asiatique, 1936. P. 475.

вителя Дамаска, Тюгтекина, который назначил одного из своих военачальников командовать кавалерийским отрядом, которому предстояло отстроить в этой «по man's land» «ничейной земле» крепость — центр бедуинского сопротивления. Балдуин, извещенный об этом местными христианами, спустился к долине Моисея и сумел обратить турок в бегство, не прервав перемирия, заключенного с Дамаском: сирийский священник Феодор предупредил мусульман об приближении огромной франкской армии, и тем самым спровоцировал отступление дамасских воинов (1107 г.). В конце концов, после налетов на караваны из Аравии или Египта, неоднократно возобновляемых союзов с арабскими вождями — например, с Абу Имран Фадлом из Абу Тайи (и в наше время одним из самых крупных родов Аравии), который беспрестанно переходил из франкского лагеря в египетский и наоборот — или бедуинами, которые помогли франкам разграбить караван в 1112 г., Балдуин I устроил большой поход в Аравийскую Петру. Там он построил крепость Монреаль, «дабы с большей основательностью водвориться в стране арабов, а также чтобы купцы не могли пересекать эти земли без королевского разрешения и пропуска, и еще, чтобы получать сведения о вражеских набегах и ловушках». На следующий год королевское войско добралось до берегов Красного моря: вполне возможно, что именно тогда Балдуин построил крепости Айла и Валь-Муаз, чье возникновение датируется как раз этим временем¹.

Однако бедуины не просто демонстрировали повиновение франкам — иногда они умело сопротивлялись, как, например, в 1119 г., когда около Тивериады нанесли поражение франкам, хотя в целом предпочитали платить налог, чтобы беспрепятственно кочевать со своими стадами (подобно уже упомянувшимся Абу Тайи, которым угрожала карательная экспедиция)², — именно благодаря их помощи дорога из Египта в Сирию и из Аравии в Сирию была закрыта для всех караванов, которые отказывались выплачивать пошлины, установленные иерусалимским королем и «сиром Заиорданским». Владея крепостями в Трансиордании, которые контролировали Дерб Хадж (дорогу паломников) (Ахамант и, после 1142 г. Моабский Крак), и в Аравийской Петре (Монреаль, Айла, Валь-Муаз и Зал, древняя Петра), франкский король мог по своему усмотрению тормозить или оживлять коммерческую активность Дамаска.

Между Иерусалимским королевством и Дамаском, ближайшим государством турок-сельджуков, не было постоянной войны, подобно той, что изначально франки вели с египтянами: для правителей Дамаска Иудея и Самария были

¹ R. Grousset, I. P. 215, 219, 243, 250–252, 264, 280, 282, 578; II, 852–858.

² Id., I, P. 547–548. Усама, который дважды чуть не погиб там, рассказывает, что из-за франков и бедуинов дорога из Аравийской Петры стала непроходимой (H. Derembourg. Autobiographie d'Ousama ibn Mounkidh, extr. De Revue de l'Orient Latin. II. P. 9, 25–28.).

дальними краями, и даже с точки зрения коммерческих интересов лишь незначительно привлекали крупных купцов с дамасского базара. Даже утрата Акры, Цезареи и Хайфы не стала для Дамаска роковой: его настоящими морскими воротами, как нам свидетельствует сицилийский араб Идриси, были Триполи и Тир (Бейрут стал связан с Дамаском только в конце XIX в., когда построили соединявшую их дорогу). Конечно, атабек Тюгтекин сделал несколько попыток спасти Триполи¹ и, не колеблясь, выступил в поход, чтобы снять осаду с Тира, который, благодаря его усилиям, продержался до 1124 г. (до этого момента, несмотря на присутствие гарнизона в Тороне, перехватывавшего часть караванов, путь между Тиром и Дамаском еще функционировал). Но находившиеся в глубине Палестина и Финикия были (как и поныне) вне сферы интересов Дамаска: более того, в Дамаске, до 1076 г. находившемся в руках Фатимидов (в 1058 г. пытавшихся завоевать Багдад), водворились сельджуки, которые хоть и присоединили к своей огромной империи в Сирии Иерусалим, но даже и не пытались захватить прибрежные города. Порты, а вскоре и Иерусалим остались под властью каирских халифов, которых сельджуки презирали не только как арабов, тогда как сами были турками, но прежде всего из-за их принадлежности к шиитам — сами сельджуки были суннитами. Поэтому сельджукский правитель Дукак (1095—1104) и его атабек Тюгтекин (который ему наследовал, при поддержке сельджукских князей, основав буридскую династию) даже пальцем не пошевелили, чтобы помешать франкам отнимать земли у этих еретиков: самое большее, на что они были способны, — послать наемников за большую плату, чтобы приостановить продвижение христиан, начинавшее их беспокоить.

Правители Дамаска по-настоящему заволновались, только когда франки вышли за пределы Иудеи и Самарии: всего за несколько недель Танкред захватил Галилею, занял Тивериаду и укрепил Бейсан. С двадцатью четырьмя рыцарями он совершал набеги на дамасскую территорию, и Готфрид Бульонский прибыл ему на помощь, чтобы подчинить арабского эмира «Суэцкой земли» (древнюю Гавлантиду или Савад, простиравшуюся к востоку от Тивериадского озера). Вскоре норманнский князь даже потребовал от Дукака сдать ему Дамаск, и, когда тот обезглавил посланцев, Танкред и Готфрид опустошили земли между Тивериадой и Дамаском (1100). Как раз из-за этой вражды Дудак попытался захватить врасплох Балдуина, который вдоль побережья двигался в Иерусалим, чтобы стать королем: но Балдуин, предупрежденный арабами из Триполи, завлек его в ловушку притворным бегством и разбил наголову около Нахраль-Кала (октябрь 1101 г.). После смерти Дукака его помощник Тютекин посадил на трон брата покойного — Бакташа, которого тут же и низложил: в пику Тюгтекину Балдуин I принял у себя юного князя, но не

¹ J. Richard. Le comte de Tripoli. P. 13—17.

предпринял никаких военных действий, чтобы восстановить его на дамасском престоле. Франки и властелины Дамаска не прекращая оспаривали друг у друга Суэцкую землю: Балдуин построил там Шато-Бодуэн (Каср Бардавиль), который тут же с налету был захвачен Тюгтекином (1105); на фотографиях, сделанных с воздуха и воспроизведенных П. Дешаном, виден контур замка, окруженный блоками из крепостной стены, брошенными в соседние овраги во время разрушения постройки. Тем не менее франки не отказались от своих претензий на этот регион: Гуго де Сент-Омер, новый «князь Галилейский», был убит в 1106 г., когда возвращался из Савада, сопровождая обоз с награбленным добром. Его наследник Жерве де Базош не смог помешать туркам захватить соседний с Тивериадой замок: Балдуин I прибыл вовремя, чтобы успеть спасти этот город и заставить турок заключить перемирие. Мелкомасштабная война вскоре разгорелась вновь: Жерве был взят в плен, а его войско, попав в ловушку, разбито (май 1108 г.). Балдуин отказался отдать дамаскинцам княжество Галилейское, Акру и Хайфу в обмен на своего вассала, который был тут же казнен. В том же 1108 г. франки и дамаскинцы заключили соглашение о разделе урожая на Суэцкой территории, но в 1111 г., стремясь освободить Тир от осады, Тюгтекин вновь появился в этой области и захватил у франков укрепленный пост в скалах Хабис Джалдак. В 1113 г. франки предложили обменять Хабис на любую другую крепость, но Тюгтекин ответил отказом.

Наибольшая опасность грозила Иерусалимскому королевству в 1113 г. со стороны Дамаска и сельджукского султана Персии: Тюгтекин, встревоженный бесконечными налетами франков на его государство, призвал на помощь Мавдуда — правителя Мосула. Балдуин I был настолько неосторожен, что, не ожидая подхода всех своих сил, двинулся навстречу этой огромной армии мусульман, только что осадившей Тивериаду и разграбившей Мон-Фавор: попав в западню, король потерпел сокрушительное поражение при Синн ан-Набра. К счастью, франкская кавалерия перегруппировалась, подошли отряды из Антиохии и Триполи, паломники начали высаживаться в Сирии: таким образом, христиане, осажденные в течение месяца, пока враги опустошали окрестности Галилеи и Самарии, где пал Наблус, в конце концов взяли верх и изгнали турок из страны. Угроза исчезла полностью, так как Тюгтекина стали подозревать в убийстве своего союзника, и, он, опасаясь султана Персии, сам искал нейтралитета франкских войск в случае прибытия сельджукской армии: в 1115 г. правитель Дамаска вступил в союз с Балдуином и князем Антиохии, чтобы отогнать нового правителя Мосула Бурзуки.

Но в 1119 г. Тюгтекин снова перешел в мусульманский лагерь и порвал «перемирие» с франками, потребовав, чтобы Дамаску вернули доходы с земли Галаад и всех территорий к востоку от Иордана: вдобавок он вступил в союз с египтянами. Как мы видели, кампания закончилась отступлением как мусуль-

ман, так и христиан, но Балдуин II все же не упустил своей выгоды, разграбив Дераа и отвоевав Хабис Джалдак. В 1121 г. провокация дамаскинцев, устроивших грабительский поход в Галилею, позволила Балдуину вторгнуться в глубь Галаада и захватить Геразу, укрепления которой были скрыты. В 1123 г. франки вновь разорили этот регион. В этот момент началась осада Тира: Тюгтекин, добившийся протектората над этим городом, несколько раз устраивал провокационные рейды в Галилею, но так и не добился успеха (1124 г.).

До сего момента иерусалимские короли придерживались оборонительной тактики: как верховным правителям франкской Сирии, участь христианских государств им была далеко не безразлична — Антиохийского княжества, графств Эдессы и Триполи, точно так же, как князь Антиохийский и граф Эдесский не остались равнодушными к участи Иерусалима и пришли на помощь Балдуину I после его поражений при Рамле (1102 г.) и Синн ан-Набре (1113 г.). Главенства над сирийскими франками Балдуин смог добиться во время осады Триполи (1109 г.), где выступил в качестве арбитра в ссоре князей Севера.

С 1110 г. атабек Мосула Мавдуд встал во главе всех мусульманских сил, стремившихся изгнать франков из Сирии. Балдуин I оказал поддержку своему вассалу графу Эдесскому и уговорил Танкреда присоединиться к франкской коалиции. Блокада Алеппо, последовавшая за этим примирением, вынудила султана организовать в 1111 г. второй «конткрестовый поход»: еще раз Балдуин прибыл на помощь великим баронам Севера, и Мавдуду пришлось вновь отступить. В 1113 г. он двинулся в поход против Иерусалима: победа над франками при Синн ан-Набре обеспечила ему первоначальный перевес, которым он не сумел воспользоваться. В 1115 г. новую армию возглавил Бурзуки: на этот раз Балдуин I выступил против него в союзе с франкскими и мусульманскими князьями; князь Рожер Антиохийский разбил иракских мусульман при Тел Даните.

Балдуин I успел воспользоваться предоставленной ему двухлетней передышкой, чтобы устроить поход в Трансиорданию, Аравийскую Петру и Египет, а Балдуин II — для борьбы с египетско-дамасской коалицией. Но туркменский эмир (союзник прежних владельцев Иерусалима — Ортокидов) разбил и убил Рожера в битве при Ager Sanguinis (28 июня 1119 г.): все антиохийское войско было перебито Иль-Гаази. Балдуин II, как и его предшественник, отправился на Север, где четыре года правил вместо князя Антиохии и спас княжество, одержав победу при Тел Даните (14 августа 1119 г.), а также отбив все захваченные мусульманами города в ходе своих походов в 1120, 1121, 1122, 1123 гг. Он даже взял на себя заботу об Эдессе, граф которой Жослен был пленен в 1122 г.; но в этом регионе король попал в засаду, был захвачен и заключен в крепость Харпут (18 апреля 1123 — июль—июнь 1124 г.). Благодаря необычайно смелому заговору, устроенному несколькими армянами, он и

Жослен на некоторое время обрели свободу и стали хозяевами крепости. Переодетому Жослену удалось окольными путями добраться до Антиохии, но он подоспел слишком поздно, чтобы помочь Балдуину, которого его противник ортокид Балак вновь захватил вместе с Харпутом. Тогда Жослен занял место Балдуина на севере вплоть до момента, когда после гибели Балака, собиравшегося идти на помощь осажденному Тиру, Балдуин II был освобожден. Король поспешил осадить Алеппо с помощью мусульманских князей, но правитель Мосула Бурзуки вынудил его снять осаду (январь 1125 г.). По возвращении в Иерусалим в мае Балдуин был вновь призван в Антиохию, которой грозило наступление Бурзуки. В битве при Хазарте коалиция мусульман Сирии и Ирака была наголову разбита королем, который смог с помощью добычи освободить заложников, оставленных вместо его выкупа.

Именно тогда Балдуин задумал возобновить изначальные планы крестоносцев: Иерусалимское королевство обрело прочную основу и отныне было неуязвимым для нападений извне. Настало время перейти ко второму этапу крестового похода: завоеванию прочих мусульманских земель. До Египта было сложно добраться, так как вход туда преграждал Аскалон: разведка показала, что крепость готова к отпору, а под рукой у франков не было ни одной флотилии, чтобы облегчить осаду. Балдуин II решил устроить рейд на Дамаск с более крупными силами, чем те, которыми располагал Танкред, попытавшийся взять этот город в 1100 г. Король рассчитывал только на внезапность натиска. Для этого сбор армии был назначен за Иорданом, на Суэцкой земле: отряды из западной Иудеи взяли путь на Бейсан, из Галилеи и Финикии во главе с королем — к северу от горы Фавор, из Иерусалима — через Трансиорданию¹. Двигаясь как можно быстрее, они пересекли регион Дераа и земли к востоку от Хермона и вырвались на Дамасскую долину. Перепуганный Тюгтекин в спешке поднял свои войска и у Тел аш-Шакхаб преградил франкам дорогу к своей столице (25 января 1126 г.). На миг приостановившись, франки обратили в бегство дамасскую армию, перебили городское ополчение и захватили весь вражеский обоз. Население Дамаска со дня на день ждало появления франков под стенами своего города, но, даже одержав победу, Балдуин рассудил, что он находится на вражеской территории, и эффект от внезапного нападения не удался: король вернулся в Иерусалим, откуда вновь отправился на Север, чтобы помочь графу Триполи взять Рафанаю (31 марта 1126 г.).

Подъем франкской экспансии устроил Бурзуки; он вернулся в Сирию и блокировал Хомс, которому угрожали триполийцы; Балдуину II пришлось спешно возвратиться в Антиохию, где Бурзуки заключил с ним мир, приемлемый для Алеппо. Убийство атабека (26 ноября 1126 г.) заново избавило Балдуина от угрозы со стороны Мосула, тем более что в то же время сын Боэмунда

¹ Foucher, p. 784.

Боэмунд II прибыл принять власть над Антиохией, приведя с собой значительное подкрепление. Он женился на дочери короля Алисе Иерусалимской и в дальнейшем с необычайной энергией защищал Антиохию.

Балдуин II тогда вернулся к своим проектам захватить Дамаск. Наученный опытом 1126 г., он задумал призвать на помощь новый крестовый поход из Европы, и чтобы его устроить, послал на Запад основателя ордена тамплиеров, Гуго де Пейена (1128 г.). Но эта миссия не увенчалась особым успехом. Тогда Балдуин и его зять Фульк Анжуйский договорились с фанатиками-исмаилитами, «ассасинами» (как называли их наши старые авторы), которые при поддержке визиря Абу Али Тахира, как и они, перса, фактически взяли власть в Дамаске и заняли укрепленное место Баниас на франкской границе. Смерть Тюгтекина только благоприятствовала усилиям ассасинов, которые в конце концов стали союзниками франков, предложив им отдать Дамаск взамен Тира. Балдуин согласился, и все было готово для обмена, когда сын Тюгтекина Бури раскрыл заговор. Действуя энергично, он перебил дамасских ассасинов; их собратья в Баниасе, испугавшись, передали крепость Балдуину (1129 г.). Но франкская армия все равно собралась: в ее состав входили отряды из Триполи, Антиохии и Эдессы, и общая численность равнялась приблизительно двадцати тысячам человек. В ноябре 1129 г. она достигла предместий Дамаска. К несчастью, один отряд фуражиров, разбредшихся по всей округе, был застигнут врасплох и уничтожен. Тем не менее осада продолжалась, но проливные дожди сделали землю непроходимой для кавалерии. Балдуин II был вынужден объявить отступление (5 декабря). Дамаск был спасен благодаря скверным атмосферным условиям и отсутствию помощи от франков Запада.

Кроме того, Иерусалимскому королю приходилось считаться с новыми условиями: до этого мусульманская Сирия была поделена на множество государств, в теории подчиненных Сельджукской империи, на практике же независимых, таких как Дамаск и Алеппо, в орбите которых вращались эмираты Хомса, Хамы и Шейзара, также эмираты Верхней Месопотамии, Мардина (Ортокиды) и, главное, Мосула. Эта раздробленность благоприятствовала франкской экспансии, но в лице Мавдуда, Иль-Гаази, Балака и Бурзуки появилась угроза, вызванная объединением Мардина с Алеппо, равно как и Мосула с Алеппо. Князь Антиохийский и граф Эдесский могли защищаться своими силами, развязав королю руки только в том случае, если мусульмане оставались разобщенными. Но за объединение Сирии взялся выдающийся вождь Зенги: когда в 1127 г. умер сын Бурзуки, Зенги принял от сельджукского султана управление Мосулом. «Кровавый», как его прозвали франки, захватил у Ортокидов несколько крепостей и аннексировал Алеппо, которым некогда владел его отец. К ним он прибавил Хаму и сделал «подвассальным» себе Шейзар; лишь Дамаск и Хомс сохранили независимость. К тому же скончался Боэмунд II (февраль 1130 г.), и Балдуину II пришлось примчаться в Антиохию, где

его собственная дочь попыталась обрести независимость с помощью Зенги. Фульк Анжуйский, который наследовал своему тестю в августе 1131 г., начал свое царствование с того, что привел к повиновению княгиню Алису и ее союзника, графа Понса Триполийского (1131—1132). Затем ему пришлось выручать того же Понса, осажденного туркменами (1133 г.), а вслед за этим посетить Антиохию, чтобы разбить отряды Зенги (битва при Киннесрине, 1133—1134 г.).

Война с Дамаском не прекратилась, но свелась к пограничным стычкам: Баниас был взят наследником Бури, Исмаилом (15 декабря 1132 г.), который захватил затем грот Тирона (ноябрь 1133 г.). Франки выслали экспедиционный корпус к Босре, но юный атабек принялся грабить Галилею, чтобы вынудить их отступить (сентябрь 1134 г.). Правда, Фульк Анжуйский выдал наследниц княжества Антиохийского замуж за крупного барона с Запада, Раймунда де Пуатье, обеда в кругу пальца княгиню Алису (1136 г.). Таким образом, ему удалось снять с себя заботу о княжестве.

В 1135 г. стало известно о большой опасности: Исмаил Дамасский захотел продать свои владения Зенги, и лишь благодаря энергии нового персонажа, Анара, («Эйнара» у франков) Дамаск оставался под властью брата Исмаила, Махмуда. Зенги пришлось уйти, но он не отказался от своих видов на Дамаск. В 1137 г. он осадил Хомс. Тогда Фульк, с самого начала своего правления следивший за успехами Зенги, решил изменить курс франкской политики: прежде чем завоевывать Дамаск, следовало повергнуть княжество турок. Более того, сей осторожный государь задумал помочь дамаскинцам сохранить их независимость, избегая доводить их до того, чтобы они сами предались в руки Зенги. Поэтому он бросился на помощь Хомсу, но был разбит в теснинах Ливана и вынужден укрыться в Монферране (конец 1137 г.). Приближение вспомогательной армии заставило Зенги согласиться на весьма легкие условия капитуляции, по которым пленники освобождались, гарнизону предоставлялся свободный выход, взамен сдачи четырех триполийских крепостей — Монферрана, Рафани, Аль-Акмы, Эйкзерка¹. Кроме того, византийское войско императора Иоанна Комнина вошло в это время в Сирию, и Зенги, захвативший в 1135 г. часть княжества Антиохийского, испугался этой угрозы. На тот момент Иоанн Комнин осадил Антиохию, чтобы вынудить Раймунда де Пуатье признать права Византии на этот город. Фульк послал передать Раймунду, чтобы он соглашался, указав, что права византийцев были законными. Тогда Василевс предложил помочь франкам завоевать Алеппо, Шейзар, Хаму и Хомс, которые отошли бы к Раймунду в обмен на Антиохию. Зенги осаждал Хомс,

¹ См. J. Richard. Questions de topographie tripolitaine // Journal Asiatique, 1948. P. 54 n. 1. — В это время дамаскинцы совершили набег на Самарию и разграбили нижний город в Наблусе.

когда узнал, что византийцы заняли область Алеппо. Они принялись за осаду Шейзара, но противодействие Раймунда помешало им овладеть городом. Одной смерти Иоанна Комнина было достаточно, чтобы вопрос об Антиохии завис до 1140 г.

В Палестине Фульк два года занимался восстановлением своей армии, и в 1139 г. прибытие его родственники графа Тьерри Фландрского позволило ему продолжить дело своих предшественников по наведению порядка: в этот год он осадил и разрушил логово разбойников в Галааде, в то время как другие грабители захватили врасплох мелкий городок Текуа и нанесли поражение гарнизону Иерусалима. Зенги по-прежнему продолжал свое продвижение к Дамаску, заняв Хомс (1138 г.), а в 1139 г. устроил устрашающий набег на Бальбек. Перебив защитников этого города, он осадил Дамаск (декабрь 1139 г.). Но тогда правительство Дамаска послало к Фульку знаменитого Усаму ибн Мункыза, чтобы заключить официальный союз, направленный против Зенги. Стороны договорились, что в обмен на свою помощь франки получают Баниас, и в мае 1140 г. Зенги взволновали вести о сборе иерусалимской армии в Тивериаде. Объединенные действия войск Фулька и правителя Дамаска Анара вынудили его отступить. В свою очередь, обе армии отправились осаждать Баниас, который и был возвращен Фульку (июнь 1140 г.). Союз был скреплен визитом Анара в Иерусалим. Отныне и на долгие годы франко-дамасская война прекратилась: перемирие следовало за перемирием, и подобный союз, носивший исключительно оборонительный характер, помешал дальнейшему проникновению Зенги в Южную Сирию. Борьбы с гарнизоном Аскалона и карательных операций (подобно тем, что провел в 1144 г. юный Балдуин III против бедуинов и туркменов, обосновавшихся в Валь Муазе, завершившихся их бегством) хватило, чтобы занять делом иерусалимские войска в последние годы правления Фулька и в регентство Мелизинды.

Катастрофа произошла в Северной Сирии: Зенги за один месяц захватил столицу графа Жослена II, Эдессу (23 декабря 1144 г.), к которой вспомогательный отряд иерусалимского коннетабля не смог вовремя подоспеть. Падение восточной части графства Эдесского произвело колоссальный резонанс, тем более что после убийства Зенги (15 сентября 1146 г.) город, на некоторое время отбитый Жосленом II, попал в руки сына Зенги, Нуреддина (наследника Алеппо), который перебил часть населения (3 ноября 1146 г.). Сорок пять тысяч человек погибли или были проданы в рабство, и эхо этой трагедии вызвало во Франции и Германии проповедование Второго крестового похода (1145—1146 гг.). Около ста сорока тысяч человек во главе с французским королем Людовиком VII и германским императором Конрадом Гогенштауфеном пришли в движение по зову Св. Бернарда.

Когда крестоносцы пришли в Сирию, потеряв в степях Малой Азии три четверти своего состава, — одни лишь отряды графа Тулузского Альфонса-

Иордана выбрали путь по морю — политике короля Фулька уже был нанесен первый удар. Ведь те, кто мечтал завоевать всю Азию, не могли смириться с тем, что их прорыв завершится только основанием Иерусалимского королевства, вынужденного, чтобы выстоять, поддерживать равновесие между мусульманскими князьями Сирии. Так, в 1147 г. правитель Хаврана (сегодня Джебел Друэ), ренегат — армянин по имени «Тантаис» (Алтунташ) предложил сдать баронам эту область вместе с крепостями Дераа, Босра и Салхад. Франкская армия собралась, и, так как был мир с Дамаском и бароны опасались порывать с Анаром, поведение которого было исключительно корректным, приняли решение договориться с правителем Дамаска. Анар заметил, что со стороны франков будет вероломством поддерживать изменившего ему вассала. Все более запутываясь, франки предложили просто восстановить этого эмира в его прежних правах в Хавране. В конце концов бароны были готовы отказаться от похода, но общественное мнение заставило их взяться за оружие. Анар тотчас воззвал к Нуреддину (май 1147 г.). По опустошенной и безводной земле, без конца подвергаясь налетам арабов и турок, франкская армия, не на секунду не размыкая ряды, двинулась к Дераа. Ей даже удалось добраться до Босры, но несколькими часами ранее город открыл ворота перед Анаром... Приходилось отступать, и один лишь героизм юного короля и его баронов, этих «железных людей», позволил армии, не оставив ни одного раненого, несмотря на стрелы и горевший кустарник, возвратиться к Иордану (июнь 1147 г.).

Второй крестовый поход был устроен, чтобы освободить Эдессу, но сами крестоносцы давали обет идти к Иерусалиму. По их прибытии в Антиохию Раймунд де Пуатье дал понять Людовику VII, что прежде всего нужно сокрушить могущество Нуреддина, захватив Алеппо. Не знакомый с положением дел в Сирии, раздраженный интригами своей жены Алиеноры с ее дядей Раймундом, Людовик VII, которого королева Мелизинда звала на юг, пустился в дорогу на Иерусалим, отказав по пути в помощи Раймунду II Триполитскому. Жители Иерусалима боялись, что крестовый поход будет использован для того, чтобы реализовать антиохийскую мечту об Алеппо, вместо их мечты о Дамаске. И этот эгоизм дорого обошелся франкам. Иерусалимские власти вели себя так, будто на дворе стоял 1128 г., когда Балдуин просил Запад начать крестовый поход; к несчастью, с тех пор минуло двадцать лет, и за это время выросло могущество зенгидов... Французские, германские крестоносцы и палестинские бароны собрались в Акре (июнь 1148 г.): представители Антиохии и Триполи отсутствовали. Иерусалимляне добились, чтобы было принято решение идти на Дамаск и взять реванш за поражение 1147 г. 24 июля захватили Гуту, где находились огороды и фруктовые сады Дамаска, сломив сопротивление турок. Император Конрад отбросил турецкую армию и занял правый берег Барады. Падение Дамаска казалось неотвратимым, но Анар воодушевлял защитников, тем более что блокада города не была полной. Говорили, что

в этот момент он подкупил некоторых баронов: в любом случае крестоносцы покинули Гуту и начали атаку на востоке (вместо запада), за пределами оазиса. После ухода крестоносцев из Гуту дамаскинцы могли больше не бояться голода, который отныне грозил их противникам. Кроме того, граф Тьерри Фландрский потребовал, чтобы император и короли уступили ему Дамаск во фьеф: эта просьба повлекла за собой трения между западноевропейцами и «пуленами», раздраженными тем, что город не достанется ни одному из них. В довершение несчастий подошел Нуреддин со своим братом, правителем Мосула, и попросил Анара сдать ему цитадель Дамаска. Анар предупредил об этом франков; крестоносцам, осознавшим, что они вот-вот окажутся меж двух огней, когда произойдет объединение мусульманской Сирии, пришлось отступить и расстаться, не только ничего не добившись, но и полностью разругавшись. На протяжении долгого времени на Западе и слышать не желали о крестовом походе (август 1148 г.).

Однако с 1149 г. франко-дамасские отношения возобновились, в тот самый момент, когда Нуреддин, разбив Раймунда де Пуатье при Фонс Мюрез (29 июня 1149 г.), захватил половину Антиохийского княжества, куда Балдуин III примчался, чтобы избежать катастрофы и спасти то, что осталось от Эдессы — местности вокруг Турбесселя, которой угрожал сельджукский султан Анатолии: королю пришлось вернуться в 1150 г. из-за нового наступления турок и он решил продать византийцам Турбессель и все эдесские земли, слишком уязвимые для нападения из-за расположения в верхней долине Евфрата (где только что попал в плен граф Жослен II). Сельджуки, Ортокиды и Нуреддин вскоре разделят между собой крепости, которые захватят у византийцев. Сам же Балдуин III вновь вступил в союзные отношения с Дамаском, где после смерти старого Анара стал править последний отпрыск Тюгтекина, Абак. Король спас Абака от Нуреддина, который под предлогом нападения на франков приблизился на опасное расстояние к Дамаску (апрель 1150 г.). В 1151 г. сын Зенги атакует Дамаск: Балдуин подоспел вовремя, чтобы дважды заставить его снять осаду. Правда, Нуреддину удалось захватить Босру: Балдуин, приведя свою армию под стены этого города, затеял тайные переговоры с его правителем, которого туда назначил Зенги (конец июня 1151 г.). В то же время франкские отряды вели грабительские набеги на область Баальбека, поскольку она принадлежала Нуреддину.

Дамаск стал франкским протекторатом: атабек выплачивал налог королю Иерусалима, терпел франкские набеги на свою территорию и позволял королевским посланникам посещать работорговые рынки, чтобы освободить христиан. Кроме того, он помешал походу, который Нуреддин хотел устроить с его помощью, чтобы отвлечь франков от осады Аскалона, и попытался отговорить племя туркмен, желавших отвоевать Иерусалим в ноябре 1152 г., от их затей, окончившейся их разгромом: уставшие лошади не позволили турк-

менам оказать сопротивление вылазке горожан Иерусалима, и франкская конница, предупрежденная вовремя (рейд продлился только один день), перебила последних туркменов при подходе к Иордану¹. Но население Дамаска, уставшее от господства франков и власти посредственного Абака, опасаясь захвата города Иерусалимским королем, в конце концов призвало Нуреддина. Абак обратился за помощью к франкам, пообещав взамен Баальбек: Балдуин III еще не собрал свою армию, как Нуреддин вошел в Дамаск (25 апреля 1154 г.).

В этот день объединение мусульманской Сирии разрешило то, что до этого оставалось неясным: кем станут короли, которые восседали в Иерусалиме — «королями Вавилона и всей Азии» или простыми правителями Иерусалима? Отныне доступ в Азию был для них закрыт и рано или поздно Палестине было суждено пасть под натиском соединенных сил Алеппо, Дамаска и даже Мосула, тем более что княжество Антиохийское и графство Эдесское, окончательно ослабленные после завоеваний Зенгидов в 1144—1150 гг., не могли больше отвлекать на себя мусульманские отряды Северной Сирии. Тем не менее франки не отказались от своих планов: они по-прежнему собирались захватить «Вавилон» и завоевать Египет — что было необходимо, дабы противостоять Азии, объединившейся против них — и разве не показательно, что за год до падения Дамаска Аскалон стал франкским городом.

III ЕГИПЕТСКИЙ ВОПРОС И СОЮЗ С ВИЗАНТИЕЙ (1153—1185 гг.)

Завоевание франками Аскалона являлось прямым продолжением политической линии, проводимой Балдуином I и Балдуином II в отношении прибрежных городов, и позиции, занятой государями Иерусалима по отношению к Египту. Этот захват планировался с давних времен: мы уже рассмотрели частые нападения франков на этот город; в 1123 г. франко-венецианский договор был заключен как в преддверии завоевания Тира, так и Аскалона. С самого своего появления графы Яффаские считались также графами Аскалонскими: они много раз жаловали земли из аскалонских территорий (например, в 1126 г., Гуго II де Пюизе пообещал госпитальерам треть лучших «casaux» — деревень — из аскалонской округи, чтобы ускорить миг, когда она станет христианской, а в 1130 г. он заранее жалует Иосафатскому аббатству главную мечеть в

¹ R. Grousset. Sur un passage obscur de Guillaume de Tyr // Melanges Syriens, II, 937—939: этот ортокидский клан, прозванный «Hiaroquin» ведет свое происхождение, согласно Р. Груссе, от Альб-Ярук ибн Орток, будучи младшей ветвью этого дома.

этом городе¹. Но, вопреки всем ожиданиям, последний египетский город в Филитии упорно держался: ведь именно он являлся входными воротами Египта, на землях которого, за исключением укреплений Бильбейса, Дамьетты и Александрии, не было крепостей. Постепенно Аскалон, блокированный христианскими крепостями, стал менее опасным для франков, но только Балдуину III принадлежит честь овладения этим городом.

В начале 1150 г. юный король возглавил крупную экспедицию на юг в район Аскалона и неожиданно для египтян за короткий срок построил там (из камней древнего города) маленькую цитадель Газу (Гадр), охрану которой доверил тамплиерам. Таким образом, Аскалон мог подвергнуться осаде в любую секунду и египтяне напрасно пытались разрушить новую крепость. В постоянных военных стычках, происходивших подле Газы, погиб брат эмира Усамы ибн Мункыза (который сам принимал участие в столкновениях). Ко всему прочему, смуты в Египте осложняли своевременную присылку вспомогательных войск. Балдуин III воспользовался этим: он начал собирать деньги с аббатств, церкви Гроба Господня, купеческих общин (марсельцы выплатили ему 3000 безантов в обмен на торговые привилегии и обещание уступить им укрепление Ромаде². Затем он подготовил флот, состоявший из пятнадцати галер Жирара Сидонского, усиленный кораблями паломников по мере их прибытия. Прибегли к помощи пилигримов, чтобы укомплектовать королевскую армию и тщательно организовали снабжение продовольствием. Осада длилась уже много месяцев, когда египетский флот, куда более сильный, чем франкский, прибыл, чтобы доставить провиант в Аскалон. Тогда военные машины франков проделали брешь в крепостной стене: Гильом Тирский обвиняет тамплиеров, жадных до добычи, в том, что они помешали прочим рыцарям проникнуть в город и случай был потерян (16 августа 1153 г.). Тем не менее боевые действия продолжились, и в конце концов аскалонцы капитулировали 19 августа 1153 г., оставив в руках франков огромную добычу. В этот день граница с Египтом отодвинулась до дельты Нила.

Тем не менее Балдуин III не сумел извлечь выгоду из этого успеха: осада Аскалона обошлась ему дорого, и, озабоченный своими долгами, он пренебрег перемирием, заключенным в 1156 г. с Нуредином. В феврале 1157 г. король напал на стада, принадлежавшие подданным нового правителя Дамаска, которые паслись в лесах около Баниаса (в обмен на выплату дани) и захватил их. Эта непростительная западня, достойная, скорее, какого-нибудь «Rauber-ritter» «рыцаря-разбойника» с берегов Рейна, дала Нуредину предлог, чтобы вновь

¹ R. R., 57, 59, 102, 112, 113, 134.

² R. R., 276, 356: в качестве возмещения за издержки, затраченные канониками, церковь Св. Гроба приняла в дар в Аскалоне одно поместье, один дом и здание «Магомерии Верт» (= мечети).

развязать войну: он нанес госпитальерам поражение под Баниасом и осадил этот город (май 1157 г.). Онфруа Торонский, укрывшись в цитадели, продержался до подхода Балдуина III. Король счел кампанию завершённой и, отстроив крепостную стену города, распустил армию. Нуреддин захватил его врасплох при Броде Иакова и полностью пленил королевский отряд (19 июня 1157 г.). Сам король бежал, и вместе с отрядами, подоспевшими из Антиохии и Триполи, успел помешать воинам из Дамаска захватить Баниас.

Немного позднее «колебание земли в Хаме» (июль—август 1157 г.) разрушило многие мусульманские города, и одновременно в Сирию прибыл граф Тьерри Фландрский: Балдуин тотчас же отправился с ним осаждать Шатель-Руж, в княжестве Антиохийском, затем Шейзар на Оронте. Нуреддин был тогда серьезно болен, и франки уже входили в Шейзар, когда новый князь Антиохийский Рено де Шатийон потребовал, чтобы в том случае, ежели этот город достанется во владение Тьерри, тот принес бы ему оммаж. Тьерри Эльзасский, граф Фландрии, был одним из первых баронов французского королевства, а Рено — авантюристом: они не смогли договориться, и Шейзар был оставлен (конец 1157 г.)¹. Абсурдная претензия Рено стоила франкам потери невероятной возможности вновь укрепиться во внутренней Сирии; тем не менее фландрские крестоносцы и король захватили для Рено важный укрепленный пункт Харим (Harenc) (февраль 1158 г.).

Наконец Нуреддин выздоровел, почти сразу после набега иерусалимцев, добравшихся до Dageiya, подле ворот Дамаска (1 апреля 1158 г.). Он захотел взять реванш, но при осаде трансйорданской крепости Хабиз Джалдак был наголову разбит в кровопролитном сражении при Путаха, к югу от Тивериадского озера (15 июля 1158 г.). В последующие годы ситуация на границе с Дамаском оставалась спокойной (за исключением двух грабительских набегов, предпринятых Балдуином III почти до ворот Босры и Дамаска). У обоих противников появились другие заботы: византийские армии вновь появились в Сирии.

Балдуин III, с целью заключить союз и с его помощью нейтрализовать Нуреддина — возможно, чтобы развязать руки для вторжения в Египет? — просил и добился в 1158 г. руки племянницы Мануила Комнина, Феодоры, которая прибыла в Святую Землю с огромным приданым. Но в конце 1158 г. Мануил внезапно занял армянскую Киликию, и заставил Рено де Шатийона унизиться и признать сюзеренитет византийцев над Антиохией². Балдуин III подоспел, чтобы стать посредником; он был благосклонно принят своим новым

¹ В то же время регент королевства Балдуин Лилльский отправился завоевывать одну крепость в Галааде (С. Т., 852).

² См. J. L. La Monte. To what extent was the byzantine Empire the suzerain of the Latin crusaders states // *Bysantion*, VII, 1932, p. 253.

дядей и без затруднений признал его главенство, правда, не став его вассалом, и заключил с ним союз, направленный против сына Зенги (нач. 1159 г.). Оба государя направились осаждать Алеппо, но Мануил удовольствовался тем, что, напугав Нуреддина, заключил с ним договор, который предусматривал освобождение из плена около десяти тысяч христиан, но зато избавлял мусульманскую Сирию от страшной опасности. В следующем году Балдуину III пришлось вернуться в Антиохию, чтобы там установить регентство на время пленения Рено де Шатийона.

Поскольку Балдуин умер в 1163 г., у него не хватило времени, чтобы вмешаться в дела Египта. Тем не менее он не переставая подготавливал это вмешательство. Египет всегда испытывал нехватку в дереве, железе, смоле и оружии; Балдуин организовал блокаду: в 1156 г. он добился, чтобы пизанцы, тогда союзники Египта, прекратили поставлять в Александрию эти военные материалы в обмен на значительную компенсацию¹. И, воспользовавшись борьбой двух визирей в Каире, король потребовал, в обмен на свое невмешательство, выплату дани в 160 000 динаров (1161 г.)².

Амори I оставалось только следовать по пути, проложенному его предшественником; именно он связал свое имя с походами в Египет, еще перед своим восшествием на престол, в бытность графом Яффаским и Аскалонским, осознав, что египетский вопрос требует разрешения — было необходимо одновременно обеспечить франкам владение ресурсами этой страны и помешать сирийским мусульманам ее аннексировать. Фатимидская династия, родом из далекого Магриба, царствовала в Каире с 968 г.; она полностью деградировала в правление марионеточных халифов, которыми заправляли их визири, оспаривавшие друг у друга неограниченную власть в кровавых переворотах серала. Египетский флот утратил превосходство в восточном Средиземноморье; суданские и армянские отряды халифской армии, мало привычные к войне, не в силах были сопротивляться туркам или франкам. Отсутствие хоть какой-нибудь крепости в провинциях Дельты и Верхнего Нила, многочисленное коптское (христианское) население, возможности вмешательства в борьбу между визирями — все указывало франкам, что Египтом легко овладеть. Но не одни франки понимали это: курдская семья Эйюбидов на службе Нуреддина смогла заметить вовремя

¹ R. R. 322. Эту торговлю оружием, деревом, железом и смолой, постоянно запрещаемую (и наказуемую смертью по «Ассизе горожан»; см. Mas-Latrie. Histoire de Chypre, II, P. 125) продолжали вести контрабандно (Livre des Deux-Jardins, P. 178). Этот запрет, однако, был введен очень рано.

² Помимо этой дани, можно отметить обмен подарками, который показывает существование куртуазных отношений между франкскими государями и «султанами Вавилона». В сокровищнице Сен-Лод д'Анжер сохранился крест из слоновой кости, присланный в эту церковь Фульком Алижуйским: он получил ее к своему восшествию на престол от Каирского «султана» (халифа или его визиря). R. R. add. 139 a.

создавшуюся ситуацию, даже раньше чем запуганный Нуреддин принял решение, и звезда этих курдов (Ширкуха и его племянника Салах ад-Дина Юсуфа, нашего Саладина) взошла именно в этот момент.

Амори I отдавал себе отчет в том, что необходимо будет сдерживать могущество Нуреддина и помешать ему уничтожить Святую Землю, в то время как франкская армия станет воевать в Египте; поэтому он с гораздо большим усердием, чем его брат, поддерживал союз с Византией.

В 1163 г. Амори провел стремительный рейд (потребовав выплаты 160 000 динаров) на Бильбейс; визирь Диргам сумел воспользоваться разливом Нила, и Амори вернулся в Сирию. Он утвердил тогда свой проект завоевания Египта и, как Балдуин II в 1128 г., воззвал к Западу, точнее к королю Франции Людовику VII, прося у него помощи. Но этот призыв не имел особого успеха¹. Тогда старый враг Диргама, визирь Шавар, призвал Нуреддина, чтобы с его помощью вернуться в Египет: именно тогда Ширкух, «коннетабль» Нуреддина, убедил своего господина послать его в эту страну, разгромил Диргама и восстановил Шавара на прежнем месте. Претензии Ширкуха устроили визиря, который призвал франков: Амори I, щедро вознагражденный, в свою очередь, вошел в Египет, чтобы помешать сирийцам оккупировать эту землю и, удвоив свое могущество, взять в кольцо Иерусалимское королевство. Кампания закончилась быстро: Нуреддин разгромил силы князя Антиохийского Боэмунда III при Хариме (10 августа 1164 г.) и отбил у Иерусалимского королевства крепость Баниас, возможно, при помощи измены (октябрь 1164 г.). Амори заключил с Ширкухом договор: каждый уходил из Египта и, сняв осаду Бильбейса, король вернулся в Иерусалим, а затем уехал в Антиохию, которую привел в состояние обороны. С помощью византийцев ему удалось освободить Боэмунда III, но в то же время Нуреддин вторгся в графство Триполи и отвоевал у королевства две крепости, одну подле Сидона (грот Тирона, 1165 г.), другую в Трансиордании (1166 г.). Без сомнения, дальше он не продвинулся из боязни спровоцировать вторжение византийцев.

Но, как и Амори, Ширкух не забыл о Египте: в начале 1167 г. во главе двух тысяч всадников он внезапно появился около Гизы, у подножия пирамид. После неудавшейся попытки перехватить отряд Ширкуха, франки, по просьбе визиря Шавара, ринулись по его следам. Амори послал к халифу Гуго Цезарейского, чтобы заключить союзный договор; по нему франки должны были получить вознаграждение (или дань?) в 400 000 динаров². Ширкух, остановленный на западном берегу Нила, осознал, что франки и египтяне преграждают

¹ Конечно, западноевропейские крестоносцы приняли участие в кампании 1164 г., но прибыли ли они специально ради него?

² Гильом Тирский включает в свое повествование описание ослепительной роскоши халифского дворца. См. R. Grousset, II, 482.

ему доступ в Каир и Дельту. Тогда он направился в Верхний Египет, преследуемый по пятам Амори и Шаваром: Ширкух нанес им поражение при Бабене (18–19 марта 1167 г.), но ему не удалось ни уничтожить франкскую армию, ни помешать ей войти вслед за ним в Дельту, где он захватил Александрию. Амори тут же осадил в этом городе гарнизон во главе с его племянником Саладином, дав Ширкуху возможность вернуться в Верхний Египет, где тот осадил Кус (июнь 1167 г.). Александрия была обречена на голод; Ширкух решил выйти из игры. Через посредничество его пленников, захваченных при Бабене, Арнульфа де Турбесселя и Гуго Цезарейского, договорились, что обе армии вернутся в Сирию: Амори I одержал полную победу, помешав аннексии Египта в пользу Дамаска и Алеппо. Во время этой кампании Нуреддину всего лишь удалось разграбить графство Триполи (тогда наиболее уязвимое) и отобрать у франков Шатонэф, крепость в Верхней Иордании, которую он разрушил, а Онфруа Торонский почти сразу же восстановил (1179 г.).

Египет стал франкским протекторатом: Амори отказался, невзирая на давление своего окружения, которое требовало прибегнуть к простой аннексии и призвать с Запада колонистов, воспользоваться своим успехом, чтобы полностью оккупировать Египет, халиф которого отныне был его союзником. Он согласился на выплату ежегодной дани в 100 000 безантов и размещение в Каире франкского резидента и нескольких рыцарей, на которых возложили охрану городских ворот. Но идея аннексии все же одержала верх. Амори, который по возвращении из Египта в 1167 г. женился на принцессе Марии Комниной, обговорил с византийцами план франко-византийской кампании в Египте: предполагалась уступка Византии Антиохийского княжества и части Египта. Гильома Тирского послали в Византию, чтобы заключить этот договор (сентябрь 1168 г.): начало кампании назначили на 1169 г. Но Шавар уже связался с Нуреддином и обещал ему отказаться от обещанного франкам: дань обещали правителю Дамаска и Алеппо. Резидент в Каире без сомнения тут же известил короля, предложив ему не медля оккупировать Египет. Бароны и, прежде всего, госпитальеры (в надежде на значительную добычу) в конце концов заставили Амори выступить в поход, не дожидаясь византийцев — возможно, одна мысль о том, что византийцы получат часть Сирии и поделят с ними Египет, вызвала раздражение в умах франков. Уже принялись делить шкуру неубитого медведя: чтобы собрать деньги, Амори пообещал Иосафатскому аббатству ежегодную ренту в 1500 безантов с египетских доходов (2 сентября 1168 г.), но, прежде всего, по договору с госпитальерами (11 октября 1168 г.) он передал ордену Бильбейс со всей его округой, налоговые поступления от которых должны были достигать 100 000 безантов в год, плюс 5000 безантов от дохода с каждого из десяти главных городов Египта (Вавилон, Танис, Дамьетта, Александрия, остров Махала, Кус, Фува) и дворцов. Предусмотрели случай, если халифская казна будет захвачена с боем (тогда

королю полагалась ее половина, остальное же делилось по правилам военной справедливости, причем госпитальеры должны были получить большую часть) или же миром (тогда вторая часть должна была отойти ордену), а также если Египет откупится деньгами. Наконец, пизанцам были пожалованы угодья из предназначенных к завоеванию земель: в обмен за свою помощь в осаде Александрии они получали земли в Акре; в 1169 г. король должен был им пообещать один квартал в Вавилоне (Мемфисе, тогда отдельном от Каира, обычном городе халифата-Кахира Фатимидов), другой — в Каире и Розетте, беспрепятственную торговлю по всему захваченному Египту и 1000 безантов в год с королевского рынка в Вавилоне и Каире¹.

Королевская армия внезапно обрушилась на Египет, но тот оказал сопротивление. Король прибыл 1 ноября 1168 г. к Бильбейсу и захватил его 4 ноября; штурм сопровождался грабежом и бойней, что произвело пагубное моральное впечатление на египтян. В то же время флот (без сомнения, по большей части пизанский) захватил и разграбил Танис. Египтяне, не сумев отстоять старый Каир (Фустат), сожгли его. Началась осада Каира. Но из-за сопротивления мусульман королю пришлось ее снять в обмен на немедленную выплату египтянами 100.000 динаров. Кроме того, вновь на сцене появился старый недруг Амори. Ширкух прибыл на Синайский полуостров: Амори вернулся в Бильбейс, чтобы застать его врасплох, но противник уже находился в Каире: 2 января 1169 г. франки отступили в Сирию; спустя шестнадцать дней юный Саладин убил визиря Шавара и захватил Каир, став его правителем после смерти Ширкуха. В августе 1169 г. он перебил суданскую и армянскую гвардии халифа, обнаружив, что они ведут секретные переговоры с франками, и следуя двойной игре, которая так плохо удавалась Ширкуху. Саладин окончательно прибрал власть к рукам, уничтожив Фатимидский халифат (10 сентября 1171 г.) и объединив Египет и Сирию под господством суннитской ортодоксии и абассидского халифата Багдада.

В начале 1169 г. Амори воззвал к Людовику VII и Фридриху Барбароссе, которые, слишком занятые в Европе, не ответили, — и к Византии, где начали действовать. В сентябре 1169 г. мегадук (= адмирал) Андроник Констостефанос привел свои дромоны, галеры и «huissiers» (транспортные корабли, перевозившие лошадей, у которых корма опускалась, образуя наклонную плоскость, когда они причаливали к берегу) в Тир. Амори заключил новые договоры с пизанцами, как мы видели, и с госпитальерами, чьи владения в Бильбейсе

¹ R. R., 449, 452, 466, 467 и Add. Пиза прислала десять галер на осаду Александрии, получила часть выкупа за город и добилась от египетского правительства многочисленных торговых привилегий (Annales Pisani в Muratori. Raccolta, VI, II, p. 45—47). — Пейен Хайфаский должен был получить в Вавилоне фьеф, равный фьефам ста рыцарей (R. R. 465).

он увеличил; вдобавок король принял меры для защиты Святой Земли. Но было слишком поздно: Саладина предупредили. 27 октября франко-византийская армия появилась под стенами Дамьетты, которую Саладин успел снабдить продовольствием и укрепить с помощью своей флотилии на Ниле. Задержка экспедиции привела к нехватке продуктов и ссорам между союзниками; 13 декабря 1169 г. христиане заключили перемирие с мусульманами и сняли осаду. Саладин одержал победу, которая упрочила его власть в Египте: подкрепления во главе с его отцом Эйюбом присоединились к нему в апреле 1170 г. во время броска, предпринятого Нуреддином на Крак де Моаб.

Результат объединения Сирии и Египта не заставил себя ждать: с декабря 1170 г. Саладин атаковал южную границу королевства, захватил предместье Газы, но король Амори, ринувшись к маленькой крепости Дорон, вынудил египтян снять осаду с нее и с Газы. В то же время в Красном море египетский флот взял приступом франкский порт Айлу. Амори I, все сильнее осознавая, в какой опасности оказалось королевство, — опасности, которую он напрасно старался предотвратить, — решил лично отправиться в Византию (10 марта 1171 г.). Мануил Комнин, необычайно тронутый и польщенный этим поступком, подтверждающим подчинение иерусалимской династии Византийской империи, принял с пышностью Амори, который объявил себя вассалом императора. Мануил обещал королю послать новую эскадру и армию для завоевания Египта и помешать туркам-сельджукам из Анатолии соединиться с силами Нуреддина. На следующий год Амори отправился опустошать Хауран, в то время как Нуреддин грабил Галилею (ноябрь 1172 г.). Затем король снова отбыл на Север, чтобы сразиться с киликийскими армянами, только что ставшими союзниками мусульман. Одновременно с этим Нуреддин осадил Крак, но коннетабль Онфруа Торонский заставил его снять осаду (1173 г.).

Но Амори уже предвидел возможность сыграть на распрях в рядах мусульман: в 1171 г. совместная акция Нуреддина и Саладина провалилась, так как Саладин отступил при виде своего господина и союзника. Он все больше вел себя в Египте как независимый государь: новый поход на Крак в 1173 г. ознаменовал открытый разрыв между ним и Нуреддином. Кроме того, последние приверженцы династии Фатимидов продолжали интриговать: они предложили Амори и сицилийским норманнами свой союз. Саладин подавил этот заговор (апрель 1173 г.). Амори поджидал прибытия норманнов, но умер накануне их приезда, после того, как, воспользовавшись смертью Нуреддина (15 мая 1174 г.), осадил Баниас. Новый правитель Дамаска из династии Зенгидов Аль-Салих убедил франкского короля снять осаду, заключив с ним мир, направленный против Саладина. Чуть позже времени кончины Амори сицилийский флот появился под стенами Александрии, но сирийские франки не оказали ему никакой помощи: регент Миль де Планси, озабоченный враждебностью,

которую испытывали к нему в королевстве, не помешал Саладину разбить норманнов, которые сняли осаду по истечении пяти дней (28 июля — 2 августа 1174 г.; возможно, он даже не знал об их прибытии). В конце концов новому правителю Египта удалось аннексировать Дамаск (27 ноября 1174 г.), и только вмешательство графа Триполи Раймунда III, регента королевства при юном Балдуине IV, спасло независимость Алеппо. Вся политика франков в Сирии будет направлена на то, чтобы помешать Саладину подчинить себе владения Зенгидов, Алеппо и Мосул. Воспользовавшись войной между этими городами и Саладином, Балдуин IV совершил бросок до ворот Дамаска, захватил Бейт-джин и разрушил его (август 1175 г.). Саладин не смог оказать отпор, как и во время похода, который король и Раймунд III совершили в район Баальбека (август 1176 г.) с целью заставить Эйюбида снять осаду с Алеппо¹.

Но в тоже время, для того, чтобы обезвредить Саладина и одновременно воскресить планы Амори, франки стали подготавливать новый поход на Египет. Балдуин IV по примеру своего отца раздавал пожалования за счет Египта, чтобы приобрести солдат и корабли², а византийцы послали эскадру под командованием Андроника Ангела, состоявшую из 70 галер и многочисленных дромонов (= транспортных судов) в помощь его экспедиции (1177 г.). Прибытие графа Фландрии Филиппа необычайно благоприятствовало этой затее: в память о подвигах его отца Тьерри, бывшего благочестивым крестоносцем, графу предложили принять командование над армией, выступающей в Египет (ему даже предлагали регентство в королевстве), в которую входили его рыцари. Филипп отказался; захотели отдать войско под начало Рено де Шатийона, прежнего князя Антиохии, который только что освободился из турецкого плена: граф Фландрии отклонил эту кандидатуру. Желал ли Филипп сохранить Египет для самого себя? Побоялся ли он участвовать в экспедиции? Наконец, бесконечные проволочки и капризы франков истощили терпение византийцев, которые, предварительно договорившись перенести кампанию на весну 1178 г., вернулись в Константинополь. Но в этот момент Мануил Комнин потерпел сокрушительное поражение при Мириокефалоне от анатолийских турок (1176 г.): отныне византийцев больше не видели в Сирии.

Саладин, воспользовавшись тем, что Филипп увел часть франкской армии в Северную Сирию осаждать Харим, попытался уничтожить франкское королевство молниеносным ударом; в ноябре 1177 г. он блокировал Дорон и Газу и вынудил короля (с армией в 500 рыцарей) укрыться в Аскалоне: продвигаясь к северу, Саладин перехватил все отряды, спешившие присоединиться к королевской армии, занял Рамлу, осадил Лидду, и уже его разведчики появлялись в пределах Арсуфской сеньории. Но египетская армия рассредоточилась, поджи-

¹ Победа франков при Айн Анджарр над Туран-шахом, братом Саладина.

² R. R., 537.

гая деревни, уничтожая посевные культуры; авангард двигался слишком быстро. Отчаянным броском крошечная армия Балдуина IV, подкреплённая гарнизоном Газы, описала широкий полукруг и внезапно выросла перед Саладином, который полагал, будто она находится далеко позади. Франки ударили прямо в центр эйюбидских отрядов и нанесли Саладину полное поражение: эта битва при Монжизаре (25 ноября 1177 г.) вынудила его бежать к Египту; остатки его войск, преследуемые бедуинами, были обречены на гибельное отступление посреди песков; считали чудом то, что Саладин уцелел во время этого бегства. Балдуин же двинулся войной на Синайский полуостров¹.

На следующий год Балдуин укрепил границу Галилеи, прорванную Нуредином в 1167 г.: крепости Брод Иакова и Шатонеф обезопасили ее от мусульманских набегов. Но отряд во главе с королем из Шатонефа в Баниаском лесу столкнулся с мусульманским авангардом, который нанес тяжелые потери окружению Балдуина: его коннетабль Онфруа Торонский погиб (апрель 1179 г.). Тогда Саладин направился опустошать Сидонскую сеньорию: франкская армия, проводившая контрнаступление, была захвачена им врасплох и после первоначального успеха (тамплиеры «слишком увлеклись погоней» за мусульманами), побеждена в битве при Марж Айюм (10 июня 1179 г.). Саладин тут же осадил и разрушил новую крепость Брода Иакова (29 августа 1179 г.).

Саладин не только вдохнул энергию в египетскую армию и продолжил дело Нуредины на дамасской границе: в отличие от Фатимидов, которые оставляли флот в бездействии, без боя пропуская франкские морские караваны, новый повелитель Египта реорганизовал эскадры, унаследованные от своих предшественников, удвоив число кораблей. Историк Макризи также приписывает ему реорганизацию «дивана аль-остуля» (морского министерства). «Книга Двух садов» знакомит нас с отрывком из письма губернатора Каира Саладину: «Египетский флот... усиленный кораблями, несущими двойной груз (он был доукомплектован моряками родом с побережья Магриба) произвел чудеса храбрости и приложил все усилия для священной войны... он напал на порт Акру, франкский Константинополь и оплот этих неверных. Наш флот, некогда побежденный, ныне сам побеждает; христиане, столь хорошо охраняемые, про-

¹ После битвы при Монжизаре Балдуин IV осадил цитадель Задр и даже угрожал Факусу на египетской границе (Maqrizi. R. O. L. VIII, P. 527). См. J. Barthelemy, G. Wiet. Description d'une forteresse de Saladin decouvert au Sinai//Syria, III, 44 и 145. (Задр, которую издатель Макризи искал возле Иерусалима, находится, скорее, к востоку от Суэца, неподалеку от древнего города Кулзум) — бросились ли франки преследовать султана? — При Монжизаре из 3000 христиан 1100 были убиты и 750 ранены; 30 000 мусульман были убиты, 1500 попали в плен (Delaville Le Roulx. Les Hospitaliers..., P. 596\$ Joinville, ed. N de Wailly, P. 244.).

снулись желтыми, подобно растению *wars*»¹. Действительно, прямо в самом порту Акры египетская эскадра разграбила, захватила, сожгла и потопила христианские корабли, стоявшие на якоре. На следующий год она угрожала Бейруту и разграбила Тортосу, а в 1182 г. организовала полную блокаду франкской Сирии, беря на abordаж одинокие суда, как, например, один плашкоут, везший в Палестину из Константинополя четыре сотни латинян, избежавших бойни, устроенной против них Андроником Комниным. И итальянские купцы вновь вспомнили дорогу в Александрию: венецианцы, генуэзцы и пизанцы один за другим заключали договоры с Саладином (их тексты сохранились до наших дней), к вящей выгоде последнего, и возобновили контрабанду оружием².

Речь более не шла о завоевания Египта: королевство перешло к обороне. Также и речи не могло быть о византийском союзе. После Мириокефалона Мануил Комнин вновь готов был перейти в наступление: Гильом Тирский прибыл умолять его о помощи франкам. Но Мануил умер (1180 г.). Его вдова Мария Антиохийская была вскоре низложена Андроником Комнином, который приказал перебить константинопольских латинян, заключил союзный договор с Саладином и вступил в войну против сицилийских норманнов (1185 г.). Киликия выскользнула из-под власти византийцев, которые более не могли одной лишь демонстрацией силы удержать натиск мусульман.

Но, к счастью для франкского королевства, Саладина удерживали дела в Северной Сирии. Для него священная война была лишь разновидностью борьбы за гегемонию: как и во времена первых сельджуков, Сирия и Месопотамия были разобщены, и место подле халифа занимали лишь подобия султанов. Саладин захотел возвысить свою власть до высшего арбитра среди мусульманских князей. Но сначала нужно было избавиться от последних Зенгидов. Поэтому после Марж Айюма он согласился заключить перемирие с Иерусалимским королевством.

Но со времен вмешательства Ширкуха в дела Египта между франками и мусульманами остался один щекотливый вопрос: Трансиордания и Аравийская Петра, которые теперь препятствовали сообщению между Сирией и Египтом, соединенных под властью Саладина: известно, что в 1170—1174 гг. тот угрожал Краку, Монреалу и захватил Айлу. Франкам было необходимо сделать не-

¹ *Livre des Deux-Jardins*, p. 210 (14 октября 1179 г.; *Maqizi*, p. 541. Эйюбидские источники обвиняли Фатимидов в том, что они вяло вели священную войну; однако одна хроника (Н. Or., III, 468 sq.), повествуя о 1150—1159 гг., показывает, как их флот атакует франкские порты, а армия осаждает Валь-Моиз, грабит Иерусалимскую область и нападает на Аскалон, Газу, Гибелин, Тафилу и Шери'а (Тель Шери'а из *Guide bleu*, carte p. 624).

² *Id.*, p. 178, 230. Около 1180 г. Балдуин IV предоставил охранный пропуск мусульманскому купцу в Тире, чтобы тот мог провести свой корабль с товаром в Египет и вернуть его обратно (R. R. Add.) По свидетельству Ибн-Джубайра, торговые связи продолжались, несмотря на военное время (R. Grousset, II, 752).

приступным этот район, столь раздражающий исламский мир. По браку эти земли достались человеку, которого Р. Груссе удачно прозвал «франкским бедуином» — Рено де Шатийону. Еще во времена, когда счастливый случай превратил этого младшего отпрыска из одной шампаньской семьи в князя Антиохийского, Рено проявил себя куда более жестоким, чем обычный грабитель. Став правителем Трансиордании и Монреала, он, невзирая на перемирие, так необходимое королевству, совершил глубокий рейд в Аравию и разграбил там Тальму, перехватил караваны и даже угрожал Мекке¹. Но худшим было то, что, когда Саладин потребовал от Балдуина IV свершить правосудие, Рено отказался подчиниться королю и сохранил свою добычу. В наказание Саладин приказал пленить людей, уцелевших после кораблекрушения большого судна, направлявшегося из Апулии в Иерусалим; из 2500 пассажиров, которые были на его борту, мусульмане взяли в плен на египетском берегу 1676 человек. Затем, собрав свою армию, Саладин захватил сеньорию Рено и поставил в опасное положение Монреаль. Выманив в этот регион франкскую армию, он послал губернатора Дамаска в Галилею, которую тот опустошил (взятие Бюри, май 1182 г.), затем на Суэцкую территорию, где капитулировал Хабис Джалдак. Сам Саладин вошел в Галилею, где его племянник осаждал Бейсан. Армия Балдуина IV появилась перед ним, и после битвы при Форбеле (июль 1182 г.) вытеснила мусульман из Галилеи. Саладин, воспользовавшись протяженностью франкских границ, стремительным маршем двинулся на Бейрут, который и осадил при содействии египетского флота (1182 г.). Балдуин IV собрал свой флот и вовремя подоспел, чтобы спасти город.

Тогда Саладин решил, принудив франков перейти к обороне, нанести удар Зенгидам прямо в центре их могущества, в Мосуле. Этим он только спровоцировал создание враждебной ему коалиции, к которой присоединился Балдуин IV взамен обещания выплаты 10 000 динаров и передачи франкам всех крепостей, недавно отнятых у них на границе с Дамаском (Торон, Баниас, Хабис Джалдак). Воскресив традицию стремительных походов, франкская армия дважды угрожала Босре, доходила до Дарейи подле Дамаска, еще раз разрушила Бейт-джин и возвратила себе Хабис Джалдак (последние месяцы 1182 г.). Саладин снял осаду с Мосула, но у правителя Алеппо из династии Зенгидов, Зенги II, не хватило мужества защищать Алеппо против него: 12 июня 1183 г. владыка Египта и Дамаска присоединил к своим владениям Алеппо. Никогда еще франкской Сирии не грозила такая опасность: теперь со всех сторон ее теснил единый Ислам.

В 1183 г. Иерусалимское королевство и его вассалы (графство Триполи и княжество Антиохийское) могли рассчитывать только на свои силы: годы непрекращающейся войны сменили мирные времена, предшествовавшие воцаре-

¹ После этого нападения Саладин приказал построить крепость в Суэце, чтобы перекрыть франкам доступ в Верхний Египет. (Maqrizi, в R. O. L., VIII, P. 539).

нию Нуреддина в Дамаске. Сельская местность Галилеи жестоко пострадала, надвигался голод, тем более что в любой момент александрийские пираты могли прервать подвоз продовольствия по морю. Византия больше не была союзником латинян: погрязнув во внутренней битве против «феодальности», которая являлась военной основой империи Комнинов, Андроник Комнин ослабил сврю империю также из-за борьбы против итальянских купцов и латинских наемников и сделался противником франков. Нечего было и помышлять о Египте: «grasse terre», некогда столь желанная для франков, откуда они вывозили столько богатств, стала источником могущества Эйюбидов.

Саладин, выгадав свой последний успех, вторгся на франкскую территорию: 29 сентября 1183 г. он занял Бейсан, захватив затем замки на севере Самарии (оба Герена и Форбеле). Франкская армия двинулась ему навстречу и, чтобы не быть подавленной численным превосходством противника, укрепилась возле источников Тубании. Укрывшись за вырытыми рвами, франки находились в безопасности от мусульманских всадников, которые только могли вести стрельбу из луков; но приближался голод, и в рядах франков начался бунт. Бароны отказались вступить в бой с Саладином; они подвезли продовольствие и не мешали мусульманам нападать на Мон-Фавор и Назарет. Саладин задумал притворным отступлением завлечь христиан в ловушку: но франки воспользовались этим, чтобы занять лучшую позицию, и мусульманскому владыке пришлось уйти (1183 г.). Еще раз сельские местности Галилеи и Самарии были опустошены, теперь после урожая: общественное мнение сурово осудило баронов, однако Саладин был вынужден отступить, так и не уничтожив иерусалимскую армию.

Несколько месяцев спустя Рено де Шатийон предпринял новый «поход в Аравию». С помощью судов, перевезенных на спинах верблюдов, он осадил Айлу и направил одну эскадру в Красное море, которая разграбила арабские и египетские порты, захватывала корабли и караваны. Это был новый вызов Саладину: не только торговля с Индией была поставлена под угрозу, но франки к тому же высадились неподалеку от Медины. В ярости Саладин приказал снарядить флот, разбивший корабли и экспедиционный корпус франков, участники которого были поголовно либо перебиты, либо ослеплены (чтобы больше не могли найти дорогу к Святому Городу Ислама). После своей сентябрьской кампании в Галилее он попытался еще раз захватить Крак (ноябрь 1183 г.), чье предместье было занято, а верхний город, где тогда праздновали свадьбу принцессы Изабеллы Иерусалимской с Онфруа IV Торонским, осажден. Балдуин IV спешно созвал свою армию и во главе с Раймундом III Триполийским отправил вызволять крепость; Саладин отступил (4 декабря). Но он не замедлил вернуться (август 1184 г.), и еще раз Раймунду III удалось освободить Крак, не угодив ни в одну ловушку, которые готовил для него Саладин.

Опустошив еще раз Самарию, разграбив Наблус, Севастию и Гран-Герен, Саладин вернулся в Дамаск. Его кампания против королевства закончилась

полным провалом: он не смог уничтожить иерусалимскую армию, чтобы завоевать затем беззащитное королевство, и его наступление с более ограниченной целью, в Трансиордании, также не увенчалось успехом. Кроме того, став повелителем Алеппо, Саладин оказался втянут в массу распрей, не имевших отношения к франкским делам: в апреле 1185 г. он выступил осаждать Мосул, вторгнулся в Великую Армению: поэтому, когда бароны Иерусалима, боясь голода (засуха была ужасающей и опустошения предыдущих лет осложнили снабжение продовольствием), попросили у него перемирия, он с удовольствием согласился, порадовавшись, что у него развязаны руки для мусульманских дел.

Таким образом, до 1187 г. франкское королевство выстояло, несмотря на самый неистовый натиск, какой она испытывала со времен битв при Аскалоне и Синн-аль-Набре. Вопреки первейшей необходимости оставаться в обороне и свою изоляцию (в 1184 г. решили воззвать к Западу), королевству все же удалось отбить атаку, которую вели против него объединенные силы мусульманской Сирии и Египта. По окончании четырехлетней войны (1181—1185 гг.), которая последовала за разгромом при Марж Айюме (1179 г.) и тревоги Монмюзара, латинское государство в Палестине подтвердило свою прочность, но силы его были на грани истощения. Это продемонстрировал призыв к государям Запада, прозвучавший весной 1184 г.: патриарх Иерусалима и оба великих магистра — тамплиеров и госпитальеров — отправились к императору и королям Франции и Англии, чтобы предупредить о смертельной опасности, грозящей Иерусалиму. Однако посланники нашли Запад поглощенным своими делами: Вильгельма II Сицилийского — войной с Византией, для чего он повсюду набирал солдат; Филиппа-Августа — борьбой против Генриха Плантагенета и коалиции собственных вассалов; наконец, Генрих Плантагенет, хоть и показал себя самым отзывчивым на воззвание франков Востока¹, не мог позволить Филиппу-Августу, связанному общими интересами с его родными сыновьями, подорвать англо-анжуйское могущество в свое отсутствие. Накануне великого испытания латинское королевство осталось в одиночестве, несокрушимое с виду, ослабленное в реальности. Одни лишь долгие годы мира могли разрешить ему восстановить свои силы и с успехом противостоять любому натиску. Но эти годы ему дарованы не были.

¹ Он послал через посредничество двух великих магистров крупную «казну» в Палестину, либо для того, чтобы оплатить издержки своего крестового похода, либо для того, чтобы наилучшим образом распределить ее на нужды Святой Земли. — В конце 1185 г. патриарх Иракий прибыл вручить королю Генриху ключи от Иерусалима, башни Давида, королевский стяг и т. д., и, кажется, предложил английскому королю, чтобы его сын Иоанн Безземельный принял даже регентство королевства — иначе говоря, корону — как потомок Фулька Анжуйского. Английский двор отказался в марте 1185 г. (Giraud de Cambrien. Ed. Dimock, V, p. 360; Matth. Paris., Chron. Majora, II, p. 322—324).

IV КОРОЛИ ИЕРУСАЛИМА

Исключительные условия, в которых происходило установление королевской власти в Иерусалиме, сказались на ее характере и даже заложили в ее основу спорные моменты. Известно, что после взятия Святого Града столкнулись две диаметрально противоположные концепции, и решение, которое было принято, носило характер компромисса. В рядах крестоносцев одна партия, преимущественно состоявшая из клириков, объединенных вокруг Арнульфа де Роола, родом из Эно, отвергала саму мысль выбрать вождя, чтобы управлять завоеваниями в Палестине: на этой Священной Земле по окончании похода, предпринятого с целью освободить Гроб Господень и организованного по инициативе самого папы, общепризнанным предводителем которого был до своей смерти папский легат, не могло быть иначе, кроме как выбрать патриарха, духовного главу новой «вотчины Св. Петра». Что касается светского вождя, то его положение мыслилось как подчиненное патриарху Иерусалимскому: если и нужно было выбрать подобного человека, то и речи не могло идти о его избрании прежде религиозного предводителя.

Но в действительности наиболее влиятельной партией в совете, руководившем крестовым походом, были военные (смерть унесла двух самых уважаемых прелатов, Адемара Монтейского и Гильома Оранжского и самым заметным персонажем среди духовенства стал Пьер Нарбоннский, епископ Альбары, который находился в плохих отношениях с Арнульфом де Роолом и его друзьями, людьми со скверной репутацией); эти бароны не могли представить, чтобы Иерусалим был бы неделимым владением и не попал бы вновь при этом в руки мусульман. Светский вождь, таким образом, был необходим; потому решено было отклонить предложения клириков и выбрать «короля» для управления завоеванной территорией прежде, чем избрать патриарха — если, вообще, избирать последнего.

Кого сделать королем? На ум сразу приходил один кандидат, чья армия оставалась самой многочисленной и чьи финансовые средства казались неисчерпаемыми: Раймунд Сен-Жильский. Несмотря на его ссоры с Танкредом — который пользовался щедростью Раймунда перед тем как рассориться с ним в последние часы кампании, — граф Тулузский получил поддержку большинства баронов, но отказался¹. Приводили несколько причин его отказа:

¹ G. T. P. 329, 337, 367. Stevenson, p. 36; La Monte. P. 4; H. Glaesener. Godefroy de Bouillon, etait-t-il «mediocre»? // *Revue d'Hist. Ecclesiastique*, XXXIX, 1943, p. 309—341. (Считали, что Раймунд отказался от короны из уважения к правам императора на Иерусалим — что нам кажется сомнительным.)

осознание собственной непопулярности, опасение требований духовенства к короне; но современники утверждали, что граф снял свою кандидатуру из-за несогласия в своих войсках, желавших побыстрее вернуться на Запад и мало расположенных поставлять кадры для оккупации Палестины. Роберт Фландрский и Роберт Нормандский не хотели оставаться на Западе. Танкред был всего лишь кондотьером, располагавшим небольшим войском, и младшим отпрыском в семье, не имевшим никакого достояния в родной стране: таким образом, все теперь указывало на Готфрида Бульонского, герцога Нижней Лотарингии, который покинул Запад без надежды на возвращение, продав даже свой родовой замок епископам Льежа¹. Помимо важной роли, которую он играл в крестовом походе, выбор «электоров» пал на Готфрида еще и благодаря большому числу его соотечественников, согласившихся остаться в Палестине.

Благочестие Готфрида не позволило ему отказаться от престола, который в конце концов его убедили принять; но он должен был согласиться, без сомнения, под давлением герцога Нормандского, пойти навстречу требованиям духовенства. Некоторое смирение помешало ему, по словам его биографов, «носить золотую корону там, где Христос носил терновый венец»; он без затруднений объявил себя «защитником» — титул, которым в Северной Франции обозначали мирянина, назначенного защищать церковь, — «Гроба Господня», иначе говоря, представителем патриарха в мирских делах (24 июля 1099 г.). Тезис духовенства был принят, но оказался нарушенным из-за того, что назначение Готфрида произошло раньше, чем патриарха. Кроме того, Арнульф де Роол был выбран патриархом без соблюдения необходимой процедуры и не обладал престижем, позволившим бы ему отстранить своего «защитника», с которым он стал сотрудничать.

Все разом изменилось с прибытием папского легата Даимберта Пизанского, который низложил Арнульфа и возродил претензии Церкви на корону: Готфриду предлагалось сохранить Иерусалим только на время, необходимое для завоевания другого города, которому и предстояло стать его столицей. Поддержка Боэмунда Антиохийского позволила восторжествовать этой идее, и смерть Готфрида, казалось, предоставила патриарху главенство над будущим королевством: если бы Даимберту удалось упрочить свою власть, не было бы никаких «Иерусалимских королей».

Но Даимберт не мог рассчитывать на содействие окружавших его людей: духовенство его не слушалось, а бароны и того менее. Иерусалимская область попала, в период «царствования» Готфрида, в руки его соратников, и их перечень может отчетливо объяснить дальнейший ход событий. Это отнюдь не разношерстная толпа: за редким исключением (Годемар Карпенель, «прованса-

¹ Triumphus sancti Lamberti de castro Bullonio // Monumenta Germaniae Hist., Scriptores, XX, p. 498—499.

лец», в лице которого Танкред и Даимберт нашли врага после взятия Хайфы, которую ему обещал Готфрид, а Танкред отнял)¹, первые рыцари, осевшие в королевстве, прибыли из Северной Франции, и по феодальным обязанностям и родству были связаны с герцогами Нижней Лотарингии и графами Булони, от которых происходил Готфрид. Гарнье де Грез, Гишер Германец, Герхард д'Авень, Гюнтер, Рауль де Музон, Жоффруа Камерарий, Герри Фландрский, Матье Меченосец и Миль де Клермон-ан-Аргонн, как и Готманы из Брюсселя, Литард де Камбре, Пизель де Турне, Андре де Водемон, Пьер де Лен, Арнульф Лотарингец, Кассели или Лилли считали себя наследственными вассалами семьи Готфрида и хотели, чтобы Иерусалим, завоеванный герцогом Нижней Лотарингии, достался его брату. Именно поэтому Гарнье де Грез, брабаконский сеньор и родственник Готфрида, захватил иерусалимскую цитадель, Башню Давида², и его сторонники, невзирая на требования Даимберта, удерживали ее до прибытия брата защитника Гроба Господня, Балдуина Булонского, графа Эдесского. Сам Балдуин, которого Готфрид, возможно, на смертном одре назвал своим преемником, с несколькими рыцарями без колебаний в одно мгновение преодолел долгий путь от Мелитены до Иерусалима. Даимберту помешали призвать Боэмунда, и проарденнские настроения франкского населения не дали разгореться гражданской войне: с триумфом принятый в Иерусалиме и вскоре избавленный от присутствия Танкреда (который отправился в Антиохию занять место Боэмунда, попавшего в руки турок), Балдуин справился с претензиями патриарха. Он предложил Даимберту короновать его в Рождество 1100 г. в Вифлеемской церкви (а не в Иерусалиме: было ли это компромиссом с патриархом?)³. Связав титул «Иерусалимского короля» с воспоминанием о древних царях Иудеи, Балдуин I (1100—1118 гг.) смог перенести на свою корону престиж библейской династии Давида и Соломона, что сделало ее позиции неоспоримыми.

Тем не менее Иерусалимские короли сумели поладить с претенциозным духовенством: во время коронации они всегда клялись, перед тем как сам патриарх приносил им клятву, защищать патриарший престол; они признавали себя вассалами Римской церкви, как на то указывает конфирмация, данная в

¹ Годемар Карпенель принадлежал к войску графа Тулузского (С. Т. 337); без сомнения, он прибыл из Фореца, где другой «Galdemarug Carpinellus» упомянут в картулярии Конка (ed. Desjardins, 506).

² Башня Давида была захвачена Раймундом Сен-Жильским, который потребовал ее себе в качестве резиденции в течение его пребывания на Святой Земле. Когда Готфрид заявил свои претензии на цитадель, башню доверили «в охрану» епископу Альбары, который тотчас же предоставил доступ в нее Готфриду. В 1114 г. русский игумен Даниил описал ее как необычайно укрепленное здание.

³ Гипотеза А. Глезенера (H. Glaesener. Op. Cit., P. 341.): Он заметил, что Балдуин II, принявший помазание в Иерусалиме в 1118 г., также был коронован в Вифлееме в 1119 г.

1128 г. папой Гонорием II Балдуину II. Впрочем, в том же году новый патриарх Этьен (Стефан) Шартрский, родственник короля, возобновил претензии Даимберта, потребовав уступить ему Иерусалим и Яффу как территории, принадлежащие патриархату: королю же предлагалось как можно быстрее захватить Аскалон и устроить там свою резиденцию. Начался большой конфликт, который завершился только в 1130 г. после смерти Этьена.

Носила ли королевская власть, упроченная и вскоре избавленная от притязаний церкви, выборный или наследственный характер? Если верить «Иерусалимским Ассизам», король был всего лишь избранником баронов и Бальан Сидонский торжественно утверждает этот тезис в начале XIII в.¹ Получается, что понимание «Ассиз» основывалось на ошибке, которую не распознало большинство историков. Ведь не иерусалимские бароны, а все великие сеньоры, присутствовавшие при осаде Иерусалима, избрали Готфрида Бульонского: когда почти все они вернулись на Запад, Готфрид и его наследники распределили фьефы между своими вассалами. Король вовсе не был просто сеньором, выбранным равными ему феодалами, к тому времени уже обладавшими своими фьефами: именно от Готфрида все сеньоры Иерусалимского королевства получили свою землю, взамен принеся ему клятву верности. Мы уже показали, что Готфрид, став «королем», оставался герцогом Нижней Лотарингии в глазах своих вассалов и их природным сеньором. Его брат Балдуин I пользовался тем же престижем: создается такое впечатление, что правила наследования королевства в Святой Земле были те же, что существовали тогда в отношении наследования крупных фьефов в Северной Франции. «Избрание» в том виде, в каком оно будет принято в церемонии коронации, представляло собой тройной возглас народа, когда патриарх, обернувшись к нему, спрашивал, есть ли тот, кого он готов помазать легитимным наследником, «dreit heir», королевства².

Единственные осложнения с передачей королевства по наследству, приключившиеся в XII в., были связаны с определением степени родства с предыдущим королем. Когда Балдуин I умер, в свою очередь, бездетным, его самым близким наследником стал его брат Евстахий, граф Булонский, тогда находившийся во Франции. Но оставлять королевство без защитника в течение того времени, которое потребовалось бы на его приезд, считали опасным: иерусалимские бароны разделились на два лагеря — чистых легитимистов и тех, кто был против. Первые послали найти Евстахия, а вторые, по наущению графа Галилейского Жослена де Куртене, решили призвать на трон кузена Балдуина I, Балдуина де Бурка, бывшего тогда графом Эдесским. Последний 11 апреля 1118 г. принял королевское помазание и стал Балдуином II — он не забыл услуги, которую ему оказал его кузен Жослен де Куртене, оставив ему во

¹ В 1231 г., см: La Monte. P. 3.

² Lois, I, P. 29.

владение графство Эдесское. Что касается Евстахия, который из чувства долга согласился отправиться в Иерусалим получать корону, то по прибытии в Италию он узнал (скорее всего, летом 1118 г.) о коронации Балдуина II и, несмотря на наличие своих сторонников, признал свершившийся факт, не захотев начинать гражданскую войну на Святой Земле. Так, в иерусалимское право вошел принцип — о нем вспомнит в XIII в. Филипп Новарский — по которому корона должна переходить к самому близкому родственнику покойного короля, живущему на Востоке.

После 1118 г. наследование королевства прошло более спокойно: Балдуин II выбрал мужа для своей старшей дочери, Фулька Анжуйского, ставшего, таким образом, назначенным наследником, от которого корона перешла затем к сыновьям последнего — Балдуину III, а после его кончины — к Амори I (правда, не без осложнений, причины которых мы постараемся разъяснить). Сын Амори I, Балдуин IV, наследовал ему в свой черед, и только после него право наследования королевства претерпело изменение в ходе междоусобных битв.

Если право наследовать было признано за претендентом, следовала процедура помазания короля: до Балдуина II процедура помазания была отдельной от церемонии коронации, которая происходила в Вифлееме в праздник Рождества. Церемония помазания государя разворачивалась по следующей схеме: духовенство встречало у ворот церкви (Гроба Господня, позднее кафедрального собора Тира) короля, который клялся защищать от всех посягательств патриарха и его церковь, равно как и законы, кутюмы и вольности королевства. В свою очередь патриарх приносил клятву в том, что будет поддерживать корону и даровал королю поцелуй мира, затем же приглашал народ провозгласить его подлинным сюзереном королевства. После «*Te Deum*» король занимал место на хорах, а его бароны подносили ему корону и золотое яблоко, которое «символизирует землю королевства (*senefie la terre dou reaume*)», коннетабль — королевское знамя (гонфолон), сенешаль — скипетр: государь же во время этой церемонии, которая должна была превратить его в наполовину клирика, был одет как диакон. Коленопреклоненный, он садился, в то время как над ним читали молитвы и после секвенции прелаты помазывали его святым елеем; надевали кольцо на палец и затем опоясывали мечом; он получал корону, скипетр и золотое яблоко и прелаты провозглашали: «*Vivat rex in bona prosperitate*». Месса продолжалась. Во время причастия король снимал корону; он причащался после мессы, и помазавший его прелат (патриарх, или, в его отсутствие, архиепископ Тира, Цезареи или Назарета) брал стяг из рук коннетабля, его благословлял и передавал королю, который возвращал стяг коннетаблю (подтверждая тем самым назначение последнего на прежнюю должность). Затем, посреди огромной процессии новый король направлялся в Храм Господень (*Templum Domini*) и приносил в дар свою корону там, где младенец Иисус был посвящен Богу, потом же продолжал путь в Храм Соло-

мона — «Тампль», давший имя тамплиерам, где начинался пир, завершавший церемонию¹.

Короля надлежало короновать в двенадцать лет, по сведению «Книги короля»: это решение было, без сомнения, принято после неурядиц, сопровождавших восшествие на престол Балдуина III. По смерти короля Фулька в 1143 г. Балдуину исполнилось всего тринадцать лет, и его мать, наполовину армянка, Мелизинда, стала регентшей. В 1150 г. король еще не был коронован, и при поддержке партии баронов, уставших от господства Манассе д'Иержа (кузена Балдуина II, ставшего коннетаблем королевства)², он потребовал передачи правления в свои руки. Ему удалось, не без труда, заставить себя короновать (в тот момент Балдуину исполнился 21 год) в церкви Гроба Господня, но его мать решила уступить ему только север королевства (Тир и Акру), сохранив для себя Иерусалим и Наблус: так появились два разных государства, с двумя коннетаблями (Манассе д'Иерж у Мелизинды и Онфруа II Торонский у короля). В год, когда Балдуин созвал свое войско, чтобы идти на выручку Эдессе, на его призыв ответили только бароны из его домена. Поэтому Балдуин III поспешил объявить войну своей матери и захватил ее столицу: Манассе, плененный в Мирабеле, должен был покинуть королевство, а королева-мать удовлетворилась Наблусом.

Другое регентство имело место после смерти Амори I: по праву оно должно было достаться либо матери короля — но Амори развелся с Агнессой де Куртене еще перед своим восшествием на престол — либо самому ближайшему родственнику государя, после назначения в Высшей курии: таким образом, регентство — «бальи» попадало в руки Раймунда III Триполийского. На самом же деле сенешаль Милон (Миль) де Планси, возможно, при содействии Агнессы, отказался уступить Раймунду под предлогом, что сначала требуется собрать Высшую курию. Убийство сенешаля, которое Гильом Тирский обходит молчанием, положило конец его узурпации, и бальи королевства стал Раймунд III.³

Но царствованию Балдуина IV суждено было превратиться, особенно в конце его жизни, в битву между различными кланами за регентство (Бальи): несчастный прокаженный король, чувствуя, как слабеют его силы, неустанно искал того, кто смог бы его заменить, не повредив интересам королевства. Печальное зрелище являл собой этот больной, без конца терпевший неудачу в надежде найти барона, способного защитить королевство, не посягая на корону. Филипп Фландрский немедленно воспользовался предложением взять «Иерусалимское королевство под свою охрану и защиту: все подчинились его

¹ Lois, I, p. 29.

² Манассе был новым человеком в Сирии: он отправился в Святую Землю в 1140 г. (A. Le Mire. Opera diplom., I, 689).

³ R. Grousset, II, 613; Dodu, p. 124.

воле в вопросах мира и войны, налогов и доходов с земель королевства, так, что казенные деньги уже распределились по его желанию, как будто он был полным господином». Филипп, озабоченный только фландрскими интересами, попытался выдать сестер короля замуж за двух сыновей сира де Бетюна (которые должны были уступить ему, в обмен на обретенное право наследования короны, свои домены в Артуа) и, получив отказ, сложил с себя регентские полномочия, которые были временно доверены главе баронов, Рено де Шатийону (1176 г.)¹. Тогда Балдуин IV выдал свою старшую сестру Сибиллу замуж за сына маркграфа Монферратского, Вильгельма, который почти тотчас же умер, оставив сына, будущего Балдуина V (1177 г.). Тогда были сделаны шаги, чтобы убедить согласиться на тяжкий труд защищать королевство, с помощью руки Сибиллы и должности бальи, герцога Бургундии Генриха III, который посещал Святую Землю в 1171 г.: Гуго дважды колебался дать согласие, и в конце концов переговоры провалились (1178—1179 гг.). Затем Сибилла вышла замуж за юношу, младшего отпрыска в пуатевинском доме Лузиньянов, Гиставшего, в свою очередь, бальи королевства и не замедлившего взбунтоваться против короля, который тогда призвал Раймунда III (1184 г.). Но царствование Балдуина IV, несмотря на личные достоинства юного государя, ознаменовало закат королевской власти в Иерусалимском королевстве, и только до этого момента можно проследить то, что представляли собой реальные полномочия и могущество королей в пределах их «баронии»².

V КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ

Очевидно, что лишь у немногих средневековых государств конституционная структура так хорошо изучена, как в случае Иерусалимского королевства; однако лишь в немногих королевская власть являлась столь ограниченной, как та, что вырисовывается на страницах «Иерусалимских Ассиз». Это — страна Утопия, о какой только и мог мечтать теоретик самого чистого феодального права, которую мы назвали бы наиболее совершенной парламентской республикой, где королевская власть существует только потому, что феодализм представляет собой пирамиду, несмотря ни на что нуждающуюся в

¹ G. T. ed. P. Paris, P. 382. (Бальи уже назначали в то время, когда король не мог править: во время пребывания его в далеких походах и в 1123—1124 гг., в период пленения Балдуина II.)

² Переводчик Гильома Тирского писал: «Я называю это королевство баронией, ибо оно очень маленькое» (P. 745) (70 лье в длину, от 2 до 22 лье в разных местах в ширину, согласно Эрнулю, P. 26).

вершине¹. Мы вправе сомневаться в исключительной точности картины, составленной для нас юристами. Не лишним будет вспомнить сначала то, что представляли собой «Иерусалимские Ассизы».

Традиционная теория, основанная на сочинениях великих авторов XIII в. — Жана д'Ибелена и Филиппа Новарского, выдвигает историю создания этого знаменитого текста: якобы когда франки взяли Иерусалим, то посчитали, что будет невозможным построить жизнеспособное государство, не обзаведясь перед этим законодательным кодексом. Тогда они стали спрашивать у «людей из различных мест, прибывших туда, каковы обычаи их земли», из которых и выбирал Готфрид. Этот кодекс был положен на сохранение в Гроб Господень, затем изменялся при различных обстоятельствах. Филипп Новарский ознакомился, по слухам, с «Письмами Гроба» — большими пергаменами на французском языке, скрепленными печатью короля, патриарха и виконта Иерусалима. Во время многочисленных ассамблей кодекс пересматривали, спрашивая мнение крестоносцев, прибывших с Запада: именно так граф де Сансерр предложил включить ассизу о наследовании фьефов женщинами. Поэтому М. Гранклюд смог назвать иерусалимское право на первом этапе правом официальным, отличным от кутюмы, «очень прогрессивным в силу своего законодательного характера». Утрата Иерусалима в 1187 г., сопровождалась потерей «Писем Гроба». Если бы король Амори II смог добиться согласия Рауля Тивериадского (оба они очень хорошо помнили текст «Писем»), иерусалимский кодекс мог бы быть восстановлен почти полностью. Но Рауль не захотел утруждать себя составлением этих документов, и иерусалимское право с этого момента становится исключительно кутюмным: «мудрые люди» сохраняли юридическую традицию «Писем Гроба», но не во всей его полноте, а их ученики, великие юристы XIII в., принялись «заново составлять» право, методично группируя свои воспоминания и обсуждая противоречивые сведения². Совокупность их работ и составила компиляцию, известную под именем «Иерусалимских Ассиз».

На самом же деле эта традиция, связанная с Ассизами, кажется недостаточно достоверной. Уже довольно долго спорили по поводу приписывания Готфриду первой редакции «Писем Гроба», но не обратили должного внимания одному тексту Гильома Тирского, который сообщает нам, какова была первая ассиза (*status*: установление), принятая в Святой Земле: первые поселенцы, обескураженные своей малочисленностью и боясь мусульман, оставили самые

¹ «Королевство Иерусалимское лежало у истоков феодальной республики, возглавляемой выбранным королем» (Grandclaude, P. 150) — мадам Ла Монт только что посвятила свежий очерк «Ассизам» (*La Monte. Three questions concerning the Assises of Jerusalem// Byzantina metabyzantina*, I, 1946, P. 201–211).

² *La Monte*, P. 5; *Dodu*, P. 32–61; *Grandclaude*, P. 9–22, 96 sq.

опасные земли в надежде вернуться, если Святая Земля станет более спокойным местом. «Из ненависти к тем, кто таким образом сбегал, было первоначально постановлено в этих краях, что всякий, кто будет держать землю год и один день, никогда за нее ничего не должен; это потому, что там было много таких, кто из страха и трусости бросали свои владения и сбегали, а затем, когда в стране устанавливался мир, возвращались обратно и желали их вернуть, но по этому закону они уже не имели никаких прав»¹. Мы полагаем, что это «первое право» было установлено в правление Балдуина I, спустя некоторое время после воцарения крестоносцев.

После серии бедствий, опустошивших Святую Землю (грабежи мусульман, землетрясения, нашествие саранчи и лесных мышей) за четыре года, и вызвавших голод, бароны, прелаты и сам король собрали в 1120 г. в Наблусе так называемый «собор», который станет, скорее, «парламентом». На нем были установлены двадцать пять статей, которые указывали на самое примитивное состояние права. При чтении этих статей обнаруживается, что до сего момента ни одна кутюма не предусматривала наказания за самые привычные преступления и правонарушения: прелюбодеяние, содомию, отношения между франками и местным населением, двоебрачие, воровство². Потребовалось также определить юрисдикцию королевского двора: если барон уличал человека другого барона в воровстве, то должен был не калечить его, а передать в суд королевской курии. Если бы к этому времени уже существовал кодекс, то было бы весьма забавно, что в нем ничего не содержалось по поводу этих преступлений... На самом же деле, вероятней всего, что трибуналы судили тогда скорее на основании «здорового смысла» (то есть исходя из кутюмов той области, откуда был родом судья), а не единообразного права. Слово «ассиза» означало не только «законодательное решение, установленное королем и его людьми» (Гранклод), но и судебный приговор — мы бы назвали это прецедентом³. «Ассизы» являются плодом труда юридической активности иерусалимских курий в большей степени, чем законодательного творчества, начатого «a p̄iog».

Но полностью отрицать законотворческую деятельность значило бы противоречить самим текстам. Гильом Тирский предоставил нам один такой пример, и позднее юристы обладали слишком точными воспоминаниями, чтобы мы могли отвергать их свидетельства. На деле именно к ним нужно обращаться, чтобы составить справедливое представление об иерусалимском праве XII в.:

¹ G. T., IX, 19 (ed. P. Paris, P. 324). См. совсем новую статью И. Правера: J. Prawer. The Assise de teneur (Economic history review, 1951).

² G. T., XII, 13; Mansi. Sacrorum conciliorum nova et ampl. Collectio, XXI, P. 262.

³ В хартии Бетгибелина (R. R. 457), кутюма Иерусалима названа *iudiciis Hierosolymitanis* — иерусалимскими судебными решениями.

отчасти к Филиппу Новарскому, но прежде всего к «Книге короля», компиляции, которую М. Гранклод датировал 1197—1205 гг., но притом обвинял ее в духе слишком благоприятствующем королевской власти, признавая все же объективность этого труда¹. Можно задаться вопросом, не в нем ли наиболее правдиво отображена монархическая концепция, господствовавшая в Иерусалиме в XII в.: не упразднили ли юристы XIII в. само понятие измены, ограничив смысл этого слова?

Именно понятию измены посвящен первый законодательный текст, который дошел до нас в виде ассизы о владении сроком на один год и день, названной «Установлением Балдуина де Бурка», которая определяет, по каким причинам «верный человек» может быть «лишен наследства» (т. е. своего имущества)². Предусмотрены двенадцать случаев: вооруженный мятеж против своего сеньора или его земли, чеканка поддельной монеты, попытка отравить своего сеньора или его семью, помощь вилланам, взбунтовавшимся против сеньора, отступничество («если он бросит свой фьеф, отречется и станет сарацином»), бегство с поля боя, если оно повлекло за собой пленение сеньора, передача своего фьефа сарацинам, отказ подчиниться своему сеньору в его справедливом требовании. Три последние причины наиболее интересны: своего фьефа лишался вассал, который прибегал к помощи сарацин, чтобы войти во владение своей землей — это очень напоминает мятеж Гуго де Пюизе против короля Фулька в 1132 г. [Гуго призвал себе на помощь египетские войска, чтобы сохранить себе графство Яффаское, которое у него хотел отнять король. Не идет ли в данном случае речь о дополнении к «Установлению Балдуина»?]. Что же касается других параграфов, то они имеют в виду барона, который «устраивает в своей земле равнь для кораблей и судов, открывает дорогу в языческие земли, чтобы увеличить свои владения и ущемить права короля», а также тех, кто чеканит монету в своем домене. Можно задуматься, не связан ли этот отрывок с мятежом Ромена дю Пюи, дата (1128?) и причины которого нам почти неизвестны: не после этого ли мятежа (который проходил при соучастии сарацин) Балдуин II выпустил эту ассизу?

Балдуин II определенно столкнулся с глухой оппозицией: его воцарению противодействовали сторонники Евстахия Булонского; известно, что позднее иерусалимскую корону предлагали графу Карлу Фландрскому (1119—1127 гг.): произошло ли это событие в период пленения Балдуина³? Но текст «Установлений» свидетельствует, что власть этого государя уже была признана, и по ассизе он получал очень широкие полномочия. Однако юристы XIII в., убеж-

¹ Grandclaude, P. 44—50, 120.

² Livre au roi, 16. «Балдуин де Борк», согласно «Ассизам горожан», № 239, был королем-законодателем.

³ Dodu, P. 141—142 (согласно Гальберту Брюггскому).

денные приверженцы феодального парламентаризма, обошли вниманием этот закон, который воспроизводится только в «Книге короля».

Множество указаний подтверждает, что власть Иерусалимских королей не находилась под надзором их вассалов в правление Балдуинов. В идеальном государстве Жана д'Ибелена король не является источником права: это баронам принадлежит высшая судебная власть. Но во всех средневековых государствах был принят принцип множественности судей: то, что король был государем-судьей, нисколько не мешало тому, чтобы он уступал вынесение приговора своим людям. Фульхерий Шартрский решительно именовал Иерусалимского короля государем-судьей, и известно, что королю случалось выносить судебное решение по делу, не прибегая к созыву Высшей курии. Усама поведал, что он прибыл к королю Фульку пожаловаться на сеньора Баниаса, который захватил овец у дамаскинцев — от грубого обращения пали ягнята. «Король сказал тогда шести-семи рыцарям: «Ступайте, рассудите его дело». Они вышли из его покоев и совещались до тех пор, пока все не сошлись на одном решении. Тогда они вернулись в помещение, где принимал король, и сказали: «Мы постановили, что властитель Баниаса должен возместить стоимость овец, которых он погубил». Король приказал ему возместить их цену». Эта сцена являлась привычной процедурой любого судилища при сеньориальном дворе, и кажется, что в этом отношении Иерусалимское королевство не выделялось среди прочих королевств какой-либо особой исключительностью. Короля Амори I обвиняли в том, что он принимал «услуги» (с XVII в. станут говорить «взятки») от тех, кто выносил дело на его суд. Однако это никоим образом не свидетельствует о какой-либо самостоятельности Высшей курии¹.

Вассалы Иерусалимского короля заверяли подписями акты своего государя: не нужно думать, будто это означало то, что король от них зависел. Не забудем, что подписи свидетелей регулярно практиковались в XII в. во Франции, если не капетингскими королями — которые со времен правления Людовика Толстого стали ограничивать этот обычай подписями главных коронных чинов — то, по меньшей мере, всеми крупными вассалами королевства. Эта процедура была гарантией лучшего выполнения договоров. В Иерусалиме этот обычай применялся по другим причинам: «Короли должны умножать, а не уменьшать права короны в своем королевстве (*Li rois est tenu de acreistre et de non amermer les droitures de la couronne de son reyaume*)», сказано в «Книге короля», где также добавляется, что никакая привилегия не имеет силы, если не подтверждена вассалами (и была самое большее пожизненной, действуя при жизни дарителя) и что бароны должны завизировать все дарения, сделанные

¹ Фульхерий Шартрский, цитированный у Додю, Р. 265; Grousset, II, 441; Додю был сбит с толку сходством с институтами французской королевской власти в гораздо более позднюю эпоху (Р. 261–268) и не делал различия между XII и XIII вв.

королем. С помощью этих мер короля принуждали сохранять принадлежащее короне, и эта предосторожность ни в коей мере не наносила ему ущерб¹.

Теоретически в области законодательства — феодальное право очень заботилось о личной свободе — никакое решение не могло быть принято без участия заинтересованных лиц. Хотя королю удалось навязать «Установления», выгодные короне («Установление» Балдуина II, Ассиза о ленной зависимости), и все же известна одна «Ассиза об уборке улиц», которую в XIII в. считали незаконной, так как она была введена королем без консультаций с баронами и горожанами.

Власть короля была ограниченной, это очевидно: средневековая концепция, особенно в этом сирийском королевстве, где каждый человек был на счету для защиты границ, не допускала личного всевластия. Но привилегии короля были несомненны: вассалы обязались становиться заложниками, чтобы освободить короля, если он попадет в плен к мусульманам или не выплатит свои долги; никто не мог покинуть королевство в течение одного года и одного дня без королевского разрешения; никто не имел права отказать королю в совете, которым любой вассал обязан своему сеньору (отсюда вела свое происхождение Высшая курия); никто не мог продать свой фьеф без согласия короля.

В отношении же церкви королевская власть, хоть и признала более-менее ее сюзеренитет, на деле пользовалась значительной независимостью. Лишь одно миропомазание — если не считать церковные санкции — ставило короля в подчиненную позицию к духовенству; но особо важное право контроля за назначением на епископские должности, принадлежавшее государю, предоставляло ему полную свободу действий. Весьма вероятно, что, подобно капетингскому королю, иерусалимский монарх мог рассматривать некоторые церковные епархии королевства как придаток к своему домену.

И благодаря размерам своего домена король окончательно возвышался над своими вассалами. Конечно, этот домен был обременен многочисленной ношей: повинностями в пользу церкви, разного рода фьефами — в особенности «платными фьефами» (выплатами денежной ренты, напоминающей зарплату), которые также назывались «ассизами»² — но таково было общее положение всех доменов в средние века. За пределами крупных фьефов, зависимых от него, но составлявших настоящие политические объединения, король управлял посред-

¹ Livre au Roi, 1, 2, 3. В XIV, XV, XVI вв., как это показывают исследования г-на Дюпон-Феррье (Dupont-Ferrier. Etudes sur les institutions financiers de la France), французская корона восстановит этот контроль над собой, уступив своим палатам (счетов, косвенных сборов, «парламенту») право пересматривать привилегии, пожалованные королем: вот откуда ведет свое происхождение право *ремонтажей*.

² На латинском Востоке Ассиза, помимо своего специального значения в законодательной сфере, обозначала пребенду каноника как ренту с прибыли: см. «Ассиза королевского виночерпия (assisia pincernatus Regis)» Эда де Сен-Амана в 1171 г. (R. R. 487) etc...

ством своих чиновников четырьмя из больших городов королевства: в Иерусалиме, где он сам проживал в «королевском маноре» (который в 1229 г. приобрели рыцари Тевтонского ордена), ему, прежде всего, принадлежала Башня Давида, резиденция королевского кастеляна; его трибунал возглавлял виконт, которого король назначал и снимал по собственному желанию; «platearius» взимал подати, которые королю полагались от продажи продовольствия. Эти повинности были сокращены в 1121 г. Балдуином II, который беспокоился о продовольственном снабжении Святого Града: поставщики продовольственных продуктов были освобождены от побора, который все прибывающие выплачивали при въезде в город, а также от налога королевским чиновникам за взвешивание и количественное определение семян и овощей.¹ «Plateaticum», хоть и уменьшившийся в размерах из-за некоторых разделов (в 1124 в пользу венецианцев, в 1132 и 1152 гг. в пользу марсельцев) приносил значительный доход королю, который, помимо этого, владел правом ценза (арендного налога) над многими домами и лавками — существовала, например, королевская живодерня — и получал процент с банковских операций («часть от стола менял»). Чиновники короля — виконт или кастелян — взимали от его имени налог с продаж, за выполнением которого они следили по приказу королевской курии. Очевидна вся выгода, которую могли представлять эти налоги в таком торговом городе, как Иерусалим, где вероятней всего также располагался монетный двор королевства, позднее перенесенный в Акру.

В иудейской местности король также владел землей, многочисленными виноградниками и «casaux» (слово, которое обозначало на Востоке подобие западноевропейской «villa», деревню или хутор, состоявший из некоторого количества домов), хозяева которых должны были нести обычные домениальные повинности в пользу короля: от сервов требовали продукты, от свободных крестьян — деньги. К югу от Святого Града король приказал укрепить населенный пункт Бланшгард (который ему принадлежал в 1144—1166 гг.) и Дорон, что на египетской границе: эти две крепости были доверены кастелянам, а не

¹ С. Т. I., Р. 531; R. R., 43, 59, 67, 487 (прибыль от поборов при входе в Ворота Давида), 1229. Право взимать налог с обмера (во Франции — «minage») стало предметом нашей статьи: «La greneterie de Bourgogne et les mesures a grains dans le duche de Bourgogne (Memoires de la Societe pour l'histoire du droit... bourguignon, X, 1944—1945), где мы попытались раскрыть средневековое понятие мер. Определение в государственных (publiques) мерах количества продаваемого товара было принудительным. Иерусалимский мюид был довольно близок к римскому модию, который подвергся незначительному изменению на Востоке (болгарское модю — около 8 литров), тогда как во Франции он равняется многим гектолитрам. Латинян удивили маленькие границы мюида, «который необычайно мал в Святой Земле». (С. Т. Р. 817). Мюид зерна в Сирии в XIX в. весил 13 килограммов, то есть вмещал около 18 литров. Кажется, что он не был равен мюиду крестоносцев.

вассалам, которые владели ими по праву наследства. На востоке королевский домен достигал Мертвого моря и, сообразно с монополией на рудниковую добычу, признанную за сеньорами в средние века, сам государь давал разрешение населению побережья добывать соль и битум из этого моря, как это сделал в 1138 г. Фульк Анжуйский в пользу обитателей местечка Текуа. На севере Иерихона (которым управлял виконт) замок Сент-Эли (отданный в 1185 г. деду Балдуина V Вильгельму III Монферратскому) служил связующим звеном между королевскими владениями в Иудее и Самарии.

В этом новом государстве Наблус играл роль столицы: король здесь также имел дворец, кастеляна и виконта — но должность виконта Наблуса, в отличие от Иерусалима, была наследственной¹. Рынок (фундук) Наблуса приносил королю значительный доход, а сельская местность Самарии поставляла основную массу сельскохозяйственных товаров для продажи на рынке Иерусалима: там процветали лен и виноград. «Напль» являлся одним из главных городов королевства и занимал центральную позицию, которой недоставало Иерусалиму. В период образования королевства этот город — в древности Сихем (Сихарь) — входил в большое княжество Галилейское, основанное Танкредом, но короли возвратили его себе и предоставили основную часть Наблусской области во фьеф семье Мильи (с 1108 г.). В 1161 г. Балдуин III ликвидировал эту сеньорию, представлявшую крупный анклав в гористом районе между Иерусалимом и Наблусом, обменяв его у Филиппа Наблусского, главы дома де Миль, на крупный фьеф Трансиорданию².

Эта первая часть королевского домена составляла внушительный территориальный массив от окрестностей Хеврона до Бейсана, размером и богатством превосходивший любую баронию королевства³. Но второй регион также являлся личной собственностью короля: речь идет о домене Тира и Акры, простиравшегося от выхода из долины Эсдрелона до Кармиля на юге и Нахр Литани на севере. Эта часть прибрежного домена короля была не менее изобильной. Акра, завоеванная в 1104 г., также находилась в управлении кастеляна и виконта, чья юрисдикция распространялась вплоть до городка Казаль Юмбер. Местность вокруг города была очень плодородной и богатой; наряду с хлопком, оливками, виноградом, которые выращивали в многочисленных поместьях в долине, воды реки Белю, к выгоде короля, приводили в движение

¹ Семья виконтов Наблуса стала предметом исследования мадам Ла Монт: La Monte. The viscounts of Naplouse in the twelfth century // Syria, XIX, 1938. Возможно, что она состояла в родственных связях с семьей Мильи, владевшей землями в том же регионе. Виконты Наблуса владели замком Ла Фонтен Танкред, который изображен на печати одного из них (издано в кн.: Schlumberger. Sigillographie de l'Orient Latin), но чье местоположение осталось неизвестным. См. Clermont-Canneau. Recueil, V, p. 74.

² R. R., 359; Foucher, p. 389.

³ R. R., 496.

большое число мельниц, где перерабатывали тростник и сахар; известно, что в 1160 г. Балдуин III сдал в аренду некоему Рено Фоконье, в виде пятой части бенефиция, все мельницы, расположенные в Акре и на реке, с правом рыть новые водопроводящие желоба, дабы создать новые мельницы. Система уступать доходы с той или иной отрасли «откупщику» была широко распространена: мыловарение, мясная торговля, красильное или дубильное производство часто становились объектом аналогичных «откупов»¹. Но главное богатство Акре приносил ее порт, наиболее посещаемый во всей южной Сирии — хотя он был довольно посредственным укрытием, ибо в 1249 г. во время бури там разбились семьдесят два судна! В этом городе процветала промышленность, в особенности кораблестроение², но вся эта деятельность и в сравнение не шла с прибылью, которую приносила королю таможня Акры («цепь») и городской рынок («фундук»). Пожалования в ренте от таможни и рынка невозможно перечислить: король тысячами безантов исчислял платные фьефы, которые он выплачивал с помощью этого настоящего золотого дна... Налоги, которые взимали с товаров на продажу, хорошо известны в XIII в.; способ их сбора описан мусульманским путешественником Ибн Джубайром в 1184 г.: несмотря на свою ненависть к франкам, этот «сарацин» признавал, что с него взяли минимальную пошлину. Арабские писцы — «сарацинские писцы цепи» — вели свои регистры на арабском языке и разбирались с жителями мусульманского Востока, тогда как писцы-франки принимали латинян. Что же касается кораблей, то они должны были платить за право пришвартоваться одну марку серебра по прибытии, а также налог «*terciagia*» (треть от стоимости за проезд паломника)³.

Территории Акры и Тира, отделенные друг от друга маленькой сеньорией Сканделион на побережье, смыкались в «горах», где находилось кастелянство Шато-дю-Руа (позднее Монфор). Тир был второй столицей королевства, ставший местом коронации после утраты Иерусалима; из одного венецианского донесения XIII в. мы знаем обо всех королевских правах (которые существенно уменьшились в эту эпоху) в Тире и его предместье. Менее активный порт, чем Акра, Тир, возможно, выигрывал в отношении промышленности, и Гильом Тирский превозносит, с поэтической интонацией, изобилие и очарование своего архиепископского града.

¹ Rey, P. 222; R. R., 344. В Акре находился монетный двор, где чеканили «сарацинские безанты» (с арабской надписью) и дирхемы, как и в Тире. (Rey, P. 264). В Иерусалиме, как на всем Западе, чеканили денье.

² Rey, P. 150–153. На одной улице в Акре, находившейся возле улицы Жестянщиков, занимались изготовлением «морского бисквита» (*ruga de Biscotto* или улица Бисквита, *id.*, P. 469, в Монмюзаре, около Голубятни госпитальеров.

³ Rey, P. 262; R. R., 607. Dodu, P. 235–240.

Эти четыре города, Иерусалим, Наблус, Акра и Тир, составляли самую стабильную часть королевского домена, из которого они выходили только на время, чтобы стать вдовьей долей королей: Наблус в 1152 г. был уступлен Мелизинде, а позднее вдове Амори I, Марии Комнине. Вдова Балдуина III, Феодора Комнина, получила Акру во вдовью долю и сохраняла этот город до своего романтического похищения собственным кузеном, будущим Василевсом Андроником Комниным. Но Иерусалимские короли также владели, с интервалами во времени, Яффой, которая была захвачена в 1099 г., затребована патриархами, уступлена в 1118 г. Гуго I де Пюизе, конфискована в 1132 г. у Гуго II, чтобы вместе с Аскалоном составить в 1151 г. апанаж будущего Амори I, присоединившего эти два города к королевскому домену, из которого они были изъяты, дабы стать приданным Сибиллы в 1176 г.; в дальнейшем они то присоединялись, то отделялись от королевских владений.¹ Имела место и политика увеличения домена (присоединение Бейрута Амори I, Торона Балдуином IV), которая напоминает усилия Капетингов по расширению границ их владений.

Протяженность королевского домена при Балдуинах уже сама по себе обеспечивала им главенствующее место среди вассалов, а богатство позволяло королям быть довольно могущественными. Но тяжелые расходы на войну, а также дарения и иммунитеты, на которые они были вынуждены соглашаться, объясняют нам, почему государям постоянно не хватало денег. Эрнуль рассказывал, как армянский князь Торос, возвращаясь из паломничества в Иерусалим, в разговоре с Амори I удивился тому, что большое количество замков принадлежит не королю, а другим людям: «Сир, — молвил Торос королю, — скажите мне, где вы берете воинов, когда сарацин идет на вас?». Король ответил, что он нанимает их за свой счет. «И где вы берете деньги, — сказал Торос, — ибо я не вижу, чтобы вы имели ренты, на которые можно содержать войско?» Король ответил: «Я их занимаю, так как не могу сделать иначе». Этот анекдот, может быть, не совсем правдивый, хранит воспоминание о финансовых сложностях, с которыми приходилось сталкиваться королю (особенно верно это в отношении Амори I)².

Король, помимо своих домениальных доходов, сохранял для себя некоторые пошлины (как, например, пошлину с караванов, которые по пути из Египта в Багдад пересекали Трансиорданию), дань, выплачиваемую бедуинами за воз-

¹ Яффа была присоединена к королевскому домену при Фульке: поэтому он мог, следуя частному средневековому праву, пожаловать ее своему младшему сыну. Тот же Амори I вновь присоединил графство к королевству: его дочь Сибилла, которая, помимо прочего, была наследницей престола, получила Яффу для себя. Эсмля, присоединенная королем к его домену, могла быть им же и отдана, без ущерба для прав короны: таково было происхождение апанажа.

² Ernoul, p. 29. Случалось, что королю было нечем платить свои долги: *Livre au Roi*, 8, 27.

возможность пасти свои стада на землях, контролируемых франками... Но когда этих доходов не хватало, приходилось прибегать к экстраординарным поборам. Хотя поступления от штрафов и конфискаций при случае приносили крупную прибыль, необходимо было искать деньги другими средствами, которые весьма смахивали на разбой: король пользовался (несмотря на иммунитет) правом обирать судна, потерпевшие кораблекрушение, и его обвиняли в том, что, ища в этом выгоду, он приказывал пускать ко дну корабли на море, чтобы затем разграбить их груз¹, а Балдуин III устроил в баниасском лесу непростительную ловушку для туркмен, которые приходили туда пасти стада, находясь под его же королевской защитой (1157 г.). Наконец, в случае «национальной» необходимости, прибегали к настоящим налогам — для введения которых требовалось согласие нации, то есть «парламента»: когда король Амори I предпринял поход в Египет, было решено, что «все, кто не пойдет с ним в войске, отдадут ему десятую часть своего движимого имущества» (как клирики, так и миряне). В 1177 г. Саладин угрожал Иерусалиму: бароны и прелаты, видя скверное состояние городских стен (правда, уже укреплявшихся в 1151 г.) решили выплачивать ежегодную контрибуцию до тех пор, пока они не будут приведены в полный порядок. В 1183 г., иерусалимский «парламент» перед лицом необычайной опасности, грозившей королевству, осознавая бедность короля и баронов, установил всеобщий налог, чтобы собрать «наемников». Текст, введший этот налог, дошел до нас² и предоставил нам необычайно интересные подробности об условиях его сбора: в каждой епархии должны были выбрать четырех «честных людей», которые втайне распределяли «талю» в размере одного безанта от ста безантов наличных денег и 2 % от дохода. Церкви, бароны и вассалы были обязаны платить 2 % от своего дохода, держатели платного фьефа — 1 %. Сеньоры сельских деревень (casaux) должны были платить фуаж (налог в один безант с очага), который они взимали с вилланов «таким образом, дабы ... бедняк не платил столько же, сколько богатый». Чтобы казну не расходовали «на мелкие нужды королевства, но только для защиты земли», ключи от двух сундуков в Иерусалиме и Акре, где хранились деньги, вручили трем лицам от каждого сундука (кастеляну Иерусалима, патриарху и приору Гроба Господня; архиепископу Тира, графу Жослену, сенешалю королевства, «избранным Акры»).

Таким образом получается, что прежде французских королей Иерусалимские государи ввели всеобщий налог, взимание которого осуществлялось спосо-

¹ R. R., 359; Dodu, p. 234–235; Autobiographie d'Ousama ibn Mounkidh, ed. Derembourg, Paris, 1895, p. 34; Emoul, p. 288.

² R. R., 269; Grousset, II, 480; G. T. Ed. Paris, pp. 400, 450 (в этом тексте представлена система, которая предвосхищала «elections» (финансово-податные округа), созданные во Франции в XIV в.).

бом, перенятым затем во Франции¹. Управление королевскими финансами принадлежало одному из главных чинов короны, первому из них по званию — сенешалю. В его обязанности входило осуществление правосудия, если ему случалось заменить короля (Ла Монт назвала его «вторым я» короля), распоряжение церемониями, назначение бальи и «писцов» «секрета» (счетов). На него также возлагалась инспекция крепостей. Но его полномочия простирались только на виконтов, а не на кастелянов: гражданский чин, он уступал место коннетаблю во всех военных вопросах, и воинственная история королевства на практике выдвигала того на первое место. Во Франции сенешалем было суждено стать очень важными персонажами: в Иерусалиме же они так и остались на том скромном уровне, какой занимали в феодальной Франции в XI в.

Коннетабль был самым значимым из прочих главных чинов: он играл роль вице-короля, которая теоретически принадлежала сенешалю (поскольку именно он на поле боя занимал место государя). Он председательствовал на заседании Высшей курии в отсутствие короля, возглавлял в военное время ополчение и назначал военачальников, отвечал за порядок в армии, в командовании которой занимал второе место, наконец, занимался «разделом поместий в землях сеньора (короля) и прочих лиц» — то есть установкой границ доменов. Все это давало ему возможность осуществлять регентство в отсутствие короля, и два коннетабля, Евстахий Гранье и Гильом де Бюр, один за другим занимали эту должность во время пленения Балдуина II. Маршал являлся помощником коннетабля и прежде всего отвечал за «расстановку отрядов армии» и проверку оружия и снаряжения, а также заведовал сложным процессом восстановительных работ. Канцлер, назначаемый из духовенства, ведал составлением хартий — и без сомнения, как Гильом Тирский, который занимал эту должность, направлял дипломатию королевства. Камергеры управляли королевским дворцом, распределяли расходы короля и хранили казну. Неизвестно, существовала ли в Иерусалимском королевстве должность «адмирала», но Жирар Сидонский, который командовал во время осады Аскалона (1153 г.) пятнадцатью королевскими кораблями и реквизированными судами, на которых прибыли паломники, значился как начальник².

¹ Dodu, P. 258, бездоказательно утверждает: «латинским государям удалось организовать систему налогообложения, которая могла бы дать многое, но так и осталась непродуктивной».

² Великолепное исследование о главных чинах королевства принадлежит г-же Ла Монт, стр. 114–122; их перечень, стр. 252–255; *Livre au roi*, 9–15 (коннетабль командует первым отрядом, движущимся за туркополами, которые выполняют функции разведчиков; маршал командует предпоследним отрядом, король или сенешаль — последним. Из захваченного быки, лошади, козы и бараны отходят маршалу); Grousset, II, 354. Каждому из этих главных, а также для более низких чинов полагается фьеф, представляющий собой форму вознаграждения (фьеф камергера, фьеф кравчего).

Наряду с великими чинами, главами королевской администрации и их подчиненными (туркополером, командиром сарацинской кавалерии; виконтами; кастелянами; бальи счетов; бальи «фундука» и «цепи»; драгоманами; писцами; мафезепом или главой местной полиции; логофетом — простым секретарем, а не одним из главных чиновников, как на Сицилии), Иерусалимским королям помогал править «Парламент», (одновременно высший суд и орган вотирования налогов), служивший им советом. Все эти институты вместе обеспечивали королевству довольно разветвленную администрацию, чья «эффективность» была на порядок выше, чем у администрации большинства западноевропейских государств в ту же эпоху. Как продемонстрировала г-жа Ла Монт, эти институты в своем большинстве вели свое происхождение из Франции XI в., но развитие их было независимым от Запада.

В XIII в. иерусалимские институты приведут к настоящему парламентаризму, но их эволюция могла бы быть существенно иной, и царствование Амори I показало, что государи Иерусалима во всем сравнимы с капетинскими королями, которым их так часто старались противопоставить.

Царствование Амори I¹. — Когда 8 февраля 1163 г. скончался Балдуин III, не оставив после себя детей, казалось, что его наследник будет признан беспрепятственно: им был его брат Амори I, который с 1151—1153 гг. носил титул графа Яффы и Аскалона. Но Гильом Тирский нам сообщает, что между баронами начались яростные споры по поводу права Амори на наследство, и только после вмешательства прелатов и согласия большинства баронов дело уладилось в пользу Амори: он был коронован 18 февраля в возрасте двадцати семи лет. К несчастью, этот историк, всегда очень сдержанный в отношении внутренних сложностей латинского королевства, не поведал нам о мотивах этого разлада. Мы знаем только, что новый король, по требованию патриарха Амори де Нея, должен был развестись со своей женой, Агнессой Эдесской, от которой у него было два ребенка, Сибилла и Балдуин. Агнесса приходилась дочерью графу Жослену II, у которого турки отвоевали Эдессу в 1144 г., а затем, в 1152 г. ему было суждено попасть в плен и умереть в узилище. Жена последнего Беатриса была вынуждена отдать византийцам остаток графства, прежде чем укрыться в Иерусалиме со своими детьми, Жосленом III и Агнессой, на которой Амори женился перед 1159 г. Несмотря на аннулирование брака из-за родства в четвертом колене, дети Амори, рожденные от Агнессы, сохранили права на отцовское наследство.

Итак, кажется, что супруга Амори являлась главным препятствием для восшествия на престол графа Яффаского. Р. Груссе посчитал, что ей повредил

¹ См. R. Rohricht. *Amalrich I, König von Jerusalem* // *Mittheilungen des Oesterreich. Instituts*, 1891, XII, 433—493. Дата его вступления на престол, данная Гильомом Тирским (1162 г.), должна быть исправлена на 1163 г. (Р. Pelliot. *Comptes rendus Acad. Des Inscr.*, 1944, I, P. 76).

слишком легкомысленный образ жизни: мы же думаем, что враждебность баронов вызывало ее окружение из эдесских баронов, потерявших свои владения и «эвакуировавшихся» в Палестину, чье влияние на короля иерусалимская знать не пожелала терпеть. Действительно, во время кампании в Египте в 1164 г. одного рыцаря, по имени Арнульф де Турбессель, назвали особо приближенным к королю, который доверил командование своей пехотой другому эдессцу Жослену де Самосату, вместе с неким Балдуином де Самосатом, фигурировавшим в рядах главных вассалов графа Яффаского. И если среди них не присутствовал будущий сенешаль Жослен III, то только потому, что в 1162 г. он получил от Амори во фьеф Харим, находившийся в княжестве Антиохийском¹. Известно, что Миль де Планси похвалялся тем, что повелевал королем и навлек на себя ненависть баронов — он воспользовался своей дружбой и родством с королем, приобретя Трансиорданию. Амори показал себя как король, легко поддающийся влиянию своего непосредственного окружения: этот молчаливый, степенный, слегка заикающийся государь, по словам Гильома Тирского, сильно отличался от своего брата Балдуина III, очень открытого, «куртуазного и ладно говорившего», который был королем по сердцу баронов. Поэтому весьма правдоподобно, что, удаляя Агнессу Эдесскую, «оппозиция» надеялась избавиться от эдесской камарильи, которую ей так и не удалось устранить. Но вовсе не это первое столкновение с баронами побудило Амори действовать совместно с ними...

Известно, что он собрал иерусалимский «парламент» в 1171 г., когда объединение мусульманской Сирии и Египта поставило королевство в опасное положение: в своем выступлении король обрисовал угрозу и попросил совета у своих вассалов: «Обсуждение затянулось, король поднялся и отошел в сторону, позвав свой личный совет, где было немного людей, затем вернулся назад и стал вести речь перед всеми»²: таким образом, решение было принято в этом личном совете, а не в «парламенте», и не получило поддержки у большинства баронов; в конце концов Амори решил сам отправиться в Константинополь, чего никто из присутствующих не ожидал.

Это стремление к «самовластию» яснее всего выражено в том, что называют государственным переворотом — Ассизе о верности (*Assise de Ligece*). М. Гранклюд высказал свое мнение о ней: «Ассиза Амори господствует над всей политической жизнью обоих королевств (Кипра и Иерусалима); она является Великой хартией вольностей латинского Востока. Но в Сирии эта ассиза означала победу Иерусалимского короля и мелких вассалов над крупными баронами. Она... была составлена после победоносной войны, которую

¹ С. Т. 883–890, 928, 936. Амори женился во второй раз в 1167 г. на Марии Комниной. Michel le Syrien (Doc. Arm.) I, 353.

² Grousset, II, P. 570.

король Амори вел против Жирара де Сеста». Жирар Сидонский лишил одного из своих вассалов фьефа без суда. Амори I посчитал, что все держатели фьефов, даже те, кто не является непосредственными вассалами короля, все равно обязаны приносить ему тесный оммаж (что привязывало их к государю, в обход любых других феодальных уз); ни один сеньор не может потревожить своего вассала без «рассмотрения дела в курии»; все вассалы одного и того же сеньора составляют вместе сообщество равных, причем каждый из них обязан защищать другого против общего сеньора. Этот закон позднее обернется против самой королевской власти, но во времена Амори он особенно ограничивал крупных феодалов; в их доменах было трудно собрать достаточное количество сговорчивых «вассалов», чтобы собрать трибунал, тогда как из всех рыцарей королевства король с легкостью мог набрать трех судей и заседателей, необходимых для «созыва курии» и тем самым открыть дорогу произволу и «доброму удовлетворению» монарха¹.

Амори извлекал пользу даже из правосудия: Гильом Тирский рассказывал, что он принимал подарки от судившихся, чтобы завершить дело с выгодой для них. Амори сам извинялся за это, под предлогом, «что государи более всего должны стараться стать богатыми, что увеличивает безопасность каждого и защиту королевства». Король, по его словам, обязан быть щедрым и большие средства ему необходимы, чтобы он мог ими одаривать. Однако его обвиняли в том, что он не контролировал должным образом отчеты своих чиновников: доверие к собственному окружению мешало ему проверить, как они осуществляют управление. Будучи энергичным королем, готовым сокрушить любую оппозицию, он показал себя таковым во время конфликта с орденом тамплиеров в 1173 г. Тамплиер Готье дю Мениль предательски перебил посланников вождя ассасинов к Иерусалимскому королю, провалив тем самым важные переговоры. Амори потребовал выдать преступника: магистр ордена ответил, что только он в праве привести к покаянию Готье и тот предстанет перед судом в Риме. Король атаковал резиденцию тамплиеров в Сидоне и захватил виновника. Гильом Тирский уверяет, что если бы Амори прожил больше, то упразднил бы орден².

¹ Grandclaude, P. 151–152. Быть может, походы в Египет заставили короля уступить своим вассалам: регламентировала ли «Бильбейская Ассиза», принятая в 1168 г. в Бильбейсе, условия военной службы за пределами королевства? В «Книге короля» заявлено, что подобная служба не является принудительной (за исключением призыва «для пользы королевства и заботы о земле») и что король в таком случае должен платить жалованье своим баронам — но то, что мы узнаем из этого текста, позволяет всего лишь утверждать, что рыцари не были обязаны служить на осадах городов, а только в кавалерийских операциях (Chi prois, P. 721, Lois, I, 455, note c.).

² Grousset, II, 441, 601–602.

Наконец Амори I занимался расширением своего домена. Еще Балдуин III, в 1161 г., приобрел все фьефы дома Мильи в наблусском регионе, а также замок Марон. Амори воспользовался денежными затруднениями сеньора Бейрута, Готье III Бризбарра, которой должен был выкупать мать из сарацинского плена и хотел занять необходимую сумму. Жан д'Ибелен уверяет, что Амори запретил одалживать Готье деньги, чтобы вынудить его продать свою сеньорию. Как бы ни обстояло дело, король смог купить Бейрут (перед 1166 г.) в обмен на маленькое кастелянство Бланшгард (которое оставалось в руках семьи Готье до конца XIII в.) и «ассизу» от «цепи» Акры¹. Этот истинно «капетингский» поступок, достойный скорее Филиппа Красивого еще более, чем Филиппа-Августа, который довершает портрет Амори I как короля с абсолютистскими устремлениями. Когда его советник и друг Миль де Планси, кажется, вознамерившийся продолжать политику Амори после его скоропостижной смерти, был убит, баронов официально обвинили в желании уничтожить одного из тех, кто наиболее яростно боролся против их независимости: «Некоторые люди говорили, что он погиб по причине своей преданности, а еще из-за того, что выступал против баронов, желавших причинять зло своим соседям»². Королевская власть Амори I действительно превратила Иерусалимское королевство в монархию; и с ним Арденн-Анжуйская династия стала напоминать французских Капетингов: несмотря на препятствия в начале царствования Амори I, нельзя говорить о «феодальной республике» в отношении «королевства на Востоке» в период его правления. Успехи королевской власти ясно показали, что никакие препятствия не могли помешать иерусалимской монархии нормально развиваться, что продолжалось бы и дальше, если бы династия обеспечила себе должную преемственность.

VI БАРОНЫ

Могущественные феодалы Иерусалимского королевства, то сотрудничавшие, то враждующие с королевской властью, наряду с церковью являлись главной силой в государстве. В феодальной иерархии Жана д'Ибелена, лица, схожие с двенадцатью пэрами Франции, занимают первое место среди них: это

¹ R. R., 512, Lois, II, 453. — До 1163 г. Бланшгард входил в графство Яффаское, как на это указывает булла 1170 г. в пользу Сент-Мари-Латин (P. Sinopoli. La badia regia di S. Maria Latina. Acireale, 1911, P. 107).

² G. T., P. 1008—1009. «Анналы Святой Земли» возводят подозрения в убийстве на сеньоров Бейрут-Бланшгард.

«бароны» в прямом смысле этого слова, граф Яффы и Аскалона, князь Галлийский, сеньор Сидонский, Цезарейский и Бейсанский, и сеньор Крака, Монреала и Сен-Абрахама. Вместо последнего Жан д'Ибелен предпочел вписать в список четырех пэров барона гораздо более могущественного, графа Триполи.

Но нужно различать четырех баронов королевства и владельцев крупных бароний Севера, графов Триполи, Эдессы и князя Антиохийского. «Ни земля Триполи, ни Антиохии, отнюдь не принадлежит королевству», — писал Эрнуль, выражая тем самым довольно сложное положение вещей на практике: три барона, земли которых простирались к северу от реки близ Бейрута, Нахр-аль-Кальб, были связаны с Иерусалимским королем отношениями подчиненности гораздо более свободными, чем те, что объединяли государя и феодалов королевства как такового. Если графы Триполи и приносили оммаж королю, если сам король частенько управлял княжеством Антиохийским, то только потому, что он вел себя, скорее, не как сюзерен четырех государств, а как президент конфедерации христианских государств Сирии. Случай, когда королю пришлось оказывать помощь князю или графу, Гильом Тирский относит к проявлениям его отеческой доброты — тогда как для своих непосредственных вассалов (*hommes liges*) сеньор был строго обязан оказать покровительство.

Вновь прибегнув к по-прежнему спорной терминологии, можно было бы сказать, что три крупных барона были скорее «верными», чем «вассалами» короля: их баронии были созданы независимо от короны, Антиохия и Эдесса еще прежде взятия Иерусалима (в Триполи только из-за борьбы между двумя соперниками король смог добиться оммажа от одного из них), и лишь престиж королевского титула, моральное превосходство владетеля Иерусалима и помощь, которую он оказывал во всех обстоятельствах трем князьям, позволили образовать меж ними иерархию, во главе которой и встал король¹.

Но сеньории, напрямую подвассальные королю, простирались только от Нахр эль Муальмитаин, что у залива Джунийе, до Красного моря; дальше всех к северу находилась сеньория Бейрута (Барута), пожалованная в 1110 г. Балдуином I своему кузену Фульку Гинскому, тому самому сыну графа Балдуина Гинского, которого старый хронист Ламберт Ардрский назвал «графом Барута на Земле обетованной». Зажатая между Ливаном и морем, сеньория Бейрута несколько увеличилась в размерах, когда Балдуин II построил для Готье I Бризбарра, наследника Фулька, укрепленный замок Мон-Главьен (1126 г.). Его брат Ги и племянник Готье II (1157—1164 гг.), а затем и сын последнего Готье III, вели долгую борьбу против арабских эмиров Гарба, о чем мы уже

¹ Cf. Cahen. *La Syrie du Nord a l'époque des Croisades*. Paris, 1940, IV, 1; J. Richard. *Le comte de Tripoli sous la dynastie toulousene*. Paris, 1945. P. 30; G. Dodu, P. 73 и след.; *La Monte*, P. 180; *Lois*, I, 417. Случай с Эдессой, пожалованной Балдуином I и Балдуином II, которые ею владели до восшествия на престол, особый.

упоминали, до того дня, когда Амори I вынудил отдать ему Бейрут в обмен на маленькую сеньорию Бланшгард¹.

Нахр Дамур отделял эту сеньорию от территории Сидона (Сайеты), которая принадлежала одной из ветвей семьи Гранье; Евстахий Гранье владел одновременно Сидоном и Цезареей, и его сын Готье I объединил их еще раз в 1131 г. (после смерти своего брата Евстахия II, сеньора Цезареи с 1126 г.). Затем Жирар Сидонский превратил старый финикийский порт в пиратское гнездо: Михаил Сириец уверяет, что «Иерусалимский король узнал о том, как сеньор Сайды [Сидона] снарядил корабли», — он выполнял функции адмирала королевства в 1153 г. — «наполнил их пиратами и причинил много зла, как христианам, так и туркам. В ярости король его изгнал». Согласно этому рассказу, Жирар, найдя убежище в Антиохии и получив во фьеф Баграс, вернулся к пиратству и был выдворен уже князем Антиохийским; тогда он направился ко двору Нуреддина, «власти которого пообещал покорить все побережье». И действительно, с турецкой армией он опустошал прибрежные земли королевства, когда король застал его врасплох и взял в плен: приведенный в Иерусалим, Жирар якобы нашел смерть на костре.

Для подлинности этой истории автор помещает ее в 1160—1161 гг.: однако Жирар, чье имя источники упоминают в 1164 г., был еще жив и в конце правления Амори I, когда выступал свидетелем при аннулировании брака своего сына Рено. Историк, должно быть, приукрасил очерк о разногласиях Жирара и короля².

Основными центрами этой сеньории были, на морском побережье, Сарепта и Аделон и, в горах, покоряемых очень медленно, замки Бельхакам (захвачен в 1128 или в 1161 г.?), Бофор (построен в 1139 г.) и грот Тирона, откуда контролировали регион Шуф и Гезен (отобранные у мусульман между 1134 и 1165 г.). Также сеньоры Сидона владели всей областью между Нахр Литани и морем и угрожали набегами Марж Айюму или Валь Жермену. Королевское кастельянство Тира (Сура), которое граничило с этой сеньорией на юге, на востоке сменялось сеньорией Марона, приобретенной королем у Филиппа де Мильи в 1161 г., и оно же соприкасалось с Баниасом, близ истоков Иордана, чью территорию без конца оспаривали друг у друга франки и дамаскинцы (оттуда от-

¹ Chronique d'Ardres, ed. Menilglaise. Paris, 1885, p. 65; R. Grousset, II, 850. Смю М. Е. Nickerson. The seigneurie of Beirut (Bizantion, 1949, p. 141—185).

² Doc. Arm., I, 354. R. R., 139 и прилож. 114, 393. Можно связать осаду Бельхакама королем в 1161 г. и вышеупомянутый мятеж: у мусульман или же у Жирара король хотел захватить замок (R. R., 344)? Жирар был побежден королем перед обнародованием «Ассизы» о верности. Повествование Ибн аль-Атира (R. N. S., Or., I, p. 522—523) подтверждает союз между Нуреддином и Жираром (1161 г.) и последующее поражение их отрядов. О сеньорах Сидона см.: J. L. La Monte. The lords of Sidon in the twelfth and thirteenth centuries // Byzantion, XVII, 1944—1945, p. 183—211.

крывался путь на Дамаск). В 1129 г. на этой земле построили замок Субейб (который, возможно, и есть Ассебейб Жана д'Ибелена). Баниас принадлежал англичанину (?) Ренье Брюсу, а затем перешел к Онфруа II Торонскому, позже вновь очутился во власти мусульман¹.

Рядом с сеньорией Торон к югу Тира и востоку от Баниаса начиналось княжество Галилейское. По замыслу своего основателя Танкреда, в него должны были входить все земли между Иерусалимом и Дамаском: он подчинил себе Сихем (Наблус), Мон-Фавор, Тивериаду и, даже несмотря на планы Готфрида Бульонского, Хайфу. После отъезда Танкреда в Антиохию (1101 г.), Балдуин I передал Галилею в руки Гуго де Сент-Омера, но затем отобрал у него Хайфу, отдав ее Годемару Карпенелю, и Наблус. Юг Галилеи даже был поделен на сеньории, которые напрямую зависели от короля. Поэтому Гуго де Сент-Омеру пришлось вести экспансию на север и восток от своего княжества: он совершал налеты на Тир, построив для их прикрытия замки Сафет (1102 г.) и Торон (1105 г.), и возобновил наступление, начатое в свое время Танкредом, на восточный берег Тивериадского озера и долину Ярмук, «Суэцкую землю», которую защищал замок Каср Бардавилль (замок Балдуина), разрушенный в 1106 г. дамаскинцами во время кампании, где погиб сам Гуго. Княжество Галилейское, итало-норманнское при Танкреде (который привел с собой своих соотечественников, таких как Адон де Серизи), стало «артуаским» при Гуго: он пожаловал Бейсан Адаму де Бетюну и часть Суэцкой земли — Пьеру де Лансу; в свою очередь «французы», как Дре де Бри, воцарились там, когда Жослен де Куртене (1112–1119 г.) заменил Жерве де Базоша, князя Тивериады в 1106–1108 гг.: новый князь был уроженцем Гатине. Именно с ним был Бернар д'Этамп, который присвоил имя Дера'а, что на подступах к Джебел Друз, на мгновение захваченному у мусульман. Частые и кровопролитные стычки унесли жизнь не одного «князя Табарии» к тому моменту, как княжество было пожаловано Готье де Сент-Омеру, до этого бывшему наемником у короля, возможно, в наследственное владение²: после смерти Готье его вдова Эскива вышла замуж за Раймунда III Триполійского, который стал править Галилеей от имени своих пасынков Рауля, Гильома, Гуго и Отто.

¹ Онфруа II держал половину Баниаса как фьеф от Готье Бейрутского в 1157 г. (R. R., 325). Жан д'Ибелен различает сеньории Баниаса и Ассебейб: ошибка ли это, или под последним названием нужно следует понимать Хасбейю, в верховьях Иордана?

² R. Grousset, II, P. 838 sq. В 1109 г. (Alb. Aq., P. 668) король пообещал Танкреду вернуть ему Хайфу, Табарии (Тивериаду) и Назарет. Готье, сын кастеляна Сент-Омера и брат Гуго де Фокемберга, женился на дочери Арнульфа Гинского, присланной своим отцом в Святую Землю (Chronique d'Ardres, P. 109). Когда он в 1150–1154 гг. состоял на жалованьи у короля, его задумали женить на княгине Антиохийской (Grousset, II, P. 159, 168, 173).

Около 1107 г. Балдуин I пожаловал Торон — уже отторгнутый от Галилеи? — Онфруа I Торонскому (появившемуся в источниках с момента, как он захватил караван, выступивший из Тира). Его сын Онфруа II Коннетабль к нему добавил Баниас, внук — Онфруа III — стал князем Монреальским, а Онфруа IV уступил королю Торон, Шатонеф (построенный в 1179 г.) и свои права на Баниас, когда женился на Изабелле Иерусалимской, перед октябрём 1181 г. После развода он возвратил себе права на эти земли, которые и перешли к его внучке Алисе Армянской¹.

На побережье замок Сканделион, построенный в 1116 г., чтобы блокировать Тир, стал центром гористой области, простиравшейся от поместья (casal) Метессель до мыса Накура. К югу от Акры, сеньория Кеймон, первое упоминание о которой датируется XIII в., горные сеньории Кафран, Сен-Жорж и владения Жоффруа Ле Тора преграждали подходы к городу. Юг Галилеи был поделен на маленькие сеньории, подчинявшиеся либо королю, либо князю. К востоку от Бейсана сеньория Герен располагалась ближе к Зерену (Пти Герену), чем к Гран Герену, если верить изображению замка на печати ее последнего известного сеньора, Рауля (1179 г.) Также существовали фьефы Бюри и Лиона².

Мон-Кармиль зависел от сеньории Хайфы, созданной Годемаром Карпенелем (1101–1102 гг.), которая граничила, по ущелью Детруа (Пьер-Ансиз), с графством Цезарейским, основанным в 1101 г. Арпенем, виконтом Буржским, перед отъездом на Восток продавшим свой домен королю Франции. После того как Арпен был убит в 1102 г., Цезарею получил булонец Евстахий Гранье, один из самых верных соратников Балдуина I, чьи потомки (Готье I, его сыновья Ги и Готье II, затем их сестра Жюльена) сохраняли город до его захвата сарацинами. Этот фьеф был одним из самых крупных в королевстве и включал в себя плодородные низовья возле Нахр Зерка (Реки Крокодилов), соляные копи на севере Цезареи, внутренние области: вместе с Цезареей пять городов обладали городскими советами (Како, Калансон, Сен-Жан де Севаст, Мерль).

¹ R. R., 606, 615, 653. Король, чей кастелян в 1181 г. находился в Тороне, уступил эту сеньорию Жослену III Эдесскому.

² Rey. *Sommaire du Supplement*, P. 12. Грамота со свинцовой печатью, воспроизведенная у Шлюмбергера (Schlumberger. *Sigillographie*, P. 47) подписанная Раулем д'Ибеленом, несет на обратной стороне надпись «castrum Iberini», которую, без всякого сомнения, нужно читать как «Cepini»: изображение замка, сильно отличающееся от вида замка Ибелен, напоминает замок Зерен, приведенный у Лорте (Lortet. *La Syrie d'aujourd'hui*. Paris, 1884. P. 478.) (Неизвестно, чтобы сеньором Ибелен был хоть бы один Рауль). — В 1168 г. Лион принадлежал князю Готье, до этого времени одновременно являвшимся сеньором Сафета (R. R., 447). — О Бейсане см.: La Monte, Norton Downs. *The lords of Bethsan...* (Med. et Hum., VI, 1950, P. 57–75).

Королевский домен в Самарии соседствовал с фьефами Мильи и Рохарда Наблусского. Самария граничила с маленькой сеньорией Арсуф, после которой начинался фьеф, владелец которого занимал первое место в списке баронов — графство Яффы и Аскалона, созданное после 1118 г. для двоюродного брата Балдуина I, Гуго де Пюизе. Знаменитый противник королей Франции Филиппа I и Людовика Толстого, он был изгнан в Святую Землю, где вскоре скончался. Его сын Гуго II, вступивший в брак в 1124 г. с Эммой Иерихонской, вдовой Евстахия Гранье, взбунтовался в 1132 г. против Фулька Анжуйского, который конфисковал его графство. В 1151 г. Яффа была отдана в апанаж Амори I, который в 1153 г. присоединил к ней и Аскалон. Включенное в 1163 г. в королевский домен, графство было уступлено в 1177 г. Сибилле Иерусалимской. Его территория, простиравшаяся от Бланшгарда до моря, от Арсуфа на юге до Газы (Гафра), включала множество вассальных сеньорий, которым было суждено стать у истоков возвышения самой могущественной семьи латинского Востока — Ибеленов. Замок Ибелен, построенный королем в 1141 г., был доверен Бальану, коннетаблю графства Яффаского. Когда в 1147—1148 гг. на Ренье (1141—147 г.), сыне Гуго де Рама, пресеклась семья де Рам, Бальан получил по наследству сеньорию Рамлы (Рам), которую после него приняли его сыновья Гуго, затем Балдуин (к тому времени уже ставший сеньором Мирабеля). Его дочь Эрменгаруа была владелицей Тивериады; а когда его третий сын Бальан, сеньор д'Ибелен, женился на королеве — матери Марии Комниной, правительнице Наблуса, дом Ибеленов сравнялся с самыми крупными баронскими семьями: в лице Жана д'Ибелена, знаменитого юриста, прежние вассалы графа Яффаского сами завладели этим графством¹.

Между Аскалонской областью и Мертвым морем лежали пологие холмы Хеврона (Сен-Абрахама), центра сеньории, граничившей с «Берри» (пустыня Тих), которая находилась под надзором укреплений Фьер, Семоя и Кармиль. Этой сеньорией владел в 1101 г. Годемар Карпенель, в 1101—1102 гг. Роже Хайфаский, затем Гуго де Сен-Абрахам, после она попала к Готье по прозвищу Магомед, и наконец, к Балдуину де Сент-Аврааму (1120—1136), от которого она перешла к владетелям Крака². Между Сент-Авраамом и последней

¹ Mas-Latrie. Les comte de Jaffa et d'Ascalon//Archivio Veneto, XVIII, 1879, p. 370—417; J. L. La Monte. The lords of Le Puiset on the Crusades//Speculum, XVII, 1942, p. 100—118. Не получил ли «Шастель Бериард» свое название от имени некоего Бериарда, упомянутого в 1112 г. (R. R., 67)? Ибн Ибрак (Бенибрак, чьим владельцем в 1180 г. являлся Рауль), зависел от Рамлы. Шастель-Арнуль, разрушенный в 1106 г., которым владел Гонфруа из Башни Давида, нужно искать в области Ашдод (Азот). V. Addenda.

² Жан д'Ибелен называет городские советы в Иерихоне, Вифлееме и Гибелине подчиненными Хеврону.

крупной сеньорией королевства вклинилась маленькая сеньория «Palmerium», которую идентифицировали с Сегором, находившимся в плодородных пальмовых рощах к югу от Мертвого моря¹. Что же до огромного региона, простиравшегося с востока Иордана и юга Мертвого моря до Синайской горы и Красного моря, включая хлебодородные земли Моаба и бескрайние пустыни Аравийской Петры, то в конце XII в. он входил в сеньорию Крака и Монреалья. В самом начале «земля за Иорданом» (с Ахаматом, нынешней столицей Трансиордании — Амманом) постепенно увеличивалась. Пожалованная сначала Ромулю дю Пюи и его сыну Раулю (за исключением земель Готмана Брюссельского, которые перешли к его сыну Жану Готману), Трансиордания увеличилась за счет Вади Араба, где в 1115 г. был построен замок Монреаль. После того как Балдуин II конфисковал эту сеньорию (перед 1126 г.), Пейен Ле Бутейе построил там, у Мертвого моря, замок Крак де Моаб (1142 г.), тогда как Валь Муаз, возведенный в 1117 г., принадлежал Балдуину, сыну Ури Наблусского. После смерти Мориса, племянника Пейена, все эти владения попали в руки Балдуина III, который пожаловал их Филиппу де Мильи, возможно, приходившемуся мужем дочери последнего сеньора. Дочь Филиппа Этьеннетта принесла в приданое княжество Крака и Монреалья троим своим мужьям, Онфруа III Торонскому, Милью де Планси и Рено де Шатийону, прежде чем возмужал ее сын Онфруа IV. На Красном море порт Айла, выросший на месте библейского Эзионгабера, служил для Рено базой для операций на этом море.

Память о прочих фьефах утеряна², но представленный список воспроизводит самую значительную часть «бароний и земель», которые находились в орбите Иерусалимского королевства. Жан д'Ибелен устанавливает меж ними иерархию, которая уже видна в «Книге короля», где проводится различие меж «баронами» и «*terriers*», повелевающими простыми рыцарями, которым, наряду с королем, они могли даровать фьефы. Четыре «баронии», чьи владельцы претендовали быть подсудными только суду равных — графство Яффы и Аскалона, княжество Галилейское, Сидонская сеньория и сеньория Крака, Монреалья и Сент-Авраама — в реальности никогда не появлялись в

¹ Известная лишь по одному акту (R. R., 594; 1180), она принадлежала Эльвис, дочери сеньора Альфонса, супруге некоего Рено, наследнице Пьера де Castello (Кастильского?), которая совершает дарение для Мон-Фавора. Нужно ли поместить эту «Palmerium alias Solinum» в Галилею (в Solem), где находилось аббатство Palmarea, или, скорее, в Сегор — Raunier Жака де Витри?

² Du Cange. Familles d'Outre-Mer. Ed. Rey. Paris, 1869; Rey. Sommaire du Supplement aux familles d'Outre-Mer. Chartre, 1881; Deschamps. La defense du royaume de Jerusalem, passim. Lois, II, p. 452: Пейен Ле Бутейе, возможно, приходился дядей Филиппу де Мильи, который унаследовал Крак у своего кузена Мориса; не жена ли Филиппа принесла ему в приданое Хеврон?

документах в стороне от остальных сеньорий. Известно, что претензии, подобные тем, что выдвигали четыре барона, появились и во Франции, где «двенадцать пэров» претендовали быть судимыми только людьми своего круга — привилегия, которую на протяжении XIII в. они так и не смогли воплотить на практике. В Иерусалиме также была произведена попытка со стороны крупных баронов создать «аристократию» в рядах знати, но она, безусловно, не удалась¹.

Привилегии «баронов и *terriers*» по сведениям «Книги короля» заключались в том, что они давали фьефы своим людям, имели право вершить суд над горожанами и рыцарями, «подписывать и скреплять печатью их дарения», судить и вешать злоумышленников, наконец, право забирать в своих землях имущество, на которое нет наследников, похожее на право «кораблекрушения». На Западе таким привилегиями обладали верховные юстициарии. Но существовал особый вопрос, который лишь скупно рассматривается юриспруденцией: право чеканить монету. Установления Балдуина II сохраняли это право единственно за королем, но мало-помалу бароны его узурпировали: уже в конце XII в. (1165/1204 гг.) Рено Сидонский чеканил монету, и эта практика получила повсеместное распространение в следующем столетии².

Права баронов в отношении людей их земель были похожи на те, какими обладал король, но они были обязаны государю «службами» по феодальному обычаю в силу клятвы верности и оммажа, принесенные которые, получали во владение свои домены. С возникновения феодального строя военная служба составляла основную обязанность вассалов: поскольку колонии франкской Сирии жили в условиях почти непрерывной войны, то же самое было и на Востоке. С целью как-то выделить баронии, Жан д'Ибелен постановил, что одна «барония» обязана «службой ста рыцарей» — он более или менее искусственно сгруппировал фьефы, чтобы создать эту единицу — и колебался, числить ли среди них сеньорию Крака, которая должна была выставять всего шестьдесят бойцов. Эта повинность была настолько важна, что в «Ассизах», хоть и вышедших в свет спустя шестьдесят лет после падения Иерусалима, заботливо сохранялись «*devises*» фьефов, пусть рыцари, чьи имена там

¹ В 1155 г. (R. R., 299) в одном тексте бароны короля (Онфруа Торонский, Жан Готман, Гуго Цезарейский) были отделены не только от горожан, но и от «людей короля» (Эд де Сент-Аманд, Гильом де Барр, Эд де Толан, Гуго де Бейсан, Вивьен Хайфаский, Жослен Пезель, Жослен де Самосат, Гильом де Монжизар, Арнульф д'Исингем и Бартеlemi де Суассон). Первые являлись быть может «*terriers*» и одновременно баронами, вторые же — простыми вассалами.

² Grandclaude, P. 45. Граф Шандон де Бриай доказал, что право «печати» заключалось в возможности скреплять свои акты свинцом, а не простой печатью (*Le droit de «coins» dans le royaume de Jerusalem/Syria*, XXIII, 1942—3, P. 244).

упоминаются, уже давно были мертвы: по прошествии времени не отправлялась служба от Гильома де Монжизар за сеньорию Дарон¹, ни от Мишеля Синайского за сеньорию Монреаль! Когда в 1174 г. Балдуин IV уступил своему родственнику Филиппу Рыжему два поместья на границе Галилеи (Арраб и Зекканин) в обмен на ренту от «цепи» в Акре, то позаботился уточнить, что Филипп, до этого обязанный поставлять на королевскую службу одного рыцаря, теперь с полученной им земли будет приводить двух рыцарей. Костяк королевского войска, таким образом, состоял из этих отрядов, выставляемых в силу военной повинности с земли; каждый фьеф являлся предметом вознаграждения для владеющего им воина — поэтому-то и распределение деревень входило в функции коннетабля, прежде всего бывшего военным чином. Принимались разные предосторожности, чтобы фьеф не попал к лицу, неспособному нести обязательную военную службу. Например, запрещалось продавать фьеф не-рыцарям, сирийцам, церквам, религиозным орденам или «людям коммун» (привилегированным итальянцам: но этот запрет объяснялся иной причиной). Рыцарю, заболевшему проказой, в том случае, если он был вынужден отправиться в орден Св. Лазаря, надлежало «передать» свой фьеф другому верному вассалу. Рыцарь, достигший возраста шестидесяти лет, должен был, хоть он сам и освобождался от службы в войске, выставять себе замену.

Те же соображения, из-за которых каждый вассал был обязан получить от короля разрешение на продажу своего фьефа, равно как и необходимость военной службы, осложняло наследование фьефа женщинами: когда жена вассала становилась вдовой, нельзя ее было принуждать к повторному браку на протяжении года и одного дня; по истечении этого срока король предлагал ей на выбор троих кандидатов. Если же она отказывалась выходить замуж, то теряла свое право на «бальяж» (или «бальи») фьефа — иначе говоря, на доходы от фьефа (который король приказывал «desservir» — передать другому), иногда на воспитание детей — но права детей оставались неприкосновенными до дня, когда старший из них становился совершеннолетним. Вдова не могла вновь выйти замуж без разрешения короля под страхом быть лишенной своего фьефа. Что же до дочерей, то у наследницы, уличенной в безнравственности, отбирали фьеф не только из-за позора, который она навлекла на своих родичей и самого проступка, а также потому, что она «потеряла достоинство девственности (*gaste l'onor de sa virginite*)», «каковое должна была хранить для мужа, как своего сеньора, которому будет отдана (*estoit tenue dou garder au marit que son seignor*

¹ Дарон, сначала доверенный королевскому кастеляну Ансо де Па, в 1171 г., был затем пожалован некоему Пьеру, отцу Фулька и Отто, которые ему наследовали, когда Дарон вновь стал христианским владением, несмотря на существование племянника Ансо-Тибо. О рыцарях Монжизара см.: Clermont-Ganneau. Recueil et Lois, I, P. 425.

ou sa dame li eust donee)»¹. Известно, какую роль король играл в выдаче замуж держательниц фьефов. Для него это было средством сделать дар, который ему самому почти ничего не стоил: например Амори I отдал опеку (бальи) над юным Онфруа IV, сеньором Трансиорданским, вместе с рукой Этьеннетты де Мильи, владелицы фьефа, своему кузену Милю де Планси. Существовала настоящая торговля наследствами: в 1179 г. Балдуин IV передал своему дяде Жослену III Эдесскому опеку над детьми Адама III де Бейсана, купив ее у Гуго Джебейлского...

Держа таким образом в своих руках военную службу от фьефов и контролируя их передачу по наследству, король требовал, чтобы вассалы прибывали в армию со всем снаряжением и полным «доспехом». С этой целью маршал проводил смотр войска, оценивая лошадей: по его приказу верховых животных вносили в список «секрета» (т. е. королевской казны), и с этого момента они подлежали особому надзору («restor») — если лошадь погибала от болезни, была ранена или убита, король возмещал ее стоимость своему вассалу, при условии, что тот не был виновен в гибели своего коня. Стоимость лошади равнялась приблизительно 40, мула — 30 безантам. Напротив, каждая лошадь, захваченная у сарацин, принадлежала маршалу, равно как и животные, признанные больными. Лишением «restor» карались некоторые дисциплинарные проступки, например, если рыцарь покидал войско во время похода.

Если же рыцарь или сержант прибывали в армию без полного снаряжения, им предоставлялась отсрочка на четырнадцать дней, чтобы появиться со всем «доспехом»; но в течение этой отсрочки им не полагалось жалованья. Дело в том, что король имел право требовать службу от своих непосредственных вассалов только при условии выплаты им жалованья; были предусмотрены случаи, когда король оказывался слишком беден, чтобы платить своим «верным людям»; вассалы были обязаны по-прежнему нести службу, если эта бедность объяснялась исключительными причинами, «гневом Божьим или мором» (т. е. природными бедствиями) или же опустошительными набегами сарацин. Наряду с «рыцарями, принесшими тесный оммаж», чье жалованье шло на их ежедневное содержание (фьеф позволял им обеспечивать себя снаряжением и лошадьми) и от которых король мог потребовать службы в течение всего года в любом месте королевства (против обыкновенных сорока дней в год, принятых во Франции), существовали «наемные рыцари», чья значимость была ни-

¹ Livre au Roi, 30—35. Старший сын наследовал фьеф, младшие же разделяли его с ним, принося брату оммаж: старший брат приводил их на службу королю; для дочерей то же самое правило было введено гораздо позднее (Livre au Roi, 34; Lois, II, 454), около 1171 г., когда дочери Генриха Буйвола де Мильи поделили меж собой фьеф Сен-Жорж, принеся оммаж своей старшей сестре: такой выход предложил граф де Сансерр (прибывший в Святую Землю в 1171 г.).

чуть не меньше. Ведь по подсчетам Жана д'Ибелена иерусалимская армия состояла всего из 574 рыцарей; но рядом со знатью, наделенной фьефами, очень рано начинают упоминать о «рыцарях-пилигримах», которые не получали земли. Многие из странствующих рыцарей средневековья, равно как и западных сеньоров посещали Святую Землю без всякого намерения там оставаться: часто покаяние приводило их защищать Гроб Господень в течение определенного срока. Это были временные бойцы, состоявшие на жалованьи у короля, откуда и их название — «наемники». Таковы были, в 1151–1152 гг., граф Суассонский, Ив де Нель, Готье де Сент-Омер и, в 1154 г., «два знатных лица, получавшие жалованье от короля, Рено де Шатийон и Готье де Сент-Омер» — фортуна улыбнулась им обоим на Востоке. Наемники пользовались теми же привилегиями, что и вассалы: одна хартия-Амори, в бытность его графом Яффы (1158 г.) подписана его «людьми» и «наемниками» (*stipendarii*). Но тем не менее они стояли на более низкой ступени феодальной иерархии, чем королевские вассалы, как это видно из текста «Книги короля»: любой наемный рыцарь, ударивший рыцаря из вассалов, терял свой доспех и в течение года и одного дня изгонялся из королевства. Сама же стоимость «платного фьефа» в 1261 г. приравнивалась к 500 безантам в год для рыцаря, служившего со своими четырьмя лошадьми¹.

Наемниками становились не только рыцари: наряду с отрядами сержантов, которых были обязаны выставлять города и церкви королевства (свыше 5 000 по списку, сохраненному Жаном д'Ибеленом), король нанимал сержантов среди «паломников», воевавших либо пешими, либо верхом, но снаряженными гораздо хуже, чем рыцари. Привычное соотношение во франкских армиях на Востоке равнялось одному рыцарю на десять пехотинцев, и в рядах рыцарей часто встречались всадники незнатного происхождения (не путать с туркополами, к которым мы еще вернемся). Созыв армии («бан» или «арьер-бан», своего рода всеобщая мобилизация) производился «знаменосцами (*banniers*)», и ее сбор назначался в одном из известных пунктов, таких как фонтан в Саферии, подле Назарета, или Аль-Ариш на египетской границе. Король осуществлял командование, коннетабль становился его заместителем, и в походе царил строгая дисциплина: запрет покидать ряды, увлекаться преследованием и т. д. Было бы ошибкой считать, как делали до сих пор, что в Иерусалиме не существовало единого командования: приведенные примеры были вырваны из истории крестовых походов в тот момент, когда рядом с собственными отрядами Иерусалимских королей присутствовали войска, возглавляемые своими собственными предводителями, которые чувствовали себя на равных правах с командующими презираемых ими «пуленов» — можно назвать их «креолами»².

¹ Livre au Roi, 27, 40; R. R., 63, 332, 1302; G. T., 781, 790, 802.

² G. Dodu, P. 170, 180.

Взамен тяжелой повинности, каковую представляла собой часто востребованная военная служба, «вассалы, принесшие тесный оммаж», пользовались многочисленными привилегиями. Король — или барон — мог требовать службу только от тех, кому даровал фьеф землей или деньгами: лишенный фьефа ничем не обязан своему сеньору «desaisi n'est de riens tenu a son seignor». Если же фьеф был захвачен сарацинами, государь должен был постараться вернуть его вассалу, иначе тот освобождался от службы за этот фьеф.

Вассал мог «доверить» свое держание королю на срок в год и один день. Но особенно важно, когда держатель совершал преступление, король мог наказать его только по суду в Высшей курии. Некоторые историки сделали из этого права, на самом деле распространявшегося на любого средневекового человека, личную привилегию вассалов: никто не мог быть осужден без суда равных себе. «Король обязан верностью своему вассалу в той же мере, что и вассал обязан ему». Покарать вассала без «суда в курии» было вероломством, и Амори I наказал Жирара Сидонского за то, что тот поступил таким образом с одним из своих людей. Чтобы судить рыцаря, король приглашал своих вассалов, согласно своему праву требовать совета, «прибыть к нему в курию». Тех же, кто не откликнулся на этот вызов, за вероломство лишали фьефов и рыцарских прав.

Также, в силу обязанности совета государю, вассалы прибывали, чтобы принять участие в создании «ассиз» на «парламенты», пленарные заседания королевской курии, где обсуждались государственные вопросы. Множество текстов донесли до нас воспоминания о этих заседаниях, которым в XIII в. было суждено поставить королевскую власть под опеку¹. Так, в 1152 г. во время налета туркмен на Иерусалим оказалось, что в городе находится лишь небольшой гарнизон, поскольку все рыцари Святого Града отбыли на совет в Наблус. В 1167 г., опять же в Наблусе собрался другой «парламент», чтобы вынести решение о своевременности нового похода на Египет, а в 1186 г. — для обсуждения вопроса о престолонаследии. Амори I в свое правление созывал своих прелатов и баронов, чтобы рассмотреть предложение об армянской колонизации Палестины, а в 1171 г. собрал их, чтобы решить, как предотвратить опасность объединения Сирии и Египта, захваченного Саладином. В 1182 г. «парламент» был созван, чтобы вотировать всеобщий налог, и в 1184 г. в Акре Балдуин IV собрал другой совет с целью лишить наследства Ги де Лузиньяна, а также разрешить вопрос с просьбой о помощи к Западу. Получается, что эти ассамблеи становились для короля советом, который он собирал, чтобы принять решение по серьезным делам, и то, что они вотировали

¹ Г. Додю (стр. 155), без сомнения, думал о Версале Людовика XIV, когда писал: «Короли, вовсе не пренебрегая этим средством воздействия на своих подданных, создали на Востоке двор по образцу французского!»

налоги, делает эти собрания похожими на английский «парламент» и испанские кортесы, которые как раз в то же время находились в периоде своего зарождения. Судя по всему, ассамблеи не заседали периодически, а собирались по зову короля. В это время они еще были зародышем института, в котором совмещался военный совет, трибунал и совещательная ассамблея: мы знаем, что они пользовались законотворческими функциями, поскольку на этих ассамблеях принимали «ассизы». Именно там бароны и рыцари могли оказывать давление на королевскую власть, хотя оно и становилось ощутимым только в правление слабого государя. Тем не менее, иногда Иерусалимские короли были вынуждены уступать «общественному мнению», как Амори I, который атаковал Египет, не дождавшись возвращения своего посольства из Византии, о чем сообщают восточные хронисты и Гильом Тирский¹.

Итак, в XII в. нет ничего похожего на узаконенную анархию XIII в.; ни «всеобщих забастовок» по поводу военной службы, ни восстаний по образцу «конфедераций» Польши и «*Libertum Veto*». Это не означало, что у короля не было сложностей с вассалами, но то были неизбежные конфликты между государем и его крупными вассалами, «баронами», сеньорами, чье могущество зиждилось на людях, принесших им тесный оммаж — а их число иногда достигало сотни рыцарей — и размерах доменов, которыми они управляли, подобно королю, с помощью чинов, на низшем уровне звавшихся виконтами и кастелянами, а на высшем — коннетаблями, маршалами, канцлерами и сенешалями: Жан д'Ибелен признавал пэрами королевства лишь тех баронов, кто имел своего коннетабля и маршала, отказав в этом титуле сеньору Крака, ибо не слышал, чтобы тот располагал такими чинами. На самом же деле, мы встречаем сенешалей во множестве мелких сеньорий (например, в Хайфаской), но только в самых крупных присутствует полный набор главных чинов: около 1121 г. в княжестве Галилейском служат канцлер Серлон (преемник Роргона, упомянутого в 1119 г.), сенешаль Тьерри, коннетабль Ферри и маршал Жирар; в 1133 г. графством Яффаским управляют коннетабль Бальан (упоминания о котором появляются с 1120 г.), сенешаль Алом, маршал Гуго и канцлер Эд². Эти крупные сеньоры могли пытаться стать независимыми, как это делал Танкред с 1100 г. В 1106 г. его наследник, князь Галилейский Жерве де Базош был помилован Балдуином I, возжелавшим отнять у него фьеф в наказание за непослушание, и только благодаря его блестящим подвигам на поле брани.

Первый феодальный мятеж в королевстве — не говоря о стремлении к независимости крупных баронов, как например, Понса Триполийского, дважды

¹ R. Grousset, II, P. 511–521.

² R. R, 87, 89, 92, 139, 147, 303, 377, 414, 418, 432, 583. В Сидоне сохранились сведения о коннетабле Жане де Ла Туре в 1253–1261 гг., маршалах Бодуэне в 1228 г. и Жане Арнеи в 1257–1261 гг.; в Цезарее в 1131 г. имелся свой коннетабль.

восстававшего против короля — был поднят сеньорами Трансиордании Роменом дю Пюи и Раулем между 1116—1128 гг. Гильом Тирский связывает бунт Ромена с мятежом Гуго де Пюизе, но на самом деле он произошел раньше, и мы предпочли бы датировать его временем, предшествующим обнародованию «Установлений Балдуина II»¹. В этом документе содержится упоминание о бароне, который обустроил в своих землях гавань, чтобы привлечь туда купцов, направляющихся в языческие страны, так же как и о сеньоре, чеканившем монету, хотя «ни один человек не должен иметь порт, ни чеканить монету... кроме короля». Если в этом курьезном отрывке подразумевается Ромен, то возможно, что этот сеньор Трансиордании и Идумеи, опередив своего преемника Рено де Шатийона, использовал свой порт Айлу (захваченный в 1117 г. вместе с островком Грей), попытавшись притянуть к Акабскому заливу торговый путь между Египтом и Дамаском² — сомнительно, чтобы речь шла о порте на Мервом море, хотя там навигация была довольно активной. Нам неизвестно, начались ли военные действия, но Балдуин де Бурк остался победителем, ибо конфискованная Трансиорданская сеньория была доверена одному из его главных чинов, виночерпию Пейену.

Гуго II де Пюизе, граф Яффаский, вызвал недовольство короля Фулька своей дружбой с королевой Мелизиндой, дочерью Балдуина II, а также своими интригами с баронами. На заседании ассамблеи пасынок графа Яффаского, Готье Цезарейский, публично обвинил Гуго: «Добрые сеньоры, — сказал он, — выслушайте меня. Я скажу, что Гуго, граф Яффы, замыслил убить нашего сеньора короля, как изменник, каковым он и является; если же он осмелится это отрицать, я докажу это в поединке». Граф Яффаский отверг обвинение как ложное, и тогда решили прибегнуть к судебному поединку. Но Гуго не явился и, опозоренный из-за своей трусости или виновности, был объявлен в Высшей курии изменником. И на самом деле, он бросился просить помощи у египетского гарнизона в Аскалоне. Египтяне пересекли графство Яффаское, чтобы разграбить окрестности Арсуфа. Ситуация была необычайно опасной, ибо дамаскинцы воспользовались мятежом, захватив Баниас, но возмущенные вассалы Гуго, во главе с коннетаблем графства Бальаном (д'Ибеленом), перешли на сторону короля, оставив свои фьефы. Фульк занял Яффу без битвы и, при посредничестве патриарха было решено, что граф будет изгнан на три года, тогда как на его домен наложили арест, чтобы оплатить его долги. В ожидании «переправы» — шел декабрь 1132 г., и корабли не осмеливались на плавание по

¹ P. Deschamps. Op. cit., P. 45 — Гильом Тирский не располагал верной информацией об этом периоде — тогда уже закончил писать Фульхерий Шартрский — и мог спутать события.

² Между регионами Мертвого моря и франкской Трансиорданием велась торговля, по Суэцкому пути (via Suez): торговали в основном квасцами (Maqizi, P. 539).

Средиземному морю зимой — Гуго де Пюизе проживал в Иерусалиме, когда некий бретонский рыцарь нанес ему несколько ударов мечом. Всеобщее возмущение обвинило Фулька в приготовлении этого убийства, но король приказал судить бретонца в курии, где тот объявил, что действовал по собственному почину и даже под пыткой отрицал всякую связь между своим преступлением и государем, хотя признал, что надеялся добиться его милости. Выздоровевший Гуго отправился на Сицилию, в то время как Мелизинда готовилась отомстить: причиной этого мятежа являются скорее дворцовые интриги, чем феодальная вражда, но его хватило, чтобы поставить королевство на край пропасти¹.

В конце XII в. произошли другие мятежи: в 1184 г. бунт Ги де Лузиньяна, в 1186 г. — Раймунда III Триполийского и одновременно акт неповиновения Рено де Шатийона, который осмелился передать королю, что «он является сеньором своей земли так же, как тот — своей», но ничего подобного не случилось в правление королей из Арденн-Анжуйской династии: за исключением восстаний Ромена дю Пюи и Гуго де Пюизе, а также таинственного дела Жирара Сидонского, о котором до нас дошел только намек, Иерусалимские короли сумели удержать в своей власти феодалов — и в этих конфликтах большинство вассалов доказали свою преданность, оказав им поддержку. Строгое следование принципам феодальной системы и уважение к королевской власти позволили Иерусалимскому королевству избежать внутренних волнений, тогда как система фьефов обеспечила ему постоянный военный набор (который только усиливался наемниками) и одновременно территориальную администрацию, сходную с той, что существовала в эту же эпоху на Западе. Из этой феодальной среды вышли прекрасные типажи баронов: Жослен I де Куртене или Онфруа II Торонский, легендарные палadini, Гильом де Бюр или Жерве де Базош заставили уважать имя франков, а также государей, которым они служили. История баронов XII в. не являет собой описание битв кланов и разбойных деяний; это история суровых воинов, которые умели умирать с честью, но вместе с тем смогли найти общий язык с арабским населением и привить ему лояльное отношение, создав, таким образом, систему управления Иерусалимским королевством.

VII

ЛАТИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ИЕРУСАЛИМА

Еще перед захватом Иерусалима крестоносцы помышляли основать на Востоке латинские церкви, точнее говоря, возвести прелатов из своего войска на епископские кафедры в городах, которые они освобождали от мусульман-

¹ R. Grousset. II. P. 27—32; La Monte. The Lords of Le Puiset.

ского ярма и где оставляли гарнизоны. Латиняне почтительно обращались с православным духовенством, и оставляли его на своем месте, как в Антиохии; но там, где греческих епископов не было, они назначали своих кандидатов: так произошло в Альбаре, чей епископ покинул свою епархию перед 1085 г. Провансальский прелат Петр Нарбоннский занял в этом городе вакантное место епископа. Отношения с византийцами еще не установились, и не имело смысла изгонять прелатов, пусть даже и схизматиков, но часто благожелательно относящихся к главенству римской церкви. Вопрос о греческом епископате стал одним из самых щекотливых для княжества Антиохийского¹. Королевству Иерусалимскому посчастливилось избежать подобных трудностей.

В прежней церковной организации Иерусалимский патриархат занимал незначительное место: Иерусалим был лишь простым епископством, подчиненным Цезарейской митрополии. Известно, что император Адриан, после Тита, практически разрушил старую еврейскую столицу и отстроил новую в Элии. В 451 г. епископ Иерусалима Ювенал добился независимости от своего митрополита и патриарха Антиохийского. Новый патриархат расширил свои границы благодаря действиям своих амбициозных прелатов, которые в стремлении придать себе больше веса постепенно подчиняли все больше и больше епископств: в правление Юстиниана уже насчитывалось 28 зависимых от патриархата епархий в Палестине I, 13 в Палестине II, 9 в Палестине III — то, что эти цифры слишком велики для не очень обширных земель, в расчет не принималось. Но вырвав из подчинения Антиохии «три Палестины», патриарх Иерусалимский не успокоился и возжелал присоединить к своей вотчине соседние провинции — Аравию и Финикию. «Notices», созданные после мусульманского нашествия, только усугубили неразбериху, ибо в них в список епископств были внесены новые города (не было такого населенного пункта, которого не превратили бы в епископство), а Юстиниану приписали присвоение Иерусалиму статуса патриархата и подчинение ему обеих Аравий (митрополий Босры и Раббата, якобы изъятых из ведомства Александрии) и трех Палестин (митрополии Иерусалима, Цезареи, Скифополиса — Бейсана для крестоносцев). На самом же деле в ходе наступления арабов число епископств было сведено к минимуму; в одном тексте 808 г. в окружении греческого патриарха Иерусалима упоминаются только епископы Тивериады, Мон-Фавора, Севастии и Наблуса².

¹ J. Richard. Note sur l'archidiocèse d'Apamee// Syria. Sur l'Eglise latine d'Orient, cf. Marino Sanudo p. 175–179; Jacques de Vitry, p. 1076–1085. W. Hotzelt. Kirchlichte Organisation... в Das Heilige Land., 24–27, 1940.

² R. Devreesse. Les anciens eveches de Palestine// Memorial Lagrange, Paris, 1940. P. 307–331; Tobler et Molinier. Itinera Hierosolymitana, I, p. 301–304, 307–331.

Но крестоносцы приняли за чистую монету подлог в «Notices» и старались точно придерживаться его указаний. Однако в представлении западноевропейцев епископ должен был получать значительные доходы и не мог походить на простого аббата. Поэтому франки решили назначить ограниченное число прелатов, но прибегнули к привычному средству, подчинив сразу несколько епископских кафедр власти одного епископа.

По прибытии в Палестину латиняне не обнаружили греческого патриарха в Иерусалиме: последний патриарх, по имени Симеон, бежал на Кипр, где и скончался, оставив свободной свою кафедру, что позволило крестоносцам назначить на это место своего человека. Еще перед взятием Святого Града, осаждая Рамлу (3—6 июня 1099 г.), крестоносцы решили назначить для нее епископа и передать ему город; близость Рамлы к Лидде, древнему епископскому городу, известному своей церковью Св. Георгия, способствовала тому, что избранник крестоносцев стал именоваться епископом Лидды и Рамлы. Им стал нормандский клирик Роберт Руанский, оставшийся в городе с небольшим гарнизоном. Но то, что без труда сделали в Лидде, полупустынном местечке, не годилось для Иерусалима: мы уже показывали, какая борьба развернулась за патриарший сан, который, в конце концов, достался Арнульфу де Роолу. Но Арнульф мог быть избран только патриаршим местоблюстителем; во всяком случае его избрание было незаконным и было опротестовано папой Пасхалием II в 1100 г. Папский легат Даимберт Пизанский, из числа самых преданных сторонников Урбана II, прибыл в Иерусалим 21 декабря 1099 г. Он низложил Арнульфа и благодаря поддержке Боэмунда и Балдуина Эдесского, расположения которых добился с помощью подарков, приказал избрать себя патриархом и принял клятву верности от Защитника Гроба Господня и князя Антиохийского: патриарх Иерусалимский в роли сюзерена всей Сирии — то была победа претензий Ювенала и его наследников, крах всех прав патриарха Антиохийского... Но Даимберт злоупотребил тем превалирующим положением, которое он обеспечил патриархату: он потребовал Иерусалим и Яффу от Готфрида, который в конце концов уступил ему часть первого города и пообещал впоследствии отдать оба (2 февраля и 1 апреля 1100 г.), и старался помешать Балдуину I наследовать его брату. На протяжении долгого конфликта между бывшим архиепископом Пизы и первым королем Иерусалима, Даимберт черпал силы в своем богатстве, что позволяло ему умирять Балдуина неожиданными взносами, но побудило государя однажды конфисковать его казну, и в поддержке нового князя Антиохийского, Танкреда, а также Св. Престола, который не мог найти нарушения в процедуре избрания патриарха; однако своими необузданными амбициями и алчностью Даимберт вызвал враждебность духовенства во главе с Арнульфом де Роолом и Робертом Лиддским. В сентябре 1102 г. собор в Иерусалиме низложил его окончательно, и избрал на

его место Эвремара (1002—1008 гг.), чьи выборы были признаны недействительными: Гибелин де Сабран, папский легат, который его осудил, тотчас занял патриарший престол, и занимал его до тех пор, пока его смерть (1112 г.) не разрешила Арнульфу де Роолу вновь стать патриархом.

Примечательным человеком был этот Арнульф, клирик, которого так ругали Раймунд Ажилский и Гильом Тирский; возможно, родившись в семье священника, он принял духовный сан и обучался в Кане, где его учителем был историк Рауль Канский. Этот образованный клирик принял участие в крестовом походе в должности капеллана герцога Нормандского (он был любимцем дяди этого герцога, знаменитого епископа Байе, Эда, брата Вильгельма Завоевателя) и его легкомысленный нрав стал сюжетом, если верить его противникам, далеко не одной песни. Он высмеял клириков из окружения графа Тулузского, открыто высказав сомнения в видении Пьера Бартеlemi, и его первое избрание патриархом являлось делом рук клана с довольно скверной репутацией, во главе которого стоял Арнульф, норманнский епископ калабрийской епархии Марторано, который захотел извлечь пользу из его дружбы, чтобы сохранить в своей власти богатое аббатство в Вифлееме, куда более привлекательное, чем его итальянский диоцез, один из самых бедных на всем Аппенинском полуострове. Избрание этого священника (который даже не был иподьяконом) было признано недействительным, как запятнанное симонией, после чего Арнульф де Роол отошел на задний план (его друг Арнульф де Марторано сгинул во время битвы при Аскалоне, в 1099 г., что несколько не огорчило Гильома Тирского), удовольствовался саном архидьякона Иерусалима: тогда как Даимберт снабжал свой патриархат имуществом греческого патриарха и новыми доменами, архидьякон занял главенствующую позицию в капитуле церкви Св. Гроба, и получил доступ к крупным доходам. Он сумел избавиться от Даимберта, а затем от Эвремара, который не был склонен прислушиваться к его советам, и Гильом Тирский — правда, очень пристрастный в церковных делах — уверял, что он приказал избрать Гибелина из-за его весьма преклонного возраста. Покладистый в отношениях с королевской властью (разве не он разрешил Балдуину I жениться на Аделаиде Сицилийской, в августе 1113 г., несмотря на его незаконный развод с королевой Ардой?), Арнульф, кажется, стал присваивать имущество Св. Гроба, поскольку он отдал Иерихон, землю, принадлежавшую этому капитулу, в приданое за своей племянницей Эммой. В 1115 г. папский легат, епископ Оранжа Беренгарий низложил его за симонию, но Арнульфу удалось добиться своего восстановления в Риме (1116 г.) и сохранять свой патриарший титул до смерти в 1118 г.¹

¹ E. Harnack. Untersuchungen über das lateinische Patriarchat von Jerusalem (1099, 1118). Breslau, 1899; L. de Mas-Latrie. Les patriarches latins de Jerusalem // R. O. L., p. 22.

Его преемник Гормонд де Пикиньи (1118—1128 гг.), которого Гильом Тирский почитал святым, управлял королевством во время пленения Балдуина де Бурга, пока не скончался в армии, осаждавшей Бельхакам. Но его преемник Эд Шартрский (1128—1130 гг.) вернулся к претензиям Даимберта на Яффу и Иерусалим, тогда как Гильома Мессинского (1130—1145 гг.), благочестивого прелата, ведшего жизнь, полную святости, архиепископ Тирский мог упрекнуть разве что в «малообразованности», как и Фульхерия Ангулемского (1146—1157 гг.), который был «необычайно благочестивым и праведным». Поскольку наш историк предпочел бы видеть на патриаршем престоле всесторонне образованных прелатов — по правде сказать, он и сам был весьма ученым, их преемник Амори де Нель (1157—1180 гг.) показался ему «слишком простоватым» (то есть он не был столь искусным политиком и великолепным дипломатом, как Гильом). Гильом Тирский сам едва не стал патриархом в 1180 г.: он был одним из двух кандидатов, по обычаю предложенных канониками Св. Гроба на выбор королю; под давлением своей матери Агнессы де Куртене-Эдесской, Балдуин IV избрал клирика из Мандской епархии, Ираклия, который опозорил патриарший престол, до того занимаемый столь благочестивыми людьми, своим безнравственным поведением — у него имелась официальная любовница, каковую весь Иерусалим прозвал «патриархессой», своей подлостью и пагубным участием в междоусобной борьбе в конце XII в.

Иерусалим был одной из первых епархий, куда был назначен свой глава, но его викарные епископства не замедлили образоваться сами по себе. Можно было ожидать, что орда изголодавшихся клириков, хлынув в Святую Землю, захватит там епископства и аббатства и разграбит их богатства. На самом же деле, как мы видели, лишь относительно незначительное число епископств было занято крестоносцами: латинская церковь в королевстве создавалась с большой осмотрительностью.

Конечно, встречались не очень щепетильные клирики, вроде Арнульфа де Роола и Арнульфа де Марторано, но на примере первого видно, что папские легаты, которые прибывали почти каждый год в Святую Землю, очень быстро навели порядок в Иерусалимской церкви. Эти легаты пользовались почетными и очень широкими привилегиями, фактически занимая место папы в королевстве. Гильом Тирский нам рассказывает, что во время схизмы, когда шла борьба между Александром III и Виктором IV, королевство придерживалось нейтралитета, но кардинал Иоанн, посланный Александром, в один прекрасный день высадился в графстве Триполи. «Он отправил посланцев к королю, чтобы узнать его волю и угоден ли тому его приезд. Также послал он и к прелатам, чтобы проведать об их намерениях». Пришедший в замешательство Балдуин III собрал в Назарете патриарха, епископов и баронов. Было решено не принимать ничью сторону и бароны предложили следующий вариант: «легаты передали, что если он хочет посетить Гроб и Святую Землю как паломник, то

пусть на нем не будет ни одного легатского отличия, ибо только легат в этой земле имеет право на белого иноходца и красную шапку, подобно апостолику (папе)»¹.

Находясь под надзором папских легатов, Церковь состояла — помимо Тирской провинции — из трех провинций Палестины и двух Аравии (в провинции Босры имелся свой архиепископ, который, возможно, избрал в качестве резиденции Дераа на тот момент, когда город был захвачен франками)². Но если латиняне с уважением отнеслись к границам церковных провинций, то все равно привнесли туда ряд изменений. В качестве митрополии III Палестина имела Скифополис (Бейсан), но крестоносцы сочли бессмысленным возводить в статус архиепископства эту глухую местность. Танкред предпочел доверить аббату Мон-Фавора, наследнику греческого епископа, архиепископство Галилейское, и Пасхалий II, 29 июля 1103 г., утвердил превращение Фавора в архиепископство, подчинив ему Тивериаду и всю Галилею. Правда, чуть позднее решили все-таки восстановить епископство Назаретское: Фавор был всего лишь монастырем, а Назарет, город, прославленный благодаря тому, что там некогда жил сам Иисус Христос, был более других достоин, чтобы в нем учредили епископскую кафедру. Тотчас же разгорелся конфликт между «архиепископом Галилейским» и новым епископом Бернаром (1109—1125 гг.). Легат Гибелин согласился с доводами Бернара и поделил доходы от Галилеи между аббатом Фавора и епископом, но Фавор, снова превратившись в простой монастырь, отныне стал подчиняться непосредственно Иерусалимскому патриарху: Бернар мог лишь благословлять святой елей, миро и назначать своих vikariev в приходы, принадлежавшие монастырю. В 1146 г. аббат Фавора вновь попытался вернуть себе архиепископский сан, но безуспешно: с 1128 г. Гильом Назаретский добился, чтобы архиепископскую кафедру перенесли из Скифополиса в его город. В то же самое время архиепископ Назарета получил в подчинение викарного епископа, назначенного в Тивериаду³.

Цезарейская митрополия была беспрепятственно восстановлена сразу после взятия города в 1101 г.: считалось, что ее первыми епископами были сам Св. Петр и центурион Корнелий. К ней присоединили епископство Хайфское и восстановили одно из викарных епископств, Севастийское, с 1115 г. широко известное благодаря своему монастырю Св. Иоанна Крестителя, ко-

¹ Иоанн не исполнил ни одно из этих требований и потребовал свои привилегии, что привело к признанию Александра III законным папой (С. Т., XVIII, 29).

² Lois, I, P. 416; С. Т., P. 715. Латиняне называли Босру «Bussereth». См. Addenda.

³ Lois, I, 415 («Архиепископ Бейсана (Bessan), которого называют Назарейским»); русский игумен Даниил говорил о Фаворе, что «он некогда был епископством, а ныне стал латинским монастырем»; R. R., 39, 69, 239.

торый снискал еще большую славу в 1145 г., когда там отыскивали мощи Св. Предтечи¹.

Что же касается самой церковной провинции Иерусалима, то с 1099 г. ее викарным епископством стала Лидда; также в нее входило несколько древних епархий, которым оставили автономию (епархия Акры около 1120 г., Наблуса, Иерихона, Дорона и т.д.), но подчинили патриаршему престолу². Напротив, Вифлеем, до того бывший простым приорством, зависевшим от церкви Св. Гроба, крестоносцы, ввиду известности этого городка, превратили в епископство, сразу же доверив его Арнульфу де Марторану, этому «творцу скандалов, нарушителю спокойствия», как назвал его Гильом Тирский. Учреждение епископства было незаконным, и потому Балдуин I добился от папы подтверждения на этот шаг, перенеся в Вифлеем епископскую кафедру Аскалона, который тогда находился во власти мусульман (1110 г.)³.

Также из соображений важности, какую представляло приорство Хеврона (Сент-Авраама) для паломников, в 1168 г. его сделали викарным епископством Иерусалима. В то же время было решено назначить митрополита во II Аравию, переместив в Крак де Моаб (Керак, который считали древней Петрой) традиционную митрополию этой провинции, Раббат Аммон (Филладельфии), где не было архиепископов с 1099 г. Архиепископ Герри принял титул «первого латинского архиепископа Петры». У него не было викарных епископов и потому было решено фиктивно подчинить ему греческого епископа Синайской горы⁴. Наконец, патриарх Амори де Нель и король Амори I захотели в том же самом 1168 г. восстановить епископство в Яффе⁵.

Как видим, формирование палестинского епископата продвигалось медленными темпами. Можно даже задаться вопросом, а не путаница ли в «Notices» побудила папу и патриархов действовать с особой осторожностью. Но в состав королевства также входили и земли, которые подчинялись патриарху Антиохийскому — церковная провинция Финикия (Тир). В 1104 г. Балдуин I захватил Акру, в 1110 г. Бейрут и Сидон, и на следующий год попытал счастья в отношении Тира, который пал только в 1124 г. После взятия Бейрута патриарх Гибелин попытался добиться от Пасхалия II раз-

¹ R. R., 235. Кармильский монастырь подчинялся епархии Цезарии-и-Хайфы.

² R. R., 439 и Наблусский собор, канон 1.

³ G. T., XI, 12. В 1153 г. после захвата города патриарх назначил епископом Аскалона некоего Абсалона, но епископ Вифлеемский добился отмены этого назначения. См: Riant. Eglise de Bethleeme-Absalon // R. O. L., I, P. 140.

⁴ G. T., XX, 3. На самом деле Раббат входил в II Аравию, а Петра в Палестину. О епископстве Синайском (древнем епископстве Фарана), см: L. Cheikho. Les archeveques du Sanai // Melanges de la Faculte Orientale (Beyrouth), II, P. 408.

⁵ Roziere, 291.

решения подчинить этот город своей кафедре, под тем предлогом, что за пять веков мусульманской оккупации прежняя организация церковных округов было давно забыта. Пасхалий II решил, что раз дело обстоит подобным образом, чтобы все земли, которые завоеует Балдуин, присоединялись к Иерусалимскому патриархату. Но Антиохийский патриарх энергично протестовал: он утверждал, что все предельно ясно — Бейрут и вся Тирская провинция всегда зависели от его патриаршего престола. Узнав, таким образом, о уловках иерусалимских властей, папа объявил, что «все земли, которые некогда подчинялись Антиохии, должны отойти Антиохийской кафедре». Он спешно запретил Иерусалимскому патриарху присваивать чужие церковные земли (1113 г.). Тем не менее, во время осады Тира не кто иной, как патриарх Гормонд назначил и посвятил в архиепископы Эда, который скончался прежде, чем город был завоеван. Смерть этого прелата благоприятствовала тому, что имущество его церкви было расхищено баронами, тем более что его преемник, англичанин Гильом I был выбран только в 1129 г.: Гильом II Тирский, наш историк, сильно сожалел о неурядицах, вызванных тем, что кафедра была не занята до 1129 г. При третьем архиепископе Фульхерии Ангулемском конфликт возобновился! Посвященный в сан патриархом Иерусалимским, Фульхерий отказался принять от него палиум, за которым обратился в Рим, сославшись на то, что Тир не подчинен Иерусалиму. Тогда патриарх освободил викарных епископов Тира от обязанности подчиняться своему митрополиту и примирился с Фульхерием, только когда сам папа пригрозил ему подчинить Тир напрямую Святому Престолу. Фульхерий также рассорился с патриархом Антиохии, который подчинил себе триполийские епископства Финикии, и соглашался уступить их Тиру лишь после того, как эта провинция покорится его духовной власти. Святой Престол поддержал Фульхерия в этом стремлении восстановить свою провинцию, уточнив, однако, что сам он должен проявить покорность Антиохии. Но попытка закончилась полным провалом (1133 г.).

Конфликт обострился, когда у архиепископа Тирского отняли викарное епископство Хайфу: он же утверждал, что этот город ранее был финикийским Порфирионом; Иерусалимский патриарх отклонил эту версию (спор об этом продолжается и сейчас). Гильом Мессинский, в продолжение дела о палиуме, присоединил Хайфу к архиепископству Цезарейскому, исходя из утверждения, что Хайфа принадлежит к провинции Палестины. Архиепископы Тирские так и не смогли добиться подчинения Хайфы, несмотря на поддержку Иннокентия II. Из четырнадцати викарных епископов Тира те, что входили в графство Триполи, были отобраны Антиохийским патриархом. Лишь епископства Сидона (который объединили с епископством Сарепты), Бейрута, Акры и Баниаса остались в подчинении у своего митрополита, пострадавшего от борьбы за влияние между двумя патриархами.

Таким образом, полный перечень латинских викарных епископов Иерусалимского патриархата включал в себя пять архиепископств (Тира, Назарета, Цезареи, Крака и Босры) и восемь епископств. Эти прелаты были необычайно богаты, и до нас дошли тексты соглашений между Иерусалимским патриархом и капитулом его кафедрального собора, могущественного капитула церкви Святого Гроба, о разделе «патриаршего манса» и «манса капитула»¹. В 1103 г. Эвремар распределил манс капитула по пребендам (пребенды главного певчего, преподавателя соборной школы, казначея, иподьякона, младших певчих; каждый из перечисленных получил «ассизу» (ренту) в 150 безантов, а ризничий 100 безантов; в то же время архидьякон, которым тогда был Арнульф де Роол, сохранил для себя львиную долю доходов), но в 1114 г. Арнульф изменил условия этого дележа, не замедлив — к великому возмущению Гильома Тирского — заменить белых каноников черными, то ли руководствуясь задачами религиозной реформы, то ли (на что намекает наш историк) желая иметь более послушных подчиненных... Святой Гроб был очень состоятелен: в его картулярии зафиксирована протяженность его владений в Палестине, и нам известно, что его домены простирались вплоть до Грузии, куда в XIII в. каноники направляли своего представителя, чтобы собрать доходы с принадлежавших им ста поместий².

В Иерусалиме находилось множество аббатств, а некоторые из них возникли еще в I в.: перед крестовыми походами купцы из Амальфи, маленькой торговой республики на неаполитанском побережье, добились разрешения построить в Иерусалиме церковь Пресвятой Девы, возле которой они возвели два монастыря — мужской монастырь Ла Латин (Св. Марии Латинской), и женский, посвященный Св. Магдалине Латинской. Рядом с ними возник гостеприимный дом Св. Иоанна Крестителя; крестоносцы, придя в Иерусалим, были встречены блюстителем монастыря и гостеприимного дома, Жираром, и аббатиссой женской обители, знатной римлянкой по имени Агнесса. Они тут же поспешили основать другие монастыри: монахи, пришедшие в свите Готфрида Бульонского, получили от него Иосафатское аббатство. Еще одним монахам он пожаловал монастырь на Сионской горе; во владении этого аббатства находился Сионский холм, и Балдуин I уступил ему маленькую часть Иерусалима, разрешив пробить ворота в крепостной стене. Остальные монахи

¹ Сохранился требник из церкви Гроба Господня (A. Kohler. Un rituel et un breviaire du Saint-Sepulchre de Jerusalem, XII—XIII siecle // Melanges pour servir a l'histoire de l'Orient Latin, II, P. 286).

² R. R., 40—75. Simon de Saint-Quentin. Historia Tartarorum (ed. J. Richard), Rubruck, ed. Van den Wyngaert. Sinica Franciscana, I, P. 324. У церкви Гроба Господня еще перед крестовым походом были владения в Западной Европе, Венгрии, Руси и Византийской империи.

обосновались в Оливьерском саду и Храме Господа¹. Эти четыре аббатства — Храма, Оливьера, Сионской горы и Иосафата — занимали первое место по важности наряду со Св. Гробом: но приходилось допускать каноников за их стены на время некоторых праздников, что приводило к стычкам с монахами, постоянно проживавшими возле этих святых мест². Неподалеку от Святого Града черные каноники из ордена премонстрантов построили монастырь Св. Иакова Аримафейского (Сен-Абакук), а монахи возвели еще несколько в Сен-Самуэль де Монжуа (холм, возвышавшийся над Иерусалимом) и на горе вблизи Иерихона (Quarantaine). В удалении располагались монастыри Св. Иоанна в Севастии (позднее епископство), Мон-Фавор, Мон-Кармилль и Ла Помере³.

Если прибавить к этому списку приорства (например, в Хевроне) и мелкие монастыри, о которых не сохранилось воспоминаний, а также женские обители (Св. Анны, Ла Латин и монастырь в Вифании, основанный королевой Мелизиндой для ее сестры Иветты), то мы легко сможем понять восторг аббата Эккехарда при виде того, как быстро после окончания крестового похода (1110—1115 гг.) в этой земле чудесным образом выросли «церковные строения, епископства, монастыри, городские стены и замки, в портах, рынках и сельской местности забурлила жизнь». Особым могуществом в Иерусалимском королевстве пользовалось духовенство. Имущество церкви было велико, ибо в дар от короля и франкских сеньоров ей достались владения, ранее принадлежавшие греческому клиру. Однако королевская власть все же установила ограничения для этих дарений. В «Книге короля» запрещалось дарить церкви замок и, если продавался фьеф, то ни церковь, ни религиозный орден не могли их купить. В том же случае, когда «благородная дама» уходила в монастырь и уже после этого получала фьеф по наследству, ей разрешали покинуть обитель на время, чтобы принять фьеф и вверить его «самому близкому родственнику, какого она имела в миру». Распоряжаться ей позволяли только тем имуществом, что не относилось к феодальной иерархии, которое она могла продать короне, чтобы выручка от продажи досталась монастырю; не допускали также, чтобы держания горожан были отданы церкви.

¹ G. T., 376; R. R., 67 (Иосафатская церковь была разрушена сарацинами), 576; Clermont-Ganneau. Les biens de l'abbaye du Templum Domini // Recueil, V, P. 70. Нельзя путать это аббатство, находившееся в современном Куббат аль-Сакре, с Орденом тамплиеров.

² R. R., 323.

³ R. R., 484, 495. Около 1172 г. аббатство Palmagea, чей второй по счету настоятель был человеком мало религиозным, пришлось вверить монахам клюнийского ордена, чтобы те его реформировали. Первым же аббатом был Эли, упомянутый в 1138 г. Само аббатство было основано Гормондом (Гормондом Тивериадским? Гормондом Бейсанским? Гормондом де Пикийни?): Ducange-Rey, P. 837.

Но от Филиппа Новарского мы знаем, что на деле все обстояло гораздо менее строго, чем на словах. Тем не менее королевская власть следила, чтобы из-за дарений по благочестивым мотивам — или из-за более или менее замаскированных продаж (ведь иногда требовалось много денег, чтобы заплатить выкуп) — не слишком пострадала военная повинность короне; во Франции мы видим, как короли также боролись против умножения «имущества мертвой руки», в результате чего владелец не менялся, но при переходе имущества по наследству оно не облагалось налогом в пользу короны¹.

У духовенства был свой собственный суд, «курия церкви», где рассматривали преступления, совершенные клириками, дела о ереси и колдовстве (по ассизе Амори — I или II? — ересь каралась конфискацией имущества), процессы, связанные с завещаниями и браками, прелюбодеяния или содомия. Однако церковная курия стояла в стороне от «кровавой расправы»: священника, обреченного на смерть на костре за прелюбодеяние или содомию, после вынесения приговора передавали королевской курии — «светской длани», которой принадлежало право судить клирика, повинного в убийстве или измене, а также в клятвопреступлении (что во Франции было привилегией церковных трибуналов). Юрисдикции епископа подлежали и врачи: «ни один иноземный врач, прибыл ли он из-за моря или от язычников, не должен врачевать прежде, чем будет испытан другими врачами, лучшими в этой земле, и в присутствии местного епископа». После этого экзамена епископ лично вручал новому медику патент, позволявший ему работать по профессии².

На начальном этапе колонизации церкви с трудом удавалось заставлять баронов выплачивать десятину, то ли потому, что не в обычае было взимать этот побор на Востоке, то ли потому, что на Западе сеньоры уже привыкли присваивать себе десятинные сборы. В 1101 г. Танкред обещал монахам Мон-Фавора вернуть им несколько десятин — право, которое до этого момента временно сохранялось за рыцарями. Эти десятины взимались с земельных хозяйств, пастбищ, а также и с добычи (так называемая десятина «рыцарства», которую клирикам было сложнее всего собирать). Король же отказался от узурпации десятин только на Наблусском соборе в 1120 г.³

По отношению к королевской власти церковь пользовалась силой, которую не стоит недооценивать: король обладал всей полнотой власти только тогда, когда принимал помазание, как это продемонстрировало поведение каноников

¹ Додю (р. 325) все же заявляет: «Несоразмерный рост церковного владения, с которого не требовали выполнения воинской повинности, стал одной из главных причин ослабления франкских колоний».

² Dodu, р. 325—328; Mansi. Sacrorum conciliorum, XXI, Р. 262, с. 4, 6, 8, 9. Assises des bourgeois, № 238.

³ Mansi, *ibid.*; с. 1—3; R. R., 36, 69, 279.

Гроба Господня перед лицом Генриха Шампанского. Патриарх являлся «духовным сеньором королевства» и претендовал на сюзеренитет над ним. Однако прерогативы клира вовсе не стесняли Иерусалимских королей, которые, как кажется, находились в великолепных отношениях со своим духовенством, за исключением непродолжительных конфликтов с Даимбертом Пизанским и Этьеном Шартрским. Мы не считаем, подобно Додю (для него главными виновниками гибели латинского королевства были клирики), что «церковь злоупотребила привилегированным положением, каковое сумела занять в Иерусалимском королевстве...»¹ — но ведь именно им это королевство было обязано своим возникновением.

Прежде всего, государь имел право контроля за выборами епископа, начиная с самого патриарха: фактически он лично назначал его из представленных ему канониками Гроба Господня кандидатов. В 1194 г. во время избрания патриарха каноники утвердили в этом сане Эймара Монаха, не узнав мнение Генриха Шампанского, под предлогом, что он не является всего лишь «сеньором королевства» и не прошел коронацию. Придя в ярость, Генрих приказал схватить каноников и пригрозил утопить их за то, что «они намеревались ущемить власть, каковую Иерусалимские короли имели в избрании патриарха». Гильом Тирский в рассказе о своем избрании на кафедру Тира, вакантную уже на протяжении семи месяцев (8 июня 1175 г.) отметил, «что в конце концов все клирики и сам король пришли к согласию, что есть в обычае церкви, и архиепископом сделали архидьякона Гильома». Выборы его предшественника Петра Барселонского (1148—1174 г.) стали предметом конфликта между королем и канониками: архиепископ Фульхерий был возведен в патриаршье достоинство, и король с королевой-матерью Мелизиндой посетил Тир с новым патриархом и суффрагантами Тира (1146 г.). Король поддерживал кандидатуру своего канцлера Рауля, «клирика Господня, прекрасно образованного, но нрава уж слишком мирского (*secular*)». Фульхерий предпочел архидьякона Тира Иоанна Пизанского и, опасаясь, как бы «король не применил силу», воззвал к Риму. Все же король передал Раулю права регалии в Тире, которыми тот и владел около двух лет. Римская курия сместила Рауля, который все же был прощен своим соотечественником, папой Адрианом IV, англичанином по национальности, и получил епископство Вифлеемское, но чтобы не вступать в конфликт с королем, назначила архиепископом Петра Барселонского, а не Иоанна Пизанского, ставшего кардиналом².

Иерусалимский король, за то время, как кафедра епископа пустовала, являлся хозяином регалии епископства, то есть распоряжался по своему усмотрению его имуществом и доходами, и вел себя так же, как и короли Франции. Он

¹ Dodu, P. 358.

² G. T., P. 733, 1020; Ernoul, P. 59; Grousset, III, P. 127.

требовал от прелатов и аббатств поставлять в его войска отряды из сержантов: патриарх был обязан присылать 500 бойцов, столько же церковь Гроба Господня, архиепископы Тира, Назарета и Цезареи по 150 каждый, епископы Тивериады и Севастии — 100, епископы Вифлеема и Лидды 200, епископы Сент-Авраама и Сидона — 50, Иосафатское и Сионское аббатства — 150, Мон-Фавор — 100, Оливьер, Тамплъ и Латин — 50. Таким образом, духовенство занимало свою нишу в феодальной системе, однако положение некоторых епископов в ней было особым: как и во Франции, церковные земли зависели напрямую от короля и в какой-то степени составляли продолжение королевского домена даже внутри бароний. Некоторые из этих земель были настоящими сеньориями, например Назарет (этим городом, как и в случае с Вифлеемом, владел местный прелат), который был обязан поставлять на королевскую службу шесть рыцарей, находился под управлением архиепископского маршала — позднее бальи — и включал в себя, в XIII в., 19 поместий¹.

В епископской сеньории Лидды, как и в Назарете, были свои собственные «двор, монета и суд». Эта сеньория было создана в 1099 г. и уже около 1102 г. епископ Лидды предстает в окружении группы своих вассалов. Ему же принадлежала Рамла, которую, впрочем, у него скоро отобрали: в 1125 г. в Лидде появляется светский сеньор (поверенный), но около 1238 г. епископ Рожер вновь начинает вести себя как подобает церковному барону: одна из его хартий подписана «всеми канониками моего капитула и моими баронами». Несомненно, его резиденцией являлась укрепленная церковь (которую Саладин повелел разрушить в 1191 г.); он был обязан присылать в королевское войско десять рыцарей (столько же, сколько сеньор д'Ибелен) с 200 сержантов, и свою маленькую армию, «отряд Сен-Жоржа (*compagnie de Saint-Georges*)», который возглавлял маршал — в 1137 г. им был рыцарь Рено Епископ, племянник епископа Лидды².

Епископ и аббаты Святой Земли часто демонстрировали свою отвагу в сражениях, например, Эвремар Цезарейский, который принял активное участие в битве при Тел Даните (1119 г.) и нес в ней Истинный крест, защищавший

¹ Lois, I, P. 417; R. R., 97, 1239, 1280, 1282. Эта сеньория, особенно известная с XIII в., была уступлена своим архиепископом Ордену госпитальеров в 1259 г. Поддерживал ли в 1212 г. король (который тогда владел Галилеей) епископа Назарета в его борьбе против претензий Мон-Фавора, чтобы упрочить положение своего вассала в центре княжества? — Часто при аббатах состояли вооруженные свиты (например, охрана Мон-Фаворского настоятеля — *Infra*, P. 129); согласно уставу Ордена цистерцианцев охрану разрешалось иметь только тем монастырям, которым угрожали сарацины).

² Lois, I, 417; Grousset, II, 76 и III, 73; Foucher, P. 277 и 426; Delaborde, Josaphat, P. 49. В Иерусалиме один акт о дарении из «патриаршего квартала» подписали великие чины патриарха: сенешаль, маршал и кравчий (R. R., 528) в 1175 г., наряду с другими «патриаршими мирянами».

королевство (то же самое, что плащ Св. Мартина во французской армии), под ливнем стрел — но ни одна даже не ранила его, хоть он и был без доспехов. Но все они были не только феодальными сеньорами: помимо богослужений, иерусалимское духовенство занималось евангелизацией — особенно среди пленных мусульман¹, также организовывая встречи с представителями восточных церквей — но прежде всего, помогало паломникам. Главной задачей, стоявшей перед франкским королевством, была защита пилигримов; церковь же старалась обеспечить неимущим паломникам всю необходимую помощь. В 1165 г. Иоанн Вюрцбургский утверждал, что в Иерусалиме госпитальеры в день кормили 2000 бедняков; епископы и аббаты соперничали в благочестивом рвении, наперебой основывая гостеприимные дома: в 1121 г. Иосафатский монастырь построил в Тивериаде госпиталь Св. Юлиана, а в 1159 г. упоминается о существовании госпиталя в Магомерии. Эти приюты представляли собой придаток монастыря, и богатства церкви должно было расходовать на нужды бедняков, пришедших поклониться Святым местам. Также духовенству пришлось отвечать за содержание школ; наконец, орден Св. Лазаря, основанный около 1112 г., занимался тем, что принимал прокаженных (которых было так много в Святой Земле, что в «Книге короля» предусматривалась возможность вспышки заболевания проказой в рядах рыцарей). Вся эта благотворительная работа, которой занималась церковь, вызывала восхищение у христиан Востока.

Моральный облик латинского духовенства Востока оценивали по-разному. «Когда встречаешь на пути такого достойного человека, каким был Гильом Тирский, — писал Додю, — то охотно сосредотачиваешь на нем все свое внимание; стараешься забыть о пороках большинства, ради восторга перед добродетелями немногих». «Большинство клириков, — отвечал Рей, — пользовалось уважением и почетом благодаря своей безупречной и добродетельной жизни». Гильом Тирский заслуживает адресованной ему похвалы: родившись в Палестине около 1130 г., возможно в семье итальянцев, он знал не только французский, но и латинский, греческий, арабский и еврейский языки, завершил свое образование на Западе, откуда вернулся в 1166 г. Став каноником в Тире, он был замечен королем Амори I, который назначил его архидьяконом, поручил ему написать историю королевства и неоднократно направлял с дипломатическими миссиями в Рим и Византию. Гильом стал воспитателем наследного принца, канцлером (1174 г.), затем архиепископом Тира, но назначить на трон патриарха вместо него предпочли Ираклия (1180 г.). Возможно он умер в Италии, около 1184 или 1185 г. (ходили слухи, что Ираклий приказал его отравить). Отличавшийся добродетельным образом жизни и необычайной

¹ Registres d'Urbain IV, № 1925 (1264, 12 июля). Патриарх Иерусалимский просил кормить бедных евреев и мусульман, согласившихся креститься, во время их наставления.

справедливостью, Гильом был ученым: кроме своей истории Латинского королевства, где он продемонстрировал качества истинного историка (за исключением пристрастности в отношении некоторых церковных конфликтов), Гильом написал, опираясь на арабские источники, «Историю государей Востока» — правда, лишь некоторые фрагменты этого сочинения дошли до нас в составе его главного труда¹. Если поместить рядом с ним большинство Иерусалимских патриархов и епископов, о которых сохранились хоть какие-нибудь воспоминания, монахов вроде Св. Бурхарда и Св. Симеона, начинаешь верить, что после первых смутных лет латинское духовенство Востока сумело снискать уважение восточного населения. Это предположение превращается в уверенность, когда читаешь строки, в которых армянский прелат Нарсес Лампрон засвидетельствовал искреннее восхищение той добросовестностью, с какой франкские священники служили Господу, горячностью их веры и поразительным милосердием².

VIII РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНА

Паломничеству мы обязаны рождением одного из самых примечательных институтов Иерусалимского королевства, чье существование продлилось необычайно долго (разве орден Св. Иоанна Иерусалимского не продолжал крестовый поход в Средиземноморье до того момента, как Бонапарт захватил Мальту?) — военных орденов тамплиеров и госпитальеров.

Орден госпиталя Св. Иоанна Иерусалимского берет начало от странноприимного дома, отстроенного около 1070 г. на территории монастыря Ла Латин, посвященного Св. Иоанну Крестителю; главным его предназначением на долго стали размещение и лечение паломников. После первого крестового похода у магистра этого госпиталя Герарда появилась возможность расширить свое учреждение до значительных размеров. В конце концов он и его товарищи отделились от старого амальфийского монастыря, придатком которого они

¹ А. С. Krey. William of Tyre // *Speculum*, XVI, 1941, P. 149–166. — Главы 19, XIV, XIX и XX в С. Т., где события датированы по мусульманскому летосчислению, вероятно, входили в «Историю государей Востока». — *Dodu*, P. 318–322; *Rey*, P. 271. Гильом Тирский принадлежал к семье Иерусалимских горожан: в 1175 г. упоминается (*Roziere*, 258) его брат Рауль. — *Ernoul*, P. 85, n. 4.

² St. Nerses le Grand, ed. *Document Armeniens*, I, 569–578 и 595–596. Мусульманин Усама говорил о канониках храма Св. Иоанна в Севастии: «Я был свидетелем сцены, преисполнившей мое сердце восторгом, но /одновременно/ опечалившей его, ибо я не встречал умусульман благочестивого рвения, подобному этому» (*Derembourg. Vie d'Usama*, I, P. 189).

до сих пор были, и организовали орден госпитальеров, похожий на орден Св. Лазаря, основанный в то же время (1112 г.) и «специализировавшийся» на лечении прокаженных. Новый орден познал стремительный подъем; паломники незамедлительно оценили его пользу, выказывая свою признательность в виде дарений. В конце концов госпитальеры превратились в военный орден: в 1126 г. появляется упоминание о коннетабле Госпиталя. Подражали ли госпитальеры военным орденам Испании, где у них имелись владения, как считает К. Каэн, или следовали примеру ордена тамплиеров, когда свершили это преобразование, будучи вынужденными решиться на этот шаг из-за условий, в которых протекало паломничество?¹

Из рассказов первых паломников видно, какие невероятные опасности подстерегали путников на дорогах в Святой Земле. Повествования Зеавульфа (1103 г.) и аббата Эккехарда (1110—1115 г.) полны упоминаний о грабежах, набегах, засадах и повседневных убийствах. Гильом Тирский рассказывал о мусульманских крестьянах, господствовавших в сельской местности, которые блокировали города в надежде уморить их голодом, убивали или пленяли, чтобы продать в рабство, путешествовавших в одиночестве христиан. Даже в городах разбойники убивали франков в их собственной постели. Но особенно опасной была дорога из Яффы в Иерусалим, проходившая возле Рамлы. Король Балдуин I в прямом смысле выкурил из их логова, как лисиц из норы, и переловил бедуинов, промышлявших разбоем в этом регионе (1100 г.); но египтяне из Аскалона продолжали свои набеги на эти территории; в 1107 г., прознав, что «большая компания христиан пройдет из Яффы в Иерусалим», «турки из Аскалона ... устроили засады на дорогах». Со своей стороны, паломники, хоть и захваченные врасплох, не растерялись и отбросили 500 египетских всадников и 1000 пехотинцев, потеряв в бою только троих своих людей. Христиане пытались обезопасить дороги с помощью сети укреплений, которая достигла своего размаха в XIII в., но, кроме Рамлы и Лидды, ни одно из них, лишенное достаточного по численности гарнизона, не смогло оказать отпора мусульманам: Шастель-Арнуль, построенный в 1105 г., был разрушен египтянами в следующем же году². Опасность на дорогах не исчезла и к 1113 г.: русский игумен Даниил, восхищенный церковью в Рамле, отметил, что окружающая ее местность была пустынной, так как эти земли, пусть и изобиловавшие источниками, облегчавшими стоянки для паломников, все же были непригодны для поселения из-за постоянных налетов аскалонских мусульман. Путь из Иерусалима в Хеврон был не менее опасен, хотя на полдороге между Виф-

¹ Cl. Cahen, P. 511; Delaville Le Roulx. Les Hospitaliers en Terre Sainte et a Chipre; E. L. The Knights Hospitaliers in the Holy Land. London, 1931.

² Seawulf, ed. Wright // Recueil de voyages et memoires de la Societe de Geographie, IV, P. 838—839; Ekkehardi Hierosolymita, P. 309; G. T., P. 393, 412; Foucher, P. 374, 515.

леемом и Хевроном франки построили крепость (Бейсури, «Пти Магомери»?). Русские паломники хотели посетить Святые места в Галилее: они сочли за удачу отправиться вместе с королем Балдуином, который вел армию на мусульманские территории, ибо дорога была полна превратностей. Уже то, что Даниил с семерыми безоружными спутниками смогли проделать путь из Тивериады в Назарет, избежав нападений сарацин из галилейских деревушек, посчитали почти чудом. Встреченный ими в Кане многочисленный отряд, направлявшийся в Акру, позволил русским паломникам без приключений проделать оставшуюся часть пути¹.

Гуго де Пейен, рыцарь из Западной Европы, прибывший служить на Восток с тридцатью товарищами, приходившийся родичем графам Шампанским, союзником или другом семье Св. Бернарда (его замок Монтиньи находился неподалеку от Монбара), был поражен таким положением вещей. Спустя три года после своего презда на Святую Землю он объединился с восемью товарищами, главным среди которых являлся Жоффруа де Сент-Омер, «ради паломников, которые просили сопровождать их на дорогах», как писал Михаил Сириец, и чтобы «охранять дороги, по которым ходят пилигримы, от грабителей и разбойников, которые творят там великие злодеяния», по словам переводчика Гильома Тирского². Компаньоны поступили на службу к патриарху, которому поклялись хранить обет целомудрия и послушания, и к королю, разрешившему им «поселиться в крыле дворца, который он устроил в храме Господа Нашего», в Храме Соломона (мечеть Аль-Аксар). Однако они остались мирянами, обыкновенными добровольцами, собравшимися по собственному желанию, чтобы охранять дороги и вести благочестивую жизнь. В 1128 г., спустя восемь лет после того, как они собрались вместе, Гуго де Пейен появился на Западе и попросил у Св. Бернарда составить устав «Воинства Христова» или «Воинства бедных рыцарей Христа»³. Собор в Труа узаконил устав нового религиозного ордена, созданного на принципах ордена Св. Бенедикта, который зижделся на тройном обете — бедности, целомудрия и послушания.

Но иерархическая организация ставила тамплиеров особняком от других орденов: как и в гражданском обществе, орден состоял из трех классов «мона-

¹ Daniel, ed. Leskien, РР. 22, 41, 46, 54, 56. В 1118 г. — еще одна засада: три сотни убитых, шестьдесят пленных (Alb. Aq. XII, 33).

² Michel le Syrien, ed. Chabot, III, 201–203; С. Т., 520.

³ Aubri de Trois-Fontaines, Р. 826: около 1125 г. граф Шампанский Тибо стал тамплиером; без сомнения, это и послужило причиной к его путешествию. Дядя Св. Бернарда, Андре де Монбар, в свою очередь, стал Великим Магистром ордена тамплиеров (D'Albon. Cartulaire, CCCLX). — Д. Хансен (Op. cit., Р. 138) полагает, что что патриарх Этьен Шартрский рассчитывал превратить тамплиеров в воинство на службе теократических идей и преданное патриархату, чему нет подтверждения.

хов»: рыцарей знатного происхождения, сержантов, набранных из горожан и клириков, ответственных за богослужение. Кроме того, в ряды ордена принимали рыцарей на определенное время, что сильно напоминает наемников на службе короля. Как и в миру, управление орденом осуществляли Великий Магистр и великие чины (маршал, командоры), которые принимали решения, за исключением случаев особой важности, когда в дело вмешивался генеральный капитул — собрание братьев-тамплиеров. Массовое поступление новобранцев в орден (особенно заметное в Бургундии, где в 1133 г. толпа рыцарей стала тамплиерами) и система провинциальных командорств, принимавших щедрые пожалования, позволили новому ордену действовать с размахом, о котором не могли и мечтать его основатели, и принять на себя функции, выходявшие далеко за рамки их первоначальных целей.

В правление магистра Раймунда дю Пюи (ок. 1119 — ок. 1158 гг.), орден госпитальеров принял аналогичный устав, но продолжал совмещать военную деятельность с заботой о паломниках: Иоанн Вюрцбургский упоминает о большом числе пайков, ежедневно раздаваемых беднякам, а больницы продолжают играть важную роль в ордене; из-за этого организация госпитальеров была гораздо более сложной, чем у тамплиеров. Мы не знаем, до какого времени монахи-рыцари, одетые в черный или красный плащ с красным крестом у госпитальеров и (1145—1153 гг.) и белый плащ с красным крестом у тамплиеров, занимались исключительно эскортированием паломников. Первоначально пожалования ордену состояли из поместий (*casaux*) и десятин и предназначались для обеспечения его постоянными средствами; вскоре рыцарям-монахам стали жаловать замки, которые они могли без труда защищать, поскольку их людские ресурсы были неисчерпаемы. Картулярий тамплиеров пропал, и первое пожалование подобного рода, которое нам известно — это передача в 1136 г. госпитальерам замка Гибелин — быть может, потому, что эта местность уже давно принадлежала ордену и была оставлена ему во владение после постройки там крепости. В 1150 г. король, приказав отстроить стены Газы, стал искать того, кто мог бы содержать там необходимый для защиты гарнизон. «По общему совету, ее /Газу/ отдали тамплиерам, потому в этом ордене состояло довольно братьев, которые были добрыми рыцарями и мудрыми людьми»¹. Без сомнения, именно потому, что ордена не испытывали недостатка в людях и средствах, им передавали некоторые укрепления в Иерусалимском королевстве — хотя эти уступки даже в сравнение не идут с пожалованиями, сделанными тамплиерам в графстве Триполи и на севере Антиохии и госпитальерам на восточной границе Триполи и области Маргата, на юге Антиохии, где эти два ордена обладали почти суверенной властью. «Книга короля» запрещала государю отчуждать свои зам-

¹ Ernoul, Р. 14; Grousset, II, 339.

ки в пользу «religion»¹, а королевским вассалам продавать им свои фьефы; только в катастрофических ситуациях решались уступить рыцарям-монахам крепости королевства. Действительно, до 1187 г. число укреплений, принадлежавших военным орденам в Иерусалимском государстве, было довольно ограниченным. Госпитальеры попытались добиться пожалования им половины Баниаса в 1157 г., но когда крупный орденский гарнизон с обозом, посланный в это место, попал в засаду и потерпел поражение, они отказались от своих претензий. Госпитальерам принадлежали, помимо фортов вдоль дорог пилигримов (например в Эммаусе, Ла Фонтен дез Эмо, возле Иерусалима), несколько укрепленных замков в королевстве, таких как замок Св. Иова на пути из Наблуса до Гран Герена (другая дорога, по которой передвигались паломники) и важное укрепление в Коке или Бовуаре, контролировавшее границу с Иорданией на юге от Бейсана: орден захватил этот замок перед 1168 г. и превратил ее в грозную крепость. Тамплиеры также владели рядом фортов, например, защищавших Иерихон (Сен-Жан-Батист, Карантен, Мальдуэн или Тур Руж), а также укреплениями на дороге, идущей вдоль берега из Лидды к Галилее: в 1187 г. в цитадели маленького городка Како укрепился крупный гарнизон из 90 рыцарей и далее к северу тамплиерам принадлежала крепость Ла Фев. Они же занимали несколько наблюдательных постов на египетской границе, в регионе Газы, а также в Трансиордании, где в 1166 г. двенадцати тамплиерам доверили укрепленную пещеру, которую те защищали без особого энтузиазма: сеньор «Трансиорданской земли» Филипп де Мильи, попросив принять себя в ряды тамплиеров, чьим Великим Магистром он впоследствии стал, передал ордену Ахамант и половину соседнего региона (Белка)². Но главной крепостью тамплиеров был Сафет, высившийся на севере Галилеи, перед которым в 1178 г. они построили Шатле Св. Якова, где Саладин уничтожил гарнизон из 80 рыцарей и 750 сержантов.

Несколько замков, которыми владели оба ордена, равно как и башни, которые доверяли им в отдельных городах, резко контрастируют с огромным богатством и мощной армией рыцарей-монахов. Обычное число рыцарей-монахов в королевстве составляло примерно пять сотен рыцарей и столько же туркополов; сюда не входят гарнизоны их замков, которые доставались им с таким трудом, ибо рыцари из орденов представляли собой «мобильную армию», всегда

¹ «Religion» — в смысле религиозные ордена, что сохранилось в названии кораблей мальтийских кораблей — «галеры Религии».

² Амори I подтвердил это дарение 16 февраля 1167 г. (Delaville Le Roulx. Chartes de Terre Sainte // R. O. L. T. XI, 1907, P. 183.). Пещеру, чье местоположение было неизвестно, идентифицировал П. Абель, как ар-Рахим аль-Кахф. — Один текст 1239 г., изученный г-ном Дашаном (Syria, XXIII, 1942–1943, P. 86), приписывает ордену владение крепостями Гран Герен и Шастель де Плен, к востоку от Цезареи и неподалеку от Ла Фев.

готовую к маршу и тем более удобную для использования, потому, что у нее не было собственной территории, которую требовалось бы защищать. У рыцарей-монахов были казармы («дома» Храма и Госпиталя) в большинстве городов, которые они были готовы покинуть, чтобы сопровождать паломников — Григорий IX с раздражением напомнит в 1238 г. тамплиерам, что им надлежит присматривать за дорогой из Яффы в Цезарею, которая в тот момент подвергалась разорительным набегам мусульман — или начать боевые действия¹.

Ордена носили интернациональный характер: сеть их «командорств» или «прецепторий» охватывала все христианские государства, тогда как от восточных государей они принимали в пожалование поместья и ренты, а знатым паломникам служили посредниками, подготавливая их пребывание на Святой Земле. Например, около 1168 г. госпитальеры получили от Венгерского герцога 10 000 безантов, чтобы приобрести поместья и земли, где тот намеревался останавливаться в течение своего паломничества; подразумевалось, что после отъезда или смерти князя приобретенное имущество и земли отойдут в пользование ордена. Великий Магистр извинился перед герцогом за то, что в окрестностях Иерусалима приобрести уже ничего нельзя; зато он предложил герцогу владения в Эммаусе, Икбале, Бельвеере и Saltus Muratus, которые принадлежали госпитальерам в этом регионе, в том случае, если знатный даритель не пожелает остановиться в Акре, где за 6000 безантов орден приобрел для него дворец и четыре дома с поместьем по соседству, приносящие 1100 безантов в год. Аналогичные сделки были заключены и с чешским герцогом Владиславом (которому предоставили Крак де Шевалье в качестве резиденции) и графиней Сен-Жильской, Констанцией, дочерью короля Франции Людовика VII, которая купила поместье возле Акры взамен ежегодной ренты в 50 безантов, которые орден обязался ей выплачивать в период ее пребывания на Святой Земле². Активная банковская деятельность обоих орденов в XIII в. ведет свое начало от тех же операций, когда паломники передавали деньги в командорства своей страны, чтобы получить их по прибытии на Восток, предъявив выданное им свидетельство — мы говорим о переводном векселе. Также и король Англии Генрих II послал значительную «милостыню» тамплиерам и госпитальерам на нужды Святой Земли для своего пребывания в королевстве Иерусалимском, куда он намеревался прибыть после заключения мира с француз-

¹ Auvray. Registres de Gregoire IX, № 4129. Устав тамплиеров, изданный Мейларом де Шанбюром (Maillard de Chambure. Regle et statuts secrets des Templiers. P. 268), предписывает командору Иерусалима, подчиненному великому командору королевства, «с десятью рыцарями под своим командованием сопровождать пилигримов, которые направляются к водам Иордана... и привести с собой вьючных животных, чтобы перевозить провизию и самих паломников, если в этом появится надобность» (§ 62).

² R. R., 458, 503; D'Albon. Cartulaire, CXI (1135).

ским королем¹. Даже на Востоке использовали кассы орденов для хранения там денег, особенно в периоды кризисов; так, в 1199 г. папе римскому пожаловались, что тамплиеры отказались вернуть епископу Тивериадскому 1300 безантов и другое имущество его церкви, оставленное у них на хранение предшественником прелата. Папа приказал тамплиерам вернуть просимое, но местное духовенство превысило свои полномочия и отлучило орден от церкви: в свою очередь, папа отменил отлучение до тех пор, пока не получит более полную информацию о конфликте².

Хоть ордена и возникли в среде духовенства, отношения между ними не замедлили испортиться: тамплиеры и госпитальеры поспешили как можно скорее выйти из-под юрисдикции патриарха Иерусалимского и добиться подчинения исключительно папе, основывая свои претензии на том, что они являлись интернациональными организациями. Как представители двух сословий — рыцарей и клириков — и тот и другой орден злоупотреблял своим двойственным положением: в качестве сеньоров они владели землями, но как монахи претендовали на то, чтобы не отдавать десятину, предназначенную епископам. В свое время церковь первой начала даровать орденам имущество: вполне понятно раздражение духовенства, столкнувшегося с неблагодарностью рыцарей-монахов. Ведь под предлогом своей независимости от местного духовенства тамплиеры и госпитальеры принялись строить церкви, невзирая на деление по приходам, не спрашивая позволения у епископата, и проводить богослужение в отлученных от церкви городах, где находились их резиденции, причем не частным порядком и не без колокольного звона, что было им разрешено, а с помпой, принимая в орденских капеллах отлученных. В Иерусалиме исконная резиденция госпитальеров располагалась напротив церкви Ла Латин, неподалеку от Гроба Господня, но рыцари-монахи постепенно приобрели все дома, которые отделяли их от этого храма. Пренебрегая святостью места, они сдавали «почитаемую» церковь своими постройками и зданиями, возвышавшимися над ней. Патриарх Фульхерий, выведенный из терпения дурными поступками госпитальеров (звон колоколов во время проповедей, и даже, в 1155 г., вооруженное нападение на капитул Гроба Господня), в конце концов подал в Рим жалобу от лица прелатов Сирии. Святой престол вынес порицание бесчинствам двух орденов, но отказался подчинить их патриарху. Это неполное удовлетворение — конфликт вновь разгорелся в 1168 г. из-за Яффы, где госпиталь-

¹ Rymer. Foedera, I, I, XIX. В 1182 г. Генрих II завещал 5000 серебряных марок каждому из двух орденов, 5000 — различным церковным учреждениям Святой Земли и «на общую оборону королевства» — 5000, которые вмнялось распределять обоим Великим Магистрам. — Согласно Матвею Парижскому (Chron. maj., II, 318), общая сумма пожертвования составляла 42 000 серебряных марок и 500 золотых марок.

² R. R., 764, Add. 908a, 911a.

еры пренебрегли наложенным на этот город интердиктом, построили церковь и возжелали присвоить десятину — пришлось не по вкусу прелатам и стало основным мотивом того, что они встали на сторону кардинала Октавиана (антипапы Виктора IV), обещавшего им поддержку, и до 1161 г. не признавали законным папой его противника Роланда Бандинелли (Александра III)¹.

В отношении королевской власти ордена оставались послушными гораздо дольше. Правда, кажется, что тамплиеры неоднократно проявляли непокорство — ведь ряды ордена пополнялись за счет рыцарей Запада, что делало их выразителями «крестоносного духа», по выражению Р. Груссе, и противниками «разума пуленов», которым, как более привыкшим к местной обстановке, была свойственна осторожность; тамплиеры не соблюдали строгие каноны рассудительной тактики иерусалимлян, потому история их ордена часто представляет собой серию поражений, произошедших по вине самоуверенности и безумной отваги рыцарей, только что высадившихся в Сирии. Тамплиеры были также скупы, и их обвиняли в том, что они пытались помешать прочим франкам проникнуть в осажденный Аскалон через брешь, выставив в ней охрану, тогда как сорок орденских рыцарей вошли в город, чтобы захватить всю добычу (1153 г.). Будучи более уравновешенными, госпитальеры поддержали египетскую политику Амори I, но оказали на короля давление, вынудив его начать кампанию 1168 г., не дожидаясь подхода византийцев. Великий Магистр ордена Жильбер д'Ассальи (1163—1170 гг.), исторг у короля обещание уступить госпитальерам Бильбеис и всю соседнюю провинцию с годовым доходом свыше 100 000 безантов и 50 000 безантов ренты с десяти других городов, взамен участия 50 рыцарей и по меньшей мере 50 туркополов в походе. Стремясь овладеть этими благами, Жильбер набрал отовсюду наемников, растратил всю казну ордена и задолжал более 100 000 безантов. Провал завоевания Египта обернулся катастрофой для госпитальеров: Жильбер, пав духом, удалился жить в пещеру и назначение преемника на его место прошло с большими осложнениями; казна ордена была обременена долгами, и разоренные госпитальеры даже не смогли занять замки Аркас и Гибелакар (возле Триполи), которые Амори уступил им в 1169².

Что касается тамплиеров, то Амори I не смог стерпеть их неповиновения: в 1166 г. двенадцать тамплиеров, сдавших крепость в Трансиордании мусульманам, были по его приказу найдены и незамедлительно повешены. Гораздо сложным оказалось дело 1173 г.: ассасины (исмаилиты) из Джебель Нозайри,

¹ R. R., 440; R. Grousset, I, P. 541—545; G. T., 820—831, 835, 870, 871.

² R. R., 452, 466, 480. R. Grousset, II, 518; J. Richard. Le comte de Tripoli, P. 64—65. Тамплиеры отказались участвовать в походе на Египет в 1168 г. (La Monte, P. 140) одновременно из-за духа независимости, соперничества с госпитальерами и уважения к данному слову.

за владениями которых наблюдали тамплиеры из Шастель Бланк и с которых взимали ежегодную дань, предложили королю заключить союз с франками против мусульман (поговаривали даже, что они собирались принять крещение) и попросили у Амори избавить их от выплаты 2000 безанов, которые были на них наложены орденом. Король заключил с ассасинами договор и предоставил их посольству пропуск на обратный путь; но, когда послы пересекали территорию тамплиеров, на них напал отряд под командованием тамплиера Готье дю Мениля и всех перебил. В ярости Амори и его бароны решили наказать повинного в оскорблении королевского величества. Но великий магистр Эд де Сент-Аман имел наглость воспротивиться их приказу; он сам наложил покаяние на Готье, которое счел достаточным до тех пор, пока папа римский, на суд которого было вынесено дело, не выскажет свое мнение. Эд запретил королю и баронам касаться братьев и их имущества. Амори же, узнав, что Готье вместе с Великим Магистром находится в доме ордена в Сидоне, приказал схватить виновного в присутствии Эда и заключить его в королевскую тюрьму в Тире¹.

Этого урока было недостаточно, чтобы умерить гордыню рыцарей-тамплиеров — Амори даже приписывают намерение потребовать роспуска ордена. После смерти этого короля его сын Балдуин IV попросил у Саладина перемирие. Тамплиеры заявили королю, что собираются построить замок на мусульманской границе, у Брода Иакова. Балдуин возразил, что во время перемирия это запрещено. Рыцари ответили, что отстроят и укрепят замок своими силами, без короля. Это решение граничило с дерзостью, так как король обладал правами на все замки королевства и мог даже снести любое укрепление, которое «обременяло» его землю. Однако Балдуин, видя, что тамплиеров особо не беспокоит его мнение, согласился содействовать постройке и защитить строителей от сарацинов, заставляя самих рыцарей придерживаться перемирия². Гильом Тирский обвинял Великого Магистра Эда де Сент-Амана, попавшего в плен к мусульманам в 1179 г., в том, что тот «был скверным человеком, гордым и дерзким, дышащим злобой, не боявшимся ни Бога, ни человека»³. Его преемник на посту Великого Магистра, Жирар де Ридфор, мелкий фламандский рыцарь, который за несколько лет вознесся до самых вершин ордена (1186 г.), повел себя еще более надменно, и его роль в государственном перевороте Ги де Лузиньяна (в отличие от лояльного поведения Великого Магистра госпитальеров) и в финальном распаде заставили орден сыграть роковую роль для королевства.

¹ R. Grousset, II, 477, 588.

² Id., P. 665; *Livre au Roi*, I.

³ G. T., P. 1057. Эд, первоначально бывший виконтом и кастеляном Иерусалима (1160–1161 гг.), затем стал королевским сенешалем (1164 г.).

Тамплиеры и госпитальеры оставались единственными рыцарскими орденами в первый период Иерусалимского королевства: Тевтонский орден к тому времени еще был простым госпиталем, зависевшем от Госпиталя Св. Иоанна, предназначенным для немецких пилигримов, с одним приором и немецкими «сержантами». В орден Св. Лазаря поступало сравнительно ограниченное число людей, и ему было суждено существовать в небольших размерах¹. Тем не менее, как и в Антиохии в 1180 г., Иерусалимские короли попытались перенести на Святую Землю испанский орден Монжуа²: в 1176—1177 гг. Вильгельм Монферратский и его жена Сибилла уступили графу Родриго и его ордену четыре башни Аскалона, среди которых главной была Башня Девственниц. Но этот орден не получил широкого распространения.

Тем не менее на всем протяжении XII в. военные ордена сыграли немаловажную роль в защите королевства. Их колоссальные ресурсы, постоянный приток новобранцев позволяли им занять место в первых рядах королевства, опередив даже церковь, к которой они принадлежали только номинально, и баронов, которых мог разорить один-единственный набег мусульман. Но благодаря своей мудрой политике Иерусалимские короли смогли удержать ордена в повиновении и помешать им стать независимой силой. Идеал этих «воинств» вызвал энтузиазм у Св. Бернарда, который написал «Хвалу воинству Христову». Но, к сожалению, ордена впитали в себя самые архаичные элементы феодализма, и зрелище своего могущества опьяняло рыцарей скромного происхождения, которые становились во главе орденов. Умножение их богатств и роль банкиров, которую они играли, породило среди них алчность. Но если тамплиеры и госпитальеры обладали всеми недостатками, свойственными рыцарству, то они обладали и всеми его достоинствами и старались улучшить их. Вспомним суждение Ибн-аль-Асира, повествовавшего о том, как мусульмане просили у тамплиеров гарантий для выполнения соглашений: «рыцари были благочестивыми людьми, которые засвидетельствовали свою верность данному слову». Верные своему уставу, тамплиеры и госпитальеры предпочитали погибнуть в боине, чем отступить, и сохранение латинского королевства в значительной мере является трудом их рук³.

¹ E. Vignay. Les Lepreux et les chevaliers de S. — Lazare de Jerusalem et de N. D. du Mont-Carmel, 1884. Распространение ордена на Западе воспроизвело опыт двух главных орденов, с местными командорствами (командорство Эгрефей VII в Брессе, изученное G. Jcanton). В 1154 г. Людовик даровал ордену замок в Буаьпи, в Орлеанской области. В XVII в. пытались сделать из этого ордена соперника для Мальты, но замысел не удался.

² Орден Монжуа был основан на Святой Земле по инициативе Балдуина IV, который даровал ему дом Нотр-Дам де Монжуа. (R. R., Add., 553, 594). После 1187 г. орден нашел убежище в Кастилии (ордена Монте-Фраго и Труксилло). См: Delaville Le Roulx. L'ordre de Montjoye // R. O. L., I, P. 42.

³ Dodu, P. 222—233.

IX ГОРОЖАНЕ И КОЛОНИСТЫ

Существование в XII в. класса горожан в Иерусалимском королевстве заставило ученых истратить большое количество чернил: одни, как Беньо, уверяли, что римское право, сохранившееся в Сирии, повлияло на создание сословия свободных людей, отличных от рыцарей — однако справедливо замечали, что «буржуазия» была в чем-то более средневековым явлением, чем римским¹. Сам Додю пытался доказать, что «буржуазия» была делом рук королевской власти, видевшей в ней поддержку против знати, — теория столь же сомнительная, что и первая. Мы считаем, что лучшее объяснение этого феномена дал К. Каэн, показавший, что оказавшись посреди местного сирийского населения жившего на своей родной земле, франки, не принадлежавшие ни к знати, ни к духовенству, были вынуждены сами объединиться в сплоченную группу². Право, по которому они существовали, в конце концов было оформлено в редакции «Ассиз палаты горожан», которая датируется временем позднее 1215 г. Но будет ошибочным представлять себе то, чем была латинская «буржуазия» XII в., основываясь на сведениях из этого текста (созданного около 1230 г.), который по большей части являлся сборником торговых статусов.

Ведь латинские горожане XII в. являются не чем иным, как классом, сформировавшимся, прежде всего, из торговцев. Несомненно, что большинство из них занимались коммерцией: Эрнуль и Цезарий Гейстербахский уверяли, что иерусалимские горожане, включая самых богатых, делали предметом своей торговли даже своих жен и дочерей³. Вне зависимости от того, чем были эти заявления, вероятно, слишком преувеличенные моралистами, существование латинских ремесленников и купцов документально подтверждено: в описаниях Иерусалима перечисляются латинские ювелиры, чьи лавки соседствовали с мастерскими их конкурентов-сирийцев — один акт 1135 г. подписан, помимо прочих, судьей Сейбертусом и многочисленными ювелирами Святого Града — Пьером Ле Февром, Турстаном Англичанином, Сивардом, Пьером из Перигора, Бернаром и Фульком⁴.

Упомянуты также латинские торговцы суконными товарами — владельцы магазинов на Закрытой улице, а также менялы, которым принадлежал

¹ Rey, P. 58; Beugnot. *Memoires sur le regime des terres... en Syrie* // *Bibl. Ec. Chartes*, 1853–1854.

² Dodu, P. 269; Cahen, P. 547.

³ Cesaire d'Heisterbach. *Dial. mirac.*, IV, C. 15 «за деньги сестер, дочерей или... жен своих для разврата паломникам отдавали». (*Michaud. Bobliotheque des Croisades*. III. 1829. P. 279).

⁴ R. R., 154.

латинский обменный ряд, отличавшийся от обменного ряда сирийцев. Иерусалим, таким образом, населяла торговая «буржуазия» франкского происхождения, возможно, объединенная в корпорации, подобно тем ювелирам, что перечислены по гильдиям в хартии 1135 г. Некоторые горожане были сказочно богаты, как некий Ле Жермен, приказавший во время засухи вырыть водоем, прозванный «Озером Жермена», возле городских ворот, чтобы обеспечить водой бедняков Иерусалима. Их социальное положение должно было быть довольно значительным, поскольку в 1187 г., правда, в условиях необычайно сильной опасности, так как в городе находились только два рыцаря, — Бальан д'Ибелен возвел в рыцарское достоинство свыше шестидесяти отпрысков иерусалимских горожан. Некоторые из них, возможно, даже владели поместьями — «casaux»; так, ряд сельских поселений в 1141 г. был обозначен как «поместья» Порселя, Жоффруа Агюля, Анскетена, Башлера, Жерара Буше: все эти имена принадлежат горожанам Святого Града, которые, таким образом, наравне с рыцарями, были держателями настоящих «сеньорий»¹. Правда, «буржуа» Иерусалима могли занимать исключительное положение, и лишь немного отделяло их от мелких рыцарей — «вавассоров» Запада — которые также жили в городе.

Однако наряду с этими купцами, функции которых мы еще рассмотрим, термин «буржуа» также обозначал все сословие латинян, которых сегодня мы назвали бы «колонистами». Все города, в конце концов, не занимались торговой деятельностью на одном уровне, чтобы повсюду мог создаться класс могущественных «денежных воротил»; однако даже в небольших сельских городках (*bourgade*) была своя «буржуазия».

На эту особую черту повсеместной латинской колонизации до этого не было обращено должного внимания: блестящий фасад патрициата Акры или Тира часто затмевал реальность, засвидетельствованную в начале XII в. в знаменитом пассаже Фульхерия Шартрского, — расселение франков, которые не принадлежали к рыцарям, в маленьких сельских городах внутренних областей королевства.

Однако в документах, посвященных этому сюжету, как раз нет недостатка; в то время существовала разновидность держания, названная держанием «*en bourgeoisie*», как это видно из примера с архиепископом Назаретским, в 1255 г. подарившим одному горожанину из Акры два «плуга» земли в Саферии и дом в Назарете с примыкающими к нему виноградниками и оливетами: это дарение было сделано в «*in burgisiam*»². Таково обыкновенное держание

¹ R. R., 205.

² R. R., 1242. Один рыцарь, у которого отобрали фьеф за то, что он покинул королевство без королевского разрешения, смог по возвращении вступить во владение своим оставшимся имуществом, землями, виноградниками и домами: это имущество в «Книге короля» (№ 20) названо «*borgesies*». См. статьи Я. Правера (вышедшие в свет после написания данной книги) в *Economic history review*, 1951, P. 82–85, и особенно в *Rev. Belge de phil. et d'hist.*, 1951, P. 1063–1118 (*Colonization activities in the kingdom of J.*).

«en bourgeoisie»: с XII в. до нас дошли настоящие хартии о вольности, исследование которых проводилось довольно слабо, несмотря на тот интерес, который они представляют для изучения расселения латинян на Святой Земле.

Для сдерживания египетского гарнизона Аскалона, в 1136 г. король Фульк приказал Гуго, сеньору Сен-Абрахама (Хеврона), уступить госпитальерам местечко Бетгибелин или Берсабию, расположенную на полпути между Хевроном и Газой. Этот дар ордену состоял из укрепленного здания и нескольких помещений. Городок был укреплен госпитальерами, которые поместили туда гарнизон¹ из рыцарей и туркополов (именно те самые туркополы из «Гибелина» в 1177 г. провели грабительский набег на бедуинов, принадлежавших тамплиерам Газы — откуда и берет свое начало конфликт между двумя орденами), под командованием прецептора или кастеляна. Однако этого гарнизона не хватало для защиты новых крепостных стен, и речи не могло идти о том, чтобы доверить их охрану лишь одним местным христианам, которые, по правде говоря, были весьма немногочисленны...². Великий Магистр госпитальеров, Раймунд дю Пюи, прибег тогда к приему, которым веком спустя воспользуется король Англии в отношении «бастид» Гиени: он позвал в Гибелин латинских колонистов, пожаловав им привилегии, которые в 1168 г. подтвердил его приемник Жильбер д'Ассальи.

Эти «буржуа» принадлежали к разным национальностям: тридцать два главы семей, чьи имена перечислены в первой хартии, либо были выходцами из Южной Франции (Санчо Гасконец, Раймунд Гасконец, Эли из Бордо, Бернар из Перигора, Пьер Каталонец, Ламберт из Пуатье, Брен из Бургундии, Жильбер из Каркассона), либо принадлежали к «пуленам» (Пьер из Роэз, Адалард и Гильом из Рамлы, Рихард из Сент-Авраама, Бернард из Иосафата), или к колонистам другого происхождения (Жерар Фламандец, Этьен Ломбардец, Жан из Корсенианы...). Впоследствии их число увеличилось, в особенности с тех пор, когда захват франками Аскалона сделало регион более безопасным для проживания. Каждый из жителей этого маленького городка получил место под строительство дома с двумя «пугами» земли на территориях, лежащих между Гибелином и «возвышенностью Тамарен». Каждый год они были обязаны выплачивать госпитальерам полевую подать и десятую часть, кроме десятой части с овощей, по обычаю Иерусалима. Десятая часть от добычи, захваченной

¹ Воины из гарнизона Гибелина около 1144 г. во время охоты захватили в плен сына египетского правителя аль-Тура (Синайский полуостров), которому удалось бежать (Usama// R. O. L., II, P. 408).

² Архиепископ «Греков, живущих в Газе и Элеуферополе (Гибелине)» Мелетос, получил в 1171 г. в дар от госпитальеров монастырь Сен-Жорж де Гибелин (R. R., 502), что указывает на присутствие мелькитского населения в Гибелине. В действительности, Берсабе — не то же самое, что и Бетгибелин: это Бир-Себа, находящаяся довольно далеко в южном направлении от этого города».

у сарацин, вычиталась по кутюмам Лидды и Рамлы. Орден сохранил за собой преимущественное право покупки домов и земли по цене, гораздо ниже (за один «gabouin», представлявший собой самую малую долю безанта) той, за которую предыдущий владелец договорился продать дом покупателю. Налог, взимаемый госпитальерами при переходе права собственности к другому, равнялся одному безанту за «плуг» земли и один «gabouin» за дом или виноградник. Наконец, госпитальеры специально оговорили, что ежели какого-либо жителя уличат в прелюбодеянии, то выгонят из города после бичевания¹.

Намек на кутюмы, содержащийся в акте, показывает, что в Иерусалимском королевстве существовали хартии о предоставлении привилегий, похожие на хартии Лорриса и Бомона во Франции того времени. Также в 1180 г. правительница Помье, Аюис, разрешила горожанам этого города дарить свое имущество монахам Мон-Фавора, кроме прав сеньора, «сообразно обычаям и кутюмам Бюри» — другого маленького городка Галилеи².

Другая хартия с предоставлением привилегий была подтверждена Балдуином III в 1153 г.: по приказу этого короля Жирар де Валанс, виконт Акры, поселил латинских колонистов в домен Юмбера де Паси — городок, которому суждено прославиться в связи с битвой между Ибеленами и имперцами в XIII в.³ Жирар де Валанс заключил соглашение с колонистами о выплате ими налогов за фрукты, пользование общественными печами и банями, за обмер и помол на соседней мельнице, равно как и ценз за их дома.

Все вышеперечисленное напоминает движение за основание свободных и новых городов, которое происходило в это время на Западе: быть может, как раз, чтобы основать новый город, Вивьен Хайфаский заключил в 1165 г. договор с канониками Гроба Господня, поделив с ними «необитаемый город» (новые постройки любили возводить на античных развалинах, ибо там материалы были под рукой, и, по поговорке того времени, «разрушенный замок уже наполовину восстановлен»), расположенный между Хайфой и пальмовой рощей, с двумя водоемами, которому он даровал право свободной торговли⁴?

¹ R. R., 164, 457, 572; G. T., XVI, 30. — Изгнание прелюбодеев было предписано собором в Наблусе, канон 5. — Возвышенность Тамарен: Араб-аль-Амарин, гряда холмов в 15 км, к юго-востоку от Бейт-Джибрина (Гибелина).

² Бюри (или Дабюри) — маленький городок у подножия Мон-Фавора: там имелись примитивные укрепления, с башней, о существовании чего упоминается в 1162 г. — R. R., 594.

³ R. R., 281. Юмбер де Паси, вассал Балдуина I, упомянутый в 1108 г. (R. R., 52), получил во фьеф это поместье по соседству с Акрой, которое в 1130 г. называли Сиф (R. R., 101, 134), и которое можно идентифицировать с аль-Зибом, возле мыса Накура, «замком, прозванным Зиф, в шести милях от Птолемаиды (Акры)», по описанию Фульхерия Шартрского р. 274). Аль-Зиб стал Казаль-Юмбером.

⁴ R. R., 418.

Представляло ли это соглашение собой род договора о совместном владении, каковые заключали меж собой аббатства и французские короли из династии Капетингов? В XIII в. один путеводитель расхваливал расположенный неподалеку оттуда «город, который назван Франшвилем... и является самым красивым и здоровым для человека местом во всех горах»¹. Разве эта пропаганда, превозносящая благоприятные условия для здоровья в отдельном городе, не напоминает развешенную на наших стендах рекламу о продаже земельных участков?

Даже названия новых поселений указывают на их характер: к Франшвиллю (фр.: свободный город), мы можем добавить «Нев Виль (фр.: Новый город)», основанный канониками Гроба Господня в поместье Рамафа: в 1160 г. их приор уступил Ги Ле Шамелье верблюдов, Жиро Шеврю и Гуго из Яффы места под постройку домов, участки, чтобы сажать виноград и деревья, «плуг» земли, оливету, печь и мельницу «по обычаю Ла Магомери». Что касается самого Ла Магомери, то это, пожалуй, самый древний из городов, основанных латинянами на Востоке: в период между 1114—1124 гг. каноники Гроба Господня кое-как укрепили маленький бург Бирру, возле Иерусалима, и в 1124 г. женщины и дети смогли там укрыться на то время, пока египетские всадники сжигали город. Однако город очень быстро оправился: «Гранд Магомери» в 1156 г. насчитывал свыше 90 горожан, а уже в 1160 г., годовой ценз за дома достигал значительных цифр от 5,8 до 14 безантов. В 1170 г. шестьдесят пять «башельеров» из Ла Магомери были убиты под Газой. Каноники Гроба Господня основали и другие новые города: «Энсан» (Айн-Шемс), ставший Вальдекуром, в Бетсури, около Эммауса, Пти Магомери; в 1169 г. Иерусалимский патриарх побуждал своих каноников строить еще города, куда придут на поселение латиняне².

Этих примеров, которые дошли до нас в единичных документах, без сомнения, было вдвое больше. Колонисты, прибывавшие из Франции и с остального Запада, быстро осваивались в среде сирийцев и приспособливались к местным условиям сельской жизни. Хотя некоторые моменты этой жизни не должны были выбить их из колеи, а успокоение этой разграбленной страны обещало, по

¹ Michelant, Raynaud. Op. cit. P. 89. Возможно отождествить Франшвиль с «пустынным городом» (древний Сикаминум, Хайфа-аль-Атик, на северо-западном склоне Кармильской горы). Иерусалимские рыцари «de Franco Ioco» были названы так не из-за своей принадлежности к одному из вольных городов королевства, а по происхождению из Франле (Сомма, о. Абвиль). Lois, I, 23.

² Foucher, P. 73; R. R., 74, 302, 345, 346, 400, 469... Айн-Шемс — к югу от Бетеля; Бетсури, к северу от Хеврона; эль-Бирех, возле Бетеля — к северу от Иерусалима. «Рамафа — в горах Эфраима» (Rois, I, 1): Рам — между Иерусалимом и Ла Магомери. — Церковь Св. Гроба также отстроила деревню Каставилла возле Акры (Registeres de Nicolas IV, 1291).

свидетельству аббата Эккехарда и Гильома Тирского¹, вознаградить их изобильным урожаем, перед ними все же вставали непредвиденные проблемы. Без сомнения, наиболее непривычной для колонистов была проблема, связанная с водой: именно по этому поводу было заключено соглашение между монахами Карантена и вдовой Евстахия Гранье (прежнего сеньора Сидона), которая владела доменами в округе Иерихона. Тогда как ее покойный муж разрешал монахам использовать воду для мельницы только в один раз в две недели, вдова открыла, благодаря вмешательству виконта Иерихонского, доступ к воде по субботам, включая предыдущую ночь². Что же касается посевных культур, то они не должны были отличаться от тех, с которыми люди Запада, особенно уроженцы Южной Европы, имели дело у себя на родине: с виноградом, злаками, оливками они сталкивались далеко не в первый раз. Но вот что показалось поселенцам необычным, так это «лесной мед» (*mel selvestre*), который произрастал в плодородных долинах, спускавшихся к Средиземноморью. На водяных мельницах перемальывали «*cannamelles*», чтобы выработать продукт, иногда называемый по-арабски «*zissar*» — наш сахар, именно тогда и на долгое время составивший конкуренцию пчелиному меду, который использовали на Западе.

Впрочем, самим латинским «буржуа» редко приходилось обрабатывать землю: мы видим в них мелких землевладельцев; держание «*en bourgeoisie*» из двух «плугов» заключалось приблизительно в шестидесяти гектарах обрабатываемой земли, не считая садов и виноградников³. Но призыв к колонистам встретил огромный успех на Западе: достаточно всего лишь перечесть «манифест» Фульхерия Шартрского, чтобы ощутить восторг тех людей, кто, влача нищенское существование на Западе, на Востоке оказывался владельцем небольшого домена.

Это изобилие не было безвозмездным: хоть горожане и не были обязаны лично присутствовать в королевской армии, за свои привилегии они выполняли иные обязанности. На первом месте стояли военные службы: вероятно, им приходилось снаряжать отряд «сержантов». Список, составленный Жаном д'Ибеленом в XIII в. полон ошибок, ибо автор, как кажется, проигнорировал многие «города буржуазии»; тем не менее он перечисляет отряды из сержантов, выставляемых городами: 500 из Иерусалима, столько же из Акры, 300 из Наблуса, 100 из Тира и 100 из городка Лиона, 200 из Тивериады, 150 из Аскалона, 100 из Яффы, 50 из Цезареи, Арсуфа, Хайфы, 25 из Герена...⁴ Помимо этих

¹ Ekkehard d'Aura, ed. Hagenmayer, P. 309; G. T., XVIII, 1.

² R. R., 82 (1116), 104 (1124).

³ Conder, P. 238–240: плуг был равен 33 веревочным сажням (по 18 туазов) на 16 сажней, т. е. 80 акрам. — Rey, P. 242.

⁴ Lois, I, P. 417. — «Книга короля» (№ 14) подтверждает присутствие горожан в королевском войске. Иерусалимские горожане были созваны в арьер-бан в 1177 г.: Ernoul. P. 42; G. T. P. 976–977.

контингентов, пополнявших ряды королевского войска, в некоторых случаях горожане были обязаны личной воинской службой своим сеньорам: в отрывке, процитированном нами из хартии Гибелина, горожанам вменялось выплачивать десятую часть от добычи, захваченной у сарацин — это свидетельствует, что иногда колонистам приходилось участвовать в походах вместе с госпитальерами. И наконец, четко известно, что «буржуа», эти настоящие «солдаты-пахари», были обязаны устраивать засады и нести дозор в крепостях. Находясь в стране, где мусульманские крестьяне только и ждали, чтобы перебить своих господ, «городам буржуазии» самим приходилось обеспечивать свою защиту, для чего они были обнесены более или менее пространными крепостными стенами. И хотя в мирное время горожане имели право на ношение всего лишь одного ножа, им так и не удалось уклониться от воинской повинности¹.

Мы перечислили преимущества, которые получали эти колонисты в силу того, что феодальные повинности были для них необычайно слабыми. Нам остается узнать, в какой мере они пользовались административной автономией.

Наиболее часто встречается ошибка, когда «буржуазию» смешивают с «коммуной, связанной клятвой». Королевство Иерусалимское в XII в. не знало того коммунального движения, что бушевало тогда во Франции. Если члены коммуны приносили клятву коммуне, которую они рассматривали как сеньора, то на Востоке горожане оставались людьми своего сеньора, давая ему клятву верности, подобно населению Ла Магомери в 1155/1156 гг.² Весьма вероятно, что при этом условии они получали свободу самоуправления, оставаясь, однако, подчиненными контролю со стороны сеньориальных чиновников. Если палаты горожан выполняли прежде всего судебные функции — как это видно из дел, которые в них рассматривались, так и из «Ассизы горожан», представляющей собой настоящий манифест полномочий палат горожан — ничто не подтверждает, что они ими в чем-то были ограничены; ни один текст не указывает нам на компетенцию этой ассамблеи вне рамок ее юридической деятельности. В любом случае палата горожан была очень распространенным институтом в королевстве Иерусалимском: она, в принципе, собиралась из двенадцати «присяжных», назначаемых королем — или местным сеньором — под председательством его представителя, как правило, именуемого виконтом³. Нам неизвестно, может ли наличие виконта в отдельной местности свидетельствовать о

¹ Rey, P. 110. — Мы не можем согласиться с высказыванием г-жи Ла Монт, (с. 139): «На Востоке не было коммунального ополчения, так как не было коммун».

² R. R., 302. — Подобное положение вещей можно было встретить на Западе, в городах, получивших хартии о вольности, куда более многочисленных, чем «коммуны».

³ Исключение составляла палата присяжных в Цезарее, которую в 1167 г. возглавил сеньориальный сенешаль (R. R., 432). Кажется, виконта не было в Гибелине. «Судьи», которые, в некоторых актах, вероятно замещают виконта, были ли они «буржуа», выполнявшими те же обязанности, что и мэры (R. R., 154, 166, 338, 504, 1252)?

палате горожан в этом месте: должны ли мы считать исключительным список, созданный в XIII в. Жаном д'Ибеленом, где перечисляются тридцать семь этих палат? Или лучше предположить, что ассамблеи горожан существовали во всех городских поселениях с франкским населением, в Лионе, Герене, Помье, Како, Калансоне и в прочих мелких городках внутренних районов, о которых уже не помнили в XIII в.? Иначе говоря, по каким мотивам тот или иной город превращали в центр заседания палаты горожан? В конце концов, кажется, что на одну сеньорию приходилась одна палата¹? Нехватка документации оставляет эти вопросы без ответа.

В этой палате виконт является всего лишь председателем; заверяющим своей печатью рассматриваемые дела². Правосудие же вершат двенадцать присяжных; сообразно принципу феодального права, по которому каждого человека должны судить равные ему, они принимали участие во всех процессах, где заинтересованными сторонами выступали франкские горожане — а также и тех, где «буржуа» судился с местным уроженцем или итальянцем (если тот был истцом). Обладая пространной торговой юрисдикцией, палата горожан, которую иногда называли «*court geau*» (курия короля; присяжные именовались «присяжными короля») — также рассматривала уголовные преступления. Так, купца, уличенного в поставках оружия сарацинам, судили в морском трибунале или «курии цепи», но отправляли в палату горожан, чтобы приговорить к повешению. То же самое происходило и во всех случаях, затрагивавших даже привилегированных итальянцев, когда речь шла об уголовных или материальных преступлениях, то есть о процессах, связанных с владением земель: «ни одна коммуна не судит за кровопролитие (за прилюдный удар), за убийство, за разбой, за измену, за ересь... за продажу дома и земли (*n'a cort de sanc, ce est de cop (= cour) aparant, ni de murtre ni de larecin ni de trayson ni de herezerie... ni de vente de maison ou de terre*)»³. Курия виконта одновременно являлась трибуналом короля (или барона) и горожан.

Тем не менее горожане могли предстать и перед Высшей курией, если они вели с рыцарем тяжбу, подлежащую «верховному правосудию». Многие главы «Книги короля» посвящены случаю, когда горожанин ударил рыцаря или

¹ Присутствие виконтов засвидетельствовано в Лионе (R. R., 665), в Како (R. R., 139, 159, 426, 533), в Калансоне (R. R., 426), в Мирабеле (R. R., 423). — Жан д'Ибелен (Lois, I, P. 417) размещает палаты горожан в Иерусалиме, Акре, Наблусе, Дароне, Яффе, Аскалоне, Раме, Ибелене, Тивериаде, Сафете, Сидоне, Бофорс, Цезарее, Байсане, Краке, Монреале, Сен-Абрахаме, Вифлиеме, Иерихоне, Гибелине, Газе, Дидде, Арсуфе, Себасте, Шатель-Пелерене, Мерле, Хайфе, Кеймоне, Назарете, Шато-Руа, Сканделионе, Тире, Тороне, Шато-нефе, Бейруте, Баниасе и Ассебебе. См.: *Livre au Roi*, 39.

² *Assise des bourgeois*, 140; см.: P. Viollet. *La cour du vicomte dans l'Orient Latine* (Positions des theses de l'Ecole des Chartes, 1863).

³ *Assise*, 47, 144.

рыцарь побил или умертвил «буржуа»: поскольку эти люди разного ранга не могли сойтись в судебном поединке, семья горожанина должна была просить любого другого рыцаря защитить его право в «битве», чтобы уличить убийцу. Если убийство было доказано — либо свидетелями, либо победой «чемпиона», то рыцарю, повинному в нападении, отрубали правую кисть и отбирали вооружение (если речь шла о нанесенном ранении) или вешали в доспехах и со шпорами, если его жертва погибла. Такому же наказанию подлежал рыцарь на стороне горожанина и сам «буржуа» (причем король мог помиловать побежденного), если ответчик брал вверх. Горожанина, ранившего рыцаря, казнили. В реальности в этом случае напавший покидал королевство, рискуя потерять свой фьеф, и мог вернуться обратно, только договорившись с семьей пострадавшего о выплате «возмещения»¹. Таким образом, горожане были защищены от бесчинств со стороны рыцарства.

Горожане также играли свою роль в политической жизни королевства: они присутствовали на собраниях «парламента» и обсуждали размер налогов, которые им предстояло платить, и их подписи фигурировали рядом с баронскими в королевских актах. Они равным образом участвовали и в церемониях: иерусалимские горожане прислуживали при коронационном пиршестве.

Но входили ли все франки Сирии в этот привилегированный класс? Без сомнения, в мелких городках, о которых мы упоминали, все колонисты должны были владеть своей частью держаний «en bourgeoisie» и таким образом быть земельными собственниками, что по всеобщему средневековому обычаю превращало их в «буржуа». Однако относились ли к этой категории люди, не являвшиеся землевладельцами? Вероятно, что их было не так уж и много, но нельзя обойти стороной достоверные статистические данные о численности франкской колонизации: во время падения Иерусалима около 20 000 жителей оказались не в состоянии заплатить относительно скромный выкуп, размер которого установил Саладин. Без сомнения, в их число нужно включить беглецов из соседних местностей, но вероятно, Святой Град был переполнен бедняками, паломниками, прибывшими к Святым Местам, всякого рода нищими, или даже сельскохозяйственными работниками и ремесленниками, разорившимися и неспособными выплатить ценз, который мог бы позволить им владеть домом и полями в новом поселении. Подотчетный палате горожан, принадлежал ли этот мелкий люд к «буржуа» в прямом смысле этого слова?

Что же касается итальянцев, осевших в Сирии, то многие из них смешивались с остальным населением, в основном французского происхождения², но

¹ Livre au Roi, 17–20, 41.

² Тем не менее не следует считать европейское население королевства всецело происшедшим из Франции: англичане, немцы, итальянцы там присутствовали в довольно большом количестве, и известно, что в Иерусалиме существовала венгерская колония (R. R., 160).

жители торговых городов, которых «Ассиза» называет «коммунами» (Генуя, Пиза, Венеция), образовывали общины, жившие бок о бок с подданными королевства, но не смешиваясь с ними. Их колонии достигнут своего апогея в XIII в., и тогда мы займемся их исследованием.

В предыдущем столетии именно французы участвовали в этой одновременно сельской и городской колонизации, которая на самом деле превратила завоеванную ими Сирию, несмотря на значительное местное население, в «Новую Францию». Но можем ли мы позволить себе сравнить эту эмиграцию трудолюбивых колонистов с той, в результате которой пятьсот лет спустя французы пустили корни в Канаде, или с появлением в Алжире в XIX и XX вв. французских деревень, напоминающих сирийские «новые города»?

Х

ПОЛОЖЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Какой бы значительной ни была франкская колонизация в восточном королевстве, сами франки представляли, и могли представлять только меньшинство среди населения королевства. Палестина всегда являлась перекрестком, где сталкивались различные расы и религии — даже во времена царей Израиля и Иудеи хананеи перекрывали еврейские племена, а иногда вклинивались финикийцы и филистимляне; другие народы разбавляли эту мозаику на протяжении ее долгой и беспокойной истории. Положения «Ассизы горожан» несут след этого смешения «языков», если пользоваться выражением франков. Во время судебного разбирательства, говорится там, еврей должен клясться на Торе, сарацин — на Коране, самаритянин на «Пятикнижии Моисея», армянин, сириец (монофизит), грек, несторианин, яковит (копт), равно как абиссин и франк — на Евангелии. Помимо арабского и французского языка, можно было услышать, как говорят на древнееврейском, древнесирийском, ведущем свое происхождение от арамейского, армянском, грузинском, халдейском, греческом, коптском или амхарском. В этой вавилонском столпотворении франки даже и не пытались ввести собственные институты. Они быстро осознали, что если и стоит установить некоторую иерархию в языках, то оптимальным вариантом будет уважение к традиционной организации внутри каждой общины. Уже в те времена это стало лучшей колониальной политикой.

Самыми бедными среди местного населения под владичеством франков стали те, кто до крестового похода господствовал над остальными национальными группами — мусульмане, обреченные на рабство. Франкское завоевание сопровождалось обращением в рабство многочисленных «сарацин», как, например, жителей Цезареи; Фульхерий Шартрский сообщает, что среди них лишь немногие мужчины уцелели, а женщины отданы на продажу или же, и красивые

и уродины, должны были «крутить мельничные жернова». В крупных городах располагались невольничьи рынки, как в Акре, где венецианцы были обязаны платить один безант с каждого раба, которого они продавали. Продажа объявлялась недействительной, если пленник оказывался прокаженным или эпилептиком. Даже церквям дарили рабов: в 1164 г. Амори I пообещал ордену Св. Лазаря одного раба из каждых десяти пленных, которые составят его долю добычи (за исключением мусульманских «рыцарей», выкуп за которых король оставлял себе). Раба, убившего христианина, надлежало повесить, а если это оказывалась женщина, — сжечь¹.

Но участь рабов была смягчена законодательством, которое их защищало: собор в Наблусе предписывал наказывать тех, кто изнасилует сарацинку. Насколько возможно, франкам мешали обращаться с их прекрасными пленницами так же, как это делали со многими франкскими полонянками, попадавшими в мусульманские гаремы. Главное же, человек, принявший крещение, освобождался от рабских оков. «Либертин (= *libertinus*, отпущенник) — это тот, кто был рабом и принял крещение», сохраняя, правда, связь со своим прежним господином, против которого он не мог возбудить процесс (под угрозой наказания выплатить 60 безантов или утратить язык); ежели он умирал, не оставив завещания, его имущество отходило к его хозяину. Наконец «крещенный», который оскорбил своих господ, вновь становился рабом. Напротив, раб, который бежал к «язычникам» и, вернувшись, принимал христианство, становился полноправным свободным человеком. Около 1120 г. Фульхерий Шартрский упоминал, что жены латинских колонистов, среди которых встречались сирийки и армянки, также часто были крещеными сарацинками. Новообращенные в христианскую веру могли занимать самые высокие должности, как это показывает история камерария Балдуина, поведенная Гильомом Тирским: «В окружении короля Балдуина находился камерарий, бывший весьма близок к нему, и король выделял его среди остальных. Он был сарацином, но очень желал принять нашу веру, настолько, что король проявил милость, приказав его крестить, и сам отвел его к купели и дал ему свое имя; тогда же король принял его в свой дом». Тем не менее этот крестник Балдуина I, якобы прельстившись богатствами, предложенными ему людьми из Сидона, попытался отравить короля (1111 г.)².

Однако далеко не все мусульмане стали рабами. Большинство из них были крестьянами. Несмотря на то, что некоторые из этих «вилланов» сначала скрывали сельскохозяйственные продукты и ждали изменения ситуации, согласие в конце концов было установлено. Эти феллахи составляли большую часть сель-

¹ Rey, P. 106–107; Assise des Bourgeois, 34, 35, 200; Foucher, P. 403; R. R., 397.

² Mansi. Loc. cit., 12–16 (запрещение мусульманам одеваться как франкам); Assise des Bourgeois, 16, 279; Foucher, 1. III, ch. XXXVII; G. T., 477.

ского населения, королевства: армянский князь Торос выражал свое изумление этим фактом Амори I, и Усама передает, что «жители деревень вокруг Акры все были мусульманами; и когда к ним приходил пленный, они прятали его и доставляли его в области ислама»¹. Это «противостояние» иногда выливалось в «жакерию»: крестьяне Самарии разграбили Наблус после поражения при Синн-ан-Набре (1113 г.), равно как и в 1187 г. Но в целом отношения сложились превосходно: Ибн Джубайр, проезжая по окрестностям Акры (1184 г.), где население было исключительно мусульманским, заметил, что «дьявол искушал» этих сарацин «сравнивать свое положение с их единоверцами из областей, управляемых мусульманами, которое напротив, было безопасным и благополучным». Помимо поголовного налога (капитация, аналогичный мусульманскому хараджу, взимаемому с не-христиан) в один динар и пять киратов (либо один безант) и налог с фруктовых деревьев, франки требовали с их подданных только привычные подати. Чтобы привлечь армянских колонистов, им предложили те же самые условия, что и мусульманам! Они имели свою администрацию во главе со своими управляющими, и их участь вовсе не была плачевной. Как и прочих земледельцев, Балдуин II в 1120 г. освободил мусульман от налогов за продовольствие, которое они привозили продавать в Иерусалим².

По своему материальному положению мусульмане совсем не отличались от христианских крестьян, «сирийцев», которых Иерусалимские короли старались привлечь на свои земли — например, около 1115 г. Балдуин I активно «пропагандировал» среди христиан мусульманской Трансиордании, приглашая их на поселение в малонаселенный Иерусалим, где обещал им свободное держание (*tenure en franchise*)³. По большей части они были свободными крестьянами, которые часто переезжали на территории, только что отвоеванные франками у мусульман, соблазнившись изобильным урожаем, который давала земля, долго находившаяся под паром. С них взимался налог в один безант за плуг. Слово «серв» не встречалось на Востоке, но многие крестьяне были привязаны к земле и их продавали вместе с их держанием. В Сирии правилом сельской жизни являлся трехлетний севооборот: поле в один год засеивалось хлебом или ячменем, другой год овощами. На третий год земля оставалась под паром. В распоряжении каждого «*casal*» — деревни или большого поселка — находились земли, по древней традиции распределяемые, исходя из числа семей и плугов.

¹ Ernoul, P. 290; Autobiographie d'Usama, P. 83. По соглашению 1255 г. эмиры Гарба обязались не принимать перебежчиков из Бейрутской сеньории. См. Cahen. *Indigenes et Croises* // Syria, XV, 1934, P. 351.

² Ibn Djobair, P. 448.; G. T., P. 534; Ernoul, P. 28–29. Мусульманская община Тира в 1181 г. была организована и управлялась своим раисом Сади (R. R., add.). См. *Le regime rural Syrien* (Bull. Fac. Lettres Strasbourg, avr. 1951) и J. Prawer. *Observations sur l'agriculture dans le royaume des Croises* (Eretz Israel, I, на иврите).

³ G. T., P. 501.

Крестоносцы уважали этот обычай, и «плуг» остался единицей посевной площади; «бесплодную почву» (невозделанные земли, пастбища) не делили на плуги. В рамках этого надела сеньоры требовали от своих деревенских жителей, по праву *испольщины* (*metauage*), то половину, то треть (согласно Рубруку) урожая. Другие «подношения» (*exenia*, оброк) — яйца, сыр, куры и древесина — взимались в Рождество, Заговенье, Пасху. Налог с фруктовых деревьев (прежде всего, с олив) был необременительным и даже не сравним с чрезмерными поборами турецких пашей, которые доводили крестьян до того, что те выкорчевывали свои финиковые пальмы. Наконец, владельцы каждого «плуга» были обязаны раз в год идти на барщину с своим плугом и парой быков в сеньориальный домен. Чтобы дополнить эту краткую картину сельской жизни в Сирии, упомянем, что виноградники, аналогично распределялись по плугам, и что король взимал побор с убоя скота, названный «*tuage*» (*tuazo*), за каждую забитую свинью¹. Местные христиане, возможно, были более многочисленны в городах, особенно в Иерусалиме, где Балдуин I их планомерно расселял. Там они занимались ремеслом под надзором королевских чиновников — прежде всего, мафезепа или начальника полиции — и подчинялись уставам, которые очень напоминают (куда сильнее, чем уставы наших современных корпораций) те, что направляли работу ремесленных гильдий на мусульманском Востоке или были напрямую унаследованы от Рима и Византии («Книга префекта» доносит до нас сведения об их крайне подробной регламентации). Эти христиане также были обязаны платить налоги: так, с каждого «очага» (мастерской) в Тире взимали в месяц две «*cartata*» (отреза ткани?)². В XIII в. самые богатые из этих сирийских промышленников и купцов станут жить на равной ноге с торговой «буржуазией» франков.

Помимо сирийцев и мусульманских крестьян, существовали другие общины, такие как евреи, обитатели одного квартала в Иерусалиме, где их было совсем немного — это только в XIII в. Саладин позовет их в этот город, и они превратятся в процветающую общину со школой Талмуда; более охотно евреи оседали в городах на побережье, особенно вокруг Тира и Торона, где их насчитывалось свыше тысячи семей. В Бейруте, Сидоне, Акре, Хевроне также присутствовали их общины (*juiverie*). Евреи, выходцы из Прованса, также часто прибывали на поселение в эти торговые города Сахеля. Подчиняясь своим судьям, они были обязаны, как и мусульмане, платить поголовный налог в размере одного безанта в год за каждого мужчину старше шестнадцати лет. Довольно многочисленными были поселения самаритян — около трех сотен

¹ Repeuplement des régions d'Ascalon, Ibelin et Blanchegarde: G. T., p. 698–817. Rey, p. 240–250; Conder, p. 238–240; Rubruck, ed. Van der Wyngaert, p. 179; R. R., 92, 109, 267, 269, 615, 1114 (туаж был равен 4 денье).

² R. R., 1114.

семей — в их родных местах, в окрестностях Мон Гаризим (куда они каждый год прибывали праздновать Пасху), Наблуса и Цезареи¹.

Все эти этнические группы, представленные оседлыми народами, совершенно естественно, не изменяя своего традиционного уклада, вписались в рамки территориального режима сеньории. Напротив, латинянам пришлось решать одну очень деликатную проблему, связанную с интеграцией бедуинов в рамки феодального строя. Земли, занятые этими кочевниками (особенно в Трансиордании, Аравийской Петре и на границе с «Беггие», в сеньориях Аскалона и Хеврона), включали в себя пастбища, где они, следуя вековым традициям, занимались перегонным скотоводством. Но завоевания франков разрушили предыдущее деление на округа, к которому привыкли бедуины. Новые границы стали более точными, чем некогда, и преграждали традиционные пути, по которым бедуины перегоняли свои стада. Не желая отказываться от плодородных пастбищ, которые отныне были в руках франков (как, например, «лес Баниаса»), кочевники предпочли выплачивать новым сеньорам, как некогда старым, арендную плату за пользование их выпасами. В королевстве Иерусалимском эта плата поступала к королю, и взамен ему надлежало обеспечивать покровительство бедуинам — чьи стада представляли соблазн, часто непреодолимый, для тех или иных неимущих сеньоров, которые всегда рассматривали этих сарацин как славную добычу. Поэтому можно понять ярость Балдуина IV в отношении Ги де Лузиньяна, который, чтобы отомстить ему (1183 г.), приказал перебить бедуинов из области Аскалона: это было преступлением «против королевского Величества». Но не все бедуины принадлежали королю: те, кто пользовался выпасами на франкской земле, считался иностранцем, наделенным пропуском, тогда как те бедуины, чьи владения находились в пределах королевства, подчинялись местным сеньорам. Так, например, по соглашению 1161 г. с Филиппом де Мильи Балдуин III сохранял для себя власть лишь над «теми бедуинами, что не родились на монреальской земле». До наших времен дошло дарение большого числа «шатров» бедуинов, чьи имена и «линьяжи» тщательно оговариваются; таким образом, можно было передавать бедуина, как передавали «сирийца и плуг». Довольно специфическое положение бедуинов можно приравнять к положению серва, не прикрепленного к земле².

¹ Id.; Rey, P. 102–104. Гуго де Пюизе в 1123 г. владел одной самаритянской деревушкой — *Sarpe* — возле Наблуса (Add. 102). Была ли она Сафирией (Guide Bleu, P. 556)?

² R. R., 359, 562 (1178 г.) — Неподалеку от Газы орден тамплиеров владел бедуинами, которые были ограблены туркополами из Гибелина в 1179 г. (R. R., 572). Бесконечные передвижения этих бедуинов по королевству позволяют объяснить, наряду с их привычкой к грабежу, постоянные контакты этих арабов с франками, особенно на Синайском полуострове. Балдуин д'Ибелен владел в Наблусе курьезным фьефом, за который он был обязан выставлять на службу четырех рыцарей: этот фьеф состоял из «двух семей бедуинов» (Lois, I, 424).

Было бы ошибкой считать местное население как толпу держателей земли и ремесленников, задавленную поборами господствующей франкской расы, не имевшей ни своего права, ни своих вождей. Мы уже видели, что франки обеспечили им сносные материальные условия жизни, с уважением отнесясь к местным традициям. Это уважение затрагивало даже самую важную (которая также была и самой деликатной) сферу отношений — религии. Крестоносцы подчинили Сирию католической церкви; можно было бы ожидать, что она силой присоединит к своим дисциплине и доктрине восточные церкви. В действительности же толерантность латинян поразила даже жителей Востока, и они, в целом, сохранили свои церкви в Сирии и их имущество в том положении, каком они пребывали до крестового похода. Правда, Матвей Эдесский утверждал, что потребовалось чудо, чтобы помешать франкам оставить за собой узурпированные ими армянские, греческие, сирийские и грузинские монастыри (в Святую субботу 1101 г. лампы Гроба Господня не зажглись перед глазами толпы, которая ждала «священного огня». Только после процессии и клятвы, произнесенной Фульхерием Шартрским, капелланом короля Балдуина, огонь наконец вспыхнул: согласно Матвею, франки тогда признали свою неправоту)¹. На самом деле франки не нашли в Иерусалиме христиан; ведь не только египтяне изгнали из города местных христиан, но и мелькитский (греческий) патриарх бежал на Кипр, а яковитский (монофизитский) митрополит нашел убежище возле своих коптских единоверцев в Египте. Не обошлось без некоторых пререканий, прежде чем все вернулось на прежнее место. Конечно, франки захватили имущество, принадлежавшее грекам, в особенности патриарху; но греческие монастыри продолжали процветать — монастырь Св. Иоанна в Тире, и Св. Маргариты на Кармиле, и Св. Илии на Фаворской горе, и прежде всего Св. Екатерины на Синайской горе², равно как греческие и грузинские монастыри в Иерусалиме одинаково почитались и латинскими, и православными паломниками. И несмотря на официальное запрещение мелькитской иерархии, которая дублировала католическую иерархию (в теории греческая и римская церкви составляли единое целое), несмотря на исчезновение греческого патриарха, который вновь появится в Иерусалиме только во время завоевания города Саладином, франки не только позволяли схизматикам владеть своей частью Святых Мест, но и терпели их прелатов. В 1173 г. Великий Магистр ордена госпитальеров Жобер подарил «Мелетосу, сирийцу, архиепископу Греков и Сирийцев (мелькитов)» Газы и Гибелина-Элеуферопо-

¹ Grousset, I, 312. О христианских общинах Иерусалима см.: E. Cerulli. *Etiopi in Palestina*. 2 vol. Rome, 1946–1947.

² В 1217 г. за ним признали право на госпиталь и приорство Св. Моисея в Иерусалиме, приорство Св. Екатерины в Акре, имущество в Яффе, в Монреале, в Валь-Муазе, в Краке (R. R., 897) — R. R., 909 (имущество монастыря Св. Феодосия в Иерусалиме).

ля», монастырь Св. Георгия в пожизненное владение; дарение было верифицировано протопапасом Гроба Господня и прочими греческими церковниками Иерусалима¹.

С остальными течениями в христианстве, которые, к счастью, не стали для латинян «враждебными братьями», согласие установилось еще легче. Жан д'Ибелен считал армянских и яковитских архиепископов Иерусалима викарными епископами латинского патриарха; правда, он писал уже после того, как армянская церковь присоединилась к католической (1198 г.) и яковитский патриарх Игнатий II (1237—1247 гг.) провозгласил о своем подчинении Св. Престолу. Армяне, необычайно близкие к латинянам по своей вере, составляли вместе с ними почти единый народ. Известно, что один армянский монах принес в дар ордену Св. Лазаря водоем, и эта нация владела в Акре своим гостеприимным домом для армянских паломников, который в 1190 г. присоединился к Тевтонскому ордену². Яковитский митрополит, укrywшийся в Египте в 1099 г., не мог защитить свои права, и его два поместья, как бесхозные владения, были отданы рыцарю по имени Жоффье. Пленение Жоффье египтянами в 1103 г. облегчило возвращение прелату этих деревень (Адезии и Бейт Ариф), которые ему вновь уступили. Вернувшись из плена в 1137 г., Жоффье потребовал эти владения, но Фульк Анжуйский (в 1138 г.) под давлением королевы Мелизинды решил, что эти две деревни останутся у митрополита³. В любом случае, Иерусалимские короли весьма благоволили к восточным священникам: русский игумен Даниил был получил у Балдуина I необычайно милостивый прием, а Фульк считал яковитского митрополита Игнатия (1125—1138 г.) «небесным ангелом». Поэтому сирийская община, по сравнению с греками (которые, как говорили, замыслили в 1187 г. выдать Иерусалим мусульманам), была наиболее дружелюбно настроена к франкам.

Имея возможность беспрепятственно отправлять свои религиозные культы, местное население королевства также располагало своими собственными институтами: в своих общинах евреи и самаритяне имели своих судей, которые вершили суд по законам своего народа. Принцип «персональности права» возобладал в Иерусалимском королевстве, и потому в «Ассизах» так редко упоминается о праве нелатинского населения и трибунале сирийцев — курии райсов. Эта курия, на которой председательствовал райс или глава деревни, состояла из двенадцати заседателей: она, скорее всего, являлась не слепком с

¹ Delaville Le Roulx. Chartes relatives aux Hospitaliers, Archives de l'Orient latin, I, 413 (Мануил Комнин выступал посредником) — Также в Акре находился греческий епископ, который был возведен (в XII—XIII вв.) в ранг митрополита.

² Lois, I, 415; R. R., 136, 696.

³ Grousset, II, 162; Martin. Les premiers princes croises et Syriens jacobites de Jerusalem// Journal Asiatique, 1888, II, 471 и 1889, I, 33, дополнить F. Nau. Ibid., 1899, II, 421.

франкской палаты горожан, а пережитком очень древнего института, который продолжил свое существование, почти не изменившись, в виде действующего деревенского меджлиса¹. Эта курия взяла на вооружение лишь западную судебную процедуру: по свидетельству Усамы, крестьяне также прибегали к судебному поединку. Ордалия — попытка раскаленным железом, погружение обвиняемого в бочку с водой, где виноватый, будучи слишком легким, не мог достигнуть дна — обычно практиковалась в курии виконта, перед которой представляли сирийцы и местные жители в случае самых тяжелых преступлений или когда судились с представителями других народов. Если франк судился с сирийцем, мусульманином или греком, если армянин начинал тяжбу против несторианина, самаритянина, еврея, наконец, в случае всех судебных процессов между людьми разных наций «Ассиза горожан» предписывала обеим сторонам иметь поручителей (свидетелей) из общины их соперника. Иногда допускали, чтобы присяжные (франки, из которых состояла палата) могли быть поручителями во всех тяжбах: именно таким образом в XIII в. вводился институт нотариата. Привилегия франков заключалась в том, что местные жители не могли вызвать их на судебный поединок, кроме случаев, если мусульман обвиняли в убийстве, измене или, по словам «Ассиз», в ереси (правда тексты не объясняют, как можно было обвинять мусульманина или монофизита в ереси...) ².

Таким образом, курия раиса могла рассматривать только самые мелкие правонарушения. В тех городках, где существовал свой рынок (фундук), этой курии вообще не было: ее заменял трибунал, также гражданский, с акцентом на торговые дела — «курия рынка» («*cour de la fonde*»). «Бальи рынка», франкский рыцарь или «буржуа», председательствовал с шестью присяжными смешанного состава, среди которых превалировало коренное население (четыре сирийца и два франка): их юрисдикция распространялась на все национальности ³.

Раисы, если не считать их судебных функций, были довольно значительными персонажами во франкском королевстве. Некоторые из них сумели договориться о присоединении их деревень к завоевателям, как, например, раисы из гористой местности в Самарии, которые предложили хлеб, вино, финики и виноград из своей края, изобилующего виноградниками, Готфриду Бульонскому в то время, когда он осаждал Арсуф (1100 г.) ⁴. Под властью латинян они сохранили свои функции и богатства. Им принадлежали довольно обширные земли, как, например, некоему «сирийскому раису» Меленганусу, который в 1150 г.

¹ Conder, P. 172.

² Autobiographie d'Ousama, P. 135–136.; Assise de Bourgeois, 58 и т. д. Дела, перечисленные Усамой, подпадали под обвинение в измене.

³ Assise de Bourgeois, 240. — Додю ошибочно считал, что эти маленькие курии вытеснили курии раиса, которые якобы исчезли в XIII в.: эти трибуналы выполняли иные функции, а раисы судили только в своих деревнях (P. 295–298); Rey, P. 77.

⁴ G. T., P. 395.

продал ордену Св. Лазаря тринадцать плугов виноградников подле Вифлеема за 1050 безантов и одну лошадь — даже латинские «буржуа» не владели такими земельными площадями. В 1185 г. раис Наблуса Ги владел с правом передачи по наследству, пожалованным королем Амори I, половиной бесплодной почвы (*gatine*) в Месдедуле неподалеку от города и продал ее в том же году за 4500 безантов. В XIII в. орден госпитальеров, вступая во владение поместьями в сеньории Назарета, сразу же передал их под опеку раисам, причем некоторым из них досталось одновременно несколько деревень. Эти сирийцы предстают перед нами по меньшей мере равными по положению латинским сержантам, и подобно им, обозначаются в текстах как «верные люди (*hommes liges*)». Правда, это случалось в XIII в., когда положение коренного населения имело тенденцию улучшаться...¹

Так же как и раисы, низшими сеньориальными «чиновниками» из местного населения являлись хранители водоемов (*citernier*) (игравшие значительную роль в этой стране, где распределение воды являлось управленческой функцией), переводчики, эти необходимые драгоманов Востока, и писцы. Драгоманов, как и писцы, составляли своеобразную касту (писец мог быть сыном раиса, а в Саферии (1255 г.) обязанности писца передавались от отца к сыну), но для латинян они оставались сержантами, наделенными фьефами. В 1183 г., во время продажи поместий, в стороне были оставлены фьефы Сеита (Саида) и Гильома, сержантов местного сеньора: название этих фьефов — «*scribanium*» и «*drugumanagium*» — указывают, что один из них принадлежал писцу, а другой — драгоману. Фьеф писца походил на держание буржуа («*en bourgeoisie*»): в 1183 г. Георгий Сириец, сын Харири, владел домом и двумя плугами земли. Тем не менее эти сержанты, наделенные фьефами, продолжали быть сервами: их передавали из рук в руки вместе с их держанием, что делает их похожими на министералов Запада в эпоху раннего средневековья. Но поскольку они часто становились доверенными лицами своего господина, служа ему в качестве драгоманов («*truchements*» (*turcimannus* = *dragmannus*)), то тот предпочитал не расставаться с ними. По большей мере это были сирийцы-христиане, но иногда и мусульмане: именно «*escrivain sarrasinois*» (арабский писец) франкского сеньора Рено Сидонского выдал своего хозяина мусульманам в 1189 г.²

Другие «сержанты» сирийской нации присутствовали в рядах иерусалимской армии. Но самую важную часть местного населения в этой армии состав-

¹ R. R., 258, 643, 1220, 1235, 1086 (в 1239 г. Ситальмелех, сын Абдельмези, и его сыновья Мансур и Селиман продали четверть поместья), Add., 365.

² «*Cystenarius*»: R. R., 533; Писцы и драгоманов: R. R., 97, 341, 624, 625, 627, 1027 (фьеф писца был выставлен на продажу Николая, внуком писца Саида; по обычаю королевства — *Livre au Roi*, 44 — он приказал объявлять об этом в трех городах королевства — Акре, Тире и Цезарее), 1239, 1324, 1399, 1435. — «Сарацинский писец... на службе у сеньора... за некоторые поместья» (*Assise de Bourgeois*). — Grousset, II, 833.

ляли туркополы, эти «легковооруженные воины» («*milites levis armaturae*») — всадники, одетые в легкую броню, подобную той, что носили жители Востока, и являвшиеся войсковым авангардом. Их название — «Сыновья турок» — объяснялось по-разному: шла ли речь о «людях, вооруженных на турецкий манер» или о вспомогательных отрядах из мусульман, а возможно, метисов? Туркополы довольно редко появляются на страницах актов: тем не менее, две хартии аббатства Мон-Фавор, небольшой церковной сеньории, которая, без всякого сомнения, имела свою стражу, подписаны туркополами (1163, 1180 г.). Их имена — Жоффруа Крещеный, Дюран Оруженосец, Пьер из Кафарзе, Сильвестр из Саферии, Боне Сальваж, Жан Сансан, Пьер Крещеный, Рауль Туркопол — позволяют предположить, что отчасти речь идет о местных христианах, но, прежде всего, об обращенных в христианство мусульманах, часто об освобожденных из рабства, похожих на мамлюков Египта или Сирии. Кроме того, известно, что в 1179 г. Саладин приказал перебить взятых им в плен туркополов, состоявших на службе у тамплиеров, в наказание за их отступничество. Эти туркополы, кажется, также были держателями фьефов¹.

И, наконец, местные жители проникали даже в высший класс латинского общества — рыцарство. В 1182 г. грот Хабис Джалдак после пятидневной осады был захвачен мусульманами: владлец этой крепости (вассал Раймунда III, князя Галилейского), Фульк Тивериадский, назначил туда «капитанами» («*chevetaines*») сирийцев, которые и сдали грот врагу, вопреки протестам «рыцарей низшего ранга» («*meneur chevalier*») и сержантов: эти трусливые предводители стали вероотступниками по приезде в Дамаск. На этом примере видно, что сирийцы могли командовать рыцарями. Вместе с византийскими принцессами в Сирию прибывало некоторое число греков, как, например, члены дома королевы Феодоры, упомянутые в 1161 г. — хлебодар Михаил Гриффон (=Грек) и «рыцарь» Дионисий. Но двумя самыми интересными примерами являются истории семьи «Арабов» и сеньоров Кабора. Первым сеньором Кабора и Коке, что возле Акры, был Бардас (Вартан) Армянин, несомненно бывший армянским «рыцарем», пришедшим с Балдуином II из его Эдесского графства — в то же время некий Георгий Армянин числится среди вассалов сеньора Цезарейского. Очень вероятно, что у Бардаса и его супруги Иветты был сын Пьер Армянин, в 1163 г. пребывавший в Иерусалиме. Приходился ли Рохард де Кабор, упомянутый в 1175 г., внуком Бардаса? Эта франко-армянская семья растворилась в рядах знати западноевропейского происхождения².

Аррабиты (*Arrabit*; *Arrabitus*=Араб или Бешеный?) были вассалами сеньоров Ибелена: первый из них, рыцарь «*Arrabi*» (*Muisse Arrabitus*, то есть Муса Араб), около 1122 г. служил вассалом коннетаблю Яффы Бальану. Нам извест-

¹ R. R., 594, 389, 336. — Grousset, II, 679; *Livre au Roi*, 14.

² G. T., 1090; R. R., 367, 115, 130, 237, 390, 525.

но о существовании фьефов Мусы, его брата Бодуэна, его сына Жоржа и внуков Жана, Пьера и Генриха (дочь Жоржа, Мария, вышла замуж за франкского рыцаря Рауля, упомянутого в 1158 г.). Помимо поместий Одабеп (Odabeb) и Дамерсор (Damersor), которые Балбан пожаловал Мусе, они владели бесплодной землей в Зонии, около Дегербома (Degerboam) и поместьем Бетдарас (Бейт Дарас, возле Ашдода), на границе с сеньорией Ибелен и Аскалонским кастелянством. Именуемые «рыцарями», эти арабы продемонстрировали, что сирийцы имели возможность стать полностью равными по положению с франкскими сеньорами¹. Мы даже и не упоминаем о смешанных браках, в результате которых в рядах иерусалимского рыцарства появилось столько «пуленов».

Получается, что франки вовсе не пренебрегали поддержкой, которую могли оказать для защиты королевства уроженцы Сирии. Возможно, даже разрабатывался план массового поселения восточных солдат на землях латинского королевства: если верить Эрнулю, армянский князь Торос, совершая паломничество в Иерусалим, был поражен при виде того, как мало христианских воинов состоят на службе у короля, и предложил тому прислать из Армении три тысячи солдат с их семьями, которые могли бы составить твердое ядро христианских крестьян, храбрых и выносливых. Таким образом, Иерусалим мог бы рассчитывать на воинственный народ, готовый помочь франкам: франко-армянское королевство, сходное с тем, что представляло в то время графство Эдесское, заняло бы место королевства франко-сирийского. Вопрос был вынесен на обсуждение: король и бароны предложили поселить иммигрантов на иерусалимских землях на тех же условиях, что и мусульман, но с той разницей, что, «если королю понадобится созвать войско, он бы мог их туда призвать». Затея не удалась из-за того, что духовенство претендовало взимать десятину с этих не-католиков, «так как они были христианами, а только мусульмане ничего не платят». Нам неизвестно, насколько правдоподобна эта история, которая, по словам Эрнуля, произошла в 1170 г.²

Таким образом, вовсе не являясь для франков вечной головной болью, эдаким беспокойным людом, на который беспрестанно приходилось бы оглядываться и устанавливать постоянный надзор, коренное население королевства, пусть даже и исповедующее мусульманскую веру, мирно сотрудничало со своими хозяевами на протяжении всего XII в.: лишь после крушения королевства упаднические настроения охватили мусульманских крестьян и сирийских христиан, слишком привыкших гнуть спину перед своими наследственными влады-

¹ R. R., 100, 299, 332 (Муса продал поместья Одабеп и Дамерсор за 3000 безантов, чтобы уплатить за себя выкуп: находились ли эти поместья по соседству с Бетелем, в сеньории Рам и Мирабель?), 335б, 360б, 423б, 538 (продажа Бейт Дераа в 1176 г.) Дегербом станет Дейр-эль-Окбан).

² Ernoul, p. 27–30.

ками. И в военной сфере, и в экономической жизни королевства коренное население играло необычайно важную роль, что латиняне очень быстро осознали. Терпимость и уважение к местным традициям, проявляемое франками, которым была чужда всякая радикальная идея, завершили то, в чем они сами были заинтересованы. Местные христиане, свыкшиеся с межконфессиональной ненавистью, видели во франках людей, которые «считают христианами всех, кто поклоняется распятию, без исключения». Мусульмане же видели, как по всей стране их мечети превращают в церкви — но с удивлением можно обнаружить, что в Сирии практиковалось необычное «simultaneum» (богослужение бок-о-бок), которое впоследствии иногда имело место во французских провинциях, как, например в Эльзасе, частично населенных протестантами: Усама, находясь в Иерусалиме, смог помолиться в мечети, превращенной в часовню, с разрешения тамплиеров. И это вовсе не было исключением, вызванным беспокойством о дипломатических приличиях: в 1184 г. Ибн Джубайр описал в Акре две мечети, переделанные под церкви, где христиане оставили действовать мусульманский мирхаб. В этих зданиях мусульмане и христиане собирались вместе, чтобы, каждый со своей стороны, творить молитву¹. Такие примеры показывают, насколько полной была акклиматизация франков в сирийской среде: между различными народами произошел симбиоз, благодаря которому королевство смогло существовать и процветать.

Иерусалимское государство было необычайно сложным и представляло собой иерархическое общество, где у каждого были свои права: признание за всеми их прав, здравый политический смысл основателей королевства позволил этому государству, куда входили бароны, «буржуа», Церковь, военные ордена и местные общины, составить гармоничное целое, в котором каждая группа могла существовать, не опасаясь вмешательства в свою особую жизнь. Возможно, ничто так не способствовало этому единению, как феодальный строй, в том виде, в каком он проявился в Сирии, находившейся под контролем государей из Арденн-Анжуйской династии, уважавших законы и обычаи королевства, но умевших заставить всех подчиняться своей власти. Благодаря их политической мудрости королевство, выросшее в результате крестовых походов на побережье Азии, смогло просуществовать около девяноста лет и отнюдь не было непрочным образованием. Эта завоеванная земля была слишком далека от христианского Запада, чтобы вовремя получать подкрепления, необходимые в случае военного поражения. Но сила франков оставалась незыблемой все эти годы, и забота о справедливости, которой руководствовались вожди королевства, дала им возможность, объединив силу с правосудием, поддержать франкское королевство на Востоке.

¹ Michel le Syrien, ed. Chabot, III, P. 222; Autobiographie d'Ousama, P. 459; Ibn Djobair, P. 451.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ВТОРОЕ
ИЕРУСАЛИМСКОЕ
КОРОЛЕВСТВО

Падение Иерусалима в 1187 г. ознаменовало конец латинского королевства, чье девятидесятилетнее существование мы рассмотрели; но вопреки своему внезапному краху — наподобие карточного домика — королевство не погибло окончательно и бесповоротно. Третий крестовый поход, опираясь на франкские владения на Востоке, позволил латинским колониям продержаться еще свыше ста лет (1189—1291 гг.) и восстановить, не без сияния, имя королевства Иерусалимского. Апогеем этих усилий, предпринятых в эпоху третьего крестового похода, стало возвращение Иерусалима Фридрихом II в 1229 г. По правде сказать, только спустя несколько лет, в 1241—1243 гг., королевство почти полностью достигнет своего прежнего размера; но в это время его будет сложно назвать «королевством»: с 1231 г. раздробленная Сирия поднимет мятеж против своего законного «короля», того самого Фридриха II Гогенштауфена, который не считался с правами своих подданных и в разгоревшейся борьбе оказался слабейшей стороной. Только после падения в 1244 г. Иерусалима и Акры имперцы окончательно были изгнаны из Святой Земли, но уже с 1231—1233 гг. иерусалимляне научились обходиться без королевской власти.

Интерес к «второму Иерусалимскому королевству» (1187—1231 гг.) справедливо связан с этим повторным завоеванием (необычайно медленным по сравнению с стремительным натиском в эпоху первого крестового похода) прежнего королевства Иерусалимского, успех которого был обеспечен поддержкой людскими резервами с Запада, пополнившими колонии в Сирии. Но эта поддержка имела и свою обратную сторону: чем быстрее Иерусалимское королевство восстанавливалось в своих прежних границах, тем сильнее оно утрачивало свои отличительные черты, сделавшие из жителей первого королевства настоящую нацию. В последний период своего существования королевству суждено было стать своеобразной мозаикой из колонистов, родом из разных стран, скорее «франкского», чем «французского» происхождения. Этот процесс денационализации начался в 1187—1231 гг.: лишив королевства его объединяющего духа, он привел, после окончательного падения власти Иерусалимского короля, к разрушению франкских колоний в Сирии.

I АГОНИЯ И ПАДЕНИЕ КОРОЛЕВСТВА

Когда осложнение болезни короля Балдуина IV все чаще стало препятствовать его личному правлению, юный государь стал искать вокруг себя кого-то, кто мог бы его заменить. В 1176 г. он предложил графу Фландрии регентство (балы) королевства: тот отказался. Затем этот регентство было предложено Гуго III герцогу Бургундскому, которому предстояло жениться на Сибилле. Гуго не согласился. Тогда появилась мысль выдать Сибиллу за иерусалимского барона Балдуина де Рама, который стал бы регентом королевства во время несовершеннолетия трехлетнего Балдуина (V). Но в то время как Балдуин де Рам, который только что уговорил Саладина отпустить его на свободу (он попал в плен в 1179 г.), направился в Константинополь, чтобы выпросить у Мануила Комнина денег для выкупа, графиня Сибилла вновь вышла замуж. По наущению коннетабля королевства Амори де Лузиньяна¹ (которого Эрнуль обвинял в том, что он обязан своим назначением на этот пост благосклонности Агнессы де Куртене), Сибилла приказала прибыть в Сирию его родному брату, Гвидоги, и влюбилась в него. Балдуин IV, на которого его мать Агнесса де Куртене (несмотря на свой развод с Амори I) оказывала большое влияние, согласился на этот брак, и Гвидо де Лузиньян, младший отпрыск в доме баронов, игравших сравнительно незначительную роль в Пуату, стал, таким образом, графом Яффы и Аскалона и наследником королевства в период малолетства юного Балдуина.

Помимо этого неудачливого молодого человека — и бесхарактерного — окружение Балдуина IV вызывало особенную тревогу: ловкий и отважный, но беспринципный авантюрист Амори де Лузиньян стал преемником доблестного Онфруа II Торонского на посту коннетабля, до этого времени пребывая на службе короля в качестве камерария. Титул маршала королевства, принадлежавший старому соратнику по оружию Амори I Жерару де Пужи, только что перешел к фламандскому рыцарю Жирару де Ридфору. Этот Жирар (которому вскоре было суждено стать Великим Магистром ордена тамплиеров) питал непримиримую ненависть к главному вассалу короля, Раймунду Триполийскому. И главой королевской администрации, сенешалем, являлся не кто иной, как Жослен де Куртене Эдесский, дядя Балдуина IV, старый сеньор Харима, попавший в плен к туркам в 1164 г. и получивший свободу двенадцатью годами

¹ Мы сохранили для Амори, который станет Амори II, его традиционное имя. Но в средневековых текстах он назван «королем Эймери», а Амори I — «королем Амори». Таким образом, настоящее имя этого персонажа — Эймери (Aimericus), а не Амори (Amalricus).

позже¹. Гильом Тирский открыто обвинял в алчности сестру Жослена Агнессу, которая опустошала королевскую казну: Балдуин IV не осмеливался противоречить матери и своему окружению: «В то время как он [граф Триполи] находился далеко от двора, а король был болен и не мог заниматься делами королевства, то желанием всех стало оборачивать в свою пользу доходы с земли; и не было среди них ни одного честного человека, который удержал бы их². Прежде всех повинна в этих злоупотреблениях мать короля, которая не была благоразумной женщиной; ибо очень любила власть и была очень жадна до денег; в этом помогал ее брат, сенешаль страны, и не было ни одного барона, который указал бы им». Прибавим к этим персонажам патриарха Ираклия, избранного, несмотря на свои прегрешения, 16 октября 1180 г., благодаря покровительству, которое оказывала ему Агнесса Эдесская, и тогда становится ясно, в какой атмосфере неразберихи и гнусности агонизировал несчастный Балдуин IV в 1180—1182 гг.

Самым жадным был, без сомнения, сенешаль Жослен. Потеряв графство Эдесское (1151 г.), затем Харим (1164 г.), он составил из многочисленных пожалований крупный домен, который выведен в «Ассизах» на пятое место среди бароний королевства, под именем «сеньории графа Жослена». Изначально ему был пожалован всего лишь замок Сен-Эли, но он прибавил к нему прочие владения: его женитьба на одной из наследниц Генриха Буйвола де Мильи, сеньора де Сен-Жорж и дю Букио, принесла ему треть этой значительной сеньории, расположенной в горах под Акрой. В 1178 г. он выпросил себе аббатство Гранашери и землю Гильома де Круази. В 1179 г. он купил у камерария Жана часть его «камерарного» фьефа (*de feodo camerariae regis*), в Ланахии и Казаль-Бланке, около Акры, и получил оммаж от Алома де Горанфло; затем приобрел, за 4500 безантов, земли виконтессы Акры Перонеллы, равно как, за выплату годовой ренты в 600 безантов, тот самый фьеф Сен-Жорж (который принадлежал старшей дочери Генриха Буйвола, вышедшей замуж за Адама де Бейсана) с регентством над сыновьями Адама. В 1181 г. граф добыл еще ренту («ассизу») с таможи («цепи») Акры, которая принадлежала Филиппу Рыжему, кузену короля, уступившему ее в благодарность за заем в 2000 безантов, предоставленный ему Жосленом. Сенешаль передал королю замок Сен-Эли, но взамен вынудил уступить себе Шато дю Руа с его угодьями, ренты в 1.000 безантов с Тира и Акры, замок Марон и оммажи, которые до этого приносили королю за свои фьефы Жан Банье, Сен-Жорж, и Жоффруа ле Тор. В 1183 г. Жослен получил новую ренту в 1000 безантов с таможи («цепи») Акры, увеличив свой домен в окрестностях этого города, и

¹ Именно Агнесса заставила своего сына выкупить Жослена. С. Т., II, Р. 1023 (1176 г.).

² Гильом Тирский замечает (Р. 1078), что эта камарилья боялась, как бы Раймунд III не помешал бы «воровству».

добился отмены налогов на сахар, который вырабатывали в его владениях. В это время Онфруа IV Торонский, сеньор Трансиордании, женился на сестре Балдуина IV, Изабелле. Он передал королю свою сеньорию Торон и взамен принял ренту с таможи («цепи») Акры и Марона, которые Жослен согласился ему уступить. Но Жослен не остановился на этом: в качестве вознаграждения он добился от Ги де Лузиньяна все той же Торонской сеньории и Шатонефа (1186 г.) и прикупил к этому, за 5000 безантов, фьеф Кабор, заставив короля отдать ему завещанное имущество своей сестры Агнессы. Другие финансовые операции также прибавили ему богатства, и он выдал свою старшую дочь замуж за брата Ги де Лузиньяна, Гильома де Валанса, дав за ней в приданое... все те же фьефы, которые только что получил от Ги — Торон, Шатонеп, Кабор и «камерарный» фьеф¹.

В связи с подобными скупками, по большей части осуществленными в ущерб королевскому домену одним из главных чинов королевства, понятен страх, который охватил клику, окружавшую Агнессу Эдесскую при новости о прибытии графа Раймунда III Триполийского в Иерусалим в 1182 г.: граф Раймунд был самым близким родственником Балдуина IV после его сестер, занимал пост регента в период несовершеннолетия короля и пользовался необычайным влиянием в среде баронов, которые с трудом переносили засилье придворной камарильи, куда более пагубное, чем в правление Амори I. Тогда Балдуин IV смогли убедить, что Раймунд в действительности прибыл захватить корону, чему необходимо помешать: король запретил своему кузену и основному вассалу (Раймунд владел в королевстве Галилеей), пересекать границу государства. Скандал, разразившийся из-за этого оскорбления, был огромен: бароны выступили посредниками и смогли с большим трудом заставить Балдуина отказаться от своего решения².

В 1183 г. болезнь Балдуина сильно осложнилась; ему пришлось оставить бразды правления своему шурина, что было в рамках закона, сохранив для себя город Иерусалим и ренту в размере 10 000 безантов. Но Ги слишком возгордился; его военная кампания против Саладина в октябре 1183 г. подверглась критике со всех сторон, и, главное, он совершил существенный промах, поведя себя как король, несмотря на простой титул регента: когда Балдуин IV попросил обменять Иерусалим на Тир, климат которого полагал более полезным для

¹ Lois, I, 417 (Жослен должен был поставлять на королевскую службу 24 рыцаря за свою сеньорию Шато дю Руа и 18 — за Торон) и, II, 454. R. R., 577, 579, 587, 588, 608, 614, 624, 625, 644, 653, 654, 655, 657, 674, 934... Регентство над фьефом Сен-Жорж сначала принадлежало мужу второй дочери Генриха Буйвола, Хью Джебайлскому. См.: J. La Monte. The rise and decline of a frankish seignury in Syria // *Revue hist. Du Sud-Est europeen*, 1938, P. 303—320 (с генеалогической таблицей и картой).

² M. W. Baldwin. Raymond III of Tripolis and the fall of Jerusalem. Princeton, 1936.

своего здоровья, Ги отказал ему. В ярости король собрал своих основных вассалов, Ибеленов (которые не простили Ги женитьбу на Сибилле в обход Балдуина де Рама), Раймунда III, Боэмунда III Антиохийского, Рено Сидонского и передал регентство над королевством Раймунду. Введя новшество в кутюмы королевства — мера, которая показывает, насколько неуверенно чувствовал себя на троне Балдуин IV, ибо она напоминает действия первых Капетингов — государь приказал также короновать юного Балдуина V, родившегося от первого брака Сибиллы. Кроме того, чтобы помешать Ги претендовать на трон, король приказал немедленно обвенчать свою вторую сестру Изабеллу с Онфруа IV Торонским, хотя ему не исполнилось и одиннадцати лет (ноябрь 1183 г.). Подумывали даже разлучить Сибиллу с Ги, но тот увез свою жену в Аскалон. Балдуин IV призвал Ги предстать перед Высшей курией; Ги ответил, что не может прибыть по причине болезни. Король даже лично появился под стенами Аскалона: Ги запер ворота и отказался его впустить. Тогда Балдуин объявил о конфискации графства Яффы и Аскалона и занял Яффу¹.

После король собрал в Акре «парламент» королевства, чтобы обсудить вопросы как внешней (воззвание к новому крестовому походу), так и внутренней политики: он настоял на признании Сибиллы незаконнорожденной, равно как и себя, отметив, что сам получил королевство от своего дяди и крестного отца «filliolage»², оправдывая таким образом факт своего правления — и попросил лишить Ги и Сибиллу наследства. Патриарх Иракий и магистры военных орденов захотели вступить за Ги. Король не обратил на них внимания: тогда эти трое высших лиц королевства отказались отправиться на Запад, чтобы призвать к новому крестовому походу. Это был настоящий мятеж, но Балдуин IV остался государем (несмотря на то, что Аскалон находился в руках у Ги, который напал на бедуинов вопреки дарованному им королевскому покровительству, что окончательно рассорило его с королем). Тогда Балдуин IV собрал своих баронов; он готовился умереть и приказал им поклясться, что регентство на период несовершеннолетия Балдуина V будет доверено Раймунду III. Матери ребенка было отказано в его попечении: эта задача была поручена самому близкому родственнику юного короля, сенешалю Жослену. Со своей стороны, Раймунд III попросил, желая избежать обвинения в видах на корону, чтобы крепости были отданы на сохранение тамплиерам и госпиталь-

¹ Eracles, P. 2, 5.

² G. T., XVIII, 29: «Граф [Амори I] просил короля, чтобы он стал крестным отцом его сыну. Король охотно согласился и держал его сына над купелью; так тот принял имя Балдуин. Тогда он [Амори] спросил, что король подарит своему крестнику... и король повел прекрасную и куртуазную речь и ответил, что подарит тому королевство Иерусалимское». Балдуин IV и Сибилла были незаконными детьми: считал ли король свою проказу карой за это?»

ерам, чтобы в случае смерти маленького Балдуина регентство оставили за ним еще на десять лет, до того момента, как государи Запада смогут решить, чьи права на престол являются более вескими — Сибиллы или Изабеллы. Балдуин V был коронован, и его дядя вскоре умер. Однако магистром ордена тамплиеров был только что избран маршал королевства Жирар де Ридфор¹: таким образом, один из двух орденов попал в руки заклятого врага нового регента.

Раймунд без затруднений получил регентство: его первым шагом стало заключение мира с Саладином. Графиня Агнесса Эдесская только что умерла, избавив регента от оппозиции в королевском окружении; граф Жослен, как казалось, принял его сторону; старый маркграф Монферратский, дед юного короля, прибыл, чтобы поселиться в королевстве; Сибилла и Ги, не имея возможности противодействовать (как и коннетабль Амори), пребывали в своем графстве. Казалось, все предвещало графу Триполийскому, которого открыто поддерживали бароны, спокойное правление в течение десяти лет; чтобы возместить издержки, которые повлечет за собой регентство, Балдуин IV на время передал ему сеньорию Бейрута.

Но спустя год после смерти Балдуина IV юный Балдуин V также скончался. Казалось, что в соответствии с клятвой, данной баронами прокаженному королю, правление королевством надлежало оставить в руках Раймунда в ожидании момента, когда папа, император и короли Франции и Англии решат, должен ли трон достаться Сибилле или Изабелле, и будущим королем станет соответственно Ги или Онфруа. Возможно, даже рассчитывали отдать корону Раймунду на период этого ожидания; у самого Раймунда, которому предстояло отдать свое графство пасынку — юному Раймунду, сыну Боэмунда III Антиохийского, не было детей; ему исполнилось примерно сорок восемь лет, и он, как родной кузен Амори I, обладал правами на корону, которая, как полагали мусульмане, по свидетельству Ибн Джубайра, должна была отойти именно ему. Но гораздо вероятнее, что предпочтительной кандидатурой для баронов являлся Онфруа Торонский.

Однако при подобном раскладе не учли «эдесскую» камарилью, отстраненную от «прибыльных» дел на период правления Раймунда, которая начала действовать с необычайной быстротой. Сенешаль Жослен тайно перешел в лагерь своей племянницы Сибиллы; он полностью обманул Раймунда, убедив графа, что его намерение сопровождать тело юного короля в Иерусалим для похорон расценят как попытку государственного переворота, и для него более

¹ Раймунд обманул Жирара, не отдав ему Бутронскую сеньорию, которую тот страстно желал. Заметим, что Жирар был уже вторым великим чином королевства, (после Эда де Сент-Амана), который становился Великим Магистром тамплиеров, что доказывает подчинение этого ордена королевской власти.

прилично было бы удалиться в свои владения до созыва «парламента». Раймунд отправился в Тивериаду, а граф Жослен, чьи сеньории Шато-дю-Руа и Торон разделяли Галилею и Акру, стремительно завладел Акрой (и без сомнения — Тиром) и отобрал Бейрут у людей графа Триполийского. После этого Сибилла появилась в Иерусалиме вместе с Ги; сеньор Трансиордании Рено де Шатильон (родственник Онфруа) прибыл оказать им поддержку в надежде избавиться от господства Раймунда, который с неудовольствием воспринимал его грабительские операции. Патриарх Ираклий и Великий Магистр тамплиеров, всей душой преданные Ги и Сибилле, помогли им устроить поспешную коронацию.

Бароны без промедления собрались на заседание Высшей курии, которую имели право созывать только король или регент королевства, тем самым получив преимущество. Раймунд напомнил им о клятве, принесенной Балдуину IV, согласно которой Ги формально был лишен права наследовать корону, и послал двух аббатов и двух рыцарей в Иерусалим, чтобы напомнить о запрещении покойным королем проводить коронацию Сибиллы, только что пригласившую баронов на ней присутствовать. Напрасный труд: Роже де Мулен, Великий Магистр госпитальеров, правда, попытался воспрепятствовать этой коронации; он в какой-то мере нейтрализовал действия тамплиеров, поддерживавших Ги, и удерживал у себя один из трех ключей от королевской сокровищницы, где хранилась корона. Однако ключ у него отняли. Шпион, посланный «парламентом» из Наблуса в Иерусалим (город был переведен на осадное положение, ворота заперты, и чтобы туда проникнуть, этому сержанту пришлось переодеться монахом), смог лишь присутствовать на коронации Сибиллы Ираклием, и на сцене выбора королевы своего мужа, чтобы совместно носить корону (это показывает, что Ги был всего лишь принцем-консортом, так как сама Сибилла, а не патриарх, возложила на его голову корону).

Высшая курия еще не обладала той властью, которую присвоит себе в XIII в. Это лучше всего подтверждает ее бездеятельность. Раймунд III, правда, намеревался оказать сопротивление: опираясь на союз с госпитальерами и великопленные отношения с Саладином (к вмешательству которого он рассчитывал прибегнуть), граф попытался убедить Онфруа принять корону. Но тот не решился развязать междоусобную войну и спровоцировать иностранную интервенцию; к тому же будучи бесхарактерным человеком, Онфруа не подходил на роль государя и бежал в Иерусалим, где одним из первых принес оммаж королю Ги (август — сентябрь 1186 г.). Остальным баронам оставалось только покориться. За исключением Раймунда III, который заперся в Тивериаде, и Балдуина де Рама, который передал все свои фьефы сыну Фоме и отбыл в Антиохию, все собравшиеся на «парламенте» в Акре принесли оммаж Ги. Государственный переворот успешно завершился, и Ги смог вознаградить своих сторонников, основав свою партию в среде иерусалимской знати. Именно

тогда он подтвердил за Жосленом все пожалования, сделанные ему в правление Балдуина IV, прибавив даров и от себя, и вызвал с Запада еще одного своего брата, Гильома де Валанса, который стал сеньором Торона, женившись на дочери сенешаля¹.

Вместо того чтобы примириться с Раймундом III и сплотить вокруг нового государя знать из иерусалимских родов, клан Лузиньянов постарался припереть графа Триполи к стенке: вне всякого сомнения, следует видеть в этом руку Жирара де Ридфора, ставшего одним из основных советников короля. От Раймунда потребовали отчитаться за доходы королевства за период его регентства, что должно было привести графа в ярость; тем более что у него отняли Бейрут, доходы с которого предназначались, чтобы покрыть административные траты Раймунда — требования подобного рода, предъявленные к регенту, были беспрецедентными. Ибн-аль-Асир² уверяет, что именно последнее оскорбление толкнуло Раймунда III на мятеж: он не только отказался принести королю оммаж, но укрепился в своем княжестве Галилейском и завязал опасные переговоры с Саладином. Султан обещал ему свою помощь (по крайней мере, чтобы защитить его княжество, если оно подвергнется нападению со стороны короля), вернул пленников, которых держал в своих крепостях и даже направил в Тивериаду мусульманских «рыцарей, сержантов и арбалетчиков». Правда, этот шаг не помешал Саладину продлить с Ги де Лузиньяном перемирие, заключенное в 1185 г.: благодаря братоубийственным войнам во франкском лагере мусульманский государь стал играть между Тивериадой и Иерусалимом роль арбитра, как в свое время Фульк Анжуйский делал в отношении Дамаска и Алеппо. Тем не менее потребовалось вмешательство Бальана д'Ибелена, чтобы остановить Ги, который намеревался атаковать, по наущению Жирара де Ридфора, Раймунда III. Начались переговоры: граф потребовал, чтобы в обмен на подчинение ему вернули Бейрут.

Вслед за этим еще один акт неповиновения государю поставил королевство в необычайно опасное положение. Невзирая на перемирие, Рено де Шатийон вновь возобновил в 1182 г. свои безумные грабежи: он захватил огромный караван в Аравийской Петре (начало 1187 г.?). В который раз Саладин потребовал правосудия от Ги де Лузиньяна, и король, сознавая его правоту, приказал Рено вернуть добычу мусульманам. В очередной раз Рено отказался, добавив, что он является таким же господином на своей земле, как Ги на своей. Это заявление о собственной независимости еще сильнее, чем в 1182 г., грозило поставить королевство на грань распада. Ги пришлось ответить Саладину,

¹ Другой Гильом де Валанс, племянник Ги и сын Гуго де Лузиньяна, в 1247 г. стал графом Пемброком по милости своего сводного брата Генриха III, короля Англии. Он скончался в 1296 г. — Валанс, Вьенн, кантон Куше, о. Киврей.

² Kamil al-Tewarikh, I, 674.

что он не в силах осуществить правосудие. Война была объявлена, и Саладин собрал из Египта, Сирии и Верхней Месопотамии неисчислимую армию, с которой принялся опустошать франкскую Трансиорданию. 29 апреля Ги де Лузиньян созвал последний «парламент» в Иерусалиме, на котором было решено любой ценой установить мир с Раймундом III, и, кажется, вызвать из Антиохии Балдуина де Рама. В это время Саладин, сообразно с договором, который он заключил с Раймундом, потребовал от графа пропустить мусульманские войска, направлявшиеся грабить окрестности Акры. Ошеломленный Раймунд не осмелился порвать договор: он лишь попросил султана, чтобы этот грабеж длился день и не затронул ни бургов, ни городов. Просьба была удовлетворена: население, предупрежденное об опасности, укрылось за крепостными стенами, когда Великий Магистр тамплиеров Жирар де Ридфор со ста пятьюдесятью рыцарями (в основном тамплиерами) напал на семь тысяч мусульман. Эта безумная атака обернулась битвой при Казаль Робере (1 мая 1187 г.), откуда Жирар бежал почти в одиночестве: Великий Магистр госпитальеров, втянутый в эту авантюру против воли, погиб, а население Назарета, следовавшее за Жираром, почти все попало в плен.

Раймунд III тут же прекратил двойную игру: он отослал из Тивериады мусульманский гарнизон и поспешил принести Ги оммаж в Наблусе. Боэмунд III Антиохийский прислал в королевскую армию своего сына Раймунда и объявил о своем подходе, а Жирар де Ридфор, благодаря богатствам тамплиеров, набрал значительный отряд: армия собралась возле Назарета, в Саферии. Тогда Саладин подошел к Тивериаде и начал ее осаду в надежде заманить Раймунда III в пустынные земли, окружавшие столицу Галилеи: графиня Эскива укрылась в цитадели (2 июля 1187 г.)

Во франкской армии полностью отсутствовало единое командование: Ги де Лузиньян прислушивался к мнению то одних, то других советников, и злой случай повелел, чтобы он всегда выбирал самое дурное решение. Раймунд III понимал, что успех кампании будет зависеть от наличия воды, так как стоял июль. Он заявил королю, что скорее предпочтет увидеть, как падет Тивериада и его супруга окажется в плену, чем двигаться на помощь городу: гораздо лучше, по мнению графа, было бы укрепиться вокруг водного источника, как в 1183 г., и дожидаться отступления Саладина, чтобы затем измотать нападениями его арьергард и восстановить Тивериаду. Жирар де Ридфор обвинил Раймунда в трусости: получив вызов, тот предложил королю идти спасать Тивериаду. И вся армия двинулась к Саферии. Там Раймунд еще раз повторил свои доводы: в Тивериаде имелся только маленький фонтан, и не было смысла толкать на гибель всю армию. Наконец с его мнением согласились, и военный совет разошелся: но сразу после этого Жирар де Ридфор, оставшись наедине с королем, убедил Ги, что Раймунд стремится обесчестить его, обрекая на позорную бездеятельность. Ги позволил себя уговорить и приказал армии выступить (3 июля 1187 г.)

Жара была невыносима, а моральный дух бойцов невелик. Казалось, все предвещало плохой исход для армии: разве не схватили колдунью, рабыню-мусульманку одного сирийца из Назарета, когда та уже наводила порчу на христианское войско, чтобы, как сама призналась, предать его в руки Саладина? Колдунью сожгли, но разве ее чары не возымели успех вопреки всему¹? Саладин с 60-тысячным войском преградил дорогу 30 тысячам франкских воинов (из них 1200 рыцарей и 4000 туркополов), которые так и не смогли добраться до источника, занятого неприятелем, и разбили лагерь вечером 3 июля. 4 июля христианская армия продолжила путь. С начала марша франки подвергались нападениям мусульман и вскоре увидели перед собой основные вражеские силы. Быть может, если бы христиане решились атаковать Саладина без промедления, им удалось бы пробиться к Тивериаде и ее озеру; но, по совету Раймунда III, решили укрепиться на Хаттинском холме. Наличие перебежчиков свидетельствуют о растерянности, царившей в рядах франков: обесилевшие от голода и жажды — что еще более усугублялось поджогом мусульманами кустарника — иерусалимская армия была окружена и атакована неприятелем на холме в тот момент, когда начала разбивать лагерь. Правда, рыцари сражались с честью, героическими рейдами неоднократно отгоняя врага, в результате чего даже Саладину на миг угрожала опасность. Но скоро напор франкской конницы ослабел: последним рывком Раймунд III, Раймунд Антиохийский, Рено Сидонский и Бальан д'Ибелен прорвали ряды мусульман и спаслись вместе со своими отрядами; вся остальная армия во главе с королем попала в плен. Королевство Иерусалимское погибло².

Саладин показал себя великодушным победителем: он принял Ги с подобающим почетом: однако еще раз задетый заносчивым Рено де Шатийоном, султан приказал обезглавить этого рыцаря-разбойника и казнить всех тамплиеров (кроме их Великого Магистра) и госпитальеров как заклятых врагов Ислама. Он также сумел извлечь выгоды из этого решающего сражения. Армия, разбитая при Хаттине, включала в себя почти все силы королевства: мусульманам оставалось только занять крепости. Саладин проделал это с необычайной ловкостью и благородством, которое изумляло самих франков и вызывало упреки мусульман: везде, где франкские гарнизоны готовились оказать сопротивление, он предоставлял им свободный выход с имуществом. Если подобное поведение и вызвало сосредоточение в прибрежных городах населения из захваченных городов, то оно также способствовало быстрому переходу в руки мусульман мощных крепостей и разрешало султану не тратить на осады время, в течение которого с Запада могли прибыть новые подкрепления.

¹ Eracles, P. 54.

² Г-н Балдуин, чтобы снять с Раймунда III обвинение в измене, детально изучил это сражение. См.: J. Richard. About an account of Hattin // *Speculum*, janv. 1952.

5 июля 1187 г. Тивериада сдалась Саладину. 9 июля Саладин заполучил Акру, предложив Жослену III, бежавшему с поля битвы, свободный выход для всего населения. Возможно, Саладин надеялся уговорить горожан и итальянских купцов остаться в его подданстве: но ему не удалось этого добиться. Эйюбидская армия поделила добычу: не было ни одного эмира или советника Саладина, кто не получил бы во владение дом в Акре; одному правоведа Исааль-Хаккари — не забудем, что победа при Хаттине была победой правоведов, свыше века трудившихся для расцвета суннитской доктрины — было пожаловано все имущество тамплиеров в городе. Сам государь не смог без огорчения взирать на грабеж, которого ему хотелось бы избежать: разрушение крупного цеха по производству сахара и т. д.

Отныне городам внутренних областей, поселениям, которые были основаны, как мы видели, во времена активной франкской колонизации, угрожала опасность. Повсюду население, если вовремя узнавало о катастрофе при Хаттине, пыталось укрыться в крупных укрепленных городах — печальный исход женщин и детей, поскольку все мужчины присоединились к королевской армии. «Жакерия» мусульманских крестьян разрасталась: Бальан д'Ибелен, мчась к Иерусалиму, нашел Наблус пустым (до этого он сообщил новость о поражении в Сафери и Лионе, проделав большой крюк, чтобы избежать мусульманских разведчиков) без жителей, бежавших из города при первом известии о Хаттине¹; спустя несколько часов мусульманские крестьяне ринулись грабить его предместье. Цитадель еще держалась, как и замок Фев, расположенный к северу: лишь обитатели этих двух городов из всего населения Галилеи и Самарии смогли избежать рабства.

В то же время другая мусульманская армия, вышедшая из Египта в направлении севера, захватила Яффу и Мирабель. Аскалон сопротивлялся. Саладин вынудил сдаться Торон после долгой осады и почетной капитуляции (26 июля), затем занял Сарепту и Сидон. Бейрут, несмотря на отсутствие гарнизона, продержался десять дней, время, которого хватило, чтобы договориться об эвакуации горожан (9 августа); и главные города графства Триполи, Джебайл и Ботрон, были сданы в качестве выкупа за своих сеньоров, попавших в плен при Хаттине. Затем Саладин спустился к Филистии, чтобы захватить Аскалон, который до сих пор доблестно защищали горожане: он воспользовался средством, уже примененным в Джебайле — предложил Ги де Лузиньяну свободу в обмен на сдачу города. Куда более сознательный, чем Жирар де Ридфор, который в то же время приказал капитулировать Газе и соседним укреплениям, король Иерусалима объявил защитникам, что не желает, чтобы они сдавали Аскалон ради него, но если крепость не в силах далее сопротив-

¹ Eracles, P. 58. Deux jardins, P. 302. Эраклъ (стр. 66) сообщает, без сомнения ошибочно, о пленении Жослена при Хаттине.

ляться, пусть знают, что капитулируют по его приказу. Однако аскалонцы не желали и слышать о сдаче, несмотря на уговоры Жирара де Ридфора. Крепость сдалась только спустя полуторамесячной осады (5 сентября): обитатели со всем своим движимым имуществом были отправлены в Александрию, где уполномоченные Саладина лично проследили, чтобы итальянские купцы, которым вовсе не хотелось принимать на борт этих нежелательных пассажиров, все же перевезли их на Запад (март 1188 г.).

Тогда Саладин прибыл под стены Иерусалима, который намеревался захватить в первую очередь. Но Бальан д'Ибелен добрался до города в первых днях июля и установил там, как супруг Марии Комниной (вдовы Амори I), временное правительство. Он собрал войско, посвятив в рыцари шестьдесят горожан и юных аристократов; он также стал чеканить, с помощью церковной казны, монету, позволившую ему наполнить королевскую сокровищницу — вне всякого сомнения, малый обол из низкопробного серебра, без имени государя, а лишь с легендой «Turris Davit» с изображением башни Давида (которая присутствовала на монетах Балдуина IV)¹ — и попытался снабдить население провиантом. Но битва при Хаттине произошла во время урожая; его не удалось собрать, и запасы продовольствия были очень ограничены. Проигнорировав королеву Сибиллу, Бальан потребовал, чтобы иерусалимляне принесли ему оммаж и повел себя как сеньор осажденного города, заручившись согласием патриарха, оказавшего ему активное содействие (но сам Иракий не присутствовал в битве при Хаттине, уступив приору Гроба Господня обязанность нести во время схватки Святой Крест, попавший затем в руки к мусульманам вместе с армией). Благодаря двум месяцам передышки, город мог отказаться от предложения Саладина капитулировать: надеялись на помощь извне, так как новость о катастрофе уже достигла Запада.

Авангард эйюбидской армии, приближавшийся к стенам Иерусалима без всяких предосторожностей, потерпел серьезное поражение от горожан. 20 сентября осада началась, и франки, бившиеся за Гроб Господень, казалось, вновь обрели (вопреки мнению о вырождении, в котором их обвиняют историки и моралисты в стремлении объяснить причинами морального характера падение королевства, которому упадок нравов в какой-то мере несомненно содействовал) былой пыл времен первого крестового похода. Чтобы свести на нет численное превосходство мусульман, осажденные даже задумали ночную вылазку, рискуя либо быть разгромленными наголову, либо обратиться в бегство армию Саладина. Патриарх Иракий воспротивился этой идее, резонно указав, что в случае неудачи атаки тысячи женщин и детей беспрепятственно попадут в руки к мусульма-

¹ Шлюмбергер (Schlumberger. Numismatique, I, P. 87) обходит молчанием этот сюжет. — Только один Эрнуль упоминает о клятве, которую Бальан принес Саладину, пообещав провести в Иерусалиме всего лишь одну ночь, чтобы найти жену и детей.

нам; можно также предположить, что презренный патриарх не хотел подвергать себя риску стать мучеником и предпочитал договориться о капитуляции.

Саладин отказался, и потребовалось, чтобы Бальан пригрозил разрушить мечеть Омара и весь город, а затем выйти и в безнадежной битве сразить как можно больше мусульман. Тогда султан отказался отомстить франкам за бойню 1099 г. (на что якобы надеялась мелькитская община города) и предложил жителям заплатить выкуп, чтобы иметь возможность направиться к Триполи. Саладин потребовал сто тысяч безантов, но Бальан побоялся, что не сможет собрать такую сумму. Договорились об индивидуальном выкупе: десять безантов за мужчину, пять — за женщину и один — за ребенка. Бальан заметил, что из городского населения только двое из каждых ста человек смогут выплатить этот выкуп: он добился, чтобы мусульмане освободили бедняков за общую сумму: 7000 человек за 30 000 безантов. Патриарх и зажиточные горожане внесли свою долю в этот выкуп, но госпитальеры и тамплиеры под предлогом, что хранившиеся в орденах деньги им не принадлежат, проявили прискорбную скупость: только под угрозой мятежа они открыли свою казну, впрочем, без особой щедрости. Помимо этих 7 000 выкупленных людей (в реальности их число было гораздо большим, так как вместо одного мужчины можно было освободить двух женщин или десять детей), Саладин, чтобы засвидетельствовать свое уважение Бальану, «ради любви к нему» отпустил на волю 500 христиан. Так же он поступил и ради Ираклия. Брат султана, Аль-Адиль, заполучил себе тысячу пленных и тотчас же освободил их¹. Саладин соперничал с ним в жестах великодушия: все остальное население проходило мимо его «офицеров», которые разрешали идти на волю старикам и детям, но сгоняли между первой и второй стенами юношей и девушек. Вообразим, сколь ужасным стало подобное расставание для нескончаемой вереницы несчастных, которые либо видели, как их близких угощают в тюрьмы Египта или Сирии или — еще горший вариант — на невольничьи рынки для продажи во все гаремы Востока, или же сами были обречены на эту участь. Сколько же франкских семей были разведены в период от 2 октября до 10 ноября 1187 г. под надзором мусульманских солдат, которым Саладин поручил выполнить суровую полицейскую службу?

По данным Ибн-аль-Асира, численность изгнанного подобным манером из Иерусалима населения якобы достигала 60 000 человек, но не включил ли он в эту цифру местных христиан, которые остались в городе? Хроники дают существенно разные сведения на этот счет, и заявлению Бальана (якобы более 20 000 франков были настолько бедны, что лишь двое из каждых ста человек были в состоянии выплатить за себя десять безантов) недостает точности: Бальан мог попытаться разжалобить Саладина, сгустив краски.

¹ Ислам считает освобождение рабов благочестивым делом.

Допустим, что от трех до четырех тысяч человек заплатили выкуп; десять тысяч были освобождены Саладином и восемь тысяч выкуплены совместными усилиями. Шестнадцать или одиннадцать тысяч были обречены на рабство, из которых 5 000 направили строить укрепления в Египет. Таким образом, в Иерусалиме могло находиться около 35 000 франков (нам неизвестно соотношение женщин, детей и беглецов): только двум старикам, пережившим первый крестовый поход, было разрешено остаться в городе¹.

В захваченном городе мусульмане прекратили доступ к Гробу Господню, вновь превратили церкви в мечети, в том числе и те, которые в период франкской оккупации были Templum Domini и Храмом Соломона. Церковь Св. Анны была превращена в 1192 г. в медресе, а резиденция патриарха («во главе улицы»), называемой патриаршей, около Гроба Господня, стала прибежищем суфий². В Иерусалим позвали еврейских беженцев, и греки заняли место франков в Святых Местах: одновременно с тем, как новый византийский император Исаак Ангел направил свои поздравления Саладину, греческий патриарх прибыл в Святой Град. Что касается отпущенных из города франков, то они направились к Триполи под охраной двойного эскорта франков и мусульман, получая пропитание от арабских крестьян; но в конце этого долгого пути триполийские рыцари-грабители, осмелевшие ввиду болезни графа Раймунда III, отняли последнее имущество у беженцев и вынудили их бежать в Антиохию. В то же время Саладин, овладев всеми прибрежными крепостями, кроме Тира, принялся завоевывать мощные франкские крепости во внутренних областях, которые так долго защищали королевство от нападений с противного берега Иордана и теперь героически противостояли натиску мусульман, набросившихся на них с тыла. Если Шатонепф пал 26 декабря 1187 г., то Сафет и Бовуар держались соответственно до первых дней декабря 1188 г. и 5 января 1189 г., причем госпитальерам удалось нанести мусульманам серьезное поражение при Форбеле (2 января 1188 г.). По условиям капитуляции защитники этих крепостей смогли уйти в Тир. Графство Триполи, где в конце 1187 г. от горя скончался Раймунд III, начало поддаваться в начале 1188 г.; княжество Антиохийское потеряло множество крепостей, и его территория была сведена к нулю.

Вернувшись из Антиохии, Саладин завершил осады Бовуара и Сафета; к этому моменту лишь крепости Онфруа IV Торонского (попавшего в плен при Хаттине) по-прежнему сопротивлялись, терпя нехватку в продовольствии. Хеврон мусульманам удалось взять к концу 1187 г.; но Крак продержался до

¹ Michel le Syrien в Documents Armeniens, I. 399; Kamil al-Tewarikh, P. 701–702; Eracles, P. 97; Ernoul, P. 217–219.

² Clermont-Ganneau. Matériaux inédits pour servir à l'histoire des Croisades (extr. Du Musée archéologique, I, P. 11).

ноября 1188 г., а Монреаль, самая далекая франкская крепость, которая менее всего могла рассчитывать на скорую помощь, пала только в конце весны 1189 г., после того, как ее защитники якобы продали своих женщин и детей бедуинам, чтобы обеспечить себя продовольствием и далее продолжить борьбу¹. Лишь одна крепость оборонялась дольше всех и стала опорным пунктом для франкской реконквисты: Бофор, который его сеньор Рено Сидонский защитил при помощи хитрости, убедив Саладина, что не имеет другого намерения, кроме как сдать ему крепость, но медлит осуществить свой замысел, поскольку хочет избежать карательных акций против своих людей. Когда же Рено был предан, то, подвергнутый пытке, он по-прежнему продолжал воодушевлять своих вассалов: приказ о капитуляции крепости был отдан только в начале сентября 1189 г., но Бофор сопротивлялся, возможно, до 22 апреля 1190 г., благодаря своей обороноспособности, которую сумел организовать Рено, ведя свою опасную игру с Саладином.

После битвы при Хаттине, в то время как Бальан д'Ибелен предупреждал Наблус и Иерусалим об опасности, а Жослен занимался тем же в Акре, большинство баронов, уцелевших после схватки, сломя голову помчались в Тир. Раймунд III и его соратники постарались придать городу хоть какое-то подобие защиты, прежде чем отправиться в Триполи и Антиохию. Тир, которого его фортификации и островное положение делали почти неприступным местом (известно, с каким трудом Александр Македонский овладел этим городом, а вавилоняне и ассирийцы перед ним — и крестоносцы после него), нуждался в бойцах. Вне всякого сомнения, что итальянцы притворились, что собираются укрыться на своих судах, когда Раймунд III решил заинтересовать их в обороне Тира: он сделал крупные пожалования генуэзцам и пизанцам, уравнив их в правах с венецианцами, которые до этого момента занимали в Тире первое место². Предприняв все, что он счел возможным, Раймунд отбыл в свое собственное графство (не потеряв интереса к Тиру, как и его наследник Боэмунд после его кончины), возложив на Рено Сидонского и тирского кастеляна труд защищать город³. Но наступление Саладина оказалось быстрее, чем кто-либо мог предположить, и все, кто пережил ад Хаттина и был свидетелем полного

¹ Саладин разрешил героическому гарнизону уйти к побережью и даже выкупил их проданных жен и детей. В 1187 г. Макризи (R. O. L., IX, P. 35) упоминает о «первом караване (из Дамаска в Каир), который мог пересечь Палестину, не боясь нападения или выплаты выкупа». Также см.: J. Richard. An account of the battle of Hattin // Speculum, XXVII, 1952, P. 168—177.

² R. R., 659, 665. — Пизанцы уже владели значительным имуществом в Тире с 1156 г. В 1187 г. у них и генуэзцев имеются «консулы и виконты» в Тире.

³ Eacles, P. 73—76. Был ли этот кастелян Симоном де Верзиньи, упомянутым в 1181 г., Жильбером или Ловелем, из которых двое последних названы в 1187—1188 гг. прежними кастелянами Тира (R. R., 667—668)?

крушения обороны королевства, сначала считали невозможным противостоять двенадцати тысячам мусульман, без рыцарей и продовольствия, до того как подойдут подкрепления. Вот почему все бароны, которые разом обретут отвагу и, как сам Рено Сидонский, смогут защищаться, не верили, что в их силах сдержать первый удар Саладина: Жослен III капитулировал в Акре, вопреки воле зажиточных горожан и прочих жителей, 9–10 июля. В Тире, под стены которого устремился Саладин сразу после падения Акры, Рено и кастелян, видя уход триполйских и антиохийских рыцарей, вступили в переговоры и готовились сдать город: знамя Саладина было внесено в город, чтобы водрузить на цитадели в знак капитуляции.

В этот момент, то есть спустя десять дней после Хаттина, произошло новое событие: 14 июля 1187 г. маленькая пизанская или генуэзская эскадра, приплывшая из Константинополя и ускользнувшая из рук мусульман возле Акры, прошла под сводчатыми воротами, которыми запирался вход в тирскую гавань. На ее борту находился крупный барон с Запада: им был маркграф Конрад Монферратский, дядя Балдуина V, который оставил родину в 1185 г., чтобы присоединиться к своему племяннику, и провел два года при дворе византийского императора, где играл значительную роль. Прибытие этих кораблей (это были две галеры), рыцарей из свиты Конрада и самого маркграфа, энергичного вождя, который привез с собой большие богатства, в корне изменили ситуацию. Зажиточные горожане Тира упростили Конрада принять командование обороной города.

Этот амбициозный барон, наполовину немец, наполовину итальянец, не колебался: как и Бальяну в Иерусалиме, ему потребовалась полная уверенность в своих бойцах, иначе говоря, оммаж от них; но он пошел гораздо дальше: он потребовал от жителей клятвенно признать его сеньором города и поступить так же в отношении его наследников, что и было теми выполнено. Рено Сидонский, представитель сирийских баронов, которые при таком повороте событий оказывались лишенными своих владений, бежал из Тира вместе с тирским кастеляном, опасаясь, как бы Конрад не наказал их за переговоры с Саладином. Сам султан появился перед Тиром некоторое время спустя и нашел свое знамя во рву. Он предложил Конраду освободить его отца, старого маркграфа Монферратского, попавшего в плен при Хаттине, в обмен на капитуляцию города. Конрад отказался, и Саладин, не настаивая, пустился в дорогу к Аскалону: он утратил преимущество, которое ему могла дать немедленная атака на Тир.

Конрад не терял времени даром: он приказал вырыть ров, который преграждал перешеек, отделявший город от суши, починил стены и призвал новых защитников: гарнизоны городов, которые капитулировали перед Саладином, наши пристанище в Тире. Кроме того, Конрад замыслил создать из Тира итальянскую колонию, чтобы заинтересовать купцов из разных стран в обороне города, подтвердив и расширив пожалования Раймунда III. Один генуэзец, Ансальдо Бонвичини, стал кастеляном города; пизанцы получили от Конрада

подтверждение дарений, сделанных им Балдуином III и Раймундом Триполитским, а также целый квартал из королевского домена, с поместьями в пригороде (октябрь 1187 г.) и привилегиями различного рода. Барселонцы обрели зеленый дворец, поместье, пекарню и торговые привилегии, так же как и марсельцы, жители Сен-Жиль[-дю-Гард] и Монпелье (октябрь 1187 г.). Конрад даже пообещал пизанцам имущество в Яффе и Акре, а также владения Жослена III. Он повел себя как «наместник заморских королей»¹, не считаясь с правами прежних владельцев: можно отметить, что он особенно пользовался имуществом сторонников Лузиньяна (как это уже делал Раймунд III?), тамплиеров и Жослена, чтобы наделить им итальянцев, своих соотечественников. Итальянцы же, в свою очередь, оказали ему весьма активную поддержку, рассматривая защиту Тира как «делку»; компания пизанских купцов, Вермильони, выторговала себе в обмен на участие в обороне Тира огромные привилегии в Тире и Акре и часть «сеньории Жослена» с Шато-дю-Руа².

Этот вариант защиты увенчался полным успехом: когда после захвата Иерусалима Саладин прибыл осаждать Тир, то не смог разместить свои осадные орудия на узком перешейке. Конрад же приказал построить подвижную батарею, «barbotes», которая обстреливала арбалетными стрелами мусульманские отряды³. Египетский флот выслал к Тиру двенадцать галер: Конрад заманил из них пять в гавань, затем натянул цепь, преграждающую туда вход и захватил корабли противника: уравнив таким образом силы, он направил свои семь галер против мусульманских, пятеро из которых были выброшены на берег, а две бежали к Бейруту. Хотя буря на море и помешала подходу подкреплений, присланных Раймундом III Триполитским (десять галер с рыцарями и провиантом), Саладин, после своей неудачи на море (30 декабря 1187 г.) в ночь на 1 января снял осаду, которая продлилась два месяца. С этого момента защитники Тира и мусульмане сходились только в стычках, часто необычайно кровопролитных, особенно в 1189 г.⁴

¹ Deux Jardins, P. 400.

² R. R., 665, 666, 667, 668, 674, 675, 682, 724.

³ Eracles, P. 106—109.

⁴ Арнольд Любекский (Monumenta hist. Germaniae, XXI, p. 176) заявляет, что Саладин заключил тогда договор с Конрадом, выплатив ему крупную сумму денег, чтобы маркграф согласился воздержаться от нападений на мусульманские поселения. Арнольд, как и все немцы, благоприятно относившийся к Конраду (близкому родственнику Фридриха Барбароссы, поскольку он был сыном Вильгельма IV Монферратского и тетки великого императора, сестры Конрада III), пытается оправдать его за этот пакт — который, по правде сказать, развязывал Саладину руки для завоевания внутренних территорий королевства — упомянув, что хотя люди и порицали маркграфа, но тот трудился только на благо христианского мира. Были ли эти перемирия подобными тем, что заключал Рено Сидонский ради Бифора? — Deux Jardins, I, 402.

Сирийские бароны, по примеру Раймунда III, не оставили Конрада в одиночку продолжать борьбу: до этого Триполи был центром франкского сопротивления; но постепенно все, что осталось от вооруженных сил Иерусалимского королевства, объединялось вокруг Тира. В октябре 1187 г. там можно было увидеть архиепископов Цезарии и Назарета, епископа Сидона, великих прецепторов тамплиеров и госпитальеров, предводителей их орденов, приора Сен-Жилля, приведшего с собой подкрепления из командорств госпитальеров с юга Франции, Готье Цезарейского, Гуго и Рауля Тивериадских. На следующий год к ним присоединились Рено Сидонский и Пейен из Хайфы. Конрад со своим окружением и прообразом правительства (его сенешаль, «канцлер и нотариус»), выступил в роли регента королевства¹, но его положение было непрочным. «Сеньор Тира», силой узурпировавший королевский домен, подчинится ли он королю Ги, когда тот обретет свободу, или же отвергнет положение вещей, существовавшее до Хаттина? В который раз участникам крестового похода предстояло либо влиться в ряды жителей латинской колонии на Востоке, либо относиться к «пуленам» как к приданию оккупационной армии и пренебрегать их правами; начнут ли крестоносцы с «табула раза», восстанавливая «латинское королевство» или же согласятся признать незыблемыми права сирийских баронов, приобретших их в силу долгого владения и не прекращаемой борьбы против ислама?

II

ОСАДА АКРЫ:

КОНРАД I ПРОТИВ ГИ ДЕ ЛУЗИНЬЯНА

Крестовый поход — третий крестовый поход — не заставил себя ждать. Можно представить, какой резонанс вызвала на Западе, столь долгое время остававшемся глухим к призывам франкского королевства на Востоке, весть о поражении при Хаттине и падении Иерусалима. Бароны, уцелевшие после разгрома, первыми в письме известили христианский мир. Позднее Конрад послал архиепископа Тирского к папе, чтобы ускорить прибытие вспомогательных войск.

Вильгельм II, король Сицилии, был первым из государей, кто взялся за оружие. В тот момент он воевал с Византией, но тут же заключил с ней мир, чувствуя себя отчасти повинным в падении Иерусалима: ведь он в течение

¹ R. R., 665, 675. Амбруаз, ed. G. Paris, v. 2366 и далее, возлагает лавры за защиту Тира Гильому де Шапелю, обоим братьям Тивериадским, и также Конраду Монферратскому, «который хорошо повел там дела — он пришел, когда земля была захвачена, но недолго состоял на службе Господа, хотя и благим было начало, но злым и ложным был конец».

двух лет, дабы пополнить свою армию для войны с Василевсом, нанимал к себе на службу паломников, которые прибывали в итальянские порты для отправки в Святую Землю, тем самым лишив латинское королевство значительного числа «наемников». Как только наступил благоприятный сезон, король отправил графу Триполи (Бозмунду IV) маленькую эскадру с двумястами рыцарями на борту, чье прибытие спасло Триполи от Саладина. В августе 1188 г. из Сицилии прибыли еще 300 рыцарей, и Вильгельм подготовил крупную экспедицию, которую намеревался лично возглавить на Востоке. Но он решил дождаться подхода англичан, чтобы выступить вместе с ними: смерть нарушила его планы в 1189 г., незадолго до прибытия англичан, которые приплыли только в сентябре 1190 г. Наследник Вильгельма, Танкред Леккский, столкнулся с проблемами наследования и не смог присоединиться к армии крестоносцев¹. Короли Франции и Англии, официально принявшие крест в январе 1188 г., тут же начали воевать между собой и лишь летом 1190 г. Филипп-Август и Ричард Львиное Сердце пустились в дорогу к Сирии (потеряв шесть месяцев в Сицилии). Фридрих Барбаросса, находившийся на вершине могущества (в 1183 г. ему удалось подчинить себе мятежные города Ломбардии), выступил в поход 11 мая 1189 г. с большой армией. При известии, что император одолел преграду, которой являлась сельджукская Турция, на Востоке началась паника: Саладин приказал разрушить укрепления многих сирийских городов, чтобы они не попали в руки немцев. Известно, что случай лишил крестовый поход его предводителя: 10 июня 1190 г. лошадь Фридриха поскользнулась при переправе в Киликии и ее седок утонул. Немецкий крестовый поход тут же полностью распался: сын императора Фридрих Швабский привел 7 октября под стены Акры только слабое подобие армии².

Но отвоевание Святой Земли уже начал тот самый Ги, чье поведение было столь малоприятным; до 1187 г. он не успел проявить мужество, но доказал его в грядущей кампании. Освобожденный Саладином — который обещал отпустить его после падения Аскалона, затем Иерусалима — только в конце лета 1188 г., Ги поклялся уплыть за море и более никогда не подымать оружие против султана. После освобождения Лузиньян велел передать Саладину остроумный ответ — что он пересек морской пролив, отделявший Тортосу от островка Руад, и повесил свой меч не на пояс, но на ленчик седла: получалось, что не он, а его конь нес оружие!

¹ Ernoul, P. 338, 339, Eracles, P. 114 — Ричард Львиное Сердце поссорился с Танкредом и взял Мессину приступом.

² Интересную деталь приводит Амбруаз, строфа 3327: под стенами Акры франки не могли использовать водяные мельницы, чтобы молоть муку. Рядом с мельницами, которые приводили в действие лошади, германцы построили первую в Сирии ветряную мельницу (зима 1189 г.).

Прекрасный рыцарь, не лишенный ума, храбрости и благородства, — он подтвердил свое великодушие, когда спас своего противника Конрада Монферратского 4 октября 1189 г. (кто знает, способен ли был Конрад ему ответить тем же), — Ги обладал всем (включая его романтическую историю возведения на трон), чтобы завоевать симпатии тех, кому был дорог дух рыцарственности, и, главное, Ричарда Львиное Сердце. Его противник Конрад был ломбардцем, не свойственным к рыцарским поступкам, человеком расчетливым и суровым (за что понравился Филиппу-Августу). И прежде всего, у него не было в пассиве Хаттина, который разрушил престиж Ги, власть которого еще мало упрочилась к моменту этого сражения. Клан Ибеленов, не простивший молодому королю его возвышения, основывал всю свою пропаганду именно на Хаттине. Споры вокруг сражения отразились и в произведениях историков, что значительно усложняет поиск реальных виновников разгрома. Писатели из «анжуйской» партии ставили акцент на тайный сговор Раймунда III, неоспоримого вождя оппозиции Ги, с Саладином, и трактовали его прорыв сквозь ряды мусульманского войска как бегство, объясняя этой уловкой поражение христиан. Напротив, писатели из партии «французов» и «пуленов» яростно нападали на Ги, упрекая его в слабости и послушании Жирару де Ридфору, главному виновнику гибельного марша через Галилею.

Таким образом, когда Ги появился с королевой Сибиллой под стенами Тира, Конрад приказал им сказать, «что никогда не позволит ступить им в пределы города»¹. Маркграф намеревался сохранять этот королевский город до прибытия королей из-за моря: без сомнения, его советники напомнили, что Балдуин IV хотел предоставить права на арбитраж государям Запада. После этого Конрад написал архиепископу Кентерберийскому, жалуясь, что не имеет возможности использовать для защиты Тира все «пожертвование короля Англии» — эту знаменитую английскую казну, которую Жирар де Ридфор уже тратил перед Хаттином, и из которой госпитальеры брали средства на выкуп бедных пленников в Иерусалиме, сыграла значительную роль в пропаганде двух партий. Если госпитальеры истратили всю находившуюся у них часть этих денег для помощи Конраду, то Великий Магистр тамплиеров отказался последовать их примеру, и маркграф Монферратский жаловался на сговор враждебных ему сил с королем Ги, «грандами» королевства и Жираром де

¹ Eacles, P. 124. — причудливое искажение всех этих обвинений, где воспоминания о 1187 г. смешались с историей ссоры между Даимбертом и Балдуином I, перекочевало в «Балдуина де Себурка» (Labande, P. 87): Готфрид Бульонский во время осады Дамаска отравлен патриархом Иерусалимским, ломбардцем по имени Эракль, в котором следует видеть Ираклия. — Амбруаз в строфе 2513 пишет о Раймунде III: «И хотя возможно, что он это сделал, а может быть, и не делал, но более всего говорили..., что он предал в сражении».

Ридфором. Конрад послал своего канцлера, мэтра Бандена, высказать свои жалобы ко дворам Европы (сентябрь 1188 г.)¹.

Из этой апелляции маркграфа к Западу, свидетельствующей о возникновении скрытой борьбы между двумя соперниками, мы узнаем также, что Ги, законный король, вновь сплотил вокруг себя почти всех баронов, без сомнения, взволнованных революционными идеями Конрада, лишивших их надежды на возвращение своих собственных владений.

При их поддержке король, избравший своей резиденцией Триполи, вновь попытался заставить Конрада признать свои права на Тир (апрель 1189 г.). Еще раз получив отказ, Ги решил перейти к завоеванию своего королевства. Он собрал маленькую армию, в основном состоявшую из сицилийских рыцарей, прибывших в Святую Землю годом ранее, а также иерусалимских баронов и рыцарей. Вместе с королем одним из командиров этого войска стал его брат, Жоффруа де Лузиньян: этот суровый воин, узнав о пленении Ги при Хаттине, тут же без колебаний переправился через море.

Из Триполи Ги стремительным маршем провел свой отряд по землям, занятым Саладином: не останавливаясь возле Тира, 26 августа он достиг Казаль-Юмбера, и уже через один день франки появились под Акрой. Саладин в тот момент осаждал Бофор. Не веря в смелость армии, которую он разбил при Хаттине, султан подумал, что речь идет всего лишь о диверсии, предпринятой христианами с целью отвлечь его от осады Бофора: он упустил возможность раздавить отряд Ги в ущельях Сканделиона, а когда поспешил ему навстречу, было слишком поздно. Ги со своими людьми уже укрепили свои позиции, что было необходимо, так как франки оказались куда более малочисленной, чем гарнизон Акры, а уж тем более, чем вся Эйюбидская армия, в свою очередь, расположившаяся позади них².

Благодаря этому отважному рейду по захваченной стране Ги добился преимущества над Конрадом: один за другим западные крестоносцы прибывали под стены Акры, и итальянские эскадры устроили блокаду этого города. Пизанские корабли, собравшиеся 6 апреля 1189 г. в Тире, двинулись к Акре, а вслед за ними и генуэзская эскадра. Конрад Монферратский сам направился морем в Акру, чтобы влиться в ряды осаждающей армии; правда, власть Ги он так и не признал (крестовый поход позволял ему действовать подобным образом). Мало-помалу крестоносцы прибывали — итальянцы, немцы, шампанцы, бургундцы, датчане, фризы, бретонцы, фламандцы. Саладину удалось восстано-

¹ R. R., 676. «История Эракла» (стр. 90) уверяет, что в 1187 г. в Иерусалиме не осталось ничего от английских денег в казне тамплиеров: лишь у госпитальеров еще сохранилась их часть.

² Согласно Арнольду Любекскому (стр. 176), под командованием Ги находились всего две сотни рыцарей, с которыми он и осадил Акру.

вить связь по суше между Акрой и своей армией, что сделало бесполезным преобладание крестоносцев на море. 4 октября 1189 г. Ги де Лузиньян попытался прервать эту коммуникацию, но его первоначальный успех не мог быть развит. В этом бою был убит Жирар де Ридфор. Тем не менее Саладин, из-за угрозы эпидемии, был вынужден перенести лагерь к востоку: тогда франки восстановили блокаду, вырыв ров вокруг Акры. Благодаря третьему крестовому походу стало возможным военное превосходство как франкской кавалерии, так пехоты и инженеров с Запада.

Саладин решил восстановить связь с Акрой, только что им утраченную, с помощью своего флота. Борьба на море становилась все оживленней; египетской эскадре удалось снабдить провизией гарнизон Акры, но помешать Конраду Монферратскому подвести из Тира продовольствие, в котором так нуждались франкская армия, она была не в силах: сражение 4 марта 1190 г. положило конец превосходству, на короткое время приобретенному мусульманами на море. На суше осажденному городу грозили передвижные башни, но они вскоре были уничтожены мусульманами (5 мая 1190 г.). 25 июля внезапное нападение франкской пехоты на мусульманский лагерь, совершенное вопреки приказу Ги, обернулось катастрофой для «сержантов», которые оставили на поле боя семь тысяч человек убитыми. Но прибытие к Акре 27 июля отрядов графа Генриха Шампанского спасло положение. Правда, теперь осаждавшим, как и осажденным, грозил голод. Сын Фридриха Барбароссы, герцог Швабский попытался более энергично вести военные действия: самое важное его предприятие — марш на Хайфу за провизией (ноябрь 1190 г.), в которой отличился Ги де Лузиньян, не увенчалось успехом, впрочем как и намерения Саладина победить христианскую армию в этой кампании. Франки усвоили тактику «каре», когда их пехотинцы образовывали стену, сквозь которую мусульманские всадники не могли пробиться. Но с приходом зимы мусульмане получили шанс действовать на море, поскольку в плохую погоду осуществлять морскую блокаду было невозможно: именно тогда, 13 февраля 1191 г., гарнизон Акры, поредевший за полтора года боев и плохого питания, был заменен, правда, только частично.

Боевые действия стали более удачными, как только прибыл Филипп-Август (20 апреля 1191 г.), а вслед за ним (7 июня) и Ричард Английский (который по пути захватил Кипр у самопровозглашенного императора Исаака Комнина). Завоевание Кипра, хоть и задержало взятие Акры, все же позволило облегчить снабжение армии осаждавших. После того как Ричард потопил последний мусульманский корабль, а Филипп провел несколько мощных штурмов города, короли, которые приняли на себя командование крестовоносной армией, «поделили» меж собой обязанности: король Англии ввязался в битву с мусульманской армией, а король Франции стал сражаться с гарнизоном Акры. После одного из самых яростных штурмов, Саладин, пытавшийся отговорить

гарнизон города от капитуляции, был вынужден начать переговоры о сдаче города: он обещал выплатить 200.000 динаров, освободить 2.500 пленников и вернуть христианам Святой Крест¹. За падением Акры (13 июля 1191 г.) последовал отъезд Филиппа-Августа — сначала в Тир, где он передал своих пленных, среди которых находился правитель Акры, «Каракуа» или Каракуш, Конраду Монферратскому (что вызвало живейшее недовольство англичан, которые рассчитывали на выкуп, чтобы заплатить армии), и оттуда — во Францию (начало 1191 г.). Король Ричард сделался единственным предводителем похода, если не считать Гуго III, герцога Бургундского (того самого, кто был помолвлен с Сибиллой Иерусалимской), который командовал сильной французской армией (650 рыцарей, 1.300 оруженосцев), оставленной королем Филиппом.

Но одновременно с осадой Акры разворачивалась другая драма. После своего освобождения Ги де Лузиньян обрел свои королевские prerogatives, признанные даже его крупными вассалами (Боэмундом IV, который его принял в Триполи, и Боэмундом III, который «экипировал» его в Антиохии); по прибытии короля к Тиру его старые бароны, тирские рыцари и двое братьев — Гуго и Рауль Тивериадские (если верить Амбруазу — «самые верные люди во всей Сирии»), без колебаний покинули Конрада, чтобы сопровождать Ги²; все последующее время Ги вел себя как король, подтверждая привилегии, дарованные пизанцам Конрадом (ноябрь 1189 г.), сам жалуюя привилегии амальфийцам, марсельцам, генуэзцам, которых постепенно перетягивал из лагеря Конрада на свою сторону³; он чеканил монету⁴, правда, очень плохие денье, скверная проба которых свидетельствовала о бедности короля и королевства. Но тут Ги постиг удар, тяжело сказавшийся на его власти. Королева Сибилла родила в браке с ним двух дочерей, Аэли и Марию, потому будущее династии иерусалимских Лузиньянов казалось упроченным. Но летом 1190 г. королева и ее дочери умерли: партия Ибеленов тут же сообразила, какую пользу можно извлечь из этих смертей. Ги был коронованным королем — последним королем, коронованным в Иерусалиме — но корона досталась ему от жены. Так после смерти Сибиллы встал вопрос — следовало ли оставить,

¹ «История Эракля» уверяет, что Святой Крест пропал при Хаттине: некий же сержант поведал Генриху Шампанскому, что его тогда закопали, но все поиски оказались безрезультатными. Во время осады Иерусалима на стены выносили крест сирийцев.

² Ambroise, v. 2736: согласно этому автору, германцы и пизанцы также присоединились к Ги.

³ R. R., 683, 684, 690, 593, 697, 702, 704, 705.

⁴ Монеты Ги, также как и Амори II, отличаются своей низкой пробой (см.: Schlumberger. Numismatique, P. 84 и далее). На монетах Ги отчеканена надпись «Король Ги Иерусалимский», на лицевой стороне — изображение бородатого короля в короне, на оборотной — купол Храма.

несмотря ни на что, у власти ее мужа, или же, напротив, надлежало передать корону младшей сестре умершей королевы — Изабелле?

Не останавливаясь долго на юридической силе двух тезисов, Ибелены стали действовать в русле строгой династической наследственности. Это значило сделать Изабеллу королевой Иерусалимской, а ее мужа Онфруа Монферратского — королем; однако бароны, обманутые в 1186 г. отступничеством Онфруа, который признал коронацию Ги, единым фронтом выступили против подобного решения. Епископ Бове подсказал средство обеспечить ставленнику Ибеленов, Конраду, права на корону: нужно было всего лишь выдать Изабеллу замуж за маркграфа Монферратского. Правда, брак Изабеллы с Онфруа был прочным с канонической точки зрения: между ними не было никакого близкого родства, которое позволило бы его расторгнуть. С другой стороны, утверждали — было ли это неправдой? — что Конрад не имел права вступать в брак в Святой Земле, поскольку ему приписывали одну жену в Ломбардии и другую, также законную, в Константинополе¹. Но и это ничего не изменило; заговорщики во главе с Бальаном д'Ибеленом располагали могущественной поддержкой: королева-мать Мария Комнина, жена Бальана д'Ибелена, ненавидела своего зятя (и особенно его мать, Этьеннетту де Мильи), а папский легат (архиепископ Убальдо Пизанский) входил в партию маркграфа Монферратского. Мария Комнина рассматривала брак своей дочери как недействительный из-за отсутствия согласия: помолвленная в восемь лет, Изабелла вышла замуж за Онфруа в одиннадцать по настоянию своего дяди-тирана, Балдуина IV, вопреки своей матери и собственному желанию. Вот это как раз являлось условием для расторжения брака, но можно подозревать свидетельницу — Марию Комнину — во лжи. Кроме того, трудно вообразить более неразлучную пару, чем Онфруа и его жена: Изабелла обожала своего мужа, одного из самых прекрасных рыцарей своего времени, и тот отвечал ей полной взаимностью. Тем не менее, несмотря на протест супругов, их брак расторгли. Поскольку Онфруа отказался подчиниться, виночерпий Франции, Ги Санлисский вызвал его на судебный поединок. Наследника благочестивого Онфруа II всегда считали трусом: он не осмелился принять вызов.

Не теряя времени, Изабеллу тут же выдали замуж за Конрада Монферратского — первым же шагом новой «дамы Тира» было объявить о том, что ее вынудили силой вступить в новый брак, и вернуть Онфруа владения, которые тот в 1180—1183 гг. передал королю Балдуину (Торон и Шатонеп).

¹ Возможно, произошла путаница с браком брата Конрада, Ренья Монферратского, который был женат на дочери Мануила Комнина и погиб в 1183 г. Известно, что этим брачным союзом воспользовался их третий брат, Бонифаций, чтобы в 1205 г. потребовать для себя Фессалонику. О семье Монферратов см.: *Cronica Alberti de Bezanis*, ed. Holder-Egger, P. 33, 41—42.

Правда, свадьба Конрада и Изабеллы не обошлась без противодействия: архиепископ Кентерберийский яростно протестовал против вопиющего случая двоебрачия, которому он не в силах был помешать (папский легат высказался в пользу аннуляции брака) и объявил второй брак Изабеллы недействительным. Папа Иннокентий III согласился с его мнением, но было уже слишком поздно. В любом случае «анжуйский» хронист Амбруаз, для которого законным королем Иерусалима оставался Ги де Лузиньян, утверждал, что божественная кара не заставила себя ждать. 24 ноября, сразу после свадебной церемонии, бароны из партии Монферрата отправились веселиться в сельской местности, не подозревая о близости мусульман, которые внезапно на них напали и убили двадцать человек; виночерпий Ги Санлисский был захвачен в этой стычке и более его никто не видел¹.

Эти события развязали ожесточенное династическое соперничество: из-за неспособности разрешить вопрос в рамках права — кто имел власть, чтобы это сделать? — положиться на суд «королей», которые прибыли только в апреле 1191 г. Но в их ожидании Конрад Монферратский, без сомнения, не желавший находиться в подчинении у Ги, уехал в Тир, откуда вернулся только с Филиппом-Августом.

Вообще, крестовый поход породил благодатный климат для столкновений подобного рода. Мы уже видели, как в 1148 г. благодаря крестовому походу права Иерусалимского короля фактически были ограничены. Такое впечатление, что во время третьего крестового похода происходило то же самое, но в новых условиях. После взятия Акры потребовалось вмешательство короля Франции, чтобы добиться от крестоносцев возврата захваченных ими домов прежним владельцам, наказав последним разместить у себя воинов Запада, которым они были обязаны неожиданным возвращением своего имущества. Получается, что власть Иерусалимского короля мало значила для совета прелатов и крупных баронов, которые на самом деле командовали войском. Можно было надеяться, что с прибытием двух государей Франции и Англии христианская армия обретет единство. Но, едва высадившись, Филипп-Август обнаружил, что большинство французских рыцарей во главе с его кузеном Филиппом Бовезийским расположены к Конраду; тогда он привел его под стены Акры и объявил себя покровителем Конрада. Для «анжуйской» партии, и так благосклонной к Ги, подданному империи Плантагенетов (брату Жоффруа де Лузиньяна и графа Маршского, родственнику всех крупных феодальных фамилий Западной Франции), не нужно было большего, чтобы во всеуслышание принять сторону Лузиньяна. Ги, Онфруа Монреальский и Жоффруа де Лузиньян отплыли навстречу королю Ричарду и подоспели вовремя, чтобы помочь ему завоевать Кипр, который король Англии позднее отдаст

¹ Амбруаз, строфа 4145 и далее; Eacles, P. 153.

тамплиерам — он заставил выбрать их Великим Магистром одного из своих вассалов, Роберта де Сабле, поспособствовав тем самым присоединению тамплиеров к партии Ги (Роберт был одним из командующих английским флотом).

Прибытие Ричарда под стены Акры спровоцировало конфликт: Жоффруа де Лузиньян 24 июня 1191 г. вызвал Конрада на судебный поединок, обвинив его в вероломстве, измене и клятвопреступлении в отношении законного короля Иерусалима. Конрад заново отбыл в Тир, и Филипп-Август должен был еще раз напомнить ему, что отсутствие на осаде Акры лишь повредит претенденту в глазах крестоносцев. В конце концов, на первом «парламенте» второго Иерусалимского королевства (усиленном за счет крупных баронов Запада), заседавшем в Акре 27 и 28 июля 1191 г., сошлись на компромиссе. Ги признавался пожизненным королем; Конрад становился его наследником и принимал во фьеф Тир, Сидон и Бейрут. Яффа, которой владел Ги перед своим восшествием на престол, после смерти Лузиньяна переходила к самому близкому родственнику этого короля, его брату Жоффруа (которого позднее заменил другой его брат — Амори). Чтобы избежать любых последующих претензий, постановили: если Конрад и Изабелла умрут без наследника, королевство отойдет к Ричарду¹. Не забудем, что Ричард имел некоторое право претендовать на роль арбитра: разве не был он главой старшей линии потомков Фулька Анжуйского, кузеном Сибиллы и Изабеллы, приходившихся внуками тому же Фульку?

Ясно, что это соглашение было временным, но зато позволяло избежать раскола между двумя партиями и урегулировать ситуацию перед отъездом Филиппа-Августа. Благодаря этому стало возможно продолжать крестовый поход, который многие месяцы сохранял вид куртуазных отношений между врагами, но затем мгновенно превратился в безжалостную священную войну: дело в том, что недовольный медлительностью, с которой Саладин выполнял условия капитуляции Акры (хотя пленников и Святой Крест привезли в мусульманский лагерь), английский король потерял терпение и 20 августа 1191 г. приказал перебить 2 700 пленных, взятых в Акре, пощадив только тех, кто был в состоянии заплатить выкуп и находился в его части добычи; раздел добычи вызвал разногласия, поскольку «французы», более многочисленные, пришли в возмущение, получив только половину захваченного. Этот непростительное деяние прервало все отношения между христианским и мусульманским лагерями; в кампании 1191—1192 гг. Саладин отомстил, приказав казнить всех пленных франков.

После бойни Ричард направился к югу (22 августа), и его армия, двигаясь сплоченной колонной, противостояла всем атакам мусульман, а с моря ее при-

¹ Амбруаз, строфа 5065. На самом деле у Изабеллы не было никакого фьефа, чтобы принести его в приданое Конраду: тогда вспомнили Фулька, который с рукой Мелизинды получил Акру и Тир, чтобы отдать маркграфу Монферратскому Тир и Бейрут.

крывал флот, поставлявший провиант. Король отбил у мусульман Хайфу, пересек Кафарнаон (чья крепость было только что снесена) и Ле Мерль, достиг Цезареи, также разрушенной по приказу Саладина, и, наконец, 7 сентября подошел к Арсуфу. Подле этого города разыгралась яростная битва: как и при Хаттине, мусульмане накатывали неиссякаемыми волнами, выпуская стрелы, сразившие многих коней, пытались выгадать жару, чтобы ослабить франков. Но король Англии доказал свою необычайную энергию, и, воодушевив своих людей, приказал укрыть своих рыцарей за копьями пехоты и даже попытался провести окружение противника, но не достиг в этом успеха: тем не менее натиск франкской кавалерии, дважды опрокидывавшей ряды мусульман, принес Ричарду победу; в условиях, напоминавших 1187 г., франкская армия нанесла поражение Саладину.

Султан тут же приказал разрушить Яффу и Аскалон (его «вассалы» отказались удерживать эти места, боясь участи, постигшей гарнизон Акры), укрепленную церковь в Лидде и замок Рам. Вопреки мнению Конрада Монферратского, который указывал на смятение, охватившее мусульман, Ричард не воспользовался победой под Арсуфом, чтобы стремительным броском захватить Иерусалим или Аскалон: он упрямо восстанавливал Яффу и тратил время на переговоры с Саладином. В конце октября король предпринял марш на Иерусалим, разбил мусульман при Йязуре (30 октября) и восстановил два замка (Маен и Кастель де Плен), затем дошел до Рама, Лидды, Торон де Шевалье, Шастель-Арнуль и даже до Бетнобля (25 декабря). Но дождливый и холодный сезон, вопреки энтузиазму, охватившему армию, побудил Ричарда начать отступление: пулены настаивали, что захват Иерусалима будет бесполезным, так как его не удастся удержать из-за нехватки поселенцев, и напоминали, что Саладин приказал укрепить крепостные стены Святого Града. Между крестоносцами и пуленами начались распри, и христианская армия отступила к побережью (январь 1192 г.).

Тогда английский король восстановил Аскалон, откуда выступил на штурм Дарона (22 мая 1192 г.). Мусульманский гарнизон Фигье, небольшой крепости по соседству, опасаясь его прихода, подорвал (при помощи «греческого огня» — смеси, похожей на порох) стены своего замка. Боевые действия велись одновременно с переговорами с Саладином, целью которых было добиться от султана восстановления Иерусалимского королевства, оставив ему всю Трансиорданию; Ричард предлагал даже сделать из королевства Иерусалимского франко-мусульманское государство под властью брата Саладина, Малик-аль-Адиля, которому предложили в жены сестру английского короля Жанну (этот курьезный проект провалился лишь из-за несогласия самой Жанны).

В апреле 1192 г. Ричард решил вернуться на Запад; но прежде, вняв уговорам баронов и простого люда, а также увещеваниям своего капеллана, он еще раз попытался захватить Иерусалим. Теперь он продвинулся за Бетнобль,

вызвав панику в Святом Граде; но и на этот раз Ричард, взявший на вооружение политику местных франков (разве он не воскресил проекты Амори I насчет Египта и не завязал контакты с бедуинами и даже мамлюками Саладина, настолько тесные, что, подобно Наполеону Бонапарту, привез с собой на Запад сто двадцать настоящих мамлюков?), не захотел искушать судьбу под стенами Иерусалима. Он вновь отошел к Раме, откуда совершил налет на большой мусульманский караван (23 июня 1192 г.), снова двинулся на Иерусалим (3 июля) в то время как в Святом Граде начались распри между курдами и турками, и эмиры Саладина отказались держать там оборону, если их государь не останется вместе с ними в цитадели. Но, несмотря на упорное сопротивление командующего капетингской армией герцога Бургундского Гуго III, Ричард, на этот раз окончательно, приказал отступить к Яффе. Он все же предложил Саладину прекратить вражду между франками и мусульманами, сделав приморское королевство вассальным «султану»; предполагалось, что христианские отряды нового Иерусалимского короля станут нести феодальную службу для мусульманского государя, а сам Иерусалим останется открыт для обеих сторон. Но Саладин хотел, чтобы ему оставили филистийские крепости, угрожавшие торговым путям из Багдада в Сирию. Ричард отказался, и война возобновилась.

Король Англии направлялся к Бейруту, когда Саладин атаковал Яффу. Он захватил нижний город и вел с патриархом Раулем, преемником Ираклия, переговоры о капитуляции цитадели, когда появился флот Ричарда: король во главе войска стремительно высадился на берег и опрокинул армию осаждавших (1 августа 1192 г.). Оправившись от удара, мусульмане попытались ночью нагрянуть во франкский лагерь: спешно разбуженный, Ричард сумел организовать отпор, выстроив из пехоты шеренгу, оцетинившуюся копьями, и после того, как его арбалетчики засыпали мусульман стрелами, вновь опрокинул противника кавалерийским натиском.

Мусульмане, без конца терпящие поражения, исчерпали свои силы. Иоанн Безземельный, воспользовавшись отсутствием своего брата, вел с королем Франции подозрительные переговоры, поэтому Ричарду нужно было срочно возвращаться в Англию. Он в спешке заключил мир с Саладином (2—3 сентября 1192 г.).

Побережье от Тира до Яффы на юге возвращалось франкам; Аскалон надлежало снести, а земли Сидона, Лидды и Рамы поделить меж двумя сторонами. Из любезности Саладин вернул половину Сидона Рено Сидонскому, и небольшую сеньорию Кеймон — Бальану д'Ибелену. Наконец, паломникам разрешался свободный въезд в Иерусалим: франкская армия тут же воспользовалась этим разрешением, посещая Святой Град небольшими группами, а бароны не преминули нанести визит Саладину, чье учтивое обращение завоевало их симпатии. 9 октября 1192 г. король Англии отплыл на Запад. Известно, что

на обратном пути его поджидали препятствия: во время осады Акры он унижил герцога Австрийского Леопольда, который приказал пленить короля, проезжавшего по его герцогству.

Наряду с войной против мусульман, последние месяцы 1191 г. и начало 1192 г. были отмечены сильными внутренними неурядицами: после отъезда французского короля его бароны продолжали поддерживать Конрада Монферратского, которому соглашение 1191 г. нужно было лишь для того, чтобы добраться до трона. Способности, проявленные Ги с 1188 г., не переубедили оппозиционно настроенных баронов: Рено Сидонскому и Бальану д'Ибелену из партии Монферрата уже удалось добыть для Конрада право на королевский титул. Они были полны решимости не останавливаться на достигнутом. Поддержка, оказанная Ги Ричардом, побудила противную партию действовать с большей осторожностью, но также дала Ибеленам новый повод для пропаганды: дело в том, что король Иерусалимский, оставшийся верным вассальной клятве Анжуйской династии, неоднократно показывался во главе пуатевинских отрядов. Его не замедлили обвинить в том, что он состоит помощником при английском короле. И крестоносцы из капетингской Франции стали еще более враждебно настроены к Ги, пользовавшемуся поддержкой Плантагенета.

Партия Монферрата активно старалась избавить своего патрона от подчинения Ги. Одновременно с переговорами, которые Ричард вел в 1191 г., сторонники тирского сеньора искали союза с султаном. Посланец короля Англии Стефан Турнехем был поражен, когда встретил в Иерусалиме, где находился Саладин, двух главных баронов Сирии:

То был Бальан д'Ибелен,
Самый лживый из гобеленов,
и там же был Рено Сидонский¹.

Получается, что в то же время, как предводитель крестового похода, каким по своему рангу и от имени короля Ги был Ричард, договаривался с мусульманским государем (основным посредником был Онфруа Торонский), главный вассал того же Ги вел секретные переговоры с султаном! Конрад пытался добиться от султана признания за ним прав на Тир, уступки ему во фьеф Бейрута, Сидона и половины Иерусалима. После этого недалеко было до открытого конфликта между соперниками.

Конфликт разразился по поводу Акры: в июле 1191 г. два крестоносных короля передали этот город во владение Ги де Лузиньяну. Он повел себя как владелец города еще до взятия этого огромного сирийского порта, жалуя при-

¹ Свидетельство Амбруаза (строфа 8709 и далее) подтверждает сообщение секретаря Саладина, историка Беха ад-Дина — «гобелен» являлось французской формой «Kobold» — бес, черт.

вилегии итальянским купцам, участвовавшим в морской блокаде, а после окончания осады даровал генуэзцам новые привилегии (26 октября 1191 г.) и продал рыцарям Тевтонского ордена часть Акры вблизи укреплений¹. Но 18 февраля 1192 г. генуэзцы, устроившиеся в Акре, несмотря на расположение к ним Ги, призвали в город Конрада; герцог Гуго Бургундский им содействовал в этом предприятии, и только противодействие пизанцев позволило Ричарду примчаться и заставить Конрада отступить в Тир (20 февраля)². Несмотря на неудавшуюся попытку завладеть христианским городом в разгар крестового похода, Конрад укреплял свои позиции и постепенно переманивал к себе сторонников Ги. Нет ничего более разоблачительного, чем сравнение подписей свидетелей под королевскими актами Ги. В 1190 г. в актах наличествуют подписи маркграфа Конрада, сеньора Тирского, графа Жослена, сенешаля короля, Амори де Лузиньяна, коннетабля, Жоффруа Ле Тора, Гуго Тивериадского, Онфруа Монреальского, Рено Сидонского, Бальана д'Ибелена. Это — настоящий двор, собравшийся вокруг неоспоримого главы королевства. После смерти Сибиллы Конрад интригами переманил от короля даже маршала Готье Дюра, которого Ги заменил только что прибывшим пуатевинцем «Гугело» или Гуго Мартеном. Подписи под последними актами Ги Лузиньяна (1191—1192 гг.) — Жоффруа де Лузиньяна, графа Яффаского, Амори де Лузиньяна, коннетабля, Гуго Мартена, Говена де Шенеше, Ренье Джебайлского, Гуго Тивериадского, Жоффруа ле Тора — подтверждают, что Ги, скорее, стал главой партии из нескольких сирийских баронов (Жоффруа ле Тор, владелец фьефов, расположенных под Акрой, и верный Гуго Тивериадский), родственников или новоприбывших с Запада в надежде заручится протекцией государя. Напротив, акты Конрада подписаны Рено Сидонским, Бальаном д'Ибеленом, Пейеном Хайфаским и канцлером Банденом (будучи итальянцем, он прибыл на Восток в свите Конрада), скреплявшим документы королевской печатью³.

В конце концов Ричард Львиное Сердце осознал ту непопулярность, которую снискал его протееже. В апреле 1192 г. Ричард объявил о своем отъезде и предложил ассамблее баронов назвать того, кому он мог бы передать руково-

¹ R. R., 693, 697, 701, 702.

² Позиция пизанцев в этом деле довольно примечательна, ибо, хоть они и присоединились к Ги в 1189 г., но и от Конрада они получили самые щедрые пожалования; и Эракл обвиняет легата Убальдо в том, что он поддержал Конрада в деле о разводе, потому что тот сам был пизанцем, и что его соотечественники, которые привезли Конрада в Тир и оказали ему поддержку, «рассчитывали получить самые великие вольности и дары в королевстве Иерусалимском, если маркграфу удастся немного продержаться». Итак, считалось, что Конрад действовал заодно с пизанцами: разве не были события февраля 1192 г. прежде всего конфликтом между пизанцами и генуэзцами, воюющими с 1187 г.?

³ R. R., 683, 690, 692, 696, 697, 702, 703 и т. д. Королевским канцлером был Пьер, архидьякон Лидды (1186 г.), затем Триполи (1189 г.).

дство крестовым походом: все единодушно высказались за Конрада. Понятно, что в его лице рассчитывали найти более энергичного предводителя, ловкого политика, пользовавшегося поддержкой влиятельных баронов Святой Земли, чем Ги, который, по выражению Амбруаза, «прослыл неудачником». Король Англии тотчас же согласился с мнением ассамблеи и послал в Тир своего племянника Генриха Шампанского, чтобы пригласить Конрада прибыть к армии: «избранный король Иерусалима» собирался выступить в поход, когда был убит одним исмаилитом (28 апреля 1192 г.) (без сомнения, посланным «Старцем Горы», корабль которого Конрад приказал потопить и разграбить, сославшись на право кораблекрушения)¹.

Еще раз отказавшись вернуть корону Ги, франки, собравшиеся в Тире, решили, не мешкая, вновь выдать замуж королеву Изабеллу, которая в тот момент готовилась родить от Конрада дочь Марию. Выбранный на роль ее мужа Генрих Шампанский испросил согласия короля Ричарда, который посоветовал племяннику занять трон, но не жениться на Изабелле. Подобный выход был нереальным, и 5 мая 1193 г., Генрих Шампанский отпраздновал свою свадьбу с королевой Иерусалимской. Но остались проблемы, связанные с тем, что Онфруа Торонский был еще жив (он служил Ричарду посредником во всех его переговорах, так как знал арабский): Ричард не зря предупредил своего племянника Генриха о незаконности развода Изабеллы и Онфруа. Действительно, две дочери, которые родились от брака Генриха и Изабеллы, Алиса и Филиппа, принесут своим мужьям в приданое право претендовать на владение Святой Землей и Шампанью, но из-за незаконности своего рождения не смогут достичь желаемого. Одна из них, Филиппа, неоднократно и в течение многих лет нарушала спокойствие на Западе: ее муж, Эрар де Бриенн, потребовал себе графство Шампанское, что стало причиной нескончаемых смут и заставило папство еще раз напомнить о событиях, произошедших в 1190—1192 гг. вокруг Иерусалимского трона².

В конце концов счастье улыбнулось и королю Ги: в то время как трон уплывал из его рук, тамплиеры, получив от Ричарда Львиное Сердце Кипр, столкнулись на острове с восстанием и подавили его ценой огромных усилий. Тогда они продали в мае 1192 г. остров низложенному королю Иерусалимскому. Ги сохранил свой титул, поскольку Генрих, именовавшийся просто «сеньором Иерусалимского королевства», мог короноваться только после смерти Лузиньяна. Ги пригласил в свои новые владения своих сторонников из числа преданных ему «пуленов», таких как сеньора Бейсана Ренье Джебайлского и пуатевинцев, пользовавшихся его расположением, Рено Барле (де Монтрей-

¹ По свидетельству поэта Пьера д'Эболи, короля Ричарда стали тут же обвинять в этом убийстве.

² R. R., 860, 867, 880.

Беллей), Говена де Шенеше, Риве, маршала Гуго Мартена и его племянников, Фулька д'Ивера и Лорана дю Плесси (предки кипрских сеньоров дю Морф, вероятно, принадлежавшие к семье, из которой происходил кардинал Арман дю Плесси де Ришелье)¹. Так, после шести лет смут (1186—1192 гг.) закончилась борьба Конрада I и Ги де Лузиньяна, которая косвенно послужила созданию на Востоке второго латинского королевства. Но в Сирии эта борьба стала причиной ослабления королевской власти: бароны никогда не забудут, как они заставили не понравившегося им короля оставить трон.

III ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД (1192—1204 гг.)

По договору, заключенному с Саладином в 1192 г., латинскому королевству предоставлялось перемирие на три года и три месяца, гарантировавшее франкам период затишья до декабря 1195 г. На самом же деле, за 99 лет, которые протекли до падения последних латинских колоний Сирии (1192—1291 гг.), это перемирие без конца продлевалось с мусульманскими государями. За первый период существования Иерусалимского королевства также часто заключались перемирия²: между королями Иерусалима и правителями Дамаска, которые, с одной стороны, беспокоились за урожай, а с другой — не желали прерывать торговый путь, приносящий прибыль их подданным; наконец, в силу политической необходимости уже возникли необычайно интересные условия международного права — были обозначены зоны, где караваны проходили свободно даже во времена войны (Ибн Джубайр рассказывает о запрещении нападать на торговцев на дороге Бейт-Джин в Тороне), осуществлялся раздел урожая в некоторых районах, и т. д. ... Но в XIII в. постоянная угроза, нависавшая над королевством во время Балдуинов, исчезла. За период почти в столетие, восемьдесят лет мира (1192—1197, 1198—1204, 1204—1210, 1211—1217, 1221—1239, 1241—1244, 1254 или 1256—1263, 1272—1290 гг.) почти полностью устранили напряжение во франко-мусульманских отношениях. Торговые интересы, которые связывали итальянские конторы побережья и мусульманские базары на

¹ В «Линьяжах» среди этих баронов еще упоминается пуатевинец Массе де Горель. См.: Michaud. Poitou et les Croisades // Positions des Theses... de l'École des Chartes, 1944, P. 119—120. — L. de Mas-Latrie. (L'île de Chypre. Paris, 1879) оспорил родство Плесси французских и кипрских. (P. 380—381).

² Мы писали в нашем «Графстве Триполи», стр. 24: «военные действия между франками и мусульманами не велись постоянно, за исключением начала XII в.; мы скажем даже, что нормальным состоянием для обеих сторон было перемирие».

внутренних территориях, оттеснили на второй план религиозный антагонизм, о котором время от времени напоминали крестовые походы. Еще сильнее, чем в XII в., ожесточилось противостояние между образом мыслей «пулена» и «крестоносца»¹, и мгновенные вспышки военного насилия покажутся странными не только мусульманам, но и самим франкам Сирии.

Из-за этого политика государей второго королевства Иерусалимского примет новый оборот: это королевство, не имевшее прежней территориальной основы, не могло, как некогда, ввязываться в войну с сарацинскими государствами, не заручившись союзниками из числа тех же мусульман, или без поддержки мощных крестовых походов. Дипломатия сменила оружие, и хотя в королевстве не забывали о конечной цели — восстановлении Иерусалимского государства во всей его целостности, теперь главной задачей стало не нарушить тщательно устроенное равновесие сил, которое позволяло франкам удерживаться на побережье. Видно, как Иерусалимские короли будут сдерживать ярость только что прибывших крестоносцев, мешать им прямо провоцировать мусульман из страха, что после их отбытия вся тяжесть неравной борьбы падет на их плечи. Напротив, они старались получать все сведения о внутренней ситуации в мусульманской Сирии и подгадывать удобный момент, чтобы добиться значительных уступок у сарацинских правителей.

Внутреннее положение Сирии позволяло им вести столь деликатную игру. Саладин создал единую империю — вот почему мусульманские историки нарекли его султаном, хотя на самом деле он никогда не носил этот титул. Однако после его смерти (1193 г.) его родственники поделили его наследство: его сыновья Аль-Афдаль, правитель Дамаска (1193—1196 г.), Аль-Азиз, правитель Египта (1193—1198 г.), Аз-Захир, правитель Алеппо (1193—1216 г.), его братья Аль-Адиль, правитель Трансиордании (Крак и Монреаль, вновь ставшие Кераком и Шауваком², плюс Ахамат, ставший Амманом), Тюгтекин, правитель Йемена (1182—1196 г.), его внучатые племянники Бахрам-шах, эмир Баальбека (1182—1230 г.) и Аль-Мансур, правитель Хамы (1191—1220 г.), наконец, внук его двоюродного брата Ширкух, правитель Хомса (1186—1240 г.), вновь воссоздали карту Сирии, какой она была до Зенги, в еще более раздробленном виде. Прибавим ортокидских эмиров Джебзиреха и Великой Армении, Зенгидов, правителей Мосула и Синжара, ассасинов Ливана и представим себе, сколько фигур было в распоряжении Иерусалимских

¹ Свидетельство этого непонимания предоставляет Иоанн Вюрцбургский, который в 1160—1170 гг. удивлялся апатии сирийских франков: «Если бы здесь было столько немцев, сколько франков, — писал он, — королевство давно бы поглотило бы Дамаск и Нил!» (Rohricht. Die Deutschen im Nl. Lande. Innsbruck, 1894, p. 51).

² В одной хартии 1115 г., выпущенной Балдуином I в то время как он строил замок, который получит имя Монреаль, это место названо «Saboach» (R. R., add., 81a).

королей на шахматной доске в 1193 г. Ведь, естественно, между наследниками великого султана тут же начались раздоры: особенно его брат Аль-Адиль, будучи самым ловким из этих эпигонов, сумел мало-помалу, ведя искусную интригу с своими племянниками, превратить свое княжество в Трансиордании и Аравийской Петре в султанат; устранив сына Аль-Азиза, Аль-Мансура, правителя Египта, он принял титул султана, который носил с 1199 до 1218 гг.

Его восхождение не обошлось без столкновений, войн между его племянниками, в которых он выступал в качестве арбитра, их же восстаний против его власти; но на протяжении этих первых лет Эйюбидской династии спаянность их семьи кое-как поддерживалась: пока еще мусульманские государи не призывали франков, чтобы помочь им против родных и двоюродных братьев. В схватке с ними Иерусалимское королевство, прежде всего, стремилось удержаться: возглавлявшие его Генрих Шампанский (1192 — 5 сентября 1197 гг.) и Амори II (1197 — 1 апреля 1205 гг.), один за другим правившие как мужья королевы Изабеллы I, проводили единую политику. Они начали с того, что соблюдали перемирие, заключенное с Саладином, не только до декабря 1195 г, но и дальше, до 1197 г, вопреки провокациям в форме разбоя со стороны некоторых мусульман, таких как эмир Бейрута, который направлял своих пиратов грабить на морском пути между Акрой и армянской и франкской Северной Сирией. Генрих Шампанский удовлетворялся лишь дипломатическим протестом, ожидая того момента, когда новый крестовый поход позволит ему перейти к более активным действиям.

А крестоносцы уже готовились отправиться в путь: германская экспедиция, распавшаяся после гибели Фридриха Барбароссы, вновь планировалась под руководством его сына Генриха VI Гогенштауфена, которому его женитьба на Констанции, дочери Вильгельма II Сицилийского только что разрешила занять старое итало-норманнское королевство, которым до этого незаконно владели два узурпатора, граф Танкред Лечче и Вильгельм III (1194 г.). По наследству от Вильгельма II ему также достались мечты об экспансии на Балканы, о чем правители Неаполя и Тарента, от Роберта Гвискара до Карла Анжуйского и Владислава Венгерского, никогда не забывали: так, в 1185 г. итало-норманнские солдаты захватили и разграбили Салоники. Теперь же, когда Генрих — император, король Германии и Арля, юридически сюзерен всего христианского мира — заполучил сицилийскую корону, он решил вернуться к проекту, который в свое время лелеяли Конрад III в 1148 г. и Фридрих Барбаросса в 1190 г. — уничтожить своего соперника, «римского» императора, правившего в Византии — германцы звали его «королем греков». Кроме того, в Византийской империи в царствование Мануила Комнина возник схожий план: как некогда Юстиниан и Константин IV, Мануил вновь вспомнил о правах, унаследованных от его далеких предков, римских цезарей, на Италию, и всячески подстрекал в Ломбардии мятежи против Фридриха. Воспоминания об этом были еще

свежи для Генриха VI, и желание избавиться от потенциального соперника в Италии прекрасно сочеталось с его мечтами об «империалистской» экспансии.

Подчинив себе новое королевство в Италии, Генрих собрал в Бари имперский рейхстаг и принял на нем крест (31 мая 1195 г.). Крестовый поход начался: но на этот раз ему не грозила опасность сгинуть в анатолийских степях — великолепный флот Сицилии предоставлял все средства, чтобы без труда отправиться в путь по морю. Во время «переправы» в 1197 г. авангард германского крестового похода без затруднений добрался до Сирии во главе с имперским канцлером, Конрадом, архиепископом Майнца, герцогом Брабанта Генрихом и графом Голштинским. Император отложил свой отъезд: но ему не суждено было присоединиться к своим людям, ибо он скончался 28 сентября 1197 г. Однако его бароны повели себя так, как если бы он находился с ними, обращаясь с сирийским корольком как с ничтожеством, и открыто попирали права «франков». Они атаковали мусульман, даже не предупредив «сеньора Иерусалима». Тогда султан Дамаска, которым в то время был осторожный и предусмотрительный Аль-Адиль, призвал под свои знамена соседних князей и двинулся с 60 000 сарацин навстречу германцам, угрожая взять их в кольцо. При виде «обескураженных» (слово принадлежит Эраклю) германцев Генрих Шампанский, которого подталкивал или даже усостил Гуго Тивериадский, принял на себя командование, созвал арьер-бан — благо дело происходило неподалеку от Акры — и армия, укрывшись позади этих пехотинцев, вынудила врага отступить.

Однако Аль-Адиль направился к Яффе, охрану которой Амори де Лузиньян доверил Рено Барле, одному из своих кипрских баронов¹. Сирийские историки обвиняли Рено в поразительной беспечности, однако не следует забывать, что начавшаяся позднее борьба между Ибеленами и Барле могла оказать свое влияние на их взгляды. Согласно этим писателям, Рено позволил блокировать себя в Яффе с маленьким гарнизоном и осознал, что этого недостаточно для защиты, когда уже было слишком поздно. Напротив, Арнольд Любекский обвиняет защитников Яффы — в рядах которых находился крупный германский отряд — в крайнем безрассудстве: якобы они бросились отражать нападение мусульман, когда те еще не подошли к городу, но измена итальянцев и англичан (возможно, речь идет о итало-норманнах, совсем недавно попавших в подданство империи Гогенштауфена) позволила атакующим проникнуть в нижний город и перебить там всех попавших в плен германцев. В любом случае

¹ Рено Барле, пуатевинец, осевший на Кипре, женился на Изабелле де Бейсан, дочери Филиппа Рыжего (родственника Амори I, владевшего фьсфами в Галилее) и Стефании, которая сама была дочерью Гормонда де Бейсана и Агнессы де Джебайл-Мильи. Изабелле, которая имела в браке с Рено сына, Амори Барле, предстояло во второй раз выйти замуж за сеньора из графства Триполи, Бертрана Порселе.

Генрих Шампанский высылал вспомогательную армию и флот к Яффе, когда, выпав из окна, он разбился насмерть (10 сентября 1197 г.). В то же время Аль-Адиль захватил Яффаскую цитадель.

Тогда пустующий трон отдали Амори де Лузиньяну, который в 1194 г., после смерти Ги, стал сеньором Кипра и только что получил корону от посланцев Генриха VI. Амори II тотчас же начал кампанию против пиратского гнезда в Бейруте. Аль-Адиль повелел снести город, но затем отменил свой приказ: поэтому крепостные стены, частично разрушенные, не являлись более преградой. Кроме того, в то время как эмир Бейрута направился со всеми своими людьми навстречу крестоносцам (которые только что нанесли серьезное поражение правителю Дамаска), христианские рабы, заключенные в цитадели, завладели ею, и эмиру пришлось бежать (23 октября 1197 г.). Амори присоединил к своему королевству фьеф Бейрут (который он уступил сыну Бальана д'Ибелен и Марии Комниной, Жану д'Ибелену), как подарок к своему радостному восшествию на престол.

Но под стенами Бейрута германцы узнали о смерти Генриха VI; эта весть вызвала полную растерянность: кому достанется корона? Не лучше ли принять сторону того, кто будет первым? А фьефы крестоносцев; несмотря на их привилегии, не будут ли узурпированы во время смут и беспорядков, которые могут начаться? Но князьям удалось навести порядок в толпе, приказав принести клятву верности сыну покойного императора, Фридриху II. Они объяснили, что было бы глупо прекращать крестовый поход: войско Эйюбидов, разбитое под Бейрутом, было неспособно оказать сопротивление. Решили перейти к методичному завоеванию внутренних территорий, которое должно было увенчаться захватом Иерусалима; а чтобы устранить опасность, возникшую при завоевании земель без заселения, решили поселить на отбитых землях большое число рыцарей и паломников. Это предложение должно было соблазнить крестоносцев, к тому же утихомиранных благодаря клятве верности¹.

Христиане двинулись к Торону, первому укреплению во внутренних землях, падение которого, как рассчитывали, должно было повлечь за собой сдачу двух других замков (Бофора и, без сомнения, Сафета или Шатонефа) и одновременно обеспечить безопасность окрестностям Тира, находившегося на расстоянии одного дня пути от Торона. Гарнизон предложил сдаться, но переговоры затянулись и в конце концов провалились. Произошло ли это потому, что решение было отложено из-за болезни архиепископа Конрада? Или причиной было то, что вопреки «пуленам», готовым отпустить гарнизон со всем имуществом, немцы, уже пробившие брешь в стене, не захотели отказаться от добычи, на которую надеялись? Р. Груссе довольно убедительно показал, что сирийские франки приложили все свои усилия, дабы помешать штурму, повлекшему бы за

¹ Arnold, p. 204–206.

собой бойню, которая превратила бы франко-мусульманские отношения в бесконечную войну, чья тяжесть легла бы на них одних. Кроме того, вести с Запада становились все более тревожными: права юного Фридриха II были попораны, и Филипп Швабский оспорил корону у Оттона Брауншвейгского. Немецкие князья тайно покинули осаду и вернулись в Тир. Узнав об этом, а также о приближении огромного мусульманского войска, вся армия в беспорядке бросилась им вслед. Тогда и франки Сирии сняли осаду, которая продолжалась с 28 ноября 1197 г. по 2 февраля 1198 г., и, в свою очередь, вернулись к побережью.

Таким образом германский крестовый поход привел к потере Яффы и возвращению Бейрута. Если из-за него Амори получил корону Кипра, а возможно, и Иерусалима, поскольку немцы, кажется, поддержали его права, то клятва верности, которую он должен был принести Фридриху, едва не обернулась для него тяжелым подданством. Бейрут был возвращен ему лично тем самым «плотником», который захватил цитадель: если бы не этот шаг, то возможно, что Амори и немцам пришлось бы оспаривать друг у друга владение городом. До этого момента Иерусалим не входил в орбиту империи: короли Сирии были вассалами римской Церкви, а их подданные по большей части принадлежали к семьям, на протяжении поколений подчинявшимся королям из династии Капетингов или Плантагенетов; в правление же Балдуина III, Амори I и Балдуина IV Иерусалимские короли выставляли себя верными вассалами Византийского императора. Даже во время крестового похода Конрада III в 1148 г. и речи не было о хотя бы видимом подчинения германскому императору, который мнил себя государем всего христианского мира. Потому то высокомерие немцев и претензии канцлера Конрада раздражали сирийцев: отбытие крестоносцев должно было вызвать у Амори II (которого немецкие рыцари хотели убить) и его вассалов вздох облегчения. Вдобавок проект герцога Бранбургского о колонизации старого королевства, который грозил обратить в прах права, реально существовавшие до 1187 г., должно было вызвать возмущение «франков», даже если никто из них и не «саботировал» крестовый поход под стенами Торона — такого рода соперничество уже привело к провалу крестового похода 1148 г., когда начались споры из-за Дамаска, а затем экспедиции Тьерри Эльзасского, во время которого возникли распри из-за владения уже фактически завоеванным Шейзаром. Это беспокойство и зависть оказали свое влияние на все крепнувшее убеждение «пуленов» (что уже было видно в 1191—1192 гг.), что крестовый поход не может увенчаться успехом в Сирии, среди скрытых укреплений, где нельзя было продержаться, как это показало завершение осады Иерусалима, без обеспеченных линий коммуникаций и ввиду постоянной угрозы со стороны стремительно перегруппирующихся эйюбидских армий.

Но в то же время уход немцев оставлял франков один на один с мусульманской коалицией: Амори II постарался свернуть крестовый поход как мож-

но раньше. К счастью, Аль-Адиль и его племянники были полностью поглощены междоусобной борьбой и тут же согласились на мир, который просил у них Иерусалимский король. По условиям перемирия, заключенного 1 июля 1198 г., после десяти месяцев военных действий, Яффа оставалась у правителя Дамаска, а Бейрут — у франков. Тогда же папа, осознав неудачу германского крестового похода, решил направить на Восток другую экспедицию, пожелав подготовить ее еще с особенной заботой — об этом свидетельствует отчет, который он потребовал от Иерусалимского патриарха и дошедший до нас в энциклопедии Винсента де Бове, о могуществе мусульманских государей. Папа отдавал себе отчет в всесторонне шатком положении Святой Земли: если в XII в. ей удавалось существовать в основном благодаря своим собственным усилиям, то в следующем столетии она напоминала постоянную попрошайку. Торговые города без посевных площадей, опасности, подстерегающие на дороге, угроза голода: такова была картина, которую представляло собой старое королевство Иерусалима. В 1199 г. Иннокентий III, узнав, что королевству не хватает продовольственных запасов (германский крестовый поход повредил как сельскохозяйственным работам, так и торговле с мусульманами), приказал построить корабль, нагрузил его за свой счет зерном и поручил одному тамплиеру и одному госпитальеру доставить груз, чтобы снабдить провиантом Святую Землю¹. Также, когда в 1202 г. умер патриарх Эймар, папа послал двух легатов управлять Иерусалимским патриархатом и установить мир между пизанцами и генуэзцами, которые своими постоянными распрями смущали спокойствие в уцелевшей части королевства.

Эта постоянная забота в то же время ощущалась и на Западе: известно, при каких обстоятельствах четвертый крестовый поход проповедовали во Франции, где проповеднику Фульку из Нейи удалось увлечь рыцарство северных областей, собравшееся на турнире, к цели куда более возвышенной, чем эти состязания, которые церковь осуждала. Поэтому, в то время как последний сын Вильгельма IV, Бонифаций, принял крест в Италии, Людовик, граф Блуаский, Балдуин де Эно, совсем недавно ставший графом Фландрии, Тибо, граф Шампанский, графы Першский, Монфор и Сен-Поль сделали то же самое во Франции. Фульк из Нейи также собрал значительную сумму денег, чтобы профинансировать крестовый поход: эти богатства были оставлены на хранение в монастыре Сито, откуда Фульк рассчитывал переправить их в Святую Землю. Но он скончался, и сами цистерцианские монахи взяли на себя труд отвезти эту казну в Акру. «И скажу вам, — говорит Эрнуль, — что эти деньги, отправленные в Заморскую Землю, подспели как нельзя более вовремя.., ибо там случилось землетрясение, и от этого обрушились

¹ R. R., 760. Латеранский собор (1198 г.) учредил субсидию для Святой Земли.

(крепостные) стены в Тире, Бейруте и Акре, и их восстановили в счет львиной доли этой казны».¹

Но если деньги отправились в Сирию, то крестоносцы двинулись иной дорогой. Бароны решили не высаживаться прямо в этой стране: вновь бесцельно метаться, как во времена третьего крестового похода и германской экспедиции, топтаться перед мелкой крепостью вроде Торона, отступая каждый раз, когда соберется мусульманская армия, маршировать на Иерусалим с риском потерпеть поражение под его стенами — все это показалось предводителям бесполезным изматыванием сил Запада. Поэтому они решили обратиться к проекту Ричарда Львиное Сердце — завоеванию Египта, который был вотчиной Аль-Адила, верховного вождя мусульман Сирии. Таким образом, решили атаковать его у себя дома, и если не захватить навечно Вавилон или Александрию, то, по крайней мере, заполучить залог, который затем обменять на прежнюю территорию Иерусалимского королевства². План был хорош, но вот куда менее удачным был выбор флота Венеции, связанной общими интересами с султаном и владеющей торговыми кварталами в Египте, в качестве средства для переправы, и предводителя похода (Тибо Шампанский только что умер) в лице Бонифация Монферратского, родственника Филиппа Швабского, который тогда оспаривал империю у Оттона Брауншвейгского, поддерживаемого папой³. Крестоносцы, оказавшиеся в меньшем, чем ожидалось, числе, не смогли заплатить за перевоз венецианцам, которые, в качестве возмещения, вынудили их отнять Задар у венгерского короля. Затем Филипп Швабский и Бонифаций повернули крестоносцев против Византии, заверив их, как и прежде, что речь идет о небольшой задержке: требовалось восстановить на троне Василевса Исаака Ангела, известного своей дружбой с братом Бонифация, Конрадом, который помог ему в борьбе против Андроника Комнина, убийцы Ренье Монферратского. Исполнив роль политического орудия в руках немцев, крестоносцы вышли из себя, не получив обещанную греческим императором плату за их помощь. Когда же в Константинополе вспыхнул антилатинский мятеж против Исаака, франки и венецианцы захватили город и начали завоевание Византийской империи (1202—1204 гг.)

В течение всего этого времени в Сирии ждали прибытия крестоносцев. Венецианцев даже обвиняли в том, что султан подкупил их, дабы отклонить

¹ Ernoul, P. 337—388; Макриси (R. O. L., Ix, P. 133), также упоминает об этом землетрясении, которое можно было почувствовать до Сидона; Villehardouin, ed. Buchon, P. 20.

² Villehardouin, P. 96: «И знайте, что Заморская Земля будет отвоевана не иначе как через вавилонскую землю или Грецию, если вообще будет когда-нибудь отвоевана».

³ Филипп Швабский был женат на Ирине, дочери императора Византии Исаака Ангела.

крестовый поход от его цели. Прибыли всего лишь малочисленные отряды. То были фламандцы, чья эскадра проплыла через Гибралтар, бургундцы и провансальцы во главе с епископом Отенским, Гигом де Форезом и Бермоном д'Андузом, отчалившие из Марселя, и наконец те, кто отмежевался от крестоносцев, отклонившихся от основного маршрута, в Венеции или Задаре — граф Першский, Ротру де Монфор и Ив де Лаваль, предпринявшие «переправу» в Сирию весной 1203 г.¹ Но несколько сотен этих рыцарей мало чем могли помочь Святой Земле. Поэтому Амори II отказался порвать перемирие прежде, в надежде на прибытие более мощного войска, несмотря на настояние Ренара де Дампьера. Этот крестоносец, жаждавший сражений, отправился в Антиохию: во время его пребывания в Джабале некий мусульманский эмир пытался его отговорить от прорыва через эйюбидский анклав в Латтакие с его восьмьюдесятью рыцарями. Самонадеянный, как все франки Западной Европы, Рено пренебрег предупреждением, и его отряд погиб.

Однако мусульмане заволновались, несмотря на изменение маршрута крестоносцами: отклонение в сторону Константинополя могло быть временным. Макризи писал: «Франки со всех сторон стекаются в Акру с намерением захватить Иерусалим. Аль-Адиль выступил из Дамаска и написал прочим (мусульманским) князьям, прося помощи. Он разбил лагерь возле башни (Мон Фавор), местности неподалеку от Акры. Армия франков располагалась в долине Акры; они совершили нападение на Кафр-Кенну, взяли в плен всех, кто там находился, и разорили эти место»². Франкские авторы нам объясняют, что, как и в 1197 г., речь шла о карательной экспедиции против мусульманского эмира в области Сидона, который натравливал пиратов на христианские суда. Этот набег в Галилею, завершившийся грабежом «Казаль-Робера», должен был обозначать разрыв перемирия, как и ответный набег мусульман на пригород Акры. На море франки и мусульмане наперебой занимались пиратством, и франкский флот даже разграбил в Дельте египетский город Фуву (20—25 мая 1204 г.). Более крупные операции разворачивались на севере графства Триполи, но враждебные действия так и не вылились за границу локальных столкновений.

Поэтому мир был без затруднений восстановлен в сентябре 1204 г.: Аль-Адиль отказался от своих завоеваний в 1197 г., вернув Амори II Яффу и поделив с франками Лидду и Рамлу, полностью захваченные мусульманами пятью годами раньше. Без сомнения, султан опасался, что завоевание Византийской империи — тогда полагали, что она в ближайшем времени целиком попадет в

¹ Симон де Монфор и аббат Во-де-Серней под Задаром перешли на службу к королю Венгии. Готье III де Бриенн (брат будущего короля Иоанна), Готье де Монбельяр, Эсташ де Кубланк и Робер де Жуанвиль отправились воевать в Сицилию: Готье III был зятем Танкреда Леккского и хотел добиться признания своих прав на Апулию.

² Maqrizi, R. O. L., IX, p. 133.

руки франков — сможет обеспечить этим последним поддержку, которую они ранее получали от Мануила Комнина. Вот почему он предложил франкам перемирие на шесть лет (сентябрь 1204 — сентябрь 1210 г.) в надежде выиграть время. Возможно, что он даже уступил половину территории Сидона, который ему принадлежал — потому исчезла опасность со стороны пиратов — и город, или часть города Назарета. Франкская сторона также выгадала от этого перемирия: вняв зову нового императора Константинополя Балдуина де Эно, большое число франков предпочло своему шаткому существованию в Сирии поселение — которому суждено было оказаться недолговечным — в Латинской империи Константинополя. Свыше сотни рыцарей и десяти тысяч поселенцев (колонистов) — если верить Эрнулю — покинули Святую Землю. Этот исход начался в начале 1205 г.: «В это время произошел великий исход из земли Сирии... Из земли Сирии ушли Гуго Тивериадский, его брат Рауль и Тьерри де Термонд¹ и много людей этой страны, рыцарей, туркополов и сержантов». Даже клирики присоединялись к дезертирам: епископ Петр Вифлеемский сгинул в той самой проигранной битве, где попал в плен император Балдуин, и Иннокентий III сурово бранил двух своих легатов, без сомнения покинувших Святую Землю вместе с «великим исходом», бросив Сирию в то же время, что и пилигримы, и местные жители. Папа даже объявил, что из-за этого происшествия «мы не можем более оборонять от набегов мусульман побережье, которое еще находится под властью христиан, и из-за недостатка людей у нас едва хватает сил, чтобы защитить королевство Кипрское»².

Таким образом, четвертый крестовый поход, даже если ловкий Амори II и извлек из него большую пользу для королевства, увеличив его территорию, все равно скорее ослабил франкские колонии в Сирии. Конечно, в Святой Земле появилось несколько новоприбывших, которые остались там на постоянное жительство, как Готье де Монбельяр, женившийся при своем приезде на старшей дочери Амори II, Бургони, и немецкий граф Бертольд фон Катценельнбоген, вместе со своими товарищами (Эрихом Германцем и прочими) покинувший Латинскую империю, чтобы выполнить свой обет пилигрима, побывавший про-

¹ Оба брата Тивериадские (или де Сент-Омер) и Тьерри де Термонд без всякого сомнения отправились в Константинополь в надежде встретить добрый прием со стороны фландрского императора. Действительно, Тьерри стал коннетаблем империи (он умер 31 января 1206 г.). Он оставил в Святой Земле (куда прибыл во время третьего крестового похода и где женился на Агнессе, дочери Адама д'Аделона) своего сына Даниэля, у которого в браке с Агнессой де Франле родилась дочь Елизавета. Елизавета принесла в приданое своему супругу Гуго Германцу (скончался перед 1241 г.) сеньорию Аделон. Эта маленькая сеньория, подвассальная Сидону, затем досталась Пьеру II д'Аваллону (примерно до 1256 г.). См.: Lois, II, 455, 469, исправить по данным R. R., Add., 1098b. — Eracles, P. 278; Villehardouin, P. 124.

² Тексты собраны Р. Груссе (III, P. 173, 177).

ездом в Антиохии и осевший на долгие годы в Сирии. Правда, хотя возникновение Латинской империи опасно разделило силы христиан на Востоке, поскольку Константинополь поглощал часть субсидий, предназначенных для Святой Земли, притягивал к себе солдат, которые могли бы прибыть в Сирию, наконец доставил папству дополнительные проблемы, то часть этой империи — самая устойчивая — сыграла в отношении «королевства Иерусалима» ту же роль, что и Кипр, пусть и чуть менее значимую. Морейское княжество с его великолепным шампанским и бургундским рыцарством в какой-то мере стало резервным плацдармом, откуда подкрепления, благодаря небольшому расстоянию, отделявшему его от Сирии, могли подоспеть в эту страну: например, в крестовом походе 1248 г. под предводительством Людовика Святого участвовал большой отряд знати из Ахайи.

Тем не менее четвертый крестовый поход ознаменовал конец колоссального усилия, предпринятому Западом после падения Иерусалима. В Германии, поглощенной гражданскими войнами, временно потеряли всякий интерес к Востоку; в Испании последнее нашествие мусульман провалилось при Лас Навас де Толоса; во Франции начавшийся крестовый поход против альбигойцев надолго поглотил силы феодалов — участие французов в пятом крестовом походе действительно было весьма ограниченным — и отдельные отряды из будущих экспедиций мало-помалу прибывали к Константинополю, который привлекал многих итальянцев. Наконец, четырнадцать лет крестового похода (1189/90—1204 гг.) породили на Западе своего рода утомление, тем более что результаты — отвоевание нескольких портов и пропуск для паломников — не оправдывали подобного напряжения сил. Оказалось, что походы в Палестину, перед лицом еще крепкой Эйюбидской империи, сильно страдавшие из-за мусульманской тактики «выжженной земли», не могли довести свое дело до конца. Даже сами «сирийцы», удовлетворившись возвращением самой богатой части своих прежних владений, начинали задумываться о длительном мире: идея о прекращении священной войны имела среди них сторонников. В любом случае, ничего нельзя было поделать без подкреплений, и только благодаря необычайной ловкости Амори II, сумевшего распознать усталость Запада, великий завоевательный поход крестоносцев завершился подписанием выгодного мира.

IV

ОБОРОНА СВЯТОЙ ЗЕМЛИ (1204—1217 гг.) И ЭКСПЕДИЦИЯ В ЕГИПЕТ (1218—1221 гг.)

Ко времени кончины Амори II (1 апреля 1205 г.) «королевство Иерусалима» весьма отдаленно напоминало то государство, которое предстало перед его глазами, когда он, будучи юным пуатевинским рыцарем, поступил на службу к

своему тезке Амори I. Северной границей теперь стала западная часть Бейрутской сеньории. Земли вокруг Сидона, Шуфа, Бельхакама, грота Тирона и Бофора оказались во власти мусульман. Сам Сидон, разоренный в 1197 г., ставший совместным франко-Эйюбидским владением, обезлюдел; в Сарепте находилась резиденция франкского сеньора Бальана (а также и епископа¹), который владел Аделоном, расположенным дальше к югу. Тир граничил с мусульманским кастелянством Тороном; если Сканделион еще находился на франкской территории, то Шато-дю-Руа высился на пограничном рубеже... Даже регион Акры не принадлежал полностью латинянам. Наконец, наименее стабильными являлись земли между Акрой и Яффой. В сеньории Хайфы только сам город являлся укрепленным центром, тогда как в сеньории Кеймона его вообще не было. Цезарея, разрушенная в 1191 г., более не представляла собой опорного пункта, и почти все прежнее Цезарейское графство, вместе с Како и Калансоном, теперь пребывало в руках сарацин. К югу от франкского города Арсуфа регион Яффы был более пространним, поскольку в окрестностях этого города, подвластных латинянам, возвышались первые крепости, располагавшиеся вдоль дороги паломников и находившиеся в совместном владении франков и мусульман. Но от Ибелена Филистия вновь принадлежала мусульманам.

Эти клочки земли, протянувшиеся на «пути вдоль моря» (который перестал быть безопасным, особенно поблизости от Цезареи)², было все, что еще оставалось под властью христиан в Святой Земле. Только по соседству с Тиром, Яффой, особенно Акрой и Хайфой еще можно было найти относительно протяженные христианские земли. В реальности же королевство состояло из крепостей (уже лишь отдаленно напоминавших ту колоссальную фортификационную сеть, которую возвели первые Иерусалимские короли) и их ближайших пригородов, которые были особенно уязвимы, поскольку в двух часах верховой езды от них находились мусульманские земли. Когда-то латиняне контролировали дорогу из Дамаска в Каир и Мекку, теперь же им самим в любой момент угрожала опасность остаться без коммуникаций, которые мог перерезать любой набег из вражеских крепостей, расположенных поблизости. Если в прежние времена они взимали пошлину с караванов мусульманских паломников, направлявшихся по «Дерб аль-Хадж» повидать священные места Ислама, то ныне христианские паломники должны были сами выплачивать дань, чтобы посетить, если не Назарет (по договору 1204 г. им разрешалось проходить туда бесплатно), то, по крайней мере, саму Гробницу Христа — не говоря уже о скорби, которую должны были испытывать латиняне при виде того, что

¹ Будущий патриарх Рауль «был в Сарепте епископом Сидона». — Aubri de Trois-Fontaines// Monum. Germaniae, XXIII, P. 890.

² Registres de Gregoire IX, ed. Auvray, № 4129.

мелькиты заняли их место¹. Им запрещалось входить в Иерусалим иначе, чем через маленькие врата Маладрери (или Св. Лазаря); среди христиан бродили слухи, что некоторым из многочисленных сыновей Саладина были пожалованы во владение дороги паломников в Мекку и Иерусалим: из доклада, направленного Иннокентию III патриархом Эймаром Монахом, известно, что мусульмане каждый год получали со Святого Гроба двадцать или тридцать тысяч безантов². Ситуация с паломничеством, таким образом, напоминала — правда, с определенным улучшением из-за терпимости, которую неверные были вынуждены соблюдать ввиду того, что франки находились от них всего в трех днях пути — положение вещей перед первым крестовым походом. Единственным выходом, чтобы спасти остатки королевства, эти несколько торговых городов без окрестных земель, было, поскольку надежда на крестовый поход слабела с каждым днем, поддерживать перемирие с султаном Маликом-аль-Адилем. К счастью, этот ловкий политик, которому удалось навязать свое главенство всей семье Саладина (даже единственному сыну великого султана, во владении которого осталась лишь вотчина его отца, правителю Алеппо), никоим образом не стремился отбросить франков за море. Третий крестовый поход вновь заставил Восток дрожать перед франкскими рыцарями и их несокрушимой пехотой, и осторожный Эйюбид более всего не хотел спровоцировать высадку на Святой Земле полчищ «закованных в железо» воинов, вызванных на помощь своими сородичами из Леванта. Кроме того, эти левантйские франки уже были ему не опасны и более не мешали развитию мусульманской торговли, представители которой с превеликой охотой вновь зачастили в христианские кварталы. Если на Севере эйюбидские князьки из региона Оронта вели рейдовую войну против графства Триполи и особенно против грозных госпитальеров из Крака-де-Шевалье — Аль-Адилю самому пришлось возглавить крупный поход в эту область в 1207 г., который не имел никакого успеха, то на границе с «Иерусалимским королевством» царило безмятежное спокойствие. В 1204 г. обе стороны поклялись соблюдать перемирие на шесть лет: король Амори II и после его смерти балли королевства Жан д'Ибелен, который осуществлял регентство над наследницей трона (Марией, дочерью Конрада Монферратского, каковая приходилась ему племянницей), заставили баронов и рыцарские ордена не нарушать его.

¹ Макризи (R. O. L., IX, P. 35) утверждает, что император Константинополя просил у Аль-Адила Святой Крест, который Саладин так и не вернул латинянам. Мусульмане якобы постарались добиться, взамен его возвращения, передачи им Джебайла, который был у них отбит его сеньором, во время мирных переговоров с некоторыми эмирами. Крест был в конце концов отдан посланникам византийского императора, но якобы захвачен у тех пизанцами (Muratori, Scriptores, IX, 635).

² Aubri de Trois-Fontaines, P. 906; Rothelin, P. 521.

Когда срок, установленный в 1204 г., истек (сентябрь 1210 г.), лишь один инцидент нарушил отношения между дворами Акры и Каира: франкские пираты захватили мусульманские корабли, и султан, прибыв в Сирию, повел свою армию на пригороды Акры. Жану д'Ибелену удалось убедить его, что эти пираты отплыли с Кипра, а не из портов Иерусалимского королевства. Аль-Адилъ дал себя уговорить, и мир, на мгновение пошатнувшийся, не был расторгнут. Султан горячо жаждал сохранить это перемирие; он послал предложить франкам его возобновить и, в своем стремлении к миру, дошел до того, что пообещал вернуть, в обмен на продление договора, десять деревень из сеньории Акры. Эти выгодные предложения получили в Акре самый благожелательный прием как со стороны светских баронов, так и рыцарских орденов (госпитальеров и тевтонцев). Но «парламент» не учел их мнения. Великий Магистр ордена тамплиеров обратил внимание собравшихся на вновь достигнутое латинянами военное превосходство с дерзостью и заносчивостью, которые уже около пятидесяти лет (в 1165—1170 гг. Иоанн Вюрцбургский выслушивал жалобы по этому поводу) были отличительной чертой «воинства Христова», названного Фридрихом II «надменным орденом тамплиеров». Большинство прелатов встало на его сторону, ибо слишком чувствительно относились к упрекам постоянно поддерживать мир с неверными (тамплиеры, которых их устав обязывал вести священную войну, в большинстве случаев были не согласны оттягивать время). Их мнение одержало верх, хотя еще нельзя было надеяться на прибытие серьезных подкреплений с Запада: автор Эракля называл крестоносцев, высадившихся в 1210—1211 гг., людьми незначительными — граф де Бар-сюр-Сен был среди них самым важным персонажем. Поэтому войне между франкскими колониями и эйюбидским султанатом Египта, простиравшимся от Дамаска до Иерусалима, предстояло стать неравной.

Тем не менее франки начали набеги, но в октябре 1210 г. сын султана Аль-Муззам разграбил предместья Акры, правда, не осмелившись осадить сам город: франков спасло то, что Аль-Адилъ отказался продолжать боевые действия. Тем не менее он приказал построить крепость в самой опасной для франкской Сирии точке, на Мон-Фаворе: таким образом, равнина Эсдрелона (Марж-Акка или «равнина Акры» на языке мусульман) отныне была закрыта для франкских путников. С этого времени Акре беспрестанно грозила опасность, и дорога из Цезареи, самое слабое место в коммуникациях между прибрежными городами, могла оказаться перекрытой первым же налетом мусульман. Латиняне очень ясно осознавали создавшуюся угрозу: в 1213 г. Иннокентий III назвал эту крепость самой опасной из тех, которые грозили Акре.

Франки более не чувствовали себя в безопасности: папа, который внимательно следил за ходом событий, посылал себе отчет о неосмотрительности, с какой была развязана война (в Сирию прибыли всего лишь

несколько рыцарей из области Лангра, скорее чтобы совершить паломничество, чем поучаствовать в крестовом походе, и то они быстро уехали обратно), даже воззвал к царю Грузии, попросив его прийти на помощь королевству Иерусалимскому¹.

Однако новый король, Иоанн де Бриенн, появившийся в Акре в сентябре 1210 г., не сдался. Хотя пребывание эйюбидской армии в Фаворе и не позволяло ему рисковать своими слабыми силами в походе на Галилею, он приказал франкской эскадре провести налет на Египет (как в 1204 г.). В июне 1211 г. предводитель этой экспедиции, Готье де Монбельяр, вошел в Нил и разграбил «притоки Дамьетты». Возможно, что он даже намеревался внезапным наскоком захватить Александрию: Макриси рассказывает, что «три тысячи франкских купцов и торговцев собрались в Александрии; с ними находились два франкских князя», и султану пришлось спешно прибыть в город со своими войсками, пленить купцов и конфисковать их имущество. Не рассчитывал ли Готье на восстание итальянцев, в большом числе устроившихся в своих кварталах в Александрии с тех пор, как брат Саладина обновил и расширил торговые договоры, заключенные с ними еще самим Саладином?²

После этой демонстрации военной силы Иоанн де Бриенн попросил у Аль-Адила, который только появился в Галилее, возобновления перемирия. Еще раз мир воцарился на шесть лет, но прискорбный разрыв мирных отношений — который длился только восемь месяцев (сентябрь 1210 — конец июня 1211 г.) — стоил франкам опустошенной акрской равнины и постройки грозной крепости Фавор, ставшей вечной угрозой для безопасности Sahel. Правда, Иннокентий III счел нестерпимым, чтобы эта сильная крепость возвышалась на той самой горе, где произошло преображение Христа; он прибег к этому доводу в 1213 г., начав подготавливать новый крестовый поход, который должен был состояться по прекращении перемирия, заключенного в 1211 г. Но, в ожидании этого срока, папа попытался завязать переговоры с султаном: многочисленные христиане, попавшие в плен, воззвали к нему из Египта, и патриарх Александрийский подкрепил их мольбу письмом, которое направил к папе. Иннокентий III, который в 1198 г. даровал братьям-тринитариям устав, обязывающий их выкупать пленников, не остался равнодушным в этом зову. Он тотчас же ответил франкским рабам Египта тем, что приказал патриарху Иерусалимскому и христианским князьям Востока собирать деньги, чтобы их выкупить и особенно обменивать мусульманских пленников на своих единоверцев, томящихся в сарацинских тюрьмах. В ожидании этого освобождения он просил рабов не терять надежды и не отрекаться от Христа; чтобы они могли

¹ Patr. Lat., CCXVI, col. 433 — «Illustri regi Avoguiæ» (см.: Michelant et Raynaud, P. 47, на предмет грузинского аббатства в Иерусалиме).

² Maqrizi, R. O. L., IX, P. 150; Eracles, P. 316.

найти утешение в религии, которое приносил им лишь один старый священник, папа просил мелькитского патриарха посвятить одного из рабов в дьяконы (1212 г.). В то же время понтифик направил послание к Аль-Адилю; папа убеждал его, что лишь суетная слава будет ему наградой за Святую Землю, и просил, чтобы он вернул ее латинянам. Однако, прекрасно осознавая положение вещей, Иннокентий III предлагал, по меньшей мере, приступить к обмену пленными. Мы не знаем, что ответил Аль-Адиль: без сомнения, отказ в отношении Святой Земли прикрывался дипломатическими реверансами. Что касается обмена пленными, султан мог воспроизвести свое письмо, которое он отправил в 1183 г., когда был наместником в Египте, к Луцию III. Тогда он обещал вести себя сообразно соглашениям в отношении пленным, заключенным до этого с Александром III... но при условии, что христиане Иерусалима согласятся, со своей стороны, подчинится инструкциям понтифика¹.

После провала этих переговоров, направленных на мирный уход мусульман из Иерусалимского королевства, Иннокентий III решил вновь устроить крестовый поход, практически прерванный в 1204 г. За исключением Франции, где еще не закончился альбигойский поход — хотя он уже во многом утратил свою привлекательность для французов с Севера — условия для него снова стали благоприятными. Больше всего солдат папа рассчитывал набрать в Германии: наконец, в 1215 г. долгий кризис из-за наследства, в ходе которого Иннокентий III боролся с Филиппом Швабским, а затем с Оттоном Брауншвейгским, завершился, и папа имел удовольствие видеть, как «Римским королем» избрали его протеже, юного Фридриха II. Еще не пришло время, когда Фридрих откажется отделить корону Сицилии от короны Германии и вернется к «империалистским» планам Гогенштауфенов, целью которых было не больше не меньше как восстановить во всем христианском мире империю Карла Великого, сведя роль папы — уже давно ставшего главой христианских государств — к функциям простого римского епископа. Иннокентий III, который задумал превратить сына Генриха VI в простого поверенного Церкви (что

¹ R. R., 626; Patr. Lat., CCXIV, с. 444 и CCXVI, с. 509, 831. — Для мусульман освобождение своих пленным было благочестивым делом: Clermont-Ganneau. Sur inscriptions arabe de Bosra relative aux Croisades. Paris (s. d.) (extr. du Journal Asiatique). Именно в это время (1212 г.) произошел крестовый поход детей, который окончился самым плачевным образом: по разным версиям, юные крестоносцы то ли не смогли найти корабли (за исключением двух, которые потонули) по своему приходу в Италию, то ли были проданы мусульманам двумя марсельскими купцами (согласно Обри де Труа-Фонтену, часто склонного верить легендам). По последней версии (Aubri, P. 893), «халиф» — говорили даже, что этот сын Саладина долгие годы учился в Парижском университете — купил всех клириков в память о том времени, когда он сидел на лекциях в одеянии священника. 18 из этих пленным погибли мученической смертью. — Munro. The Children's Crusade // American hist. Review, XIX, 1914, P. 519.

было абсолютно противоположной идеей...), во многом рассчитывал на него при осуществлении крестового похода.

В послании с призывом к сбору, разосланном по всему христианскому миру, папа обращал особое внимание на угрожающее положение, в котором оказалась Святая Земля после постройки крепости Фавор, и напоминал христианам, что тысячи их собратьев томятся в плену: на Латеранском соборе, где присутствовал король Иоанн де Бриенн, маронитский патриарх и представители мелькитского патриарха Александрии, папа провозгласил начало нового крестового похода, к подготовке которого надо было методично приступать (1215 г.). Иннокентий III и соборные отцы запретили, под страхом отлучения от церкви, привозить к сарацинам (в Египет) оружие, железо, дерево для постройки морских судов, продавать им галеры или служить на их галерах и нефях, занимающихся пиратством, лоцманами, также они объявили о полной блокаде Египта на четыре года¹.

Тотчас стало шириться движение в пользу Святой Земли: папа послал своего легата Жака де Витри проповедовать крестовый поход в Сирию, и тот с успехом выполнил свою миссию. В основном германские, австрийские и венгерские области отправили свои отряды, по большей части отчалившие из Спалато (Сплита), крупного венгерского порта на Адриатике — король Венгрии даже отказался от своих прав на Задар в обмен на аренду венецианских судов (у него не хватало транспортных средств, чтобы переправить даже всех венгерских крестоносцев). Саксонцы пустились в дорогу немного раньше остальных; герцоги Австрийский и Меранский, Леопольд и Оттон, последовали за ними; потом отбыл венгерский король Андрей II, передав охрану Спалато в руки тамплиеров, в лице брата Понса, магистра ордена в Венгрии². Баварские крестоносцы также приняли участие в экспедиции, но их необузданное поведение в отношении франков Сирии сделало их мало популярными в Святой Земле.

Армия, собравшаяся под Акрой, состояла из крестоносцев Западной Европы, венгров, немцев, фламандцев, как Готье д'Авень, отрядов киприотов во главе с королем Гуго I, и триполйцев во главе с князем Антиохии и Триполи Боэмундом IV. По примеру большинства предыдущих крестовых походов короли Венгрии и Кипра отказались признать Иоанна де Бриенна предводителем

¹ Mansi, XXII, P. 957, 1066. — По всему христианскому миру ходили слухи, что в этом 1215 г. Аль-Адиль, примирившись со своими племянниками, порвал перемирие на два года ранее означенного срока, перебил пилигримов в Иерусалиме, разграбил окрестности Акры, деревушки и замки, и это стало причиной созыва собора (*Chronica regia Coloniensis in Scriptorum regum germanicarum, ann. 1215*). — Папские легаты повсюду собирали деньги и солдат для крестового похода: интересны *Registri di Ugolino d'Ostia...*, ed. Guido Levi, Roma, 1890 (Юго-Восточная Франция, Северная Италия, Сардиния, в 1221), исследованные мадемуазель Тузелье (*Rev. Hist. Eccl.* 1950, 508).

² Thomas de Spalato в Gombos. *Catalogus fontium historiae hungaricae*, III, P. 2230.

экспедиции: в который раз операциями руководил совет «баронов», и превалирование крестоносцев в этом совете отрицательно сказалось на принятых решениях. После высадки в сентябре, крестовый поход начался в начале ноября 1217 г. крупным выступлением в Галилею. Сын Аль-Адила, Аль-Муаззам, не захотел использовать тактику выжженной земли, за которую ратовал его отец — согласно Макризи, тот резко порицал его за то, что он рассредоточил свою армию по своим владениям в Палестине — потому мусульманским войскам, чьи силы были рассеяны по гарнизонам, пришлось обратиться в бегство. Крестоносцы, минуя Ла Фев, внезапно появились перед Бейсаном, у Иордана, откуда едва бежал Аль-Адил. Город был легко захвачен, разграблен, а его жители толпой уведены в плен. Как и во времена Танкреда, христиане сначала опустошали «Суэцкую землю», а затем осадили Баниас, в то время как Дамаск был охвачен паникой.

Вернувшись в Акру после этого «набега» без ощутимых в будущем результатов, крупная христианская армия (2000 рыцарей и 20 000 пехотинцев) не замедлила вновь отправиться в поход. Но король Венгрии опасно заболел, и его отсутствие сказалось на экспедиции. Войско двинулось на Фавор, возвращение которого папа определил как цель крестового похода. Иоанн де Бриенн отогнал мусульманскую армию, которая прикрывала дорогу к крепости, и христиане энергично приступили к осаде (29 ноября — 7 декабря). Но расположение крепости было неприступным, и все атаки окончились неудачей; к тому же князь Боэмунд IV, пав духом, воспользовался усталостью осаждавшей армии, чтобы заставить совет дать сигнал к снятию осады. Третий поход, осуществленный в направлении долины Литани (Мардж Айюн) представлял собой всего лишь разбойничий налет; один венгерский князь захватил Гезен, но был захвачен врасплох, а его отряд перебит.

Едва выздоровев, венгерский король решил вернуться в свое королевство. Гуго I Кипрский и Боэмунд IV сопровождали его к Триполи и Тарсу. Единственным результатом его похода было восхищение, которое он стал питать к рыцарским орденам; уже расположенный к тамплиерам, Андрей II сделал также значительные дарения госпитальерам из Крака де Шевалье и, вернувшись в Венгрию, попытался создать в Трансильвании «марку», похожую на Крак, пожаловав очень важный домен в этой области Тевтонскому ордену. Но латинское королевство ничего не выиграло от его крестового похода, и патриарх Рауль де Меранкур, взбешенный его отступничеством, отлучил короля от церкви в тот момент, когда он выехал в направлении к Триполи¹.

Однако прочие отряды крестоносцев, во главе с герцогом Австрийским, остались на Востоке. Герцог и Иоанн де Бриенн, при поддержке госпитальеров,

¹ Gombos, Op. cit., II, P. 951, 1194 (именно в 1218 г. Тевтонский орден появился в Трансильвании).

воспользовались перерывом в крестовом походе, вызванным отъездом Андрея II, чтобы укрепить Цезарею, которая, после того как ее разрушили в 1191 г., оставалась незанятой, или, по крайней мере, малонаселенной в течение двадцати лет. Работы начались в феврале 1218 г. В том же опасном регионе, где прибрежная дорога была незащищенной перед налетами из Фавора и прочих мусульманских городов, Готье д'Авень приказал построить, по большей части на свои средства, крепость в Пьер-Ансиз (Ущелье), который он нарек Шатель-Пелерен (Замок Паломника). Эта мощный замок был отдан тамплиерам¹.

Несмотря на эти полезные постройки, поражение венгерского крестового похода бросалось в глаза; было очевидно, как доказали все предыдущие экспедиции, что в Сирии «ничего не было сделано», пользуясь выражением Виллардуэна, кроме того, что тут сконцентрировались крупные мусульманские силы и было построено несколько крепостей, которые сарацины могли захватить сразу же после отъезда западноевропейцев. Тогда Иоанн де Бриенн вспомнил о старом проекте, который в свое время лелеяли Ричард Львиное Сердце, участники четвертого крестового похода, и, возможно, он сам в 1211 г.: он задумал атаковать султана в самом Египте, чтобы вынудить вернуть завоеванное в Сирии. Поскольку никакой другой государь в тот момент не присутствовал в Святой Земле, то Иоанн де Бриенн был легко признан главой экспедиции, и ему обещали суверенитет над всеми землями, которые удастся захватить. Для обороны франкской Сирии король оставил одному из своих баронов, эльзасцу Гарнье сильную армию из пяти сотен рыцарей, и франкский флот двинулся в путь.

Эскадра захватила врасплох египтян и беспрепятственно вошла в Нил перед Дамьеттой 29 мая 1218 г. Но потребовалось три месяца, чтобы христианская армия смогла освободить дальнейший проход в Нил: Башня Цепи, преграждавшая вход в устье, противостояла всем атакам франков и их кораблей, переоборудованных в плавучие башни, которые стремились ее взять на abordаж. Тем не менее именно таким образом христиане в конце концов овладели 24 августа 1218 г. этой башней, несмотря на ее островное расположение; к ней причалила одна из плавучих башен, откуда перебросили перекидной мостик, по которому фризы перебрались на верхний этаж Башни. Таким образом, пал не только один из элементов обороны крупного египетского порта, но теперь мусульмане не могли, натянув цепи поперек Нила, помешать франкской эскадре подняться вверх по руслу реки: султан Аль-Адиль умер от огорчения, узнав об этом. Египтянам также было нечем заменить этот оборонный рубеж: плотина

¹ Затем Готье уехал, правда, оставив в Святой Земле крупный отряд, оплачиваемый за его счет, что сделало его очень популярным у сирийских баронов. Наиболее старой постройкой, созданной в ходе предпринятых Иоанном де Бриенном фортификационных работ, является новая цитадель в Тире, датируемая 1212 г. (R. R., 857).

посреди реки из суден, груженных камнем, ни к чему не привела, ибо франки отрыли древний канал, позволивший обогнуть новую преграду. Их флот отныне господствовал на Ниле.

Тем не менее франкская армия разбила стоянку на западном берегу реки, не имея сил переправиться на восточный берег, где находилась Дамьетта и армия нового султана Аль-Камиля. 9 октября 1218 г. он попытался атаковать лагерь крестоносцев; один франкский эскадрон под командованием Иоанна де Бриенна застал врасплох мусульман в момент, когда они высаживались с кораблей и только что перешли мост. Иоанн сбросил пехотинцев в реку, а египетская конница не смогла преодолеть рвы, вырытые перед христианским лагерем согласно обычной тактике франков. Повторные атаки как франков, чтобы перейти на восточный берег, так и Аль-Камиля занять западный, не увенчались успехом. Случай позволил христианам совершить переправу без боя: заговор против султана вынудил того бежать к Каиру, и охваченная паникой армия разбежалась. К своему великому удивлению, франки смогли занять мусульманский лагерь и овладеть в нем большой добычей (5 февраля 1219 г.). Несмотря на подход правителя Дамаска, позволившего усилить армию его брата Аль-Камиля и собрать ее, осада Дамьетты, собственно говоря, началась.

Именно в тот момент мусульмане, готовые на все, чтобы устранить угрозу, нависшую над Египтом, предложили Иоанну де Бриенну уступить ему Палестину в обмен на снятие осады. Иоанн, равно как и сирийские бароны, весьма благосклонно отнесся к этому плану, но он уже не был неоспоримым главой армии: подоспели не только крестоносцы — киприоты Гуго Цезарейского, французы Гуго де Лузиньяна, Эрара де Шасене, Жана д'Эпуасса, Готье де Немура и Жана д'Арси — но папа назначил двух легатов, чтобы сопровождать крестовый поход. Злой рок повелел, чтобы один из них, Робер де Курсон, умер; его собрат, испанец — Пелагий остался в одиночестве — или, как пишет об этом Эраклъ, «кардинал Роберт скончался, а кардинал Пелагий выжил, чтобы было большим несчастьем...». Высокомерный, вспыльчивый, амбициозный¹, Пелагий к этому времени был ответствен за провал, вызванный его спесью и непреклонностью, переговоров между греческой и римской церквями — также как в 1053 г. это сделал другой легат, кардинал Умберто. Пелагий потребовал для себя руководства крестовым походом и создал для себя целую партию приверженцев. Именно поэтому это двойственное руководство вскоре привело к губительным результатам: большинство крестоносцев (кроме французов), особенно итальянцы и монашеские ордена поддержали кардинала, когда он приказал отвергнуть соглашение, на которое король Иоанн уже согласился. Для Пелагия, как и для новоприбывших крестоносцев, захват Дамьетты был не

¹ Дж. Донован попытался реабилитировать Пелагия (J. P. Donovan. *Pelagius and the fifth Crusade. Philadelphie, 1950*).

просто приобретение залога, предназначенного для обмена на Святую Землю, но первым этапом завоевания всего Египта. Поэтому посланники Аль-Камиля были отосланы, и даже обещание мусульман выплачивать ежегодную дань, прибавленное к предыдущим предложениям, было отвергнуто (начало лета 1219 г.).

Однако осада Дамьетты оказалась необычайно тяжелой. Осажденные противостояли непрерывному метанию из военных машин, грозившему им голоду и франкским атакам: штурм, предпринятый 8 июля, провалился. Ведь мусульманам нужно было только предупредить султана об атаке, чтобы армия Аль-Камиля, стоявшая лагерем поблизости от франков, напала на тех с тыла. Наперекор Иоанну де Бриенну, христиане решили ударить на мусульман 29 августа 1219 г. Лагерь султана удалось захватить без труда, но крестоносцы не осмелились там укрепиться, и их отступление обратилось в катастрофу. Тогда египтяне решили воспользоваться этим поражением франков, чтобы договориться с ними заново; они еще раз предложили вернуть Иерусалимское королевство целиком и даже восстановить крепости, которые сами разрушили. Пелагий снова отказался. Правда, его войска увеличились: в сентябре 1219 г. бароны, в особенности английские, привели подкрепления в крестоносную армию. Жители Дамьетты, истощенные, оборонялись из последних сил, и 5 ноября 1219 г. город был взят приступом почти без боя. Гарнизон цитадели сдался сам Бальану Сидонскому (правитель города принадлежал к мусульманской семье родом из Сидона, и потому желал договориться только с тем, кого он мог бы назвать своим сеньором). Несмотря на свою двойную стену, тридцать две башни и бесчисленные турели, крупный торговый город, соперничавший с Александрией, не смог выдержать продолжительной осады¹.

Впервые франки укрепились в Египте, и это событие произвело колоссальное впечатление как в областях ислама, так и на христиан Востока, тем более что Аль-Муаззаму не удалось добиться значительных успехов: хотя франкский поход на равнину Эсдрелона и завершился поражением Кеймона (29 августа 1218 г.), а генуэзцы не смогли отстоять Цезарею, где после эвакуации населения на их корабли мусульмане разрушили недавно отстроенные христианами стены, две их попытки завладеть новой крепостью Шатель-Пелерен оказались бесплодными. И ради того, чтобы франки согласились уйти из Египта, Эйюбиды были готовы считать Палестину утраченной до такой степени, что начали сносить там крепости: Торон, Баниас, Бовуар, Сафет и даже Фавор были разрушены. Пожертвовали даже самим Иерусалимом, интенсивно заселявшимся иудеями и мусульманами с 1187 г.: Аль-Муаззам снес его крепостные стены,

¹ Aubri de Trois-Fontaines, Р. 908. Тысяча крестоносцев вместе с маленькой флотилией прибавили к Дамьетте соседнюю крепость Танис, захватив ее в ходе поиска продовольствия (Jacques de Vitry, Р. 1144—1145, 1148).

сохранив только Башню Давида, в обстановке паники, охватившей всех жителей. Кроме того, страх сыновей Аль-Адила был таков, что они даже предложили франкам, обменяв Палестину на снятие осады с Дамьетты, оплатить восстановление укреплений, которые сами только что разрушили. Они рассчитывали сохранить за собой только Трансиорданию и Аравийскую Петру: все земли, которые некогда принадлежали королевству к западу от Иордана, исламу предстояло покинуть.

Представим в этих трагических обстоятельствах расцвет самой необычной литературы, порожденной в среде иудеев или христиан Востока. Все предсказания, что родились со дня мусульманского нашествия, были включены в пророческие книги: в одной из таких книг содержалось пророчество, что король Нубии (Нубия тогда еще была христианской) опустошит Мекку и осквернит могилу Магомета. В другой, «Книге Климента» — без сомнения, приписываемой Клименту Александрийскому, философу III века — написанной по-арабски и имеющей дряхлый вид, предрекалось, что, когда приморский город Египта будет захвачен, одновременно с ним падут Александрия и Дамаск, и два короля, один с Запада, другой с Востока, встретятся в этот год в Иерусалиме. И разве не объявлялось, что сын таинственного пресвитера Иоанна, короля Индии, о котором уже столетие ходили различные легенды, только что захватил Персию: этот «царь Давид», как он назван в письме Пелагия к Гонорию III, находился в десяти днях пути от Багдада, где царил ужас. Рассказывали, что якобы его посланники приказали халифу освободить франкских пленных, которых султан Египта отправил в Багдад. О царе Давиде ходили самые разнообразные слухи: информаторы ордена тамплиеров уверяли, что в его армию входят 4 миллиона бойцов и приписывали ему власть над двумя королевствами с тремя сотнями городов в каждом. Помимо этих слухов, за которыми скрывалось нашествие монголов, наводнивших Хорезм и Иран, более правдивые сведения показывали, что Восток внимательно следит за кампанией в Египте: Пелагий просил у грузин выступить в поход и осуществить диверсию, напав на какой-нибудь мусульманский город в Армении. Грузинская армия действительно двинулась вперед, когда монголы добрались до Кавказа и обратили ее в бегство¹.

Несомненно, что на фоне умонастроений окружения легата, испытавших влияние всех этих апокалиптических пророчеств, которые предрекали неминуемое падение ислама, и связей, которые Пелагий наладил со всем восточнохристианским миром — поразительно, насколько полно Оливье де Падерборн представлял себе положение вещей на Востоке в начале XIII в., — заботы

¹ R. Grousset, III, 229; Olivier de Paderborn. *Historia Damiatina*, ed. H. Hoogeweg, P. 232–233, 258; Aubri des Trois-Fontaines, P. 911–912; M. Tamarati. *L'Eglise georgienne*, P. 416, 417. П. Пеллио посвятил множество работ яковитской литературе этого периода.

Иоанна де Бриенна должны были показаться кардиналу необычайно мелочными. Ислам вот-вот был готов рухнуть, а этот государь думал только о том, чтобы вернуть несколько жалких городков Иудеи. К этой первой причине размолвки из-за цели крестового похода прибавились другие. Иоанн повел себя в Дамьетте как король: он не только владел целым кварталом в городе, но и назначил туда «бальи». Он даже стал чеканить монету: сохранились серебряные денье (довольно низкой пробы), похожие на те, что Иоанн выпускал как король Иерусалимский, но с надписью «+ Иоанн + Король Дамьетты» вместо «+ Иоанн + Король Иерусалима»¹. Однако Пелагий не был с этим согласен: церковь организовала поход, следовательно, церкви должны были достаться сделанные в ходе его завоевания — и итальянцы, жаждавшие стать хозяевами этого крупного торгового города, нашли с легатом общий язык. Пелагий стал вести себя как диктатор: разве он не отлучил тех, кто нашел жилье в той части города, что досталась королю, от церкви²?

В конце концов Иоанн де Бриенн, устав от всех этих стычек и последовавших за ними столкновений между итальянцами и французами, покинул Дамьетту (29 марта 1220 г.), чтобы заняться, с одной стороны, делами Армении — на трон которой он претендовал как муж Эстевании, дочери царя Льва — и, с другой, Сирии, где его беспокоили интриги королевы Иерусалимской. И особенно важно, что крестовый поход разорил этого несчастного государя. В 1219 г. он не смог выплатить в срок 200 марок генуэзцу Лукино Корсали, который предоставил ему заем. Затем он выпрашивал денег: после взятия Дамьетты магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца уступил ему половину своей добычи — в 1221 г. Иоанн пожалует этому самому ордену всю добычу, принадлежащую королю (половину) в том случае, если он лично не будет участвовать в битве. И положение Святой Земли стало катастрофическим: в письме от 1 октября 1220 г. прелаты откровенно взывали к Филиппу-Августу о помощи. Набеги Аль-Муаззама привели к тому, что владения христиан свелись лишь к городам Акре и Тиру и нескольким фруктовым садам, разбитым в тени их крепостных стен. Тир почти наполовину обезлюдел, рыцари, буржуа и мелкий люд бежали в Армению или на Кипр, чтобы не разориться. Что же касается короля, который все свои средства тратил на издержки армии, то у него не осталось больше ничего. Доходы от двух королевских городов, Акры и Тира, предназначались, и на долгое время, займодавцам, и отныне ему нельзя было занимать. К тому же поступления от Акры и Тира часто сводились к нулю: купцы и паломники, вместо того, чтобы пристать в этих портах, направлялись к Дамьетте. Наконец, снимая с Иоанна де Бриенна обвинения в том, что он забросил

¹ Eracles, P. 349; G. Schlumberger. Numismatique и Supplement, pl. XX, № 4.

² Однако после захвата города он признал сеньорию короля.

крестовый поход, прелаты писали: «ведь бедность стала главной причиной того, что король, движимый необходимостью, был вынужден покинуть армию и вернуться в Акру»¹.

Игнорируя трагическое положение Святой Земли, легат продолжал отказываться от любых переговоров с мусульманами. Теперь те предлагали восстановить франкские колонии в границах 1186 г. (без Крака и Монреала), однако Пелагий мечтал только о завоевании Египта. Он полностью взял на себя руководство крестовым походом, а отъезд Иоанна де Бриенна развязал ему руки. «Из Дамьетты, где он устроился, он обращался с крестоносцами, как настоящий тиран. Он запрещал им увозить с собой при отплытии что бы то ни было, даже свое собственное имущество, и не только из порта Дамьетты, но и из Акры, противодействуя всякому отъезду латинян, если пассажиры не имели пропуска, скрепленного его кольцом, и обрушивал отлучения на тех, кто противился его административным установлениям»². В течение полутора лет армия оставалась недвижимой в Дамьетте: несмотря на свою «самонадеянность», Пелагий прекрасно понимал, что даже нечего и мечтать о завоевании Египта с той армией, которая была в его распоряжении. Он ждал ответ от тех, кого он считал своими союзниками, Чингиз-хана, превращенного в «царя Давида», и грузин, и возможно, даже правителей Нубии и Абиссинии; но особенно он надеялся на прибытие самого императора, Фридриха II Гогенштауфена, чья высадка считалась неминуемой. Но Фридрих так и не появился, хотя и послал — было бы несправедливым это умалчивать — довольно крупные подкрепления.

К несчастью, эта бездеятельность была на руку мусульманам: воспользовавшись самоуверенностью легата, они смогли направить пиратскую эскадру на маршруты франкской навигации. Франкская армия была деморализована, и множество перебежчиков переходило в сарацинский лагерь — Св. Франциск Ассизский, идущий проповедовать христианскую веру Аль-Камилю (который оказал ему необычайно благосклонный прием), был в какой-то — миг принят, и Пелагием и Эйюбидами, за кандидата в вероотступники³. Аль-Камиль призвал на помощь своих братьев из Сирии и Месопотамии и предпринял против постоянной измены местных христиан, мелькитов и коптов — чья связь с Пелагием несомненна — энергичные меры. В то время как мусульмане оскверняли их церкви — в особенности кафедральный собор

¹ R. R., 927, 930, 940; Delaborde. Chartes de terre Sainte de l'abbaye N. D. de Josaphat, P. 123–125. — Аль-Муаззам по всей франкской Сирии приказал губить виноградники, сжигать деревни и дома, вырубать деревья.

² R. Crusset, III, 233.

³ Ernoul, P. 434. Иногда ренегаты, перешедшие в ислам, возвращались к франкам: Olivier. Hist. Damiatina, P. 198.

Св. Марка в Александрии — египетское правительство обременило их многочисленными налогами и поборами, вменяя им постой мусульманских войск и установив за ними строгий контроль. Это были настоящие гонения, вынудившие некоторых коптов бежать в Эфиопию. Сам Александрийский патриарх (без сомнения, тот самый Николай, который вел переписку с папой с 1209 г. и так живо интересовался участью пленных христиан) был брошен в узилище, когда франкская армия пошатнулась, и был освобожден только после заключения мира (1221 г.)¹. Наконец, поскольку Египет не имел другой защиты, кроме нескольких пограничных укреплений Синая и Филистии и самих портов, султан в спешке возвел на юго-восточной точке Дельты крепость, которую нарекли пророческим именем «Победоносная» (Аль-Мансура): ей предстоит дважды спасти Египет.

Устав ждать императора и, возможно, волнуясь из-за новостей из Египта, Пелагий мгновенно решил, получив подкрепление в пять сотен немецких рыцарей, перейти ко второй фазе завоевания — захвату Каира. Не уведомив Иоанна де Бриенна, которого едва успели предупредить — он подоспел 7 июля 1221 г. — и не обращая внимания на безнадежные увещевания короля, которого страшила малочисленность франков и изъяны в подготовке кампании, Пелагий приказал наступать. Поход оказался настолько же катастрофическим, насколько коротким: 24 июля франки наткнулись на крепость Мансура: мусульмане разрушили плотины, оставив франкскую армию на дамбе в кольце болот и без продовольствия, тогда как тыл ей преграждал эйюбидский отряд. 26 августа крестоносцы захотели вернуться в Дамьетту по трупам стоявших на их пути мусульманских солдат. Но начался сильный разлив Нила, и войско, тащившееся в грязи посреди покрытой водой долины, практически находилось на краю гибели. Иоанн де Бриенн, снова став предводителем экспедиции, едва смог добиться капитуляции. Более и речи не шло о возвращении Сирии: сдача Дамьетты была условием освобождения окруженной армии (капитуляция под Барамуном, 30 августа 1221 г.).

Однако эгоизм итальянцев, для которых Дамьетта уже стала колонией, чуть было не обрек всю армию на плен. Наконец, с подоспевшими немецкими подкреплениями — большая эскадра под командованием графа Мальты, но по-прежнему без Фридриха II — они надеялись захватить город, чтобы помешать его передаче в руки мусульман. Посреди кровавых столкновений, они попытались разграбить дома тамплиеров и госпитальеров — один тамплиер и другой рыцарь были убиты, когда защищали вклады, доверенные великому ордену банкиров, и также погиб один воин из Тевтонского ордена — и королевскую резиденцию. Тем не менее удалось остановить этот мятежный

¹ Pressuti. Regesta Honorii papae III, I, P. LV; Olivier, Op. cit. P. 276. Grousset, III, 216. Во время этих гонений было разрушено сто пятнадцать христианских церквей.

порыв, и 7 сентября Дамьетта вновь стал мусульманским портом. Крестоносцы отчалили¹.

В течение этого крестового похода участь латинского Востока стала еще печальней. В надежде добиться как можно больше легат Пелагий упустил возможность вновь заполучить Иерусалимское королевство без боя. Не удалось даже удержать Дамьетту; но куда хуже было то, что предельное усилие по организации крестового похода обескровило латинское королевство. Плачевная картина, каковую представляла собой Святая Земля, вырисовывается в письме от 1 октября 1220 г. Иерусалимский король, который никогда не был особенно богат, теперь полностью разорился. Ему удалось добиться перемирия на восемь лет от мусульман, которые также истощили свои силы за четыре долгих года, что длилась война². Но Иоанну де Бриенну не суждено было извлечь выгоду из этого обстоятельства. Сразу же после того, как дела в Сирии были улажены, королю пришлось покинуть свое королевство в сентябре-октябре 1222 г., чтобы пожаловаться Западу на свою нищету. И его путешествие станет косвенной причиной грядущих несчастий франкской Сирии.

Пришлось ждать тринадцать лет, чтобы начался пятый крестовый поход, и в который раз он завершился провалом, хотя был близок к успеху. Удалось всего лишь удержать остаток территорий, из которых тогда состояло «Иерусалимское королевство», плацдарм для будущих военных операций. Усилия Иннокентия III еще предстояло повторить.

V

ФРИДРИХ II, ИЕРУСАЛИМСКИЙ КОРОЛЬ (1222–1231 гг.)

После провала пятого крестового похода Иоанн де Бриенн отправился на Запад, чтобы познакомить государей с положением Святой Земли и просить у них помощи. Первым делом он позаботился сообщить Гонорию III о роковой роли, сыгранной легатом Пелагием: он добился от папы обещания, что в дальнейшем командование крестовым походом будет принадлежать Иерусалимскому королю, и он же получит завоеванные в его ходе земли. Тогда же Гонорий предложил проект, который, казалось, мог иметь для франкской Сирии самые

¹ О разделе Дамьетты между завоевателями и превращении мечети в церковь Пресвятой Девы, передачи ее архиепископу, создании остальных церквей, см.: Jacques de Vitry, P. 1143, 1147. Возможно, также был назначен епископ в Танис (P. 1148).

² Один франкский барон из графства Триполи отказался соблюдать перемирие и выдать своих пленных. Он согласился с соглашением 1221 г. только под угрозой эйюбидской экспедиции в 1222 г. (Eracles, P. 334) — Заметим, что по иронии судьбы Иоанн де Бриенн и Пелагий в 1229 г. сообща начнут экспедицию против Фридриха II.

счастливые последствия: речь шла о том, чтобы выдать дочь Иоанна, Изабеллу, наследницу королевства, за императора Фридриха II, чтобы обеспечить Святой Земле поддержку всех сил Священной Римской Империи.

Ведь от крестового похода вовсе не отказались: две последние экспедиции, так же как и третий поход, не достигли своей цели. Иерусалим по-прежнему нужно было завоевывать. По зову папства весь Запад готовился вновь взяться за прерванный труд. Сам король Франции, тот самый Филипп-Август, чье поведение в 1191 г. отчасти привело к неудаче завоевательной кампании, продолжал демонстрировать свою заинтересованность королевством своего протеже Иоанна де Бриенна (которого он предложил иерусалимским баронам, прибывшим к нему, чтобы просить у него мужа для королевы Марии): он завещал в 1223 г. крупную сумму — утверждали, что она достигала 150 000 серебряных марок — Святой Земле. Но со времен Фридриха Барбароссы и особенно Генриха VI — в общем, как только Гогенштауфены захватили Сицилию — основной опорой крестовых походов была Империя: Генрих VI направил в 1197 г. экспедицию на Восток; Филипп Швабский, хоть и не имел времени принять крест, но едва был признан императором, как позаботился установить налог, поступления от которого предназначались Святой Земле (1 октября 1207 г.)¹. Что же касается самого Фридриха II, то на него рассчитывали во время пятого крестового похода: если он не прибыл лично, то хотя бы послал бы себя отряды. Гонорий III подумал, что если он будет иметь личную заинтересованность в защите Святой Земли, то окажет крестовому походу незаменимую помощь. Перспектива стать тестем императора ослепила Иоанна де Бриенна, этого младшего отпрыска мелкой семьи баронов, каким он до сих пор оставался.

«Фридрих торопливо согласился на этот план. В нем он увидел средство одним махом реализовать восточную программу своего отца Генриха VI, состоявшую в подчинении, или, еще лучше, присоединении латинского Востока к Германской империи». Помолвка состоялась, и Гонорий III, сильно обрадованный достигнутым результатом (Филипп-Август, более проницательный политик, был сдержан) поторопился повсюду известить, что император взял крест. Он объявил о новом крестовом походе (1223 г.) и назначил для выступления 1225 г.² Восток был охвачен всеобщим ликованием: патриарх Александрии и его епископы захваливали папу, жалуясь ему на жестокое обращение, которое

¹ *Chronica Regis Coloniensis*, p. 252. — *Martene. Thesaurus nov. anecdot.*, I, col. 805: Филипп Швабский, который одержал вверх над Бертольдом фон Загрингемом, а затем над Оттоном Брауншвейгским, только в 1206 г. на рейхстаге в Нордхаузене ввел налог на 5 лет в 6 денье с плуга и 2 — с городского очага, после того, как получил письма патриарха и двух великих магистров.

² *Chronica regia*, p. 252; R. Grousset, III, 272.

они претерпевали и высказывали надежду, что Фридрих положит этому конец. Патриарх подсказал план кампании, позволявший обойти Мансуру, если высадится у Розетты, и отмечал, что приверженцы Фатимидов готовы оказать поддержку крестоносцам. Царица Грузии Руссудан и ее «коннетабль» Иван — один из лучших военачальников того времени — послали в Рим епископа Ани Давида с извинениями за то, что в 1221 не смогли действовать сообща с Пелагием, и объявили, что знают о подготовке к экспедиции императора; как только он их известит о своем выступлении, вся грузинская знать (которая приняла крест во главе с «коннетаблем») также выступит в поход (1224 г.). Папа ответил, что отъезд императора не за горами и пожаловал грузинским крестоносцам те же привилегии, что и латинским¹.

В то время как заключались столь выгодные союзы (Грузинское царство, несмотря на монгольские набеги в 1221 г., было довольно могущественным и угрожало мусульманской Армении, начав ее завоевывать), а Восток с нетерпением ждал Фридриха II, сам император неспешно подготавливал свой крестовый поход; правда, он принял крест в 1215 г., но полагал, что торопиться нет причины: разве не заключило Иерусалимское королевство перемирие с Каиром и Дамаском? В 1224 г. Великий Магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца, который являлся преданным агентом Фридриха II в Святой Земле, прибыл познакомить его с истинной ситуацией в Сирии. Тогда император приказал начать постройку пятидесяти юиссье, больших транспортных судов, оборудованных таким образом, чтобы можно было выгружать лошадей, которых они перевозили. Этот флот, построенный в портах Сицилии и Италии, мог вместить, с верховыми животными, две тысячи рыцарей и 10 000 прочих солдат².

Но прежде чем отправиться в путь, Фридрих желал отпраздновать свою свадьбу. Сначала выйдя замуж по доверенности в Тире, юная Изабелла в сопровождении архиепископа Тирского и Бальана Сидонского прибыла в Бриндизи, где торжественно обвенчалась с Фридрихом 9 ноября 1225 г. Фридрих тотчас же обратился к своему тестю, заявив, что тот по праву является всего лишь регентом королевства, а Изабелла его королевой, ибо ее мать, Мария Монферратская, уже скончалась. В завершение своих слов он потребовал, чтобы Иоанн передал королевство ему. Иоанн, которому в свое время обещали, что он сохранит королевскую власть пожизненно, должен был покориться, и в дальнейшем влачил существование в императорской свите, снося оскорбления своего зятя, который хотел посвятить своему новому королевству только мини-

¹ Pressuti. Op. cit., I, P. LV; Tamarati. Op. cit., P. 416—417. При посредничестве каноников Гроба Господня, а также и своих монахов в Иерусалиме, грузины поддерживали постоянные контакты с латинянами в Сирии.

² Chronica regia, P. 253.

мум времени. В конце концов они поссорились, и Иоанн укрылся в Риме. Королева Изабелла скончалась немного позже, в 1228 г., оставив после себя сына, Конрада IV Гогенштауфена (Конрада II Иерусалимского), от имени которого Фридрих потребовал себе правление над Сирией.

Став государем Сирии — где он заменил бальи Эда де Монбельяра, который осуществлял регентство с 1222 г. в качестве коннетабля и близкого родственника короля Иоанна, своим представителем, более верным и не скомпрометированным связями с Бриеннами, Томасом д'Ачерра (1226 г.)¹ — Фридрих утратил интерес к крестовому походу и, благодаря обстоятельствам, попытался войти в свою столицу без боя и не тратясь на настоящую экспедицию. Тогда как его опоздание помешало воспользоваться союзом с грузинами (спустя год после срока, назначенного для выступления крестоносцев, в 1226 г. грузины были атакованы и разбиты новым султаном Хорезма, Джалал Ад-Дином, прославленным и неудачливым противником Чингиз-хана), он вступил в переговоры с султаном Египта². Ибо Аль-Камиль, несмотря на свои тесные союзнические отношения со своим братом Аль-Ашрафом (правителем Верхней Месопотамии и Великой Армении), вел борьбу с другим своим братом Аль-Муаззамом, который только что принял титул султана Дамаска и натравил на остальных Эйюбидов ужасные хорезмийские банды Джалала Ад-Дина, чьего варварства повсюду опасались. Охваченный страхом перед ними, Аль-Камиль увидел в крестовом походе не погибель, а избавление: оставив христианам Палестину, неоднократно опустошенную, которую он в 1218—1221 гг. чуть было не принес в жертву, султан Египта мог надеяться сделать своим союзником Фридриха и использовать крестоносцев для обороны всей Сирии. Это было повторением политики правителей и атабеков Алеппо и Дамаска в XII вв., которые объединялись с франками, чтобы отразить «контр — крестовые походы», предпринятые из Ирака и Ирана.

Призыв к крестовому походу из Египта, а не от франков, что во времена Саладина было бы из ряда вон выходящим событием, был передан Фридриху одним из главных египетских эмиров, Фахр Ад-Дином, в конце 1227 г.: Аль-Камиль обещал вернуть Иерусалим, если император прибудет в Сирию, чтобы совместно участвовать в борьбе против султана Дамаска, которому на самом

¹ Эрнуль (Р. 448) подтверждает родство Эда с королем, о чем, с другой стороны, свидетельствует присутствие Готье, отца Эда, около Готье де Бриенна, брата Жана, в 1202—1204 гг. — Томас д'Ачерра приходился дядей Фоме Аквинскому (род. 1225 г.).

² Роль Грузии в истории крестовых походов — особо выделенная в XII в. антиохийским историком Готье Шанселье — довольно значительна. Без сомнения, грузинское давление на земли Аль-Ашрафа мешало до 1221 г. оказывать действенную поддержку Аль-Камилю в Египте. Но когда Джелал Аль-Дин захватил Иран и Азербайджан, соседство с этой могущественной империей нейтрализовало добрую волю грузин, тем более что это христианское царство начинало ослабевать.

деле принадлежал Иерусалим, и его союзникам из Хорезма. Соглашение было достигнуто на этих условиях, и Фридрих начал высылать войска в Левант (прибытие герцога Лимбургского в октябре 1227 г.). К несчастью, император под различными предложениями медлил — и за это время Аль-Муаззам умер, в ноябре 1227 г., что сильно повредило статьям договора, заключенного с Аль-Камилем¹. С другой стороны, папа Григорий IX, раздраженный отсрочками, с помощью которых Фридрих оттягивал выполнение своего обета, а также взволнованный этими сделками с мусульманами, превращавшими крестовый поход во франко-мусульманский союз, закончил тем, что отлучил от церкви императора (28 сентября 1227 г.).

Именно тогда — несмотря на формальное запрещение папы — Фридрих решился пуститься в дорогу, из-за своих проволочек почти уничтожив результат своей ловкой дипломатической подготовки. Он не только выступил в поход отлученным от церкви и слегка поздновато для переговоров с султаном, но он также не пожелал вести с собой армию, подобную тем, что шли под знаменами Конрада III, Фридриха Барбароссы или Генриха VI: отряды герцога Лимбургского, английские крестоносцы, пять сотен рыцарей, прибывших под командованием имперского маршала Риккардо Филанжиери, плюс сотня тех, кого он привел сам, вместе составляли армию, численностью примерно менее пятнадцати сотен рыцарей и десяти сотен пехотинцев, включая крестоносцев с Кипра, монашеских орденов и франков Сирии!

Кроме того, Фридрих ухитрился оттолкнуть от себя франкское рыцарство: его отлучение отняло у него возможность рассчитывать на поддержку со стороны тамплиеров и госпитальеров, которые согласились следовать за ним, но только издали. И по своему прибытии на Кипр Фридрих II вспомнил, что Кипрское королевство зависит от империи, поскольку было пожаловано Генрихом VI Амори де Лузиньяну. Кипром правил несовершеннолетний король Генрих I, при котором регентом состоял, после своего брата Филиппа, Жан д'Ибелен: император потребовал регентство себе на основании прав и обычаев стран империи. Ибелены отказали ему, ссылаясь на обычаи заморских земель. Фридрих II, который пытался присвоить регентство в 1225 г., решил по своему приезду на остров (21 июля 1228 г.) получить его силой. Он завлек Жана на пир и там грубо потребовал уступки регентства. Жану удалось выйти из этой опасной ситуации без потери своих прав, но ему пришлось признать сюзерени-

¹ Опска над новым султаном была, по словам Эрнуля (Р. 458), доверена Аль-Муаззамом испанскому рыцарю, бывшему тамплиеру, правда, не ренегату (одному из тех бесчисленных латинских наемников, которые служили тогда на Востоке), потому что его верность станет лучшей гарантией против амбиций Аль-Камиля. Следует ли расценивать этот отрывок как продамасские настроения сирийских франков, в противоположность египтофобии Фридриха?

тет императора над Кипрским королевством: тогда Фридрих передал регентство представителям партии киприотов, оппозиционной партии Ибеленов (Барле, Бейсан, Шенеше, Риве и Джебейл), потомкам первых соратников Ги де Лузиньяна).

Находясь отныне в скверных отношениях с баронами из клана Ибеленов (большинством сирийских баронов), Фридрих высадился в Акре (7 сентября 1228 г.). К счастью для него, Аль-Камиль и Аль-Ашраф гораздо меньше помышляли о том, чтобы сражаться с франками, чем о том, чтобы отнять Дамаск у своего племянника Аль-Назира, сына Аль-Муаззама. Благодаря «этой исключительно искусной дипломатической игре, которая в мире Эйюбидов служила задним планом германского крестового похода»¹, у Фридриха II еще была возможность маневрировать между мусульманскими князьями. К тому же крестоносцы за тот год, что они ждали своего предводителя, не теряли времени даром: «франко-англичане» изгнали из Сидона дамаскинцев, которые владели половиной этого города и восстановили его укрепления (или, по крайней мере, его цитадель, «Морской замок»).

Со своей стороны, немцы отреставрировали крепостные стены Цезареи (весна 1228 г.) и отстроили старый Шато-дю-Руа в горах под Акрой: Монфор или Франк-Шато, как называли новую крепость, стал главной резиденцией Тевтонского ордена, которому граф фон Хенненберг, наследник Жослена III Эдесского (последний владелец этого фьефа) уступил свои права.

Мусульманские князья использовали приход крестоносцев в Сирию как предлог для того, чтобы захватить столь желанный для них Дамаск у юного Аль-Назира, и провозгласили, что идут в Сирию защищать ее от франков и, прежде всего, помешать падению Иерусалима; однако Фридрих, едва высадившись, возобновил переговоры с Аль-Камилем.

Тот же не мог забыть, что без его зова Фридрих, возможно, так и не предпринял бы свою экспедицию: теперь император не мог уехать обратно, не получив возмещение, примерно равное возвращению Иерусалима, из опасения утратить свой престиж. Переговоры оказались необычайно сложными, ибо противники Аль-Камиля получили прекрасный козырь, позволявший им обвинить султана Египта в христианофобии. Фридриху потребовалось совершить демонстрацию своей силы (правда, не развязывая настоящих боевых действий): вот почему в ноябре 1228 г. он направился к Яффе и восстановил ее крепостные стены; завершая работы, начатые Иоанном де Бриенном в Тире, Цезарее и Шатель-Пелерене, шестой крестовый поход вписал в свой актив восстановленные укрепления Монфора, Сидона, Цезареи и Яффы. Аль-Камиль и его брат Аль-Ашраф продолжали осаждать Дамаск, и демонстрация силы Фридрихом облегчила переговоры между ним и султаном, переговоры,

¹ R. Grousset, III, 298.

которые вели Томас д'Ачерра и Бальан Сидонский. Они завершили заключение необычного договора в Яффе 18 февраля 1229 г., по которому королевство получало перемирие на десять лет, в продолжение предыдущего девятилетнего перемирия, подписанного в 1221 г. В этом договоре оговаривались важные территориальные уступки для франков: Сидонская сеньория (без Бюффа), в своих прежних границах, и сеньория Торона возвращались своим старым владельцам. С областью Назарета (включая туда Саферию), север королевства вновь превратился в единый блок важных земель.

На Юге возвращение земель франкам было более символическим: земли Лидды и Рамлы, половиной которой владели латиняне, были уступлены им полностью, равно как и дорога паломников, ведущая к Иерусалиму. Наконец, сам этот город вновь присоединялся к королевству, чьей столицей номинально числился уже около сорока лет. Но эта уступка, к которой прибавлялся Вифлеем, не была безвозмездной. Прежде всего, все священные для мусульман места, мечеть Аль-Аксар и Храм на Скале или мечеть Омара (священная скала, откуда, по преданию, Магомет вознесся на небо), оставались в руках мусульман: даже и речи не шло о том, чтобы монастыри Храма Господня и рыцари-тамплиеры вновь воцарились на своем прежнем месте. Но это был всего лишь религиозный анклав, поскольку сарацины не допускались туда с оружием. Город, вместе с тем, что сохранилось от его крепостных стен (Башней Давида), стал франкским, но Иерусалимский регион остался мусульманским. Его центр был перенесен в Аль-Биру, прежнюю Магомерию франков, и все деревни, зависевшие от Святого Града, остались под юрисдикцией эйюбидских чиновников. Наконец, мусульманские авторы свидетельствуют, что христианам было запрещено реставрировать стены города. По правде говоря, кажется, что у Фридриха было намерение их восстановить либо в полном объеме, либо частично, но султан заявил, что не позволит императору вновь сделать Иерусалим укрепленным городом. Этот вопрос остался плохо изученным¹.

Первый — и единственный — из Иерусалимских королей, кто вновь появился в своей столице со времен Ги де Лузиньяна, Фридрих возжелал принять корону в церкви Св. Гроба, тогда как с 1187 г. государи короновались в кафедральном соборе Тира. Так второе Иерусалимское королевство обрело свою плоть. Но франки Сирии и особенно тамплиеры, традиционно враждебные королевской власти и недовольные тем, что им не вернули их «Храм», вовсе не были готовы единодушно одобрить Яффаский договор. Ибелены не

¹ Maqrizi//R. O. L., IX, P. 525; дискуссию об «этих темных сторонах мира Фридриха» см. в R. Grousset, III, P. 318. Торон также должен был оставаться незащищенным городом. Текст «Willilmi Chronicon Andrensis» (M. G. H. S. S., XXII, P. 769), необычайно подробный, довольно убедительно доказывает, что именно по приказу Фридриха была восстановлена Башня Давида и ворота Сент-Этьенн.

простили Фридриху то, что он отнял регентство над Кипром у главы их семьи. И можно подозревать сирийцев в симпатии — быть может, из ненависти к императору — к дамаскинцам (которыми, как уверяли, командовал, от имени Аль-Назира, испанский рыцарь, некогда состоявший в ордене тамплиеров): так, среди их жалоб на Яффаский договор (впрочем, очень выгодный) присутствует упрек в том, что не было получено согласия на возвращение Иерусалима у правителя Дамаска, законного владыки Иудеи.

Вся эта злоба выплеснулась наружу во время поездки Фридриха II в Иерусалим (17 марта 1229 г.). Государь, отлученный от церкви, не мог рассчитывать на коронацию в церкви Гроба Господня по традиционному обряду. Поэтому в этом храме (ибо Иерусалимский король не захотел отказываться от коронации) не произошло никакой религиозной церемонии: взяв с алтаря королевскую корону — это не был венец Балдуинов, который Саладин захватил вместе с прочими монаршими инсигниями в 1187 г. и отослал халифу Багдада, Фридрих сам возложил ее себе на голову, подобно тому как немецкие императоры делали это в соборе Св. Петра в Риме и как, в свою очередь, поступил Наполеон. Но через день в Иерусалим прибыл посланник патриарха Герольда де Лозанна. Очень уважаемый человек, этот прелат, однако, слишком прислушивался к наветам антиимператорской партии: он получил в Риме подтверждение того, что Фридрих был отлучен от церкви. Он выбрал момент, когда Фридрих заканчивал свои деликатные переговоры с мусульманами — момент, когда требовалось любой ценой, несмотря на все его проступки, «сохранить ему лицо»: разве он уже не был Иерусалимским королем? — чтобы приказать объявить об отлучении в Святом Граде.

Более того, чтобы протестовать против пародии коронации, устроенной императором, а равно и его скандального соглашения с Египтом, которое Фридрих променял на священную войну, Герольд наказал своему посланнику — архиепископу Петру Цезарейскому — наложить интердикт на Иерусалим. В ярости от враждебности сирийских франков, противной всякому политическому смыслу, Фридрих, который тогда прощупывал возможности восстановить городские укрепления, немедленно покинул свою только что возвращенную столицу и двинулся в Яффу, продемонстрировав египетскому послу Фахр Ад-Дину всю свою злобу к франкам и пожалев, что выпросил Иерусалим у султана!

По прибытии в Акру Фридрих II приказал осадить патриарха в его резиденции, атаковал казарму тамплиеров (которые показали себя его самыми ожесточенными врагами) и замок Шатель-Пелерен, и попытался передать реальную власть в руки преданных ему людей, немецких сеньоров и Тевтонскому ордену, равно как и гарнизонам, которые он оставлял в Сирии. Однако он был вызван в Италию из-за мятежа гвельфов и нападения на его Сицилийское королевство Иоанна де Бриенна: он отчалил из Акры 1 мая 1229 г., преследуемый взбунтовавшимся народом. Итог его крестового похода,

особенно символический — ибо в территориальном отношении приобретения франкского королевства были довольно скромными — несомненно лучше, чем всех предыдущих экспедиций: Иерусалим был возвращен, чего не удалось добиться до этого, и возвращен с минимальными издержками. Но по сравнению с тем, чего ждали от государя Запада на Востоке, результаты оказались ничтожными: четыре отреставрированные крепости (Сидон, Цезарея, Монфор и Яффа), возвращенные христианам города, куда стекались паломники; возвращенные франкские земли вокруг Акры, Тира, Сидона мало значили по сравнению с шоком, поразившим всех от Грузии до Египта при новости о ближайшем отбытии Фридриха. Силы, использованные им при осуществлении похода, оказались слишком слабыми, отсрочки экспедиции едва не поставили под угрозу срыва ее исход.

Возвратившись на Запад, Фридрих продолжал поддерживать связь с мусульманскими князьями, которым он был обязан успехом своего «крестового похода». Частый обмен посольствами укрепил дружбу между ним и султаном Египта: так, в 1232 г. посланники Аль-Камиля поднесли Фридриху II, чье пристрастие к наукам было общеизвестно, искусно сработанный шатер, на стенах которого (как в современном планетарии) механизм, подобный устройству небесных сфер, воспроизводил движение звезд. Император ответил на эту любезность, послав султану редкие подарки, экзотических зверей, как, например, белого медведя и т. д. ... Эта дружба, которой предстояло превратиться в эпоху борьбы между папством и империей в настоящий сговор (около 1246 г.) и продолжаться до исчезновения Гогенштауфенов (1268 г.), вызвала скандал: Фридриха уже упрекали в безверии, склонность к которому он проявил во время пребывания в Иерусалиме (сами мусульмане отмечали эту его черту)¹. На «Сарацинской пасхе» можно было видеть, как «султан Сицилии», кем отчасти был Фридрих II, устраивает пир за своим собственным столом для посланцев египетского султана и Старца Горы (1232 г.). Ходил слух, небезосновательный, что император выразил свою благодарность их господину, вождю грозных исмаилитов за услугу, которую тот только что оказал Фридриху, послав своих убийц умертвить герцога Людвиг Баварского (1231 г.). Королю Венгрии, которому якобы угрожала та же опасность, едва хватило времени, чтобы выкупить свою жизнь, послав подарки этому союзнику императора¹. Принизив, таким образом, религиозный аспект крестовых походов, Фридрих надеялся обеспечить выживаемость Святой Земле, и действительно, как писал Р. Груссе, его экспедиция в Сирию весьма напоминала «поездку султана Италии к султану Египта... В самом деле, он мало походил на прежних крестоносцев, этот странный пилигрим, который заявлял, что приехал в Святую Землю

¹ R. Grousset, III, p. 300, 315.

² Chronica regia, p. 263; Grousset, III, p. 363; Aubri de Trois-Fontaines, p. 929.

только для того, чтобы послушать в ночи Востока крик муэдзина»¹. Но еще не пришло время для столь откровенной терпимости, тем более для терпимости, граничащей с безбожием. Сами мусульмане (правда, не мусульманские князья, ясно осознававшие пользу от согласия с Фридрихом II — хозяином сирийских и итальянских портов, контролировавшим торговые пути Египта, но их подданные) продемонстрировали это в 1229 г. Подстрекаемые своими факирами, сарацины из окрестностей Иерусалима набросились на Святой Град, островок, не защищенный стенами, посреди враждебных предместий, и начали грабеж, убив несколько христиан, кто не успел укрыться в цитадели. Вспомогательная армия, которую вызвал балли (или кастелян) Иерусалима, Рено Хайфаский, подоспела вовремя, чтобы завершить, благодаря стремительности своих туркополов (под командованием Бодуэна де Пикини, будущего кастеляна Святого Града) победу, одержанную Рено. Но тревога была знаменательной. «Набег не удался только потому, что никто из мусульманских владык его не поддержал»².

Если дружеские отношения между государями, продолжившиеся вслед за этим уроком, преподнесенным «виланам», позволили христианам в течение десяти лет властвовать над Иерусалимом и сохранили мир повсюду (кроме графства Триполи, не включенное в Яффаский договор вместе с княжеством Антиохийским: монашеские ордена, при поддержке иерусалимских отрядов, сталкивались в локальных войнах с мусульманскими князьями из Алеппо и Хамы)³, то по их вине латинская Сирия оказалась парализована в тот момент, когда франки могли бы извлечь пользу из борьбы между сарацинами.

И кроме того, в тот миг, когда Фридрих II укреплял свой союз с Аль-Камилем (1232 г.), в Азии начиналась крупномасштабная война: в то же самое время, как семья Аль-Адиля упрочивала свое господство над египетскими и сирийскими портами, старая сельджукская династия, воцарившаяся в Икони, создала в Анатолии могущественную империю, подчинив себе мелкие эмираты Каппадокии и Великой Армении, а также отдельные греческие и армянские княжества. Угроза, которая надвигалась на Месопотамию (одну из двух территорий, где разворачивалась сельджукская экспансия, наряду с Грузией), заставила объединиться всех Эйюбидов, чтобы защитить Килат от анатолийских турок. Поражение Эйюбидов при Харпуге в 1234 г. принесло перевес в этой кампании их противникам, но в ожидании дальнейших успехов Кайкобад I попытался заключить с франками союз, направленный против Эйюбидов. Он даже написал папе, послав к тому одного из своих греческих вассалов, Иоанна Габраса (май 1234 г.) с предложением помочь отвоевать Святую Землю. Из

¹ Р. 322.

² Р. 326.

³ В 1233 г. Пьер II д'Аваллон, Жан д'Ибелен и Готье де Бриенн участвовали в кампании госпитальеров против Хамы.

содержания письма становится ясно, что с 1230 г. Кайкобад одним за другим посылал гонцов к владыкам Запада, Фридриху II и Григорию IX¹. Но ничто не доказывает, что Фридрих, за исключением знаков дружеского расположения к сельджукскому султану, воспользовался этими распрями, чтобы добиться от Аль-Камиля новых уступок. Он даже не получил выгоды от споров между братьями Эйюбидами из Дамаска и Каира (в 1237–1238 гг.); самое большее, что требовали его представители в Иерусалиме, так это права восстановить стены Святого Града².

Ведь Фридрих вспоминал о своем королевстве в Сирии только тогда, когда требовалось бороться с партией гвельфов, которая значительно усилилась там с эпохи крестового похода. Гражданской война и раскол в стране спустя некоторое время парализовали Латинское королевство, что было неизбежным и длительным последствием захвата Гогенштауфеном франкского государства Палестины и Финикии. На этом фактически завершилось (в плане внешней политики) царствование Фридриха II, единственного короля нового Иерусалимского королевства, который смог носить этот титул в полном смысле этого слова: хоть оно и было богато результатами, которые вознесли его над правлениями предшествующих государей, то Фридрих сам обрек на провал, так как не задействовал средства, необходимые, чтобы оставить их в силе. Господство латинян над Иерусалимом, которое продлилось пятнадцать лет, до конца было очень шатким из-за нехватки подкреплений, требуемых для защиты этого города. Фридрих II, несмотря на свою необычайную ловкость, переоценил могущество своей дипломатии: как только на смену осторожным и сговорчивым монархам, которые занимали троны Сирии и Египта, пришли более энергичные военные вожди, орды варваров ринулись на Святую Землю и все было потеряно снова. Кроме того, борьба не на жизнь, а на смерть, которая началась в 1239 г. между Григорием IX и Фридрихом вслед за гражданской войной, развязанной в Сирии из-за грубых просчетов императора-короля и его жестокой хитрости (столь отличавшейся от его мягкости в отношении мусульман), оставила Левант почти беззащитным. Вернув Иерусалим христианскому миру, Фридрих II стал причиной того, что он был снова утрачен. Но было бы несправедливым не признать, что благодаря ему, в 1229 г., стяги Иерусалимского короля вновь заколыхались на ветру на башне Давида, откуда они были сняты почти сорок два года тому назад, и что города Тир, Акра, Сидон и Яффа получили передышку.

¹ Raynaldi. *Annales ecclesiastici*, ann. 1235, XXXVIII–XL; Grousset, III, 369; см. также наше издание Симона де Сен-Каптена, в печати.

² Хроника Андреа Дандоло (*Muratorii. Hist. Patriae*, XII, P, 347) обвиняет, несмотря на ущерб, причиняемый христианам в ходе этих конфликтов между мусульманами, чиновников императора в том, что они ничего не предпринимали: «слуги же императора не делали ничего другого, кроме как подогревали рознь между баронами».

VI ПОДДЕРЖАНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ

На протяжении второго этапа своего существования Латино-Иерусалимское еще заслуживает право называться Иерусалимским королевством: государи продолжали пребывать в своих владениях, несмотря на сложные условия, в которых они очутились, и вопреки долгим периодам, когда трон пустовал, могли поддерживать свой авторитет. Однако им пришлось столкнуться с гораздо значительным противодействием, чем во времена первого этапа истории Латинского королевства. К счастью, особенно сначала, королями становились персонажи довольно могущественные, которые были в силах навязать свою власть мятежным феодалам и беспокойным итальянским колониям, церкви, которая пыталась установить над ними опеку.

Все эти государи совсем не походили друг на друга: Конрад I, Генрих Шампанский, Амори II, Иоанн де Бриенн и Фридрих представляли собой крайне разношерстную вереницу наследников. Уже одни их имена показывают, что если наследственный принцип был в точности соблюден, то скрывавшаяся под ним действительность было совсем иной: никакая родственная связь не объединяла этих пятерых людей. Конрад, Генрих и Амори поочередно были женаты на дочери Амори I, Иоанн — на дочери Конрада, Фридрих — на дочери Иоанна. Хотя в данном случае и не приходится говорить об избрании в прямом смысле этого слова, Иерусалимские короли теперь принадлежали к разным семьям и не были связаны друг с другом.

Среди них выделяется своей энергией Конрад Монферратский, барон из высшей знати, племянник императора Конрада III и родной кузен Фридриха Барбароссы, а также деверь королевы Сибиллы, вдовы его брата Вильгельма. Хотя Монферратское маркграфство было одним из крупнейших сеньорий Ломбардии, пятеро сыновей Вильгельма IV были обречены выбрать карьеру авантюристов: если один из них, Фридрих, стал священником, а потом и епископом, то его братья один за другим отправлялись на поиски фортуны на Восток. Старший, Вильгельм V, получил вместе с рукой Сибиллы графство Яффаское и мог со временем обрести корону Иерусалима (он вежливо отказался разделить с Балдуином IV титул короля): последний, Ренье, женился на принцессе из рода Комнинов и был приближенным Василевсов, пока его не убили по приказу Андроника I. Третий, Бонифаций, хотя и владел до 1203 г. маркграфством, унаследованным им от своего отца в 1188 г., в конце концов отправился в четвертый крестовый поход и заполучил королевство Фессалоникское. Конрад, второй сын Вильгельма IV, несомненно являлся самым примечательным персонажем в этой беспокойной семье, законченным образцом средневекового авантюриста: отправившись в Византию, чтобы отомстить за Ренье, он защитил

императора Исаака Ангела от восстания Враны, но его престиж затмил его союзника, и ему пришлось в некоторой спешке покинуть Константинополь, не без того, чтобы увести с собой значительные богатства. Прибыв в Тир, он воодушевил защитников города и сделал его неприступным, но со всей страстью к власти (отличавшейся от поведения его брата Вильгельма), в чем он предвосхитил авантюристов итальянского Ренессанса, всеми средствами попытался стать правителем этого региона. Его перемирие с Саладином, во время которого тот одним за другим захватывал франкские горры, его отказ принять Ги де Лузиньяна, его нежелание участвовать в осаде Акры, довольно грязная история с женитьбой на Изабелле Иерусалимской — все это показывает, как мало Конрад церемонился, стремясь выкроить себе домен на Востоке.

Этот активный государь повредил прочности королевской власти. Чтобы избавиться от Ги де Лузиньяна, он старался заключить союз с итальянцами — столь опасный для королевства, где они уже пытались вести себя по-хозяйски — и заручился поддержкой клана Ибеленов. Его игра увенчалась успехом, и после нескольких лет интриг и даже переворотов, он стал Иерусалимским королем: он носил титул «избранного короля», то есть еще не прошедшего коронацию¹, когда кинжал ассасина прервал его едва начавшееся царствование. Поэтому Конраду — которого Р. Груссе совершенно справедливо сравнивает с Балдуином I — не хватило времени, чтобы восстановить королевскую власть, которую он сам же и подорвал.

Его преемник, Генрих Шампанский, еще один великий барон Запада, кузен королей Франции и Англии, согласился принять корону безо всякого энтузиазма и после долгих колебаний. Для него, тоскующего по своему прекрасному фьефу во Франции, править Иерусалимским королевством (от имени юной Марии Иерусалимской и Монферратской) обязывал лишь долг. Потому-то он и отказался принять собственно королевский титул и пройти коронацию: он повел себя так, как если бы был простым «балъи» (регентом) королевства (1192—1197 гг.). Его титул звучал как «простой «сеньор Иерусалимского королевства», и на монетах, которые он чеканил в Акре — маленьких монетках из меди, называемых «rougeoises» — стояло всего лишь имя — «граф Генрих»². Государь, пользовавшийся всеобщим уважением, умевший заставить признать свой авторитет, Генрих совсем не обладал вкусом к власти, который отличал Конрада: создается впечатление, что он надеялся как можно скорее вернуть своей падчерице частично сохранный и даже насколько возможно увеличенный домен, чтобы снова очутиться в своем шампанском графстве. Нелепое падение, которое стоило Генриху жизни, помешало ему осуществить

¹ Такова была обычная титулатура епископов перед их посвящением: «избранный епископ» — это епископ, еще не прошедший посвящение.

² R. R., 724, 735... Schlumberger. Numismatique (+ Comes Henricus + Puges d'Accon).

свой замысел, и его дочерям, Алисе и Филиппе, не удалось даже добиться перехода к ним по наследству этого графства, несмотря на все попытки, предпринятые ими обеими¹.

При Амори II (1197—1205 гг.) ситуация изменилась. Амори, хоть и принадлежал к славной семье пуатевинских сеньоров, ни имел ничего общего с крупным бароном, и Запад занимал незначительное место в его мыслях: «бедный рыцарь и благородный юноша», которого король Амори I выкупил у сарацин, державших его пленником в Дамаске, он, снискав расположение короля, сделал блестящую карьеру (сначала в качестве камерария, потом коннетабля королевства), и избрание его брата Ги королем продемонстрировало всю его ловкость. Когда завершился третий крестовый поход, Амори получил графство Яффаское, которым до этого владел его брат Жоффрау. После того как Генрих отнял у него пост коннетабля и Яффу, Амори принял компенсацию на Кипре: смерть его брата Ги превратила его в «сеньора Кипра», пока в 1197 г. он не добился и Иерусалимской короны вдобавок. Он дополнил труд Ги, благодаря которому на Кипре обосновалась франкская колония, привлеченная вольностями, обещанными экс-королем Иерусалима (Ги понял, что прежде всего на острове требуется устранить возможность греческого восстания, подобного тому, которое в 1192 г. устранило тамплиеров). Амори стал истинным создателем этой колонии в королевстве, пересмотрев и ограничив щедро раздаваемые в правление Ги пожалования, и основал на острове прочные монархические институты. Он только что увенчал свой труд, добившись от императора превращения «сеньории» Кипра в королевство, когда его призвали на Иерусалимский трон: и нет ничего удивительного, что он без особого энтузиазма взялся на эту новую задачу. Доказательством этому является та забота, с которой он постарался свести свое принятие короны Сирии к простой личной унии (ведь он был всего лишь принцем-консортом), отказавшись объединить кипрскую и сирийскую казну: управление обоими королевствами осуществлялось полностью независимо друг от друга; два сирийских барона были выбраны равными им по положению, чтобы принимать и распределять бюджетные ресурсы Иерусалимского королевства.

Но это не помешало Амори с головой погрузиться в управление вотчиной своей новой супруги (от которой он имел дочь, Мелизиду, вышедшую

¹ Необходимо заметить, что Генрих был очень юным ко времени своего восшествия на престол (около двадцати лет). Его старшая дочь Алиса в декабре 1207 г. вышла замуж за Гуго Кипрского, а младшую, Филиппу, позднее выдали за Эрара де Бриенна, который потребовал Шампань у младшей ветви графского дома, в лице Тибо IV. Эрар оставил свои претензии только в 1222 г., а королева Алиса их вновь возобновила в 1233 г. Алиса передала свои спорные права на Иерусалимскую корону кипрским Лузиньянам, которые они и заставят признать в 1264 г.

замуж за князя Антиохийского). Обстановка была очень тяжелой: сирийские бароны беспокойны и отчасти враждебны Лузиньяну, немецкие крестоносцы относились к королю Иерусалимскому так, как будто его вообще не существовало. Амори смог навязать свою власть и за восемь лет правления (1197—1205 гг.) заставить всех подчиниться. Он позаботился о том, чтобы его короновал патриарх — правда, довольно неприязненно относившийся к его кандидатуре — что вынудило духовенство покориться новому монарху. Можно сказать, что в лице Амори II, короля настолько же осторожного, насколько энергичного, ловкого (это видно по его отношениям с мусульманами в щекотливой обстановке в период Четвертого крестового похода) и замкнутого, королевство Иерусалимское вновь обрело государя, достойного этого имени.

Но 1 апреля 1205 г. Амори умер, а королева Изабелла не пережила своего четвертого мужа. Требовалось назначить регента от имени Иерусалимской королевы Марии Монферратской: ее дядя (по матери, Марии Комниной, супруги Бальана д'Ибелена), Жан д'Ибелен, сеньор Бейрута, который принял должность бальи королевства в качестве самого близкого родственника новой государыни (1205—1210 гг.) — явился первым бальи, превратив эту должность в наследственную для Ибеленов в XIII в. как на Кипре (где король Генрих I являлся сыном Эскивы д'Ибелен), так и в Иерусалиме. Это регентство завершилось с приездом мужа Марии, которого король Франции предложил сирийским баронам, прибывшим к нему с просьбой назвать им какого-нибудь барона, способного стать королем Иерусалимским. Король Филипп выбрал шампанца Иоанна де Бриенна, брата графа Готье де Бриенна, отпрыска древней баронской семьи, корни которой восходили к началу X в., ко временам Энгильберта, первого из известных сеньоров де Бриенн. Но древность его линияжа не делала из него крупного барона: Бриенны владели только маленьким округом, вассальным от графства Шампанского, и, хотя Готье де Бриенн потребовал в 1202—1203 гг. себе Сицилийское королевство, ничто, казалось, не предсказывало семье графов де Бриеннов славное будущее, которое ей довелось познать в XIII в. Иоанн к тому же был очень беден — потребовалось, чтобы король Франции и папа ему подарили крупные суммы денег перед отъездом — и принес своему королевству только личные качества осторожности и храбрости, подкрепленные опытом его шестидесяти лет. Этот рыцарь-поэт (нужно, кажется, отнести на его счет несколько песен, приписываемых обычно Тибо Шампанскому¹) не имел авторитета, как Амори II или Генрих — что видно на примере пятого крестового похода — но зато он проявил себя сознательным государем: его кампания в Египте, если бы она

¹ См.: A. Wallenskold. Les chanson de Thibaud de Champagne, roi de Navarre, (Societe des Anciens textes Francais), Paris, 1925, p. 143.

разворачивалась так, как он этого хотел, вернула бы Иерусалимскому королевству его облик до 1187 г.

При Фридрихе II история франкской королевской власти принимает иной курс. Четверо его предшественников, несмотря на свою несхожесть, в общем обладали качествами отличных правителей. Все они также весьма нуждались в деньгах: от Ги до Амори II низкопробность всех их монет свидетельствует о пустующей королевской казне. Мы уже упоминали о трагической ситуации, в которой очутился Иоанн де Бриенн во время осады Дамьетты. Уверяли, что Генриху Шампанскому по утрам часто нечем было платить за свой ужин. Что же касается Конрада, то расстройство его финансов стало причиной его гибели: из-за нужды в деньгах он приказал потопить корабль, принадлежавший «Старцу Горы», чтобы поживиться за счет его груза, а затем и был убит по приказу этого ужасного предводителя исмаилитов¹. Регентство Жана д'Ибелена (1205–1210 гг.), по свидетельству Иннокентия III² ознаменовалось ослаблением королевской власти и также не блистало с финансовой точки зрения: бальи королевства, около 1206 г., до такой степени погряз в долгах, что, когда ему потребовалось расплатиться с Жаном ле Тором, ему пришлось просить у королевы разрешения продать один из ее домов в Акре. Однако эта продажа, включая 500 безантов на издержки и налог на переход права собственности, принес регенту всего две тысячи семьсот безантов³.

Можно только восхищаться энергией «Иерусалимских королей», с которой они заставляли уважать их власть в тот самый миг, когда различные группы, вместе составляющие королевство, начинали обретать независимое могущество. Сама церковь надеялась избавиться от тягостной опеки со стороны государей, которой она была обязана назначением Ираклия на пост патриарха Иерусалимского. Во время выборов в 1194 г. второго преемника Ираклия, капитул церкви Гроба Господня решил обойтись без согласия Генриха Шампанского: каноники, вместо того, чтобы выбрать своего кандидата и возвести его в сан только после разрешения государя, сразу назначили патриархом Эймара Монаха⁴. Они заявили, что в данный момент нет Иерусалимского короля: Генрих не был коронован и являлся всего «сеньором королевства». Граф Шампанский не пожелал ничего слышать и вместо того, чтобы согласиться с этим тезисом, приказал схватить каноников и пригрозил им смертью «за то, что они вздумали посягнуть на власть, которую Иерусалимские короли имеют на выборах

¹ Grousset, III, 151: Emoul, P. 288.

² «Иерусалимское королевство едва не лишилось всей королевской власти», Patr. Lat. 216, col 699.

³ R. R., 812.

⁴ Grousset, III, 126.

патриарха». Таким образом, духовенство было возвращено в подчиненное к королю положение. Правда, на протяжении столетия, папство все чаще и чаще присваивало себе право назначения прелатов, и эта королевская привилегия стала иллюзорной, но то был процесс, вышедший за границы латинских колоний на Востоке.

В лице итальянских колоний короли столкнулись с самыми сложными проблемами: Конрад I пожаловал своим соотечественникам огромные привилегии — возможно, обстоятельства не позволяли действовать по-иному — и иерусалимское «общественное мнение» обвинило его в чрезмерном к ним благоволении. В опьянении от своих успехов, управляющие, посланные из торговых городов Италии в Сирию, считали, что им все дозволено. Пизанцы, которым Конрад отдал часть Тира, замыслили, как говорили, захватить город у Генриха Шампанского, чтобы выдать его Ги де Лузиньяну, тогда только что воцарившемуся на Кипре. Несомненно, они надеялись продолжить свою двойную игру, которая удалась им в 1188—1192 гг., и тем самым увеличить свое могущество в Сирии: но при первом же подозрении король Генрих вмешался и запретил пизанцам допускать в город в одно и то же время больше тридцати их сограждан (в мае 1193 г.). Пиза, в надежде заставить Генриха сдаться, приказала своим кораблям заняться морским разбоем у сирийского побережья. Ответ графа Шампанского не заставил себя ждать: все пизанцы были незамедлительно высланы из Акры и Сирии; мир был восстановлен только 19 октября 1194 г. Преемники этого государя не более чем он признавали непомерные привилегии тосканского порта: в 1219 г. Пиза жаловалась на плохое соблюдение пожалований 1188 г., и одним из первых шагов бальи Томаса д'Ачерры, присланного Фридрихом II, было лишить пизанцев их прав на правосудие, несмотря на то, что на Западе они занимали проимперские позиции: и только после прибытия самого императора Пиза добилась восстановления своих прав¹.

Венеция также не ладилась с Иерусалимскими королями: но благодаря энергии государей еще было далеко до всемогущества итальянцев в Сирии. Генрих Шампанский отобрал у венецианцев несколько поместий, которыми они владели в Тирской области, в 1197 г. им пришлось послать посольство к королю, чтобы добиться возвращения привилегий, незаконно отнятых у них архиепископом Тирским. Вдова одного знатного венецианца, госпожа Гвида Контарини, отдалась под королевское покровительство, чтобы не возвращать сеньории фьефы, которые Венеция пожаловала Роландо Контарини: не согласившись передать этот фьеф Венеции, Гвида сделала своим наследником самого короля, и Венеция так и не смогла вернуть его обратно. И, наконец, король Иоанн продолжил эту политику «возвратов»; с 1124 г. венецианцы, по меньшей мере

¹ Grousset, *Loc. cit.*; R. R., 735, 1005—1007.

теоретически, владели третью Тира. Король отнял ее у них, и они смогли вновь занять свои владения только позже.¹

«По-хозяйски» обращаясь с церковью и итальянскими городами, короли второго Иерусалимского королевства также старались удержать в подчинении феодалов. Крупные бароны, князь Антиохийский и граф Триполийский, в 1187 г. силой возвратили себе фактическую независимость. Тем не менее Ги де Лузиньян, прежде чем отправиться осаждать Акру, заставил обоих князей признать свою власть.

После него графство Триполийское и княжество Антиохийское вели обособленное существование, тем более что до 1229 г. ряд мусульманских территорий (которые в конце концов свелись к Сидонской сеньории) отделяли их от королевства. За этот период история обоих фьефов была довольно оживленной, ибо они вели против мусульман Хомса, Хамы и Алеппо войны, зачастую не связанные с конфликтами Иерусалимского королевства с Дамаском и Каиром. Но самые значительные сложности возникли в их внутренних делах: после смерти Раймунда III графом стал младший сын князя Боэмунда III Антиохийского, Боэмунд IV. Само княжество должно было перейти к старшему сыну Боэмунда III, Раймунду, который в 1195 г. женился на Алисе Армянской. Но Раймунд скончался незадолго до смерти своего отца (в 1201 г.): Боэмунд Триполийский захватил княжество у своего племянника Раймунда-Рупена, которому оказал поддержку его дядя царь Лев Армянский. Война между двумя лагерями, к которой прибавился мятеж сеньора Нефина (возле Триполи), завершилась только в 1219 г. триумфом Боэмунда IV.

Иерусалимские короли не забывали о своих обязанностях сюзерена перед этими великими фьефами Севера во время этих волнений. В 1194 г. царь Армении Лев изменой пленил Боэмунда III и попытался заставить его отказаться от Антиохии в свою пользу. Генрих Шампанский прибыл к армянскому двору и добился освобождения пленника, перед этим подготовив Антиохию к обороне. Затем Амори II, чтобы укрепить довольно неопределенные узы верности, связывавшие короля и графа Триполи, учредил для того ежегодную ренту с «цепи Акры» в 4 000 безантов, «за которые граф стал человеком короля»². Но Амори не мог без волнения смотреть, как Боэмунд IV узурпировал Антиохию у своего племянника: Иерусалимские короли всегда стремились избегать сосредоточения фьефов в руках своих вассалов, которые из-за этого стали бы слишком могущественными. Не говоря уже о праве, которое было довольно спорным («порядок наследования после пресечения прямой ветви

¹ *Historia ducum Veneticorum* // M. G. H., XIV, P. 91; R. R., 1114.

² R. R., 743 (август 1198 г.) — Другое вмешательство в дела Антиохии и Армении; в 1211 г. Жоффруа де Кафран и Эймон д'Эйс привели в Антиохию 50 рыцарей, посланных королем, чтобы отбить для тамплиеров замок, захваченный царем Львом (*Grousset*, III, 260).

наследников» не был установлен в «Иерусалимских ассизах», но в принципе права юного Раймунда-Рупена были достаточно убедительными), Боэмунд ввязался в борьбу с церковью и Римом, а по традиции королю вменялось защищать церковь. Поэтому Амори II и поддержал в 1205 г. восстание сеньора Нефена, а царь Армении женился на родственнице Амори, Сибилле де Лузиньян. Еще одним результатом этих франко-армянских союзов (Иоанн де Бриенн, после смерти своей жены Марии Иерусалимской, женился на старшей дочери царя Льва, что позволило ему в 1220 г. потребовать для себя корону Армении; кончина королевы во время этих событий помешала ему навязать себя армянам в качестве царя) стало сближение между коронами Иерусалима и Киликии. После смерти Льва (1219 г.) киликийскую корону потребовали три франкских князя, Раймунд-Рупен, племянник Льва, и мужья его двух дочерей, Иоанн де Бриенн и Филипп Антиохийский: победил Филипп, низложенный в ходе восстания армянского населения. Но эти связи, особенно семейные, между христианскими государствами Востока были менее прочными, чем феодальные узы, объединявшие их всех в XII в. Верховенство Иерусалимского короля, еще поддерживаемое при Генрихе Шампанском и Амори II, стало постепенно исчезать.

Напротив, это превосходство в отношении баронов королевства сохранялось на протяжении всего периода от Конрада до Фридриха II. Если Конраду пришлось, чтобы создать свою партию, даровать уступки «баронам», то его преемники сумели навязать свою власть феодалам, почувствовавшим вкус к анархии в 1186—1192 гг. Первый из них, Генрих Шампанский, стал опасаться своего коннетабля, занявшего исключительно важное положение, Амори де Лузиньяна, который владел Яффой и должен был получить в наследство Кипр. По мнению одних, конфликт разразился из-за заговора пизанцев в Тире: якобы Амори вступился перед королем за пизанцев, и Генрих приказал его арестовать за пособничество им и его брату Ги. Согласно «Истории Эракла», при новости о смерти Ги король испугался, что Кипр и Яффа оба окажутся в руках слишком могущественного вассала. Как бы то ни было, Амори был арестован по приказу графа Шампанского. «Коннетабль удивился, зачем граф это сделал, ведь он был ему сеньором, а Амори ему — верным вассалом». Несмотря на эту апелляцию Амори (одного из лучших юристов того времени) к правам вассалов, Генрих не сменил гнев на милость, и Лузиньяну пришлось отказаться от должности коннетабля и вернуть Яффу королю. Тем не менее мир между ними был быстро восстановлен: «верные люди» (в особенности семья Бейсан) убедили Генриха вернуть свое расположение новому «сеньору Кипра». В результате брачного соглашения наследница Иерусалима была помолвлена с наследником Кипра, Ги (которому было суждено умереть одновременно со своим отцом), а другие дочери графа Шампанского, Алиса и Филиппа — с другими сыновьями Амори и Эскивы д'Ибелен, Гуго и Жаном. На самом деле осуще-

свился лишь брак Гуго и Алисы. Генрих вернул Яффу Амори, и «Яффаское графство» перешло к его сыну Гуго, а затем к дочери Гуго, Марии, которая вышла замуж за племянника короля Иоанна, Готье де Бриенна, принеся ему этот фьеф в приданое¹.

После смерти короля Генриха Амори стал королем отнюдь не беспрепятственно: некоторые желали выдать королеву Изабеллу замуж за старого сторонника Ги де Лузиньяна, Рауля Тивериадского, брат которого Гуго был в то время самым влиятельным бароном Сирии, наряду с своим родственником Жаном д'Ибеленом. Тем не менее Амори был избран, чтобы стать мужем королевы, но, вероятно, его соперник, уже одна популярность которого представляла опасность, продолжал вести себя вызывающе. Отношения между этими двумя сеньорами оставались корректными до того дня, когда четыре германских рыцаря набросились на Амори и попытались его убить (около Тира, в мае 1198 г.). Король обвинил в организации этого покушения Рауля Тивериадского и решил изгнать его из королевства. Франкская знать тогда объединилась вокруг Рауля; в первый раз она угрожала королю взбунтоваться, если он откажется судить Рауля в Высшей курии. Это требование могло бы стать очень опасным для короля: если у него не нашлось бы ясных доказательств, и бароны оправдали бы Рауля, то для государя это означало бы значительный удар по престижу. Амори не проявил никакого волнения, и бароны, осознав, что не одолеют его, уступили. Рауль поблагодарил своих собратьев за поддержку и объявил, что предпочитает удалиться по собственной воле, «чем прослыть неверным человеком, никогда не служившим (королю)»². Амори выиграл партию, и претензии баронов были надолго забыты из-за их неудачи в этой «пробе сил».

Напротив, Иоанн де Бриенн не смог с той же строгостью заставить вассалов уважать свой авторитет. Глава клана де Бланшгард, Бернар де Бейрут, осмелился оскорбить короля на глазах у всего двора: «Случилось, что король собрал курию, неизвестно для какого дела; его племянник стал грубо говорить о жителях этой страны («пуленах») и когда Бернар де Бейрут ему возразил, то тот его ударил, и тогда Бернар его убил перед королем и курией и удалился, отбив в Триполи, но не нашлось никого, кто арестовал бы его или поднял на него руку»³. Еще можно понять, что в последующий период существования Иерусалимского королевства подобное преступление могло остаться безнаказанным; и теперь Бернару пришлось бежать, хотя очевидно, что Амори или Генрих не дали бы нанести себе такое оскорбление. Власть Иерусалимского короля, хоть и внушала еще почтение своим вассалам, с правления Иоанна де Бриенна начинает поддаваться растущему неповиновению со стороны феодалов.

¹ R. Grousset, III, p. 125–135; Eracles, p. 208. V. Addenda.

² Grousset, III, p. 168; Lois, I, 518.

³ Lois, II, 458.

Несмотря на это, королевский домен оставался почти нетронутым. В своем докладе Иннокентию III патриарх Эймар Монах мог написать, что «Наблус и Тир, Акра и Иерусалим принадлежат непосредственно королю». Ясно, что в реальности королевские владения ограничивались лишь Акрой и Тиром, и то все больше и больше освобождаемые от налогов: пожалования итальянцам, «ренты (assise)», учреждаемые для иерусалимской знати, изгнанной из своих владений, уступки военным орденам, налоговые льготы сирийцам (король Иоанн разрешил всем сирийцам не платить таможенную пошлину в Тире) уменьшили поступления в казну. Но из одного текста, созданного в 1243 г., видно, насколько пространством все еще являлся личный королевский домен в Тире: «усадьбы короля» упоминаются в каждой строчке отчета, который в этот год отослал в Венецию венецианский балли Марсилио Джорджио. Лишь один город был отчужден из королевского домена: во время отвоевания Бейрута король Амори II, без сомнения, чтобы снискать симпатию клана Ибеленов, а также из-за проблем с охраной этого города (в 1197 г. он не в силах был послать надлежащий гарнизон), пожаловал его Жану д'Ибелену, «старому сеньору Бейрута».

Но вот что сильно мешало королевской власти, так это полная независимость западных крестоносцев в отношении к Иерусалимским королям: во время пятого крестового похода и Пелагий и Андрей Венгерский смотрели на Иоанна де Бриенна как на пустое место; четвертый крестовый поход ознаменовался неподчинением Рено де Дампьера; немецкий крестовый поход породил множество сложностей. Германцы изгоняли из домов горожан Акры и поджидали момент, когда «рыцари страны» отправлялись на военную кампанию, чтобы присвоить их дома и выгнать их семьи. Король Генрих, по совету Гуго Тивериадского, даже сделал вид, что собирается атаковать их и вынудил прекратить эти злоупотребления. Крестоносцы нарушили перемирие, даже не предупредив короля... При Амори II крестоносцы попрали одну из его королевских привилегий — право выдавать наследниц фьефов замуж за своего кандидата. Вспомним, что граф Жослен Эдесский создал для себя большую сеньорию, которую должны были наследовать его дочери Беатриса и Агнесса. Старшая, Беатриса, была (с 1187 г.?) вдовой Гильома де Валанса, эфемерного сеньора Торона. Поскольку она приходилась королю золовкой и вассалом, вполне естественно было бы, чтобы Амори выдал ее замуж за какого-нибудь богатого и родовитого сеньора, который, поселившись в Святой Земле, придал бы королевству новые силы. В «Заморских линиях» сообщается, что «германский граф взял Беатрису вопреки воле короля Амори»: граф Отто фон Геннеберг увез свою жену, а в 1208—1220 гг. уступил свою землю Тевтонскому ордену.

Иоанн де Бриенн, устав от проблем, которые доставляли королевству экспедиции, предназначенные оказывать ему помощь, в конце концов добился от

папы разрешения для Иерусалимского короля руководить крестовым походом. Но события быстро сделали эту привилегию ненужной...

Тем не менее можно восхищаться упорством этих государей, которые с таким трудом заставляли вассалов уважать свою власть, но чьи привилегии, несмотря на всю их энергию, постепенно сходили на нет (например, право чеканить монету — сохранились монеты с именем Рено Сидонского, Жана д'Ибелен-Бейрута...). Ведь они не только открыто пытались вернуть Иерусалим и сосредотачивали все свои усилия на отвоевании своей столицы — клятва, которую они приносили во время коронации в Тире (прежняя корона, увы! с 1187 г. хранилась в Багдаде) начиналась следующими словами: *«Я, такой-то, который волей Господа стану королем Иерусалима, обещаю тебе, сеньор патриарх и твоим преемникам, что с этого дня буду вашей опорой и защитником, равно как и всем людям Иерусалимского королевства»*; один из них своей законодательной деятельностью попытался притормозить медленный упадок королевской власти, которую все безнадежно стремились сохранить нетронутой.

Амори II представлял собой тип короля-законодателя, и было бы небезынтересно проследить, как он старался обновить кодекс, на котором в предыдущем веке основывалась власть его предшественников. Он знал (совсем как Балдуин III или Амори I, чьи юридические знания восхвалял Гильом Тирский, что, несомненно, позволяло этим государям пользоваться превосходством и влиянием в их Высшей курии) право «Писем Гроба Господня» и не мог без волнения смотреть, как этот законодательный кодекс остался лишь в памяти людей, которые могли попробовать его изменить в собственных интересах. Поэтому он и решил воспользоваться воспоминаниями других «мудрых людей», Рено Сидонского, Жана д'Ибелена и, прежде всего, Рауля Тивериадского, сравнив их со своими личными воспоминаниями, и воссоздать «Сборник кутюм», в точности воспроизводящий утраченные «Письма». Но Рауль, которому он хотел доверить эту работу, отклонил предложение, и в правление Амори смогли осуществить лишь одну редакцию «Книги короля», верно отражающую ассизы, затрагивающие королевскую власть.

Однако Амори II обнародовал множество ассиз. Помня о Хаттине и желая в случае новой катастрофы избежать пагубной анархии, подобной той, что последовала за пленением Ги де Лузиньяна, он приказал выпустить ассизу, принятую на «парламенте» в Тире, согласно которой вассалы должны были (при необходимости продав свой фьеф), прежде всего, выкупить своего короля, если тот попадет в плен, под страхом конфискации и утраты правоспособности. Другие ассизы этого короля затрагивают моральные и религиозные вопросы, но в некоторых из них одновременно видно стремление Амори защитить общественный порядок против надвигающейся волны вредоносных доктрин. Известно, что в первые годы XIII в. христианский мир боролся с ересями, долгое

время остававшимися в границах Балкан и Малой Азии, но только что познавшими стремительный расцвет в Италии, Южной Франции вплоть до долины Луары. Уже в 1179 г. замыслы этих «Patarins» (еретиков) начали серьезно волновать папство; двадцатью годами позже ереси добрались и до Святой Земли.

Амори II издал против них законы, чтобы сдержать их распространение: он постановил, что рыцарь «patelin» (еретик) будет предан суду равных себе и осужден на костер. Его имущество отойдет короне; если его супруга не является «еретичкой», она сохранит либо свою вдовью часть, либо половину фьефа. Напротив, если правительница фьефа будет повинна в ереси, то у ее мужа останутся только его снаряжение, животные, провизия и одна «убранная» постель¹. Таким образом, наказание за ересь, приравниваемое к измене — в этом самом отдаленном уголке христианского мира это уподобление кажется вполне оправданным — было изъято из юрисдикции церковных судов и передано в ведение королевских трибуналов. Действительно, анти социальные идеи катаризма могли привести к вторжению государства в религиозную сферу. Поэтому законодательство короля Амори де Лузиньяна оставалось верным прежней монархической традиции. Амори II по праву занимает свое место в веренице государей, которым первые «ассизы» Иерусалима обязаны своим появлением на свет. Символичен тот факт, что основной памятник монархического иерусалимского права, «Книга короля», родилась в окружении этого государя. Однако не пройдет много времени, как победившая феодальная анархия отбросит эти древние законы, чтобы создать новую правовую теорию, еще раз доказав бессилие текстов и конституций перед грубой силой. К чести последних королей «второго Иерусалимского королевства» надо признать, что они старались бороться против опасной эволюции, которая угрожала единству этого государства; исчезновение действенной королевской власти безвозвратно разрушило их труд.

VII

БАРОНЫ, ГОРОЖАНЕ И КЛИРИКИ

Катастрофа 1187 г. не только нанесла жестокий удар королевской власти, чья почти полная несостоятельность привела к падению первого Иерусалимского королевства: она также перевернула все иерусалимское общество. В вос-

¹ Livre au Roi. 21; прочие предписания относились к «буржуа» (Assise des Bourgeois, 239, 144) — Возможно, именно Амори II предписал, чтобы обманутый муж, убив свою жену, застигнутую во время измены, вместе с ее любовником, будет оправдан, но зато повешен, если выместит свою злобу на одном из виновных (Lois, II, 218).

становленном королевстве уже не сохранилось равновесия между различными социальными слоями, обеспечивавшего существование франкского государства в XII в. Феодальная организация была нарушена, что сильно сказалось на политической жизни второго королевства.

Сражение при Хаттине и падение королевства превратили иерусалимскую знать, разом утратившую свои земли, в класс, который больше всего похож на эмигрантов времен Французской или Русской революции. В нескольких прибрежных городах, где они нашли убежище, беглецы являли такое же зрелище бедности, скрытой под аристократическими амбициями — герцог Фридрих Швабский, взволнованный их нуждой, приказал раздавать щедрые пожертвования вдовам, сиротам и обедневшим сеньорам, собравшимся в Триполи¹. Мы видим все ту же борьбу кланов, ненависть, в отношении тех, кто стал причиной катастрофы (хотя вина, как всегда, была обоюдной) — ненависть, которая звучала в страстных обвинениях, выдвинутых историками (с одной стороны, Амбрузом, с другой — Эрнулем) против лиц, связанных с событиями, предшествующими поражению, — Раймунда III Триполийского, Ги де Лузиньяна или Ираклия². Дух эмиграции наложит свой отпечаток на всю дальнейшую историю королевства. Вместо того, чтобы помочь отвоевать государство законному королю (хоть Ги и был, без сомнения, лишен политического чутья и авторитета, но ненависть противников помешала ему показать себя в деле), бароны — или по меньшей мере, часть из них, которая, как обычно, без колебаний объявила себя большинством — предпочли поддержать Конрада I и приняли участие в печальной комедии развода Изабеллы и Онфруа Монреальского.

Эти «эмигранты», ничего не позабыв из своих прежних претензий и еще более уверившись в них за время продолжительного изгнания, стали настоящими бездельниками. Их сеньории, которыми они управляли и без отдыха защищали, отныне попали к сарацинам, и в процессе медленного отвоевания 1189–1229 г. лишь незначительная часть была возвращена прежним владельцам. Поэтому на досуге рыцари Акры, эти бывшие «земельные собственники», потерявшие свои прежние титулы, которые они не прекращали требовать обратно (они всегда ревниво охраняли права на земли, которые надле-

¹ Cronica Alberti de Besanis, P. 41 (1190 г.).

² Мы уже упоминали об обвинениях, выдвинутых против патриарха Эрнулем и прочими историками, враждебно настроенными к королю Ги. Возможно, они отчасти лживы, ибо один англичанин, написавший в 1185 г. житие Св. Фомы Бскета, восхвалял святость жизни Ираклия... «Как известно, патриарх Иерусалимский, один из самых благороднейших столпов церкви, какие ныне существуют, по имени Ираклий, муж, не пренебрегающий святой жизнью, приехал в Англию из-за того, что Святая Земля подвергается частым и невыносимым набегам врагов-язычников» (речь идет о посэдке патриарха в 1184 г., целью которой было убедить начать крестовый поход); J. C. Materials for the history of Thomas Becket. III. London, 1877. P. 514.

жало отвоевать), проводили свое время в обсуждении юридических вопросов. Не следует забывать, что «Иерусалимские ассизы», в том виде, в каком они дошли до нас, возникли в среде не земельных феодалов, а городского рыцарства, всецело поглощенного конституционными проблемами, исходя из посылки, что старое иерусалимское общество было устроено совсем по-иному. Это городское рыцарство в большей степени, чем феодальный мир тогдашней Франции, заставляет вспомнить об итальянских коммунах, где рыцари и горожане были почти едины в своем юридическом статусе.

Тем не менее сохранилось еще несколько сеньорий; но в годы, предшествующие 1229 г., их число было незначительным. Сеньории Бейрута и Сидона, которые только что были восстановлены по Яффаскому договору (но без своих внутренних территорий), с вассальными владениями — Аделоном, Сканделионом и Тороном, возвращенные в 1229 г. Фридриху II и отданные им наследникам прежних собственников — таковы были «крупные фьефы» по соседству с Тиром. Далее к югу — «сеньория графа Жослена», утратившая свою восточную часть, была поделена между Тевтонским орденом — наследником Беатрисы фон Геннеберг — и сеньорами Манделеи, из норманно-калабрийского рода, которым младшая сестра Беатрисы передала свои права¹. И, наконец, в «горах Акры» остаток большого домена, некогда принадлежавшего Генриху де Мильи по прозвищу Буйвол, попали в руки к сирам Бейсана, а также к супругу Павии Джебейлской, эльзасцу Гарнье по прозвищу Германец, сеньору Межелколона. На побережье, сеньория Хайфы осталась такой же, какой была в XII в. Сеньория Цезареи утратила почти всю свою площадь и состояла из «дороги к морю (побережью)», охрану которой, а вместе с тем и надзор за караванами паломников, папа римский в 1238 г. хотел доверить Готье де Бриенну (из-за неспособности тамплиеров достойно контролировать этот тракт)². Сеньория Арсуфа, после смерти графа Жана Арсуфского отошла к его сестре Мелизинде, которая вышла замуж сначала за Тьерри д'Орга, затем за Жана д'Ибелена. Наконец «графство Яффаское и Аскалонское», которым владели Лузиньяны, а потом Готье де Бриенн, свелось к самому городу Яффе. Передали ли Рамлу, возвращенную христианам в 1229 г., Ибеленам, а Лидду — своему епископу? Мы этого не знаем, но кажется, что сеньоры Бланшгарда, из семьи Бейрутов, вновь стали владельцами своей маленькой сеньории, аванпоста христианских земель на юге³.

Таким образом, еще существовало значительное число латинских сеньорий, но известно, что из «бароний», перечисленных в «Ассизах», две исчезли (Гали-

¹ Л'Аманделе или Ла Манделе: Амандолея, кантон Кондофури, пров. Реджио в Калабрии?

² R. R., 1233.

³ R. R., 1324.

лейская и земля Крака и Монреала), а две (Сидонская и Яффаская) превратились в слабое подобие самих себя. Территориальная база франкской знати оказалась резко ограниченной.

Этой знати также пришлось выдержать в 1187 г. жестокий удар: мы располагаем сведениями о цифре погибших при Хаттине, и, судя по всему, она была довольно большой. Многие рыцари, о чьем существовании упоминалось до 1187 г., пропали после этой даты, как, например, Гильом де Валанс или Жан Арсуфский! Требовалось восполнить ряды знати, но отъезд соратников Ги де Лузиньяна на Кипр замедлил процесс восстановления. Мало-помалу древние фамилии вырождались. Если Сидоны (во главе с Рено, его сыном Жилем в 1247 г. и внуком Жюльеном), Сканделионы (чье место в 1260 г. по браку заняли сеньоры Мандалеи) продержались еще долгое время, то линияжи Цезареи, Арсуфа, Хайфы, игравшие важную роль в первом королевстве, не пережили его исчезновения. В Цезарее, сестра Готье II, Жюльенна, вышла замуж за Эймара I де Лейрона (Эйрон, возле Лузиньяна?), упомянутого как сеньор «Цезара» в 1193–1211 гг., маршала королевства (1206 г.), и затем, маршала тамплиеров (умер во время похода в Египет), от которого родились следующие владельцы — Готье III и Жан. Испанец Гарсия Альварес стал сеньором Хайфы после смерти Жоффруа, зятя Рохарда II; фламандец Тьерри де Термонд женился на наследнице Аделона. Список баронов королевства после 1192 г. показывает совсем иную ситуацию, чем четыре года назад; Провены, Лейроны, Бребаны, д'Эйсы, д'Оне, д'Орги, Мальи, позднее Монбельяры, Монфоры, Могастели заменили старые «иерусалимские» фамилии¹.

Тем не менее роль первого плана по-прежнему принадлежала некоторым из этих фамилий, например, Сидонам и, особенно, Ибеленам. Полностью потеряв свои прежние владения, могущественная семья Ибеленов с помощью своих родственников и союзов с королевской фамилией, Сидонами и Тивериадами смогла восстановить свое прежнее влияние тем более легко, что уже не имела соперников. Около 1192 г. Бальан д'Ибелен уговорил Саладина отдать ему Кеймон; немного позже его старший сын Жан женился на наследнице Арсуфа, одним из первых взяв на вооружение политику повторных браков, которую королевская власть Иерусалима будет широко использовать — так всегда про-

¹ Одним из основных пресонажей среди этих новоприбывших был эльзасец Гарнье Германец, или Гарнье фон Эгисхейм (возле Кольмара), из семьи графов Дабо, к которой в XI в. принадлежал святой папа Лев IX. Он взял в жены внучку того самого Гуго Джебейлского, которая унаследовала треть земель Генриха Буйвола, и стал сеньором Мержельколона и Гедена. (Lignage, в Lois, II, P. 399, 454). Побывав в должности бальи королевства, он стал тамплиером. Его племянник Эймон фон Остхейм также поселился на Святой Земле. Один из его сыновей, Гуго Германец, был сеньором Аделона, другой, Жан — Цезареи (он женился на Маргарите, правнучке Эймара I де Лейрона; Эймар II, ум. 1235, племянник Эймара I, осел в Антиохии).

исходило в феодальном обществе после каждой катастрофы. В 1197 г. Амори де Лузиньян был вынужден передать Жану Бейрут. С этого времени Ибелены, как и в предыдущий период, вновь становятся крупными земельными собственниками, но теперь, на фоне всеобщей бедности, их богатство кажется еще более колоссальным. Кроме того, наплыв новоприбывших с Запада, которые не принадлежали к иерусалимской знати, сделал из Ибеленов представителей франкской традиции. «Линьяж Ибеленов» в политическом отношении постепенно возглавляет всю знать Востока; однако этот процесс не обошелся без серьезных столкновений. Ибо перед королевской властью, чья позиция была менее устойчивой, чем у Балдуинов, знать Востока превращалась в общность, охваченную идеей независимости, чтобы в конце концов претворить в жизнь эти замыслы, воспользовавшись устранением монархии. Это рыцарство все больше вело себя непоседливо и непокорно: Генрих Шампанский и Амори II сумели подавить беспорядки, но Фридриха II ждала неудача. Рыцари были просто влюблены в свои привилегии и свободы, подобно всем тем, кто их полностью лишился — например, эмигрантам 1815 г. — и мятеж против Ги де Лузиньяна, который, в общем, удался, только подбодрил их: бароны Иерусалима, не посягая на наследственное право, воспользовались благоприятными обстоятельствами, чтобы с выгодой для себя установить своего рода избирательное право. Формально королевы были признанными наследницами королевства, но бароны присвоили себе право выдавать их замуж — то есть выбирать короля.

Кроме того, знать Иерусалима могла легко избежать наказания от государей. Взбунтовавшиеся бароны Антиохии находили пристанище в Армении: мятежники из «Сирии» могли рассчитывать на приют в Антиохии, Триполи и особенно на Кипре¹. Ибо франкские рыцари извлекли немало выгоды из воцарения латинской династии на Кипре. Если Ги де Лузиньян преимущественно обустроивал там своих сторонников — Шенеше, Барле, Риве и прочих пуатевинцев, сеньоров из Джебайла и Бейсана — Ибелены и их друзья также не замедлили получить многочисленные фьефы на обширном острове, причем в таком количестве, что второй сын Бальана д'Ибелена, Филипп, станет регентом Кипра в 1218 г. Однако всевластие Ибеленов вызвало недовольство потомков соратников Ги, что стало, по-нашему мнению, одной из главных причин гражданских войн в XIII в. Но до этих событий положение франкской знати, одновременно киприотской и сирийской, было необычайно устойчивым.

Так же как и знать, «буржуазия» претерпела изменения. Во время наступления Саладина на христианские территории латинское население внутренних городков было обречено на рабство или исход, а мужчины, способные

¹ Тем не менее в 1212 г. папе Иннокентию пришлось просить Гуго I Кипрского освободить нескольких вассалов Иерусалимского короля, пришедших на остров из боязни мусульман, и которых он приказал арестовать (Patr. Lat., 216 col. 736).

носить оружие, попали в плен при Хаттине. Не осталось ничего от спянного класса мелких сельских собственников, наряду с рыцарями составлявших военный костяк первого королевства. Те же, кто избежал пленения, смешались с городским населением Акры или Тира, часто находясь на плачевном положении беженцев. Потому отличительные черты «буржуазии» стали иными: отныне она почти полностью состоит из купцов и ремесленников, хотя в период отвоевания потерянных территорий пытались воссоздать прежнюю земельную «буржуазию»¹. Франкское и провансальское население, подарившее столько поселенцев латинскому королевству, все больше смешивалось с итальянцами, чья численность, не прекращая, увеличивалась, и людом разного происхождения, привлеченного богатством Леванта, главным источником которого отныне стала торговля.

Однако эта «новая буржуазия» не была столь устойчивой, как ее предшественники. Известно, что епископ Акры Жак де Витри, который посетил многие франкские города в 1216 г., чтобы проповедовать там крестовый поход, оставил свидетельство о падении нравов (похожем на то, в котором историки обвиняли жителей Иерусалима, всеми средствами обиравших паломников). Картина, которую он набросал, слишком пессимистична, поскольку епископ, несомненно, немного преувеличил настоящее положение дел в порыве негодования, как считает Р. Груссе. Ясно только, что нравственный облик крупных торговых портов не мог служить образцом для подражания, а латинское население из поселений, оставшихся под властью франков, все чаще смешиваясь с местными жителями, совсем не стесняло себя христианской моралью — и даже верой (особенно в Сарепте). Прежние колонисты стали левантийцами, и крестьянство франкских земель отныне состояло из туземцев (один документ 1243 г. перечисляет имена «верных людей (*homlige*)» из сельских наделов: все они были сирийцами)².

«Наконец, Акра стала пристанищем для всех изгнанных и беглых преступников, которые превратили ее в злочное место. Все пираты Средиземноморья, бандиты с Запада, прибывали под видом крестоносцев, чтобы заново начать жизнь на этом перекрестке людей и цивилизаций. Гавань стала разбойничьим притоном, где людей убивали днем и ночью»³. В подтверждение этой картины, курьезный текст доносит до нас повествование о жизни одного из таких поставленных вне закона. В 1241 г. в Австрии схватили монгольского шпиона, который незадолго до того передал венгерскому королю ультиматум Батыея и

¹ Определение на жительство в Саферию одного горожанина из Акры в 1255 г. (R. R., 1242).

² Grousset, III, 197–200, R. R., 1144.

³ Grousset, 198. — Григорий IX в марте 1238 г. (Registres, II, 4134–4135) жаловался, что многие заморские сеньоры оставляли куртизанок в своих землях.

состоял при командовании армии этого внука Чингиз-хана в должности переводчика. На допросе оказалось, что он был англичанином и вынужден был покинуть свою страну, подчинившись приговору об изгнании. Естественно, он появился в Акре и, играя в притонах, спустил все свое состояние. Тогда-то он и принялся колесить по Востоку, сначала под видом нищего, потом писца, до тех пор, пока не был нанят монгольским вербовщиком. Сколько жителей крупных портовых городов, таких как Тир или Бейрут, могли бы поведать подобные истории — и сколько из них в конце концов отреклись от своей веры, чтобы избежать рабства или бежать от правосудия королевской или иной курии, предвосхитив, таким образом, примечательную карьеру тех ренегатов, которые на протяжении следующих веков составят костяк военного флота турок и берберов (около 1223 г. Александрийский патриарх указывал на существование свыше десяти тысяч ренегатов — и Латеранский собор 1215 г. засвидетельствовал, что моряки латинского происхождения служили лоцманами на сарацинских кораблях)? Правда, другим не требовалось переходить в ислам, чтобы заняться пиратством: морские пути, ведущие к Святой Земле, кишели латинскими корсарами. Филипп-Август, возвращаясь из Акры с четырнадцатью галерами, проплыв побережье Сирии и Киликии, оказался на маленьком рейде анатолийского берега, прозванном пизанским портом из-за того, что пираты родом из Пизы имели обыкновение ждать в этом месте, чтобы нападать на корабли, вне зависимости от их принадлежности: король Франции нашел там четыре корсарских корабля, которые уничтожил, в то время как их экипаж спасался бегством в горы (1191 г.). В 1234 г. Григорий IX отлучил от церкви «корсаров и пиратов», которые «мешали помощи, отправленной в Святую Землю, захватывая и грабя тех, кто туда отправлялся или возвращался оттуда»¹.

Если прибавить к этому населению, неуравновешенному и малопривлекательному, еще одну категорию людей — преступников, высланных в Святую Землю, чтобы искупить свои грехи (почти так же, как в XIX столетии в некоторых государствах предоставляли своим преступникам выбор между наказанием за проступки или добровольной ссылкой в Америку), среди которых встречались еретики, с большей или меньшей долей искренности вернувшиеся к христианскому вероисповеданию и отправленные инквизицией в Святую Землю для покаяния, то получается, что характер франкской колонизации сильно изменился: богатые купцы, беглые матросы, паломники, разбойники и еретики, прибывшие в Святую Землю скорее не для того, чтобы заслужить отпущение грехов, а чтобы избежать строгостей правосудия, представляли собой очень разношерстную толпу. Акра и Тир стали походить на крупные средиземноморские порты следующего столетия, в том виде, каком они просуществовали до XX в.,

¹ Benoit de Peterborough. Ed. Stubbs. London, 1867, II, p. 194. — Epistolae saeculi XIII, ed. Rodenberg, I, 494.

и можно понять негодование Жака де Витри по поводу этого зрелища. Однако в действительности из этой беспокойной публики только привилегированный класс из купцов и городских собственников назывался буржуа. Некоторые из них занимали положение, приближенное к знати¹.

Католическая церковь, которая господствовала над населением, также испытала на себе последствия поражения 1187 г. Сколько монастырей, возведенных в самых дорогих сердцу паломников местах, в Иудее, Самарии или Галилее, были разрушены, а их монахи и каноники попытались добраться до побережья? Сколько епископов и архиепископов разом утратили свои епархии и доходы? Именно в Акре нашло пристанище большинство беглых монахов и епископов: любой мало-мальски важный монастырь владел в этом огромном городе приорством или кельей (*celle*), где и устраивались бежавшие аббат и монахи. Именно в Акре осели каноники, и в 1194 г. выбрали там патриарха. Эти временные резиденции в конце концов стали постоянным местом проживания: когда Иерусалим снова стал франкским, большинство старых монастырских общин Св. Града поспешили вернуть себе свои прежние владения, но — не по причине ли неустойчивости отвоевания франками Иудеи — Иерусалимский патриарх не отправился в свой патриарший город. Даже из монастыря Иосафатской Пресвятой Девы были посланы монахи, чтобы вновь занять свой монастырь, но отныне аббат «Иосафата» жил в Акре, а в Иосафатской долине осталось только простое приорство, управляемое «приором в Иерусалиме»².

Помимо этих монастырей, оставшихся отныне в Акре — городе с бесчисленными колокольнями, описанными в курьезном тексте «*Pardouns d'Acree*», — в стенах этого великого прибрежного града стали жить многочисленные епископы *in partibus*, архиепископ Назарета со своим капитулом (папа разрешил ему остаться там в 1256 г.)³, епископы Лидды, Хеврона... (хотя прелаты Назарета и Лидды могли бы воспользоваться временным возвращением своих епископских городов, как, кажется, сделал первый из них). Но главным среди этих епископов и архиепископов, которые ждали в Акре отвоевания своих кафедр — этим временем можно датировать рождение «должностных» прелатов или *in partibus infidelium*, из которых с XIII в. папство стало набирать свой

¹ Антиомы, юристы из семьи «буржуа», в первой половине XIII в. получили дворянство: в 1288 г. Жан Антиом назван «рыцарем из Акры (*miles Accopensis*)» (*Registres Nicolas IV*, 266).

² В 1241 г. (*R. R., Add.*, 1098a). В 1254 г. это перемена резиденции была признана официально (*R. R.*, 1223).

³ *Registres d'Alexandre IV*, № 1300 (папа указывал, что на протяжении длительного времени архиепископ не имел возможности пребывать в Назарете: в тексте говорится о сроке в 39 лет. Имеется ли в виду период с 1187 по 1229 гг.? Кажется, что в 1229—1256 гг. архиепископ находился в Назарете). Хеврон: *R. R.*, 1389 (1273 г.). Епископ Вифлеема уехал за море. Остальные прелаты пребывали либо на Кипре, либо на Западе: в 1255 г. епископ Баниаса получал пенсию от Руанской провинции, где он и жил, без сомнения.

высший персонал дипломатов и помощников, а также и коадьюторов для епископов, возглавлявших слишком обширные епархии — был не кто иной, как сам Иерусалимский патриарх. «Духовный сеньор» Иерусалимского королевства сохранил свой авторитет над тем, что осталось от его территории. Он продолжал управлять обломками патриархата в ожидании момента, когда Иерусалим будет окончательно отвоеван. Вот почему он не считал необходимым уйти из Акры, ставшей настоящей столицей королевства, в Иерусалим, где он мог оказаться в изоляции. Мы уже видели, как Иерусалимским королям удалось подчинить своей власти патриарха; но все чаще и чаще папы руководили его назначением. Тем не менее еще в первой трети XIII в. избрание патриарха организовывал капитул Гроба Господня. Но новая причина способствовала тому, что патриархи стали непосредственными агентами папства: вошло в обычай назначать их постоянными легатами на Святой Земле. Около 1220 г. достоинство папского легата начинают совмещать с саном патриарха. Наконец, территория патриархата была сильно ограничена: в Акре уже был свой епископ — впрочем, только до понтификата Жака Пантелеона, сына сапожника из Труа, ставшего епископом Вердена, затем (1253 г.) патриархом Иерусалимским, прежде чем его избрали папой под именем Урбана IV (1261–1264). Бывший патриарх, переводя Флоранса, своего прежнего викарного епископа, из каноников Лана ставшего епископом Акры, в другое епископство, решил, что в будущем, вплоть до возвращения Святого Града, патриарх присоединит к своим обязанностям еще и функции епископа Акры¹. Таким образом, роль патриарха сводилась единственно к контролю и надзору, очень похожие на функции, вменяемые папским легатам.

Возможно, что после плачевного легатства кардинала Пелагия папы решили более никого не посылать в Святую Землю, за исключением особых миссий (например, легатство кардинала Лаврентия с целью изучить вопрос о присоединении восточных христиан к римской церкви). В любом случае именно после пятого крестового похода патриархи надолго получили «все обязанности легатов как в церковной провинции Иерусалима, так и в христианской армии, которая будет послана в какое бы то ни было место в этой провинции, чтобы спасти Святую Землю (в крестовом походе)»². Этот новый сан мог лишь усилить авторитет патриархов, которые в конце XIII в. стали настоящими государями над тем, что осталось от старого королевства.

¹ Registres de Nicolas III, № 567; d'Alexandre IV, № 125, 305; потребовалось вывести патриарха и его окружение из-под юрисдикции подчиненного ему епископа Акры, что создавало весьма щекотливую ситуацию: для этого и было принято это решение (1257; id, № 1775).

² Сан легата был пожалован 12 мая 1233 г. патриарху Раулю, затем его преемнику Герольду, затем отнят у последнего в 1232 г. из-за его враждебности в отношении Фридриха II, но возвращен после того, как он сумел оправдаться в папской курии (Rodenberg. Epistolae. I. 157, 376; Chi prois, P. 721); Reg. Alex. IV, № 950 (1255 г.).

Наряду с этими изменениями в рядах высшего латинского клира необходимо отметить трансформацию низшего духовенства: с одной стороны, клирики Акры — равно как Тира или Бейрута — смешались с итальянскими или западноевропейскими священниками, прибывшими с паломниками или крестоносцами; среди них находились не только достойные люди, но и субъекты с сомнительной репутацией, если судить по недовольству их епископа Жака де Витри¹. Очевидно, клирики — расстриги или «гуговаgues», для которых паломничество часто было предписанным покаянием или даже возможностью убраться из своей родной епархии, смешивались с разношерстной толпой на улицах этого крупного порта, эксплуатируя без зазрения совести проезжих пилигримов. Но в противовес этому в начале XIII в. родились два религиозных ордена, которым было суждено великое будущее, доминиканцы и францисканцы, которые поставили перед собой задачу проповедовать евангельские заветы жителям города. В добрый час монастыри «нищенствующих братьев» выросли среди многочисленного верующего населения христианской Сирии. Особенно братья-доминиканцы взяли на себя решение неотложной задачи — воссоединить восточные церкви и латинян. Именно они привели к унии с Римом яковитского патриарха Игнатия II (в Иерусалиме, около 1237 г.); они же посылали своих миссионеров, шедших бок-о-бок с братьями-миноритами, в Египет, мусульманскую Сирию, Персию, Турцию. Доминиканская «провинция Святой Земли» и францисканская «custodie Святой Земли» соперничали в религиозном рвении, распространяя католическую веру среди неверных и схизматиков и пополняя собою вереницу мучеников.

Эти миссионеры также проповедовали Евангелие рабам и сарацинским крестьянам. Один из них, Гильом Триполийский, прославился тем, что, не прибегнув ни к силе, ни к подкупу, обратил в христианство более тысячи мусульман как в пределах королевства, так и на землях ислама. После каждого грабительского набега духовенство стремилось выкупить пленников, особенно детей, чтобы сделать из них адептов и окрестить. В 1237 г. Григорий IX рекомендовал воспользоваться определенными обстоятельствами: он приказал крестить и обучать, невзирая на интересы их собственников, всех рабов, кто будет согласен перейти в христианство, при условии, что они станут добрыми верующими. Правда, это не помешало тому же Григорию IX настойчиво предписывать обменивать рабов, чтобы вызволять пленных христиан (у патриарха Иерусалимского находились суммы, предназначенные для «пленных в Вавилоне»².

¹ Grousset, III, 198.

² Olivier de Paderborn. Lettres, p. 289. Registres de Gregoire IX, II, 3792, 3991 (письмо королю Кипра про обмен рабов). Sbaralea. Bullarium Franciscanum. I. 453. Registres d'Urbain IV, № 1925).

Что же касается военных орденов, то падение королевства только усилило их могущество. В то время как разоренное франкское рыцарство, напоминало лишь тень тех воинов, кто сражался под знаменами Балдуинов, королевская власть потеряла большую часть своих владений и доходов, а ресурсы церкви, теперь существовавшей на субсидии от папства, таяли изо дня в день, тамплиеры и госпитальеры не понесли столь крупного ущерба. Ведь орденские богатства находились на Западе; и их исчисляли в баснословных цифрах: в 1244 г. число маноров ордена тамплиеров восходило к 9000, а госпитальеров — к 19 000. Правда, один современный текст приписывает госпитальерам всего лишь 3500 «часовен» (то есть резиденций с часовнями, отличавшихся от простых риг)¹. Каково бы ни было их действительное количество, эти подсчеты показывают, что оба ордена представляли собой силу, чье имущество и солдаты значительно превосходили те ресурсы, на которые могли рассчитывать прочие группы королевства.

Однако оба традиционных ордена не остались в одиночестве: если испанский орден Монжуа не пережил катастрофы 1187 г., то другой военный орден возник на Востоке. Он вел свое происхождение от гостеприимного госпиталя Пресвятой Богородицы, который служил основным пристанищем для германских пилигримов в Иерусалиме второй четверти XII в. До третьего крестового похода он подчинялся госпиталю Св. Иоанна Иерусалимского, но Фридрих Швабский, придя в Святую Землю, добился превращения «госпиталя германцев» в независимый орден, сначала в гостеприимный (1190 г.), но очень быстро ставший военным (1198 г.). Организованному в подражание госпитальерам, ордену Св. Марии Тевтонской суждено было стать основным орудием политики Гогенштауфена, который осыпал его многочисленными дарами.

Военные ордена постепенно потеряли все свои укрепления, за исключением первых крепостей вдоль дороги, по которой передвигались паломники, по соседству с Яффой. Их отряды отныне размещались в их городских «домах», казармах, которые возвышались посреди кварталов, часто им же и принадлежавших. В условиях нехватки солдат, от которой страдала Святая Земля, их помощь была неоценима, и признавали, что было бы невозможно защитить без них королевство². Поэтому они не замедлили восстановить свои земельные владения: король Ги продал квартал Акры Тевтонскому ордену, которому была доверена защита одной барбаканы (1193 г.), затем — ворот Св. Николая (1198 г.), башни Ла Шатр, и, в 1217 г., барбаканы короля, фланкирующего строения между двумя городскими стенами, возле барбаканы сенешаля и ворот Жоффруа ле Тора. Фридрих II, после возвращения Иерусалима, пожаловал им в этом городе «манор короля Балдуина» вместе со старинным госпиталем

¹ Matthieu de Paris. IV. P. 291; Aubri de Trois-Fontaines, P. 820.

² Registres de Gregoire IX, № 545.

Пресвятой Богородицы¹. Прочие ордена также получили свою долю в укреплениях Акры (госпитальерам были отданы барбакана и ворота Св. Иоанна). Но им также уступали крепости в личную собственность: так, тамплиерам была доверена крепость, построенная в 1217 г. Готье д'Авенем в Шатель-Пелерен.

Что касается тевтонцев, то свой основной замок они возвели в старой «сеньории графа Жослена»: известно, что старшая дочь Жослена, выйдя замуж за Отто фон Геннеберга, принесла в приданое этому немцу половину своей спорной сеньории. Оба супруга мало-помалу полностью передали ее тевтонцам: за исключением старой крепости Шато-дю-Руа, эти владения включали в себя горы к северо-востоку от Акры. Другой наследник Жослена, Жак де Ла Манделе, после некоторых осложнений, в конце концов также продал рыцарям свою часть сеньории². В этой сеньории в 1228 г. во время немецкого крестового похода был укреплен замок Монфор или Франк Шато, ставший главной резиденцией Тевтонского ордена в Сирии.

Три ордена превратились в основную силу во внутренней политике латинского государства не только из-за своего военного могущества, но и из-за своего финансового превосходства, которое возвышало их над всеми другими франками. Роль банкиров, которую взяли на себя тамплиеры и госпитальеры, только расширилась с денежными переводами, сопровождавшими крестовые походы в XIII в. Оба ордена завели собственные корабли и занялись торговлей. Из-за нее-то они и вступили в конфликт с городом Марселем; благодаря посредничеству иерусалимского коннетабля в 1233 г. и праву, которое им предоставили марсельцы в 1216 г. (строить корабли и перевозить паломников и купцов), число судов было ограничено до двух в год, для провоза не более 1500 пилигримов, что не помешало в 1248 г. госпитальерам подготовить к отплытию в этом крупном провансальском городе три нефа «Грифон», «Фокон», «Комтесс», под командованием братьев ордена Понса Фука, Роберта Глостера и В. Одета)³.

Благодаря своим торговым богатствам, необычайно удачным банковским операциям, замкам и мощным армиям, которые даже и сравнить нельзя с ничтожным по численности иерусалимским рыцарством, воздействию на куп-

¹ R. R., 701, 716, 743, 746, 810, 899, 1010. По средневековой традиции королевские вассалы были обязаны охранять башни Акры — барбакана была уступлена Гильому де Петра, а башни владелица Цезареи передала «в пользование» тевтонцам, оговорив, что в случае опасности они вернут их сеньору Цезареи (1207, R. R., 810).

² R. R., 828, 829, 933, 934, 978, 1002, 1011, 1119, 1120.

³ R. R., 899, 1046; L. Blancard. Documents inedits. II. P. 20. I. P. 28, 73, 102, 120, 315. В 1199 г. папа доверил корабль, груженный хлебом для Святой Земли, опеке одного тамплиера и одного госпитальера (R. R., 760).

цов, достигнутому в силу депозитов, каковые все вкладывали в их казну, и на крестоносцев, из-за своих банковских функций и своего интернационального характера, ордена оказывали на политику королевства такое влияние, что его невозможно обойти молчанием. Правда, госпитальеры в общем показали себя достаточно послушными воле Иерусалимских королей, включая Фридриха II. Тем не менее политика этого императора была связана с Тевтонским орденом, который помнил, что некогда был «филиалом» старого ордена госпитальеров, и Фридрих II по большей части был обязан своей Иерусалимской короной Герману фон Зальца, настоящему основателю тевтонцев и их Великому Магистру, одной из самых примечательных личностей во франкских колониях той эпохи.

Но соперничество, которому суждено было стать роковым, столкнуло меж собой ордена тамплиеров и госпитальеров и, за редким исключением, они никогда не действовали сообща. Тамплиеры придерживались древней традиции независимости и даже неподчинения королевской власти, как мы видели в правление Амори I и его наследников. Госпитальеры приняли сторону Конрада Монферратского: тамплиерам не требовалось большего, чтобы поддержать Ги де Лузиньяна. Оба ордена достигли согласия, чтобы противодействовать Иоанну де Бриенну во время взятия Дамьеты, затем помирились с ним, чтобы выступить против Пелагия, но в 1210 г. тамплиеры потребовали возобновить военные действия, тогда как госпитальеры стояли за мир. После высадки Фридриха II ордена стали проводить диаметрально противоположную политику (как, например, в Антиохийском деле, когда тамплиеры поддерживали Боэмунда IV с тем большим энтузиазмом, что госпитальеры приняли сторону Раймунда Рупена). Орден тамплиеров высказался против Фридриха и завязал отношения с кланом Ибеленов, согласно своей традиции¹. Известно, что Фридрих дошел до того, что осадил дом тамплиеров в Акре и напал на Шатель-Пелерен. Вернувшись на Запад, император обнаружил живейшую ненависть к тамплиерам, лишив их владений в королевстве Сицилийском, еще в большей степени, чем к госпитальерам, которые придерживались нейтральной позиции в конфликте. Тем не менее тамплиеры продолжали вести себя независимо как в области внутренней, так и внешней политики: в 1231 г. папе Григорию IX пришлось вмешаться, чтобы помешать тамплиерам нарушить перемирие — «священная война» всегда была единственным желанием ордена — несмотря на запрещение императорского наместника, к великому ущербу для паломников и всей Святой Земли. К тому же спустя некоторое время тамплиеры возглавили мятеж против Фридриха. Папа был недоволен активностью этого ордена, который, казалось, позабыл, что был основан для защиты

¹ Орден тамплиеров пользовался расположением франкской знати, чьи представители часто становились его членами перед смертью, как Жан д'Ибелен и Гарнье Германец.

пилигримов: в 1238 г. он сильно порицал тамплиеров, забывших, что их цель — отражать нападения мусульманских разбойников по дороге от Цезареи до Яффы¹.

Недисциплинированность орденов, и, прежде всего, тамплиеров, наряду с смутьянством новой «буржуазии», непокорным духом франкской знати и положением духовенства привел (более или менее бессознательно и, скорее всего, в силу положения вещей) к установлению опеки над королевской властью и послужили причиной того, что Святая Земля стала полностью неуправляемой. Во «втором Иерусалимском королевстве» еще правили короли, удержавшие в относительном повиновении эти малопокорные группы, но неотвратимый упадок королевской власти приблизил момент, когда все они стали вольны в своих действиях, избавившись от опеки, которую переносили со все с возрастающим недовольством. Премахи Фридриха только ускорили эту развязку и, как следствие, окончательно загубили весь результат стараний преемников Ги де Лузиньяна.

VIII УСИЛЕНИЕ ИТАЛЬЯНЦЕВ

Этот период, когда Иерусалимским королям все труднее становилось бороться против всеобщего неподчинения и смут своих подданных, был решающим для итальянских факторий, обосновавшихся в королевстве. Именно тогда они обрели настоящее политическое могущество, позволившее им в течение следующих лет установить опеку над франкскими колониями в Сирии. По правде говоря, привилегии «коммун» — а именно «коммунами» называли их историки Востока (лучше именовать их этим словом, нежели просто «итальянцами» ибо наряду с Генуей, Пизой, Венецией и Анконой, провансальцы и каталонцы тоже находились в выгодном положении) — не были новшеством. Их истоки восходят к самому образованию королевства.

Вспомним, что Иерусалимские короли смогли завоевать свои прибрежные владения только с помощью западноевропейских моряков. От случая к случаю это были фламандские, норвежские, английские или фризские флотилии. Но основную поддержку на море сирийским франкам оказали торговые республики Италии. Во времена первого крестового похода в Марселе, Сен-Жилле, Монпелье и Барселоне только-только пробуждалась крупная торговля; им еще долго предстояло играть роль второстепенных портов, по большей части из-за враждебности итальянских городов (в 1143 г. Генуя потребовала от

¹ Registres de Gregoire IX. I. № 544 (26 февраля 1231 г.) и II, № 4129 (9 марта 1238 г.).

своего союзника Гильема VI де Монпелье запретить своим подданным торговать дальше Генуи и позднее хотела заставить нарбоннцев отправлять в Сирию не более одного судна с паломниками в год. Но уже с 1166 г. Бенжамен де Тюдель назвал Монпелье крупным торговым городом, завязавшим отношения с Магрибом, Египтом, Сирией и Византийской империей)¹.

Напротив, для прибрежных городов Италии морские походы были не внове. В течение XI в. Венеция поставляла свои эскадры Василевсу для борьбы с норманнами; Генуя в эпоху Каролингов приняла участие в боевых действиях против мусульманских пиратов Корсики и добилась господства над частью этого острова². В свою очередь, пизанские корабли изгнали арабов из Тирренского моря и даже нападали на африканское побережье, особенно на порт Махдию. Крестоносцы всего лишь воспользовались их уже старым опытом мореплавателей.

Подоспев первыми, генуэзцы приняли участие в осаде Иерусалима и сделали много из того, что было с заботой зафиксировано в надписи золотыми буквами в церкви Гроба Господня, напоминающей об их участии в завоевании Святого Града. Другие привилегии коммерческого характера сопутствовали этой исключительно почетной награде. Затем приплыли пизанцы, возглавляемые своим архиепископом Даимбертом; став патриархом и правителем Яффы, он уступил часть этого города своим соотечественникам, которые поспешили его отстроить (1100 г.). Наконец, венецианцы, после долгого плавания возле византийских берегов (откуда они привезли мощи Св. Николая, захваченные в городе Мире), согласились помочь Готфриду Бульонскому завоевать Акру взамен на обещание защитника Гроба Господня уступить в республике Св. Марка один рынок, церковь, даровать свободу венецианской торговле, судебный иммунитет во всех завоеванных франками городах, передавать Венеции треть всех городов, каковые будут взяты при поддержке венецианцев, кроме Триполи, каковой целиком должен был отойти к венецианцам после законного раздела добычи, и, наконец, отказаться от права грабить потерпевшие кораблекрушения венецианские суда³. В 1124 г. осада Тира послужила поводом еще к одному договору между франками Сирии и Венецией, текст которого для нас частично сохранил Гильом Тирский: во всех городах, принадлежащих королю или его баронам, Венеция должна была получить церковь, целую улицу, площадь и общественную баню, с печью, в полную собственность (с правом передавать по наследству и не облагаемые налогом). Венецианцам было позволено владеть в своем квартале в Акре (отданным городу Св. Марка Балдуином I, после того, как дож Орделафо помог ему осадить Сидон) печью, баней, мельницей, общественными мерами и весами. Они сами управляли своими городскими кварта-

¹ Ch. De la Roncière. Histoire de la marine française. Paris, 1909, 3 éd., I P. 158—162.

² Правда, пизанцы на время изгнали их оттуда.

³ R. R., 31. На самом деле осадить пришлось не Акру, а Хайфу.

лами, их соотечественники были подчинены только собственным дворам правосудия и не платили никаких пошлин при въезде или выезде из королевства, и «на всей земле короля или его баронов любой венецианец был так же свободен, как в самой Венеции». Треть города и территорий Тира и Аскалона (ибо крестоносцы еще не решались атаковать сам Аскалон) должна была отойти в полноправное владение Венеции. Венецианцы даже претендовали на то, чтобы заставить королевство следовать за таможенной политикой их родины в отношении к различным купеческим народам в Сирии¹.

Если корабли великого порта Адриатики помогали франкам взять Хайфу, Сидон, Тир, то Генуя поспособствовала завоеванию Акры, Арсуфа, Цезареи и Бейрута. Поэтому кафедральный собор генуэзцев — собор Св. Лаврентия, соперничавший с собором Св. Марка, получил такие же привилегии, что и его противник: одну площадь и улицу в Иерусалиме, треть Цезареи, треть Арсуфа, треть Акры, треть доходов от таможни («цепи») в этих городах и треть всех городов, которые будут завоеваны с помощью генуэзцев и их флота (включая «Вавилон», согласно одному тексту 1104 г.), наконец, одну улицу в Яффе².

Пиза отстала от своих конкурентов — она пережила упадок во второй половине XII в., упадок, которым Генуя воспользовалась, чтобы убедить папство отменить исключительное право назначать епископов Корсики, что присвоил себе тосканский порт в лице архиепископа Пизы. Также, в конце концов, у нее началась распря с Иерусалимскими королями, которые всеми средствами стремились препятствовать непомерным притязаниям итальянских купцов и совсем не считались с дарениями, некогда сделанными пизанцам. В 1156—1157 гг. Балдуин III, желавший затормозить египетскую торговлю, заключил соглашение с Пизой. Пизанцы обещали прекратить поставки леса, железа, оружия, смолы в Египет, но зато добились для себя беспрепятственной торговли в королевстве, имущества в Тире, освобождения своих соотечественников из-под юрисдикции королевского виконта и отказ от «echoite» (конфискация собственности по «праву выморочного имущества») на пизанцев, умерших в Сирии. Брат короля, Амори, вернул пизанцам их владения в Яффе. Сам став королем, он пожаловал Пизе новые уступки (в 1165 г. прямой вход в порт Тира; в 1168 г. — амбар с церковью в Акре, где пизанцы также перестали зависеть от королевского правосудия), в обмен на помощь, оказанную этим городом франкам во время их кампаний в Египте, что не помешало пизанцам в дальнейшем заключить торговый договор с Саладином в 1173 г., а венецианцам — в 1174 г.³

¹ R. R., 102 (1123 г.).

² R. R., 43. В 1105 г. Генуя владела в Акре одной улицей и третью пригорода (Carafa, в Atti della Societa Ligure. I. P. 35).

³ R. R., 322, 324, 412, 449. Привилегии пизанцам были пожалованы им Балдуином II (Gius. Muller. Documenti, P. 7).

Марсель также, хоть и играл гораздо менее важную роль в военных операциях, в ходе которых Иерусалимские короли подчинили себе сирийское побережье, не замедлил получить от государей привилегии, подтвердившие участие этого крупного провансальского города как в торговле в Сирии, так и в обороне королевства. Около 1116 г. марсельцы, осевшие в Иерусалиме, получили право на владение хлебопекарнями: в 1136 г. Фульк I пожаловал им свободу торговли, одну улицу («улицу провансальцев»), церковь в Акре и ренту с «рынка» в Яффе. За помощь, которую они оказали Балдуину III, в особенности в виде субсидии (или займа?) размером в 3000 безантов для защиты Яффы, они получили подтверждение своих привилегий и имение Ромаде в качестве залога, без сомнения, на то время, что они будут ждать возвращения своего вклада (1152 г.)¹.

Так, накануне падения Иерусалима крупным итальянским городам — и в меньшей степени другим — удалось создать для себя исключительную ситуацию в силу их былых услуг и важной роли, которую они играли в экономической жизни королевства. Эти конторы, которым предоставили очень широкие привилегии, прибавили сил развитию иерусалимской торговли: ведь итальянцы могли бы направлять свои корабли прямо к мусульманским портам, и может быть именно так поступали пизанцы до соглашения 1156 г. Поэтому франкам приходилось соперничать в предоставлении льгот с Александрией и Дамьеттой, чтобы проложить через сирийские порты большинство торговых путей между Востоком и Западом. Вот почему три «коммуны» безо всяких условий владели своими амбарами, домами и «общественными заведениями», необходимыми для восточного квартала (баня, рынок, печь, церковь). Они могли торговать во всем королевстве без уплаты некоторых налогов (налог на въезд, выезд, стоянку кораблей, взвешивание и отмеривание продукции по государственным мерам и весу); однако, чтобы ограничить как можно больше их коммерческие операции напрямую с мусульманами, в некоторых соглашениях, как, например, в заключенном в 1192 г. между графом Шампанским и генуэзцами, предусматривалось, что если купцы прибывают в Акру и Тир после побывки в портах Египта, Берберии и Малой Азии (Константинополе), то товар, который они привозят на рынок, будет подлежать налогу с продаж².

Наконец, их соплеменники пользовались очень выгодным личным статусом — почти так же, как граждане Рима в первый век существования своего государства, которые могли быть судимы только своими трибуналами во всех странах, куда этих предшественников средневековых итальянцев завлекла тор-

¹ R. R., 85, 163, 273.

² Liber iurium rei publicae Genuensis // Historiae patriae Monumenta. I. Col. 405. С 1119 г. венецианцы стали торговать с Дамьеттой напрямую (Nuovo Archivio Veneto. XIX. P. 70–72).

говля, после утверждения римского господства над этими землями. Они могли не только чувствовать себя в своих кварталах как на родной земле, но и повсюду подлежали суду только своих соотечественников. Они были неподвластны юрисдикции королевских виконтов, что привело к зарождению в Сирии итальянского чиновничества. В местах, где располагались итальянские колонии, существовали «консул и виконт Генуи в Тире» (в 1187 г. — Гильельмо Пиперата) и венецианские или пизанские консулы и виконты, выполнявшие обязанности королевского виконта по отношению к своим согражданам. Первый генуэзский виконт в Акре появился около 1105 г.

Но Иерусалимские короли вовсе не были расположены полностью утратить свои прерогативы государей: венецианские, генуэзские, пизанские суды вершили «низшее правосудие» и гражданские дела, а королевские курии творили «высшее правосудие». Всякое разбирательство, которое затрагивало короля, изымалось из компетенции трибуналов «коммун», равно как и дознание по отдельным делам — убийству, измене, воровству или грабежу — которые карались телесными наказаниями или смертью. «Ни одна коммуна не судит за кровь, то есть за прилюдный удар, ни за убийство, ни за грабеж, ни за измену, ни за ересь, если человек является пателином или еретиком, ни за продажу дома или земли». Выходцы из коммуны, которые оседали в королевстве на постоянное место жительства, переставали быть подсудными своим трибуналам, так же как и те, кто поступал на королевскую службу¹. Король заставлял итальянцев поставлять воинов в королевскую армию: так, один венецианский отряд сражался при Хаттине. Наконец, чтобы помешать превращению этих маленьких государств в единое государство, чье существование должно было показаться королю раздражающим, он запретил своим вассалам продавать фьефы «людям коммуны»². Потому в первом Иерусалимском королевстве итальянские колонии были обречены остаться небольшими по размеру.

Кроме того, государи стремились ограничить привилегии, которые сами же пожаловали итальянцам, и со времен правления Балдуина II (Балдуин I беспрестанно нуждался в этих требовательных союзниках) до 1187 г. можно проследить тот тернистый путь, который пришлось преодолеть итальянским городам в надежде заставить соблюдать свои права. В 1123 г. Венеция добилась уступки ей трети Тира с королевскими прерогативами: Балдуин II не ратифицировал этот договор, в каком-то роде превратив это дарение в феодальное пожалование. Исходя из этого, он потребовал от «Сеньории» военный

¹ Assise des Bourgeois. P. 144. R. R., 449. — Если итальянцы выступали истцами против людей, не принадлежавших к их согражданам, то их жалобы рассматривалась не в трибуналах их «коммуны», а в других.

² Livre au Roi, № 45.

отряд для охраны города¹, и отказался признать таможенные статьи того же договора. Фульк Анжуйский прекратил выплату Венеции специальной ренты с доходов от таможни («цепи»), и в 1164 г. коммуна все еще не могла добиться права самой судить своих людей. Пиза была в ссоре с предшественниками Балдуина III. Но Генуя имела больше всего оснований для жалоб. В 1167 г. Амори I, возможно, воспользовавшись осложнениями в отношениях между своими новыми союзниками-пизанцами и генуэзцами, возникшими из-за Сардинии, приказал разрушить надпись золотыми буквами вокруг алтаря церкви Гроба Господня, напоминавшую о участии граждан Генуи в освобождении Иерусалима. Папа неоднократно рекомендовал королю восстановить надпись и вернуть генуэзцам крупную сумму денег, которую тот отнял у них силой, но все просьбы, обращенные к Амори, его сыну Балдуину (1176 г.) и регенту Раймунду Триполийскому (1186 г.), оказались безрезультатны. В 1186 г. папа жаловался, что у генуэзцев, несмотря на их привилегии, захватили улицу в Иерусалиме, в Яффе, треть Цезареи, Арсуфа и Акры и треть доходов от таможни («цепи») в этих городах².

В столь затруднительных условиях генуэзцы и венецианцы иногда решали не сохранять самоуправление в своих колониях, которые и приводило(к подобным осложнениям, а уступить свои кварталы светскому или церковному вассалу, удовлетвовавшись выплатой арендной платы и торговыми привилегиями. Именно так поступил дож Венеции Виталио Мичиело в 1164 г., передав церкви Св. Марка в Тире тирские владения сеньории (всю «венецианскую» улицу), обязав прокуратора этой церкви попытаться вернуть им «ренту» в 300 безантов с доходов от таможни («цепи») Акры, утраченную ими в правление Фулька. Генуя придумала назначать комиссаров, которым были бы пожалованы ее конторы на Востоке, в обмен на ежегодный ценз. В критический миг кризиса 1154 г. она прибегла к этому крайнему средству (возможно, им уже пользовались до этого). Тогда Гильельмо Эмбриако получил на 29 лет управление имуществом коммуны в Лаодикее и Джебайле, где семья Эмбриаков уже заложила основы своего могущества с момента завоевания этого города генуэзцами в 1104 г. В то же самое время генуэзские владения в Акре (а также и в Антиохии) были доверены на тот же срок (1150–1179 гг.) Уго Эмбриако и его брату Никколо в обмен на ежегодную выплату суммы в тысячу су. И если домены в Акре, Антиохии и Лаодикее вернулись к республике, то владения в Джебайле

¹ В «Ассизах» утверждается, что речь шла о службе трех рыцарей; Венеция пожаловала эту службу и домен, доходов которого должно было хватить для ее выполнения, знатному венецианцу, Роланду Контарини, чья вдова отдала этот фьеф королю в XIII в.

² Grousset. I. 618–620; R. R., 401; Liber iurium. I. с. 228–229, 309, 331 и далее. Не во время ли реконструкции храма была уничтожена эта надпись, которую не пожелали восстановить на новых хорах?

(в конце концов ставшим фьефом дома Эмбриаков), так и остался леном, подвассальным графству Триполи, а рента, положенная Генуе за тот же самый Джебайл, вскоре перестала выплачиваться¹. Дело шло к основанию итальянских сеньорий, вассальных Иерусалимским королям и все более независимых от республик в Италии, но движение в этом направлении только начиналось.

Падение королевства в 1187 г. открыло новые перспективы для предприимчивых городов Италии, Прованса, Лангедока и Каталонии. В один миг вновь появилась надобность в их эскадрах и их отрядах, чтобы привести в состояние обороны те франкские города, которые уцелели во время катастрофы. Они сумели воспользоваться этой ситуацией и 1187—1197 гг. ознаменовались новым подъемом купеческих факторий на сирийском побережье. Срочно требовалось заинтересовать их в защите Тира: Раймунд III Триполийский и иерусалимские бароны предоставили генуэзцам, сразу же после Хаттина, привилегии, которыми те никогда не владели в этом городе — свободу торговли, юридические льготы, бойню, площадь и дома. Пизанцы, которые уже владели там рынком (фундуком), получили значительные привилегии, сначала от Раймунда, затем от Конрада Монферратского: им уступили церковный квартал дома, баню, бойню — до того принадлежавшие королю — мельницу, многочисленные поместья и право использовать свои привычные меры и весы. В том случае, если бы христианам удалось отбить у Саладина Акру, Конрад обещал им целый городской квартал с имуществом за пределами крепостных стен (включая Шато-дю-Руа, принадлежавший графу Жослену, и крупное владение Сен-Жорж).

Ко всему прочему началось соперничество между Конрадом и Ги: двое противников (помимо необходимости заинтересовать итальянцев в осаде Акры) изо всех сил старались добиться поддержки торговых республик. Марсель, Сен-Жиль, Монпелье и Барселона получили от Конрада (сообща) в Тире право беспрепятственной торговли, собственный двор правосудия, поместье, дворец и печь. Ги уступил марсельцам судебный и фискальный иммунитет. Он также предоставил подобный иммунитет амальфийцам и освободил их от налогов, взыскиваемых с их кораблей. Сверх того Конрад прибавил генуэзцам владений в Тире, разрешив им построить там часовню (церковь Св. Лаврентия). В ответ на этот шаг Ги увеличил владения генуэзцев в Акре. Тогда Конрад пообещал генуэзцам одну улицу в Акре, доходы с таможни («цепи») в Акре и Тире, право свободной торговли в тех городах, которые будут отвоеваны христианами (прежде всего, в Яффе, Аскалоне, Иерусалиме) и восстановление знаменитой надписи в церкви Гроба Господня².

¹ R. R., 401; Liber iurium. I. C. 172—173.

² R. R., 659, 665—9, 674—5, 682, 690—3, 697, 702—705 (Венеция удовлетворялась восстановлением договора от 1123 г.). Обо всей истории этих колоний см.: Heyd. Histoire de commerce du Levant; Cessi. La colonie medievale italienne in Oriente (1942).

Эта игра на повышение цен, которая, помимо всего прочего, показывает, что необычайно обширные привилегии итальянцам, сделанные Балдуином I и Балдуином II, к этому времени практически свелись к владению недвижимым имуществом и иммунитетам в нескольких портах, принесла итальянским колониям в Сирии настоящее могущество. Существование Святой Земли зависело от венецианских, генуэзских или пизанских кораблей, субсидий, помощи итальянских резидентов, и теперь, когда королевская власть утратила свою силу, «коммуны» продолжали вымогать у нее привилегии, льготы и дарения. Они попытались сделать свои улицы практически независимыми владениями, как от гражданских, так и от церковных властей. Епископы (в XII в. ставшие архиепископами) Пизы или Генуи, и церковь Св. Марка в Венеции по праву считались сеньорами итальянских республик, что осложняло ситуацию с канонической точки зрения: итальянцы желали, чтобы церкви, которыми они владели в Сирии, подчинялись непосредственно их собственным прелатам; например, архиепископ Генуи добился признания за собой легатских полномочий на землях заморских государств в XII в. Поэтому споры о приходском статусе итальянских колоний стали источником постоянных конфликтов с духовенством Сирии. В 1156 г. Балдуин III так и не смог уладить распри в этой связи с пизанцами. Конрад добился от архиепископа Тирского разрешения на постройку церкви Св. Лаврентия для генуэзцев, но этот прелат только в 1194 г. примирился с венецианцами. В 1200 г. архиепископ Акры не без труда разграничил компетенцию церковей Св. Лаврентия (генуэзцев) и Св. Петра (пизанцев), объявив неприкосновенными приходские права церковей Св. Андрея и Св. Михаила. Хотя речь пока не шла о том, чтобы обносить каждый квартал отдельной стеной, что будет сделано позднее, Генрих Шампанский уже пожаловал венецианцам право построить свою башню в Тире (1195 г.)¹.

Эти успехи привели к тому, что итальянские республики в целях централизации передали управление своими факториями в руки представителей центральной власти, магистратов, часто назначаемых на годичный срок (таким образом надеялись избежать определенных злоупотреблений с их стороны, которые тем не менее все же имели место: так, в 1225 г. Генуя запретила своим подеста, консулам и виконтам в заморских владениях отчуждать имущество коммуны, что не помешало одному генуэзскому консулу продать привилегию, пожалованную в 1187 г. Раймундом Триполийским в отношении имущества генуэзцев в Тире...)². До этого каждая фактория вполне обходилась присутствием одного «консула и виконта», который заведовал имуществом коммуны, вершил правосудие над своими согражданами и в случае опасности созывал военный отряд для королевской армии.

¹ R. R., 322, 724, 775.

² R. R., 659, прим., и 970.

Отныне у трех «коммун» появилась насущная необходимость объединить под властью единой администрации все их колонии и имущество за морем, необычайно возросшие после новых дарений. Приобретя политическое могущество во франкских государствах на Востоке, эти колонии стали заинтересованы в едином управлении, какового им не могли обеспечить виконты, рассредоточенные по разным городам. «Курьезный случай, — пишет Р. Груссе, — по мере того, как франкское государство слабело., эти инородные колонии совершенствовались свою организацию... В 1192–1198 гг. Венеция создала пост венецианского бальи во всей Сирии (*bajulus Venetorum in tota Syria*), с резиденцией в Акре, который впервые занял Панталеоне Барбо... С 1192 г. Генуя также назначила в Акру двух генеральных консулов для всей Сирии». Наконец Пиза, в свою очередь, и в то же время (1191 г.) учредившая посты двух генеральных консулов, в 1248 г. передала их полномочия в руки одного консула (главный консул пизанцев в Акре и всей Сирии. (*consul communis Pisanorum Asson et totius Syriae*)¹. Посредством этих представителей трех республик — венецианского бальи, «консулов и виконтов Генуи в Сирии», пизанских консулов и их подчиненных, консулов или местных виконтов, три города установили свой контроль во всех франкских городах.

С усовершенствованием своего административного аппарата итальянцы стали искать способы увеличить свои привилегии. Пизанцы помогли Конраду, но затем обороняли свой квартал против генуэзцев, поддерживавших Конрада против короля Ги. Возможно, они замыслили выдать Тир Ги, за что и были изгнаны из королевства Генрихом Шампанским. Другие города упрочивали свое влияние более мирными средствами. Самым верным средством было предоставление денег взаймы: Иоанн де Бриенн полностью зависел от генуэзского заимодавца Луккино Корсали; марсельцы в 1197 г. щедро поучаствовали в финансировании защиты Яффы: в 1212 г. Иоанн де Бриенн был вынужден подтвердить за ними вновь приобретенные владения по соседству с церковью Св. Деметрия в Акре. Благодаря нападению мусульман, генуэзцы на мгновение аннексировали Цезарею: сеньор этого города, неспособный оборонять его только что восстановленные укрепления, уступил им город в 1218 г.; но генуэзцы не смогли воспрепятствовать мусульманам захватить Цезарею².

Итальянские колонии начали возникать в тех городах, где до этого (вопреки договорам начала XII в.) они никогда не существовали. Так произошло с Бейрутом, чьей сеньор Жан д'Ибелен, возможно, страдая от нехватки денег, был вынужден пожаловать в 1221 г. генуэзцам в своем городе множество привиле-

¹ Grousset. III. 535. — О венецианских бальи: S. Majer. *Sigilli di baili veneziani in Oriente* (Arch. Veneto. T. LVII–LVIII, 1941. P. 110). — О Пизе: G. Vedovato. *L'ordinamento capitolare in Oriente...*, Florence, 1946.

² R. R., 747, 855, 927 — Grousset. III. 212–213.

гий: фискальный иммунитет, право на владение домами, судебный иммунитет (*liberam curiam*, то есть право судить себя самих), и, выразительная деталь, право купаться в бане перед замком по четвергам. Венецианцам также перепало от щедрот Ибелена, и они получили торговую и судебную вольности. В 1222 г. марсельцы, в свою очередь, получили право беспрепятственной торговли в Бейруте. В Хайфе сеньор этого города Рохард II предоставил такую же привилегию генуэзцам в 1234 г., за что и получил почетное звание «*concivis (гражданина Генуи)*»¹.

Благодаря всем этим привилегиям, за точным объемом которых королевская власть никогда не могла уследить, граждане торговых республик вели во втором Иерусалимском королевстве обособленное существование. В их кварталах склады или магазины, где купцы, прибывавшие дважды в год (летом и зимой), хранили свои товары, соседствовали с домами, которые на торгах сдавали внаем на год или на тот срок, что требовался съемщику. Там же размещались продовольственные магазины, рынки, где заключались соглашения торгового свойства, церкви, в которых священники из Италии совершали богослужение и возносили благодарственные молитвы святому покровителю их родного города. Не платя никаких налогов, итальянцы могли пользоваться одной скотобойней и одной мельницей. Наконец, они владели своими парильнями (общественными банями), не облагаемыми никакими поборами. Если между двумя выходцами из одной и той же республики начиналась тяжба, то они излагали свои жалобы в резиденции своего виконта или консула. За совершенные ими преступления, помимо особых случаев, подлежащих королевскому правосудию, их судили представители их же народа. Наряду с «виконтом генуэзцев» или «консулом пизанцев» существовали «присяжные курии генуэзцев» или пизанцев, и иногда в ходе суда к консулам присоединялся и «судья»: в 1222 г. в Акре, помимо двух консулов, присутствовал один судья. В процессе переноса обычаев, принятых на землях Тосканы, в Иерусалимское королевство, в стороне не остались и нотариусы: тогда как во франкской Сирии не был известен институт нотариата, у пизанцев в 1233 г. в Акре был «имперский судья и государственный нотариус Пизы». И уроженцы Сирии также иногда попадали под юрисдикцию этих иностранцев — по крайней мере, теоретически, исходя из договоров, которые могли и не выполняться франками: когда истец обвиняет венецианца, говорится в договоре 1123 г., правосудие должно свершиться в венецианской курии. В том же документе, который освобождал всех венецианцев (равно как и всех других итальянцев из «коммун») от выплаты королю налогов за пользование мерами и общественными весами, предусматривается, что эти иностранцы могут употреблять венецианские меры, а не меры Сирии, в случае заключения сделки между самими венецианцами или даже

¹ R. R., 950, 951, 957, 965, 1050.

тогда, когда житель королевства купит что-либо у венецианца; использовать же местные меры венецианцам полагалось только в том случае, если они сами что-то покупают¹.

К несчастью, это не все, что принесли с собой в королевство эти островки, ведущие совершенно независимую жизнь: территории, тесно связанные со своими метрополиями — итальянские фактории — помимо своего локального соперничества, продолжали в Сирии военные стычки, которые вели между собой их республики. Война за Сардинию и Корсику, это вечное яблоко раздора между Пизой и Венецией, которые оспаривали друг у друга господство над этими островами, без сомнения, отразилась на существовании латинского королевства. Пока сохранялось первое королевство и Иерусалимские короли еще обладали хоть каким-либо авторитетом, эти споры ощущались в Сирии только в связи с ослаблением защиты христианских владений, что было вызвано отсутствием эскадр обеих коммун, которые, вместо того чтобы обогащать Святую Землю и поставлять ей солдат, погрязли в своих локальных войнах. Поэтому-то Иерусалимские короли прилагали все усилия, чтобы примирить двух противников, хотя это и было безнадежной задачей. В 1134 г. король Фульк и патриарх послали на Запад двух посланников, канцлера Бодуэна и самого приближенного королевского советника, рыцаря Бернара Ваше², которым удалось добиться перемирия между Пизой и Генуей. Но спустя незначительное время оба посла в письме с сожалением предупреждали генуэзцев, что пизанцы грубо порвали перемирие, и просили архиепископа и консулов взять их под свою защиту. Их послание заканчивалось следующими словами: «И мы просим Вас как можно скорее сообщить сеньору патриарху и королю о постигшем нас горе — из-за скорби, которую испытываем всем сердцем, мы даже допустили ошибку во второй строчке письма!»³

За миротворческий труд, потерпевший неудачу в 1134 г., брались еще не единожды; в 1192 г. генуэзцы и пизанцы из Акры воспользовались соперничеством между Лузиньяном и Монферратом, чтобы утрясти свой извечный спор. И в 1222 г. разгорелась новая свара, в тот самый момент, когда Иоанн де Бриенн отправился на Запад. В который раз генуэзцы и пизанцы сошлись на улицах Акры в стычке, которые кипели тогда между ними во всем Средиземноморье, частенько оборачиваясь на море актами пиратства. Генуэзцы одерживали верх в этой стычке до тех пор, пока их противники, не желая признавать себя побежденными, не подожгли генуэзскую улицу («*rue des Geneves*»).

¹ R. R., 102, 858, 960, 1045.

² «Этот Бернар, без сомнения, был тем самым „казначеем“ короля Фулька, которого так ненавидели мусульмане» (R. O. L. II. P. 458); Усама поведал нам о его примечательном выздоровлении. Умер он в 1147 г.

³ Liber jurium. I. P. 45.

Выходцы из Генуи, увидев, как горят их магазины и обрушивается башня, бросились тушить пламя или, по крайней мере, спасти от огня свои богатства. Пизанцы погнались за ними, грабя их имущество, убивая или вынуждая врагов бежать. Легат Пелагий, готовившийся вот-вот отплыть, приказал венецианскому бальи замять конфликт: согласно старому соглашению между тремя «коммунами», та из них, что не была замешана в столкновении между остальными двумя, автоматически должна была играть роль арбитра. Несмотря на мир, который был заключен по инициативе венецианского бальи в Акре, недовольные генуэзцы в течение какого-то времени не появлялись в этом порту, где королевская власть покровительствовала их соперникам¹.

Вопреки этим конфликтам, которым не смогла воспрепятствовать разом ослабевшая королевская власть, и которые продемонстрировали, что три республики рассматривают свои фактории как полностью автономные, политика королевства по-прежнему была независимой от итальянских дел; жители Акры или Тира еще не были готовы убивать друг друга из-за того, что Генуя и Пиза оспаривали город на Сардинии или из-за того, что венецианцы захотели расширить свой квартал в ущерб генуэзцам... Но все же отныне итальянские колонии могли безнаказанно предаваться своим привычным смутам, а королевская власть была вынуждена признавать за ними право на необычайно широкую экстерриториальность: благодаря успехам, которые они добились, воспользовавшись невзгодами Латинского королевства, эти колонии представляли собой посреди Иерусалимского государства опорные пункты, откуда могущественные республики Италии могли по-своему влиять на дела Сирии.

IX

«ДЕНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ» КОРОЛЕВСТВА

Растущая независимость колоний Венеции, Генуи, Пизы, Марсея и Барселоны всего лишь служит иллюстрацией к феномену общего порядка: прежние лотарингское, затем анжуйское королевство Балдуинов, Фулька и Амори с каждым днем все больше и больше утрачивало черты единой национальности. В эпоху Арденн-Анжуйской династии действительно существовала единая иерусалимская нация, где переселенцы разного происхождения, даже если не

¹ R. R., 955 и 956–961; Marchisii Scribae Annales // M. G. H. S. S., XVIII, 150. Хотя венецианский бальи и приговорил пизанцев возместить причиненный ущерб, недовольные генуэзцы решили: до тех пор, пока им не будет выплачена искомая сумма, не приводить свои суда в Акру и провести зимовку в Бейруте. Поэтому-то Жан д'Ибелен, обрадованный размахом операций, которые сконцентрировались теперь на Бейруте, до этого момента бывшим второстепенным по важности портом, и сделал генуэзцам свои дарения.

забывали о своей родине — несмотря на немного преувеличенные утверждения Фульхерия Шартрского — тем не менее составляли население с общими интересами и начинавшим пробуждаться патриотическим чувством. «Пулены», которых осыпали нападками хронисты и путешественники, такие как Ансельм или Иоанн Вюрцбургский, перестали быть разношерстной толпой «крестоносцев», неспособной понять Восток. По словам славного Фульхерия, житель Реймса или Шартра стал горожанином Тира или Антиохии: у поселенцев, пришедших жить в Иудею, Самарию, Финикию или Галилею, было довольно времени для того, чтобы в их среде обнаружилась определенная привязанность к земле. И рождению этой нации, связанной с их прославленной королевской династией — вспомним, с какой гордостью на Святой Земле приветствовали в лице Балдуина III «Порфирогенета» короля, родившегося в их стране — способствовала относительная общность происхождения: «французы» (по большей части знать) и «провансальцы» (без сомнения, в основном «буржуа») составили костяк иерусалимского населения¹. Правда, синтез этих двух элементов, произошедший в XII в., сделал из королевства Иерусалимского прообраз того, чем станет Франция, с этнической точки зрения, в последующие столетия, после того, как осуществится слияние французов Севера и провансальцев Юга. Франкский язык тех времен, к несчастью, совсем не изученный, должно быть представлял собой французский диалект, где курьезным образом пикардийские и лотарингские формы смешивались с формами южного происхождения.

Поражение 1187 г. стало для этой нации, которая только начинала обретать самосознание, катастрофой: с демографической точки зрения это было страшным кровопусканием, и прибытие новых европейцев все сильнее и сильнее тормозило развитие иерусалимской национальности. Во время третьего крестового похода в Святую Землю прибыло немало паломников, далеко не все из которых уплыли обратно; после следующих крестовых походов также оставались люди. Мы уже видели, что франкская знать обогатилась новыми именами: как и в предыдущем столетии, каждый король, приехавший с Запада, приводил с собой некоторое число рыцарей, желавших разделить с ним удачу; ломбардцы прибыли с Конрадом Монферратским, пуатевинцы с Лузиньянами, шампанцы (как Миль де Провен) с Генрихом Шампанским и Иоанном де Бриенном. Но они уже менее охотно растворялись в существенно уменьшившейся толпе иерусалимского рыцарства. Тем не менее иерусалимская нацио-

¹ Очень показательны видеть, как Иоанн Вюрцбургский — ожесточенный германский националист — возмущался тем, что «франки» забыли свой «германский» характер (в действительности лотарингский), свойственный основателям королевства. Эпитафия Вихерия Германца, которого он считал (хотя без сомнения, речь шла о лотарингце) выходцем из Германии, дала ему повод, чтобы обрушиться с суровой хулой на франков, которые желали скрыть свое истинное происхождение.

нальность еще сохраняла свою силу: в окружении Ибеленов около 1230 г. находились рыцари, названные «ломбардцами» (один из которых в 1232 г. в битве при Агриди был по ошибке убит сирийскими франками, из-за его итальянского акцента принявшими его за сторонника Фридриха II), самыми известными были Торингель и Филипп Новарский¹. Не забудем, что один из них, Филипп Новарский, был поэтом, с легкостью слагавшим стихи, и его книги в прозе, моральные трактаты или хроники, не несут никакого отпечатка его иностранного происхождения. Этот ломбардец творил на французском языке так же привычно, как и наши менестрели в XIII в., и разве не является это лучшим доказательством той живучести заморской знати, способной превратить иммигранта в настоящего франка?

Но эта ассимиляция не всегда была столь полной: в начале XIII в. появляются серьезные признаки разложения иерусалимской нации, выражавшиеся в постепенном разделении иерусалимлян на группы по своей исконной национальности. Первым сигналом этого распада стало основание Тевтонского ордена. Если при возникновении этот орден был всего лишь гостеприимным домом для германских пилигримов (как, например, имелся венгерский гостеприимный дом и т. д.), то затем он превратился в рыцарский орден, чье отличие от прочих орденов заключалось не в уставе (как у тамплиеров и госпитальеров) — ибо этот устав был позаимствован, прежде всего, у тамплиеров — а в национальности его членов. До этого и тамплиеры, и госпитальеры принимали в свои ордена рыцарей из любой страны. Тот факт, что — не в соответствии ли с восточными планами Гогенштауфена? — германские рыцари стали собираться в орден Св. Марии Тевтонской, своего рода германский островок на франкской земле, свидетельствует о переменах, которые в дальнейшем «дационализируют» Святую Землю. То, что устав тевтонцев был написан на французском, немецком и латинском, дела не меняет²: Тевтонский орден уже в силу своего существования находился вне иерусалимской знати, которая не признавала различия в происхождении. «Когда Сирия завоевана, а Антиохия осаждена, среди великих войн и боев с неверными турками, которых столько перебили и побеждали... тогда, в те старые времена кто был нормандцем или французом, пуатевинцем или бретонцем, бургундцем или пикардийцем или англичанином? Ведь все, и рыжий, черный или белый, тогда носили имя франков и честь одну тогда делили сообща»³. Так трувер Амбруаз, один из свидетелей перемен, которые были вызваны наплывом новопривывших, с сожалением вспо-

¹ Chi prois, 672 (Торингель был тосканским рыцарем из семьи Торингелли, жившей в Лукке в XI–XII вв.; см.: Guidi, Parenti. Regesto del Capitolo di Lucca. Rome, 1939. № 241, 384, 1227); G. Paris. Les memoires de Philippe de Novare. R. O. L. 1902. P. 164.

² M. Perlbach. Die Statuten des Deutschen Ordens. Halle, 1890.

³ Ambroise, строфа 8479–8519, цитированные Р. Груссе, III. P. 46.

минал о временах первого королевства, когда сказать «франк» значило сказать «латинянин» и, несмотря на сарказм Иоанна Вюрцбургского, сплоченный костяк французов без труда превращал итальянцев, германцев, испанцев или англичан в единую нацию, представители которой даже и не вспоминали о том, кем они были на Западе.

Отныне же возобладало стремление различных национальностей обособливаться друг от друга, и можно задаться вопросом, не стало ли одним из решающих факторов этого разъединения франков Сирии существование венецианских, геновских и пизанских, каталонских или провансальских колоний, которые, разместившись вокруг церкви, посвященной их национальному святому, составили общину, объединенную принадлежностью к их общей родине, а не к Иерусалимскому королевству, которое они часто игнорировали. Одно событие, оставшееся неисследованным, показывает, каково было их влияние.

На Пасху 29 мая 1216 г. в Акре собралось некое братство и избрало своих первых ректоров, двух ювелиров — Пьеро из Пармы и Роландо из Флоренции, и Альдебрандо из Болоньи. «К выгоде и чести всего христианского мира, — гласила преамбула, — и Римской церкви, патриархата и короны королевства Сирии, и особенно для помощи Святой Иерусалимской Земле, мы, итальянские паломники, основываем с благословения Господня это братство». «Братство итальянцев Святого Духа в Акре», которое, таким образом, определило свою цель, на практике объединяло, под эгидой благочестия, столь дорогого сердцам итальянцев, всех жителей Акры, кто был родом с Апеннинского полуострова, несмотря на их принадлежность к автономным «коммунам». В то же время итальянцы обнародовали свой устав, любопытный образчик обязанностей, которые вменялись членам этого братства, главного института муниципального управления в крупном франкском городе (епископ Акры Жак де Витри ратифицировал этот устав в 1220 г., одновременно войдя в братство Святого Духа). Сначала это были благочестивые обязанности: месса Св. Духа в первое воскресенье каждого месяца, семикратное повторение в день молитвы «Pater» во славу Св. Духа. Затем последовали обязательства взаимопомощи: бедные собратья, заболев, получали от общины шесть денье в день и, если они умирали, она оплачивала их похороны. Попавшие в плен получали для выкупа «шесть денье от каждого собрата, если общественная касса пустовала; если же там что-то было, получали десять сарацинских безантов от общины» и, «после освобождения, четыре денье от каждого из братьев на еду, чтобы те не были ввергнуты в нищету».

Ректоры должны были оказывать нуждающимся братьям помощь, улаживать возникавшие конфликты. Те собратья, кто умирал в Сирии, особенно в городах, где существовало община, должны были завещать ему четыре сарацинских безанта (на свои похороны) и свое оружие. Те, кто уплывал за море, должны были завещать пять су и свое оружие, и после их кончины за них

двенадцать раз читали «Pater» и вписывали их имена в регистр почивших братьев. Братьев, заболевших в Сирии, за общий счет перевозили в больницу, подчиненную общине.

Но эта община и ей подобные организации не ограничивались благотворительными делами. У нее была своя казна, пополняемая за счет входного (двенадцать денье) и ежегодного (два су) взносов, и своя оружейная, где хранили оружие, завещанное умершими братьями. В случае войны — каждый собрат должен был, по возможности, иметь при себе личное оружие «для защиты Святой Земли, чести братства и своей собственной» — община снабжала оружием тех из своих людей, у кого его не было, и заставляла их воевать под знаменем Святого Духа (*vexillum societatis*). Член братства, бежавший с поля боя и опозоривший знамя, навсегда изгонялся из общины¹. В какой-то мере, в «Ассизах», братство уподобляется «линьяжу»: если одного из братьев убивали, остальные призывали убийцу к ответу на суде².

Видно, какую силу, благодаря своему вооружению и сплоченности, могли представлять собой общины такого рода — существовало «братство Св. Георгия и Белиана», объединявшая сирийских мелькитов, община испанцев, «собратство Св. Якова в Акре», почитавшая апостола из Компостеллы, чьим ректором в 1254 г. был Сальвадор де Дароса, и, без сомнения, братство англичан, собиравшееся в пригороде Монмюзар³. Хотя они и клялись почитать короля — в одном тексте 1216 г. говорится об их верности Иоанну де Бриенну — появляется впечатление, что они скорее испытывали патриотизм к Италии или Испании, чем любовь к иерусалимской родине. Будучи политической силой, опасной в случае смуты, братства озаменовали начало процесса «денационализации» Святой Земли.

Восшествие на Иерусалимский трон Фридриха II только ускорило этот процесс. До этого момента королевская власть все-таки оставалась иерусалимской и государи действовали в интересах королевства и к его вящей выгоде. С Фридрихом иерусалимская политика утратила свой сугубо местный размах. Вовсе не потому, что король руководствовался в своих поступках интересами Святой Земли; наоборот, решения Фридриха были продиктованы его общей политической линией на всем Западе, и соображения, полностью чуждые латинскому Востоку, побуждали этого короля принимать шаги, далеко не всегда своевременные. Это обнаружилось очень быстро: пизанцы, эти вечные бунтари,

¹ Registres d'Alexander IV. Ed. Ch. Bourel de la Ronciere. Paris, 1902, № 346. P. 103 (подтверждение 15 марта 1255 г.).

² Jean d'Ibelin. Lois. I. 131.

³ R. R., Add., 1214a и 1216a (Дарока: Арагон, пров. Каталаяуд); Michelant, Raynaud. Itinéraires. P. 136. Rochricht. G. K. J., 900. — См.: Delaville le Roulx. Les Hospitaliers en Terre-Sainte. P. 200—201.

(что проявилось в 1222 г.), постоянно находившиеся в скверных отношениях с Иерусалимскими королями, в особенности из-за своих дружеских связей с мусульманами, еще раз подверглись санкциям со стороны бальи королевства. Представитель Фридриха, но прежде всего наместник Святой Земли, хитрый и энергичный Томас Аквинский, граф д'Ачерра, отнял у пизанцев Акры их судебную курию и уменьшил их привилегии. Но Пиза была городом, всецело преданным гибеллинам, наиболее надежной опорой политики Гогенштауфенов в Италии: разве императору было важно, что в Иерусалимском королевстве она являлась самой непокорной «коммуной», а ее непомерные привилегии наносили ущерб его восточной короне? В дипломах от 1229 г. Фридрих восстанавливал пизанцев в их старых правах, подтверждал их привилегии в Акре, Тире и Яффе и прибавлял к этому независимую судебную курию и полную свободу торговли в возвращенном Иерусалиме¹. Напротив, Марсель был изгнан из пределов империи Фридриха: несмотря на экономические интересы королевства, марсельским кораблям запретили появляться в порту Акры².

Кроме того, Фридрих собирался превратить Иерусалимское королевство в придаток к своим западным государствам: он захотел изменить королевство Иерусалима, подавив его «французский» облик, который до этого практически не отличался от облика «франкского». Фридрих вознамерился заменить древние ассизы имперским правом. Франкских баронов, которые только и делали, что вспоминали о прошедших временах, на которые они любили ссылаться, когда им навязывали решение, приходившееся им не по нраву, император захотел заменить своими подданными. В королевстве всегда жили «франки», родом из империи; Фридрих увидел в них свою опору: он сделал Гарнье Германца, этого эльзасца, ставшего сеньором Мержельколона, своим наместником, но быстро осознал, что Гарнье полностью предан делу «пуленов». Тогда он стал жаловать фьефы германцам: по акту 1229 г. Конрад Гогенлоэ получил «ассизу» — ежегодную ренту — в шесть тысяч безантов с таможи («цепи») Акры взамен своей феодальной службы и службы восьми рыцарей, его вассалов³. Тевтонский орден был просто осыпан милостями: император хотел сделать его основной силой, предназначенной для защиты Святой Земли, и решил пожаловать тевтонцам — не для того ли, чтобы навредить тамплиерам? —

¹ R. R., 1005—1007.

² R. R., 1014. Император разрешил купцам из Монпелье, которые до того прибывали на кораблях из Марселя, нанимать другие суда, позволив им платить такую же пошлину на таможе, как и в то время, когда они плавали под марсельским флагом — Марсель претендовал подчинить жителей Монпелье своей юрисдикции на море и в Акре, ссылаясь на права королей Арагона, графов Прованса. Когда Марсель перестал быть арагонским городом (1245 г.), торговцы из Монпелье отказались подчиняться марсельскому консулу, из-за чего начались стычки в Акре и на море (1254; Devic, Vaissete. VIII. P. 417).

³ R. R., 1008.

Монфор, Шато-дю-Руа, резиденцию в Иерусалиме, и Торон. Это была попытка германизировать Латинское королевство, и именно она во многом привела к мятежу гвельфов в 1232 г. Поэтому Святая Земля практически перестала быть страной с единой нацией: королевская власть, которая раньше поддерживала эту нацию, ныне изменила свою политику даже с этнической точки зрения. По всем текстам видно, как изменились представления того времени. В глазах Запада, Святая Земля всегда была Иерусалимским королевством, также оставаясь землей, куда совершали крестовые походы. Отныне она постепенно становилась площадкой для крестовых походов, что отрицательно сказывалось на усилиях Иерусалимских королей, старавшихся сделать свое королевство независимым государством. Во время третьего крестового похода крестоносцы ни во что не ставили права Ги де Лузиньяна и Конрада Монферратского; участники похода 1197 г. проигнорировали Иерусалимского короля, а пятый крестовый поход продемонстрировал, как беззастенчиво Запад обращался с сирийскими франками: король Венгрии действовал без разрешения Иоанна де Бриенна; легат Пелагий совсем не считался с этим государем. У теократической доктрины, получившей развитие в церковных кругах, появилась счастливая возможность обрести плоть: со свойственной ему прямолинейностью испанский кардинал не мог упустить такой шанс. Церковь организовала крестовые походы, церковь же — с помощью десятин с доходов духовенства — их снабжала деньгами. Таким образом, было бы справедливо, если бы церковь получила командование над «христианским воинством». Разгром под Барамуном в 1221 г. пресек в зародыше эту опасную теорию; но сама идея была заявлена — по правде сказать, еще во времена первого крестового похода, когда легат Адемар Монтейский, настоящий военачальник, командовал первой армией, которую папство послало на Восток — и в конце XIII в. ей суждено было одержать победу.

Существовала еще одна опасность: не только папство рассматривало Латинское королевство как своего вассала по праву и могло направить в Сирию несвоевременную экспедицию, грозившую нарушить спасительное перемирие с мусульманами; но и все государства Запада имели обыкновение считать Святую Землю своей колонией. Случай, в результате которого Сирия оказалась в подчинении у Сицилийского короля, иллюстрирует этот факт. Фридрих II, так же как и Карл Анжуйский, прежде всего, радели об интересах своего итальянского королевства: купцы из Мессины извлекали из этого выгоды¹, а внешняя политика Иерусалимского государства выстраивалась в зависимости от политической линии Сицилийского королевства. Так, Святая Земля стала простой пешкой на пространной шахматной доске наследников

¹ *Registres d'Alexander IV. № 752*: Подтверждение привилегий, пожалованных мессинским купцом, торговавшим в Акре, Конрадом, сыном Фридриха II (1255 г.). — В 1268 г. сиенцы получили от Конрада III такие же привилегии (*G. Muller. Documenti. P. 100.*).

норманнских королей. В глазах Палермских монархов их протекторат над Тунисом был гораздо более важным делом: в 1270 г. Карл Анжуйский без колебаний отговорил крестоносцев идти прямо на Египет. Союз с Египтом стал догмой сицилийской политики как по причинам торгового характера, так и по причинам дел в Тунисе; и Иерусалимские государи, Штауфен или Анжуец, помышляли только о том, чтобы соблюдать эту традицию. Дружба с владыками Каира и выплата дани с побережья Туниса — не забудем, что Египет был очень заинтересован в том, что происходило в Тунисе — заставляла их забыть или же часто пренебрегать ловкой политикой, которая позволяла прежним королям извлекать пользу из локальных войн между мусульманскими государствами¹. В остальном плане, которого они будут придерживаться, мог оправдать себя. Повелители Египта всегда были заинтересованы в том, чтобы побережье Филистии и внутренние области Иудеи, если они не были способны сами завладеть этими землями, находились в руках их друзей или вассалов. Шла ли речь о Тутмосе, Птолемеях, Саладине, Мехмете-Али, фатимидских халифах или мамлюкских султанах, египетская политика в этом отношении никогда не изменялась. Поэтому короли Сицилии пытались спасти свои владения в Святой Земле, убедив египтян, что в их же интересах оставить эти земли, ставшие совсем крошечными, под властью дружественных государей. Замысел, который полностью удавался, пока независимые мусульманские князья удерживали за собой Сирию, тут же стал непригодным, как только мамлюки вновь создали единое сирийско-египетское государство, победив своих соперников в Дамаске и Алеппо. Во времена Фридриха II еще можно было делать ставку на союз с Египтом: в эпоху правления Карла Анжуйского эта политика стала достоянием прошлого, но Анжуйцы так этого и не поняли.

Отныне — что стало драмой для королевства, как это прекрасно показал Р. Груссе — короли более не проживали постоянно в Сирии. С 1226—1268 гг. государями станут Гогенштауфены, которые всегда будут заняты в Италии или Германии — лишь Фридрих II появится на Востоке, на время своего недолгого «крестового похода» в 1229 г. — и которым сирийское население на деле будет все меньше подчиняться, отказываясь, однако, лишиться их права на иерусалимский трон. Позднее короли Кипра и Сицилии станут оспаривать друг у друга титул «Иерусалимского короля», в реальности не занимая его место.

¹ Mas-Latrie. Relations et commerce de l'Afrique septentrional avec les nations chretiennes au Moyen-Age. Paris, 1886. P. 222, 244 и т. д. Дань в 33 343 безанта, которую двор Туниса был обязан выплачивать королю Палермо, кажется нам, даже исходя из одного своего размера, настоящим символом вассального подчинения, а не простой денежной выплатой, целью которой было обеспечить безопасное плавание тунисским судам, как то полагает Мас-Латри.

В тот день, когда иерусалимская нация потеряла свою династию (1186 г.), начался ее закат; но в тот день, когда у Сирии более не стало короля, а эфемерные балы сменяли один другого, осуществляя регентство, становившееся все более иллюзорным, жизнь королевства стала клониться к анархии, и 1291 г. ознаменовал логическое завершение кризиса, начавшегося в день свадьбы Изабеллы де Бриенн и Фридриха II. Отсутствие королевской власти в Сирии, авторитета, который так ревниво охраняли государи второго королевства, прямо привели к развалу этого государства и распаду его составляющих. Можно было бы сказать, что иерусалимская нация потеряла свою душу в тот день, когда потеряла своего вождя: феодальный строй основывался на подчинении всех одному сеньору-сюзерену, и исчезновение этого сюзерена порвало связующую нить, которая объединяла меж собой всех подданных франкского королевства.

Благодаря энергичной деятельности Конрада Монферратского, Генриха Шампанского, Амори II и Иоанна де Бриенна иерусалимская нация просуществовала еще какое-то время. Когда же оплошность Фридриха II и неотвратимые перемены, произошедшие в королевстве, разбили единство королевской власти и нации, последней оставалось только исчезнуть. Если еще оставались «франки», то с «иерусалимлянами» было покончено. Так второе Иерусалимское королевство уступило место королевству Акры.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

КОРОЛЕВСТВО
АКРЫ

Юридически не существовало никакого «королевства Акры»: государи, которые правили после Фридриха II франкскими владениями Леванта, даже если они имели на них только исключительно теоретические или недействительные права, не прекращали носить титул Иерусалимских королей. Точно так же короли Кипра, герцоги Савойские, король Рене, или даже в XIX в. неаполитанские короли, или австро-венгерские императоры претендовали на Иерусалимскую монархию и включали в свою титулатуру название Святого Града. Но Иерусалим, возвращенный в 1229 г. по Яффаскому договору, с 1244 г. уже несколько столетий не принадлежал христианам. И никто из тех, кто носил Иерусалимскую корону, не возвращался, чтобы остаться на Святой Земле, если не считать довольно недолгое пребывание некоторых из кипрских Лузиньянов в сирийских городах. Во всяком случае, после того как Фридрих II был коронован, никто уже не появлялся в Иерусалиме, и это отсутствие символично: после отъезда императора пропал интерес к возвращенной столице, которая представляла особую ценность только в глазах крестоносцев Запада и — с большей или меньшей долей искренности — самого Фридриха.

Настоящей столицей королевства теперь стала Акра, огромный порт, куда бесчисленные корабли свозили товары с Запада и где закупали продукты с Востока, крупный, беспокойный город, откуда начался мятеж гвельфов в 1232 г. В текстах того времени «сеньория королевства Иерусалимского» и «сеньория Акры» обозначала одно и то же. «Королевство» Акры, или, скорее, конфедерация сеньорий и городов, над которыми главенствовала Акра, франкское государство, наследовавшее королевству Иерусалимскому, до 1291 г. поддерживало в Сирии господство латинян над беспрестанно уменьшающейся территорией. И несмотря на небольшую площадь и тревожное продвижение мусульман, история Акрского королевства не состоит из безнадежных выпадов оборонявшихся христиан, а представляет собой битву нескольких семей за господство в Акре, за венецианскую или генуэзскую гегемонию в восточном Средиземноморье, за монополию того или иного купеческого сообщества из Италии на рынках Акры или Тира. К этим почти непрерывным гражданским войнам добавлялись неразрешимые династические проблемы, которые мешали возрождению сильной власти, способной вразумить враждующие группировки в Акре. Роковой развод в 1190 г. Изабеллы Иерусалимской привел в следующем столетии к соперничеству между кипрскими Лузиньянами и сицилийскими анжуйцами,

которое ослабило королевство в момент самого значительного наступления мусульман: они встретили только слабое сопротивление, результат раскола в стране¹.

Когда начнется это соперничество, иерусалимская королевская власть уже настолько утратит престиж и могущество, что династические конфликты смогут развиваться беспрепятственно: такое впечатление, что, как для жителей королевства, так и для претендентов на власть, Святая Земля стала некоролевской территорией. Мы уже рассматривали рост «денационализации» в Латино-Иерусалимском королевстве. Отныне это было свершившимся фактом, и приказы, которые будут получать бальи, управлявшие этим королевством, поступят с Запада. Франкские владения в Сирии продержатся до 1291 г., само же Латинское королевство умрет гораздо раньше. Поводом для упадка королевской власти послужили войны между гвельфами и гибеллинами, уже фактом своего появления подтвердившие «денационализацию» франкской Святой Земли².

I

МЯТЕЖ ГВЕЛЬФОВ

Событием, окончательно пошатнувшим королевскую власть и приведшим к расколу в Иерусалимском королевстве, стал гвельфский мятеж 1231—1233 гг.; Филипп Новарский назвал его «войной, которую вели меж собой император Фридрих и монсьеор Жан д'Ибелен». Столь богатый последствиями конфликт возник по двух причинам: из-за политики Фридриха II в отношении иерусалимской знати и враждебности некоторых кипрских баронов к могущественной семье Ибеленов. Фридрих II уже давно показал себя приверженцем

¹ Отдельные перемирия между разными сеньориями, теперь ставшими автономными, и мусульманами представляли для королевства большую опасность. Папа Урбан IV в своем письме (*Registres*, ed. J. Guiraud, II, 867) от 18 июля 1264 г. необычайно пылко изобличил эту угрозу и заклеил виновников. Протокол этого письма очень символичен, ибо раскрывает существование анархии, которая тогда достигла своего апогея: послание адресовано всем тем, имеет власть в королевстве, и этот список долог: патриарху, прелатам, «а также магистрам воинства тамплиеров, Св. Иоанна, Св. Марии Тевтонской и Жоффрау де Сержину, сенешалю, Генриху, бальи, Жану Джебайлскому, маршалу, Жану, графу Яффаскому, Жану, сеньору Бейрутскому и прочей знати, консулам, коммунам, ректорам братств... Более убедительного свидетельства исчезновения королевской власти и быть не может».

² Эта борьба между гвельфами и гибеллинами в Сирии не являлась просто продолжением тех битв, которые уже долгое время велись в Италии, хотя присутствие итальянцев в Сирии повлияло на ее развитие, но в большей мере она началась по той же причине, что и на полуострове. Воцарение иностранной династии в сирийском королевстве, как и в лангобардском королевстве, и постоянное отсутствие государя в этих странах вызвало неминуемое формирование партии «националистов» или гвельфов и партии «верноподданных», или «гибеллинов».

абсолютизма, очень далекого от феодальной власти Иерусалимского короля: в своем Сицилийском королевстве, централизованном еще со времен норманнских королей, он покончил с могуществом феодалов в «войне баронов» 1221 г.¹ Франкской знати в Сирии грозила та же участь: разве не был одним из главных помощников Фридриха в этой войне 1221 г. Томас д'Ачерра (Аквинский), которого в 1226 г. император назначил бальи в Акре? Прибыв на Восток, Фридрих не скрывал своего намерения приструнить иерусалимских феодалов: он не только наделил фьефами такого германского барона, как Конрад Гогенлоэ, но и захотел увеличить мощь Тевтонского ордена, сделав из него основной орган управления в своем восточном королевстве. Известно, чем орден был для Фридриха II: орден не столько непосредственно подчинялся папе, сколько подчинялся императору. Туда толпой поступали юные рыцари; ему разрешили строительство кораблей, доверили курьерскую службу. Один рыцарь-тевонец управлял Эльзасом. Воспитанный при дворе, Великий Магистр входил в окружение (*familia*) императора. Герман фон Зальца, тюрингец (ум. 1239 г.) стал для Фридриха замечательным помощником... В Риминийской булле (1226 г.) Фридрих утверждает программу ордена и его привилегии. Он позволил ему создать независимое государство даже в пределах «имперской монархии», где орден был сам себе государем»².

Фридрих начал осыпать Тевтонский орден милостями даже до своего прибытия в Сирию: в дополнение к дару графа Оттона фон Геннеберга он приказал уступить ордену весь домен, где предстояло возвести замок Монфор: он выплатил Жаку де Ла Манделе, наследнику графа Жослена, крупную сумму денег, взамен чего тот отказался от своих претензий на эти владения. В 1226 г. тевтонцам была дарована свобода от налогов — в особенности от рыночных поборов, известных под названием «plateaticum»; в 1229 г. они получили старый королевский дворец, расположенный на Армянской улице в Иерусалиме³.

Но своими щедротами Тевтонскому ордену Фридрих ущемил права иерусалимских баронов, которые и без того недоброжелательно относились к этому ордену, опасаясь, как бы он не завладел всеми крепостями королевства. Поэтому сразу после конфликта между Жаком де Ла Манделе и рыцарями Германа фон Зальца, возникла еще одна проблема: по договору 1229 г. к христианам отходил Торон, замок, расположенный во внутренних областях Тира; сеньорами этого замка до правления Балдуина IV были Онфруа. Онфруа IV, женив-

¹ H. de Ziegler. Vie de l'empereur Frederic II. Paris, 1935. P. 46—47.

² Id. P. 40. — О войне гвельфов с гибеллинами см. работы Ла Монт: John d'Ibelin, the old Lord of Beirut, 1177—1236 (Byzantion, XII, 1937, 417—458); The wars of Frederic II against the Ibelins (trad. de Philippe de Novare). Columbia University Press; The communal movement in Syria in the thirteenth century // C. H. Haskins anniversary Essays. Boston-New, 1929. P. 117.

³ Cf., supra, P. 233; R. R., 974, 1010.

шись на Изабелле Иерусалимской, подарил Торон королю. Попав в руки графа Жослена, затем Гильома де Валанса, замок вновь вернулся в наследство Жослена — по крайней мере, теоретически — после того, как Гильом сгинул в 1187 г. Поэтому Фридрих решил, что имеет право отдать тевтонцам Торон, принадлежавший Жослену, так же как и домен Монфор, в соответствии с дарением, сделанным графом Отто фон Геннебергом¹.

Император уже отбыл на Запад, назначив бальи королевства двух франкских сеньоров, Бальяна Сидонского и Гарнье (который почти тотчас же «стал братом-тамплиером» и был заменен на своем посту коннетаблем королевства Эдом де Монбельяром, сеньором-совладельцем Тивериады)². Бальян Сидонский захотел привести в исполнение императорский дар, но столкнулся с возражениями наследницы Торона: Алиса Армянская, мать Раймунда-Рупена и дочь сестры Онфруа IV, Изабеллы де Торон (которая вышла замуж за Рупена III из Малой Армении) заявила о своих правах на замок. Ведь брак Изабеллы и Онфруа был расторгнут в 1190 г., и тогда королева Изабелла торжественно вернула своему бывшему мужу сеньорию Торон. Онфруа умер, не оставив прямого наследника, и права на Торон перешли к его сестре; поэтому его племянница Алиса весьма обоснованно претендовала носить титул «госпожи Торона, Крака, Монреалья и Сен-Авраама». Высшая курия, где велось разбирательство дела, признала правоту принцессы Алисы. Бальян Сидонский не смирился с вынесенным на суде решением и в оправдание воспроизвел приказ, полученный им от Фридриха. Однако в Сирии не привыкли подчиняться приказам подобного рода: в ответ на жалобу Алисы, указавшей, что этот приказ без видимых причин и без «разбирательства в курии» отнимает у нее фьеф, все бароны королевства «отказали в службе» имперскому бальи, и Бальяну пришлось отступить перед этой военной забастовкой — самой опасной угрозой для королевской власти³.

Еще более серьезной проблемой стала ссора между Фридрихом и Ибеленами: задумав разрушить опасное могущество надменного линьяжа, который вел себя на Востоке почти по-королевски, Фридрих по своему прибытии на Кипр завлек Жана д'Ибелена в ловушку и приказал ему сложить полномочия регента на Кипре и вернуть фьеф Бейрут, которым, как говорили, Жан владел

¹ R. R., 1003; Lois, I, 325.

² Lois, II, 399. — Находились ли Бальян, Эд и Гарен в декабре 1231 в Равенне у императора Фридриха II (Huillard-Breholles, IV, p. 279)?

³ Lois, I, 325; R. R., 1003, 1056, 1073, 1120. В качестве компенсации Фридрих уступил рыцарям Тевтонского ордена Марон и ренту в 7000 безантов с поступлений в Акре, следуя условиям договора, по которому Онфруа IV уступил королю Торон; этот договор предусматривал, что Марон и рента, переданные Онфруа, вновь отойдут к Жослену, если Торон вернут Онфруа. Это стало причиной новых столкновений с Жаком де Ла Манделе, завершившихся только к концу 1244 г.

«незаконно». Жан д'Ибелен в необычайно бурной сцене не уступил императору. Хотя он и перестал быть регентом на Кипре, но зато отказался расстаться с Бейрутом, который был законно пожалован ему в 1197 г. королем Амори II и королевой Изабеллой. Он заявил, что подчинится только приговору баронов в курии, но позаботился о том, чтобы остаться в юридически безупречном положении, отказавшись напасть на императора, у которого не было войск, и вынудить у него уступки¹.

Фридрих II тем не менее не забыл о своем намерении захватить Бейрут, и Жан д'Ибелен, который его отлично знал, подготовил свою сеньорию к обороне в 1228 г. Император, уже вернувшись на Запад, решил наказать партию сирийцев за то, что они, не переставая, противоречили ему во время экспедиции 1228—1229 гг.: по его приказу Бальан Сидонский решил конфисковать фьефы баронов из партии Ибеленов (их «*dessaisir*»). Жан д'Ибелен, сеньор Бейрута, его сын Жан, сеньор Арсуфа, его тесть, Рохард де Хайфа, Филипп л'Асн и Жан Морио должны были лишиться своих владений. Тогда Жан пожал плоды своего безупречного поведения: он призвал баронов примкнуть к нему (сославшись на «Ассизу о верности» Амори I, которая предусматривала наказание сеньора, лишавшего своих вассалов их фьефов без суда), и все бароны Сирии еще раз отказались выполнять воинскую повинность для Бальана².

Бальан Сидонский, несмотря на свою верность императору, которому он помог в переговорах с мусульманами, тогда как остальные сирийские бароны держались в стороне, не мог управлять в подобных условиях. Поэтому Фридрих II решил заменить его одним из своих самых преданных помощников, имперским маршалом Риккардо Филанжиери. Под предлогом усиления обороны Святой Земли (Иерусалим подвергся набегу мусульманских крестьян), из Бриндизи отчалила маленькая армия (огромная для Сирии) (1231 г.): шесть сотен рыцарей, сотня оруженосцев (*valles a chevaux coverts*), шесть сотен пехотинцев и три тысячи вооруженных моряков были вверены командованию Филанжиери³, который появился перед Кипром и высадился

¹ Grousset, III, 290—293. Именно таков смысл заявления Жана: «Он мой сеньор; что бы он ни сделал, мы сохраним наши фьефы (*que qu'il face, nous garderons nos henors (nos fiefs)*)».

² Lois, I, 325 — Фридрих, в свою очередь, покровительствовал баронам, враждебно настроенным к Ибеленам: так, он отдал сеньорию Трикарико Амори де Бейсану (R. O. L., III, P. 105) — не на Сицилии ли укрылся Амори после того, как был изгнан с Кипра?

³ *Chirois*, 700. Имперцы отправились в путь не в 1230 г., как принято считать, а в 1231 г.: весть об их отплытии достигла Кипра в «самый разгар зимы» 1231—1232 гг. Риккардо Филанжиери собрал свои войска и отчалил в июне-июле 1231 г. согласно данным одной сицилийской хроники (там же указано, что одновременно в королевстве Сицилия было конфисковано имущество тамплиеров и госпитальеров) (Richardi de S. Germano *Chronicon* // Muratori, *Scriptores*, VII, col. 1027 — Имущество тамплиеров все еще находилось под арестом в 1250 г., когда Фридрих II составил свое завещание. *Ibid.* IX, col. 662).

в Сирии. Филанжиери, который заставил кастеляна Эймара II де Лейрона сдать Тир, и Бальана Сидонского — Акру, был уже знаком населению Сирии: он прибыл в Святую Землю незадолго до Фридриха II и вынудил сирийцев соблюдать перемирие с жестокостью, шокировавшей франков, не привыкших к столь энергичным действиям. Между прочим, его обвиняли в нападении на франкский разъезд, отправившийся на поиски фуража в мусульманские земли; это нападение Эрнуль описывает следующим образом: «Они (крестоносцы, собравшиеся в Сидоне) послали фуражиров в землю язычников за продовольствием. И те пришли туда и привели оттуда много скота и добычи, хлеба, зерна и мяса, мужчин, женщин и детей. Маршал императора, который тогда жил в Акре, узнал, что христиане вошли в землю поганых и везут оттуда богатую добычу; он сел на коня и созвал своих рыцарей и вышел им навстречу. Когда же фуражиры увидели маршала и различили его знамена, то весьма возрадовались, ибо верили, что идет он им помочь, в чем они тогда очень нуждались. Но те сделали по-иному, и сбивали их на землю, и убивали, и ранили, и избивали, и отняли всю их добычу, и отослали ее обратно неверным». Филанжиери также упрекали в том, что он постоянно держал сирийских баронов в стороне от переговоров с мусульманами, на что те жаловались папе¹.

Ко всем этим причинам конфликта прибавилось еще несколько, особенно на Кипре, где, собственно говоря, и началась война. Некоторые кипрские бароны были недовольны всевластием Ибеленов, в то время как Филипп д'Ибелен, а затем и его брат Жан состояли на острове регентами при короле Генрихе I. Один из главных недовольных, Амори де Барле, приходившийся родственником Иерусалимским королям по своей матери, сын одного из соратников Ги де Лузиньяна, долгое время был близким другом Жана д'Ибелена; но королева Алиса (дочь Генриха Шампанского и вдова короля Гуго I), выйдя во второй раз замуж в 1223 г. за сына князя Антиохийского, вопреки протестам Ибеленов и Барле², не смогла сделать своего мужа Боэмунда бальи и доверила регентство Амори де Барле. Филипп д'Ибелен и Ансо де Бри, вожди кипрского баронажа, его низложили. После того как Амори был смещен, Жан стал бальи; со своей стороны, Амори де Барле, заручившись поддержкой своего кузена Амори де Бейсана, принялся собирать вокруг себя противников Ибеленов. Двое других недовольных не замедлили к ним присоединиться: Говен де Шенеше (он был обвинен в убий-

¹ Ernoul, p. 460—461. Del Guidice. Riccardo Filangieri // Archivio Storico per le provincie Napoletane, T. XV—XVII.

² См.: Registres de Gregoire IX, I, 10 (1227 г.). Для этой свадьбы существовали препятствия канонического характера.

стве перед бальи Ибеленом, который его принудил примириться со своим противником на позорных условиях) и его родственник Гильом де Риве. Наконец, Гуго Джебайлский, родич самих Ибеленов, примкнул к этой партии, и все ее члены воззвали к императору¹. Прибыв в Сирию, император отобрал регентство у Жана д'Ибелена и доверил его (точнее, по средневековому обычаю, продал) пятерым заговорщикам. Те взяли реванш над Ибеленами и их сторонниками, обложив их налогами, чтобы добыть сумму, необходимую для выплаты своего долга императору.

Разрыв произошел из-за необычайно резкого акта враждебности: регенты арестовали Филиппа Новарского, одного из приближенных к Жану д'Ибелену людей, и, по его словам, хотели его убить. Филипп, собрав с помощью госпитальеров своих сторонников, вступил в битву с пятью бальи. Жан д'Ибелен и его отряды примчались на зов Филиппа и разбили, возле Никозии, армию противника (14 июля 1229 г.), правда, понеся тяжелые потери. Осада крупных крепостей Кипра, где укрылись регенты и юный король, которого они охраняли, продлилась до середины 1230 г.; Фридрих II смог помочь своим сторонникам, только издав акт о конфискации фьефов Ибеленов. Выйдя из битвы победителем, Жан д'Ибелен внешне примирился с Амори де Барле и вновь стал править Кипром².

При новостях о кипрских событиях император послал Филанжиери на Восток, но Жан д'Ибелен был вовремя предупрежден шпионами и появился на острове, чтобы подготовить его к защите. Филанжиери потребовал, чтобы король Генрих, как вассал Фридриха II, приказал покинуть его землю Ибеленам, которые были подвергнуты изгнанию в сирийском королевстве. Генрих отказался, и, когда имперский флот прибыл к берегам Кипра, Филанжиери увидел готовую к битве королевскую армию. Не имея возможности высадиться на Кипре, он с войсками сошел на берег возле Бейрута и без боя занял нижний город, начав осаду цитадели, чей немногочисленный гарнизон оказал отчаянное сопротивление (1231–1232 гг.). Это сопротивление предоставило Жану д'Ибелену время для действий: заявив, что его, верного вассала короля Кипрского, незаконно лишили сирийского фьефа, Ибелен добился от Генриха I де Лузиньяна обещания помощи (зима 1231 г.). Кипрская армия высадилась в феврале следующего года на побережье Триполи — гавань Тира находилась под контролем имперцев, которые также блокировали Бейрут; едва произошла высадка, как бароны, благоприятно настроенные к Фридриху II (Амори де Барле, Амори де Бейсан и Гуго Джебайлский;

¹ Chirois, 672–674 (события довольно пристрастно изложены Филиппом Новарским). Один из сторонников королевы Алисы, Бодуэн де Белем, был убит родственниками Филиппа д'Ибелена (Lois, II, 422).

² Grousset, III, 327–330.

Гильом де Риве и Говен де Шенеше скончались), присоединились к имперской армии со своими 80 рыцарями¹.

В то время как Жан д'Ибелен, благодаря своей прочной позиции на Кипре, готовился снять осаду с Бейрута, ситуация в Сирии становилась очень беспокойной. Риккардо Филанжиери без осложнений, ибо его полномочия были законными, принял замок в Тире; затем он прибыл в Акру, чтобы предъявить приказ о своем назначении, надлежащим образом скрепленный золотой императорской буллой, и заставить признать его бальи королевства. Именно тогда его предшественник Бальан Сидонский, наконец получивший возможность высказать свое мнение, взял слово от имени баронов и рыцарей Акры: он просил, согласно обещанию Фридриха, уважать обычаи и ассизы королевства, а Ибеленам даровать справедливый суд. Прежде всего, он потребовал снять осаду с Бейрута. Филанжиери оттягивал ответ и отправился в Бейрут в надежде, что цитадель падет, что поставило бы непокорных сирийцев перед свершившимся фактом. Но предводители франкской знати, Бальан Сидонский, Эд де Монбельяр, Жан Цезарейский и Гарнье Германец не поддались на эти отсрочки, чье значение прекрасно понимали: два посланника прибыли к маршалу и потребовали от него ответа, на что тот в конце концов признался, что выполняет приказ императора.

Тогда знать Акры решила перейти от слов к делу: объединить свои силы им позволило одно благочестивое братство, возникшее еще в эпоху первого Иерусалимского королевства, и которое, должно быть, напоминало братство Св. Духа, с чьим уставом мы знакомы. В ряды этого братства Св. Андрея, вошли все те, кто считал себя «гвельфом» в городе, бароны, рыцари, «буржуа» и простой люд. Не переходя еще открыто к враждебным действиям, жители Акры, примкнувшие к этой автоматически создавшейся «оборонительной лиге», вступили в переговоры с противниками Филанжиери, особенно с Жаном д'Ибеленом. Едва тот высадился и добрался до Бейрута, то попросил помощи у населения Акры, и сорок три рыцаря во главе с Жаном Цезарейским и Рохардом Хайфаским присоединились к его армии. Чуть позже патриарх, великие магистры орденов (с июля 1230 г. с Фридриха было снято отлучение, и папа Григорий IX оказал ему поддержку), Бальан Сидонский и Эд де Монбельяр, а вместе с ними и представители итальянцев в Сирии предложили свое посредничество. Провал этой попытки примирения сделал неизбежным начало военных действий: Жан д'Ибелен организовал блокаду города Бейрута

¹ Это довольно крупная цифра (в рядах сирийско-киприотской армии, которая сражалась в 1232 г. при Агриди, находилось всего лишь 233 рыцаря) показывает, сколь значительной была партия противников Ибеленов на Кипре — возможно, в нее входило около трети всей знати. См.: E. Bertaux. *De Gallis qui saeculo XIII a partibus transmarinis in Apuliam se contulerunt*. Paris, 1903.

(внутри которой Филанжиери продолжал осаждать цитадель) и переправил подкрепления в замок, который отныне мог еще долго сопротивляться имперской армии. Кипрская армия тогда появилась в Сидоне, и Жан д'Ибелен попытался объединить вокруг себя всех франков: его старший сын Бальан отправился в Триполи с поручением договориться с Боэмундом IV о браке сестры Кипрского короля, Изабеллы, с сыном князя Антиохии и Триполи Генрихом (прозванным Принцем — от этого брака должны были родиться наследники Генриха I на трон Кипра). Но Боэмунд не желал ссориться с Филанжиери, а военные ордена придерживались нейтралитета (17 июня 1232 г. Григорий IX в письме к патриарху Герольду порицал того за помощь мятежникам и отнимал у него полномочия легата¹), а важная партия триполитанских баронов — его предводитель, Бертран де Порселе, приходился тестем Амори де Барле — была враждебной Ибеленам: Бальана угрожали убить, и Боэмунд IV приказал ему покинуть его государство. За это время сам Жан, передав командование гарнизоном Бейрута своему сыну Жан д'Арсуфу, прибыл в Акру. Именно тогда он превратил братство Св. Андрея в настоящую коммуну, куда входили «бароны и рыцари Иерусалимского королевства» и «буржуа Акры». Эта коммуна избрала тогда себе мэром самого Жана д'Ибелена, и назначила других чиновников, чтобы выполнять разные муниципальные обязанности². Из-за этого преобразования Акра фактически вышла из королевского домена: с этого времени Филанжиери числил братство среди своих врагов.

Быть может, именно в этот момент, а не месяц спустя (апрель 1232 г.) Жан д'Ибелен при помощи патриарха Герольда де Лозанна и акрского населения захватил гавань и вместе с ней эскадру из тринадцати или семнадцати имперских «chalandres», которые бросили якорь возле города³. Во всяком случае, кипрская армия, покинув Сидон, пришла в Акру, где было решено двинуться на Тир, чтобы изгнать оттуда Филанжиери. Но маршала Фридриха II предупредили об этом проекте: его брат Лотарио, командовавший в Бейруте, снял осаду с цитадели, чтобы со своими войсками присоединится к имперской армии. В свою очередь, Риккардо Филанжиери поручил Антиохийскому патриарху предложить свое посредничество Жану д'Ибелену. Жан вернулся в Акру — он уже дошел до Казаль Юмбер, по дороге в Тир — чтобы обсудить эти

¹ Rodenberg. Epistolae Saeculi XIII, I, p. 376. Был ли патриарх восстановлен в этом звании только в 1237 г.? См.: Delaville le Roulx, II, 509.

² Mas-Latrie. Histoire de Chypre, I, 277. Преобразованию Акры в коммуну — сильно напоминавшую итальянские, а не французские коммуны — должно быть, способствовало и присутствие в городе значительного числа итальянцев, о которых Жак де Витри (p. 1086) писал, что они одержимы «республиканским» духом.

³ См.: Grousset, III, 339, 344. Рихард из Сан-Жермано (Muratori, VII, col. 1029) датирует захват Акры Жаном д'Ибеленом апрелем 1232 г.

предложения. Тогда Филанжиери, стремительным броском дойдя до Казаль Юмбер, перед рассветом застал врасплох кипрскую армию, чей командир, Ансо де Бри, не выставил дозор: отряд имперского десанта, высадившись с галер, довершил разгром киприотов, которые потеряли в битве при Казаль Юмбере (3 мая 1232 г.) весь их обоз, но довольно незначительное количество людей. К тому же подход войск из Акры, которых вероломство имперцев заставило наконец начать действовать, помешал Филанжиери развить свой успех и уничтожить армию Кипра.

Но маршал не терял времени даром: он отправил на Кипр Амори де Барле и его отряды, а затем лично высадился на острове, оставленном Жаном д'Ибеленом без защитников. В результате довольно бескровного (только два замка, Дье д'Амур и Бюффаван, оказали сопротивление) завоевания противники Фридриха II лишились своего главного владения, а Филанжиери принялся безжалостно преследовать знатных киприотов, примкнувших к партии Ибеленов. В это время Жан д'Ибелен занимался тем, что заново экипировал свою армию (его племянники Жан Цезарейский и Жан д'Ибелен продали для этого одно из своих двух поместий). Одновременно он старался обзавестись флотом и, чтобы избежать урона при столкновении с пизанцами, верными императору, заключил союз с генуэзцами (ходили слухи, что Фридрих II приказал своему маршалу пленить всех генуэзцев в Акре: коммуна Генуи тогда выслала, 10 августа 1232 г., эскадру из десяти галер и двух нефов под командованием Ансальдо Болето и Бонифацио Панзано)¹. Именно благодаря помощи генуэзцев армия Ибелена смогла спустя всего двадцать семь дней после битвы при Казаль Юмбере погрузиться на суда и взять курс на Фамагусту, куда она прибыла 6 июня 1232 г. Ночная высадка, заставшая врасплох Филанжиери, позволила захватить Фамагусту, которая сдалась после падения важного форта Ла Кандар. Чуть погода киприоты двинулись на Никозию; зрелище опустошенного «лангобардами» (то есть калабрийцами, как сирийские франки называли солдат Фридриха II) острова только подстегнуло армию Ибеленов. Никозия была занята без труда, поскольку Филанжиери отступил в горы в центральной местности острова. Киприоты, торопившиеся на выручку замку Дье д'Амур, тотчас же столкнулись с имперцами. Сражение при Агриди из-за безумной атаки императорских войск закончилось полным поражением для Филанжиери, которому не хватало пехоты, хотя у него в распоряжении и было значительно большее количество кавалерии, чем у его противника (15 июня 1232 г.). Разгром при Казаль Юмбере был предан забвению, большое число «лангобардов» убито или взято в плен, а Кипр отвоеван почти полностью. Только форт Керин сопротивлялся долго — девять с половиной месяцев — благодаря своему местоположению

¹ Bartholomei Scribae Annales// M. G. H., S. S., XVIII, P. 180–181; R. R., 1047, 1049.

(древняя Керауния находилась в северных горах Кипра, на берегу моря, напротив Киликии, где укрылся Филанжиери) и господству на море имперцев.

Покончить с этим замком помогли генуэзцы: эскадра Боллето и Панзано согласилась принять участие в осаде, которая и завершилась 3 апреля 1233 г. В ходе мятежа гвельфам удалось освободить Кипр от имперской оккупации¹, но оставалось прояснить ситуацию в Сирии: Филанжиери занимал Тир, гвельфы — Бейрут, Акру, Цезарею и Арсуф. Иерусалим подчинялся императору, сеньоры Сидона (Бальан), Яффы (Готье де Бриенн) и коннетабль Эд де Монбельяр колебались между гибеллинами, преданными императору, и гвельфами, защитниками франкских свобод. Пизанцы были сторонниками императора, генуэзцы же только что оказали помощь Ибеленам, но не замедлили примириться с Фридрихом II², который мог также рассчитывать на верность князя Антиохии и Триполи Боэмунда V (Боэмунд IV умер в марте 1233 г.). Тамплиеры и госпитальеры, несмотря на то что Фридрих конфисковал их домены в Сирии, все еще не решались выступить против императора, которого поддерживали тевтонцы.

Посреди этой анархии, однако, никто не ставил под сомнение права Фридриха на корону. В 1228 г. Жан д'Ибелен заявил свою точку зрения: император, супруг королевы Изабеллы, был законным правителем королевства. Изабелла скончалась, родив мальчика Конрада (будущего Конрада IV, Конрада II Иерусалимского). Тотчас же старшая дочь Генриха Шампанского, Алиса (тогда замужем за Боэмундом V, несмотря на близкую степень родства, из-за которой их брак будет расторгнут), прибыла в Акру, чтобы потребовать Иерусалимский престол. Тогда, в 1230 г., бароны без затруднений признали, что королевский титул не принадлежит никому другому, кроме Конрада. Вечная претендентка — она будет еще не раз требовать для себя Иерусалимскую корону и графство Шампанское — получила отказ, и бароны послали к Фридриху двух рыцарей (Жоффруа ле Тора и Жана де Байеля) с просьбой, чтобы, по обычаю, законный король прибыл жить в Святую Землю. В ответ Фридрих заявил, что в течение года «сделает то, что должен сделать»³.

После мятежа 1230 г. гвельфы не осмелились отменить свой приговор, вынесенный в 1230 г., и решили договориться с императором. Папство уже давно пыталось утихомирить распри, столь пагубные для Святой Земли: в июле 1232 г. Григорий IX добился, чтобы Фридрих II отложил отправление

¹ Потребовалось еще некоторое время, чтобы усмирить остров: как раз «из-за смуты в Кипрском королевстве (propter turbacionem regni Cypri)» род Риве и аббатство Бемон оспаривали меж собой поместье (Reg. Gregoie IX, 1084).

² В. Scriba. Loc. cit. Один из главных баронов-гвельфов, Рохард Хайфаский, в 1234 г. сделал важные уступки генуэзцам (R. R., 1050).

³ Grousset, III, 350; Marino Sanudo, P. 214.

новой армии против мятежников — император удовольствовался тем, что выслал в Тир надежный гарнизон¹. Патриарх Герольд, получив от папы энергичный выговор за свое доброжелательное отношение к Ибеленам, тут же прибыл в Рим, чтобы ознакомить папу с истинным положением дел и жестокостью Филанжиери. Он вернулся, оправдавшись, и вновь назначенным — знак несомненного доверия — на пост легата, который отныне присоединялся к титулу патриарха. Тогда Фридрих II, достигнув согласия с Григорием IX, решил установить мир с помощью уступок, но без ущерба для своего королевского права. Он поручил епископу Сидонскому объявить о всеобщей амнистии в обмен на подчинение сирийских баронов; и поскольку Филанжиери слишком ненавидели в Святой Земле, император доверял управление королевством сирийскому барону Филиппу де Могастелю — партия гвельфов могла упрекнуть его только в том, что он был изнеженным «пуленом». Тем не менее Фридрих не мог согласиться с превращением королевского города в независимую республику: именно из-за этого в Италии и шла борьба между гвельфами и гибеллинами, и император отказался признать управление Акры за братством Св. Андрея, чьего роспуска он потребовал. В начале 1233 г. епископ Сидона доставил эти предложения неоспоримым вождям франкской Сирии, прежнему бальи Бальану Сидонскому и коннетаблю Эду де Монбельяру, которые тотчас же собрали «парламент» в Сен-Круа в Акре. В результате ожесточенных споров вверх одерживала партия лоялистов (Бальан и Эд убеждали принести клятву Фридриху), когда Жан Цезарейский приказал ударить в набат: гвельфское собрание собралось, и смутьяны, к которым присоединились акрские генуэзцы, попытались убить в церкви обоих баронов и епископа. Жан д'Ибелен, которого епископ Сидонский просил лишь внешне подчиниться императору («придите в место, где он располагает властью и скажите всего-навсего: я вверяю себя милости императора как моего сеньора»), ответил басней об олене, которого заманили в логово льва, и отказался прибыть в место, где император имел бы реальную власть — он слишком хорошо запомнил ту западню, куда его заманили в 1228 г., в результате чего его старший сын Бальан остался заложником в плену Фридриха, где с ним плохо обращались.

Несмотря на смуту, затеянную в Сен-Круа и отказ Жана д'Ибелена, между Эдом де Монбельяром и императором продолжились переговоры: для начала было заключено соглашение между патриархом Антиохийским и Великим Магистром Тевтонского ордена. Письма папы полны радости по этому поводу (22 мая 1234 г.); понтифик просил у Жана д'Ибелена всего

¹ H. de Ziegler. Op. cit. P. 142—143: «Многие из подозрительных императору дворян (с Сицилии) были высланы в армию в Сирию» — В Акре существовала партия гибеллинов (Рихард из Сан-Жермано, в 1232 г.).

лишь покориться императору через посланников, поскольку тот не доверял имперским солдатам (7 августа 1234 г.)¹. Кроме того, папа послал в Акру легата, архиепископа Равенны Теодориха, с поручением добиться подчинения законному государю и распустить коммуну. В том случае, если бы акрцы отказались одобрить проект договора, папа приказывал восстановить «status quo». Гвельфы не подчинились: тогда легат издал постановление об упразднении собратства Св. Андрея, снятии коммунального колокола, эмблемы вольностей города и, в конце концов, отлучил Акру от церкви (конец 1234 г.). Делегация из Акры в лице Филиппа де Труа и Генриха Назаретского привезла те же условия: роспуск коммуны и признание Филанжиери. Ситуация стала настолько напряженной, что Григорий IX в письмах от 28 июля 1235 г. пытался предотвратить неминуемую войну. Он попросил трех великих магистров оказать поддержку Бальи императора и помешать Жану д'Ибелену и прочим людям из Акры захватить Тир или другой имперский город².

Новый посланник, Жоффруа ле Тор, тогда отправился в Рим, чтобы убедить Григория IX отменить решения архиепископа Равеннского. Папа в этот момент написал Фридриху, предлагая снять с города отлучение и заключить мир с «горожанами и синдиками Акры». Что касается Филанжиери, то понтифик рекомендовал императору временно отстранить его от должности, «поскольку маршала и противную партию разделяет слишком большая ненависть» (22 сентября 1235 г.). Наконец, 19 февраля 1236 г. Григорий IX предложил назначить на пост бальи королевства Боэмунда V Антиохийского: «принеся клятву по обычаям королевства и приняв ее же от людей этого же королевства», он стал бы обладателем всех королевских прав и занял бы город Тир, чья цитадель отошла бы тевтонцам (условия этого договора с Филиппом де Труа и Генрихом Назаретским обсуждал Герман фон Зальца). Коммуна Акры подлежала роспуску, и в Акру был бы назначен бальи по выбору Филанжиери и с одобрения коннетабля Эда де Монбельяра. Сирийцы тогда обязались подчиняться бальи, а бальи, в свою очередь, вменялось уважать обычаи и ассизы. Кроме того, жалобы Фридриха против Ибеленов надлежало рассмотреть в судебном порядке³.

¹ Rodenberg. Op. cit., I, 471. Григорий IX еще до этого просил освободить попавших в плен при Агриди (среди них Эймона д'Аквина) (Registres, 1037), а это свидетельствует о том, что переговоры продолжались в 1233 г.

² Rodenberg, P. 480, 548, 549.

³ Существовало ли на самом деле первое посольство Филиппа и Генриха, или речь идет о хронологической ошибке Эракля? Датировка, основанная на письмах понтифика, нам кажется более надежной, и договор между обоими договаривающимися и Великим Магистром Тевтонского ордена, вероятно, был заключен в 1236. — Rodenberg, P. 553, 570, 571.

Эта попытка примирения провалилась, как и прочие; к тому же Фридрих II готовился поссориться с папой¹ (в 1239 г. его вновь отлучат от церкви), а понтифик стал осознавать, сколь глубокую пропасть меж собой и сирийскими франками вырыли благодаря своей жестокости гибеллины. Жоффруа ле Тору Григорий IX посоветовал заключить тесный союз между Акрой и Кипром, что стало бы лучшей гарантией мира на Святой Земле. В это же время Фридрих окончательно примирился с госпитальерами, чьи привилегии он подтвердил в 1239 г. Тамплиеры, напротив, стали проводить еще более прогвельфскую политику. В 1236 г. смерть унесла одного из предводителей гвельфов, «старого сира Бейрута», Жана д'Ибелена (в 1239 г. за ним последовал Бальан Сидонский; Эд де Монбельяр умер в 1244 г.), а его преемники (его сыновья Бальан Бейрутский и Жан Арсуфский, его племянник Жан, будущий граф Яфаский) унаследовали только его претензии, но не его авторитет. Р. Груссе так писал об этом событии: «Под скромными титулами бальи или мэра коммуны Акры старый сеньор Бейрута на самом деле являлся настоящим государем... Однако то был исключительный случай, и после его смерти вновь воцарилась анархия»².

За годы, что протекли с отъезда Фридриха II до крестового похода в 1239 г., Святая Земля продолжала вести почти нормальное существование: под управлением Бальана Сидонского, затем Эда де Монбельяра (и Филанжиери, в той части страны, которая подчинялась императору) она познала только краткие мгновения гражданской войны. Проживавшие в Акре генуэзцы и пизанцы по-прежнему враждовали, что стало уже привычным делом. Местные власти, хотя «центральное» управление и находилось в состоянии раздробленности, выполняли свои обязанности от имени повсеместно признанного короля Конрада II. Виконты Акры, Этьен де Бутье (апрель 1232 г.), Филипп де Труа (сентябрь 1232 г.) председательствовали на заседаниях палаты горожан в Акре, в то время как Эд де Монбельяр возглавлял Высшую курию. В возвращенный Иерусалим, несмотря на то, что дороги еще не были безопасными, Филанжиери назначал кастелянов (Бодуэна де Пикиньи в 1235 г., преемника Рено Хайфаского, кастеляна в 1229—1230 гг., затем кастеляна королевства, и после него Пьера — или Готье — де Пенндепье, пикардийского рыцаря, который управлял Святым Градом с 1241 по 1244 гг.). Под председательством виконта (Жерара де Сейжа, 1235 г.) палаты горожан в Иерусалиме рассматривала дела о продаже домов и земель, и Филанжиери

¹ Фридрих не принимал участия в попытках папы добиться примирения: он намеревался объявить Ибеленов вне закона в империи и покарать мятежников. 20 апреля 1239 г. он упрекал Григория IX за то, что тот дал разрешение на свадьбу двум сеньорам-гвельфам, Бальану д'Ибелену (сыну Жана) и Жаку де Ла Манделе, которых император считал изменниками (R. R., 1089).

² Grousset, III, P. 358.

смог установить годовую ренту в 400 безантов с доходов от древней столицы королевства, чтобы платить жалованье кастеляну¹. Шли работы и над укреплениями города, но политические осложнения тормозили любую попытку восстановить крепостные стены полностью: деньги, которые приходили в Сирию, по большей части шли на борьбу между гвельфами и гибеллинами, а не на защиту королевства. В этом-то и заключалась главная опасность: внешне неделимое — даже общая территория достигла размеров, каких не знали с 1187 г. — Латинское королевство оказалось безвозвратно разделенным на части, и его внешняя политика, после нескольких лет затишья, отметивших последние годы жизни султана Аль-Камиля (умер в 1239 г.), начала утрачивать единство, что грозило гибелью государству. Оспариваемое между разными властями, которые возлагали ответственность друг на друга, королевство вскоре познало упадок почти такой же, как после Хаттина; этот крах напоминал, что на земле, настолько открытой нападению врага, не было места для партийных игр, которые начинали нравиться сирийским франкам.

II ПАДЕНИЕ ИЕРУСАЛИМА

Яффаский договор 1229 г. был заключен на десять лет, но казалось, что он будет прерван тотчас же после подписания, как из-за враждебности тамплиеров к этому навязанному им миру, так и из-за неудобного «коридора», что тянулся от Иерусалима к побережью. Тем не менее прошел целый десяток лет, прежде началась новая франко-мусульманская война.

В 1235 г. папа Григорий IX, предвидя истечение сроков перемирия и, возможно, надеясь восстановить единство христиан Сирии, поведя их на священную войну, принялся проповедовать крестовый поход. То, что различные мусульманские государства (распри между Эйюбидами и сельджуками достигли своего апогея) тогда находились в состоянии войны, внушало определенный оптимизм. Но папа назначил датой отправки экспедиции только 1239 г.: его призывы вызвали энтузиазм лишь у французских баронов, не участвовавших в крестовых походах с 1204 г.; к тому же самые многочисленные отряды для новой кампании выставили бургундский и шампанский регионы. Герцог Бургундии Гуго IV, графы Макона (который по этому случаю продал французскому

¹ R. R., 1036, 1038, 1063, 1065, 1107. — Соглашение между аббатствами Иосафата и Мон-Сион (Kohler. Chartes de l'abbaye... de Josafat, P. 73) о владении одним поместьем по соседству с Тиром, заключенное с помощью тирского кастеляна и Филиппа Бедуина, горожанина из Акры, предусматривало обращение в «secrete» Тира, а затем Акры, что свидетельствует о том, что, несмотря на распри, раздиравшие королевство в апреле 1243 г., судебные институты функционировали в обычном режиме.

королю свое графство), Шалона, Невера, Фореца, Бара, Сансерра, Жуаньи приняли крест одновременно с королем Наварры и графом Шампани Тибо IV. Но по ходу формирования крестового похода возникли значительные препятствия.

В 1237 г. Григорий IX узнал о смерти старого Иоанна де Бриенна, регента Константинопольской империи, оставившего это государство в критическом положении: уже в письме от декабря 1236 г. папа побуждал Наваррского короля повернуть поход на Константинополь, ибо Латинская империя испытывала сильную необходимость в помощи. Он заявил, что так можно было бы искоренить греческую схизму, а обеты освободить Святую Землю, которые приносили паломники, не пропадут даром, поскольку распад Латинской империи обернется катастрофой для Сирии. Григорий IX начал тратить средства, собранные на крестовый поход, на нужды юного императора Балдуина II.

Бароны были этим недовольны: они отказались изменить свой маршрут — правда, семьсот рыцарей направились в Константинополь в 1239 г. — и решили выбрать своим предводителем самого Фридриха II, который, будучи Иерусалимским королем, лучше всех остальных подходил на эту роль. Этот выбор пришелся не по нраву папе, который только что справедливо отлучил Фридриха (май 1239 г.) и боялся повторения «крестового похода» 1228–1229 гг. Он даже попытался остановить поход, но безрезультатно. К счастью для папы, Фридрих, который в 1238 г. пообещал лично или в лице своего сына Конрада принять участие в экспедиции, заявил, что не сможет выполнить свое обещание, ибо ему помешала война с ломбардцами — император совсем не стремился вступить в борьбу с султаном Египта в тот самый момент, когда готовил долгую войну с папством, продлившуюся до его смерти. Тогда бароны вернулись к кандидатуре короля Наваррского, который и принял командование над экспедицией¹.

В Святой Земле крестовый поход встретил всеобщую поддержку: собравшись в Акре 7 октября 1238 г., сирийские прелаты, а также Готье де Бриенн, граф Яффы, коннетабль Эд де Монбельяр, Бальан Сидонский и Жан Цезарейский направили вождям крестоносцев письмо с несколькими предложениями: по их мнению, было бесполезно ждать истечения сроков перемирия, ибо сами сарацины его не соблюдают (большое число паломников было убито или захвачено в плен по пути в Иерусалим)². Они также посоветовали крестоносцам отплыть из одного порта, Генуи или Марселя (на самом деле, подавляющее большинство отчалили из Марселя, другие из Эг-Морта, а некоторое число, по пригла-

¹ Martene. Thesaur. Novus Anecdotorum, I, col. 998; E. Petit. Histoire des ducs de Bourgogne, IV, 84–93. — Huillard-Breholles, V, p. 361, 426, 433, 474, 645–647 (помощь, оказанная Фридрихом II крестоносцам).

² «История Эраклия» и папа в своем послании, где он угрожал тамплиерам доверить защиту паломников Готье де Бриенну, ежели они и дальше будут пренебрегать охраной дорог (Registres de Gregoire IX, II, 4129 — 9 марта 1238 г.), подтверждают нарушение перемирий.

шению Фридриха II, из Бриндизи). Армии предлагали собраться на Кипре: помимо того, что на острове нашлось бы продовольствия для 1000—1500 рыцарей, там можно было бы созвать военный совет и решить, где начинать военные действия — в Святой Земле или Египте — расстояние от Лимассола до Акры, Дамьетты или Александрии было одинаковым. Наконец, «все, кто управляет в стране» (выражение свидетельствует об отсутствии центральной власти в королевстве Акры), запретили вывоз продовольственных продуктов из Святой Земли, так что крестоносцы могли не беспокоиться о снабжении провиантом¹.

Совет высадиться на Кипре был весьма рассудительным: он указывает, что бароны Сирии сами имели разное мнение о цели крестового похода, однако высадка на острове могла позволить всем им прийти к общему мнению, а крестоносцам получить информацию о состоянии дел в Египте. Султан Аль-Камиль скончался: Дамаск и Египет, первоначально объединенные под властью его сына Аль-Адиля II, вскоре обрели независимость друг от друга. Один за другим Ас-Салих Эйюб и Ас-Салих Исмаил вступали на трон в Дамаске, и Эйюбу в июне 1240 г. удалось с помощью правителя Трансиордании Давуда захватить Египет у Аль-Адиля. Можно было бы лавировать между этими государями, чтобы попытаться вытянуть из них — как это сделал Фридрих в 1229 г., — максимум уступок. Однако западные крестоносцы сразу направились в Акру (сентябрь 1239 г.), думая только о том, как будут раздавать удары мечом направо и налево.

Начало кампании ознаменовалось повторным взятием Иерусалима мусульманами. Кастелян города ловко воспользовался распрями между эйюбидскими князьями и отстроил — в нарушение Яффаского договора — часть крепостной стены (естественно, после того, как мусульмане захватили Святой Град, гвельфы обвинили «имперского бальи» в том, что он не снабжал Иерусалим «ни людьми, ни пищей, ни оружием и военными машинами», однако нужно иметь в виду пристрастность франкских источников). Башня Давида, единственное укрепление, существовавшее в 1229 г., стала донжоном новой цитадели; начали работать над полным восстановлением крепостных стен. Узнав об этом, правитель Трансиордании подошел к Святому Граду, осадил городскую цитадель (нижний город был беспрепятственно захвачен), которая пала спустя 21 день. Башня Давида продержалась еще шесть дней. Ее защитники капитулировали и были отведены на побережье, тогда как Давуд разрушил все укрепления, на этот раз включая и башню Давида (август-сентябрь 1239 г.)².

¹ Martene. Op. cit., col. 1012.

² Мы больше доверяем рассказу Макриси (Revue Orient Latin, X, P. 323), который нам кажется менее пристрастным, в отличие от Эракля (P. 529—530); однако Р. Груссе (III, 374—376) считает, что Маркиси ошибся, когда писал о том, что после падения цитадели мусульманам пришлось осаждать еще и башню Давида.

На военном совете в Акре стали очевидны разногласия между баронами Сирии, которые желали атаковать египетского султана на его территории, и новоприбывших крестоносцев. Были выдвинуты разные проекты: напасть на Дамаск, захватить крепость Сафет, нервный узел Галилеи, или идти отбивать Иерусалим. Принятое решение было худшим из вариантов: «Сначала крестоносцы задумали идти к месту, где находился Аскалон, чтобы восстановить стены этого города, а потом начать марш на Дамаск. Этот двойной план, едва став известным, одновременно оттолкнул от крестоносцев султана Египта, который владел аскалонскими землями, и нового правителя Дамаска, Ас-Салиха Исмаила. Благодаря этой демонстрации силы французским крестоносцам угрозило примирить между собой мусульманских князей»¹.

В начале ноября, несмотря на концентрацию в Газе египетской армии, крестоносцы двинулись на Аскалон, и графу Бретани Пьеру Моклерку удалось, после жестокой битвы, захватить караван и привести с собой крупную добычу. Граф де Бар (ле-Дюк) Генрих захотел повторить его подвиг, напав на авангард египетского войска, подошедшего к Газе. Вместе с герцогом Бургундии, Амори де Монфором, Готье де Бриенном, Жаном д'Ибеленом (сеньором Арсуфа), Эдом де Монбельяром и Бальаном Сидонским он ринулся в дорогу, вопреки мнению своего предводителя Тибо IV, которого предупредили слишком поздно об этой затее, и магистров трех орденов. Тибо оставалось только выдвинуть свою армию к Аскалону, чтобы поддержать этих смельчаков. Скверное руководство привело к тому, что крестоносцы были захвачены врагом врасплох в полдень, когда завтракали в песчаных дюнах неподалеку от Газы. То был полный разгром (13 ноября 1239 г.): на поле битвы осталось 1200 человек убитыми и 600 ранеными, а сирийские бароны, чьим мнением пренебрегли, и герцог Бургундский спаслись бегством. Обескураженная и потрепанная армия через день начала отступление к Яффе и Акре².

Тогда Тибо Шампанский вознамерился вмешаться, по просьбе некоего миссионера, дружившего с князем Хамы, в междоусобную войну между этим мусульманским правителем и его соседом из Хомса; затем он остановился в Галилее. В это время Аль-Адиль II был низложен, и новый султан Египта, Эйюб, начал борьбу с правителем Дамаска. Последний, когда князь Трансиор-

¹ Grousset, III, 378.

² Histoire des patriarches d'Alexandrie (R. O. L., X), P. 324—325. «Сражения, произошедшие в этот год между франками и мусульманами, завершились поражением франков. Виной же тому были франки, пришедшие из стран Запада, ибо они попали на незнакомую землю и раньше не сталкивались и с поведением мусульман в бою... Франки же, жившие в «Sahel», хотели владеть этой землей в одиночку и предоставили тем самым выпутываться из беды, по своему обыкновению заключив союз с врагами против своих единоверцев». В этом курьезном объяснении нашли свое отражение ожесточенные споры между крестоносцами и пуленами под Газой.

дании Давуд захотел его лишить столицы, призвал на помощь крестоносцев; он заключил с Тибо договор, по которому франки и дамаскинцы должны были в Яффе или Аскалоне преградить египетским войскам дорогу в Сирию. Взамен правитель Дамаска уступил латинянам все внутренние земли Сидона, вплоть до Литани, включая Бофор; всю Тивериаду, с Сафетом; он также обещал вернуть все старое Иерусалимское королевство, за исключением областей к востоку от Иордана. Правда, ему пришлось применить силу, чтобы жители Бофора согласились подчиниться своему государю и передать замок Исмаилу, который и подарил его франкам¹.

Недовольство мусульман имело и другое последствие: дамасские отряды, которые входили в соединенную франко-мусульманскую армию, перешли на сторону египтян, и франки были вынуждены отступить к Аскалону. Тем не менее Исмаил предложил совершить совместный поход в Египет. Но к этому времени латиняне уже готовились перезаклучить союзные договоры в условиях, грозивших единству Сирии. Получили ли госпитальеры приказ как можно скорей заключить мир с Египтом? Или они действовали единственно из зависти к тамплиерам? В любом случае Великий Магистр госпитальеров уговорил Тибо IV примириться с султаном Эйюбом, чтобы освободить пленных, захваченных в битве при Газе. Нарушив клятву, которую они принесли Исмаилу, госпитальеры, тевтонцы (оба Великих Магистра действовали от имени Фридриха II²) и крестоносцы заключили с султаном Египта договор, который сирийские бароны и тамплиеры отказались ратифицировать: в то время как Тибо IV и большинство крестоносцев отплыли на Запад (сентябрь 1240 г.), франки Сирии, отряды тамплиеров и двое вождей крестоносцев, Гуго IV Бургундский и Гиг де Невер-Форез, по-прежнему стояли лагерем между Яффой и Аскалоном, оставаясь верными союзу с Дамаском! Гуго IV выгадал это время, чтобы восстановить стены Аскалона.

Именно тогда в Сирии появился новый крестоносец, Ричард Корнуэльский, брат английского короля. Ричард, будучи женат на сестре Фридриха II, первоначально надеялся примирить обе враждующие партии, но его замысел не увенчался успехом. Тогда он присоединился к Гуго IV под Аскалоном, который они вдвоем закончили восстанавливать. Но нужно было найти кого-нибудь, кто смог бы обеспечить защиту города: Готье де Бриенн, граф Яффа-

¹ Перечень всего, что было таким образом возвращено франкам, см.: P. Deschamps. *Etudes sur un texte latin enumerant les possessions musulmanes dans le royaume de Jerusalem vers l'annee 1239// Syria*, T. XXIII, 1942–3, p. 82.

² В своем письме от 1244 г. Фридрих II называет договор от 1240 г. «нашим королевским договором, который мы вместе с советом и магистры орденов Св. Иоанна и Св. Марии Тевтонской от нашего имени заключили (*nostro regio foedere, quod nos una cum conventu et magistris domorum Sancti Johannis et Sanctae Mariae Theutonicorum nomine nostro contraxeramus*)» (M. Paris, IV, p. 300).

ский, мог бы доказать свои права на этот второй город старого «графства Яффы и Аскалона». Но, кажется, он этого не сделал, и Ричард, которого тамплиеры упрашивали передать крепость им, отказался уступить Аскалон ордену, чья заносчивость ему претила. Он предпочел оставить Аскалон и крупные суммы денег, предназначенные на завершение строительных работ, представителю короля-императора, в лице Готье (или Пьера) де Пенндепье, управлявшего Иерусалимом в должности имперского кастеляна.

Отношения Ричарда с тамплиерами и сирийскими баронами, сначала добрые, не замедлили быстро испортиться. Ричард, будучи зятем Фридриха II и очень значительным персонажем на Западе, не смог стерпеть высокомерия тамплиеров, которые обращались с ним как с «мальчишкой». Ему не удалось примирить между собой два ордена. Поэтому он охотно прислушивался к советам умеренных лиц, таких как Готье де Бриенн, Гуго Бургундский и Великий Магистр ордена госпитальеров: в результате 23 апреля 1241 г. был заключен мир, дополняющий договор 1240 г. Ричарду удалось добиться от Египта территориальных уступок, что в свое время предложили дамаскинцы: внутренние области («горы») Бейрута, вся Сидонская сеньория, земля Акры (с Букье, Сен-Жорж), сеньория Торона и Шатонеф, Тивериада и вся Галилея, (с Бофором, Сафетом, Назаретом, Фавором и Лионом), окрестности Яффы и Аскалона (включая Мирабель, Рам и Аскалон, равно как и Гибеллин, который возвращался госпитальерам), наконец весь регион Иерусалима и Вифлеема (а не город без предместий, как в 1229 г.) возвращались в состав возрожденного Иерусалимского королевства. Лишь земли от Наблуса, Хеврона, Бейсана до Иерихона, к западу от Иордана, оставались в руках под властью мусульман¹.

Не стоит думать, что это возвращение земель было теоретическим: иерусалимские бароны тотчас же заявили о правах своих предков. Эд де Монбельяр потребовал княжество Галилейское и незамедлительно принялся восстанавливать цитадель Тивериады. На восточном берегу Тивериадского озера Филипп де Могастель (тот самый, кого Фридрих II хотел назначить бальи в 1232—1233 гг.) вновь вступил во владение поместьем Корзи, которое в 1241 г. пожаловал тевтонцам². Жиль Сидонский, чей отец Бальян, кажется, умер в 1239 г. получил Бофор и устроил одного из своих вассалов на «земле Шуфа и Гезена»; этот владелец Сидона, приняв титул «сеньора Сидона и Бофора (seigneur de Saete et de Biaufort)» также вернул себе крепость, долгое

¹ Matthieu Paris, IV, P. 138, 167, 290, 527. — О расходах Ричарда в Сирии см. письмо папы, где он обещает герцогу возместить его издержки (Additamenta, I, P. 91).

² R. R., 1104. Церкви также извлекли выгоды из завоевания: монахи Мон-Фавора вновь обрели свою обитель, а монахини из Нотр-Дам в Акре — свой «филиал» в Труаз Омбре (возле Лидды). Du Cange-Rey, P. 835.

время служившую яблоком раздора — грот Тирона. Тамплиеры отстроили свой замок Сафет¹, возможно, по инициативе епископа Марсельского Бенедикта д'Алиньяна (который 11 декабря 1240 г. положил в основание крепости первый камень). Мы не знаем, затевали ли госпитальеры такие же работы в Бовуаре и Гибелине. Франки не ограничились тем, что восстановили вновь возвращенные города и замки: Жан д'Ибелен, младший брат и вассал Бейрутского сеньора Бальана (старшего сына Жана д'Ибелена, старого сира Бейрута) в 1241 г. отстроил свой город Арсуф. Что касается Иерусалима, то там полным ходом начались работы по восстановлению укреплений: этот труд лег на плечи Риккардо Филанжиери и иерусалимского кастеляна Готье де Пенндепье, который вновь обосновался в городе².

Таковы были результаты крестового похода Ричарда Корнуэльского. Но если ему удалось с помощью ловкой дипломатии восстановить королевство, то он не в силах был объединить подданных королевства. Даже в плане внешней политики тамплиеры по-прежнему отказывались одобрить договоры, заключенные с Египтом: в 1242 г. они разорили окрестности Хеврона, спровоцировав этим ответный набег правителя Трансиордании, владельца Хеврона. Вдобавок тамплиеры устроили грабительский налет на Наблус и опустошили город (30 октября 1242 г.). Тогда султан Египта выслал армию, которая окружила Яффу; но военные действия на этом остановились. Немного позднее правитель Дамаска возобновил войну против египетского султана: он вступил в союз с правителем Трансиордании, который, с целью заручиться помощью франков, отдал им Храм, где до этого проводилось мусульманское богослужение. Султан Египта, чтобы избежать последствий этой уступки, поспешил со своей стороны признать этот дар: тамплиеры тотчас же принялись сооружать крепость на месте их прежней резиденции (1243 г.).

Ричард Корнуэльский пытался примирить обе партии, но враждебность гвельфов, которых поддерживали тамплиеры, к власти императора достигла такой остроты, когда всякое согласие стало невозможно. Поэтому, перед тем как отплыть на Запад (3 мая 1241 г.), английский принц с грустью писал об упадке королевства «из-за распрей и засилья узурпаторов»³. Кажется, что именно он предпринял последнюю попытку полюбовно восстановить власть

¹ Deschamps. Le Crac des Chevaliers. P. 100—101.

² Сеньория Ибелен (Lois, I, P. 107) так и не возвратилась к Ибеленам: последним ее владельцем был Бальан II, отец Жана Старого, сеньора Бейрутского. Но в Иерусалимском государстве не был четко установлен порядок наследования в случае, ежели пресечется прямая ветвь владельцев, и последним из оставшихся в живых детей Бальана была Маргарита Цезарейская, мать Жана Цезарейского. Именно она унаследовала Ибелен, а не ее племянник Бальан. Владелица Ибелена, за этот замок она стала вассалом графа Яффаского, Готье де Бриенна.

³ Matth. Paris, IV, P. 138.

своего шурина Фридриха; ведь только он один мог рассчитывать на всеобщее признание в Святой Земле. Спустя месяц после отъезда Ричарда «бароны, рыцари и горожане Иерусалимского королевства», включая вождей гвельфской партии, Бальана д'Ибелена и его братьев, их кузена Жана д'Ибелена, Филиппа де Монфора, сеньора Торона, и Жоффруа д'Эстрена, сеньора Хайфы¹, сошлись на одном решении. Они попросили, чтобы император «вернул им свое расположение и простил все прошлые прегрешения, которые и послужили причиной раздора, до сего дня царящего на этой земле». Бароны также просили Фридриха, чтобы в ожидании совершеннолетия Конрада или его приезда в Сирию он назначил бальи графа Лестера, Симона де Монфора, с обещанием сохранять для каждого «его имущество (sa reism) и право» и управлять «в соответствии с обычаями и ассизами Иерусалимского королевства». Все поклялись подчиниться этому бальи, снять колокол и упразднить должности консулов и капитанов коммуны Акры (7 июня 1241 г.)². Весьма вероятно, что их письменное обращение к Фридриху, оригинал которого хранится в Лондоне, было переправлено графу Ричарду с тем, чтобы он заступился в пользу просителей перед императором.

Выбор Симона де Монфора как претендента на пост бальи заслуживает того, чтобы обратить на него внимание: этот сын предводителя альбигойского крестового похода (того самого мелкого барона из Иль-де-Франса, который, завоевав Тулузу и победив Арагон, был близок к тому, чтобы овладеть всеми владениями могущественного дома Сен-Жиллей — Лангедоком, Руэгом, частью Гаскони и центральным массивом), был совсем не похож на своего брата Амори, который оказался неспособен удержать под своей властью «герцогство Нарбоннское». Он стал достойным наследником графов Монфор-л'Амори, которых на протяжении целого столетия судьба бросала в гущу сражений во всем латинском мире и манила короной. Симону, графу Лестеру, было суждено подчинить себе короля Генриха III Английского и погибнуть в битве при Ивземе, положившей конец почти королевской истории рода Монфоров. Можно задать себе вопрос: а не действовали ли сирийцы под влиянием Ричарда Корнуэльского, который, будучи встревожен амбициями своего новоявленного шурина (в 1238 г. Симон женился на его

¹ Этрюан, Норд, кантон Камбре? Жоффруа был назван Эраклем «d'Estreueni» в 1232 г., когда он присоединился к Жану д'Ибелену. В «Линьяжах» он назван Жоффруа Пуленом. Он женился на Эльвис, дочери Рохарда II (позднее вышедшей замуж во второй раз за Гарсию Альвареса), и от нее у него было двое сыновей, Жиль и Роберт. Жоффруа погиб в 1244 г. под Газой. Приходился ли этот сеньор сыном или внуком Дрэ д'Этрюану, умершему в Романии после четвертого крестового похода (Villehardouin, ed. Faral, II, P. 142), а свое прозвище «Пулен» унаследовал от матери, уроженки Сирии?

² Хартия, изданная Рерихтом в Archives de l'Orient Latin, I, 402—403.

сестре)¹, захотел избавить Англию от будущего вождя партии баронов и одновременно даровать Сирии энергичного предводителя, способного сплотить вокруг себя всех франков — разве Симон не стал впоследствии главой лиги баронов, чьи требования необычайно схожи с теми, что высказывали Ибелены? Возможно, что провал кандидатуры графа Лестера означал для франкской Сирии потерю последней надежды. Нам неизвестно, почему Фридрих отклонил Симона: в любом случае, Филанжиери продолжал управлять Тиром и Иерусалимом. По той же причине Филанжиери нажил себе грозного врага; с 1239 г. кузен Симона де Монфора начинает играть важную роль в Сирии: Филипп де Монфор был сыном Ги де Монфора, сеньора де Ла Ферте-Але, брата первого герцога Нарбоннского, и Эльвис д'Ибелен². Вернувшись на Святую Землю, которую покидал для сопровождения своего кузена Амори (попавшего в плен в битве при Газе и скончавшегося на обратной дороге в Италию), Филипп женился на дочери Раймунда-Рупена, унаследовавшей от отца Торон и Шатонеп (1240 г.). Однако, несмотря на свое весьма скромное происхождение, Филипп вовсе не собирался довольствоваться сеньорией, состоявшей из фьефов всего восемнадцати рыцарей. Его брак давал ему право претендовать на трон Армении, коим он незамедлительно воспользовался³. Он стал одним из самых активных сторонников идеи возвести на практически вакантный иерусалимский престол своего брата Симона. Когда этот план провалился, Филипп задумал овладеть Тиром, богатейшим городом, который оставался единственным значительным владением Иерусалимской короны. Когда же он достиг своей цели, страх утратить город превратил его в одного из злейших врагов франкской монархии: он подчинится королевской власти только тогда, когда король Гуго де Лузиньян признает право Монфоров на Тир.

После этого перерыва, во время которого проблема заключения союза с египтянами или дамаскинцами только усилила распри, война между гвельфами и гибеллинами возобновилась: сделано это было по инициативе Филанжиери. Он с интересом наблюдал за раздорами в рядах франков и не мог спокойно стерпеть унижения, которым одержавшие победу гвельфы подвергли своих противников. Особенно это касалось тамплиеров, которые, не удовлетвовавшись тем, что развязали свою личную войну против мусульман из Египта и Транс-

¹ В то время Симон вел борьбу с Генрихом III: см. *Bermond. Simon de Monfort, earl of Leicester (1208–1265)*. Oxford, 1930. P. 64–65.

² Филипп родился около 1202–1204 гг. от брака Ги и Эльвис, вдовы Рено Сидонского: он появился на свет в Сарепте, столице Сидонской сеньории, где Ги был бальи до смерти своей супруги, скончавшейся через пять лет после рождения сына (*Amadi*, P. 187).

³ Согласно «Истории татар» доминиканца Симона Сен-Кантенского, написанной около 1248 г.

иордании, напали на своих соперников, рыцарей-госпитальеров и тевтонцев, даже не обеспокоившись мнением короля-императора¹.

Таким образом, с 1239 г. госпитальеры вошли в партию гибеллинов, и первой заботой Великого Магистра Пьера де Вьей-Брида и Великого Командора Тевтонского ордена, было пожаловаться императору на нападение со стороны тамплиеров (резиденция тевтонцев в Акре была разграблена). Филанжиери использовал эту жалобу как предлог, чтобы вмешаться в дела Акры, что ему удалось довольно легко, так как тамплиеры немного времени спустя послали все свои силы в иерусалимскую армию Эда де Монбельяра², стоявшую лагерем под Цезареей. В городе также не было ни одного Ибелена (Бальян находился в Бейруте, Жан д'Арсуф в своей Арсуфской сеньории, Ги и Бодуэн на Кипре); Жан Цезарейский только что умер, последовав в могилу за своим дядей Бальяном Сидонским. Партия гибеллинов вновь вырисовывалась в Акре, где Филанжиери мог рассчитывать на содействие пизанцев: двое нотаблей, Джованни Ваалино и Гильом де Конш, вступили в переговоры с маршалом империи.

Тогда Филанжиери прибыл в Акру, без сомнения, преждевременно (возможно, он хотел всего лишь изучить ситуацию на месте): Великий Магистр ордена госпитальеров со своими войсками отправился в княжество Антиохийское, где командор Маргата воевал с султаном Алеппо. Маршал тайно проник в резиденцию госпитальеров, но Филипп де Монфор, который единственный из гвельфских баронов находился в тот момент в Акре, прознал, что двое названных выше «буржуа» собираются побудить население подчиниться власти бальи Тира, отказавшись от повиновения Эду де Монбельяру; они уже приняли клятвы от своих сторонников. Филипп спешно собрал гвельфскую партию, добился помощи генуэзцев и венецианцев и приказал арестовать Джованни Ваалино и Гильома де Конша. Филанжиери, которого предупредили о провале заговора, бежал из города по тайному ходу («ворота Мопы») и благодаря своему проворству спасся от войск Бальяна д'Ибелен-Бейрута (пехотинцев из латинян и местного населения, маронитов или мусульман, с ливанской «Горы»), которые вошли в Акру и в течение нескольких месяцев осаждали резиденцию госпитальеров (решив, что там укрылся Филанжиери). Осада была снята только после того, как Пьер де Вьей-Брид и госпитальеры, вернувшись из Маргата, стали лагерем в командорстве Винь-Нов (откуда они угрожали Акре). Великому Магистру даже пришлось поклясться, что он не вступал ни в какой сговор с Филанжиери.

¹ Matth. Paris, IV, p. 167; Rochricht, G. K. J., p. 853–854. В 1238 г. между тамплиерами и госпитальерами едва не началась настоящая война из-за владения двумя мельницами (Delaville le Roulx, II, 489 и III, 59).

² Эд де Монбельяр стал шурином главы дома Ибеленов Бальяна, который женился на его сестре. V. Les Monbeliard de Palestine (Rev. d'Alsace, 1875).

Когда же Фридрих II услышал о новой неудаче, постигшей его маршала, то решил назначить вместо него Томаса Аквинского, графа д'Ачерра, ибо итог его предыдущих миссий позволял надеяться, что он сумеет лучше поладить с сирийскими баронами. Но было слишком поздно: вражда между гвельфами и гибеллинами достигла своего апогея. Акра была вновь отброшена в партию гвельфов, а госпитальеры стали соблюдать осторожность. Что касается Бальана д'Ибелена и Филиппа де Монфора, то они вознамерились покончить со «змеиным гнездом» ломбардцев в Тире. В этом городе у них были свои связи, которые они до сих пор сумели сохранить в тайне: некие жители Тира (венецианцы?) только что известили их об отъезде Филанжиери, которого отозвали на Запад, и о том, что его преемник еще не прибыл.

Но оказалось довольно затруднительно оправдать предприятие подобного рода: Фридрих II, от имени своего сына короля Конрада II, по-прежнему оставался законным государем, а Филанжиери по его поручению занимал пост «бальи Кипра и Иерусалима, легата в Армении, Антиохии и Триполи». Выход был найден поэтом и юристом Филиппом Новарским. «Ассизы Иерусалима» (без сомнения, в память о щекотливом восшествии на престол Балдуина II в 1118 г.) требовали, чтобы наследник короны, по своему совершеннолетию, прибыл на Святую Землю, чтобы лично вступить во владение своим королевством. Конрад родился 25 апреля 1228 г.: ему вот-вот должно было исполниться пятнадцать лет¹. Поэтому Филипп Новарский считал, что заговорщикам не следует переходить к активным действиям до апреля 1244 г., дав Конраду время, чтобы прибыть в Сирию. После этой же даты корону спокойно можно будет передать его ближайшему родственнику.

Однако оба вождя гвельфов и слышать не хотели о том, чтобы ждать так долго: вместо того, чтобы ждать, пока можно будет полностью лишить Конрада его владений, бароны предложили назначить регента, который, если сын Фридриха не явится в королевство, становился бы его вероятным преемником. Конрад как раз потребовал оммажа от своих сирийских вассалов: на «парламент», собранный в резиденции патриарха в Акре, прибыла вся знать Сирии². Королева Кипрская Алиса, дочь Генриха Шампанского, которая уже претендовала

¹ «Книга короля» предписывала короновать в двенадцать лет, но совершеннолетним король по-прежнему становился в 15 лет (Балдуин IV), а женщины — в 12 (Мария Монферратская и Изабелла де Бриенн). *Doct.*, p. 123–124.

² Присутствовали ли там знать из гибеллинов? Пизанцы, будучи союзниками императора, не прибыли на собрание, тогда как венецианцев, геновцев и киприотов пригласили. Среди знатных гибеллинов можно назвать Пьера де Сканделиона и Гарнье Германца Младшего, засвидетельствовавшие в мае 1242 г. акт Филанжиери (R. R., 1107). Сенешаль королевства, Раймунд Джебейлский (1240–1243 гг.), был смещен из-за того, что получил свой пост от Фридриха II, не имевшего никакого права это делать (Lois, II, 400).

на корону в 1230 г., теперь возобновила свои требования¹. Весь сценарий был тщательно подготовлен Ибеленами: с помощью юриста-«буржуа» Филиппа Бедана Филипп Новарский, вдохновитель этого государственного переворота, позаботился заранее подготовить все аргументы, которые изложил от имени королевы Алисы, выступив в роли ее адвоката (в качестве вознаграждения королева предоставила ему тысячу безантов ежегодной ренты и оплатила все его долги размером свыше тысячи марок серебром). Алиса недавно вышла замуж за брата графа Суассонского, Рауля де Кевра. Ей удалось убедить присутствовавших на ассамблее в законности ее прав на корону (как дочери Изабеллы Иерусалимской и сводной сестры Марии Монферратской, чьим наследником и являлся Конрад). Эд де Монбельяр все же попытался добиться для Конрада отсрочки на год: но выступление старого коннетабля не увенчалось успехом. Самое большее, что удалось добиться — обещания, что Алиса и ее муж вернут королевство Конраду по его первому требованию, если он однажды появится в Сирии. После этого Раулю и Алисе вверили управление королевством; Бальан д'Ибелен и Филипп де Монфор первыми принесли оммаж новым государям, и Алиса, официальная регентша, потребовала от ломбардцев сдачи Тира, в чем ей было отказано.

Королевская армия, где Филипп Новарский был казначеем, стремительно готовилась к бою; галеры снабжали оружием, и венецианцы с генуэзцами присоединились к флоту. В Тире Бальи был заменен братом Филанжиери Лотарио, который в качестве маршала Иерусалима (сам Филанжиери был маршалом империи) временно взял управление в свои руки. Лотарио был «доблестным рыцарем, мудрым и смелым»², но связи, которыми гвельфы располагали в городе, сделали всякое сопротивление бесполезным: обойдя крепост-

¹ К этому времени Алиса вернулась из Франции, где требовала для себя графство Шампанское: в 1189 г. граф Генрих вынудил своих вассалов признать своего брата Тибо в качестве своего наследника; рождение двух его дочерей, которых считали незаконными, ничего не меняло в наследовании Шампани. Но (с согласия Иоанна де Бриенна) Эра де Бриенн, вопреки запретам понтифика, взял в жены младшую из дочерей Генриха, Филиппу, и развязал войну в Шампани. По миру, подписанному 10 ноября 1221 г., Шампань осталась за Тибо. В свою очередь, Алиса возобновила претензии сестры (невзирая на многочисленные папские буллы, запрещающие ей это делать), воспользовавшись враждой между Тибо IV и остальными французскими баронами, которые упрекали графа за верность регентше Бланке Кастильской (1230—1234 гг.). Лишь в 1234—1235 гг. она отказалась от своих требований в обмен на ежегодную ренту в 2000 ливров и сумму в 40 000 ливров: чтобы ее выплатить, Тибо пришлось продать королю Франции право сюзеренитета над своими графствами Блуа, Шартра, Сансерра и виконством Шатоден (D'Arbois de Jubainville. Hist. des comtes et ducs de Champagne, T. IV, 1). Отметим, что претензии Эра де Бриенна поддерживал прелат из Святой Земли, родом из Шампани — архиепископ Тирский Клерамбо Бруай (Chandon de Briailles // Syria, XXI, 1940, p. 82).

² Amadi, p. 192.

ные стены по отмели, несмотря на сильный прибой, мешавший продвижению лошадей, гвельфские рыцари проникли в Тир через потайной ход скотобойни, который им открыли изнутри, в то время как их галеры преодолели преграду в виде цепи, ослабленную их сторонниками в городе, под ливнем стрел из сторожевой башни. Нападение было неожиданным, и Лотарио, которого мятеж в городе и атака гвельфов застали врасплох, едва успел укрыться в цитадели. После этого в порт вошла «*barque de cantier*»¹ с нефа Филанжиери, потонувшего в открытом море. Потерпевших кораблекрушение, в числе которых находился и сам Филанжиери, несмотря на умение их капитана, рыцаря Жана де Гриля, буря отбросила обратно в Сирию, где они и направились в Тир, не подозревая о событиях, произошедших 12 июня 1243 г. Захваченного в плен Риккардо Филанжиери сделали заложником (по совету Жана д'Ибелена, кузена Бальана и будущего графа Яффаского). Лотарио, видя, как его брата угрожают повесить, сдал цитадель Ибеленам². Это случилось 10 июля 1243 г.

У Фридриха еще оставались владения в Сирии: Боэмунд V, князь Антиохии и Триполи оставался верен императору-королю, возможно, как и граф Яффы, Готье де Бриенн, чьи владения примыкали к имперским городам Иерусалиму и Аскалону. Но император признавал, что его власть над этими городами довольно зыбка, поскольку Рауль и Алиса в это время подчиняли себе императорские земли на севере королевства: он приказал своему новому бальи, Томасу д'Ачерре, вверить Аскалон заботам госпитальеров до тех пор, пока от него не поступит новое распоряжение³.

Едва Тир был захвачен гвельфами, как начался дележ города: венецианцы — как и генуэзцы — сыграли значительную роль во взятии города, третьей частью которого они некогда владели. Марсилио Джорджио стремительным напором завладел всеми прежними венецианскими владениями и выслал в октябре 1243 г. в Венецию их список. Сам же город по закону должен был отойти короне. Поэтому Рауль де Кевр счел вправе потребовать его себе как часть королевского домена. Но Филипп Новарский, приняв капитуляцию имперцев, передав цитадель под охрану Бальану д'Ибелену и Филиппу де Монфору. Эти два барона отказали Раулю в его требовании, сославшись на то, что

¹ «*Barque de cantier*» называли большие лодки, которые везли за галерами и использовали в качестве вспомогательных и спасательных шлюпок. Жан де Гриль не решился плыть на утлой барке и на мусульманской лодке, где разместились остальная часть экипажа, в открытое море, что и стало причиной возвращения: *Chirois*, P. 132.

² Балиан д'Ибелен, помня, как грубо обращался с ним Филанжиери в то время, когда он находился в заложниках у Фридриха, в 1228–1229 гг., в Лимассоле, жаждал повесить своего обидчика.

³ R. R., 1112 — Согласно Рихарду из Сан-Жермано, граф д'Ачерра должен был усхать в июне 1242 г.

Алиса и ее супруг были регентами лишь в отсутствие короля Конрада II; именно ему (если он, конечно, прибудет в Сирию) оба кузена якобы собирались вернуть крепость, тем более что права Рауля не были неоспоримыми. На самом же деле Филипп де Монфор поторопился присоединить Тир к своим торонским владениям, и вскоре стал именовать себя «сеньором Тира и Торо-на» и даже — высшая узурпация королевских прав — чеканить там монету¹. Рауль в ярости понял, что эти ловкачи оставили ему только подобие королевской власти и собираются держать его в стороне от дел. Он тотчас же отбыл во Францию. Тогда еще не забыли, что Алиса, появившаяся на свет в то время, когда еще был жив Онфруа Монреальский, первый муж ее матери, считалась незаконнорожденной: Бальан и Филипп не преминули воспользоваться этим случаем и подчинить своему влиянию королеву, чье право на корону они могли, в случае необходимости, начать отрицать...²

Таким образом, Иерусалимское королевство осталось без иного государя, кроме старой королевы Алисы (скончавшейся в 1246 г.). Эд де Монбельяр отказался занять пост бальи. Более в Сирии не было настоящего правительства: когда буря обрушится на эту страну, то застанет ее без защиты и без вождя.

Однако пока обстоятельства складывались благоприятно: мы уже упоминали, что из-за ссоры между султанами Каира и Дамаска христиане вновь обрели Храм в Иерусалиме. Папа Иннокентий IV тотчас же задумал использовать эту войну между мусульманами, как это сделали перед 1239 г.: он написал Иерусалимскому патриарху (преемнику Герольда де Лозанна, который, скончавшись 7 сентября 1239 г., стал единственным из всех патриархов XIII в., кто был погребен в церкви Гроба Господня), приказав взимать с сирийских франков налог на восстановление крепостных стен Святого Града³. Но не было власти, которая могла бы приняться за выполнение этой задачи: кому тогда принадлежал Иерусалим? Конечно, тамплиеры вошли во

¹ Schlumberger. Numismatique: как сеньор Тира, Филипп чеканил медные монеты (помимо сарацинских золотых безантов, чеканившихся на монетном дворе Тира). Охрана Тира была ему доверена королем Генрихом I в 1246 г., в то время как Бальан д'Ибелен выторговал себе Казаль-Юмбер, отторгнутый от королевского домена (Strenhlke. Tabulae. P. 84).

² Бароны, отказав Марсилио Джиоржио вернуть венецианцам все их права в Тире, сослались на то, что королева не была законной наследницей королевства, где лишь Конрад являлся «правым наследником» (Rochricht, G. K. J., 859).

³ Mas-Latrie. Les patriarches latins, P. 22 (новым патриархом стал Роберт Нантский). Rodenberg, II, 6 (5 августа 1243): «quam liberius et melius fieri potest, hoc tempore exorta discordia soldanorum». Много христиан завещало, чтобы их имущество пошло на постройку стен в Иерусалиме и Аскалоне: в 1257 г. эти суммы были использованы на пользу других городов (Registres d'Alexandre IV, № 1939).

владение своей старой резиденцией, которую они продолжали укреплять, но разве имперцы не контролировали остальную часть города? Бальи Фридриха II, Томас д'Ачерра, не мог заняться обороной Иерусалима: после того как он узнал, что Тир находится в руках Филиппа де Монфора, ему пришлось обосноваться в Триполи¹.

В то время, как под руководством имперского кастеляна Иерусалим спешно готовили к обороне, тамплиеры и их союзники — гвельфы забросили дипломатическую игру, которая позволяла им выторговывать уступки у своих двух противников одновременно: они решили вступить с султаном Дамаска, правителями Трансиордании и Хомса, союз, направленный против Египта. В качестве вознаграждения дамаскинцы обещали уступить им часть Египта, если его удастся захватить. Султан Египта, испугавшись этой коалиции, призвал на помощь «большие компании», которые в это время терроризировали Восток, так же как это станут делать во Франции эпохи Столетней войны политические враги. То были хорезмийцы, боевые соратники Джалал Ад-Дина в войне против Чингиз-хана, которые кочевали тогда в Верхней Месопотамии. Они прибыли на зов султана Эйюба, а по пути напали на Тивериаду (захватив нижний город) и Иерусалим. Иерусалимляне обратились за помощью к всем франкским князьям и мусульманским союзникам, стоявшим под Газой: но все было напрасно. Тем не менее они отразили первые атаки; но кастелян и прецептор госпитальеров погибли в ходе вылазки. Жители Иерусалима тогда обратились к своему соседу, мусульманскому правителю Трансиордании, с просьбой вывести их на побережье, но их колонна была атакована хорезмийцами и мусульманскими крестьянами: из 7000 франков до Яффы добрались 300 человек, в то время как осаждавшие, разбив лагерь перед городом с 11 по 23 августа, разоряли Иерусалим, разрушая Святые Места и королевские могилы. Святой Град был навеки утрачен для латинского мира. Однако разгром стал полным из-за уничтожения франкской армии: в битве при Форбии, возле Газы (17 октября 1244 г.), франко-мусульманская коалиция, на став дожидаться, пока ослабнут ее противники, чья позиция была неудачной, перешли в атаку на египтян и хорезмийцев. Несмотря на героические усилия, франкское войско было полностью истреблено, Великий Магистр ордена тамплиеров погиб. Великий Магистр ордена госпитальеров попал в плен вместе с Готье де Бриенном, графом Яффы. Филиппу де Монфору удалось бежать: он помешал египтянам захватить Аскалон, который защищали отважные госпитальеры. Что касается Великого Магистра Тевтонского ордена, Герхарда фон Мальберга, то, возможно, он входил в число

¹ Delaville le Roux, II, 615 и далее. 15 марта 1244 г. в присутствии Боэмунда и триполитской знати он утвердил передачу Аскалона госпитальерам. В августе-сентябре он утвердил дарение тому же ордену поместья из региона Наблуса.

тех трех рыцарей из его ордена, которые обратились в бегство (спустя некоторое время его лишили поста Магистра)¹.

Так, Латинское королевство пожинало плоды раздоров, которые сделали ее внешнюю политику колеблющейся и бесперспективной. Фридрих II запретил порвать союз с египтянами²: руководствуясь интересами своей партии и желая вытянуть у дамаскинцев побольше уступок. Вместо того чтобы укреплять восстановленное в результате кропотливого труда Иерусалимское королевство, сирийские бароны и военные ордена вовлекли франкское государство в гибельную авантюру. В один миг завоевания Фридриха II и Ричарда Корнуэльского обратились в прах, и территории Акрского королевства опять свелись к непрочной прибрежной полосе.

III КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ЛЮДОВИКА СВЯТОГО (1245—1254 гг.)

Весть о втором падении Иерусалима и поражении при Форбии со скорбью восприняли во всем христианском мире: один несторианский прелат, тогда пребывавший в Иране, с болью писал папе об этом событии³. Епископ Бейрута тотчас же отправился с призывом о помощи к королям Запада, и на Лионском соборе в июле 1245 г. было объявлено о всеобщем крестовом походе: в декабре 1244 г. король Франции Людовик Святой принял крест. К сожалению

¹ Число погибших при Форбии приводится в письме патриарха Иерусалимского. Орден тамплиеров потерял 312 рыцарей (из 348) и 324 туркополов, орден тамплиеров — 325 рыцарей (из 351) и 224 туркопола, Тевтонский орден — 400 рыцарей; рыцари ордена Св. Лазаря, отряды сеньора Хайфаского, архиепископа Тирского, графа Яффаского, епископа Лидды, князя Антиохийского (300 рыцарей) и короля Кипрского (300 рыцарей) пали в битве, а их предводители убиты или взяты в плен. Патриарх, спасшийся от разгрома и располагавший сведениями из первых рук, исчисляет общие потери в 1600 франков и огромным количеством вспомогательных войск из коренного населения: иначе говоря, вся походная армия франков. Со своей стороны, правитель Хомса, союзник франков, потерял 1720 турок из 2000 (Joinville, ed. N. de Wailly, P. 292).

² После повторного падения Иерусалима Фридрих II написал Ричарду Корнуэльскому возмущенное письмо: «Praeter id quod Templariorum superba religio et aboriginarum terrae baronum deliciis educata superbia soldanum Babiloniae... per querram improbam et improvidam coegerunt, nostro regio foedere parvipenso quod nos una cum conventu et magistris domorum S. Johannis et S. Mariae Theutonicorum nomine nostro contraxeramus...» Matthieu Paris, IV, P. 100 и далее; Huillard-Breholles, VI, P. 236—240.

³ Письмо «путешественника на Востоке» Симеона Раббан-аты папе (Rodenberg, II, 290). См.: P. Pelliot. Les Mongols et la Paraute // Revue de l'Orient Chretien, XXIV (1924). P. 225.

нию, собор в Лионе одновременно в третий раз отлучил от церкви Фридриха II¹; в 1248 г. в путь с французами отправились лишь несколько английских, брабантских и фризских крестоносцев. За это время положение Святой Земли еще более ухудшилось: к моменту захвата Иерусалима хорезмийцы («сoгaсмис») уже заняли земли до линии от Торона де Шевалье до Газы, то есть всю Иудею. После сражения при Форбии султан Египта отказался впустить своих опасных союзников в долину Нила; они рассеялись по территории латинского королевства, почти лишенного защитников. За небольшой срок они буквально наводнили всю южную часть франкских владений до Акры и Сафета: хорезмийцы даже разбили лагерь в двух милях от Акры и в какой-то момент опасались, что они начнут осаду города. Необычайно важным было то, что мусульманское завоевание приняло черты окончательного возвращения земель: эйюбидские чиновники оставались в захваченных деревнях, чтобы взимать с них налоги². В конце 1244 г. армия каирского султана заняла Иерусалим, а также Иудею и Самарию, отобрав их у правителя Трансиордании. Взятие Дамаска (октябрь 1245 г.), восстановившее египетско-дамасскую унию, отняло у христиан всякую возможность воспользоваться распрями в мусульманском мире. Правда, папство попыталось затормозить катастрофу. Сначала постарались выкупить попавших в плен при Форбии, за которых в 1245 г. было приказано молиться на всем Западе³. Английский историк Матвей Парижский, очень хорошо информированный о происходящем в тот момент на Святой Земле, рассказывал, что тамплиеры и госпитальеры попросили разрешения выкупить своих пленных собратьев: султан Эйюб передал им, что удовлетворит их просьбу, только если их поддержит Фридрих II, и в этом случае он отпустит пленников бесплатно. Но Фридрих в глазах франков Сирии и большого числа христиан выглядел Антихристом: оба ордена не могли согласиться. Вдобавок Эйюб высмеял их междоусобную борьбу (пять лет войны, которую не смог

¹ В этот раз Фридрих более чем когда-либо был расположен возглавить крестовый поход, но Иннокентий IV ему не поверил (Rochricht, G. K. J., 871). — Также крест приняло много шотландских баронов (Dugdale, Monast. Anglic., VI, 1155).

² Matth. Paris, IV, 339, 343.

³ Dom Canivez. Statuta Capitularium generalium, II, P. 294. Готье де Бриенн, упомянутый в этом тексте, умер в заточении между 1245 и 1250 гг. Неподтвержденный слух о его кончине ходил в Шампани в июле 1247 г. (D'Arbois de Jubainville. Op. cit., V, 424). Графство Яффаское, которое, казалось, должно было отойти к его сыновьям Жану и Гуго, с 1247 г. оказалось в руках их самого близкого родственника, Жана д'Ибелена (графа Яффы и Рамы (comte de Jarhe et de Rames)) (R. R., 1149). Жан де Бриенн вернулся на Запад — король Кипра Генрих уступил ему в 1248 г. права королевы Алисы, которые он прибавил к своему графству Бриенн (в 1221 г. король Иоанн де Бриенн уступил его своему племяннику Готье де Бриенну, к тому времени уже ставшему совершеннолетним — R. R., 943). Другой Бриенн, Жан Акрский (сын короля Иоанна), стал кравчим Франции и регентом Шампани.

прекратить граф Ричард) и бегство знаменосца тамплиеров, «несшего Босеан» (1246 г.)¹.

Еще перед этим Иннокентий IV написал султану, чтобы добиться перемирия. В ответ Эйюб, в рамках дипломатического протокола (3 июня 1245 г.), одобрил стремление к миру понтифика; но он сослался на договор 1229 г., по которому султан Египта мог заключать мир с христианами только при посредничестве Фридриха II: письмо папы было передано египетскому посланнику при дворе императора. Эта дипломатическая неудача вызвала у Иннокентия IV взрыв ярости к Гогенштауфену, чья позиция стала походить на предательство в отношении ко всему христианскому миру. Сначала папа даже подумал, что Фридрих подделал письмо, но более тщательное исследование послания показало его подлинность. К тому же стало известно, что Фридрих II — официальный государь Святой Земли — помешал отправке в Сирию продовольствия и войск, под предлогом, что «помощь Святой Земле (*subsidium Terre Sanctae*)» было для папства «необычайно удобным аргументом, дабы вымогать из христиан деньги, деньги, которыми оно кичилось и жирело, при помощи лицемерных проповедей за освобождение Святой Земли»².

Став неотвратимой, война между папой и императором сковала все силы, предназначенные для обороны франкской Сирии, а сговор между Фридрихом и султаном превратили этот конфликт в один из самых ожесточенных в средневековье³. В самой Святой Земле, несмотря на мусульманское нашествие и тревожную ситуацию, возобновилась борьба между гвельфами и гибеллинами; в конце концов папа признал законным лишение Фридриха владений в Леванте, осуществленное сирийскими франками: в 1247 г. король Кипра Генрих был освобожден от клятвы верности, которую он и его предшественники приносили императору с 1197 г. (отныне Кипр зависел напрямую от Святого престола), и 17 апреля признан «сеньором Иерусалимским». Папа ратифицировал государственный переворот 1243 г. и, временно закрыв глаза на незаконное рождение королевы Алисы, признал ее сына Генриха регентом королевства по наследственному праву. Кроме того, Иннокентий IV постарался обеспечить несчастному латинскому королевству эффективную поддержку: 17 июля 1247 г. он попросил Генриха «привести, насколько возможно, в лучшее состояние землю, где Иисус Христос пожелал родиться, жить и умереть» (другое письмо, написанное в тот же день, было передано подданным королевства с приказом не подчиняться Фридриху II)⁴. Однако

¹ Matth. Paris, IV, 526. Знаменосец назывался «Balcaniferum».

² Rodenberg, II, 87; Matth. Paris, IV, 556—559. — Huillard-Breholles, VI, P. 466—467.

³ Папа сослался на письмо султана в анафеме, провозглашенной против Фридриха в июле 1245 г.

⁴ Robenberg, II, 218, 244, 299.

имперский бальи Томас д'Ачерра по-прежнему оставался в Триполи: 25 мая 1248 г. Иннокентий IV поднял тревогу и потребовал его изгнания. Не узнали ли он о сопротивлении партии гибеллинов, которую ловкому графу д'Ачерра удалось возродить, и подготовке ею нового государственного переворота с целью возвратить Конраду II его трон? Вроде бы даже «рыцари-монахи» (госпитальеры? тевтонцы?) поддержали это движение. Папа приказал любыми средствами помешать этому плану: например, он запретил пизанским кораблям входить в Акру под императорским флагом и закрепил эту сеньорию королевства за королем Генрихом¹. К этому времени скончался Бальан д'Ибелен-Бейрут (4 сентября 1247 г.). Генрих назначил вместо него его брата Жана д'Ибелен-Арсуфа, которого затем снял в сентябре 1248 г.²

Внутренние раздоры могли только облегчить продвижение мусульман. Султан Эйюб не приостановил наступление своих войск: 17 июля 1247 г. осада Тивериады завершилась взятием этого города. Эйюбидская армия направилась к Аскалону и осадила его с суши и с моря. Город был очень хорошо укреплен и по призыву госпитальеров кипрский король прислал ему на помощь сто киприотских рыцарей под командованием Балдуина д'Ибелена и флот из семи галер и двух галеонов (которые усилили сирийскую эскадру) под командованием Жана д'Ибелен-Арсуфа. Франки вынудили египетскую эскадру выброситься на берег и ушли в Акру переждать плохую погоду. Вдруг стало известно, что 14 октября 1247 г. египтянам удалось вырыть подземный туннель, укрепив его обломками кораблей, и проникнуть через него в Аскалон. Новость о падении Аскалона вызвала огромное разочарование в христианском мире: эта крепость, которой Гуго Бургундский и Ричард Корнуэльский посвятили столько времени, почти не защищалась³!

Картина, нарисованная Матвеем Парижским, показывает положение Святой Земли в черных красках: «Жители Акры боялись за свой город, не осмеливаясь и не имея такой возможности удалиться прочь, и ждали только осады или плачевной сдачи. Им не хватало пищи и, не надеясь более на освобождение, они трепетали от страха». Крупные крепости, такие как Крак де Шевалье или Шатель-Пелерен «из-за страха и опасности казались своим обитателям скорее тюрьмами, чем защитой». Многие христиане, утратив всю свою гордость

¹ Id., 399, 400, 401.

² Правовое положение властей Святой Земли было следующим: король Конрад II, «бальи» или наследственный регент, король Кипра, и второй «бальи», замещавший первого, когда тот отсутствовал в королевстве, Бальан д'Ибелен или Жан д'Арсуф. Не говоря уж о Томасе д'Ачерре...

³ Matth. Paris, P. 559.

перед лицом врага, который свободно передвигался по их стране, становились вероотступниками¹.

Весть о начале крестового похода вернула некоторую надежду сирийским франкам, которые рассчитывали, по меньшей мере, остановить мусульманское завоевание. Сами же мусульмане узнали о скором прибытии короля Франции от Фридриха II (хотя тот и пообещал принять крест в 1245 г.), который послал вестника к султану Эйюбу, чтобы держать того в курсе французской экспедиции!² Египет был охвачен ужасом, по уверениям западных купцов, торговавших в Александрии, и они воспользовались им, чтобы проверить «интересное дело»: на Западе распространился слух, что агенты султана, с целью предотвратить крестовый поход, отравили весь перец, предназначенный для продажи в христианские порты, в начале 1247 г. Естественно, потребители разом раскупили весь перец, привезенный за предыдущие годы; когда же старые запасы иссякли, итальянские торговцы опровергли слух, который сами же и распускали!

На самом деле султан Египта тогда воевал с правителем Алеппо, который захватил Хомс (1148 г.). Новость о приготовлении к франкскому вторжению вынудила его заключить мир. Возможно, крестоносцам и удалось бы договориться с противниками Эйюба и добиться возвращения земель мирным путем. Но король Франции отказался идти по этому пути — возможно, боясь упреков, подобно тем, что адресовали Фридриху II после Яффаского договора. Он прибыл на Кипр и перезимовал в Лимассоле, где, по сообщению Жуанвиля, были собраны целые «горы» продовольствия. Долгая зимовка, которой не воспользовались, чтобы вести переговоры, негативно сказалась на армии: тем не менее Людовик Святой принял двух посланцев монгольского хана, который стремился завязать отношения с франками для совместных действий против мусульман. Король сильно заинтересовался этими предложениями и послал в Монголию посольство во главе с Андре де Лонжюмо (январь 1249 г.), которое возвратилось только в 1251 г., не добившись никаких результатов³.

В 1249 г. королевская армия, с отрядами из княжества Морей (400 рыцарей), королевства Кипра и Акры — в целом 2800 рыцарей — погрузилась на

¹ Ibid. Именно тогда отшельники Кармильской горы покинули свою обитель (они получили свой устав при Св. Бурхарде из рук патриарха Альберта, умершего в 1214 г.) и появились на Западе, согласно булле от 26 июля 1248 г. Второй раз им пришлось бежать во время мамлюкского нашествия в 1263 г. (булла от 31 октября 1265 г.). В 1254 г. кармелиты основали свои первые учреждения в Англии (Bullarium Carmelitanum, P. 1, 7, 32). — Много франков бежало на Кипр (La Monte. Register of the cartulary... of Santa Sophia of Nicosia // Bysantion, V, P. 467: текст 1247 г.).

² Grousset, III, 427–428.

³ P. Pelliot. Op. cit. // Revue de l'Orient Chretien, XXVIII, P. 3 и далее. — Герцог Бургундский зимовал в шампанско-бургундских землях Морей.

собранный наконец флот¹. Ход кампании, предпринятой французским королем, общеизвестен: появившись 4 июня у египетских берегов близ Дамьетты (в который раз было решено идти этим маршрутом, несмотря на крепость Мансуру, которая преграждала путь на Каир, и предупреждения, сделанные в 1223 г. патриархом Александрии, посоветовавшим вести атаку вдоль рукава Розетты, чья защита была более слабой), он незамедлительно скоординировал высадку (5 июня) и обратил в бегство египетскую армию, построившуюся на берегу. Паника египтян передалась даже гарнизону Дамьетты, который позабыл разрушить мост, который связывал город с западным берегом Нила, где находились франки: 6 июня 1249 г. крестоносцы без боя заняли опустевшую Дамьетту, которая тотчас же была превращена в латинский город — мечети переделывались в церкви, религиозные ордена устраивали монастыри, новый кафедральный собор Пресвятой Девы стал вотчиной архиепископа, а прочие трудились над укреплениями. В который раз латиняне упустили удобный момент, сначала поджидая подкрепления, затем пережидая разлив Нила: за это время мусульмане реорганизовали армию и привели в состояние обороны крепость Мансуру, которая была запущена долгие годы.

Затем последовал знаменитый марш на Каир, предпринятый после долгих споров: граф Бретани настаивал сначала напасть на Александрию, чтобы задушить Египет, захватив два его порта, и заставить султана заключить мир на продиктованных королем условиях. Вопреки общему мнению граф д'Артуа заставил вновь избрать маршрут, по которому следовали воины пятого крестового похода, и отклонил предложение Эйюба в обмен на Дамьетту отказаться от его завоеваний (Иудея с Иерусалимом, Филистия с Аскалоном и восточная Галилея с Тивериадой). Эйюб умер некоторое время спустя (23 ноября 1249 г.), но его наследник Туран-шах вовремя подоспел: франкская армия еще не могла выйти с острова, который создали два рукава Нила (рукав Дамьетты и рукав Таниса). Людовик Святой продвигался осторожно, не давая завлечь себя в ловушки, устроенные его противником. Придя под Мансуру (но находясь на другом берегу), он отбил все египетские атаки (конец декабря 1249 г.) и приказал окружить свой лагерь рвами. После этого латиняне стали строить дамбу поперек рукава Таниса, чтобы по ней перейти на восточный берег: египтяне же подрывали противоположный берег, что мешало закончить строительство. Тогда какой-то местный житель (бедуин, копт или мусульманин?) поведал французскому королю о существовании брода: наконец крестоносное войско могло переправиться через Нил.

¹ Из-за войны между пизанцами и генуэзцами в течение нескольких месяцев невозможно было найти корабли: Жан д'Ибелен-Арсуф, бальи королевства, только что восстановил мир.

Неосторожность и неподчинение приказам короля погубили весь поход. Людовик Святой приказал, чтобы через брод переходили в строгом порядке и строились на другом берегу. Его брат Роберт д'Артуа, командовавший авангардом, едва ступил на восточный берег, как бросился со своим отрядом на штурм мусульманского лагеря (8 февраля 1250 г.). Благодаря внезапности натиска лагерь был захвачен, главнокомандующий египтян погиб, а его армия в беспорядке бежала. Поэтому Роберт, не удовольствовавшись этой бесспорной победой, захотел ее довершить, преследуя беглецов, уничтожить вражескую армию и захватить Мансуру. Великий Магистр тамплиеров, брат Жиль, попытался его удержать, но будучи обвинен в трусости, принял участие в безумной атаке графа д'Артуа. Сам король послал в галоп десять рыцарей, чтобы те приказали его брату остановиться и дождаться его подхода: Роберт не выполнил приказ. Он проник в крепость, дойдя до самого подножия цитадели, когда турецкий вождь Бейбарс, собрав мамлюков египетской армии, бросил их на крестоносцев, чьи лошади устали, и те не в силах были противостоять натиску: не имея возможности выйти из города, ввязавшись в ужасный уличный бой, где они оказались в меньшинстве, люди графа д'Артуа и тамплиеры были перебиты один за другим вместе со своим предводителем.

Сама королевская армия еще не закончила переправу через брод: аррьергард во главе с герцогом Гуго IV Бургундским и пехотинцы еще оставались на западном берегу, когда Бейбарс и его турко-арабы набросились на отряд, которым командовал Людовик Святой. Практически разделенной на три части, королевской армии угрожала опасность полного уничтожения: ее авангард был перебит, а центр, состоявший из рыцарей без пехотинцев (который принес с 1189 г. франкам их самые прекрасные победы) мог подвергнуться той же участи, и аррьергард не смог вмешаться. Личный героизм Людовика Святого и его осторожность позволили его рыцарям продержаться целый день; их осыпали стрелами, на что они не могли ответить из своих арбалетов, «греческий огонь» опустошал их ряды, а усталость мешала ответить им на вражеские атаки. Король все же попытался послать графа Бретани и Юмбера де Боже на помощь авангарду, но они не смогли выполнить задачу из-за преобладающей численности египтян. Жара и жажда сделали положение латинян непереносимым. Тем не менее они выстояли до глубокого вечера, когда герцог Бургундии смог вступить в бой. В конце концов египетская армия обратилась в бегство, и ужасный день при Мансуре завершился победой крестоносцев. Но если армии удалось удержаться на дороге в Каир, то нечего было и думать об осаде Мансуры; ее ряды были опустошены, и воины не в силах были продолжать наступление.

Без конца подвергаясь атакам египтян и одержав над ними 11 февраля новую победу, после которой враги прекратили активный натиск, франки не смогли вовремя оставить свои позиции и отступить к Дамьетте. В лагере

началась эпидемия, и, как и в 1221 г., египтянам удалось построить эскадру, обеспечившую им господство на Ниле, что лишило франкское войско поставки продовольствия и еще более усугубило ее санитарное состояние. Когда, наконец, было приказано отступить, осуществить это стало необычайно трудно из-за новых атак врагов, в то время как тиф косил армию: Людовик Святой попытался договориться с новым султаном Туран-шахом, но тот ему не ответил. Египтяне смогли пересечь Нил по мосту, который не стали разрушать, и напали на печальный обоз с ранеными, правда, еще способными защищаться. Но на подходах к Дамьетте произошла катастрофа: заболел король, и Филипп де Монфор спешно добился капитуляции, спасавшей армию ценой сдачи Дамьетты, когда предательство одного сержанта принудило крестоносцев сложить оружие. Больные на суше и на франкских кораблях были перебиты, а остальным, прежде всего Людовику Святому, грозила тюрьма в Каире (6 апреля 1250 г.)¹.

Тогда у короля Франции потребовали Дамьетту и ухода франков из всей Сирии; в ответ на его отказ (мотивированный тем, что он не имеет никакого права на Святую Землю), ему пригрозили казнью. В конце концов, составили условия соглашения: Дамьетта становилась выкупом за короля, но за армию потребовали выплаты 500 000 ливров. Что касается Святой Земли, то она оставалась в том же положении же, когда Людовик Святой высадился на Востоке, — то есть мусульмане оставляли только грот Тирона, который был ими занят в момент падения Дамьетты. Наконец, с одной и с другой стороны освобождали всех пленников, как тех, что были захвачены в ходе кампании 1249—1250 гг., так и тех, кто попал в плен ранее, например, в сражении при Форбии, и уже десять лет томился в заключении в Каире.

Этот договор, хоть и устанавливал огромный выкуп, но все же позволял спасти то, что осталось от королевской армии, — кипрских, морейских и сицилийских рыцарей. Но тут вмешался новый фактор: приход к власти мамлюков. Эти рабы-солдаты (в чем-то похожие на оттоманских янычар) составляли главную силу мусульманской армии, и именно они остановили под Мансурой франков. Новый султан Туран-шах навлек на себя их гнев, и 2 мая 1250 г. был умерщвлен собственной охраной во главе с будущим султаном Бейбарсом. Так возникло экстраординарное явление — просуществовавшее до оттоманского завоевания и даже до XVIII в. управление Египта султанами, выходцами из рядов солдат-рабов, сначала турок, затем черкесов, управление энергичное и централизованное, ничем не похожее на феодальное, но где единственным правилом наследования стало убийство. Новый мамлюкский султан, Айбег

¹ Вся эта кампания подробно описана Р. Груссе (III, 485). Несколько кораблей с больными (герцог Бургундский, легат Эд де Шатору, патриарх и прелаты) смогли добраться до Дамьетты (Matth. Paris, Add., I, P. 195).

Туркмен, не замедлил подтвердить договор, который его прежний владыка заключил с франками.

Дамьетта, которую королева Франции Маргарита защищала, несмотря на угрозу дезертирства итальянцев, была сдана 6 мая мамлюкам, которые перебили больных в их госпиталях и думали сделать то же самое с королем и баронами. Наконец, Людовик Святой, проведя месяц в плену, обрел свободу, но Жуанвилю пришлось пригрозить тамплиерам взломать их сундуки, чтобы они согласились предоставить деньги на выкуп (известно, что ордена-банкиры владели только вкладами, сделанными им крестоносцами: по крайней мере, именно под этим предлогом они отказались предоставить этот заем).

Людовик Святой мог бы, как многие государи до него, считать свой крестовый поход оконченным: бунт пастушков — массовое выступление крестьян, которые, под предлогом освобождения короля, грабили на своем пути церкви — создало Бланке Кастильской серьезные трудности во Франции, и регентша опасалась нападения короля Англии. На совете, собранном в Акре 26 июня королю стало ясно, что его бароны хотят вернуться во Францию. По совету Жуанвиля, он все же решил остаться: известна очаровательная сцена¹, когда будущий историк седьмого крестового похода, опасаясь того, что вызвал гнев короля, удалился в угол и там предавался невеселым мыслям, кто-то закрыл ему глаза руками. Думая, что это один из его оппонентов, Жуанвиль сказал ему: «Оставьте меня в покое, месьир Филипп»; но то был король, который пришел утешить единственного рыцаря, который разделял его мнение, но попросил еще некоторое время держать в тайне его решение. Король заявил, что ему нужно освободить остальных пленных (что было сделано, хоть и не без труда, в 1252 г.) и что он не может бросить на произвол судьбы Святую Землю после кровавой бойни при Мансуре (3 июля 1250 г.), предоставив баронам и своим братьям самим решать, исполнили ли они свой обет крестоносца, или нет. Людовик IX остался в Сирии.

Сирия сильно нуждалась в помощи, и с приходом крестоносцев сирийские франки вновь обрели храбрость, как это позволяют заключить мелкие детали: 7 августа 1248 г. монастырь Ла Латин, «укрывшийся» в Акре, уступил госпитальерам, вместе со своим приорством в Како, поместья в Мондидье и Ла Тур Руж в долгосрочное владение (без сомнения, эти владения по соседству с Цезареей были опустошены во время мусульманских набегов; то, что монахи надеялись на их возвращение, свидетельствует о зарождении «оптимизма»²). Во время кампании 1248—1249 гг. египтяне, развивая свои предыдущие успехи, захватили грот Тирона (1248 г.), но иерусалимская армия, без сомнения, вместе с Людовиком Святым, несмотря на отъезд таких баронов, как Жан

¹ Joinville, ed. N. de Wailly, P. 153.

² Delaville le Roulx, II, 673.

д'Ибелен-Яффа и Филипп де Монфор (коннетабль королевства со времени смерти в 1244 г. Эда де Монбельяра), перешла в контрнаступление. Во главе с д'Жаном Ибелен-Арсуфом, бальи королевства, рыцари Акры разграбили мусульманский посад в Бейсане (28 января 1250 г.) и внезапно напали на крупную орду туркмен, пленив 18 000 коней с их владельцами и их предводителем-эмиром¹.

Людовик Святой позаботился, согласно договору 1248 г., восстановить Святую Землю в границах, которыми она обладала до 1248 г.: Яффа, Арсуф, Цезарея, Шатель-Пелерен, Хайфа, Кеймон, Назарет, Сафет, Бофор стали главными крепостями на франкской границе, где они теперь находились. Но французского короля волновало обветшалое состояние фортификаций в этих городах: благодаря его присутствию в Сирии началась колоссальная строительная кампания². Акра первой приняла у себя королевских инженеров и каменщиков, которые построили крепостную стену от ворот Сен-Антуан до Сен-Лазар, у моря: так, пригород Монмюзар, до того обходившийся без защиты, был обнесен стеной. После этих работ укрепленный квартал стал процветать: около 1254 г. в нем, на «улице англичан», построили гостеприимный дом, предназначенный для приема бедных паломников из Бретани — этот дом был основан архиепископом Тира Жилем, одарившим его из своего личного имущества, и был посвящен Св. Мартину, покровителю Тура, где тогда находилась архиепископская кафедра, которой подчинялись все бретонские епископства³.

Затем король взялся за Хайфу и Цезарею, чьи укрепления он приказал отремонтировать (1251 г.), потом же обосновался в Яффе, которую превратил в мощную крепость: здесь также, к вящей выгоде графа Яффаского, Жана д'Ибелена, нижний город был снабжен крепостной стеной (1252—1253 гг.). Затем настала очередь башни Сидона, где к «Морскому замку» прибавили вторую цитадель, «Замок на суше», и стену, защищавшую весь город. Благодаря этим работам, дорогостоящим и длительным, Людовик Святой придал франкской Сирии способность к сопротивлению. Его труд был продолжен в последующие годы: госпитальеры добились от папы уступки имущества двух разрушенных монастырей, Мон-Фавора и Сен-Лазар де Бетани, пообещав построить на Фаворской горе крепость, которую будут охранять сорок рыцарей⁴. Этот акт 1255 г. превращал будущий замок в дополнение к крепостям Сафет и Бофор, позволяя организовать оборону западной Галилеи, беззащитной перед

¹ Matth. Paris, Add., I, P. 195; Eracles, 437.

² Эти постройки исследовал П. Дашан (P. Deschamps. Les Chateaux des Croises en Terre Sainte, II, La defense de Jerusalem).

³ R. R., 1216; Registres d'Alexandre IV, 1274. Существование предместья в Акре засвидетельствовано в 1179 г. (Jaffe, 13402 a).

⁴ R. R., 1230, 1244.

набегами врага после падения Тивериады. Архиепископ Назарета пытался участвовать в этом возрождении франкской Галилеи: в 1255 г., уступив госпитальерам четыре поместья вокруг Каны¹, с целью увеличить их домен на Фаворе, этот прелат попытался вдохнуть жизнь в маленький городок в Сафери, призвав туда колонистов. Но этот труд оказался не по силам архиепископу: каждую минуту можно было ожидать вражеских налетов, а глухой бунт мусульманских крестьян Галилеи помешал прелату войти во владение своим имуществом. Он добился от папы разрешения удалиться в Акру вместе со своим капитулом и уступил всю сеньорию Назарета, со своими восемнадцатью поместьями и пустошами, госпитальерам, в обмен на ежегодную ренту в сорок тысяч безантов².

Если эта попытка возродить старые владения франков в Галилее и была обречена на провал, то все же она заслуживает быть отмеченной, ибо показывает, как благодаря Людовику Святому Акрское королевство перестало придерживаться только обороны: колонизация вновь охватила эти земли, только-только очищенные от туркменских мародеров, и одновременно поселенцы попытались вновь обосноваться в Самарии³. Французский король сумел использовать свое освобождение, чтобы начать — возможно, все-таки поздно-вато, — хитрую дипломатическую игру: Эйюбидские князья не смирились безропотно с мамлюкской революцией, направленной против главы их семьи и также грозившей им всем. Дамаск вновь обрел независимость, подчинившись правителю Алеппо, прямому потомку Саладина, Аль-Насиру Юсуфу, и Эйюбиды подготовили поход, чтобы завоевать Египет. Их разгромили в кровавой битве при Аббазе (2 февраля 1251 г.), и мамлюки могли считать, что их власть спасена. Людовик Святой воспользовался затруднения султана Айбега, чтобы ускорить освобождение пленных: чтобы не сделать их участь еще более тяжелой, король не мог присоединиться к Юсуфу, который предлагал ему вернуть Иерусалимское королевство.

В марте 1252 г. Людовик Святой даже задумал заключить союз с египтянами; мечтали также захватить Дамаск. Обе стороны подписали перемирие на пятнадцать лет, которое предусматривало, помимо освобождения всех латинян, попавших в плен со времен восхождения на трон Фридриха II (1226 г.), передачу в руки христиан всех земель к западу от Иордана, включая Иерусалим, Хеврон и Наблус. Лишь четыре крепости, Газа, Дорон, Гибелин и в Галилее Гран-Герен, должны были остаться во власти султана, который обязался не

¹ Тогда же Жюльен Сидонский уступил госпитальерам крепость Казаль Робер, которым владел в этом регионе (R. R., 1217 — август 1254 гг.).

² В 1256—1259 гг. — R. R., 1239, 1242, 1280, 1282; Alexandre IV, № 1300.

³ Бальан д'Ибелен, сын Жана д'Арсуфа, должен был получить от короля Генриха, между 1246 и 1253 гг., ренту с территории Наблуса (Delaville le Roulx, III, 61).

укреплять их¹. К несчастью, в то время как франкская армия ждала в Яффе подхода своих союзников, Багдадскому халифу удалось примирить Эйюбидов и мамлюков (апрель 1253 г.). Дамаскинцы попытались отомстить латинскому королевству, участь которого, естественно, стала безразлична для Айбега. Они стали угрожать Яффе, но нескольких франкских арбалетчиков хватило, чтобы их отогнать (6 мая 1253 г.). Под Акрой они опустошили два поместья, но бальи королевства (который, самое позднее в 1251 г., получил должность коннетабля) Жан д'Арсуф смог преградить им доступ к садам. Напротив, Сидон не удалось защитить: «Морской замок» вместил столько беглецов, сколько мог, во главе с командиром королевских арбалетчиков, но стена еще не была достроена; нижний город был разграблен, а двенадцать сотен христиан убиты или уведены в рабство (июнь 1243 г.).

Людовик Святой нанес ответный удар. До этого он запретил всем вступать в отдельные стычки, как, например, сделал магистр ордена Св. Лазаря, устроивший налет на Раму, завершившийся поражением; Жуанвилю пришлось его выкупать², оставив еще не законченное укрепление стен — над ними работали еще долгие годы — он появился в Сидоне и направил во внутренние земли часть своего войска, которое (под командованием Филиппа де Монфора, великих магистров тамплиеров и госпитальеров, Жана д'Э и Жилия Ле Брена, маршала Франции) внезапно напало на Баниас и чуть не захватило Субейб, почти неприступную крепость, возвышавшуюся над этим городом. Поскольку занять внезапно ее не удалось, армия отступила и вернулась в Сидон. Когда Людовик Святой закончил заниматься укреплениями Сидона, то вернулся в Акру (7 марта 1254 г.), где на Пасху посвятил в рыцари сына Жана д'Арсуфа, Бальана (12 апреля), как и в 1252 г. нового князя Антиохийского, Боэмунда VI. 25 апреля король отбыл во Францию.

Можно только удивляться, видя, как в Святой Земле, где Фридрих II получал лишь оскорбления, король Франции пользовался авторитетом, неоспоримым до такой степени, что ему удалось даже подчинить себе гордый орден тамплиеров, заставив Великого Магистра порвать особый мирный договор, который маршал тамплиеров заключил между орденом и дамаскинцами³. Однако Людовик Святой действовал в особенно деликатной ситуации, поскольку Фридрих — или, скорее, его сын Конрад — по-прежнему являлся Иерусалимским

¹ Matth. Paris, Add., I, p. 205 (письмо казначея госпитальеров Жана де Коси) и Grousset, III, 503. — Матвей Парижский отмечал, что в 1251 г. Дамьетта была разрушена по приказу султана, чтобы участники нового крестового похода не смогли там закрепиться (V, p. 254).

² Rochricht, G. K. J., 888 — В битве при Форбии (1244 г.) этот орден потерял весь свой рыцарский контингент — «и прокаженных, и здоровых». — Известно, что мусульмане отбили Раму.

³ Grousset, III, 510.

королем (Конрад неоднократно издавал королевские акты, подтверждая в 1252, 1253 и 1254 г. права госпитальеров на их имущество в королевстве, и, прежде всего, в Аскалоне, и назначив канцлера королевства — Гильома д'Окра)¹. После смерти Конрада II (Фридрих скончался 13 декабря 1250 г., завещав в качестве покаяния 100 000 унций золота своему сирийскому королевству), папа признал его сына, юного Конрада III (Конрадина) наследником Иерусалимского трона (сентябрь 1254 г.). Однако позиция короля Франции была довольно неплохой: за прошедшие годы он старался примирить папу и императора, и его отношения с Фридрихом всегда оставались дружескими. Фридрих даже позволил себе просить у Людовика IX вернуть его чиновников на их должности в Акре и во всем королевстве. Святой король воздержался от выполнения подобного поручения, но всячески старался не оскорблять права Конрада II².

Если король Франции, официально не имевший соответствующего титула, пользовался авторитетом, чего не смог добиться даже Ричард Корнуэльский, то он обязан, без сомнения, своему моральному престижу, благочестивому поведению, благодаря которому он стал арбитром в Европе, своему духу справедливости и своему неоспоримому героизму. Кроме того, не следует забывать, что все эти сирийские бароны принадлежали к французским родам; среди них не было никого, кто бы не имел во французском королевстве если не фьеф, как Филипп де Монфор³, то, по крайней мере, родственников, очень близко связанных с королем вассальными узами. Ведь не только община с единым языком и культурой признала Людовика Святого как короля без титула во франкской Сирии; именно благодаря личным связям, устанавливаемым посредством феодалного оммажа, он стал естественным предводителем баронов Сирии. Разве не был кипрский король, сам «сеньор королевства», двоюродным братом графа Маршского, которому король Франции преподал столь суровый урок? Наконец, материальная помощь, столь щедро оказываемая Людовиком IX латинской

¹ Rochricht, G. K. J., 874; Delaville le Roux, II, 722, 739. — Папа признавал права Гогенштауфенов на короны Иерусалима и Сицилии, но старался, чтобы они не присоединили к этим наследственным владениям Германскую империю. Так, в 1247 г. он попытался, несмотря на войну с Фридрихом, сделать Конрада II королем Сицилии и Иерусалима (Wittmann. Urkundenbuch zur Geschichte des Hauses Wittelsbach // Quellen und Erörterungen zur bayerische und deutsche Geschichte, V, 1857, P. 96).

² Rochricht, P. 883 — В 1250 г., Фридрих в письме королю Кастилии сожалел, что не смог руководить военными действиями в Египте, уверяя, что ему бы удалось избежать разгрома.

³ «Ligeance» Филиппа де Монфора, то есть иерархия сеньоров, которым он был обязан верностью, был таков: на первом месте шел король Франции, затем граф де Монфор, наконец, сеньор Иерусалимского королевства (1264 г.). В 1268 г. он завещал своему старшему брату фьефы, которые он держал от короля в Альбжуа, Каркассонн и Нарбоннэ (R. R., 1331, 1357).

колонии на Востоке, только поспособствовала тому, что к королю присоединились даже извечные бунтари. С Людовиком Святым Сирия в последний раз обрела единство.

В результате его крестового похода остатки франкского королевства были приведены в состояние обороны, а враги были вынуждены относиться к нему с уважением. Жан д'Ибелен, граф Яффаский, который с 1254 г. стал бальи королевства, завершил труд Людовика Святого во внешней политике, договорившись в 1255 г. с дамаскинцами о перемирии на десять лет, которое не распространялось лишь на графство Яффу (пожертвовал ли Жан своим доменом ради общих интересов или же, как считает г-н Гранклод, он хотел, чтобы все субсидии с Запада поступали в его графство?)¹. В любом случае военные действия, которые там разворачивались, начиная с 1255 г., обернулись удачно для франков, точнее для Жоффруа де Сержина, командира войск, которые Людовик Святой оставил на Востоке, и для Жана д'Ибелена. Мусульманский эмир Иерусалима был убит в схватке, закончившейся для мусульман поражением (17 марта 1256 г.), и Жан добился в 1256 г. перемирия на десять лет для всего королевства, включая Яффу, как с египетской, так и дамаской стороной².

Наконец, в Сирии вновь установился мир, после более десяти лет испытаний, которые поставили королевство на край пропасти. К несчастью, в тот момент, когда требовалось все силы направить на восстановление порядка на Святой Земле, франко-сирийская знать станет предаваться бесплодной игре в партии, которая на какой-то период обернется ужасной гражданской войной и парализует королевство, тогда как ислам зашатается под ударами новых действующих лиц, монголов.

IV КУПЕЧЕСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

В середине XIII в. торговля в латинском королевстве достигла наивысшего расцвета. Мирные годы, которые это государство обрело с 1244 г., позволили увеличить объем торговли между Востоком и Западом; именно в это время коммерция в Сирии была великолепно организована. Некоторые документы, датированные 1250 гг., проливают свет на детали этой организации. Поэтому следует изучать купеческую деятельность в королевстве Акры именно

¹ Grousset, III, 532; Grandclaude, P. 140.

² Следует ли думать, что договор 1255 г. был заключен только с Дамаском, а договор 1256 г. — только с Египтом? Источники противоречат друг другу в этом вопросе (Grousset. *Loc. cit.*).

в этот момент, тем более что как раз тогда купечество выходит на первый план: «крестовые походы» настолько уступают место «экономике», что мамлюки будут вести походы против франкской Сирии и христианской Армении не только из-за соображений «священной войны», но и с совершенно отчетливой задачей — подавить Акру и Лаяццо, торговых соперников порта Александрии, который с этого времени станет конечным пунктом всех купеческих маршрутов восточного Средиземноморья.

Перед крестовыми походами Сирия не была особенно привлекательна для купцов, за исключением амальфийцев, которые организовывали паломничества в Иерусалим. Восточные товары, о существовании которых, по крайней мере, в то время знали на Западе — Византия поставляла их итальянским купцам (прежде всего, венецианцам или сицилийцам), которые иногда сами отправлялись торговать в Александрию и Дамьетту, тогда как мусульманские купцы (и, конечно, евреи) привозили свой товар в западные порты. Для Генуи, Пизы и Венеции крестовый поход открыл новые рынки, где они могли торговать¹.

Мы уже видели, как прибрежные города Италии, Прованса, Лангедока и Каталонии постепенно основывали в Сирии свои фактории, которые были наделены привилегиями, из-за чего их корабли предпочитали посещать эти порты, а не другие. Поэтому купцы Ирана, Месопотамии, Алеппо или Дамаска уделяли все больше внимания сирийским гаваням, что наносило ущерб портам, расположенным в дельте Нила, которые, тем не менее, сохраняли почти полную монополию на торговлю с Индией, Аравией и Египтом (хотя некоторые товары, такие как квасцы из Верхнего Египта, через Суэцкий перешеек доставляли во франкское королевство). Мусульманскую торговлю привлекали огромные рынки Иерусалима, Акры и Тира: к концу XII в. купцы Дамаска имели свои торговые филиалы в городах на побережье (по свидетельству Ибн Джубайра) и даже в военное время мусульманские судовладельцы Тира добивались от латинских королей позволения отправлять свои корабли в Египет. Память об этой транзитной торговле сохранилась в древнем тексте «Ассиз палаты горожан», который, возможно представлял собой таможенный тариф XII в.: королевскому рынку («фундуку») «с каждого верблюда», груженного льном, перевозимого из Каира в Дамаск, уплачивали пошлину в безант и два карубля (карубль был равен одной пятой (безанта)².

¹ С XII в. генуэзцы и венецианцы торговали в Сирии. — Добавим к классическим работам Хейда и Шаубе многочисленные современные труды по экономической истории, например, Р. Лопеса. Библиографию по Генуе см.: R.-H. Bautier. *Mémoires de l'Académie des Inscriptions et des Beaux-Arts*, t. 10, 1938. P. 181–210.

² См. *supra*. P. 52; *Assises des bourgeois*, § 237 — Г-н Каэн (*Indigenes et Croisés// Syria*, XV, 1934. P. 359) цитирует отрывок из Ибн-Джубайра, который демонстрирует полное безразличие франкских и мусульманских купцов к войнам их государей.

Этот таможенный тариф и прочие тексты дают представление о том, какие товары проходили через таможню во франкских портах. Перечень этих товаров Востока для людей средневековья просто пестрел драгоценными названиями: достаточно прочесть восторженную хвалу, которую Жак де Витри посвящает Святой Земле и ее плодам, чтобы понять, насколько все, что приходило с Востока, привлекало его современников. В порты Акры и Тира привозили много лекарств, которые аптекари хранили в своих лавках (средневековая фармакопея, созданная под влиянием Салернской школы, имела целиком восточное происхождение): на рынке Акры взимали пошлины за александрийский лист, алоэ, синайскую манну (из Персии и Аравии), камфару, миробаланы (сливу из Индии и Афганистана), ревень, мирру, scamone из Сирии, кассий, sedouart (горький корень из Индии и Явы). Пряности — известно, насколько велик был в средние века спрос на блюда и питье с пряностями (история об отравлении перца в 1247 г. это подтверждает) — облагались высокими пошлинами: 11 % с перца, 8 % с мускатного ореха, 9 % с гвоздики. Корица, имбирь, кардамон завершали свое долгое путешествие на рынках латинских городов в Сирии — большинство из этих пряностей привозили по суше из Индии и уверяли, что они сохраняли свой аромат лучше, чем те, что доставляли в Александрию по морю. Там они вновь продавались по соседству с товарами, необходимыми для западной промышленности, сырьем, как, например, шелковые клубки, листья хлопка, лен из Египта, волокна из Дамаска (шелковые нити), цинковая руда и особенно красильное сырье, в котором так нуждались суконщики Запада. Это были квасцы из Египта или Алеппо, красная камедь из Индии и Индокитая (которую также употребляли как лекарство), кошениль или «семена экарлата», сандаловое дерево, бразильское дерево, пользовавшееся у покупателей особым спросом и привозимое из Индии или Суматры, индиго из Багдада.

Католическая церковь закупала в этих портах ладан из Аравии, за который на таможне требовали очень высокую пошлину в 11 %; напротив, бальзам исчез из Ангадди и Иерихона, и его привозили в небольшом количестве только из Египта (правда, из Аравии присылали менее ценный продукт, но зато пользовавшийся огромным спросом у церкви, аптек и парфюмерных лавок, «orobalsamum», который также производили из бальзамового дерева). Слоновая кость, за которую взимали пошлину в 8 %, прибывала из Эфиопии и Занзибара; на Акрском рынке можно было купить и духи: «mousqueliet» (мускус из Тибета, пошлина за который равнялась 8,5 %), амбру, росный ладан... Там же на продажу выставлялись предметы роскоши: жемчуг, драгоценные камни (среди которых можно было встретить розовые рубины из Бактрианы, изумруды, сапфиры, алмазы, сердолик из Индии), фарфор («посуда из языческих стран») и, прежде всего, причудливо вышитые ткани, которые свозились со всего Востока: «baudequins» (золототканая парча из Багдада), «samosans» [шелковая ткань, похожая на сатин — прим. пер.], сукно из

Дамаска («damasses»), «муслин» из Мосула, ковры¹. Наконец, груды богатств, наполнявших акрские лавки, пополнялись продукцией самого королевства²: сахар, главная «промышленная» отрасль франкской Сирии — Фридрих II даже в одном из писем к Филанжиери просил своего наместника прислать работников из вырабатывающих сахар цехов Тира в Палермо, нисколько при этом не заботясь об интересах Сирии³, — стекло, в основном производимое еврейскими ремесленниками, кожа, вино из Назарета и Саферии, ткани, составлявшие предмет гордости ткачей королевства. «Ассизы» устанавливали правила для производства «bouquegans» (тонких полотен из льна или хлопка) и «sendaux» из Тира или Триполи (эти шелковые ткани подлежали штамповке перед тем, как их начинали красить, для того, чтобы проконтролировать качество материи). «Камлот» из ворсистой шерсти (верблюда или козы) также изготавливался в мастерских латинского королевства.

Все эти товары отправлялись не только на Запад: египтяне вывозили из королевства большую часть мыла, хлопка, фруктов (дыни, лимоны, апельсины, финики) и масло (особенно кунжутное масло). Рыбный промысел Тира и побережья дал толчок к зарождению необычайно важного сушильного ремесла: за соленую рыбу, которую вывозили в «языческие страны» («païenime»), платили налог в одну четверть карубля за безант⁴. Большая же часть торговли с мусульманскими землями осуществлялась с помощью христианских кораблей: так, например, в 1248 г. Марсель перепродал в Бужи корицу и гвоздику⁵. Картину вывозимых из франкских портов на Запад товаров завершали рабы⁶.

¹ Отметим «кур из Индии», за которых взималась пошлина в размере половины их стоимости: речь не могла идти об индюках, птицах американского происхождения. Были ли это фазаны или павлины? Их можно найти в XV в. в княжеских зверинцах. (De Maulde. De l'origines des dindons // Bibliotheque de l'Ecoles des Chartes, 1879).

² Kamel al Tevarikh (R. H. C. Hist. Orientaux. I. P. 689.). «Они нашли в этом городе много золота, жемчуга, сиглантона (дамасского шелка, по мнению Хейда), тканей из Венеции, сахара, оружия и прочих товаров, ибо туда сходились франкские, греческие и другие купцы, прибывавшие как из отдаленных стран, так и из тех, что находились поблизости» (рассказ о захвате мусульманами Акры в 1187 г.: согласно этому тексту, в городе размещались товары, оставленные на складах купцами, которые сами уехали из Акры из-за «застоя в торговле»). Греческие торговцы стали посещать королевство с начала XII в. (Alb. Aq., VIII, 45; XI, 27).

³ Heyd, P. 686.

⁴ Assise, № 235.

⁵ L. Blancard. Documents inedits sur le commerce de Marseille au Moyen Age, II, Marseille, 1886. P. 102.

⁶ К тексту Хейда (Т. II, supplement I, P. 555–711) мы добавили сведения, почерпнутые из таможенных тарифов Акры, Марино Санудо, вышеупомянутой работы Л. Бланкара, книги Бирна (Byrne E. H. Genoese shipping in the twelfth and thirteenth centuries. Cambridge (Mass.), 1930), который опубликовал два контракта с перечнем груза. Sanudo. P. 53. Также см.: Rey. Colonies franques.

Не менее интересно будет изучить — на что обращали мало внимания — список товаров, присылаемых с Запада на Восток. Ибо впервые торговый баланс между Европой и Азией более не был дефицитным (так же как и во времена античности, если верить свидетельству Плиния Старшего): в эпоху варварских нашествий и правления Каролингов на Западе не чеканили золотые монеты. Однако во второй половине XII в. золото вновь там появляется: на французском рынке начинают ценить золотой безант, византийскую или мусульманскую монету; в текстах, повествующих о дарении аббатствам, безант упоминается как конкурент серебряного су, каковой безраздельно царил на протяжении предыдущих столетий, с тех пор как из употребления вышел золотой су¹. Более того, на Западе снова принимаются чеканить золотые монеты: Людовик Святой приказывает чеканить «королевские золотые», несомненно, по подобию безанта, тогда как его предшественники выпускали всего лишь серебряные монеты... В обращение входят генуэзские и флорентийские золотые; в Италии также взялись чеканить золотые монеты. Из этого следует, что мусульманские страны, владевшие золотом, которое добывали в Судане, должны были привозить его на Запад для оплаты своих покупок.

Испокон веков Европа присылала в Левант продукцию своих суконных мастерских: Карл Великий, захотевший послать халифу Харуну Ар-Рашиду дорогой подарок, выбрал сукно из Фризии, так как знал, насколько оно ценится за морем. Контракты, заключаемые марсельскими или генуэзскими купцами в XIII в., свидетельствуют о популярности, которой пользовались эти ткани у жителей Востока. Корабли привозили с Запада «тюки» с сукном и холстом; когда «Сикард-дю-Сент-Эспри» покидал марсельскую гавань, на его борту находилось 450 центнеров груза, из которых 400 приходились на долю сукна и холста. Регистры марсельского нотариуса («Заметки Амальрика» от 1248 г.) знакомят нас с целым каталогом текстильной промышленности: черное сукно из Дуэ, сине-зеленое из Провена, зеленое или голубое из Шалона, красное из Ипра, сукно из Лувье, Руана, Камбре, холст из Шампани, Реймса, Германии, Лилля, Баля, «garnaches» из Пуатье, черный «estafort» из Англии, «biffes» из Парижа, «etamine» из Арраса, «canevas», «baracans», шерстяные одеяла, войлочные шапки, золотая пряжа из Генуи, плащи из Байонны соседствуют там с пушниной, отправляемой в Акру. Пенька пользовалась огромным спросом, так же как и редкие на Востоке металлы, такие как медь (известно, что один корабль вез тазы), олово, ртуть и свинец. Миндаль часто составлял значительную часть груза, перевозимого на Восток, так же как и солонина (западноевропейцам, поселившимся в Сирии, пришлось обратиться к своей родине, чтобы получить необходимый для них «бекон», который они не могли закупать в мусульман-

¹ M. Bloch. Le probleme d'or au Moyen Age// Annales d'Hist. Economique, 1933. P. 21. См.: M. Lombard. L'or musulman, ibidem, 1947. P. 143.

ских странах, где свинья была «запрещенным» животным). Шафран (модная приправа) также привозился с Запада. С Сардинии во множестве присылали кораллы. Можно добавить к этому неполному списку железо, дерево (поступавшее особенно из Армении) и седла для лошадей¹.

Значительный процент всего этого добра приобретало само Иерусалимское королевство, но основная часть товаров, которые привозились с Запада в порты Сирии, быстро раскупалась из «магазинов» Акры мусульманскими торговцами. Купцы Дамаска и особенно Мосула держали в Акре своих посредников, которые переправляли на внутренние базары товары, присланные из стран Запада. Весьма вероятно, что Египет запасался продовольствием именно во франкских городах на сирийском побережье. Марино Санудо (писавший чуть позже падения Акры) удивлялся тому, что эта страна очень зависела от поставок из-за границы: Египет ничего не получал от мусульманского Востока (известно все же, что Тунис и современный Алжир иногда поддерживали с Каиром связь при посредничестве итальянских или провансальских купцов) и Аравии, немного продуктов поставляла Сирия и одни пряности — через Индийский океан. Из христианских стран Запада ему поступали серебро, свинец, медь, олово, ртуть, льняная или шелковая ткань, холст, коралл, шафран, масло, орех и миндаль, мастика (с острова Чио), а также рабы, дерево, железо и смола, на которых и зиждилось могущество мамлюкских султанов².

Конечно, последние товары было строго запрещено продавать Египту, но полностью помешать торговле ими оказалось невозможно. Согласно «Ассизам», виновные приговаривались к повешению³, но когда английский принц Эдуард захотел заставить соблюдать запрет на торговлю товарами подобного рода с Египтом, то столкнулся с привилегиями, согласно которым итальянским купцам разрешалось заниматься этим промыслом. Вне границ королевства латиняне не имели никакого средства давления на западноевропейских купцов: для этого был нужен флот, который постоянно занимался бы ловлей контрабандистов; поэтому контрабанда процветала, а за нее купцам грозило всего лишь отлучение от церкви, которое мало беспокоило этих людей, без опасения идущих на сделки с собственной совестью.

Даже в самом королевстве королевская власть оказывалась беспомощной перед этими итальянскими, провансальскими или каталонскими торговцами: мы

¹ Blancard. *Op. cit.* I, P. 73, 102, 273, 276–277, 262, 315, 337, 338, 346, 351, 360. II, P. 9, 11, 13, 16, 22, 27, 37, 38, 39, 50, 52, 56, 61, 63, 73, 78, 81, 82, 110, 133, 134, 160, 430, 436, 442, 443 (H. Laurent. *La draperie des Pays-Bas en France et dans les pays mediterraneens*, XII–XV s. Paris, 1935. P. 66). — Heyd, I. P. 91 — Эти тексты от 1248 г. демонстрируют, что уязвимое положение Святой Земли не стало препятствием для торговли.

² Sanudo. P. 43 et passim. — Прежде всего речь шла о рабах из Южной Руси и даже Малой Азии.

³ Assises des Bourgeois, № 47.

уже видели, какие уступки купцы смогли выторговать для себя у государей. Иногда Иерусалимским королям или их наместникам удавалось вернуть себе утраченные права короны, но они так и не смогли добиться отмены самой значимой привилегии — освобождения от таможенных пошлин. Очень часто случалось, что при ввозе товаров в Акру купцы платили всего лишь формальную пошлину (по договору 1190 г. марсельцам полагалось платить один безант из ста за все, что они привезли по морю). И «коммуны» не переносили, когда пытались отнять у них эти привилегии: когда в феврале 1231 г. Фридрих II приказал Филанжиери восстановить право «цепи» (таможенные пошлины) для гемуэзцев, те так враждебно отнеслись к этому проекту, что имперский бальи не осмелился применить к ним силу¹. Эти привилегии без конца возрастали: Конрад II даровал мессинцам вольности, которые в 1255 г. подтвердил папа. Со своей стороны понтифик разрешил купцам Анконы торговать в Акре и по всему королевству, «не платя никаких пошлин на таможне» (28 июля 1245 г.). «Сеньория Иерусалимского королевства» могла только подтвердить эти новые привилегии, а иногда и вынуждена их увеличить: так, в 1257 г. купцы из Анконы получили от баронов королевства задаток в виде квартала в Акре, с церковью, дворцом и постоянным двором, возле моря, пообещав взамен выставлять пятьдесят воинов на защиту королевства². Из-за всех этих налоговых послаблений доходы от таможни («цепи»), не переставая, сокращались: это был уже не тот неиссякаемый источник, откуда в предыдущем столетии Иерусалимские короли черпали деньги для пожалования рент. Если доходы с рынка, хоть и значительно в меньшем количестве, все же поступали в казну, то прибыль от таможни Тира в 1243 г. не превышала 1240 безантов в год (сами сирийцы были освобождены от таможенных пошлин Иоанном де Бриенном)³.

Потому Латинское королевство постепенно утрачивало прибыль, которую получало в XII в. от международной торговли: потеряв крепости Трансиордании и Синайского полуострова, оно более не могло контролировать караваны, которые ранее были вынуждены платить значительные пошлины. Итальянские или иные купцы все чаще начинали вести себя по-хозяйски во франкских колониях, обедневших из-за их чрезмерных привилегий. Королевство крестоносцев мало-помалу превращалось в королевство купцов.

Эти купцы вели свою, обособленную от прочих франков, жизнь. Большинство из них только от случая к случаю посещали Святую Землю, где лишь несколько их соотечественников проживало круглый год. Дельцы и судовла-

¹ Heyd, I, 346.

² R. R., 1259; Rodenberg, II, 94; Registres d'Alexandres IV, № 752.

³ R. R., 1114, 1116; Liber iurium, II, 405 (на рынке в Тире гемуэзцы платили обычные пошлины только с того товара, который они привозили из Египта, Берберии и Константинополя; они были освобождены от выплат, если не продавали эти товары — 1192 г.).

дельцы западных портов могли без ограничений проворачивать торговые операции. Благодаря контрактам, которые они заключали, мы можем познакомиться с механизмом этих сделок. Мы не станем на страницах этой книги анализировать сложные юридические вопросы, связанные с контрактами. В довольно запутанных договорах о фрахте рассматриваются все детали и особо оговаривается груз на борту, что позволяет нам получить ценные сведения о снаряжении судов в плаванье. Редко бывало, чтобы капиталист [capitalist] лично нанимал судно (в 1248 г. Ги Триполийский, Жиль Жан и Вивальдус Иерусалимский зафрахтовали «Сикард-дю-Сент Эспри», где поместилось 450 центнеров груза и с командой из 40 моряков); чаще они прибегали к услугам посредника, выдавая ему определенную сумму на разные нужды, как в случае с неким купцом, который, приняв в 1243 г. «заказ» на 140 ливров в «гоуаух coronats», обменял эти деньги на 400 акрских безантов и купил тюк шалонского сукна, которые и взял с собой на «Нуво Парадиз», чтобы получить с них прибыль в Сирии¹. Этими коммерческими операциями занимался весь мир менял и банкиров, которые иногда получали крупные вклады; но чаще всего подобные вклады брали тамплиеры и госпитальеры; с самого начала они помогали крестоносцам по прибытии на Восток получить на руки наличное золото, согласившись, к примеру, взять в залог землю во Франции, чтобы выплатить сумму с доходов от нее владельцу, когда тот появлялся в Сирии. От того чтобы оказывать услуги банкирам и купцам, их отделял только шаг, и ордена его быстро преодолели. Тамплиеры вновь ввели в обращение вексель, существовавший в эпоху некоторых древних цивилизаций, что позволило торговцам не тащить с собой за море крупную сумму наличности. Кроме того, и тамплиеры, и госпитальеры имели в своем распоряжении корабли, на которых перевозили дельцов и паломников, соперничая в этом с торговыми городами².

Судна каждого города не пускались в плаванье через Средиземное море поодиночке: они покидали порт «караваном»³, которым руководил один «морской консул» (или несколько), выбираемый из купцов, а не из капитанов кораблей. Этот консул разрешал все споры, возникавшие на борту во время путешествия. Как правило, эти морские поездки совершались дважды в год, в середине августа (осеннее путешествие) и немного спустя после Пасхи (весеннее путешествие⁴). Курьезная деталь: кроме венецианцев, которые имели право в Тире пользоваться мерами емкости, имевшими хождение у них на

¹ Byrne. Op. cit. P. 33; Blancard, I, P. 155 и II, P. 9. См.: G. Fagniez. Documents relatifs a l'histoire de l'industrie et du commerce, I, P. 155 и далее. (Paris, 1898).

² Blancard, I, P. 28, 73, 102, 120, 315; R. R., 889, 1339.

³ В XVII веке говоря «плыть в караванах (faire ses caravanes)» будут иметь в виду путешествия под охраной мальтийских галер, где проходили обучение будущие морские капитаны.

⁴ L. Blancard. Du consul de mer et du consul sur mer, Bibl. Ec. Chartes, 1857. P. 427.

родине, у всех остальных кораблей изменялся тоннаж на обратном пути. На пути в Сирию, тоннаж судна измерялся по обычаю Генуи» (Пизы или Марселя); на пути домой — по обычаю Акры или Сирии» (725—740 ливров, то есть 230 кг)¹.

Высадившись в Сирии, купцы выходили из подчинения морского консула, чтобы попасть под власть своего соотечественника — местного консула. Отчеты, которые консулы отсылали в метрополию, и марсельские статуты 1255 г. знакомят нас с обязанностями этого административного лица. Как и морского консула, в Марселе его возводил в должность глава коммуны, с одобрения большинства городского совета, который назначал ему советников. Там, куда не назначали консула, марсельцы, если набиралось свыше десяти человек, могли выбрать консулом одного из них. Консул приносил клятву вершить правосудие «искренне, без подлогов и обмана, невзирая на ненависть, любовь или страх, просьбы или подкуп». Приговоры консула, которые считались недействительными без присутствия двух советников и судебного секретаря (предпочитали, чтобы им был государственный нотариус Марселя или, за его отсутствием, корабельный писец, давший присягу), подлежали пересмотру городского совета метрополии, который карал за нарушение консульской клятвы штрафом в 25 королевских коронат и за отказ выполнять консульские обязанности — штрафом в 10 королевских коронат. По возвращении в Марсель на консула могли подать в суд все те, кого он изгнал или осудил, ему надлежало передать на хранение в архив метрополии «картулярий» с отчетом о делах. Таким образом, получается, что консул, хоть и приносил при своем вступлении в должность клятву Иерусалимскому королю, но на самом деле зависел исключительно от метрополии. Некоторые преступления были ему неподсудны, но венецианский бальи подтверждал, что в отдельных случаях грабеж и убийство разбирались в консульской курии (пизанцы, венецианцы и генуэзцы имели своих «консулов и виконтов») в присутствии королевского кастеляна и виконта: такое разбирательство практиковалось в Тире, где венецианская юрисдикция распространялась даже на евреев и сирийцев из венецианского квартала; бальи Марсилио Джиоржио отмечал, что однажды сеньор Бейрута прислал одного венецианца с Кипра, обвиненного в воровстве, на суд венецианского трибунала; в другой раз кастелян Тира поступил так же².

В обязанности консула входила не только гражданская, но иногда и уголовная юрисдикция над его согражданами. Он надзирал за коммунальным имуществом — сохранились отчеты об управлении этим имуществом, состав-

¹ Byrne. Op. cit. P. 58; Ch. de la Ronciere. Hist. De la Marine franc., I, P. 244 и далее.

² G. Fagniez. Loc. cit.; R. R., 1114. — Чтобы быть уверенными в своих консулах, марсельские власти запрещали назначать на эту должность тех марсельцев, кто имел бы в Сирии более привилегированный личный статус, чем их соотечественники.

ленные генуэзскими консулами Тира и Акры: в 1249 г. прибыль от сдачи внаем домов, магазинов и лавок, принадлежавших акрским генуэзцам, достигала 1003 безанта и 18 карублей, за которые консулы должны были отчитываться, — и выполнял отдельные полицейские функции. Марсельские статуты знакомят нас с этими функциями. На рынке («фундуке») своего города, консулы были обязаны бороться с проституцией и препятствовать «торговле женщинами»¹. Также ему вменялось контролировать деятельность «фундигеров», лиц, которым город сдавал в аренду рынок («фундук»): если те нарушали свою клятву метрополии, то консул снимал их с должности. Тем не менее, фундигер был защищен от консульского произвола: консул не мог, например, вынудить его купить вино или прочие продукты за цену, превышающую местный курс. Как и в самой метрополии, он имел «*banvin*», который консул должен был соблюдать: на рынке («фундуке») нельзя было продавать иное вино, кроме того, что привозили марсельцы, до тех пор пока не иссякнут запасы. Наконец, никому другому, кроме марсельца, нельзя было сдавать внаем лавку на этом рынке, за исключением особых случаев, отдельно рассмотренных консулом и «фундигером»².

Поэтому на рынках тех портов, где они высаживались, купцы чувствовали себя как на рынках своих родных городов. По прибытии они арендовали в своих национальных кварталах дома или магазины на год или «на время пребывания», находили лавки, чтобы продать свой товар, и менял, готовых обменять западную монету на безанты или дирхемы, посещали харчевни, размещенные возле лавок на рынке, где могли сбыть свое вино, а также бани, пекарни. Как только караван входил в гавань, дома и лавки выставлялись для аренды, и, пока купцы проживали в городе, активность их национального рынка резко возрастала, прекращаясь почти полностью тогда, когда караван уходил в море, оставив в Сирии лишь тех пизанцев, генуэзцев, венецианцев, марсельцев или прочих лиц, которые осели там на более длительный период³. Ничто не может дать представление о жизни этих западных торговцев лучше, чем некоторые повести из «Тысячи и одной ночи», где упоминается о точно таком же существовании мусульманских собратьев по профессии.

Поскольку чиновники короля или «сеньории Акры» нисколько не контролировали эту часть экономической деятельности, ныне ставшую основной и

¹ Папство неоднократно выражало тревогу по поводу распространения проституции в Сирии: Григорий IX, затем Иннокентий IV (*Registres*, № 4134–5 и 4106: март 1238 г. и май 1248 г.) писали патриархам, повелевая положить конец этому позору, шокировавшему паломников, приезжавших в Святую Землю. Иннокентий IV жаловался, что в Акре даже монахи сдавали внаем свои дома этим метрессам.

² G. Fagniez. *Loc. cit.*; Консула нельзя было выбирать из «фундигеров», кабатчиков, трактирщиков и ремесленников, надзор за которыми ему поручался.

³ R. R., 1116, 1182.

почти единственной в королевстве, то сады пригорода Акры и Тира и несколько поместий составляли теперь всю государственную территорию. Все богатство страны зависело от этих купцов, которых пытались привлечь с помощью стольких вольностей. Правда, наряду с западным купечеством, горожане Акры, сирийцы или франки, также занимались торговлей. Их роль в торговле не так хорошо изучена, как роль западноевропейцев, так как документы, где бы упоминалось об их деятельности, пропали. Известно только, что около 1280 г. меняла Абрагхинус (Ибрагим?) принял от папы Адриана вклад на сумму в 6000 турецких ливров; евреи также практиковали ростовщичество; в 1274 г. Агнесса де Сканделион задолжала одному еврею по имени Илия 2000 безантов. И самые детальные сведения о богатых сирийцах мы можем почерпнуть из завещания Салиба, «горожанина из Акры», родом сирийца (его сестру звали Найма, брата — Бедр, племянника — Саркис), составленного в сентябре 1264 г. Салиб завещал самую значительную часть своего имущества тамплиерам, дом — госпитальерам, 25 безантов церковному совету Акры, 5 — на строительство церкви Св. Лаврентия, ренту в 35 безантов — за мессу в той же самой церкви, имущество — своим родственникам и многочисленным церквам Акры, как латинским (доминиканцев, францисканцев, кармелитов, Св. Агнессы, Св. Троицы, св. Бригитты, Раскаявшихся, Магдалины, Прокаженных Св. Лазаря, госпиталю Св. Духа и Св. Антония), так и греческим (госпиталю Св. Екатерины, подчиненному монастырю на Синайской горе). Этот примечательный текст показывает, до какой степени дошел процесс слияния между франкскими и коренными «буржуа»: исполнять завещание Салиба поручил одному генуэзцу и одному пизанцу. Чуть позже имя Салиба фигурирует в списке судовладельцев галеры, захваченной генуэзским корсаром Лукето Гримальди, наряду с прочими купцами Акры, родом из Дамаска, Мосула и Армении: их товары, перенесенные на вражеское судно, не пропали безвозвратно (принципы средневекового морского права отличались этим от права, вошедшего в практику позднее и руководствовавшегося правилом: «флаг покрывает груз») и генуэзцы возместили потерпевшим дельцам стоимость утраченного добра в размере 22 797 безантов 7 карат (1271 г.). Эта простая цифра свидетельствует о богатстве акрских купцов. Без сомнения, именно они были теми самыми «сирийцами», которых король Иоанн освободил от выплаты таможенных пошлин в Тире¹.

Но все же экономическая мощь в королевстве Акры была сосредоточена в руках «людей коммун», каталонцев, марсельцев, лангедокцев и, конечно, итальянцев. Пока королевская власть была в силе и могла заставить подчиняться

¹ M. Prou. Registres d'Honorius IV, P. 183; R. R., 1114, 1399, 1334, 1362, 1381. В своем завещании Салиб отписал часть имущества своим вольноотпущенникам (Марии и Марине) и рабам, которые собирались креститься и получить свободу (Ахмеду и Софии).

своим законам, их присутствие ничем не грозило. Но отныне королевской власти практически не существовало: итальянские колонии стали могущественной политической силой. Символично, что в момент падения Тира венецианский багги Марсилио Джиоржио изменил текст консульской клятвы: теперь консулы не только обещали вершить праведный суд, но и клялись Венецианской синьории в верности и подчинении¹. Аналогичный шаг сделала в 1257 г. Пиза: местные консулы, рассудив, что лучше будет действовать исходя из своих интересов в Акре, были отозваны приказом властей из метрополии, которые их заставили придерживаться линии их общей политики. И то, что у итальянцев были деньги, делало их еще более сильными по сравнению с земельными баронами, бедневшими прямо на глазах: итальянцы смогли заставить баронов следовать своей собственной политике — вот с этого времени и можно говорить об установлении настоящего протектората торговых республик над франкской Сирией.

V ВСЕСИЛИЕ «КОММУН»

Установление итальянского протектората над Святой Землей только ускорило из-за стычек между торговыми городами, стычек, которыми пестрят страницы исторических текстов на протяжении всего XIII в. Однако именно из-за этих столкновений последствия протектората оказались самыми пагубными: вместо того чтобы получать нескончаемую поддержку от могущественных торговых республик, франкская Сирия стала ареной их соперничества и была поделена на сферы влияния; эта распря еще более тяжко, чем война между гвельфами и гибеллинами, сказалась на Святой Земле.

Борьба же между гвельфами и гибеллинами полностью утихла только после 1250 г.: Конрад II оставался Иерусалимским королем до своей смерти, последовавшей 21 мая 1255 г., и после него папа римский признал его юного сына Конрадина герцогом Швабским и наследником Иерусалимского королевства — известно, что в 1258 г. последний издал диплом в пользу госпитальеров, где принял титул Иерусалимского короля. Но, когда молодой государь захотел возобновить претензии Гогенштауфенов на Сицилийское королевство, папа пригрозил отнять у него Иерусалимскую корону (1266 г.). Конрад III упорствовал в своем намерении: 5 апреля 1268 г. Климент VI лишил его Иерусалимского королевства и освободил его вассалов от необходимости соблюдать клятву верности². В тот же самый год, 23 августа, Конрад

¹ R. R., 1114.

² Delaville le Roulx, II, 855; Rodenberg, III, 667, 684, 685, 698.

попал в плен к Карлу Анжуйскому в битве при Тальякоццо и 31 октября был обезглавлен в Неаполе¹. Так пришел конец династии Гогенштауфенов: трон Иерусалимского королевства стал вакантным, и появилась возможность возвести на него государя, который навсегда остался бы в Сирии. До этого времени обстановка складывалась таким образом, как будто престол был не занят, но права Конрада II и Конрада III оставались в силе. Королевством управляли с Кипра кипрские Лузиньяны, носившие титул «сеньоров королевства» и от их имени «бальи», выполнявший в Сирии обязанности регента. Подобные обстоятельства вовсе не благоприятствовали тому, чтобы торговые республики проявляли уважение к королевской власти.

Уже давно велась борьба между этими республиками, особенно между Генуей и Пизой, старыми врагами, яростно оспаривавшими друг у друга господство над Тирренским морем. Венеция редко вмешивалась в их столкновения, разве для того, чтобы как в 1222 г. выступить посредником. Но вскоре Генуе и Венеции пришлось разрешить свое торговое соперничество с оружием в руках, начав, таким образом, войну, продлившуюся целое столетие. Пиза вскоре выбыла из игры: из-за приверженности делу гибеллинов ее многократно отлучали от церкви (например, в 1268 г., когда пизанцы поддержали Конрада III) и подвергали всякого рода карательным санкциям (низведение пизанского митрополита до звания простого епископа, отнятие у него власти над викарными епископами на Сардинии), вплоть до того дня, когда измена графа Уголино (которому Данте посвятил самые жуткие страницы своей «Божественной комедии») предала ее в руки врагов. Пиза смогла оправиться от этого удара, но отныне играла второстепенную роль в борьбе за гегемонию. Эта война, в ходе которой огромный тосканский порт защищал интересы гибеллинов, нашла свое отражение и в Святой Земле: 10 июня 1247 г. Иннокентий IV отменил привилегию, предоставленную пизанцам епископом Акры Тибо (1200 г.), превратив церковь Св. Петра Пизанского в капеллу и отняв у нее право церковно-приходской власти над акрскими пизанцами. Чуть позже, 25 мая 1248 г., пизанцам запретили входить в порт Акры под императорским штандартом. Не из-за этого ли запрета зимой 1248—1249 гг. велась война между пизанцами и генуэзцами, по причине которой Людовик Святой остался без кораблей, а кипрскому королю Генриху I пришлось сместить с поста бальи Жана Факона (возможно, он скомпрометировал себя связями с одним из враждующих лагерей) и назначить на его место Жана д'Арсуфа, которому удалось восстановить мир при поддержке горожан Акры, тамплиеров и госпитальеров.² Эта война продлилась 28 дней, во время которой в ход пошли все военные машины того

¹ После известия о поражении Конрада Акру в течение многих дней украшали праздничные огни (Chiprois, 771).

времени, камнеметы, требюше и мангоно, причинившие значительный урон улицам Акры¹.

Остальные «коммуны», в общем, были куда менее беспокойными. Правда, Марсель и Монпелье, в свою очередь, начали на улицах огромного сирийского города борьбу, которая переросла во всеобщее побоище. Пока оба этих города были подвластны королю Арагонскому, общий консул заправлял их имуществом и руководил их «караванами»². Но арагонцы упустили Прованс: Марсель не намеревался отказываться от своего главенства над Монпелье. Тогда купцы из Монпелье решили вернуть себе самостоятельность и учредить собственный консулат: поэтому-то и был развязан конфликт (завершившийся в 1257 г.)³.

До сих пор эта борьба не причиняла Святой Земле особого неудобства, ибо не выплескивалась за пределы генуэзских, пизанских или провансальских кварталов: она скорее походила на стычку, чем на настоящую войну. Столкновение же 1249 г., затянувшись, приняло более серьезный оборот. Оно не замедлило перерасти в постоянную войну, разбив на два противоположных лагеря все силы франкского королевства и напомнив о причинах борьбы гвельфов с гибеллинами.

Генуя и Венеция вступили в борьбу за торговое господство: участие, которое крупный порт на Адриатике принял в разделе Византийской империи, вызвало зависть ее соперника, и хотя оба города встали под знамена папства в период борьбы с Фридрихом II, который повелел начать блокаду Генуи, венецианцы довольно вяло поддерживали военные действия гвельфов, боясь мести со стороны гибеллинов. Между Пизой и Венецией не существовало такой ненависти, как между Пизой и Генуей. Однако итальянские колонии жили бок о бок на Святой Земле, что служило источником постоянных трений и представляло большую опасность для латинского Востока. В Акре пизанцы занимали портовые набережные поблизости от церкви Святого Андрея, в юго-западной части города. «Улица провансальцев», где возвышалась церковь Богородицы, вклинилась между их кварталом и венецианским кварталом, расположенным к востоку, на другой стороне внутренней части порта. Генуэзский квартал размещался к северу от пизанских владений, и к западу от венецианских; две генуэзские башни грозно нависали над пизанскими зданиями. Узкие городские улочки, где теснились укрепленные дома и башни, казалось, так и дышали ненавистью, напоминая этим итальянские города XIV в.

¹ Rodenberg, II, 285, 400, III, 702, и т. д. Eracles, P. 437; Amadi, 199. Хартия Тибо: Muller. Op. cit. P. 82.

² Это подтверждают следующие акты: R. R., 666 (1187 г.) и 1014 (1229 г.).

³ Dom Devic, Dom Vaissette. Histoire generale de Languedoc, VIII, 1417. Короли Арагона были графами Прованса и сеньорами Монпелье.

Королевская власть — или, точнее, власть бальи, которую представлял наместник короля Конрада II или Конрада III — была не силах проникнуть в эти островки, которые образовывали в Акре кварталы коммун: «улица пизанцев», «улицы венецианцев», «улицы генуэзцев». Со стороны представителей власти было далеко не безопасным делом заставлять членов коммун подчиняться королевскому правосудию, даже если речь шла о преступлениях, которые по договору с итальянскими коммунами должны были разбираться на суде королевских чиновников. Граф Яффаский Жан д'Ибелен однажды попытался поступить таким образом. Он приказал схватить «дурного молодчика», родом из Генуи, обвиняемого в воровстве, и, согласно обычаю, отрубить ему кисть; как бальи королевства он имел право карать за воровство. Национальные чувства взыграли в груди соотечественников преступника: они дождались дня, когда граф Яффаский сложит полномочия бальи, и в тот же миг толпа генуэзцев напала на своего обидчика и его свиту. Люди Жана были рассеяны, а самому графу помогло спастись только чудо (1256 г.). Ему пришлось выплатить нападавшим солидный выкуп.

Преступники легко могли воспользоваться иммунитетом в Акре: не говоря о соучастниках, которых без труда находили в разношерстной толпе, заполнявшей улицы огромного города, каждое здание которого готово было стать для них убежищем. Казармы военных орденов, тамплиеров, госпитальеров, тевтонцев имели право укрывать беглецов. Мы видели, что в 1238 г. папа Григорий IX осудил злоупотребления рыцарей-монахов. Но венецианцы, пизанцы и генуэзцы в своих кварталах претендовали на такое же право: все были изумлены, когда Жоффруа де Сержин, тогдашний бальи, после громкого злодеяния, жертвой которого стал епископ Фамагусты, а его убийца укрылся у пизанцев, повелел арестовать виновного на «улице пизанцев», полной народа (1259—1261 гг.)¹.

До 1256 г. нейтральной землей (своего рода анклав в той части города, где находились итальянские, провансальские, каталонские колонии), которой, правда, жаждали овладеть обе республики и которая служила буфером между венецианцами и генуэзцами, был монастырь Св. Саввы, с принадлежавшими ему домами на «улице Цепи». Он размещался на вершине холма Монжуа, возле одной из генуэзских башен, что также носила имя «Монжуа». По забавному стечению обстоятельств обе колонии одновременно испросили у папы разрешения уступить им этот монастырь (хотя в регистрах Александра IV об этом не упоминается), и якобы папская канцелярия выдала желанное разрешение и Генуе и Венеции. Поэтому, когда в 1256 г. венецианский бальи Марко Джустиниани вручил патриарху буллу понтифика с приказом немедленно передать аббатство Св. Саввы во владение венецианской колонии, генуэзцы передали

¹ Delaville le Roulx, II, 523; Grousset, III, 557.

свои документы приору госпитальеров. Начались серьезные волнения: при помощи пизанцев, которые объединялись с ними только в крайних случаях, генуэзцы захватили венецианский квартал, дошли до церкви Св. Марка, избивая всех венецианцев на своем пути (поводом к конфликту, возможно, стало убийство неким венецианцем пизанца, что весьма правдоподобно, если учитывать накаленную обстановку итальянских кварталов)¹.

Эта стычка переросла в настоящую войну. Квартал венецианцев был осажден заключившими между собой союз генуэзцами и пизанцами; кроме того, они навлекли на себя ненависть сирийских баронов, таких как Филиппа де Монфора, который в то же самое время изгнал их из квартала в Тире (составлявшего треть города). Но осажденные сумели выпутаться из сложного положения. 18 июля 1257 г. договор с Пизой обеспечил им союз с пизанцами: власти тосканского города, которые тогда воевали с Генуей за Сент-Жилию, расположенный в Сардинии, с раздражением узнали о том, что их соотечественники оказывают помощь их врагам, и призвали их к порядку. В договоре были улажены локальные споры, из-за которых венецианцы враждовали с пизанцами, в особенности тот, который затрагивал использование публичных мер, и на двадцать лет провозглашен наступательный и оборонительный союз, открыто направленный против Генуи, распространявшийся на все восточное Средиземноморье, от Крита до Сирии². В ответ на это соглашение генуэзцы заключили союзный договор с Арсуфской «сеньорией», то есть с бальи Жаном д'Арсуфом, чей двоюродный брат Жан д'Ибелен Яффаский поддерживал пизанцев. С помощью бальи им удалось захватить башню пизанцев³.

Но то была последняя победа генуэзцев. Из Венеции на Восток был послан Лоренцо Тьеполо, который прорвал блокаду порта, организованную генуэзцами, и сжег значительное число генуэзских кораблей. Он высадил солдат, которые захватили здание монастыря Св. Саввы, превращенное генуэзцами в

¹ Rohricht, G. K. J., 897–8. — Был ли монастырь Св. Саввы тем самым греческим монастырем, о котором Севульф (Р. 847) в 1103 г. писал, что он населен более чем тремя сотнями монахов, которые были вынуждены перенести свою обитель внутрь стен Иерусалима? Этот монастырь вполне могли бы переместить в Акру. В многочисленных булах Иннокентий IV и Александр IV предлагали аббатам монастыря Св. Саввы уступить одно из своих зданий генуэзцам: было ли это здание причиной конфликта? (*Liber Jurium*, I, 1097). Мелькитский монастырь Св. Саввы существует и по сию пору (между Иерусалимом и Мертвым морем).

² *Annales Januenses*. Р. 238; Rohricht, G. K. J., Р. 897–8; *Registres d'Alexandre IV*, 2611. — *Annales Pisani* // Muratori. *Raccolta*, VI, II, Р. 109.

³ *Amadi*. Р. 204; *Eracles*. Р. 443 — Нам кажется, что хронология этой войны, очень запутанная (*Grousset*, III, 540, п. 2), проясняется, если предположить, что дата прибытия Боэмунда Антиохийского, 1 февраля 1257 г., дана по старому стилю и на самом деле речь идет о 1 февраля 1258 г.: ожесточенной войне предстояло длиться около года — сам папа в послании, написанном в конце 1258 г., попытался восстановить мир.

крепость; венецианский бальи Марко Джустиниани развил этот успех, отбив улицу венецианского квартала, ранее занятую врагами. Теперь Акра была в руках венецианцев и их союзников пизанцев: генуэзский флот, приплывший из Тира, был разгромлен перед гаванью. Теперь для генуэзцев пришла очередь стать осажденными в своем квартале и, не имея другого выхода, молить о перемирии, которое им и даровали их враги.

В войну, которую вели меж собой итальянцы, к концу 1257 г. мало-помалу втянулось и все население. Жан д'Арсуф перестал помогать генуэзцам; тамплиеры держали сторону венецианцев, госпитальеры — генуэзцев. Но борьба стала приобретать характер настоящей войны только после провала попытки к примирению. 1 февраля 1258 г. князь Антиохийский Боэмунд VI, брат кипрской королевы Плезанции, вдовы Генриха I, прибыл в Акру со своей сестрой и ее юным сыном Гуго (Гуго II), наследником «сеньории Иерусалимского королевства». Когда Боэмунд попросил признать его, по причине несовершеннолетия его племянника, сеньором королевства, то получил отказ от генуэзцев и их союзников (анконцев, каталонцев и госпитальеров). Ведь князя Антиохийского пригласили не кто иные, как Великий Магистр тамплиеров и граф Яффаский, сочувствовавшие венецианской партии, в надежде, что ему удастся восстановить мир: этого было достаточно, чтобы отбросить генуэзцев и орден госпитальеров в другой лагерь и заявить, что они признают своим сеньором только Конрада III.

Боэмунд, придя в ярость от оказанного ему противодействия, приказал тогда Жану д'Арсуфу, которого он только что назначил бальи в Акре, чтобы «ежели госпитальеры, коммуна Генуи и испанцы не сдадутся, тот причинил бы им такой ущерб, на какой будет способен, и чтобы не щадил никого до тех пор, пока они не признают его государем, а он смог бы ими спокойно управлять». Чтобы добиться поставленной цели, Боэмунд не только снабдил Жана деньгами из своей казны, но и отдал под его командование отряд из восьми сотен французских наемников, которые, таким образом, приняли участие в гражданской войне¹.

Но в войну вступили не только сами «коммуны» — марсельцы и провансальцы на стороне пизанцев и венецианцев, анконцы и каталонцы на стороне генуэзцев: собратства Акры, эти сборища смутьянов, которым уже довелось внести свою лепту в гвельфский мятеж, ныне также ввязались в военные действия. Ведь эти собратства зависели от крупных военных орденов — до нас дошел текст клятвы верности, которую братство Св. Иакова, в лице своих «приоров» Маттео де Пива и Хименеса («Етмене») де Сандава, принесли госпитальерам в 1254 г.² Поэтому собратство Св. Иакова собрало под своим началом всех испанцев и повело их в битву против «всех иных собратств

¹ R. H. C., Occ., II, P. 634—635 («manuscrit de Rothelin»).

² Delaville le Roulx, II, 752; Annales Januenses, 238.

земли», сговорившихся выступить против генуэзцев¹. Одновременно с этим, несмотря на запрещение властей помогать генуэзцам, эта коммуна получила помощь от местных христиан, как маронитов, присланных генуэзским сеньором Джебайла, так и собратства Св. Георгия, также связанного с госпитальерами: поэтому генуэзцы могли рассчитывать на сирийскую пехоту².

К этому добавилась борьба между баронами: если граф Яффы принял сторону венецианцев и пизанцев, равно как почти все остальные бароны, включая бальи Жана д'Арсуфа и князя Боэмунда, то Филипп де Монфор оказывал приют в Тире генуэзским кораблям и присылал в Акру войска и продовольствие, которые через квартал госпитальеров — официально придерживавшихся нейтральной позиции — попадали на «улицу генуэзцев». Возможно, именно в этом и крылась причина, по которой сеньор Тира начал воевать против своего племянника Жюльена Сидонского как раз в 1258—1260 гг. Расположенное дальше к северу графство Триполи, подстрекаемое сеньором Джебайла, было также охвачено междоусобицами. В Акре, за исключением домов военных орденов (теперь доступных для снарядов, выпускаемых из военных машин: Великому Магистру тамплиеров, чей замок, находившийся вблизи от порта, был слишком уязвим, пришлось укрыться в Монмюзаре), на каждой башне были установлены камнеметы, и огромные камни сотрясали и разрушали здания. Большинство укрепленных домов в городе были разрушены в ходе этой войны «Св. Саввы», которая якобы унесла жизни 20 000 человек (?), если верить данным «Манускрипта Ротелина»; в порту же было сожжено около 24 нефов с товарами³.

Наконец разгром генуэзской эскадры Россо дела Турка, 24 июня 1259 г., положил конец этому конфликту: армия госпитальеров и Филиппа де Монфора, собранная у Винь-Нов, возле ворот Акры, должна была начать действовать, как только генуэзцы установят контроль над портом. Но венецианцам, пизанцам и графу Яффы удалось добиться помощи от Великого Магистра тамплиеров, который приказал своим рыцарям охранять город, в то время как союзники спешно снаряжали в дорогу флот, который захватил между Акрой и Хайфой 24 из тридцати восьми кораблей противника — семнадцать сотен генуэзцев погибли или попали в плен. Марко Джустиниани сдерживал генуэзцев Акры, пока Тьеполо уничтожал их корабли: осажденным оставалось только капитулировать. Им пришлось бросить свою улицу с башнями и укрыться в Тире,

¹ Heyd, I, 346 note 3.

² Grousset, III, 539, Rohricht, G. K. J., 300. — в 1260 г. тамплиеры и тевтонцы должны были получить от Венеции вознаграждение за свою помощь (Andrea Dandolo. Chronicon. P. 367—368).

³ Loc. cit. — Один венецианец, Реньер Тревизан, в 1260 г. заявил о своем имуществе в Акре, которое захватили у него генуэзцы при бальи Джустиниани (Morozzo della Rocca. Documenti, II, 380).

покаявшись, что ни одно их судно не войдет в Акру, не спустив своего флага, и признав, что отныне Генуя отказывается от какой бы то ни было юрисдикции в городе — «от курии и жезла»¹. Кроме того, они могли покинуть город — через квартал госпитальеров — только пройдя между мечами своих врагов, своего рода новым позорным ярмом.

Папе Римскому пришлось вмешаться, чтобы прекратить эту прискорбную распрю. Александр IV 6 июля 1258 г. написал трем «коммунам», порицая борьбу между ними, «которая могла привести несчастное Иерусалимское королевство, и без того ослабленное и истерзанное столькими невзгодами и тревогами, на край гибели». Он распорядился, чтобы в Пизе, Генуе и Венеции было объявлено о трехдневном перемирии, и в августе, а возможно, и раньше, в Сирию был отправлен приказ сложить оружие. Папский легат должен был в спешке отправиться за море (он добрался туда в начале 1259 г.), а в ожидании его прибытия запрещалось высылать в Сирию любую военную эскадру². Но было слишком поздно: генуэзцы, найдя пристанище в Тире, откуда были изгнаны их враги, потребовали возвратить им их квартал в Акре, на что венецианцы и пизанцы не согласились (январь 1261 г.). Легат не смог установить мир.

Отныне война возобновлялась при каждом «прибытии» морских караванов. В августе 1259 г. генуэзский флот под командованием Бенедетто Захарии готовился напасть на Акру, когда венецианцы застигли его врасплох под Тиром и разбили. В то же время пизанцы и венецианцы, чтобы закрепить свой триумф, добились от «правительства» Акры разрешения укрепить свой квартал — этот план они осуществили при помощи камней из домов генуэзцев. Итальянцы не только «утыкали» свои улицы башнями, построенными по образу и подобию башни своей коммуны, но и обнесли их крепостной стеной, охватив ею и прочие строения, которые их владельцам пришлось уступить: церковь Св. Димитрия оказалась в пределах стены, которую венецианцы возвели вдоль площади генуэзцев и улицы провансальцев; епископу Акрскому оставалось только оставить ее, в обмен на ежегодный ценз, торжествующим победителям³.

Эти меры предосторожности не были бесполезными, ибо генуэзцы мечтали о реванше. Когда 25 июля 1268 г. Михаил Палеолог отбил Константинополь у латинского императора, Генуе улыбнулась удача. Ибо венецианцы

¹ Амади (Р. 205) перевел так «ne haver torre ne bastion» — речь идет, согласно Роттлину, Эраклию (Р. 443) и Санудо, о «курии и жезле» (жезле «сержанта»).

² Rodenberg, III, 446. Guis. Muller. Documenti. P., 455 и далее.

³ R. R., 1285 (1260). Egracles. P. 443. Ворота Генуэзской башни и колонны монастыря Св. Саввы в качестве трофеев привезли в Венецию, где эти колонны были вмурованы перед собором Св. Марка (Rohricht. P. 903, n. 5).

потеряли все свои привилегии в новой Византии: Михаил осыпал генуэзцев всеми возможными милостями¹. На Святой Земле генуэзцев также обвиняли в союзе с врагами христиан: некий арабский историк заявил, что генуэзская партия в 1263 г. якобы призвала мамлюков напасть на Акру, но его сведения ничем не подтверждаются. В том же самом году состоялась новая экспедиция: Симон Грилло во главе двадцати одной галеры направлялся к Тиру, когда встретил венецианский караван, который он пленил и увел в Геную. Это изменение маршрута привело к неожиданному результату: венецианцы направили вдвое мощную эскадру преследовать Грилло. Она прибыла в Сирию, так и не нагнав своего противника, и вместо того, чтобы защищать Акру, перешла в атаку; на рассвете 7 сентября венецианские корабли появились перед Тиром, и два из них, на которых соорудили своего рода плавучие башни, подошли к крепостной стене в участке между башнями Цепи и Св. Екатерины. Град стрел, выпущенных арбалетчиками, которые разместились на вершине импровизированной башни, не давал осажденным возможности удерживать укрепление, и венецианцы уже собирались идти на штурм, когда подошел генуэзский консул Милиан де Марин. Несмотря на рану, полученную от вражеского арбалетчика, он в спешке приказал строить из корабельных мачт «каланчу», которая нависла над башней нападавших, которым, в свою очередь, пришлось несладко. Тем самым Милиан дал Филиппу де Монфору время вооружить «виланов своей земли» и призвать своих сторонников из Акры. Две тысячи анконцев прибыли, и венецианский флот из шестидесяти двух кораблей был вынужден отступить. Он еще пятнадцать дней прождал в Акре, так и не повстречав эскадру Грилло².

Единственным результатом этой молниеносной атаки было то, что связи между Филиппом де Монфором и генуэзцами еще более окрепли. По договору, заключенному между ними в 1264 г., Генуя получала право свободной торговли в Тире, треть доходов с таможни, разрешение использовать воду из акведука для своих мельниц, где мололи сахарный тростник. Сами генуэзцы обязались использовать на «генуэзской улице» меры, установленные владельцем Тира (*santhare*, или центнер, *buze a vin*, мюид для зерна), и защищать

¹ В договоре, заключенном в 1261 г. между Генуей и Михаилом, генуэзцы исключили из числа тех, против которых был направлен союз, город Акру, королевства Иерусалимское и Кипрское, Филиппа де Монфора и прочих баронов Сирии, госпитальеров и иные ордена; официально союз был направлен только против Венеции (и Пизы).

² Rohricht, G. K. J., p. 923 — Рерихт и Груссе датировали эту кампанию 1264 г.: но средневековые тексты (Амади, Санудо, Анналы и т. д.) называют 1263 г., что совпадает с одним пассажем Ибн Фюрата, где автор упоминает, что в этот самый год генуэзцы предприняли неудачное нападение на Акру (речь вполне может идти об эскадре Грилло), и с договором между Тиром и генуэзцами в 1264 г. Тем не менее Эракль и «Деяния киприотов» называют 1264 г.

против всех сеньора и его город. Самые разнообразные послабления дополнили этот договор¹.

16 августа 1267 г. настал черед двадцати пяти генуэзских галер под командованием Лукето Гримальди напасть на Акру, захватив башню де Мюш, которая господствовала над портом, спалив две пизанские галеры и блокировав рейд Акры. 28 августа эскадра из 28 венецианских кораблей прорвала блокаду и вынудила Гримальди бежать к Тиру, отбив у него пять галер. Через день победившая эскадра провела демонстрацию силы перед Тиром, хотя Гримальди так и не дал втянуть себя в неравную схватку.

После того как отгремели свыше десяти сражений, прежде всего губельных для Святой Земли, которая тогда вела изнурительную войну против мамлюков, еще одна попытка к примирению была сделана Карлом Анжуйским, предложившим Генуе и Венеции договориться; но его начинание было напрасно. И лишь спустя три года (1270 г.) два города согласились заключить мир по настоянию Людовика Святого. Но хотя генуэзцы вновь обосновались в развалинах на своей улице в Акре, им удалось вернуть себе только часть бывшего квартала. Пиза так и не сложила оружия, несмотря на невзгоды, которые она познала из-за возобновления гибеллинской войны в Италии: лишь после разгрома пизанского флота под Мелорией, в 1284 г., гордый тосканский город был вынужден сдаться. Генуэзцы Акры тогда взяли реванш за унижение, которому они подверглись в 1282 г., когда поражение сеньора Джебайла, их традиционного союзника, праздновалось в пизанском квартале (в тот момент пизанцы поддерживали князя Антиохии Бозмунда VII против его мятежного вассала). Томмазо Спинола, который в 1282 г. поклялся отомстить за эту жестокую насмешку, напал на пизанские корабли в Акрском порту (24 мая 1287 г.). Венецианцы взялись за оружие, чтобы помочь пизанцам, своим союзникам, но были разбиты. Генуэзцы чуть было не начали высаживать десант, рискуя спровоцировать новую войну Св. Саввы — и все это за четыре года до падения Акры! Наконец, договор, на который Пизе пришлось согласиться, положил конец этим распрям: пизанцы уступали генуэзцам часть прежнего генуэзского квартала, завоеванного ими в 1258 г., и, в свою очередь, разрушали свою башню, что их противники были вынуждены сделать тридцатью годами ранее².

Занудное повествование об этих распрях свидетельствует о неспособности «сеньории Акры» или даже самого короля, когда Иерусалимский трон переставал пустовать, заставить итальянские республики подчиняться своей власти.

¹ R. R., 1331 (A. O. L., II, P. 225) — 5 марта 1264 — см.: R. R., 1182, 1184.

² Heyd, I, P. 355; Rohricht, G. K. J., P. 991; Grousset, III, 732. — В 1280 г. Война между Венецией и Анконой едва не привела к новой войне между венецианцами и генуэзцами (Archivio Veneto-Trid., 45–48).

Пизанцы, генуэзцы и венецианцы, жившие в Святой Земле, могли не только по своему собственному усмотрению вести меж собой войны, но и вовлекли все Акрское королевство в гражданскую войну, что имело далеко идущие последствия. Собратья боролись друг с другом, тамплиеры и госпитальеры вновь вспомнили о своих старых спорах, генуэзская партия подняла стяг гибеллинов, чтобы не покоряться государю, которого подозревали в симпатиях к противной им партии. Но куда более пагубным было разделение Святой Земли. Филипп де Монфор и его сын и наследник Жан (ставший в 1269 г. сеньором Тира), будучи покровителями генуэзцев, проводили прогенуэзскую политику, сблизившись с сеньором Джебайла и став противниками князей Антиохии и Триполи, решительно враждебных великому лигурийскому городу¹. Напротив, Акра стала венецианским протекторатом: это ясно продемонстрировали события 1273 г., когда Жан де Монфор хотел вернуться в Тир, проехав по пути через Акру. Венецианский бальи Пьеро Зено отказался терпеть его присутствие в городе, и, чтобы избежать скандала (в теории единство королевства по-прежнему сохранялось), акрские бароны убедили Жана совершить паломничество в Назарет, откуда он вернулся в Тир в обход Акры! Даже когда Жан де Монфор решил вернуть венецианцам их привилегии, некогда отнятые у них его отцом², Тир оставался генуэзской базой, где, например, в 1287 г. стала на якорь эскадра Спинолы.

Другим последствием засилья итальянцев во франкских колониях в Сирии было то, что граждане «коммун» постоянно призывали к мусульманам, ища в них средство борьбы против своих соперников: возможно, что в 1263 г. именно генуэзцы побудили султана Бейбарса напасть на Акру; в 1288 г., когда генуэзцы обоснуются в Триполи, двое купцов из Александрии, пизанцы или венецианцы, будут просить султана Калауна уничтожить эту генуэзскую базу, откуда те легко могли перерезать торговые маршруты Египта³. Отныне речь шла уже не о том, чтобы защитить франкскую Сирию от Ислама, а о том, чтобы помешать сопернику, опиравшемуся на свои фактории, ставшие настоящими колониями, установить свою гегемонию над восточным Средиземноморьем. Венеция стремилась выжать генуэзцев из сирийских портов, те же старались сделать то же самое с венецианцами, а в результате, спустя тридцать лет после войны Св. Саввы, все сирийское побережье досталось мамлюкам. Что же

¹ В 1282 г., когда князь Боэмунд VII, захватив в плен и погубив сеньора Джебайла, захватил его сеньорию, сеньор Тира и генуэзцы пришли на помощь городу, но опоздали.

² R. R., 1413.

³ Grousset, III, 740. — Венецианцы, опасаясь, как бы султан не конфисковал их имущество в Александрии, ответили отказом на просьбы папы, умолявшего их послать свой флот сражаться с Бейбарсом и принудить его уйти из Сирии (Registres d' Clement IV, 1162 и 1412: 12 января 1267 г. и 17 сентября 1268 г.).

касается франков, которые истребляли друг друга ради победы торговой республики, покровительствовавшей их собратству или партии, то от них ничего не осталось на берегах Сирии, где с 1099 г. они так упорно держались.

VI КОРОЛЕВСТВО ПОД ОПЕКОЙ

Протекторат итальянских республик, подчинение торговых городов Сирии влиятельным дельцам с Запада, а франкских баронов — «коммунам» Италии составляет только один аспект разложения самой идеи Иерусалимского государства во второй половине XIII в. Бедственное положение, в котором находилось Иерусалимское королевство, без конца истощаемое новыми катастрофами, заставляло западноевропейцев считать, что оно неизбежно рухнет под ударами мусульман. Отсутствие постоянной королевской власти, отсутствие даже представителей этой власти, которые были бы признаны всем населением, за исключением бальи — предводителей феодальных смутьянов, к чьему мнению все менее прислушивались — не позволяло франкам Сирии вести собственную политику. Да и как, после поражений 1244–1248 гг., без территориальной базы, можно было придерживаться иной политики, чем той, которая предписывала избегать всякого соприкосновения с мусульманами, чье могущество настолько превосходило возможности франков, что мамлюкскому или эйюбидскому султану, казалось, ничего не стоило сбросить их в море?

Каждого жителя в королевстве Акры не оставляло это ощущение опасности. И вовсе не случайно в хартиях этого времени довольно обыденно предусматривается возможность мусульманского завоевания. Когда в 1163 г. один монастырь уступил на двадцать пять лет свое поместье в Галилее, то арендаторы обязались выплачивать ему сто безантов ценза в год, воздерживаясь от платы в тех случаях, если враги разграбят дома, виноградники и оливковые рощи; ныне же, во второй половине XIII в. не удовлетворялись тем, чтобы предвидеть только временные грабежи¹. Когда епископ Акры уступил церковь Св. Дмитрия венецианцам (1260 г.), то специально оговорил, что выплата ценза, которая ему за это причиталась, будет прекращена, если Акра падет². Даже Жан д'Ибелен Бейрутский, продавая в 1261 г. Тевтонскому ордену фьеф своего отца Бальана, Казаль-Юмбер, оговорил, что отказывается от ежегодного ценза в тринадцать безантов в случае, если неверные захватят Акру; однако, думая о будущем, он потребовал снова выплачивать ему ценз, если христиане отобьют город!³

¹ R. R., 389.

² R. R., 1285.

³ R. R., 1307.

Эти продажи свидетельствуют также и об обнищании королевства, которое ударило по гордым франкским баронам. Агнесса де Сканделион, наследница этой сеньории и супруга Гильома де Ла Манделе, к 1280 г. задолжала еврейским и сиенским банкирам семнадцать тысяч безантов¹. Жан д'Ибелен, граф Яффаский, не в силах был укрепить свой замок в Яффе. Жюльен Сидонский, хотя и разбогател благодаря своей женитьбе на дочери царя Армении (1252 г.), но до такой степени погряз в долгах (его разорение довершил игорный проигрыш), что принялся мало-помалу распродавать свой домен: в 1254 г. он продал Казаль-Робер госпитальерам, в 1256—1257 гг. земли Шуфа и Гезена, с крепостью Грот Тирона — Тевтонскому ордену (за 23 000 безантов), затем еще три поместья в округе Сидона (за 5000 безантов). Разрушение Сидона монголами довершило его обнищание: в 1260 г. ему пришлось продать своим главным кредиторам, тамплиерам, весь свой фьеф с Сидоном и Бофором, причем он сделал это столь поспешно, что даже не потрудился посоветоваться со своим тестем, царем Армении, и испросить разрешения короля. Это было изменой, но бедность Жюльена была столь велика, что государь простил его, потребовав только, чтобы он выставлял к нему на службу нескольких рыцарей². Сын бальи Жана д'Арсуфа, Балбан д'Ибелен-Арсуф не мог более сам защищать свои владения: постепенно он заложил госпитальерам значительную часть своей сеньории (1261 г.)³.

Этой финансовой нищете сопутствовала все усиливавшаяся олигантрофия: еще никогда на Святой Земле не проживало постоянно столь мало рыцарей. Однако все ли из них были наделены фьефами? Земли начинало не хватать, и о многих фьефах остались лишь одни воспоминания! Галилея была потеряна, но Жан де Флери по-прежнему именовал себя маршалом Тивериады⁴. Позднее, в XIV в., в королевстве Кипрском можно будет встретить князей Антиохии, графов Триполи и Эдессы: отныне помимо прелатов *in partibus* появились еще и сеньоры *in partibus*. Подобное положение дел совсем не устраивало новых иммигрантов: и те из них, кто теперь прибывал на Святую Землю, были не авантюристами, жаждавшими приобрести состояние, а «крестоносными воинами», чьим героизмом восторгались⁵.

Потому-то число защитников франкской Сирии без конца уменьшалось: и куда подевались «*devises*» былых времен — эти пространные списки рыцарей, обязанных королю военной службой? Из регистров папской канцелярии можно почерпнуть важную информацию: возрастает количество разрешений для

¹ R. R., 1435.

² Lois, I, 530. R. R., 1217, 1252 и далее. Grousset, III, 594—597.

³ R. R., 1313 (1261 г.); Grousset, III, 621; Delaville le Roulx, III, 61.

⁴ R. R., Add. 1297a.

⁵ Примером этому могут послужить поэмы Рютбефа, посвященные Жоффрау де Сержину.

франкской знати заключать запрещенные браки. Преамбулы к этим разрешениям свидетельствуют о том, что сирийской аристократии было непросто вступить в брак с человеком своего круга по причине малого числа знатных семей, и без того связанных меж собой родственными узами. Поэтому сочетались браком, несмотря на каноническое родство в третьем или четвертом колене; и для большинства свадеб приходилось испрашивать позволения в Риме. Вполне правомерно будет задаться вопросом: а до какой степени заключение кровосмесительных браков способствовало тому, что франкская раса постепенно вырождалась, а потомки завоевателей Святой Земли утратили выносливость и энергию, присущую их предкам.

Не имея ни людей, ни денег, все чаще и чаще терпя нехватку в сельских продуктах (наступали голодные времена: в 1269 г. стоимость мюида зерна достигла восьми безантов)¹, Сирия с каждым днем все больше зависела от присылаемых с Запада войск, денег и продовольствия. Так как «правительство» Акры, чья казна оскудела, не в силах было платить, надежда была только на милостыню от держав Западной Европы. Хотя королевство никогда не было особенно богато — как и все средневековые государства — но, несмотря на свои финансовые затруднения, первое Иерусалимское королевство все же могло обеспечить свою защиту. Пусть его короли и взывали частенько к христианским монархам, но тем не менее были способны сами покрывать все текущие издержки, за исключением особо разорительных войн. Теперь же «сеньория Акры» пребывала в глубокой нищете; она оказалась отрезана от продуктов сельскохозяйственного труда из-за мусульманских завоеваний. Что же касается ремесленного производства и торговли, то льготы, пожалованные итальянцам, сирийцам и церквам, значительно уменьшили доходы от взимаемых с них налоговых сборов. И какой «парламент» мог теперь ввести поголовный налог? Попытались было в 1243 г., по инициативе папы римского, осуществить этот план², но встретили сопротивление тамплиеров, госпитальеров, ревниво хранивших свои привилегии и мало расположенных делиться своими богатствами, и итальянцев, исключенных из юрисдикции королевства...

Поэтому призывы к щедротам Запада следовали один за другим. Редкой удачей было, если какой-либо государь включал в свое завещание крупную сумму денег в пользу Святой Земли (как Генрих II, Филипп-Август и Фрид-

¹ Sanudo, P. 223 — В 1280 г. из-за недостатка продуктов, присылаемых с Кипра и Армении, войны, помешавшей поставкам с Сицилии, и нашествию саранчи разразился новый голод (R. R., 1436) — Пример закупок зерна можно найти в «Уставе тамплиеров» (ed. Maillard de Chambure, P. 471): «командор Акры» закупил корабль с пшеницей, которую приказал убрать в амбар, хотя зерно «отсырело в море» и братья хотели его просушить. За этот немалый ущерб командор был изгнан из ордена.

² Rodenberg, II, P. 6. (для восстановления Иерусалимских стен).

рих II), но менее значительных дарений жаждали не меньше¹. Защита «Иерусалима» являлась благочестивым делом, и долгом каждого христианина было присоединиться к нему, внося свою долю. С 1187 г. папство ввело постоянный налог для франкской Сирии и он начинал превращаться в ежегодный. То была «десятина», или «десятая часть от церковных доходов в помощь Святой Земле». Этот налог, изначально учрежденный с целью профинансировать крестовые походы, в конце концов стал взиматься, чтобы помочь Сирии даже во время, когда не велось никаких экспедиций. Его взимали с доходов от владений церкви, причем то десятую долю, то двадцатую, то сотую, а иногда даже пятидесятую («двойная десятина»). Наряду с дарениями, отказами по завещанию, «выкупами обетов» (крестоносцы, которые «снимали крест», были обязаны выплачивать своего рода штраф как возмещение за клятву отправиться в Сирию), десятина предоставляла папству ресурсы, необходимые для поддержания Святой Земли. После того как ее собирали, десятину переправляли в Сирию, или же частично передавали баронам, каковые готовились совершать «переход за море»². Именно этот налог положил начало знаменитой фискальной системе папства и стал ее первым испытанием.

Королевство Акры участвовало во взимании десятины: его архиепископы и епископы отправлялись, чтобы подтолкнуть к сбору налога и сделать так, чтобы поступления из разных мест попадали в одни руки; например, в 1245 г. этим занимался епископ Готье Бейрутский, который взимал эту десятину в Англии. В 1265 г. один мирянин и один священнослужитель, сеньор Хайфы (тогда Жан де Валансьен) и архиепископ Тирский были сборщиками десятины на Западе (*executores negotii crucis*)³.

Орден тамплиеров, этот международный банкир, сыграл необычайно большую роль в этих операциях: известно, что в 1249 г. он занял у генуэзцев десять тысяч безантов (и вернул им 3750 турецких ливров). Именно тамплиерам Акры папа написал, чтобы заставить их выплатить в 1256 г. тысячу серебряных марок патриарху, а в 1257 г. — сто других марок тому же патриарху (из суммы, отданной в их казну предыдущим патриархом, которая достигала шестнадцати тысяч безантов) и тысячу марок — графу Яффаскому. Казначей тамплиеров в Париже охотно выдавал переводные векселя: именно в знамени-

¹ Ричард Корнуэльский завещал перед 1272 г. восемь тысяч марок (*Registres de Gregoire X*, 830).

² Samaran et Mollat. *La Fiscalite pontificale en France au XIV siecle*. Paris, 1905 (*Bibl. Ecoles Franc. D'Athenes et de Rome*, fasc. 96) и M. Prou. *Les Registres d'Honorius IV*, Introduction, P. LXII и далее. (Десятина часто выплачивалась «купцам, избранным Св. Престолом, которые таким образом получали вознаграждение за ссуды в папскую казну»). Активное распространение подобной фискальной системы, которой предстояло еще более расширяться в XIV в., восходит к войне папы с Фридрихом II.

³ R. R., 1137, 1338.

той орденской башне хранились поступления от десятины (1267, 1291 г.)¹. В этих операциях принимали участие и купцы из Сиены, Пьяченцы, которые ссужали займы акрским властям (или тамплиерам и госпитальерам) и получали долг в командорствах на Западе².

Папство играло главную роль в этих пересылках денег. В 1276 г. Адриан V прислал двенадцать тысяч турецких ливров — единственное значительное деяние за весь его недолгий понтификат — что вызвало восхищение хронистов Святой Земли; в 1290 г. Николай IV направил патриарху Николаю де Анапу сумму в две тысячи флоринов³. Но папы, оказывая финансовую помощь для защиты франкских колоний в Леванте, вовсе не были одиноки: в 1255 г. Александр IV обратил внимание короля Альфонса Кастильского на нищету Святой Земли и попросил показать щедрость к сражавшимся против мусульман. Но, прежде всего французские короли обременяли свой бюджет огромными суммами, отправляемыми на Восток; в 1265 г. Людовик Святой пообещал оплатить все переводные векселя, которые ему представят патриарх, великие магистры и их представители до суммы в 4000 турецких ливров (купцы Пьяченцы, которые одолжили деньги, утратили векселя на тысячу ливров при кораблекрушении, и требовалось их восстановить)⁴.

Однако посылкой денег помощь не ограничивалась: святой король Франции был поражен нехваткой людей, от которой страдало восточное королевство. Поэтому он задумал прибегнуть ко всем средствам, чтобы восполнить этот недостаток. Вновь вернувшись к практике, которую порицал еще Жан де Витри, к тому времени уже взятую на вооружение Фридрихом II (несмотря на жалобы пап, которые сожалели, что «Земля обетованная» превращается в колонию депортированных), Людовик Святой предоставлял осужденным выбор между приведением в исполнение приговора и отбытием на Восток; и когда суд посылал преступника в Сирию, король даже увеличивал сроки этого изгнания, в надежде предоставить франкскому королевству новых бойцов⁵.

Но французский король обеспечил Святой Земле и другую подмогу, чьи нравственные качества были гораздо выше. Возвращаясь на Запад (1254 г.), он оставил маленький отряд французов в распоряжении сенешаля Иерусалимского королевства. Во главе этих ста рыцарей и ста сержантов был поставлен

¹ R. R., 1183, 1347, 1509. *Registres d'Alexandres IV*, 1492, 1937, 1939, 2174.

² *Registres de Honorius IV*, 183; R. R., 1339, 1347, 1509.

³ Sanudo, P. 227; *Registres de Nicolas IV*, 4387.

⁴ *Registres d'Alexandre IV*, 416; R. R., 1339. — В 1272 г. Филипп III, в свою очередь, ссудил 25 000 марок Святой Земле — в связи с посылкой отрядов, приведенных патриархом и Оливье де Термом (*Registres de Gregoire X*, №№ 789–809).

⁵ J. Bastin et E. Faral. *Onze poemes de Rutebeuf concernant la Croisades*. Paris, 1946 (*Documents relatifs a l'histoire des Croisades*, I) P. 34; H. de Ziegler. *Op. cit.* P. 143. Prutz. P. 116 и далее.

шампанский рыцарь Жоффруа де Сержин, который появился в Сирии еще до крестового похода 1248 г.; он стал первым «капитаном над людьми короля Франции (*capitaneus super gentem regis Francorum*)». В течение крестового похода Жоффруа зарекомендовал себя как преданный вассал и отважный рыцарь. Для французского общества он на добрых десять лет стал «рыцарем без страха и упрека», воплощением рыцарских достоинств¹.

Во многих прекрасных стихах, помимо «Плача о моем сеньоре Жоффруа де Сержине», поэт Рютбеф вспоминает об этом гордом рыцаре, который представлял Францию в битвах с сарацинами в тот час, когда мамлюки угрожали Иерусалимскому королевству, и не запятнал себя, избежав участия в гражданских войнах. Жоффруа испытывал огромные проблемы с выплатой жалованья своему небольшому отряду; из одного письма патриарха мы узнаем, что в 1267 г. ему пришлось заложить свое личное имущество и занять три тысячи турецких ливров, чтобы добыть 10 000 ливров на годовичную плату своим войскам².

Маленькая группа рыцарей — Жоффруа де Сержин, Оливье де Терм (который умер в Сирии, 12 августа 1275 г.) и Эрар де Валери представляли французское королевство в Святой Земле³. По смерти Жоффруа де Сержина (11 апреля 1269 г.), который так и не увидел родины, командование над «людьми короля Франции» принял Оливье де Терм. Именно он в 1273 г. привел в Сирию 25 рыцарей и 100 арбалетчиков, состоявших на жалованьи у короля Филиппа III; в октябре 1275 г. высадился новый отряд под командованием его преемника Гильома де Руссильона, который вскоре также скончался на Святой Земле (1277). Французский гарнизон, который тогда возглавил Миль де Хайфа, вскоре получил нового командира в лице Эда де Пуалешьена (1286 г.); его, в свою очередь, в 1287 г. сменил Жан де Гральи, предок знаменитого противника Дю Геклена, Капталя де Бюша (1289). Жану де Гральи, также бывшему сенешалем (1272–1278 гг.), суждено было присутствовать на осаде Триполи (1289 г.) и Акры (1291 г.), где его ранили. Вне зависимости от своего размера французский отряд был одной из самых боеспособных частей акрской армии.

¹ В феврале 1262 г. Урбан IV пожаловал различные духовные привилегии Жоффруа (*Registres*, № 53–56), чтобы вознаградить его за службу в Сирии. Жоффруа де Сержин упомянут в 1244 (*Chirois*, p. 740).

² R. R., 1347. — За два с половиной года (1272–1275 гг.) Жан де Гральи растратил 11 500 турецких ливров (*Registres de Jean XXI*, № 4).

³ Известно, что Жоффруа де Сержин и Оливье дали тамплиерам и госпитальерам свое согласие на использование 4000 ливров, обещанных Людовиком Святым в 1265 г. В этот год Эрар де Валери, тогда находившийся во Франции, вручил *executores negotii crucis* (сборщикам на нужды креста) 1000 ливров от короля (R. R., 1338). Об Эраре см.: J. Bastin et E. Faral. *Op. cit.* p. 67.

Но не один король Франции был заинтересован в обороне Акры: Англия, особенно в правление Эдуарда I, не была в стороне, и швейцарский рыцарь Отто де Грансон командовал отрядом, чье содержание оплачивалось из Лондона. Папство тоже оплачивало наемников на Святой Земле: в 1267 г. патриарх Иерусалимскому, представителю папы римского, удалось удержать на защите Акры пятьдесят рыцарей, прибывших с графом Неверским (Эдом Бургундским) и Эраром де Валери, без сомнения, на шесть месяцев (каждому из них пришлось заплатить 60 ливров, а годовое жалованье рыцаря, согласно этому тексту, приравнивалось 120 ливрам), и на пять месяцев — сорок восемь прочих рыцарей, не считая арбалетчиков. В 1272 г. патриарх привел из-за моря пятьдесят тяжеловооруженных бойцов, состоявших на жалованьи у церкви; на следующий год Жиль де Санти и Пьер д'Амьен прибыли на Святую Землю с семью сотнями арбалетчиков, нанятых на деньги папы и короля Франции. И в тот миг, когда пала Акра, папа Николай IV не пожалел сил, чтобы оказать подобного рода помощь¹.

Таким образом, помощь Запада, усиленная мелкими крестовыми походами (графа Неверского, Эдуарда Английского, Хайме I Арагонского), — пусть даже общий поход, почти начавшийся в 1270 г. и возобновившийся после собора в 1274 г., так и не состоялся, — была достаточно значительной, и без нее пулены не смогли бы столь долго противостоять натиску мамлюков. Общественное мнение иногда находило эту помощь слишком обременительной: об этом свидетельствует «Диалог крестоносца и снявшего крест», который написал Рютбеф! Но, поэты предавались активной пропаганде в пользу Святой Земли; именно Рютбеф написал «Плач по Заморской земле» и сетовал следующим образом:

«Мессир Жоффруа де Сержин
Я невижу здесь никаких
Признаков того,
Что вам нынче окажут помощь»²

И много других поэтов в своих «Песнях о крестовом походе» старались подогреть благочестивое рвение рыцарей Запада, которых глубоко разочаровал крестовый поход 1248 г. (Людовик Святой в Тунис уже не привел столь многочисленное войско, какое было с ним в Египте).

Но у этой неоценимой помощи была и своя оборотная сторона. Без Иерусалимского короля не было никакой возможности предоставить ее в распоря-

¹ R. R., 1347. Registres de Nicolas IV, 2252, 2269–70 (папа даже примирился с королем Сицилии, чтобы ускорить присылку подкреплений), 6850 — Отто де Грансон был осыпан привилегиями (Id. 1862–1864, и т. д. ...) в 1289. Sanudo, P. 225.

² J. Bastin, E. Faral. Op. cit. P. 41; J. Bedier, P. Aubry. Chanson des Croisade. Paris, 1909.

жение Высшей курии, раздираемой борьбой нескольких партий: поэтому — хотя в Триполи князь Боэмунд VII по своему усмотрению командовал отрядом, выделенным ему Людовиком Святым — присланные в Сирию войска приходилось отдавать под начало сенешаля королевства (как было в случае с французскими воинами) или патриарха. Естественно, это приводило к тому, что сенешалем выбирали представителя французского короля: Жоффруа де Сержин (1254—1267 (?) гг.), Жан де Гральи (1272—1277 гг.), Эд де Пуалешьен (1277—1286 гг.) поочередно сменили друг друга в этой должности¹. Таким, образом, один из великих чинов перестал зависеть от Иерусалимской короны и был доверен заморским рыцарям, представителям других государей. Что касается патриарха, то в 1290 г. Николай IV уполномочил его назначать военачальников для армии и христианского флота, прислушиваясь к совету прочих властей (епископа Триполи, сеньора Тира, тогда Акрского бальи, пизанского и венецианского консула, великих магистров орденов, Отто де Грансона и Жана де Гральи²). Королевская власть исчезла полностью: в тот самый миг, когда гибло королевство, именно патриарх, а не коронованный и помазанный елеем король, управлял Святой Землей, присутствовал на военном совете, где бальи королевства, официально назначенный вице-король, находился среди лиц, которые ему даже не были подчинены.

Запад не только посылал в Сирию субсидии и войска — можно рассматривать тамплиеров, госпитальеров и Тевтонский орден, отныне полностью независимые от короля, как вспомогательные силы Запада, неотлучно присутствовавшие на Востоке, но и свои приказы. В Акре бальи или король теперь стал не более чем «наместником заморских королей», если прибегнуть к выражению, некогда использованному Конрадом Монферратским; сама его корона зависела от них и от папы. Несмотря на протест короля Гуго III Кипрского и вассалов королевства, тяжба между Гуго и его кузиной Марией Антиохийской о владении самим королевством рассматривалась именно в римской курии. С 1249 г. Святой престол взял это дело под свой контроль, и Карл Анжуйский смог захватить Иерусалимский трон в 1277 г. как раз при поддержке Курии. Что же касается прав Высшей курии королевства, то Анжуец даже и не думал их соблюдать. С того момента, как папство лишило Конрадина (Конрада III) его наследственных прав, казалось, что Иерусалимское королевство стало ничейным и его мог присвоить любой желающий... Решения по этому вопросу уже не принимались, как некогда в самом королевстве: теперь спор о передаче престола решался в римской курии и при дворах Западной Европы.

¹ La Monte. P. 252. — Жан де Гральи, возможно, по ошибке был назван маршалом королевства около 1273 г. (Registres de Gregoire X, 810).

² Registres de Nicolas IV, 2252, 4385, 4387.

Отныне тесная зависимость королевства от Запада стала свершившимся фактом, и монголы сразу это почувствовали. Их посланники не посещали Акру или Никозию; они прекрасно знали, что решения принимаются не в Сирии и не на Кипре. Поэтому они отправлялись прямо на собор в Лионе, в Рим, в Париж, в Неаполь, в Барселону, в Лондон, иногда даже, когда французских или английских государей не было в их столицах, в Тунис (1270 г.) или Гасконь¹. Латинское королевство стало слишком слабым, чтобы договариваться в одиночку: за него решение принимали во Франции, в Англии, в Сицилии, в Арагоне или в римской курии. В этом отношении необычайно показательно повествование о путешествии несторианского епископа Барсомы, посланного ханом Аргуном ко дворам Западной Европы. Монгольский прелат, жалуясь на недостаток внимания к его посольству (он побывал в Париже и Лондоне), выразил свои чувства следующим образом: «Те, кто имеет сердце тверже скалы, жаждут завладеть Иерусалимом, а те, кому он принадлежит, не занимаются этим делом»². Подчинение Святой Земли дворам Европы, таким образом, стало неоспоримой реальностью.

Эта зависимость прослеживается даже в мелочах. Со времен завоевания Тира, Акры и Триполи у Фатимидов, иерусалимляне продолжали чеканить в монетных дворах этих городов динары (безанты) и дирхемы старого образца и продолжали воспроизводить монеты египетских халифов в XI и XII вв.: в торговле на Востоке, где не знали иных монет, не признавали денье и прочие деньги из серебра и меди, которые чеканились в королевских монетных дворах³.

Папство, правда, довольно поздно заметило скандальный смысл в этом слепом следовании мусульманским монетам: на монетах, чеканившихся в городах Святой Земли, арабские легенды (надписи) без конца повторяли призывы ислама, а дата их выпуска отсчитывалась от хиджры. В самом средоточии христианских земель монетная чеканка напоминала об основании Мухаммедом ислама! Поэтому Иннокентий IV приказал прекратить выпуск подобной монеты и заменить мусульманские надписи на христианские (8 февраля 1253 г.). Отныне — Акра опередила в этом Триполи — на «безанте» по-прежнему красовался призыв на арабском, но с датой выпуска согласно христианскому летосчислению, и призыв этот был обращен к Св. Троице⁴.

¹ Rohricht. Etudes sur les derniers temps. P. 650, n. 81.

² Chabot. Histoire de Mar Jaballah III // R. O. L., 1894. P. 112.

³ В уже упоминавшемся завещании сирийца Салибы эта монета названа «королевским ливром Акры», т. е. денье, чеканившимся от имени короля.

⁴ Registres d'Innocent IV, № 6336 — «bisantios et dragmas» соответствовали динарам и дирхемам. См.: Schlumberger. Numismatique. P. 139 и Bull. Soc. Ant. Fr., 1878. P. 181 (образец DRAGMA ACCONEN). — «Drahans», о наличии которых на Кипре упоминается в 1296 г. (Lois, II, 359) по поводу цены на хлеб, без сомнения, являются дирхемами, а не денье.

Итак, правители Запада стали уделять такое внимание к своим колониям в Святой Земле, что даже регламентировали монетную чеканку... Теперь древнее Иерусалимское королевство оказалось в подчинении у метрополии; оно перестало быть независимым государством — хотя его короли и прежде проявляли заметную почтительность к французской монархии и папству, что видно, например, из писем Амори I к Людовику VII, — и превратилось в настоящую колонию. Иерусалимских баронов ныне возглавляли, помимо их природных вождей, представители западных государств. И если требовалось принять важное решение, те могли сказать свое веское слово. Однако путь, от Святой Земли к побережью Италии был долгим: то, что курьер из Акры добрался до Лондона всего за месяц¹, считали событием просто невероятным. Требовалось по меньшей мере двадцать дней, чтобы приехать из Святой Земли в Рим. Во время осады Акры в 1291 г. известие о нападении мусульман едва достигло Запада, как город уже пал. Помощь не могла подоспеть вовремя. Кроме того, эту помощь использовали далеко не с той эффективностью, как это могла бы сделать королевская власть, если бы она еще существовала в Святой Земле: папа Григорий IX с сожалением отмечал, что шестьдесят тысяч турецких ливров, присланных Людовиком Святым, в конце концов, были пущены в никуда².

Забота, проявляемая папством к Святой Земле, вовсе не заменяла строгую власть, которой бы все повиновались: ведь требовалось не только вести переговоры с государями Запада, чтобы добиваться от них помощи, примирять их, подготавливать военные походы в Сирию³: нужно было следить на месте, на Святой Земле, чтобы все усилия не пошли прахом из-за нерадивости, оплошности и бездарности исполнителей. Главенство папы над королевством Акры обернулось в век теократии триумфом доктрины, за которую некогда боролся патриарх Даимберт Пизанский. Иерусалим стал второй «вотчиной Петра», где патриарх, наместник папы, отодвинул в тень короля Кипра и Иерусалима, которому пришлось смириться с ролью защитника Гроба Господня (или, скорее, Св. Креста в Акре). Но патриарх, даже если им был великолепный Фома Аньи из Лентино, сначала назначенный епископом Вифлеема, а уже затем избранный на Иерусалимскую кафедру, не мог стать военачальником: все патриархи XIII в. отличались святостью жизни, но эта

¹ H.-F. de la Borde // R.O.L. II. P. 208.

² Registres de Gregoire X, № 797. — 27 мая 1290 г. при дворе в Палермо получили известия, отправленные из Акры 22 апреля (Finke. Acta Aragonensia. T. III. P. 12).

³ Id. 789—809. Чтобы оказать помощь Святой Земле, папа просил денег у королей Франции и Англии, на которые он нанимал войска. У короля Сицилии он просил продовольствие, у венецианцев, генуэзцев, марсельцев и Карла Арагонского — небольшую эскадру из двадцати галер (с экипажем в тридцать моряков на каждой) и т. д.

добродетель не делала их способными к военному командованию. В 1273 г. Григорию X пришлось признать, что Фома из Лентино, набирая наемников, чтобы привести их с собой в Сирию, сделал неверный выбор. Солдаты, которых он нанял, оказались никудышными бойцами, и тогда папа доверил набор опытному капитану Оливье де Терму¹. Патриарх, по словам Жана д'Ибелена, являлся «духовным сеньором» королевства. Отныне, в силу вещей, особенно несостоятельности королевской власти, он стал претендовать на функции «светского сеньора».

Ситуация во франкской Сирии складывалась довольно парадоксально: существование этой западной колонии, чье содержание стало тяжким бременем для Европы (за исключением итальянских городов, которые получали с их факторий огромные прибыли), больше не оправдывалось необходимостью защищать паломников, направлявшихся ко Гробу Господню, ибо Иерусалим все равно находился в руках у мусульман! И всякая надежда отвоевать город пропала. И тем не менее все были готовы на любые жертвы, чтобы продлить жизнь осколкам Латинского королевства до тех пор, пока события не приняли непредвиденный оборот. Фактически в период с 1254 до 1291 гг., стараниями Запада были отражены все нападения мамлюков.

Нормальное функционирование франкских институтов оказалось парализованным в этой ситуации: битва между христианским миром и исламом, разворачивавшаяся на территории Акрского королевства, значительно превысила возможности Святой Земли; королевство было слишком ослаблено гражданскими войнами, следовавшими одна за другой с 1231 г. и разгромами 1244 и 1249 гг., чтобы восстановить свои силы. Гуго де Лузиньян, будучи энергичным королем, попытался это сделать. Но тяжкая необходимость подчиниться воле Запада — цена за присылаемые войска — заставила его отказаться от своего намерения: перед амбициями Карла Анжуйского, короля Сицилии и дяди французского государя, вертевшего папством почти по своему усмотрению, способного преградить доступ войскам и продовольствию, столь жизненно необходимым² для Святой Земли, Гуго оставалось только сдаться. С этого времени Запад свел франкскую Сирию к роли обыкновенной колонии, в современном смысле этого слова; более и речи быть не могло, чтобы королевство Акры вело свою независимую политику. Денационализация королевства стала свершив-

¹ Id. 797. — О политике Григория X в отношении Святой Земли см.: P. V. Laurent. La Croisade et la question d'Orient sous le pontificat de Gregoire X // Rev. hist. Du Sud-Est Europeen, XXII, 1945. Незадолго до своего избрания папой Григорий X побывал в Святой Земле, но Марко Поло совершил ошибку, когда назвал его папским легатом (M.-H. Laurent. Gregoire X et Marco Polo // Melanges d'arch. Et d'Hist., 1941–1946).

² Именно на Сицилии всегда приходилось просить разрешения на привоз зерна, как это и делали в 1272 г. (Ibid.) или, после падения Акры, в 1295 г. (Mas-Latrie. Hist. De Chypre. T. II. P. 91).

шимся фактом; Святая Земля с тех пор зависела от событий, происходивших на Западе, и Сицилийской Вечерне, вкуче с ее последствиями, было суждено неминуемо привести к падению Акры.¹

VII МЕЖДУ МОНГОЛАМИ И МАМЛЮКАМИ

Активный интерес, который проявляли к франкской Сирии в западных государствах, подошел к концу после крестового похода Людовика Святого: за двадцать лет, последовавших за этой экспедицией, латинские колонии на Востоке подверглись необычайно сильной опасности. Произошло событие поистине мирового значения, и королевство Акры едва не сгнуло в вызванном им водовороте. Завоевания монголов, начатые при Чингисхане (ум. 1227 г.), после временного затишья, были продолжены в правление его сына Одогая: Иран был окончательно захвачен, Грузия подчинена, турки-сельджуки раздавлены (1243 г.), Русь и Украина заняты, Венгрия и Польша опустошены (1241 г.). Затем, в обстановке наследственных споров, в которых увязла регентша Туракина, и в период недолгого правления великого хана Гуюка продвижение татар вновь замедлилось. Мы видели, что во время крестового похода Людовика Святого были предприняты попытки установить согласие между франками и монголами, но они провалились; монгольская империя еще не была готова к войне. После смерти Гуюка и воцарения великого хана Монгка, покорителя Китая, натиск чингисхановских армий возобновился. Брат Монгка, Хулагу, в 1256 г. стал правителем Ирана, и весь мусульманский Восток затрепетал, чувствуя, что монгольские завоеватели обрели новый стимул: и действительно, 10 февраля 1258 г. Багдад был захвачен и разграблен, и Хулагу, не мешкая, перешел в наступление на Сирию².

Франков Сирии не раз упрекали в том, что они не поняли необходимости заключить союз с монголами, на который решился лишь князь Антиохии и Триполи Боэмунд VI. Но не забудем, что для христиан одно имя монголов свыше двух десятилетий вызывало проклятия и ужас. Эти степные всадники промчались через Польшу, Чехию, Венгрию и Хорватию, сжигая на своем пути города, хладнокровно, с кошмарной методичностью умерщвляя население.

¹ Представление о Латинском королевстве, как «колонии», вотчине, принадлежавшей всему Западу, возможно, отчасти навеяно тем, что нашими единственными источниками являются папские регистры: а в них истинное положение вещей может быть несколько искажено.

² Grousset, III. 563 и далее; P. Pelliot. Les Mongols et la Papauté // Revue Orient Chretien. T. XXVIII. P. 55.

В 1241 г. против них начали проповедовать всеобщий крестовый поход, и римские папы, в самый разгар своей борьбы с Фридрихом II, дрожали при мысли, что «этот враг христианства» задумает навлечь татар на своих единомерцев. Угроза нападения монголов по-прежнему нависала над восточными границами Европы: посольства Платона Карпини и Асцелина (1245–1248 гг.) были отправлены как раз с целью устранить эту опасность, убедив монголов принять христианство. Обе миссии потерпели крах: Гуюк передал Карпини письма для папы, в котором удивлялся просьбе, высказанной понтификом, и приказывал ему и христианским государям покориться монгольской империи, в противном случае грозя войной и войной беспощадной (11 ноября 1246 г.)¹. Андре де Лонжюмо, которого Людовик Святой послал к монголам, привез французскому королю приказ платить дань (1251 г.); позднее Гильом де Рубрук вернулся с аналогичным распоряжением (1253 г.). Западу пришлось признать, что потомки легендарного пресвитера Иоанна — на самом деле враги, готовившиеся его захватить. Поэтому в 1253 г. Иннокентий IV повелел проповедовать крестовый поход против них в Чехии, Моравии, Сербии и Померании. На следующий год стало известно, что татары собираются напасть на Ливонию, Эстонию и Пруссию: в этих землях снова началась проповедь крестового похода. В 1259 г. страх перед монголами был столь велик, что аббаты Польши, Венгрии и Ливонии не прибыли на заседания генерального капитула в Сито, а Александр IV призывал сопротивляться захватчикам. Его наследник Урбан IV просил конунга Норвегии принять участие в грядущей битве (9 июня 1262 г.), и Климент IV 25 июня 1265 г. приказал проповедовать крестовый поход против монголов в Венгрии, Чехии, Польше, Штирии, Австрии, Каринтии и маркграфстве Бранденбургском². Нужно было обладать особым политическим чутьем, чтобы распознать в этих татарах, врагах христианского мира, надвигавшихся на польскую и венгерскую границы, союзников на Востоке. Царь Армении Хетум, получавший гораздо более точные сведения от восточных христиан, понял это и в 1246 г. подчинился Гуюку — чем сбил с толку общественное мнение Запада — и смог убедить Боэмунда VI, своего зятя, в целесообразности такого поступка. Начался сильный скандал, когда узнали, что Боэмунд стал союзником монголов: епископ Вифлеемский, возмущенный этим постыдным подчинением (тем более что Боэмунду, по приказу хана, пришлось восстановить на церковной кафедре в Антиохии греческого патриарха), отлучил князя Антиохийского.

¹ P. Pelliot. Id.// Revue Orient Chretien. T. XXVIII. P. 23.

² Registres d'Innocent IV, 30, 6791; d'Urbain IV, 102–103; de Clement IV, 113; Sbaralea. Bullarium franciscanum, I, 296, 724; Rymer. Foedera, I, 2, 60. — J. Canivez. Statuta, II. P. 237, 449, 475, 481; Reichert. Acta capitulorum generalium// O. P., I. P. 37, 101 (в 1259 г. опасались нового нашествия на Венгрию).

В свою очередь, Боэмунд воззвал к папе и тот приостановил приговор 26 мая 1263 г.: в 1263 г. на Западе были уже лучше информированы, чем тремя годами ранее¹.

Все это объясняет ужас, который обуял Святую Землю при вести о приходе к власти Хулагу. Тогда как с 1255 г. вновь появилась надежда на улучшение ситуации в «Земле обетованной» — после нескончаемой тяжбы между госпитальерами, требовавшими возмещения издержек за оборону Аскалона (1243–1247 гг.), и графом этого города, Жаном д'Ибелен-Яффа, последний в конце концов пообещал уступить ордену 14 поместий общей площадью в 650 «пругов», из своего аскалонского домена, как только город будет отбит у мусульман (1256), — угрозу со стороны монголов живо почувствовали все. Не только были усилены укрепления Яффы, на что папа в 1256–1257 гг. выделил крупную сумму денег графу Жану², но и сам патриарх отправился в Рим, чтобы лично доказать, насколько велика опасность. Папа Александр IV тотчас же приказал выдать патриарху деньги, необходимые, чтобы восстановить крепостные стены всех городов Сирии³. Он с тревогой — так как Акра была охвачена «войной Св. Саввы» — следил за событиями на Востоке: в письмах понтифика, где затрагивался вопрос с татарами, Святая Земля заняла место наравне с Венгрией и Ливонией (17 ноября 1260 г., 9 июня 1262 г. и т. д.).

Меж тем монгольское нашествие началось. Страх перед ним заставил сблизиться мамлюков и эйюбидских князей Сирии, но мусульманские государи так и не оказали общего сопротивления, которое могло бы остановить ужасных монгольских всадников. Багдад был захвачен в феврале 1258 г., а халиф убит. С 1258 г. турки-сельджуки еще раз были разбиты и покорены. Мосул сдался без боя. После этого Хулагу направил армию из монголов и грузин осадить месопотамский город Мейяфарикин (Монферанкен). Сам же он двинулся к Алеппо, где Эйюбид Аль-Насир Юсуф, который в 1250 г. завладел Дамаском, заключил союз с мамлюками. Но Юсуф побоялся засесть в Алеппо и остался в Южной Сирии. Монгольские войска, при поддержке царя Армении и князя Антиохийского, присоединившихся к ним возле Эдессы, осадили город (18 января — конец 1260 г.), который попал в их руки. Армяне и франки вошли туда вместе со своими союзниками, но монгольские всадники стали грабить антиохийские деревни наравне с мусульманскими. Эти локальные грабежи, а также воцарение греческого патриарха в Антиохии, стали причиной, по которой франки из Акры продолжали питать отвращение к монголам. И тогда Хулагу, которого дела вызывали на Кавказ, оставил своим наместником в Сирии христианского (несторианского) военачальника

¹ Registres d'Urbain IV, 292. См.: Claris et Laris/ Ed. J. Alton, v. 40 и далее.

² R. R., 1245–1247; Registres d'Alexandres IV, 1492, 1937, 2174.

³ Rodenberg, III, 415; Registres d'Alexandres IV, 1939 (28 апреля 1257 г.).

Китбуку. Казалось, что такой выбор должен был принести монголам поддержку баронов Акры...

Перед своим отъездом Хулагу успел захватить Дамаск (21 марта — 6 апреля 1260 г.), все так же при содействии князя Антиохийского: в огромной мечети Дамаска — бывшей церкви — Боэмунд VI приказал отслужить мессу по латинскому обряду, в то время как его солдаты оскверняли остальные городские мечети. Помимо прочего, Боэмунд получил от монголов все прежние земли Антиохийского княжества, завоеванные в свое время сарацинами, и в одном тексте, правда, созданном позже, около 1307 г., — «Цветке истории Востока» армянина Хайтона Хулагу приписывается такое же намерение вернуть франкам территории старого Иерусалимского королевства¹. Конечно, речь не шла о «крестовом походе», ибо монголы оставались абсолютно безразличными к вопросам веры, Хулагу и его наместник, несторианин Китбука, действовали как союзники латинян против их общих недругов — мусульман.

В тот самый миг, когда пал Дамаск, бароны Акры собрались, чтобы обсудить ситуацию. Посылали ли они уже посольство к Хулагу?² В любом случае, они не могли не знать, что либо нужно подчиниться империи монголов, либо подвергнуться карательным мерам со стороны Китбуки. Монгольское ярмо было мало привлекательным: подчиненные им народы, даже если они сдались без боя, были вынуждены выплачивать тяжелую дань продуктами, деньгами и рабами. «Жестокое и навеки проклятое племя татар, — писал Урбан IV, — заставляет земли, обращенные ими в рабство, стенать от невыносимых поборов; татары пытаются и так бесчеловечно обращаются с населением, что люди, испытавшие на себе их тираническую власть, предпочитают погибнуть, чем далее подвергаться подобным мучениям»³. Монголы на самом деле, когда завоевывали Сирию, жестоко обошлись с несколькими франкскими деревнями; и переселение на христианские земли мусульманских беженцев, которые предпочитали рабство у латинян неизбежной гибели под игом завоевателей, «в кошмарной ярости не щадивших ни старых, ни молодых, ни женщин, ни мужчин», могло только усилить волнение франков. Конечно, с их стороны было бы разумно, узнав о благоприятном расположении, которое питали к ним захватчики, и не обращая внимание на зверства, которыми сопровождалось продвижение монгольских войск, договориться с ними, как и поступил князь Антиохийский. Но на Святой Земле не было такого вождя, способного вести такие переговоры и понять их важность: ни короля, ни регента (Боэмунд VI, несмотря на свой визит в 1258 г., не был признан всем населением королевства). Бальи Акры,

¹ Chi prois, 751; Documents Armeniens, II, 171—172.

² Rohricht, G. K. J., 910; Matth. Paris, V, 654; J. Richard. Le debut des relations entre la Papauté et les Mongols de Perse (Journ. As., 1949. P. 291).

³ Registres d'Urbain IV, 373.

Жоффруа де Сержин, был блестящим рыцарем, но посредственным политиком. Патриарх Жак Панталеон де Курпале (будущий Урбан IV) уехал в Рим в конце 1258 г., сразу по прибытии папского легата Фома из Лентино¹. Фома был новичком в Сирии и плохо разбирался в восточной политике. Что касается сирийских баронов, то на их глазах рухнул целый мир, который они знали и с которым умели вести переговоры: сгинули государства Алеппо и Дамаска, исчезли мелкие княжества Эйюбидов. Письмо, которое они написали Карлу Анжуйскому 22 апреля 1260 г., свидетельствует об их оцепенении и страхе: они дошли до того, что даже оплакивали гибель своих извечных врагов — мусульманских княжеств. Волны диких чингисхановских орд почти докатились до границ королевства, и союз князя Антиохийского с этими грозными монголами представлялся франкам предательством — епископ Фома тотчас же отлучил его от церкви².

Решение, выбранное баронами в подобной обстановке, не было чуждо героизму — героизму отчаявшихся. «Манускрипт Ротелина», написанный под влиянием событий (текст заканчивается как раз на этом времени), показывает, что татарам противостояло всего лишь незначительное число христиан. «Эти несколько христиан посоветовались вместе и решили, что никогда, если это будет угодно Господу, не покорятся. И сказали они, что вся (их) земля будет утрачена, если не будет у них сильных замков, и татары одержат верх». Замки королевства были спешно приведены в состояние обороны: тамплиеры укрепили семь крепостей, госпитальеры — две, тевтонцы — одну, а Тир и Акра были «снаряжены сообща». Однако страх перед татарами был столь велик, что стало невозможно нанять солдат для гарнизона. Наконец подготовились к осаде: были вырублены фруктовые сады, башни, возведенные в этих садах, снесены; в город увезли даже камни с кладбищенских надгробий и из других строений, другие материалы, которые враг мог бы использовать для сооружения осадных орудий³. Крошечная «республика» Акры в одиночку готовилась к битве с великим ханом, повелителем всей Азии...

Повлияли ли на принятие такого решения события в Сидоне? В тот самый миг, когда Китбука демонстрировал дружелюбие к христианам — за семь месяцев оккупации монголами Дамаска они получили возможность так же притеснять мусульман, как те поступали в их отношении столетиями, один франкский барон бросил татарам вызов. Жюльен Сидонский, тот самый сеньор,

¹ Согласно Эраклю (Р. 446) Жак, недовольный тем, что его викарного епископа — Фома был епископом Вифлеема — прислали в звании легата, отбыл с тем, чтобы не подчиняться ему.

² H. F. Delaborde. Lettre des chretiens de Terre Sainte a Charles d'Anjou // R. O. L., II, P. 207.

³ Hist. Occ., II, 636; Sanudo. P. 221.

что был разорен игрой, которого Р. Груссе назвал «тяжелым бароном с легкой головой», увидел в катастрофе, постигшей мусульманскую Сирию, лишь еще одну возможность пограбить. Из своего замка Бофор он возглавил крупномасштабную экспедицию на Марж Айюн и привез домой огромную добычу. Охранять границу с Сидоном был только что назначен племянник Китбуки. Он не стерпел грабежа на монгольских землях и ринулся вслед Жюльену с небольшим эскортом. Сидонский сеньор полностью перебил его вместе с отрядом. Взбешенный Китбука бросил свои войска на сеньорию преступника. Жюльен длительное время сражался перед городом, чтобы дать возможность спасти население, а затем укрылся — к его счастью, две генуэзские галеры шли из Тира в Армению — в морской цитадели. Нижний город был опустошен монголами, которые снесли крепостные стены и убили всех, кого смогли найти — но не стали атаковать замки на суше и море; это указывает, что они, наверное, не намеревались захватывать латинские колонии на побережье. Но отныне Китбука потерял всякое доверие к франкам, виновникам нападения, от которого он лично пострадал, а те, в свою очередь, не могли забыть ему разорения Сидона¹.

Вскоре мамлюки завязали переговоры с баронами Акры. Новый султан Кутуз только что отверг монгольский ультиматум и стал готовить поход в Сирию, воспользовавшись тем, что в распоряжении у Китбуки был лишь небольшой оккупационный корпус. У Кутуза была цель: помешать франкам заключить с монголами союз, направленный против его государства. Нотабли Акры были готовы предоставить мамлюкам помощь, и договор между ними едва не был заключен²: Великому Магистру Тевтонского ордена удалось провалить этот план, напомнив, что сарацины, склонные к предательству, вероятно, после битвы смогут обратиться против своих союзников. Тогда было решено придерживаться в отношении к мамлюкам благожелательного нейтралитета, позволив им пройти по франкской территории и даже посетить Акру — самый опасный из новых союзников франков. Бейбарс даже предлагал стремительным ударом захватить город, и его план едва не удался.

Армия монголов подверглась атаке с тыла: монгольская тысяча, базировавшаяся в Газе, была опрокинута и отступила к армии Китбуки. Мамлюки, пройдя вдоль побережья и получая продовольствие от франков, заманили несторианского военачальника в ловушку, в которую он не замедлил угодить, при

¹ Мы можем только еще раз отослать к великолепному труду Р. Груссе (III, 594–597), где освещается это событие, как и вся кампания монголов в Сирии. Датировать разрушение Сидона можно приблизительно — без сомнения, около середины 1260 г. — Об участии в монгольской кампании Боэмунда VI, который захватил для Хулагу Баальбек, см.: Cahen. *La Syrie du Nord*, последняя глава.

² Grousset, III, 601–603.

Айн Джалуде, возле Пти-Герена (3 сентября 1260 г.). Его войско потерпело поражение, сам же Китбука попал в плен и был обезглавлен. Один из его командиров, Илка-нойан, смог собрать уцелевших в Сирии татарских воинов и отошел с ними в Армению. Сирия осталась без хозяина, и мамлюкам всего лишь оставалось занять без боя все города и замки, тем более что султан Алеппо и Дамаска Юсуф, сдавшийся монголам, был казнен по приказу Хулагу (который повелел сначала вернуть его в Сирию, но затем побоялся, что он присоединится к египтянам). Таким образом, под властью Кутуза теперь находилась единая империя, простиравшаяся от Нубии до Евфрата — и могущество этой империи, зиждившееся на постоянной армии, размещенной по казармам, и исправно функционировавших институтам, превосходило мощь государства Саладина — ибо ныне не существовало многочисленных вассальных эйюбидских княжеств, например, Хамы и Хомса, с которыми франки раньше вели ловкую дипломатическую игру.

Правда, Кутуз вскоре сгинул, убитый своим помощником Бейбарсом, который занял его место, попутно уничтожив некоего султана, провозгласившего себя правителем Дамаска (17 января 1261 г.). Новый мамлюкский правитель был жестоким турком, но притом обладал бешеной энергией и не останавливался ни перед каким препятствием в стремлении добиться желанной цели: объединения Сирии и изгнания монголов и франков. Большое число франков сразу пострадало от нападения мамлюков: эмир Иерусалима, прознав о кончине Кутуза, который держал данное латинянам слово, не колеблясь, тут же всеми средствами стал притеснять христиан, совершавших паломничество ко Гробу Господню: сначала их силой удерживали в городе, пока они не заплатили огромный выкуп, затем напали на обратной дороге. Практике соблюдения перемирий был положен конец (1261 г.)¹.

Тем не менее Бейбарс не стал сразу же развязывать войну против акрских франков: сначала ему нужно было сдерживать монголов. В конце 1260 г. они вновь заняли Алеппо, но были разбиты возле Хомса. Иль-хан Хулагу втянулся в войну с монгольским наместником Руси, союзником Бейбарса, и не мог прислать крупную армию в Сирию. Одновременно мамлюки принялись за союзника Хулагу, Боэмунда VI, напав на него в 1261 и в 1262 гг.: Антиохия попала в осаду, и лишь вмешательство подоспевшей из Анатолии монгольской армии спасло город.

Бароны Акры еще не поняли, что в 1261 г. совершили непростительную ошибку, предпочтя свою независимость, а также свою слабость и оторванность от мира союзу (возможно, и ставшему бы для них источником многочисленных унижений, но зато плодотворному в плане отвоевания своих земель, без монгольской помощи абсолютно безнадежного) с татарами, чье примитивное раз-

¹ Hist. Occ., II, 638.

витие, без сомнения, должно было напомнить им о хорезмийских отрядах 1244 г. Наличие среди монголов влиятельных христиан могло бы благоприятствовать установлению их согласия с франками: так, в 1246 г. крупный прелат монгольского происхождения, фаворит хана, Симеон Раббан-Ата, взял под свое покровительство несторианского архиепископа Иерусалима и прочих восточных христиан, «каковые находятся в Антиохии, Триполи, Акре и других ваших землях» (из письма к папе римскому)¹. Все, что франки увидели в кампании 1260 г., — это разорение мусульманской Сирии, обезлюдившей и никем не управляемой. Они попытались этим воспользоваться: кажется, что чуть спустя после битвы при Айн Джалуде Жан II д'Ибелен, новый сеньор Бейрута, маршал королевства, вместе с тамплиерами напал в Галилее на одно туркменское племя. Те нанесли им страшное поражение: сеньор Бейрута, маршал и остальные франки, попав в плен, были вынуждены уплатить большой выкуп (поэтому Жану д'Ибелену пришлось в 1261 г. продать свой домен Казаль-Юмбер Тевтонскому ордену)².

Провал этого грабительского набега все равно не раскрыл франкам глаза на мамлюкскую угрозу. Бейбарс уже перейдет в наступление (4 апреля 1263 г.), а епископ Вифлеемский, магистры военных орденов и Жоффруа де Сержин напишут английскому королю, что нет более удобного момента, чтобы начать завоевание Святой Земли, чем теперь: ведь, писали они, татары перебили большинство сарацин, и Сирия беззащитна! О воссоединении Сирии и Египта франки догадались слишком поздно³. С 1257 по 1263 гг. в Акре думали только об одной опасности — тогда как монголы спасали Антиохию — со стороны татар. Именно для того, чтобы королевство могло более уверенно защищаться от чингисхановских полчищ, сеньор Хайфы, Жан де Валансьен, и архиепископ Тирский, туренец Жиль, посетили Запад, где в январе 1263 г. папа Урбан IV препоручил им собрать десятину (точнее, «сотую долю») в

¹ Rodenberg, II, 200.

² R. R., 1307 — вряд ли это происшествие было тем самым, о котором упоминается в следующем отрывке из «Устава тамплиеров» (ed. Maillard de Chambure. P. 471): «Случилось так, что брат Жак де Раван, командор Акры, взял с собой братьев, туркополов и сержантов, наших и городских, и устроил набег на Казаль-Робер, и сарацины подняли тревогу и одолели их». Жак был закован в кандалы за то, «что совершил набег без разрешения». — В 1260 г. командором был Матье Соваж, и если у тамплиеров и был чин, которого сместили, то им являлся маршал Этьен де Сези, разжалованный по приказу папы как «смутьян» (его обвиняли в нападении на сеньора Бейрута, с которым они соперничали в любви к одной даме из Акры — *Registres d'Urbain IV* № 2858, de Clement IV, 21–23, 836). Пятнадцать пленных тамплиеров (среди них будущие великие магистры Гильом де Боже и Тибо Годен) вместе с Жаном де Бейрутом, маршалом и Жаком Видалем затем выкупили.

³ *Rumer. Foedera*, I, II, 54. — В 1280 г. они все еще говорили, что Сирию может захватить любой, кто этого захочет.

епархиях Северной Франции, которая должна была пойти на сооружение укреплений на Святой Земле¹. Впрочем, эту сумму затем использовали для иных целей — ведь сборщики десятины вернулись на Восток только через два года, а за это время ситуация сильно изменилась.

Желая положить конец разбою, царившему на дороге паломников и побoram со стороны местных мусульманских властей, франки Акры вступили в переговоры с султаном. Граф Яффы и сеньор Бейрута попросили уступить им город Пти-Герен и предложили обменять пленных. Бейбарс отказался вести разговор на таких условиях (1262 г.). Когда истек срок перемирий, заключенных в 1252—1255 гг., переговоры возобновились. На этот раз сам султан потребовал обмена пленниками и заставил Жана д'Ибелен-Яффа и госпитальеров Арсуфа, которым Балбан д'Ибелен-Арсуф только что продал свою сеньорию, согласиться на это (начало 1263 г.). Затем он стал лагерем между Наимом и Мон-Фавором и потребовал от правительства Акры вернуть ему Сафет и Бофор и обменяться пленными. Тамплиеры и госпитальеры отказались, ибо рабы были для них бесплатной рабочей силой, а профессиональные рабочие обошлись бы слишком дорого! Султан, который только и ждал любого предлога, чтобы начать войну, торжественно заклеил алчность обоих орденов и ринулся на Галилею. Мон-Фавор был разграблен, церковь Стола Господа (находившаяся между Кафарнаоном и Каной) разрушена вместе с кафедральным собором в Назарете. Одновременно мамлюки разорили латинский монастырь Вифлеема. После этого армия султана двинулась на Акру (14 апреля 1263 г.), но несмотря на внезапное появление, смогла всего лишь вырубить сады под крепостными стенами². Вылазка франков была отбита без труда, а Жоффруа де Сержин получил ранение. Не сумев захватить город, Бейбарс отступил в Иерусалим. В ознаменование окончательной оккупации Иудеи он распорядился начать ряд строительных работ, например, соорудить каравансарай у иерусалимских ворот.

Франки Сирии были ошеломлены нападением египтян. «Тех, кто верил в избавление от ужасной угрозы со стороны татар, ярость вавилонян застала врасплох»³. В смятении они написали королю Англии и папе: им не хватало продовольствия и денег, а султан требовал замков и городов, в нарушение перемирия занимая Святую Землю вплоть до стен самой Акры. После этого

¹ Registres d'Urbain IV, 373—396.

² Registres d'Urbain IV, 344. — Не тогда ли прекрасную церковь Св. Марии Магдалины в Магдале превратили в кошошню? (А. О. Л., II, Р. 278) — Бейбарс потребовал Сафет и Бофор, воспользовавшись предлогом, что договор от 1240 г. был аннулирован из-за сражения при Форбии; он также потребовал возмещения за различные нарушения «международного» права, более или менее реальные. См.: Rohricht. Etudes sur les derniers temps du royaume de Jerusalem, А. О. Л., II, Р. 375 и далее.

³ Registres d'Urbain, 344 (20 августа 1243 г.).

первого призыва о помощи доминиканец Гильом Триполийский, а затем и епископ Вифлеемский отправились в Рим, чтобы ознакомить папу с масштабами катастрофы¹. В январе 1264 г. понтифик решил продолжить работы по укреплению Яффы — крепости, которая прикрывала границу с Египтом; но, ничего не зная о намерениях султана, он приказал передать деньги не графу Яффы, а патриарху, чтобы тот мог ими распорядиться на нужды королевства. В 1264 г. латиняне, воспользовавшись отсутствием египетской армии, перешли в контрнаступление. 16 января тамплиеры захватили Лион и привели оттуда 360 пленников. Немного погодя Жоффруа де Сержин и рыцари Акры, выйдя из Яффы, направились грабить земли Аскалона, в отместку за пленение яффаского кастеляна, обманом завлеченного в Рамлу, и разбили двух эмиров (15 июня 1264 г.). 5 ноября в который раз они разорили окрестности Бейсана. Но на следующий год Бейбарс вернулся в Сирию, решив с этим покончить. 27 февраля 1265 г. он внезапно захватил нижний город Цезареи, а 5 марта вынудил капитулировать и цитадель. Перепуганные бароны Акры, узнав, что султан поднимается на север, приказали разрушить все оборонительные укрепления за пределами городских стен — например, «мельничную башню» — и снесли монастырь Св. Николая, располагавшийся на соседнем холме². Одновременно эвакуировали население из Хайфы, которую Бейбарс разрушил 15 марта. Мощный замок тамплиеров, Шатель-Пелерен, выдержал все атаки мамлюков. Продолжая опустошать франкские владения (этой участи избегла лишь Акра, ибо была отлично укреплена), султан дошел до Арсуфа и осадил его. Прежде чем сдаться, город сопротивлялся больше месяца (21 марта — 29 апреля 1265 г.): несмотря на обещание Бейбарса отпустить гарнизон на волю, составлявшие его госпитальеры были закованы в железо. Затем султан вернулся в Египет.

Тем временем стали прибывать первые вспомогательные войска: регент Кипра привел своих воинов; с Оливье де Термом приплыли первые французские воины, пополнившие войска Жоффруа де Сержина (1264 г.). В октябре 1263 г. папа приказал начать проповедь крестового похода, но она не имела особого успеха: тем не менее в октябре 1265 г. граф Неверский, Эд Бургундский, прибыл с отрядом приблизительно из пятидесяти рыцарей. Эти подкрепления поколебали Бейбарса в его намерениях: после демонстрации военной мощи перед Акрой и Монфором он осадил Сафет. Мусульмане несли очень тяжелые потери, но султану удалось возбудить недовольство сирийских сержантов против их франкских господ, и измена одного из них, управителя поме-

¹ Rymer, I, II, 54 (письмо, ошибочно датированное 1260 г.); Registres, 473 (7 января 1264 г.).

² Amadi. P. 207. — тамплиеры и госпитальеры заключили мир в 1262 г. — В 1264 г. велись работы над укреплениями Акры (Registres d'Urbain IV, 869, 17 июля 1264 г.).

ствием ордена тамплиеров (*casalier*) по имени Лев заставила рыцарей капитулировать¹. Нарушив условие капитуляции, Бейбарс приказал умертвить весь гарнизон, и эта бойня имела огромный резонанс: мусульмане применили самые изощренные пытки; с нескольких защитников крепости живьем содрали кожу, а затем добили ударами прутьев. Воодушевляемые несколькими францисканцами, тамплиеры отказались отречься от своей веры. Однако это было только начало мамлюкских зверств. Когда жители Акры попросили выдать им для захоронения тела жертв резни в Сафете, Бейбарс повелел перебить христиан в акрском предместье и ответил, что при подходе к городу и так хватает своих мучеников (июль 1266 г.)...

Сафет стал опорным пунктом мусульман (откуда они могли безнаказанно совершать набеги на Акру, тем более что Бейбарс разрушил Торон). Гарнизон этой крепости, в том же самом 1266 г., нанес серьезное поражение франкам, возвращавшимся из грабительского похода на Тивериаду (28 октября). Блокада Акры была настолько эффективной, что Бейбарс смог насадить мусульманских чиновников, обязанных взимать налоги с деревень в пригородах этого города. В мае 1267 г., следуя уже ставшему привычным ритму, султан вновь появился под стенами Акры и, дав своим солдатам христианские знамена, попытался врасплох захватить город. Потерпев неудачу, он приказал пытать и умертвить крестьян и бедноту, оставшихся вне крепостных стен и на полях. Затем мамлюки уничтожили сады вокруг города, вырубил фруктовые деревья и виноградники и, после остановки в Сафете, 31 октября напали на конюшни госпитальеров, где сгорело две сотни лошадей и двадцать конюших (*escuyers*). На следующий год, в самый разгар перемирия (заключенного с Жаном д'Ибеленом), мамлюкская армия внезапно появилась у Яффы и захватила город, правда, позволив части гарнизона уйти в Акру. Одновременно мусульмане заняли «землю Сен-Жорж» (вместе с Лиддой). Отдельно заключенный договор так и не спас Яффу. Однако сеньор Бейрута добился, ценой выплаты тяжелой дани и освобождения всех своих пленных, точно такого же перемирия (май 1267 г.), и Филипп де Монфор, отказавшись от владения Торона и Шатонефа, сделал то же самое: на время Бейбарс признал за ним права на владение Тиром и девяносто восемь деревнями.

Спустя месяц после падения Яффы Бейбарс осадил Бофор, и крепость капитулировала десятью днями позднее (15 апреля 1268 г.). Сеньор Бейрута, которому грозило нападение султана, откупился еще раз. После этого ужасный мамлюк двинулся на завоевание княжества Антиохийского, взял штурмом сам

¹ «Casalier» управлял поместьями (*casaux*). В «Уставе тамплиеров» (§ 76) написано: «Братья-управляющие могут иметь при себе двух коней и одного оруженосца и столько же ячменя, как и сам магистр».

город (май 1268 г.) и завоевал все окрестные земли. Тогда же он, по просьбе бальи Гуго III Кипрского даровал франкам Акры передышку. По перемирию (27 мая 1268 г.) султан признавал за сеньорией Акры владение только городской округой, Кармилем, тремя деревнями возле Хайфы, десятью возле Монфора, и пятью возле Шатель-Пелерена. Другие деревни этого региона были поделены между мусульманами и франками. В дополнение к перемириям с Бейрутом и Тиром, Бейбарс заключил еще одно, с тамплиерами Сидона, которым пришлось отказаться от всех своих ливанских владений, за исключением деревень на узкой прибрежной равнине.

На следующий год Бейбарс опять прервал перемирия, заключенные на десять лет: четверо мусульман крестились в Акре, и из-за этого «преступления» султан возобновил борьбу с Акрой и под тем же предлогом — с Тиром (1269 г.). Начало военных действий ознаменовалось опустошением христианских земель, в том числе и графства Триполи (до этого времени почти не подвергавшегося мусульманским набегам), в результате чего под властью Триполийского правителя осталось всего лишь несколько городов на побережье: две мощные крепости, Шатель-Бланк и Крак де Шевалье, расположенные во внутренних областях графства, пали в 1271 г. В тот же год главной крепости Тевтонского ордена в регионе Акры, Монфору, пришлось в свою очередь капитулировать (12 июня). За восемь лет (с 1263 по 1271 гг.) ужасный султан отнял у франков западную Галилею, весь прибрежный район от Яффы до Цезареи, гористую местность на востоке и севере Акры, две трети графства Триполи, все княжество Антиохийское, за исключением Лаодикеи.

С необыкновенной энергией Бейбарс, этот настоящий основатель мамлюкского государства, действовал не только в Египте, но и в Палестине, где отстроил города, обезлюдевшие с 1187 г.: Хеврон и Иерусалим снова поднялись из руин. Не было ни одной крупной крепости, захваченной у франков, где сразу же после осады не принимались бы за работу каменщики султана. «Львы Бейбарса» — а таков был герб завоевателя — ныне можно увидеть на всех развалинах франкских крепостей, в Сафете, Бофоре, Краке де Шевалье¹. Гражданские постройки, акведуки, мосты, мечети повсюду отмечали путь великого султана. Сирия, в течение восьмидесяти лет бывшая ничейной территорией, перестала быть пустынной и оцетинилась замками: Акру со всех сторон окружили новые мамлюкские крепости в Сафете, Монфоре, Како (восстановлен в 1267 г.) и Цезарее.

С меньшей энергией Бейбарс карал и тех, кто заключал с франками мир. Так было и в случае с эмирами Бохора из Гарба — арабами из области Бейрута, чьи отношения с христианами, начиная с XII в., еще долго оставались дружескими. Известно, что в XIII в. Жюльен Сидонский отдал землю

¹ P. Deschamps. Op. cit., passim. — Их нашли также на мосту в Лидде (1273 г.) и т. д.

(1255 г.) в одной из своих деревень (Дамур, что на побережье) эмиру Джамалу ад-Дину, что не мешало тому оповещать мамлюков о планах его соседей. Эмир, завидовавший другому Бохору, Зайн ад-Дину, обвинил его перед Бейбарсом в ведении переговоров с князем Антиохии: он якобы написал письмо от имени своего врага к Боэмунду VI и, получив от того ответ, предъявил его Бейбарсу — скорее следует предположить, что Зайн ад-Дин был шпионом князя Антиохийского и его переписку с ним перехватили. Бохора, заподозренного в измене, бросили в тюрьму и освободили только после смерти Бейбарса (1277 г.). Этот урок нисколько не помешал ему продолжить свои дела с франками: в другой хартии — описанной в хронике одного из потомков Бохора — сеньор Бейрутский (в то время им был Онфруа де Монфор) даровал Зайн ад-Дину еще одно земельное владение, в обмен на обещание не причинять никакого ущерба Бейрутской сеньории и не принимать у себя беглых мусульман (1280 г.). Сложная игра, которую вели эти эмиры, ясно показывает, насколько хорошо франки освоились в восточном обществе, чтобы использовать против мамлюков их же собственных агентов. Сделки, которые франки заключали с местными эмирами, позволяли христианам избегать всяких осложнений с мусульманами¹. Но вступление Бейбарса на султанский трон сделало эти соглашения весьма хрупкими.

Христианский мир вовсе не наблюдал безучастно, как гибнет его восточная империя. Был организован крестовый поход, который возглавили два государя: первым отправился в путь, в 1269 г., король Арагона Хайме I. Но буря отбросила его эскадру обратно на испанское побережье, и пожилой король отказался отплыть во второй раз. Лишь два арагонских принца прибыли в Сирию (октябрь 1269 г.). Но они стали лишь свидетелями грабежей, чинимых мусульманами, и не смогли помешать им прямо у стен Акры заманить в ловушку и убить сенешаля Роберта де Крезека, преемника Жоффруа де Сержина. Что касается короля Франции, то он дважды принимал крест в 1267 г., и в 1270 г. отправился в экспедицию вместе с королями Наварры и Сицилии. Но восьмой крестовый поход сбился с дороги, и Людовик Святой умер в Тунисе (25 августа 1270 г.), добившись только одного результата: в этот год Бейбарс не совершил набега на Сирию.

Тем не менее последняя группа крестоносцев, участников восьмого крестового похода, прибыла в Святую Землю в 1271 г. во главе с английскими принцами Эдуардом и Эдмундом. Хотя крестоносцев и было довольно мало,

¹ Clermont-Ganneau — Deux chartes des Croisés dans des archives arabes// Recueil d'archéologie orientale, V, P. 1—30 (эти хартии составлены сирийским писцом, но датированы не по христианскому летосчислению, а по Александрийскому, что было в обычае у местных христиан; печать на них принадлежит франкскому сеньору). См.: Cl. Cahen. La chronique de Kirtay (Journ. As., 1937, P. 142—144).

но командовал ими один из самых замечательных политиков своего времени: Эдуард только что избавил династию Плантагенетов от ее опаснейшего противника, Симона де Монфора, в битве при Ивземе. В Сирии он постарался склонить итальянских купцов организовать блокаду Египта, ибо контрабанда оружием по-прежнему процветала. Хоть Эдуарду и удалось повесить нескольких из этих контрабандистов, венецианский балли предъявил ему привилегии, которые помешали принцу заставить нарушителей соблюдать папские приказы и соборные постановления, запрещавшие продажу мусульманам оружия. Он стремился действовать в союзе с монголами, но те смогли устроить только одну недолгую экспедицию в район Алеппо. Эдуарду пришлось довольствоваться двумя грабительскими набегами на Сен-Жорж, в горы Акры и Како, но саму крепость Како он так и не осмелился осадить. С собой принц привез большую добычу, но результат походов был незначительный (июль и ноябрь 1271 г.). Однако именно пребывание в Акре Эдуарда вынудило Бейбарса заключить мир (22 мая) при посредничестве короля Сицилии Карла Анжуйского. По договору сроком на десять лет и десять месяцев франкам Акры оставляли власть над акрской равниной и разрешали паломничество в Назарет. Площадь королевства Акры стала еще меньше, чем в правление Амори II и Иоанна де Бриенна. Все усилия Запада оказались тщетны¹.

Однако франки пытались найти союзников против мамлюков. Поворот в сторону монголов обозначился в тот момент, когда Бейбарс предпринял первые атаки — свирепость мамлюков была ничем не хуже дикости степняков. В 1263 г. в Рим дошла информация о том, что Хулагу стал христианином (на самом деле крещение Хулагу маловероятно, но вот его главная жена, Докуз-Хатун, являлась христианкой), и Урбан IV поручил патриарху Иерусалимскому проверить эти сведения². Незамедлительно завязались регулярные переговоры, и монгольская канцелярия даже отказалась от своих высокомерных претензий на всемирное господство (в 1262 г. крупное монгольское посольство, согласно некоторым авторам, прибыло потребовать подчинения

¹ Rohricht. Etudes sur les derniers temps... I, La Croisade du prince Edouard d'Angleterre // A. O. L., I, 1881; III, Les combats du sultan Bibars..., ibid., II, 258–297 и Die Kreuzfahrt des Königs Jacob I. v. Aragonien // Mittheil. Des oesterreich. Institutes, XII, 1890, 372; R. Grousset, III, 621–663.

² Следуя неверной интерпретации «Церковных анналов» Рейнальда, авторство этого письма приписывали Александру IV. На самом же деле оно принадлежит его преемнику (Registres, ed. Guiraud, 2814 bis и 2864), и датировать его следует 1263 г.: престол Иерусалимского патриарха, пустовавший со времени избрания Урбана IV папой, предлагали занять епископу Оксерра, который отказался; в январе 1263 г. на него согласился епископ Ажена Гильом (id., 2847 и т. д.). — См.: Abel Remusat. Memoires sur les relations politique des princes chretiens... avec les empereurs Mongols // Memoires de l'Institut... Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, VI, 1822, и VII, 1824; J. Richard. Art. cite. (P. 305, n. 3).

Людовика Святого великому хану), чтобы облегчить заключение союза. Постепенно у папства появился план обратить всех монголов в христианство, план исполинский и не увенчавшийся удачей: но в военной области родился настоящий союз, направленный против мамлюков. В своем письме к Хулагу Урбан IV не только предлагает хану креститься, но и подчинить себе сарацин; с августа 1263 г. папство рассматривает татар как мстителей за вероломство мусульман¹.

При наследниках Хулагу, его сыне Абаке и внуке Аргуне переговоры оживились. Монгольские правители возымели желание вместе с франками уничтожить мамлюков. Почти каждый год посольства прибывали из Ирана в Европу или отправлялись в Тебриз. К несчастью, эти монгольские государи воевали с ханами Туркестана и Южной Руси (кипчаками), и эта война сковывала их действия в Сирии; что касается королей Запада, то все их внимание было приковано к событиям в Шотландии, Уэльсе, Сицилии и Арагоне. Неизбежные задержки усложняли диалог: однажды, в 1267 г. отсутствовал латинский секретарь у Персидского хана, и в Рим пришло послание, написанное на монгольском языке, которое никто не сумел перевести, что на один год затормозило переговоры². В 1269 г. Хайме I Арагонский подготовил свой поход, договорившись об участии в нем татар, и Эдуард Английский поступил так же. Абак, которому помешали привести войско на место всеобщего сбора, несколько раз извинился перед английским принцем. В 1280 г., когда монгольская армия спускалась из Турции в Сирию, Абак попросил у франков Акры присоединиться к нему со своими войсками и подготовить необходимое продовольственное снабжение. В этот год, наконец, монгольская армия Анатолии выступила в поход, и ее 80 000 армян и монголов угрожали раздавить мамлюкскую империю.

Но в 1277 г. королевство Акры попало во власть Карла Анжуйского, брата Людовика Святого, графа Прованса и (1266 г.) короля Сицилии.

Бальи Акры от имени Карла Анжуйского, Рожер де Сан-Северино, не считал возможным содействовать монгольскому наступлению³. Как и в 1260 г., франко-татарское сотрудничество не удалось по вине франков. При-

¹ Registres d'Urbain IV, 2814 bis, 344.

² P. Pelliot. *Mongols et Papes aux XIII et XIV siecles*// Revue bleu, 1923. P. 111. G. Soranzo. *Il Papato, l'Europa cristiana e gli Tartari*. P. 2228—243.

³ Напротив, князь Антиохийский и король Кипра готовились оказать помощь татарам, вместе с другими сирийскими баронами (госпитальеры придерживались нейтралитета); но армия мамлюков быстро встала между побережьем и монгольским войском, чтобы помешать соединению союзников (*Bulletin de la Societe d'histoire de France*, I, II, 1835, P. 1—10 и *Bibl. Ecole des Chartes*, LII, 1891, P. 58. — эти письмо подтверждает нежелание Сицилийского короля участвовать в этом предприятии, ибо он был всецело поглощен своей войной с греками; см. также: *Muratori, Scriptores*, VIII, 869—870).

чиной тому на этот раз была политика анжуйца. Карл Анжуйский лелеял очень большие планы, но Палестина занимала в них последнее место. Король Сицилии рассматривал освобождение Гроба Господня как завершающий этап своих усилий: перед этим он желал завоевать Византийскую империю, восстановленную Михаилом Палеологом, и его отношения с Египтом были великолепными — именно он побудил Бейбарса в 1272 г. заключить мир. Следуя политике Фридриха II и Манфреда, Карл совсем не был расположен порывать свои дружеские связи с султаном, пусть даже этого требовала неожиданно представившаяся возможность, как некогда в 1260 г., в союзе с татарами завоевать Сирию. 5 октября 1280 г. викарий иерусалимского патриарха, епископ Хеврона, отправил Эдуарду I Английскому письмо, содержание которого позволяло просчитать планы правительства Акры: в Святой Земле не хватало продовольствия, что делало приготовление к кампании необычайно затруднительным, при том что король Сицилии был поглощен другой войной. Балъи предупредил султана Калауна о готовящемся против него сговоре и заключил с ним новое перемирие¹. Поэтому 30 октября 1281 г. армия Менгу-Тимура и царя Армении Хетума, который уже неоднократно сражался на стороне монголов, была разбита возле Хомса, так и не дождавшись помощи от франков. По условиям перемирия, заключенного 3 июня 1283 г. между сеньорией Акры и мамлюками, под власть султана переходило все старое Иерусалимское королевство (Хеврон, Иерусалим, Гибелин, Наблус, Вифлеем, Торон де Шевалье, Аскалон, Яффа, Рамла, Арсуф, Цезаряя, Како, Бейсан, Торон, Гран Герен, Айн Джалуд, Сафет, Бофор, Кеймон, Тивериада, Шатонэф, Марон, половина Сканделиона, грот Тирона...), а сенешалю Эду Пуалешьену, представителю короля Сицилийского, оставалась Акра, Хайфа, Кармиль, Шатель-Пелерен с 73 поместьями, Сидон с 14 поместьями, церковь Назарета с четырьмя домами, где могли жить клирики и паломники. Христиане, которые выиграли из договора только возвращение руин Хайфы, имели право укреплять только Сидон, Акру и Шатель-Пелерен, и обещали на протяжении всего срока перемирия (которое заключили на десять лет, десять месяцев, десять дней), предупреждать султана за два месяца о начале крестовых походов. Другие сеньории — Бейрут (с 1272 г.) и Тир (в 1285 г. там правительница Тира и ее представитель «граф Раймунд Жаскенд» заключили аналогичный договор) — также согласились признать этот настоящий мамлюкский протекторат².

¹ R. R., 1280. R. Grousset, III, 692 и далее R. Rohricht. Etudes sur les derniers temps... II Les batailles de Hims, 1281 et 1299 // A. O. L., 1881, P. 617—652.

² R. Grousset, III, 666. R. R., 1458. Срок перемирия с Акрой истек, согласно письму епископа Хевронского, в мае 1281 г., и там ошутимо боялись войны (текст в Rumer, I, II, 189).

Выбирая между союзом с монголами и подчинением мусульманам, жители Акры решительно высказались в пользу второго варианта. Они уже пострадали от вероломства мамлюков и вскоре испытали его на себе заново. Тем не менее мало поддерживаемые Западом, повинувшись директивам с Сицилии, они в конце концов отмежевались от крестовых походов в тот самый момент, когда папство, короли Франции и Англии вместе с новым ханом Аргуном готовили новую экспедицию (сбор войск был назначен в 1290 г. на Дамасской равнине), и на Западе даже ходили слухи, что «сын покойного татарского короля предложил встретить его в Иерусалиме в Святой Четверг», а также принять крещение в Святом Граде; что его армия, куда входили грузины и прочие христианские союзники, использует знамена и оружие с изображением креста, что Аргун приказал чеканить на своих монетах Гроб Господень и призыв к Св. Троице.¹ Именно в тот самый момент, когда монгольское завоевание приобретает вид крестового похода, франкская Сирия, не имея ни вождей, ни ресурсов, отдалась в руки мамлюкам; безусловно, можно объяснить это решение слабостью Акры, но нельзя его извинить, как в 1260 г., поскольку множество контактов с монголами позволило латинянам свыкнуться с идеей союза с ними.

Отказ от этого союза в 1260 и 1281 г. ознаменовал конец франкской Сирии и ее скорую гибель под ударами египтян. В 1260 г. потенциальные союзники, вышедшие из пустыни Гоби, которых так ждали крестоносцы в 1219 г., а Людовик Святой в 1248 г., наконец появились у границ Сирии; князь Антиохийский вместе с царем Армении перешли на их сторону²; королевство же Акры, тогда еще обладавшее реальной силой, поддержало против них мамлюков. В 1281 г. отступничество последних латинян в Сирии еще раз подвело монголов. Когда же через двадцать лет монголы начнут третий поход на Сирию в надежде овладеть этой страной, там уже не будет франков, чтобы упрочить их завоевание и заселить наконец свободное Иерусалимское королевство.

¹ Salimbene. Chronique. P. 597 (1284 г.) (Monumenta Germaniae, Scriptores, T. XXXII).

² Не стоит забывать, что франки из Святой Земли с 1248 г. были в курсе переговоров, предпринятых армянами с монголами, которые привели к созданию в 1254 г. настоящего армяно-монгольского альянса. Брат царя Хетума, коннетабль Земпад, написал об этом Жану д'Ибелену и королю Кипрскому Генриху I (2 февраля 1248. — Самарканд) (см. Mosheim. Historia eccl. Tartarorum App. № 12). — Таким образом, к 1260 г. бароны Акры вовсе не были в полном неведении о намерениях монголов. Но их гражданские войны помешали обратить на это внимание. Во всяком случае, восточные авторы, особенно Григор д'Аканк, утверждали, что их помощь мамлюкам была решающим фактором во время кампании 1260 г. (History of the nation of the archers, ed. Black et Frye // Harvard Journal of Asiatic studies, XI, 1949, P. 349).

VIII КОРОЛЕВСТВО АССИЗ

Договоры, заключенные с Бейбарсом и его наследником, проиллюстрировали уже всем очевидный факт — бесповоротное дробление королевства. Тир, Акра, Яффа, Сидон, Бейрут, Арсуф превратились в мелкие сеньории, которые заключили с мусульманами свои особые перемирия, и даже — как это видно на примере Бейрута — согласились, ущемляя королевские права, подчиниться мамлюкскому протекторату. У одного арабского автора были все основания написать, что «когда договаривались с госпитальерами, для тамплиеров это был повод братья за оружие; если заключали мир с городом Акрой — нападал король Кипрский»¹. В старом Иерусалимском королевстве отныне царила полная анархия.

Известно, как распадалась монархическая власть: от имени короля из династии Гогенштауфенов, всеми признаваемого законным наследником короны, но у которого с 1243 г. отняли право осуществлять свои королевские прерогативы, в качестве регента правил самый близкий родственник короля («бальи»), принимавший титул «сеньора королевства». Ближе всего к короне находилась, после своего внучатого племянника Конрада II, внука Марии Иерусалимской и Монферратской, сестра Марии, Алиса Шампанская (вторая дочь Изабеллы Иерусалимской), которая и была избрана регентшей; после ее смерти регентство доверили ее сыну королю Кипра Генриху I, которому в сане «сеньора королевства» наследовали кипрские короли Гуго II или Юге (1253—1267 гг.) и Гуго III Лузиньян-Антиохийский (1267—1269 гг.). Однако возникли осложнения, связанные с юностью Гуго II, который скончался 5 декабря 1267 г., так и не достигнув совершеннолетия: требовалось назначить регента от имени этого «наследника Кипра и бальи Иерусалимского королевства». Этот пост сначала заняла мать Гуго, Плезанция Антиохийская, разделив его со своим вторым мужем Бальаном д'Ибеленом, а затем — со своим братом Боэмундом VI Антиохийским. После кончины Плезанции (27 сентября 1261 г.) тетка юного короля, сестра его отца Генриха I, Изабелла де Лузиньян, с помощью своего супруга Генриха (Генриха Антиохийского) взялась исполнять регентские обязанности при малолетнем Гуго. В 1263 г. Гуго Лузиньян-Антиохийский, сын Изабеллы и Генриха Антиохийского, принял после смерти своей матери опеку над юным Гуго II. Таким образом, кипрские короли сосредоточили в своих руках кипрскую корону и права на наследование Иерусалимского трона, что делало их обладателями легитимной власти в Сирии.

¹ G. K. J., 919.

Но «сеньор королевства», или его опекун, не проживали постоянно на Святой Земле; оставаясь на Кипре, им приходилось назначать в Акру своего представителя, что-то вроде управляющего и предводителя сирийской знати, который также носил титул бальи, как мы и будем его далее называть. Выбор на пост этого бальи свидетельствует о триумфе династии Ибеленов; за исключением Жана Фанона (избранного в 1248—1249 гг. по совету Филиппа де Монфора) и Жоффрау де Сержина (1259—1263 гг.), все бальи назначались из этого прославленного рода; Бальан д'Ибелен-Бейрутский (умер в 1247 г.), Жан д'Ибелен-Арсуфский (снят в сентябре 1248 г., затем снова назначен в 1249 г.), Жан д'Ибелен-Яффаский (который заменил своего кузена на один год, с 1255 по 1256 гг.), заново Жан д'Ибелен-Арсуфский (1256—1258 гг.), а после его смерти и правления Жоффрау де Сержина и Генриха Антиохийского — Бальан д'Ибелен-Арсуфский (1268—1269 гг.). Получается, что семья Ибеленов в течение двадцати лет, с небольшими перерывами, фактически правила франкской Сирией. Гордыня их возросла безмерно. Один из Ибеленов даже осмелится заявить в 1271 г. королю Гуго III, что рыцарство Кипра согласится служить на Кипре не ради кипрского государя, а ради Ибеленов¹.

Один из представителей этого дома, Бальан д'Ибелен-Арсуф, даже намеревался занять место короля: после смерти короля Генриха I он женился на его вдове Плезанции (несмотря на сопротивление князя Боэмунда VI) и потребовал себе регентство от имени малолетнего короля (не без поддержки своего отца Жана д'Арсуфа, который помирился с Боэмундом только в 1258 г.). Правда, брак был заключен в нарушение всех канонических правил: будучи родственниками в третьем колене, они сыграли свадьбу, не дожидаясь необходимого в подобных случаях разрешения из Рима. Плезанция очень быстро — кажется, однако, что она была женщиной весьма вольного нрава² — возжелала расстаться со своим Бальаном, который отказался оставить регентство. Потребовалось, чтобы вмешался сам папа, запретив подданным королевства подчиняться Бальану (28 августа 1255 г.), и аннулировал брак (27 марта 1258 г.).³

Нет ничего более пагубного для монархической власти, чем такого рода междуцарствие. Теоретически, «сеньор королевства» или бальи обладал всеми

¹ Lois, II, 434: «И еще заявим прямо... что люди королевства Кипрского за пределами вышеупомянутого королевства более охотно служили льняжу Ибеленов, чем монсеньору королю и его предкам».

² Урбан IV призвал ее вести более достойный образ жизни (булла Audi filia: Registres, 2808; является ли Жюльен Сидонский тем самым графом Ж., которого в письме № 2807 папа просит оставить распутную жизнь и вернуться к своей супруге, сестре царя Армении?).

³ Registres d'Alexandre IV, 741, 2510.

королевскими прерогативами; в реальности же его возможности были очень ограничены. Бароны отказались передать королевские крепости королеве Алисе и ее мужу Раулю де Кевру (1243 г.) под предлогом, что они смогут узурпировать права законного наследника Конрада II, как, например, было сделано в Морее (где Гильом де Виллардуэн низложил наследников князя Гильома де Шанлитта). Замки и крепости были вверены «охране и заботам баронов и вассалов вышеозначенного королевства»; регенту вменялось снабжать их продовольственными запасами, но выбор кастеляна и принятие необходимых решений принадлежал вассалам. Из-за этого строгого следования верноподданническим чувствам Алисе пришлось уступить контроль над Тиром Бальану д'Ибелену, а над Акрой — Филиппу де Монфору и Никола Антьому. На самом же деле это привело к тому, что Филипп де Монфор узурпировал власть в Тире; король Генрих согласился передать ему Тир под охрану в 1246 г. Таким образом, представитель короля более не имел власти над крепостями и замками королевского домена¹.

Духовенство королевства тоже возжелало воспользоваться тем, что трон пустует, и ограничить власть бальи к своей выгоде: кутюмы королевства запрещали церковным судам рассматривать дела, затрагивавшие недвижимое имущество, особенно если с этого имущества королю причиталась служба. В 1257 г. клирики Святой Земли заявили, что имеют законное право рассматривать подобные тяжбы (если только речь идет не о феодальных делах), «ибо в этом королевстве ныне нет короля. Ведь если бальи действует и замещает короля во многих делах, по кутюмам и ассизе королевства, то он тем не менее не может творить суд над королевским фьефом». Спор, вынесенный на суд Александра IV, был затеян ни много ни мало, как с целью вырвать церковную юрисдикцию из тисков, куда ее заключила королевская власть. Папа, однако, уклонился от решения этой проблемы².

Под малопризнанной властью «главного сеньора» феодалы вскоре почувствовали вкус к самоуправлению. По обычаю, сеньору королевства принадлежало право назначать бальи, с согласия королевских вассалов. Фактически же, как это видно из одного пассажа Жана д'Ибелена, знаменитого юриста, вассалы сами избирали себе предводителя³. «Иерусалимская сеньория» все больше начинала походить на итальянскую «синьорию», своеобразную феодально-аристократическую республику — выбор Ибеленов на пост бальи

¹ Lois, II, 401; Amadi, P. 198. — Можно сравнить подобное положение вещей с ситуацией 1185 г., когда бальи Раймунду III Триполийскому отдали только один королевский город, Бейрут. — Постановления бальи действовали только во время его регентства (Dodu. Op. cit. P. 127).

² Registres d'Alexandre IV, 1936 (11 мая 1257 г.).

³ Lois, II, 401.

служит тому доказательством. Одновременно появляется должность синдика, который во многом напоминает чиновника из крупных патрицианских городов Италии или Прованса; 10 августа 1257 г. вассал Жана д'Ибелен-Арсуфа, Этьен де Совеньи, был назван «синдиком и прокурором Иерусалимской сеньории»¹.

Пока еще оставались последние Гогенштауфены, неоспоримые потомки королевы Изабеллы II, дочери Иоанна де Бриенна, короли Кипрские, увенчанные титулом «сеньоров королевства», не могли дать отпор возрастающей анархии. Клятва, которую приносил бальи, была куда более стеснительной, чем коронационная клятва государя², и во время войны Св. Саввы, генуэзская партия, возмущенная тем, что Боэмунд оказал поддержку их противникам, тотчас же воззвала к неоспоримому суверенитету Конрада III. Королей Кипра или тех лиц, которые выполняли за них регентские обязанности, далеко не всегда беспрепятственно признавали «сеньорами королевства». Им нужно было добиться, чтобы «самые лучшие и мудрые» вассалы королевства, специально собравшиеся для этого случая, признали их прямыми наследниками короны. Король Генрих I без труда прошел это испытание, но когда он умер (1253 г.), его сын Гуго был слишком юным. Если Бальан д'Ибелен в то время и являлся регентом на Кипре, признали ли его регентом в Акре?³ После расторжения своего брака с ним королева Плезанция добилась более прочной власти: она прибыла с Кипра (1258 г.) со своим сыном Гуго и братом Боэмундом VI Антиохийским. Боэмунд постарался, чтобы его племянника признали «наследником Кипра и бальи королевства Иерусалимского»⁴, а его самого — опекуном юноши. Но это происходило в самый разгар войны Св. Саввы, и люди, предложившие князю Антиохийскому взять в свои руки правление, которым с 1253 г. практически никто не занимался, принадлежали к венецианской партии (тамплиеры, тевтонцы, Жан д'Ибелен-Яффа, патриарх Жан Пантелеон). Генуэзцы отказались признать Боэмунда регентом; но тот тем не менее, получив поддержку большинства, принял обязанности «сеньора королевства» и, перед своим отъездом, назначил бальи Жана д'Арсуфа. После его смерти королева Плезанция беспрепятственно прибыла в Акру и даровала звание бальи сенешалю Жоффруа де Сержину.

Но Плезанция скончалась 27 сентября 1261 г. Кто должен был ей наследовать? Последняя из оставшихся в живых теток юного Гуго, Изабелла де Лузиньян, жена Генриха Антиохийского, стала регентшей на Кипре. В 1263 г.

¹ R. R., 1259, 1269.

² Lois, I, 312, 453—454.

³ Не в этом ли кроется причина смещения его отца Жана д'Арсуфа, который в то время занимал пост бальи и был заменен графом Яффаским?

⁴ «Herede de Cypro et del balizo del reame de Hierusalem». Amadi. P. 204.

она приплыла в Акру и потребовала регентство в Иерусалимском королевстве для себя и своего супруга. Несмотря на то что в полном ходом шла война с мамлюками, Высшая курия собралась, чтобы обсудить столь щекотливый правовой вопрос: в конце концов вассалы решили отдать регентство Изабелле, но если она не привезет с собой Гуго, который должен был наследовать этот пост, ей не принесут, как обычно делалось, оммаж. Тем не менее Генрих Антиохийский остался у кормила власти в Акре, пока его жена возвращалась на Кипр, где она и умерла в том же году. Регентство над малолетним Гуго вновь стало предметом дискуссий: на него претендовал сын Изабеллы и Генриха, Гуго Лузиньян-Антиохийский. Его кузен, Гуго де Бриенн, граф Лекки, со своей стороны, потребовал пост регента, под предлогом, что его мать Мария была старшей сестрой Изабеллы. Сохранились пространные тексты защитных речей, в которых оба претендента старались доказать свое право перед их будущими вассалами, временно превратившимися в судей¹. Гуго Антиохийский одержал вверх и стал бальи Иерусалима и Кипра. Граф Лекки, поучаствовав в защите Святой Земли от Бейбарса, вернулся на Запад, где после смерти брата стал графом де Бриенном. Однако в 1275 г. он организовал поход, чтобы силой оружия добиться королевства: папе пришлось вмешаться и помешать этой братоубийственной войне².

Гуго Лузиньян-Антиохийский оправдал свое назначение на пост бальи: в течение этих ужасных лет, когда Бейбарс рыскал вокруг Акры, он созывал рыцарей под свое знамя, как только узнавал о приближении султана, и покидал город лишь после того, как мамлюкский правитель отходил в Сафет³. Известно, что он подготавливал контратаки и полностью отдавал себя делу защиты Святой Земли. Когда умер его племянник Гуго (5 декабря 1267 г.), он сменил звание бальи Кипра на кипрскую корону, и, уезжая из Акры в Никозию, доверил бальи Бальану д'Ибелену, сыну Жана д'Ибелена и преемнику (после Гильома де Бутрона, триполийского сеньора, изгнанного Боэмундом VI, коннетабля в 1258—1262 гг.) в должности коннетабля королевства (1268—1277 гг.).

Вскоре после этого Конрад III был обезглавлен (31 октября 1268 г.). Хотя Акру и украсили праздничными огнями при этой вести, большинство сеньоров испытывало гораздо меньшую радость. Поскольку в живых больше

¹ Lois, II, P. 401 и далее: Мария никогда не занимала пост (ensaisinee) бальи, поэтому ее права были более слабыми, чем права ее сестры, которая его получила.

² Martene. Thesaurus nov. anecd. I., с. 1013 (письмо короля Наваррского, в котором он прощал Гуго де Бриенна, задержавшегося с принесением ему оммажа за Бриенн). — Registres de Gregoire X, 832. — Гуго действительно направился в Морею с двумя кораблями и 180 рыцарями (Filangieri. Atti perduti, I, 2, № 966).

³ Martene, id. (27 мая 1267). То же самое в 1265 г. (23 апреля), августе 1266 г., а также в 1268 г. (22 апреля).

не осталось потомков Изабеллы де Бриенн, потеря королевской власти вновь становилась реальностью для Иерусалимского государства. Регентам и бальи наступил конец. А ведь во франкской Сирии уже сильно свыклись с подобным положением вещей. Бароны, прелаты, военные ордена, «коммуны» и собратства вели практически независимое существование, и если сохраняли над собой верховную власть «сеньора королевства», то правомерно задаться вопросом: не только ли для того, чтобы не нарушать нормальное функционирование государственных институтов. Пока бальи, виконты и кастеляны выполняли свои полномочия от имени законного правителя, юридическая жизнь королевства, где роль права была необычайно велика, протекала своим чередом. Но подчиняться государю, который проживал бы в самой Святой Земле, было совсем иным делом; опасались, как бы от его действий не пострадала независимость, столь ревниво оберегаемая любым сословием в королевстве. Более всего подобного оборота событий опасались узурпаторы королевского домена, среди которых первое место занимал Филипп де Монфор. Сколько бы бальи ни сменилось в Сирии, иерусалимское право — в том виде, каком он его истолковывал — позволяло ему править Тиром от имени Конрада III. В присутствии же на Святой Земле короля ему пришлось бы отдать Тир обратно, но Филипп (чья Торонская сеньория была только что захвачена Бейбарсом) уже давно вел себя как независимый сеньор Тира¹.

В этих сложных условиях реставрации королевской власти Гуго III повел себя с поразительной ловкостью. С 1255 г. он был женат на Изабелле д'Ибелен, внучке Жана Старого д'Ибелена², и этот брак обеспечил ему нейтралитет гордого «линьяжа» Ибеленов. Военные ордена не были враждебны этому королю, а киприотское рыцарство еще не успело с ним рассориться. Он сумел успокоить страхи сеньора Тира, признав город его пожизненным владением (однако вскоре, 17 августа 1270 г., Филипп де Монфор был убит по приказу Бейбарса, пожелавшего избавиться от одного из самых замечательных баронов Сирии; его сын и наследник Жан к тому моменту женился на сестре короля, Маргарите Лузиньян-Антиохийской). К несчастью, у Гуго появился соперник: право на корону перешло ему от Алисы, дочери Генриха Шампанского и королевы Изабеллы I Иерусалимской. Тетка короля, Мария Антиохийская, старая дева в возрасте шестидесяти лет, которая, безусловно, была бы весьма оригинальным противником для султана Бейбарса, потребовала себе королевский венец от имени своей матери Мелизинды, дочери Амори Лузиньяна и той же самой Изабеллы I. Эти претензии не стали новостью: Мелизинда сама

¹ Он принял этот титул в 1254 г. (R. R., 1221), хотя, как правило, именовал себя «сеньором Торона». Известно, что перед 1260 г. он отдал госпитальерам поместье в обмен на ворота Тира, которые до того были уступлены этому ордену (R. R., 1286).

² Registres d'Alexandres IV, 71 (разрешение на брак между родственниками).

выдвигала их в 1249 г., ссылаясь на то, что ее родство с королевой Изабеллой более тесное, чем у потомков Алисы¹. Этот аргумент был не слишком состоятельным, но все же мог поспособствовать зарождению оппозиции против Гуго. Попытались уладить распрю, но Мария упорно не желала ничего уступить из своих прав. В 1268–1269 гг. в Высшей курии началась тяжба; Мария, которой было отказано в ее иске, все же не смирилась со свершившимся. В тот самый миг, когда впервые за шестьдесят лет в Тире началась коронация Гуго (из-за сложной обстановки прошедшая без особой торжественности²), клирик и нотариус вошли в церковь, и первый из них выкрикнул перед толпой, что протестует против коронации. Ему пришлось бежать под ударами присутствующих, вызвав неопишемую сумятицу, но Мария сохранила свои права на трон (24 сентября 1269 г.).

«Монархическая реставрация, которую попытался осуществить Гуго Антиохийский, произошла слишком поздно. За период свыше тридцати лет, когда престол был практически вакантным, бароны и горожане Акры слишком прирастались к свободе, чтобы вновь начать подчиняться»³. Гуго не мог надеяться, без опоры на королевский домен, уменьшившийся из-за узурпации вассалов и мусульманских завоеваний, восстановить власть, которой некогда обладали его предшественники до Фридриха II. Он попытался использовать кутюмы королевства, чтобы упрочить свой авторитет; Жюльен Сидонский продал свой фьеф тамплиерам без королевского разрешения. Гуго тем не менее вынудил его выполнять военную повинность, уступив «платный фьеф» (на деньги от продажи) в 10 000 безантов, который должны были после смерти Жюльена получать его сыновья Бальан II и Жан⁴. Но иерусалимское право эволюционировало с начала XIII в., причем в совсем ином направлении, чем в предыдущую эпоху.

Важным явлением в Иерусалимском королевстве XIII в. был расцвет самой разнообразной правовой литературы, что, конечно, не было единичным случаем в этом столетии, но зато предоставляло наиболее полные и интересные сведения о феодальном строе. Правоведы начали работу уже давно, и их пер-

¹ Rodenberg, II, 482 (24 марта 1249 Мелизинда просила у папы домен и пост бальи королевства Иерусалимского как самая близкая родственница короля Конрада после смерти своей сводной сестры Алисы). — Мария же объявила себя самым близким родственником Изабеллы I, «la deraine saisie dou royaume».

² Sanudo, P. 223 «с незначительными, как полагаю, пышностью и празднествами (parva, quantum existimo, solemnitate vel cordis laetitia)»; Mas-Latrie. Hist. de Chypre, I, 430.

³ Grousset, III, 619.

⁴ Lois, I, 530–531. Жюльен, которого мучило раскаяние после того, как он прожил бесполезную жизнь, вступил в орден тамплиеров. Бальан II был убит в сражении между франками (1278 г.). — Он женился на Марии Джебейлской, и она родила ему двух дочерей, Фемию и Изабеллу (Registres de Nicolas IV, 2001).

вой задачей было сохранить кутюмы первого королевства и право, сформулированное в «Письмах Гроба». Амори II стремился кодифицировать принципы осуществления королевской власти, но после его смерти у «мудрых людей» появились иные заботы. Произвол гибеллинов, авторитаризм Фридриха II вызвали защитную реакцию у вассалов королевства, и те противопоставили свои права правам короля. Вместо «Книги короля» бароны захотели составить Книгу вассалов. Феодалы, помнившие старое право, такие как Рауль Тивериадский, Рено Сидонский, Жан Старый д'Ибелен, заботливо сохранили и передали своим наследникам память об «ассизах», выгодных для вассалов. Великие юристы XIII в., Филипп Новарский, Жан д'Ибелен, граф Яффы, Жоффруа ле Тор, а также горожане, такие как Филипп Бедуин, Бальан и Никола Антьом (не был ли один из них автором «Ассиз палаты горожан», созданных примерно между 1229 и 1244 г., где попытался облечь кутюмы иерусалимской «буржуазии» в рамки учебника римского права?)¹, попытались, основываясь на этом материале, вновь создать иерусалимское право в виде умело упорядоченного кодекса, подкрепив его своими собственными юридическими теориями. «Книга в форме спора» Филиппа Новарского (в последней редакции составлена после 1260 г.)² еще отчасти является сборником кутюм, но вот «Книга Жана д'Ибелена», написанная около 1265 г., представляет собой настоящий юридический трактат, чье влияние испытает на себе все последующее право, начиная с «Книги Жака д'Ибелена» (датируется 1271–1286 гг.).

Жан д'Ибелен, граф Яффаский, сын Филиппа Ибелена и внук Бальана II д'Ибелена, сеньора Наблусского — одна из самых интересных фигур латинского Востока в XIII в. Блестящий рыцарь, он заслужил уважение Людовика Святого и признательность Жуанвиля, наравне со своим кузеном Жаном д'Арсуфом являясь предводителем франкской знати. Но вместе с тем Жан д'Ибелен показал себя «ловким сутягой (*soubtil plaideor*)» (быть названным ловким юристом означало самую высшую похвалу, с помощью которой общество, замешанное на праве, могло отличить одного из своих пэров), но его ловкость иногда граничила с мошенничеством. Иначе «почему он, делая прекрасные заявления о достойном поведении судящихся, цинично советовал прибегать к нечестным методам?»³

¹ Grandclaude. *Essai critique*. P. 124. По И. Праверу — в 1240–1244 гг. (*Rev. hist. De droit fr.*, 1951, P. 346–348).

² *Id.*, P. 130. — Гранклюд полагал, что Филипп Новарский (умер после 1264 г.) написал свою «Книгу» в 1252–1257 гг. Так как в книге упоминается урегулирование дела Жюльена Сидонского (1260 г.), и с ней, кажется, был знаком Жан д'Ибелен (324, пр. 2) (умер в 1266 г.), можно заключить, что ее редакция была осуществлена в промежутке между этими двумя датами.

³ Grandclaude. *Op. cit.* P. 142.

Суть конституциональной теории, построенной Жаном д'Ибеленом, сводится к тому, что в основе иерусалимского права лежит своего рода «феодальный договор» (отдаленно напоминающий «Общественный договор Жан-Жака Руссо») и взаимные обязательства сторон. Для баронов XIII в. король был лицом выборным, и избрание Готфрида Бульонского крупными магнатами во время первого похода представлялось им не чем иным, как избранием одного из иерусалимских баронов равными ему по положению прочими «баронами» королевства — что, однако, неверно¹ — и обязательства, которые принял на себя Готфрид, легли в основу правовой системы Иерусалимского государства. В 1231 г. Бальан Сидонский, обращаясь к Филанжиери, озвучил теорию баронов: «эта земля не была завоевана не каким-то важным сеньором (*chief seignor*), но крестоносцами и пилигримами. И когда они ее завоевали, то выбрали сеньора по /всеобщему/ согласию и дали ему королевскую сеньорию, а после вместе, расспросив мудрых людей, создали те установления и ассизы, которые хотели хранить и уважать, затем поклялись соблюдать их, и предложили поклясться в том же сеньору»². Непременным условием, на которое король или регент были вынуждены пойти перед тем, как начать править, была клятва в том, что они будут соблюдать ассизы королевства и не станут покушаться на привилегии, дарованные их предшественниками.

Верность же сеньору королевства (Жан д'Ибелен, писавший перед реставрацией короля Гуго, употреблял только выражение «верховный сеньор (*chief seignor*)» не была непременным условием тесного оммажа, но лишь последствием соблюдения правителем прав своих вассалов. Поэтому-то в истории королевства XIII в. встречаются случаи, когда вассалы, посчитавшие себя оскорбленными своим сеньором, отказывали ему в службе и оставляли свой фьеф с общего согласия. «Юристы стали рассматривать оммаж как своего рода двусторонний контракт, налагающий на сеньора и на вассала взаимные и сравнимые обязанности. Таким образом, они существенно изменили их взаимное положение»³. Несмотря на беспристрастность, свидетельство которого граф Яффы предоставил на страницах своего труда и в споре о конституционных теориях⁴, его книга ознаменовала новый период в разложении монархического права. Будет поучительно сравнить составленный им перечень проступков, караемых конфискацией фьефа, с аналогичным перечнем, приведенным в «Книге

¹ *Supra*. P. 62.

² *Eracles*, 390.

³ *Grandclaude*. P. 111.

⁴ *Id.* P. 145. («Обладая разумом весьма оригинальным, он никогда не терял здравого смысла... и всегда придерживался справедливости»). — Жан хотел создать не сборник кутюмов, а трактат, который в то же время стал бы подспорьем для судившихся: несколько хорошо известных ассиз (например, Бильбейская ассиза) не нашли отражения в его сборнике.

короля» (воспроизводящим ассизу Балдуина II)¹. Вассалу грозит утратить свой фьеф в том случае, если он еретик, отрекся от своей веры и перешел к мусульманам, «...поднял руку на своего сеньора..., с оружием выступил против своего сеньора на поле боя., покусился убить или обездолить своего сеньора, и это замечено и доказано., воспротивится ассизе., будет обвинен в измене и побежден на поле (то есть в судебном поединке)», а также если сдал крепость врагу, а мог бы ее защищать дальше, или предал своего сеньора, выдав его врагу. Список этих проступков куда более короток по сравнению со старым сборником кутюм Амори II, и сами условия, при которых возможна конфискация, стали довольно ограниченными: «тот, кто отказывается подчиниться требованию своего сеньора, ежели отказ разумен», более не считается виновным, а наказание за мятеж предусматривается только в том случае, если сеньор и вассал сойдутся в битве.

«Книга Жана д'Ибелена и подобные ей работы главным образом развили теорию, столь дорогую для феодального права, принципы которой были заложены уже в «Ассизе о верности» Амори I — возможность вассала сопротивляться самоуправству сеньора. Однако этот принцип не был свойствен лишь одному латинскому королевству: «Отзвуки этого знаменитого «права восстания» [зародившегося уже в каролингскую эпоху] были слышны в XIII и XIV вв. во всем западном мире... об этом свидетельствуют английская Великая хартия вольностей 1215 г., венгерская «Золотая булла» 1222 г., сборник кутюм Иерусалимского королевства, привилегии бранденбургской знати, акт об арагонской унии 1287 г.»². Право «отказаться в своей службе (*gaget son service*)» сеньору, который принял решение наперекор своим верным людям, «без ведома и рассмотрения курии», даже открыто бороться с ним, было признано за вассалами, и те не замедлили претворить его на практике.

Другой характерной чертой «Иерусалимских ассиз», описанных Жаном д'Ибеленом, является их формализм. Необыкновенная забота о соблюдении процедурных требований, которая присутствует в юридических правилах, привела бы в восторг самого Бридуаона из пьесы Бомарше. Восточные юристы строго следовали этому формализму и стремились избегать конституционных осложнений, прибегая к возможностям процедуры³. Мы не будем здесь анализировать колоссальную компиляцию графа Яффаского и его соперников: скажем только, что конституционное право, провозглашенное в «Ассизах», связывало действия государя и ставило его в зависимость от баронов и их правяще-

¹ *Supra*. P. 69. La Monte. P. 276.

² M. Bloch. *La societe feodale: Les classes et les gouvernement des hommes*. Paris, 1940. P. 259.

³ Самым примечательным процедурным решением было то, которое применил на практике Филипп Новарский; от имени короля Конрада II он изгнал из Тира его собственный королевский гарнизон, лишив тем самым этого же Конрада власти в Сирии.

го органа, Высшей курии. Пустующий трон позволил баронам развить до крайности правовые положения, которые изначально попросту должны были защищать вассалов от королевского произвола, и отныне подчинить суверена тем, кто был обязан приносить ему оммаж и хранить верность.

В этом отношении Гуго III Лузиньян-Антиохийский приобрел горький опыт. С 1271 г. его рыцарство с Кипра начало отказываться от службы в Сирии, устав от того, что каждое лето приходилось переправляться за море, дабы защищать Святую Землю. Точнее, киприоты упрекали короля в том, что он требует выполнять эту службу в силу феодального договора, уверяя, что, если бы Гуго смог снискать привязанность своих рыцарей, они бы упрашивали разрешить сопровождать его в походе. Этот спор тянулся долгие годы — он начался по случаю прибытия принца Эдуарда Английского; в 1273 г. решили установить срок службы за пределами королевства четыре месяца в год, и, в 1279 г., киприотские рыцари, как только истекли четыре месяца, бросили своего государя в самый разгар военной кампании¹.

В его сирийском королевстве неповиновение было еще большим. Хотя в 1264 г. «курия королевства и мессир Жоффруа де Сержин, и легат, и магистры, и коммуны, и собратства» одобрили кандидатуру Гуго², никто из них не соби-рался повиноваться приказам нового короля. На улочках Акры собратства продолжали свои стычки: двое из них, собратство Вифлеема (мелькиты из собратства Св. Георгия, расположенного на улице Вифлеема, возле Монмюзара?) и «Mosserins» (купцы из Мосула) дошли до того, что вступили в битву по всем правилам; первым покровительствовали госпитальеры, вторым — тамплиеры (которые обвиняли короля в сговоре с собратьями Вифлеема)³. В местных сеньориях не забыли о духе независимости: если Тиром управляли наиболее преданные вассалы Гуго III, то Сидон теперь находился в руках у тамплиеров, которые превратили его в автономное владение. В Бейруте наследница этого города Изабелла д'Ибелен потеряла своего второго мужа, англичанина Эдмунда Л'Эстранжа; но умиравший препоручил попечительство над ней не королю, как того требовал обычай, а самому султану Бейбарсу (апрель 1272 г.). Гуго III занял сеньорию и увез Изабеллу на Кипр: Бейбарс потребовал, чтобы король вернул вдову обратно в Бейрут и предоставил ей самой выбирать покровителя; так сеньория Бейрута («Baruth») стала франкским эмиратом, подвассальным мамлюкской империи. Правда, Изабелла вскоре скончалась, успев сменить одним за другим двух супругов — сеньора Цезарейского Николаса Германца и Гуго Барле. Ее сестра Эскива, другая дочь Жана II д'Ибелен-Бейрута, около 1280 г. принесла Бейрут в приданое сначала самому верному подданному Гуго III,

¹ Grousset, III, 604.

² Lois, II, 414.

³ Eracles, 474; Grousset, III, 671.

Онфруа де Монфору, а затем сыну короля, Гвидо¹. Но самым сложным препятствием для Гуго было упорное противодействие ордена тамплиеров. В 1274 г. первый конфликт между королем и новым магистром ордена, Гильомом де Боже, удалось урегулировать при посредничестве Жана де Гральи; но магистр так и не смог свыкнуться с королевской опекой. Дальновидный политик, крупный французский барон, ловкий, но амбициозный и жестокий руководитель, он связал свою судьбу с партией Карла Анжуйского, своего родственника, и замышлял изгнать кипрского короля из Сирии. Гильом начал с того, что принялся систематически игнорировать права короны: в октябре 1276 г. орден купил у одного рыцаря поместье Фоконнери, возле Акры. Магистр не спросил согласия у короля на эту покупку, пойдя наперекор ассизам королевства. Гуго III не смог снести это новое оскорбление: он только что потерял отца, Генриха Антиохийского, погибшего в результате кораблекрушения по пути из Акры на Кипр, и сильно оплакивал его смерть (27 июня 1276 г.). К тому же, с 1275 г., король боролся в графстве Триполи — где ему отказали в регентстве над его кузеном Боэмундом VII — с тамплиерами (которые с 1278—1281 гг. будут вести с юным Боэмундом VII яростную борьбу, ознаменовавшуюся грабежами и вспышками взаимной жестокости). Устав от затруднений, не силах восстановить королевский авторитет, Гуго покинул Акру из-за покупки Фоконнери «и других столкновений с орденами, коммунами, собратствами, которые он не мог ни прекратить, ни довести до желаемого конца»².

Население Акры, брошенное своим «верховным сеньором», возмутилось, и ордена с собратствами и частью итальянцев отправились в Тир умолять Гуго III вновь взять в руки бразды правления. Однако Гильом де Боже и венецианская колония воздержались от этого демарша, поэтому Гуго уже не смог отказаться от своего шага, согласившись, правда, назначить людей на должностные посты в королевстве, чтобы придать властям легитимность; в который раз он сделал коннетабля Бальана д'Ибелена бальи королевства, и отплыл на Кипр, предварительно написав папе и королям Запада, что не способен справиться с царившей в Сирии анархией.

Гильом де Боже только и ждал этого момента: его посланцы прибыли в Рим к принцессе Марии, которая продолжала требовать Иерусалимский трон. Не осмеливаясь предстать перед Высшей курией Иерусалима, Мария Анти-

¹ Первоначально на Эскиве д'Ибелен должен был жениться вовсе не Гвидо. У папы просили разрешения на брак для его брата Амори, но в булле ошибочно указали два имени вместо одного — Гвидо и Амори. Буллу аннулировали и заменили в 1291 г. другой, где уже значилось имя одного Амори. Тем не менее Амори женился на Изабелле Армянской и Эскива досталась Гвидо (он умер через год после свадьбы); у них родился сын, будущий король Кипра Гуго IV (Amadi. P. 240; Registres de Nicolas IV, 4026, 6276).

² Eacles, 474. — Карл Анжуйский напоминал о своем родстве с Великим магистром в своих актах (Filangieri. Atti perduti, I, 1, P. 545).

охийская в 1272 г. вынесла свою тяжбу на рассмотрение римской курии. Процесс затянулся несмотря на то, что в октябре 1272 г. Григорий X приказал провести расследование: прокурор Гуго III возразил, что, согласно праву королевства, тяжба, затрагивающая наследование короны, подлежит суду иерусалимских баронов. Тем не менее Марии удалось добиться, чтобы в 1276 г. дело было передано в римскую курию. Фактическое отречение Гуго III только благоприятствовало претензиям принцессы¹.

Кроме того, Мария сошлась с Карлом Анжуйским, который, захватив Сицилию у незаконнорожденного сына Фридриха II, Манфреда, вернулся к грандиозным планам, что Гогенштауфены и итало-норманнские короли лелеяли в отношении Италии и Востока. Помимо видов на Византийскую империю, Карл мечтал о титуле Иерусалимского короля, который носили его предшественники и, в 1275 г., поддержал своего вассала Гуго де Бриенна, графа Лекки, готовившего нападение на Кипр². Едва Марии удалось возобновить слушание своего дела в римской курии (до этого престол понтифика пустовал), как она решила уступить свои права Карлу Анжуйскому: в конце 1276 г. или, скорее, в начале 1277 г., 15 января в присутствии собрания кардиналов она торжественно передала сицилийскому королю свои права на Иерусалим в тех пределах, как их установили судьи и легисты, в обмен на пожизненную ренту. Таким образом, права Карла Анжуйского на латинское королевство основывались единственно на нотариальных грамотах, которые были тогда составлены, и родстве Марии с Иерусалимской королевой, умершей семьдесят лет тому назад; права необычайно сомнительные, связанные с разводом Изабеллы Иерусалимской в 1190 г.³

Секретарь Гильома де Боже, прекрасно осведомленный об этих событиях, пустил слух, что Гуго III покинул Акру из боязни перед Карлом Анжуйским; якобы король бежал, чтобы не находиться в Акре во время прибытия туда наместника Карла Анжуйского⁴. На самом деле наместник прибыл в Святую Землю весной 1277 г.: им оказался Рожер из Сан-Северино, граф Марсики, приведший с собой маленькую эскадру, и нескольких рыцарей, и тотчас же по приезде обосновавшийся в замке тамплиеров. Бальи Акры, Бальан д'Ибелен, от которого потребовали сдать королевскую цитадель графу Марсики, попытался

¹ Sanudo. P. 227.

² Письмо Григория X, в котором он просит Сицилийского короля помешать планам графа де Бриенна (№ 832), кажется, указывает на то, что именно в его королевстве Гуго де Бриенн нашел поддержку. См.: Mas-Latrie, I, 451–452.

³ Riant. Eglise de Bethleem-Ascalon. P. 387–391. — если ссылки на незаконное рождение Алисы не возымели своего действия на заседании Высшей курии, то на курию римскую они наверняка произвели большее впечатление.

⁴ Chi prois, 783: «И сделано это было для отвода глаз..., ибо король сам не хотел оставаться в Акре». Повествование «История Эракла» также пристрастно описывает события: в ней обвинен король Гуго в том, что он призвал султана напасть на Акру (P. 475).

организовать хоть какое-то сопротивление; но ни король Гуго, ни бароны Акры, теперь ставшие на сторону Лузиньяна, не осмелились противостоять анжуйцу, которого поддерживали тамплиеры. Когда рыцари этого ордена помогли Рожеру проникнуть в крепость, Бальану пришлось бежать (7 июня 1277 г.). Сложней было добиться, чтобы вассалы короны признали Рожера бальи и принесли ему оммаж. Однако, когда наместник Карла Анжуйского пригрозил изгнать их из своих земель, отнять фьефы и дома, вассалам пришлось покориться. Гуго мог помочь им только советами, несмотря на все раздражение, вызванное его смещением с трона. Боэмунд VII Антиохийский даже принес оммаж Карлу Анжуйскому.

Как и в 1226–1231 гг., королевство Акры вновь оказалось во власти «лангобардов» во главе с Рожером из Сан-Северино, «королевским бальи и генеральным викарием Иерусалимского королевства». Первым шагом нового бальи стало отеснение франкской знати от крупных коронных должностей, чтобы назначить на эти посты преданных слуг анжуйца. Пост сенешаля, вакантный после отъезда Жана де Гральи (ставшего сенешалем английского короля в Гаскони), был доверен шампанскому рыцарю, Эду де Пуалешьену, племяннику того самого Симона де Бри, который был возведен на папский престол под именем Мартина IV и стал опорой Карла Анжуйского. Должность коннетабля, до этого принадлежавшая Бальану д'Ибелен-Арсуфу (или, возможно, с 1272 г., его сыну Жану д'Ибелену), перешла к некоему бургундскому рыцарю, скорее всего прибывшему на Сицилию с королевой Маргаритой Бургундской, Рихарду де Неблану. Маршалом стал акрский барон, тот самый, кто в 1269 г. защищал в Высшей курии права Гуго III на корону от посягательств принцессы Марии: таким образом Жак Видаль был вознагражден за свое присоединение к партии анжуйца¹. Виконт Акры, Гильом де Флери, был вынужден уступить свое место Жерару ле Раша.

¹ Lois, II, 415–419. Имя Жака Видаля внесено в «Заморские семьи» (Р. 602–603) — его предшественником на посту маршала был Гильом де Кане, племянник Оливье де Терма (1269–1273 гг.). Эд де Пуалешьен, юстициарий Отранто (1274–1277 гг.) в 1278 г. был назначен вице-маршалом Иерусалимского королевства. Спустя незначительное время после своего прибытия он женился на вдове Бальена д'Арсуфа (ум. 29 сентября 1277 г.) и стал сенешалем. В анжуйских регистрах упоминаются и другие чины (officiers): Жоффруа де Сьюммезо, в 1278 г. назначенный вице-сенешалем и распорядителем (maitre) в королевском дворце, а в 1283 г. ставший юстициарием в Бари, Гильом де Вилльер, Симон Анселен, Фома Видаль, продвинутые в 1283 г. на другие посты (Filangieri. Op. cit., I, 1, P. 574; I, 2, № 853, 1204–1206, 1290). Что касается Рихарда де Неблана, который занимал должность вице-коннетабля в королевстве Сицилийском (Durrieu. Les archives angevines de Naples, II, 357), то в 1283 г. он был поверенным (agent) королевы Маргариты (Reg. Nicolas IV, 560) и в 1294–1307 гг. являлся сеньором Неблана (Юра, арх. Полинья). Кого из них имеет в виду автор «Деяний киприотов» (Chi prois, 789), говоря о «французском рыцаре», назначенном Карлом Анжуйским маршалом?

Сам французский гарнизон стал орудием в руках нового бальи: его командир Гильом де Руссильон отказался (как и патриарх, и Великий Магистр госпитальеров) помочь Бальану д'Ибелену 7 июня 1277 г. После смерти Гильома (1277 г.) Рожер сам назначил ему заместителя, до прибытия Эда де Пуалешьена, который взял на себя руководство этим маленьким отрядом. Чтобы окончательно привлечь на свою сторону знать и горожан Акры, Карл Анжуйский распорядился объявлять о своих правах на корону с церковных кафедр и побудил папу перевести одного из своих приближенных, Гуго де Труа, епископа Трои (de Troja), в епископство Вифлеемское. В Святой Земле Гуго предстояло бороться с последствиями протестов короля Кипрского, заявленных в римскую курию (процесс возобновился 28 марта 1279 г., а епископ был назначен в Вифлеем 5 октября).

В который раз Святая Земля, вместо Кипрского королевства (чей недостаток ресурсов компенсировался близостью к Сирии и общностью интересов двух государств), стала зависеть от далекой Сицилийской короны. Пагубные результаты этого подчинения обнаружились уже во время монгольского похода в 1281 г.: в декабре 1280 г. в Сирии надеялись извлечь пользу из этой экспедиции (Кипр и Триполи готовились помочь монголам), но прекрасно сознавали, что из-за войн, которые вел король Сицилии, не могут рассчитывать на подмогу извне — письмо епископа Хевронского Эдуарду I демонстрирует, насколько анжуйское господство оказалось неэффективным в деле обороны Акры¹. Прекрасные отношения между Карлом Анжуйским и султаном Каира не гарантировали сирийским франкам полной безопасности (о чем свидетельствует вышеупомянутое послание), но зато парализовали их внешнюю политику. Конечно, Карл планировал крестовый поход, но другие заботы временно отвлекали его от этого мероприятия: когда он умрет, 7 января 1285 г., а вслед за ним и папа Мартин IV (28 марта 1285 г.), Святая Земля практически уже будет утрачена, несмотря на интерес, проявляемый к ней со всех сторон.

Тем не менее, власть Карла не встретила такого же сопротивления, как в свое время власть Фридриха II, хотя и была признана без особого энтузиазма: король Сицилии, овеянный престижем своего брата, Людовика Святого, был настоящим вождем «внешней Франции», которому подчинялись итадо-норманнское королевство (уже почти полностью итализированное), княжество Морей, остатки Латинской империи Константинополя. И Рожер из Сан-Северино не был столь энергичным и жестоким правителем, каким был Филанжиери; он снискал поддержку тамплиеров и нейтралитет других орденов, и, за исключением Генуи, итальянские коммуны к нему благосклонны. В 1281 г. ему удалось рассудить тяжбу в пользу госпитальеров между этим орденом и пизанцами (речь шла об охране участка крепостной стены от ворот Сен-Антуан до Моба

¹ Rymer, I, II, 189.

(Maupas)), не оттолкнув от себя тосканскую коммуну¹. Однако можно предположить, что население Акры скорее терпело господство сицилийского короля над собой, чем принимало его добровольно: чувство верности к Гуго III было еще слишком живо, и франкская знать довольно медленно переходила в лагерь Карла Анжуйского.

К тому же далеко не все старое королевство признало власть Сан-Северино. Весьма вероятно, что Тир оставался предан королю Кипра (Жан де Монфор был шурином короля Кипрского). Если венецианцы и примирились наконец с сеньором Тира (1 июля 1277 г.), то лишь благодаря посредничеству Гильома де Боже, а не анжуйского бальи. Во всяком случае Тир станет плацдармом, откуда Гуго III начнет отвоевывать свое королевство. Как только ему удалось собрать великолепное войско, куда входило семь сотен рыцарей, Кипрский король высадился в Тире (1278 или 1279 г.) и завязал переговоры с жителями Акры, раздавая им без счета деньги. Его многочисленные сторонники в лице пуленов, пизанцев и прочего люда склонялись к тому, чтобы высказаться в его пользу, но тамплиеры остались на стороне Анжуйца, и страх перед вмешательством этих грозных рыцарей помешал движению за Лузиньяна набрать силу. Кроме того, киприотские рыцари заявили королю, что четыре месяца их службы за пределами родного острова истекли, и покинули Сирию. Лишившись части своей армии, Гуго был вынужден забросить свою затею и вернулся на Кипр вслед за своими вассалами. Там он приказал конфисковать все владения тамплиеров на острове и разрушить их замки: умиротворение конфликта наступило лишь в 1282 г.²

Именно тогда произошла неожиданная развязка: 30 марта 1282 г. население Сицилии, без сомнения, подстрекаемое Михаилом Палеологом, взбунтовалась против анжуйцев, и после резни в ходе «Сицилийской вечерни» призвало на трон арагонского короля Педро III. Новый сицилийский король сошелся в беспощадной схватке с Карлом Анжуйским, у которого отныне осталась только корона Неаполя. Мартин IV объявил о начале крестового похода на Арагон, где французскому королю Филиппу III предстояло встретить свою смерть. Анжуйец, к которому военная удача повернулась спиной, осознавал, что более не может поддерживать свою власть над Святой Землей: одним за другим он отозвал к себе Рожера из Сан-Северино (14 октября 1282 г.) затем епископа Вифлеемского (1284 г.), и доверил должность бальи Эду де Пуалешьену, которого продолжал поддерживать Гильом де Боже. Тогда Гуго III появился в Сирии: 1 августа 1283 г. он высадился в Бейруте, где Онфруа де Монфор

¹ Delaville le Roulx. Inventaire de pieces de l'ordre de l'Hopital// R. O. L., III, P. 105 (31 октября 1281 г.). — Венецианский бальи Альберто Морозини использовал всю свою власть, чтобы поддержать анжуйских чиновников (Andrea Dandolo, P. 393).

² Chi prois, 784; Sanudo, 228.

незамедлительно признал его власть. Оттуда король направился в Тир; но его армия, следовавшая вдоль побережья, была атакована сарацинами в ущелье неподалеку от Сидона (между Шастелле¹ и Дамором). Это нападение обошлось королю в потерю одного рыцаря и нескольких пехотинцев, но в нем он увидел руку сидонских тамплиеров (7 августа).

Гуго не суждено было покинуть Тир. Зловещие предзнаменования сопровождали его въезд в город: в море упал боевой стяг Лузиньянов, глава еврейской общины скончался в тот самый миг, когда представлял Тору королю и т. д. Реставрации монархии в Акре по-прежнему противились тамплиеры, поэтому ее пришлось отложить. Тем не менее Гуго III подготовил аннексию Тира в пользу Лузиньянов: смерть его шурина Жана де Монфора (27 ноября 1283 г.), хотя и причинила ему сильную боль, позволила ему навязать свои условия Онфруа де Монфору, сеньору Бейрута. Онфруа принес оммаж королю за остатки Торонской сеньории, но обязался передать Тир Гуго III, если тот до месяца мая выплатит ему 5000 безантов. Кончина Онфруа (12 февраля 1284 г.) разрешила королю пожаловать Тир одному из своих сыновей, Амори де Лузиньяну². Но вскоре за этим последним успехом политики реставрации Гуго III последовала его смерть (29 марта). Анжуйское правление в Акре длилось еще два года, ибо дело, прервавшееся с гибелью короля, было продолжено не при его наследнике Иоанне I, чье царствование, впрочем, оказалось очень коротким (11 мая 1284—20 мая 1285 гг.), а лишь тогда, когда брат Иоанна, Генрих II, взошел на кипрский трон.

Генрих II взялся завершить дело своего отца — восстановить монархию; в возрасте неполных четырнадцати лет, подверженный приступам эпилепсии, из-за которых его и низложил его брат Амори (1306—1310 гг.), король сумел подготовить свое восшествие на Иерусалимский престол с тем же желанием избежать гражданской войны и с той же ловкостью, присущей его отцу. Кипрский посланник прибыл на переговоры с Великим Магистром тамплиеров, при посредничестве магистра госпитальеров, и подписанное соглашение положило конец недоразумениям, которые с 1273 по 1284 гг. приводили к конфликтам между королем Гуго и орденом. Теперь Гуго мог войти в Акру: 24 июня 1286 г. на борту величественного флота король Кипра и его рыцари вплыли в гавань огромного города под крики народа, приветствовавшего своего юного государя. Процессия горожан встретила короля у трапа, который вместе с ними

¹ Это место ошибочно приняли за Шатле дю Ге де Жакоб (Замок у Брода Иакова): на самом же деле речь идет о маленьком замке, построенном на побережье, чтобы защищать этот опасный проход (а Khan-el-Khalde?).

² Сыновья Онфруа, Амори и Рупен (ум. 1313 г.), и сын Рупена Онфруа (ум. 1326 г.) один за другим носили титул сеньора Бейрута. Амори де Лузиньян стали именовать князем (prince) Тира с 1285 г.

проследовал в кафедральный собор. Анжуйский балъи укрылся в замке и созвал туда неаполитанские и французские войска (напомним, что они находились под началом сенешаля; но Эд был одновременно и балъи, и сенешалем), которые ему повиновались, правда, не все. Осада королевской цитадели длилась недолго: великие магистры орденов выступили посредниками: Генрих II согласился остановиться в резиденции сеньора Тирского и удовольствовался тем, что организовал блокаду Эда. В то же время он приказал объявить, что не рассматривает французских солдат, хотя и служивших королю Сицилии, как врагов и обязуется представить свои права на королевство на третейский суд короля Франции¹. Анжуйский балъи сдал крепость королю, дождавшись момента, когда он мог это сделать без ущерба для собственной чести, то есть тогда, когда у гарнизона закончились продукты (29 июня).

Коронация юного Генриха II в кафедральном соборе Тира (15 августа 1285 г.) ознаменовала собой, спустя почти полвека отсутствия королевской власти, конец анархии, в которой погрязло королевство. Уния между Кипром и Иерусалимом, к которой некогда стремился Амори II (помолвив своего старшего сына с принцессой Марией Иерусалимской-Монферратской), была реализована, и притом не на время. «Сеньором королевства» отныне стал король, и иерусалимская аристократия, равно как и военные ордена, почувствовали необходимость в сильной власти, когда «королевству» грозила опасность, а само оно представляло собой лишь несколько городов, затерянных посреди враждебной страны. Возможная война между итальянцами в 1287 г. была предотвращена всеобщими усилиями. Но имелись ли теперь силы у Латинского королевства, чтобы выстоять в схватке с мамлюкской империей, готовившейся к решающему рывку? Пятнадцать праздничных дней, которые последовали за последней королевской коронацией были последними радостными днями: в 1288 г. падение Триполи, последовавшее за взятием мусульманами Латтакия (1287 г.), ознаменовало собой начало окончательного крушения франкской Сирии.

IX ПАДЕНИЕ АКРЫ

В Западной Европе уже давно знали об отчаянном положении своих колоний на Святой Земле: в 1274 г. участники Лионского собора призвали принять меры, необходимые для того, чтобы предотвратить неминуемую катастрофу. Но в реальности ничего не делалось. Папы неоднократно начинали проповедь крестового похода, а светские государи принимали крест с твердым

¹ Текст декларации издан в Lois, II, 357. — R. R., 1465, 1466.

намерением отправиться на Восток; но, к несчастью, редко когда Запад был столь беспокоен, как теперь, в конце XIII в. Короли Сицилии, Арагона, Франции сошлись в безжалостной войне, приобретшей даже облик крестового похода, ставкой в которой была власть над островом Сицилия — из-за этой проблемы со времен смерти Фридриха II мир в Европе постоянно нарушался. Тогда как Карл Анжуйский, Педро II Арагонский, Филипп Смелый, а затем и Филипп Красивый были вынуждены отложить подготовку к крестовому походу, что повлекло за собой такую же бездеятельность остальных государей, например, короля Кастилии, начавшего в 1280 г. собирать свой флот¹, настоящий вождь будущего крестового похода, Эдуард I Английский боролся с великим уэльсским мятежом во главе с Ллевелином ап Гриффитом, и эта война поглощала все его силы. Письма, которые этот государь посылал папе, полные благих намерений в отношении Святой Земли, все же весьма показательны: Эдуард I приветствовал проповедование крестового похода и обещал принять в нем участие, но каждый раз испрашивал новой отсрочки, так как, несмотря на все его желание, неотложные дела удерживали его в королевстве². И когда монгольский епископ в 1287—1288 гг. прибудет от лица персидского хана, чтобы побудить христианских правителей к активным действиям, то встретит повсюду понимание и согласие, но не сможет добиться для своего государя никаких позитивных результатов.

Однако союз с монголами, с такой настойчивостью предлагаемый христианским государям, постепенно становился все более и более реальным. Аргун назначил христианским войскам встречу на 20 февраля 1291 г. под стенами Дамаска, пообещав королю Франции лошадей для его рыцарей, если у них возникнут проблемы с перевозкой верховых животных, и весь необходимый провиант. Но французская и английская армия не сдвинулись с места³. Правда, папа Николай IV не бездействовал, но одних его усилий было недостаточно, и папство не могло спасти Святую Землю.

А Святая Земля была не в состоянии бороться с мамлюками. В 1288 г., воспользовавшись мятежом в Триполи против наследника графства, они захватили эту область. Несмотря на предупреждения Гильома де Боже, город не

¹ 18 мая 1280 г. Эдуард I Английский, прознав, что кастильский король ищет корабли для своего похода, приказал своим чиновникам в Гаскони помочь тому закупить желаемое: Альфонс X хотел участвовать в крестовом походе вместе с английским королем и вел переговоры с монголами. Но франко-арагонская война заставила короля Кастилии обратить свое внимание на Испанию, а около 1282 г. Эдуард I написал ему, что из-за событий в Уэльсе он не может в данный момент думать о крестовом походе (Rymer, I, II, 177, 184, 202).

² Письма Эдуарда I папе 1286 г. (привезенные Отто де Грансоном) и 1288 г., где король просил об отсрочке до 1293 г. (Rymer, I, III, 9 и 43).

³ Grousset, III, 705—727.

был подготовлен к осаде, а между тем в 1285 г. мамлюки овладели линией обороны на северном побережье (падение Маргата и Мараклеи), и в 1287 г. захватили последний город Антиохийского княжества, Лаодикею. Кипрский король тотчас же прислал своего брата в Триполи, туда же прибыли маршалы тамплиеров и госпитальеров, и Жан де Гральи, снова возглавивший французский гарнизон Акры; но отстоять город они не смогли (26 апреля 1289 г.). Сам Генрих II приплыл в Акру 24 апреля, чтобы защитить свое королевство, если сарацины решат на него напасть.

Как в Акре, так и на Кипре отчетливо понимали, что конец близок: города старого Иерусалимского королевства были единственными, которые уцелели. С 1268 г. их не только отрезали от Армении и монголов, но они даже не могли наладить между собой постоянные пути сообщения. Политика мамлюкских султанов — как видно из договоров 1283 г. с сеньорией Акры, Сидоном и Шатель-Пелереном (владениями тамплиеров и Акры, признававшими власть бальи Эда де Пуалешьена) и 1285 г. с Тиром (где «госпожа Тирская (dame de Тир)», вдова Онфруа де Монфора, признала королем Гуго III), а также и с Бейрутом — была направлена на то, чтобы свести владения франков лишь к «морской дороге» и к поместьям на равнине. За исключением Кармиля, все горы принадлежали мусульманам, которые не упускали случая перехватить путешествовавших по прибрежному маршруту: отрезок пути у Нахр Дамура, между Сидоном и Бейрутом был смертельно опасен (Гуго III испытал это в 1283 г.). Район Сканделиона, расположенный между Тиром и Казаль-Юмбером, был поделен сарацинами и франками: за краткий промежуток времени там погибло тридцать христиан (1280 г.)¹. Война едва не вспыхнула в 1289 г.: султан, взбешенный помощью, которую тамплиеры, госпитальеры и король Кипра оказали защитникам Триполи, упрекнул их в нарушении перемирия; тем не менее его удалось убедить, что условия мира скрупулезно соблюдались в самом королевстве, и Генрих II даже добился продления перемирия на десять лет и десять месяцев².

Франкам Сирии было необходимо получить отсрочку, как можно более длительную, чтобы дождаться начала крестового похода. 26 сентября 1289 г., перед своим отъездом из Акры, Генрих II, исполнив свой долг по защите Святой Земли и назначив бальи королевства своего брата Амори, принца Тирского и коннетабля Иерусалимского королевства (коннетабль Балдуин д'Ибелен только что умер), послал к папе сенешаля Жана де Гральи. Сильно взволнованный, папа Николай IV написал христианским государям о смертельной опасности, угрожавшей Святой Земле, и тотчас же начал отпра-

¹ R. R., 1458, 1450; Rumer, I, II, 189.

² Chiprois, 804. — Тамплиеры хотели использовать эту отсрочку, чтобы построить новое укрепление возле Акры, «Castavilla» (Registres Nicolas IV, № 1291).

лять помощь: он даровал новому патриарху Николаю заем в 4000 турецких ливров, из которых тот должен был оплатить издержки на постройку укреплений в Акре, сооружение военных орудий и выкуп пленных. 13 сентября 1289 г. Жану де Гральи и епископу Триполи было поручено привести в Святую Землю двадцать галер, которым надлежало оставаться там в течение года¹.

Папа искал способ оказать дополнительную помощь Святой Земле: он повелел проповедовать крестовый поход и назначил выступление крестоносцев на 24 июня 1293 г., дату, предложенную Эдуардом I, который принял крест. Он вел переговоры с Генуей, Венецией, другими прибрежными городами, чтобы послать корабли на Восток; отряды итальянских крестоносцев уже отплыли в Сирию под командованием французского капитана, состоявшего на службе у неаполитанского короля — Гуго Рыжего де Сюлли. Но пробыв за морем год, они вернулись домой в 1290 г. под предлогом, что за это время Акру никто не атаковал... То же самое произошло и с сицилийскими галерами, которые по просьбе Жана де Гральи прислал король Хайме I Сицилийский. Чтобы обеспечить успех крестового похода, папа пошел даже на примирение с Хайме I: по договору от июля 1290 г. король Сицилии обещал прислать 20 галер, 1000 вооруженных людей и 1000 арбалетчиков в сентябре 1291 г., и эти же галеры, чье число надлежало удвоить, должны были привезти в 1292 г. 400 рыцарей, тысячу других бойцов («almugavages») и тысячу арбалетчиков. Свой отряд во главе с Отто де Грансоном около 1289 г. прислал и король Англии. Папа переправлял в Сирию новые суммы денег, согласился платить сицилийцам и даровал Иерусалимскому патриарху полномочия назначать командиров крестоносных флота и армии². Одновременно велись все более активные переговоры с татарами, тщательно изучали план будущей кампании: госпитальеры подготовили детальный план нападения на Египет, «Карту дорог Вавилонии», и свет увидела самая разнообразная литература — советы и мемуары о грядущей кампании³.

Но египетская дипломатия не дремала: в то время как папа слал посланцев в приморские города, мамлюкский султан заключил с генуэзцами, которые после падения Триполи организовали несколько карательных экспедиций, дого-

¹ Chiprois, 804 (перед Амори пост бальи королевства занимал Филипп д'Ибелен, сенешаль королевства) — Амори стал князем Тира после 1285 г. Филипп д'Ибелен, дядя Генриха II, стал сенешалем Кипра после смерти своего брата Бальана. — Rumer, I, III, 49. — R. R., 1495, 1496 (Registres de Nicolas IV, 2252).

² Registres de Nicolas IV, 2269, 2270, 4385, 4387, 6664, 6684. — G. La Mantia. Codice diplomatico dei re Aragonensi di Sicilia, I, Palermo, 1918, P. 493.

³ Ch. Schefer // A. O. L., II, 89–107; Michelant, Raynaud. Itinéraires; Delaville le Roulx. La France en Orient au XIV siècle, I, P. 16, 19.

вор о дружбе, достаточно выгодный, чтобы компенсировать им ущерб, нанесенный геноуэской торговле захватом Триполи. Настоящий договор о ненападении был заключен 25 апреля 1290 г. между королем Хайме Сицилийским, Альфонсом Арагонским и Египтом: вывоз оружия и железа в Александрию был разрешен, и арагонские государи обязались не помогать крестоносцам — в обмен же их соотечественники получали право беспрепятственно посещать Иерусалим. Поэтому Хайме I, посылая свои войска и галеры в Святую Землю, уточнял, что его флот будет отражать нападения сарацинских галер, но ни в коем случае не станет наносить вред землям или вассалам султана¹. Сам папа по просьбе купцов Сирии разрешил на время перемирий вести торговлю (даже ту, что обычно запрещалась) с Египтом, чтобы избежать разорения Святой Земли (21 октября 1290 г.)²...

Очень похоже, что мамлюки подписывали эти соглашения лишь для того, чтобы оттолкнуть своих возможных противников от создававшейся коалиции и искали лишь предлога в надежде избавиться от опасных латинских анклавов, в лице которых монголы, главные враги Египта, могли бы обрести союзников. Этот предлог им предоставили сами крестоносцы, которые были отправлены с Запада с задачей отразить предполагаемое нападение мусульман на Акру. Хронисты осыпали руганью крестоносцев, прибывших в город в 1290 г. из центральной Италии и Ломбардии; один из авторов пишет, что «город заполонила орда лжехристиан, которые стали крестоносцами из желания искупить свои грехи». Хронист обличает их бахвальство, которое растаяло подобно снегу под солнечными лучами при приближении врагов, и праздность, ибо они все свое время проводили в тавернах и увеселительных заведениях³. В один из августовских дней 1290 г. они собрались у ворот Акры, чьи пригороды были целиком населены мусульманами или сирийцами, и принялись истреблять сарацин, начав с резни тридцати арабских крестьян — равно как и нескольких сирийцев-мелькитов, которых крестоносцы убили из ненависти к их бородам (в XIII в. борода отличала западноевропейца от жителя Востока). Затем они набросились на караван-сарай, где мусульманские купцы едва успели забаррикадироваться: однако мусульманские негоцианты входили в собратства, которым покровительствовали тамплиеры и госпитальеры, и рыцари этих орденов подоспели вовремя, чтобы освободить их и препроводить в безопасное место — в королевский замок. Тем не менее восемнадцать торговцев вроде бы погибли на рынке, возле лавки менял.

¹ Liber Junium, IV, P. 143; La Mantia. Op. cit. P. 455, 493 (политический курс Сицилии не изменялся).

² Registres, № 4403. Bratianu. Autour du projet de croisade de Nic. IV: la guerre ou le commerce avec l'infidèle (Rev. hist. S.-E. europ., XXII, 1945).

³ Pipinus // Muratori. Scriptores rerum Italicarum, IX, P. 733; Sanudo, 230.

Султан ухватился за это происшествие¹ и придал ему желаемую огласку: он даже распорядился пустить слух, что египетские посланники стали жертвами бойни. Султан потребовал от властей Акры выдать виновных, прекрасно зная, что те не смогут передать крестоносцев в руки мусульман. Гильом де Боже, будучи ловким политиком, нашел выход, одобренный магистрами двух других орденов: а может, выдать мамлюкам преступников, содержащихся в тюрьме? Это предложение, которое показывает, насколько малоразборчивым в средствах был орден тамплиеров, и за это он жестоко заплатил двадцатью годами позднее, остальные участники военного совета (патриарх, епископ Триполи, бальи Амори де Лузиньян, швейцарский рыцарь Отто де Грансон, представитель английского короля, гасконский рыцарь Жан де Гральи, представитель французского короля, венецианский бальи и пизанский консул, а возможно и командующие флотами, венецианским Джакомо Тьеполо и небольшой папской эскадрой, Рожер де Тодини²) отклонили. Было решено ограничиться извинениями перед Каиром. Перемирие было прервано.

Султан начал крупномасштабные приготовления, которые официально объяснил подготовкой кампании в Африке: ему не удалось обмануть Великого Магистра тамплиеров, у которого были связи в его окружении, но остальные нотабли Акры поверили этой военной хитрости. Несмотря на смерть султана, экспедицию не отложили: его наследник, юный Аль-Ашраф, сразу же отдал приказ о концентрации своих войск (и огромного количества материалов для осады, собранных в Сирии) на равнине возле Акры, и их число ошеломило франков. Именно этому юноше (ему исполнилось около двадцати лет, и он был ровесником короля Кипра и Иерусалима Генриха II) предстояло завершить труд, который Саладину так и не удалось довести до конца веком ранее — полностью изгнать из Сирии франков.

Начавшаяся осада совсем не походила на длительную блокаду и медленные операции во время осады Акры в 1189—1191 г.: средства, которые использовали при нападении мамлюки, позволили им быстро покончить со своими

¹ По правде сказать, информаторы арагонского короля на Сицилии уже с 22 апреля 1290 г. — то есть перед августовскими событиями — предупреждали о приготовлениях султана к нападению на Акру: в качестве мотива этого вероломства («*enguaup*») они называли вероятный разрыв перемирия из-за прибытия венецианской эскадры, приплывшей к Пасхе (Finke. *Acta Aragonensia*, III, P. 12).

² Состав военного совета см.: *Registres de Nicolas IV*, 4387; возможно, что Рожер де Тодини появился только после падения Акры с папскими галерами, спешно отосланными к городу при известии о его захвате (*Ibid.*, 6850 и далее). Численность итальянских крестоносцев составляла 3540 человек; все они были пехотинцами, прибывшими на галерах Тьеполо (Amadi, 218).

противниками¹. Если полагали, что в мусульманском войске было 70 000 всадников и 150 000 пехотинцев, то население Акры насчитывало 40 000 жителей, из которых 700 рыцарей и оруженосцев и 800 пехотинцев; включая подкрепления в лице крестоносцев, латиняне могли выставить против султана лишь 15.000 бойцов². Правда, укрепления Акры, бывшие предметом неустанной заботы, являлись грозной преградой для осаждавших. Хотя в начале XIII в. они и были достаточно мощными, их не переставая усовершенствовали. Король Гуго III, принц Эдуард Английский, король Генрих II, и в 1287 г. графиня Блуасская построили новые оборонительные сооружения. Город окружали две крепостные стены: главную стену с башнями и барбаканами перед ними (выдвинутые вперед деревянные строения, связанные с куртиной деревянным или каменным мостом (*organe de flanquement*)) прикрывала нижняя стена с необычайно укрепленными башнями и другими барбаканами. Внутри крепостных стен два квартала, Город и Бург, были, в свою очередь, разделены старой стеной XII в., к которой был пристроен королевский замок³. Каждая группа домов, с башнями и укрепленными зданиями могла служить для обороны: резиденции тамплиеров, госпитальеров, тевтонцев были особенно хорошо подготовлены к длительному сопротивлению.

Однако Аль-Ашраф располагал не менее грозными средствами для атаки. Втайне, несмотря на зиму, когда все дороги были занесены снегом, он велел подготовить и свезти со всей Сирии свои осадные орудия — *qara bigha* — катапульты средней величины, и два огромных мангонно — «Победоносный» и «Яростный», для перевозки которых потребовалось около ста повозок. Огромные метательные снаряды крушили стены и кровлю башен. Султан не меньше рассчитывал на подкопные работы: под каждой из атакуемой башен (Новой башней короля Генриха, барбаканой короля Гуго, башней графини Блуасской и Св. Николая, то есть под выступавшими вперед участками крепостной стены, где она была наиболее уязвима) трудились отряды из тысячи саперов.

¹ Осада продлилась с 5 апреля по 18 мая 1291 г. См.: G. Schlumberger. *Fin de la domination franque en Syrie*. Paris, 1914; R. Rohricht. *Die Eroberung Akkas durch die Muslimen* (Forschungen, XX, 95–126).

² Также считали, что мусульман было 60000 всадников и 160000 пехотинцев, тогда как последние подкрепления, приведенные Генрихом II, исчисляются в 100 рыцарей и 200 пехотинцев (по данным Санудо (Р. 230) и Амади).

³ «Один провансалец, который был виконтом Бурга в Акре» (*Chi prois*, 810) — Об укреплениях Акры см.: Rey, Р. 453 и далее. — Король Гуго III построил одну барбакану, Эдуард одну башню и одну барбакану (возможно, речь идет об одном сооружении — см.: *Pipinus // Muratori. Scriptores*, IX, 714), а графиня де Блуа, скончавшаяся в этом городе 2 августа 1287 г., — одну башню с барбаканой возле ворот Св. Николая и барбакану между воротами Св. Фомы и Мона (*Sanudo*, 229). — Без сомнения, акрская коммуна уже давно прекратила свое существование (*La Monte. The communal movement*, Р. 128).

Работу саперов облегчали стоки от городских канав, (пересохшие участки рва?). Все попытки христиан договориться наталкивались на нестигаемую волю султана: первые послы были брошены с темницу, а посланцы Гильома де Боже вежливо выпровожены. Генрих II, прибывший в Акру вместе с архиепископом Никозии во главе 40 галер, 200 рыцарей и 500 пехотинцев, возобновил переговоры (4 мая). Аль-Ашраф ответил, что в любом случае он хочет владеть землей: из уважения к королю, своему ровеснику, он удовольствуется лишь камнями города и разрешит франкам уехать со всем движимым имуществом. Королевские посланники заметили султану, что для Генриха II означало бы покрыть себя бесчестием и заслужить презрение Запада. В этот момент огромный камень, по недосмотру выпущенный франками из катапульты, дал повод султану прервать переговоры — он рухнул на шатер Аль-Ашрафа, который бросился на послов с саблей¹. Хоть окружавшие и удержали своего повелителя, временное перемирие было прервано, посланники отосланы обратно в Акру, и битва стала куда более ожесточенной. Численное превосходство мусульман делало бессмысленной всякую вылазку — попытка Гильома де Боже 15 апреля увенчалась лишь незначительным успехом: виконт Бурга не смог добраться до «Победоносной», каковую ему надлежало сжечь; другая вылазка полностью провалилась.

8 мая барбакана короля Гуго, связанная со стеной деревянным мостом, была подожжена своими защитниками (приехав, король Генрих сменил своего брата Амори на охране этого опасного участка)². Мусульмане вели подкопы под основание укреплений: 15 мая часть круглой башни или Новой башни короля Генриха обрушилась. За то время, когда мамлюки заваливали ров, киприотам удалось вывести людей из башни, которая тотчас же была занята элитным гарнизоном. Теперь пространство между двумя стенами стало невозможно удерживать и надо было готовиться к окончательному падению всей нижней стены. В городе приняли решение эвакуировать женщин и детей на Кипр, благо франкская эскадра господствовала на море; но 17 мая море было столь бурным, что им пришлось вернуться обратно. Позади Новой башни построили деревянную стену, тогда как погибали ее последние защитники. 16 мая атака мусульман на брешь в нижней стене, возле ворот Св. Антония, была отбита и брешь загорожена палисадом. Но 18 числа состоялся решительный штурм: мусульманские рабочие сожгли деревянную стену, ограждавшую Новую башню, и мамлюкам удалось захватить каменную барбакану, нахо-

¹ Этот выстрел произвели итальянские крестоносцы, защищавшие башню Легата.

² Благодаря господству на море, франки располагали кораблями на флангах у мусульман (С. К. J., 1015). По плану Санудо видно, как распределялись секторы обороны. Одновременно с барбаканой короля Гуго рухнула и башня графини Блуа (мы считаем, что эти сооружения находились между Новой башней и воротами Св. Николая).

дившуюся рядом с Проклятой башней (на углу верхней стены, соприкасавшейся с Новой башней у нижней стены) и, единым махом захватив каменный мост, который латиняне не успели разрушить, появились на куртине. Чтобы отвлечь опасность (нападавшие уже были во внутреннем пространстве между двумя стенами и одновременно растекались в южном и западном направлениях), великие магистры тамплиеров и госпитальеров лишь с кучкой людей организовали блестящую контратаку, попытавшись отвоевать барбакану и отбросить толпы мусульман за пределы первой стены. Но эта героическая попытка захлебнулась в ливне стрел и греческого огня: Гильом де Боже был смертельно ранен, а Великого Магистра госпитальеров (Жана де Вильера) и Жана де Гральи с тяжелыми ранениями пришлось увести на корабли. Маршал госпитальеров все еще защищал ворота Св. Антония, а Отто де Грансон — ворота Св. Николая, но смерть Гильома де Боже обескуражила защитников Проклятой башни, которые бросили свой пост: мамлюки могли спокойно ставить свои лестницы к стене и захватывать башню, что сделало бесполезным оборону на соседних участках¹.

Тем не менее битва продолжалась на улицах города. Мамлюки, выйдя из Проклятой башни, захватили квартал Св. Романа и гигантскую катапульту, которую там установили пизанцы. После яростной схватки был занят квартал Тевтонского ордена, и рыцари Св. Томаса² пали на подступах к церкви Св. Леонарда. Ворота Св. Николая и Св. Антония, башня Легата были захвачены в свою очередь, что открыло проход длинным колоннам войск Аль-Ашрафа. Город был потерян; нечего было даже и думать о дальнейшем сопротивлении в королевском замке, бурге или замке госпитальеров: последние защитники отступили к порту, и маршал госпитальеров, Матье де Клермон, несмотря на рану, вместе с братьями ордена продолжал оборонять подступы к гавани, чтобы позволить спастись как можно большему числу христиан. Все до единого из последних госпитальеров и их отважный предводитель сгинули на улице Генуэзцев.

К несчастью, эвакуация проходила с большими трудностями. Конечно, на рейде стояла огромная флотилия, но волнение на море помешало кораблям войти в порт: одни лишь лодки могли подплыть к пристани, что привело к

¹ Здесь мы следуем за необычайно ясным повествованием Санудо. См. также Rey, P. 459 и далее.

² G. K. J., 1020 — Гостеприимный орден Св. Томаса Кентерберийского, который действовал в Акре, а с 1257 г. основал госпиталь в Лондоне (Registres de Alexandre IV, 1553, 1664) в период пребывания принца Эдуарда в Святой Земле, превратился в сугубо английский военный орден (Rohricht, G. K. J., 965, 1011). Другой второстепенный военный орден — орден Св. Лаврентия, владел в Акре церковью Сен-Лоран-де-Шевалье. См.: Procès des Templiers, I, 140. Ludolf de Sudheim // A. O. L., II, P. 340.

катастрофе: тогда как раненым королю Кипра и его брату (которых упрекали в том, что они покинули Акру в первых рядах, поскольку Генрих отплыл сразу после падения генуэзского квартала) Отто де Грансону и остальным рыцарям удалось добраться до кораблей, паника охватила толпу, бросившуюся штурмовать лодки: шлюпка, где находился патриарх Николай, душа защиты города¹, а также многие другие пошли ко дну под тяжестью беглецов. В самом городе мамлюки убивали доминиканцев, которые в ожидании мученической смерти распевали «Salve Regina», францисканцев, монахов и мирян. Скоро бойня докатилась и до людей, которые ждали в порту посадки на корабли. Лишь те из них, кто добежал до резиденции тамплиеров, представлявшей собой настоящую крепость по соседству с гаванью, смог избежать гибели или рабства. В то время как маршал ордена Пьер де Севрей² и его рыцари обороняли это мощно укрепленное здание с пятью башнями, христианские корабли продолжали принимать на борт население. После долгих дней осады мамлюки предложили тамплиерам капитулировать, обещая отпустить всех, кто находился в замке. Буйство небольшой группы мусульман, впущенных за стены замка — осквернение часовни, насилие над женщинами — привело к разрыву этого соглашения. Второй договор был также нарушен нападавшими, а Пьер де Севрей предательски убит. Тогда оставшиеся в живых вновь взялись за оружие, и, несмотря на подкопы, из-за которых рушились их укрепления, сопротивлялись до конца: во время штурма 28 мая замок, под который провели подкоп, обвалился, погребя под собой несколько тамплиеров и массу мамлюков.

Он все-таки пал, этот неуязвимый город, который отразил все нападения Бейбарса, вопреки поразительному сопротивлению, в ходе которого тамплиеры и госпитальеры искупили все свои прегрешения, порожденные гордыней или алчностью, вопреки присутствию Иерусалимского короля, вопреки всем усилиям папства, «которое с заботой снабдило этот град кораблями, воителями, деньгами: он пал за 44 дня»³. Вся остальная Святая Земля, как только ее достигла весть о гибели Акры, не смогла показать пример той же отваги. Кастелян Тира, Адам де Кафран, распорядился оставить эту вторую крепость королевства, ту самую, перед которой в 1187—1189 гг. отступил сам Саладин, а все

¹ Николай де Анап принял на себя функции предводителя в осажденном городе (см. письма Николая IV // Muratori. *Scriptores*, XVI, 682).

² Пьер де Севрей (Севрей, Сопа и Луара, ок. Шалон-сюр-Сон, где находится одна резиденция тамплиеров) был кастеляном Тортозы, затем (*drapier*) тамплиеров (*J. Michelet. Proces des Templiers*, I, 208, 418, II, 222; не следует путать его с одноименным тамплиером, прецептором Бюра около 1268 г., которого подозревали в преступных занятиях).

³ *Registres de Nicolas IV*, 6778 (23 августа 1291 г.: письмо, в котором папа сообщил о поражении королем Франции).

старания франкских королей на протяжении двадцати лет овладеть ею были обречены на неудачу.

Несмотря на тройное кольцо стен, двенадцать огромных башен, замки, почти неприступное положение, Адам не верил в возможность защитить Тир, и «в ужасе» бежал в тот самый день, когда сарацины вошли в Акру: мамлюки заняли Тир 19 мая и взяли в плен тех, кого недостойный вождь бросил на произвол судьбы¹. Командор тамплиеров Тибо Годен, ускользнувший из Акры, взял командование в Сидоне и сопротивлялся дольше, но, оставшись без помощи, приказал оставить город 14 июля. 21 июля предательски был захвачен Бейрут, несмотря на мусульманский протекторат, на который согласилась эта сеньория. Хайфа пала 30 июля, и монахи Кармиля, в свою очередь, приняли мученическую смерть под пение «*Salve Regina*»². Из своих последних крепостей в Сирии, Тортосы и Шатель-Пелерена, тамплиеры ушли 3 и 14 августа 1291 г. Больше в Святой Земле не осталось иных франков, кроме рабов или перебежчиков, а тем, кто сумел спастись, пришлось пережить множество злоключений: некий немецкий тамплиер, Рожер Блюм, начал необычную карьеру, став изгоем, а затем, под именем Рожера де Флора, главарем каталанской компании, зятем болгарского царя и византийским вельможей (убит в 1305 г.); он ограбил франкских дам, которые попали на возглавляемый им корабль «Фокон», что вынудило его бежать (однако он увез с собой украденные деньги и драгоценности³).

Аль-Ашраф отправился праздновать победу в Дамаск, перед отъездом приказав умертвить тех пленников, кто не годился в рабы и не пожелал отречься; он повелел разрушить город Акру, замки Сидон и Шатель-Пелерен и отвезти в Каир врата собора Св. Креста, которые впоследствии украсили мечеть-усыпальницу султана Ан-Назира⁴. В следующие годы он начал подготовку к походу на армян (в 1292 г. он захватит крепость Хромглу) и, возможно, на Кипр; но эти планы были прерваны его смертью (султан был убит в 1293 г., и христиане сочли его кончину небесной карой).

Это новая гибель франкской Сирии, рухнувшей под единым ударом, бегство бесчисленных толп — все это напоминало события 1187 г. Запад был также

¹ Ibid. Тройная концентрическая стена Тира была построена еще до крестовых походов: Анна Комнина описывает ее (*Alexiade*, XIV, 8) в тех же выражениях, что и паломник Бурхард в 1284 г. (С. К. J. 1025).

² Прием в тамплиеры в Сидонской часовне, прерванный штурмом мусульман: *Proces des Templiers*, I, 259–260. Монастырь кармелитов на Кармильской горе (Цезарейская епархия), отличный от их обители в Акре, был заново отстроен в 1263 г. (*Bull. Carmelitanum*, P. 23, 28).

³ Schlumberger. Op. cit. P. 52.

⁴ R. Rohricht, С. К. J., 1024. Перевозку этих врат осуществили в 1303 г. — Хромгла пала 28 июня 1292 г. — Планы нападения на Кипр: *Amadi*. P. 229.

охвачен оцепенением, вперемешку с гневом против предполагаемых виновников поражения — для одних, как например, автора «Исхода из Акры», им был король Иерусалимский Генрих II, для других — папство, которое пожертвовало Сирией в угоду своей сицилийской политике; моралисты полагали, что виной всему бесстыдство и пороки огромного торгового города; это заставило постаревшего Жуанвиля вспомнить о словах легата Эда де Шатору, предрекшего сорока годами ранее, что прегрешения эти будут омыты в крови горожан. Прочие возлагали ответственность на распри меж итальянцами, другие обличали братоубийственную войну тамплиеров и госпитальеров; в результате эти нападки, умело подготовленные легистами Филиппа Красивого, обратили всю ярость Запада против ордена тамплиеров, обвиненного в измене христианской вере¹. Не отвлекаясь на то, чтобы определить, кто какую роль сыграл в поражении, папа Николай IV взялся подготовить крупную экспедицию, которая должна была остановить натиск мусульман (ибо Кипр уже трепетал) и отвоевать Акру со Святой Землей. Распри из-за Сицилии наконец были исчерпаны, и папа пригласил всех христианских государей принять крест, или же прислать денег, кораблей, воинов для того, чтобы спасти латинский Восток. Эдуард I, как обычно, встал во главе этого движения. Провинциальным соборам было наказано собраться и изучить вопрос о возвращении Святой Земли; а чтобы избежать междоусобиц, которые столь пагубно отразились на франкской Сирии, Николай IV предложил тамплиерам и госпитальерам (об этом речь уже заходила во время Лионского собора в 1274 г.) образовать единый орден (август 1291 г.). Наконец, было объявлено о полной блокаде Египта².

Папа незамедлительно принял меры, чтобы спасти Кипр и Армению, которым грозила непосредственная опасность; в январе 1292 г. войска, посланные папством оказать подмогу Акре, получили приказ двигаться в Армению, чей царь послал на Запад францисканца Фому из Толентино (которому несколько лет спустя будет суждено стать мучеником возле Бомбея) с просьбой о помощи. Отто де Грансон отправился помочь армянам в их борьбе с мамлюками,

¹ В процессе тамплиеров не найти подтверждения этих обвинениям против ордена: даже если вспоминали о жалобах, обвинявших Гильома де Боже и Матье Соважа в слишком строгом соблюдении перемирий с мусульманами и подкупе их султаном (I, 44–45, 209, 215 — по мнению некоторых с 1250 г.: I, 196), то гибель Великого Магистра и 300 рыцарей в Акре опровергали эти слухи (I, 43, 143).

² *Registres de Nicolas IV*, 6850 и далее. — Кипр по-прежнему рассматривали как базу для нового крестового похода (*Mas-Latri. Hist. de Chypre*, II, 91, 99, 118). Эти проекты стали темой современной книги (A. S. Atiya. *The Crusade in later Middle Age*. Londres, 1938), дополненной рецензией Ф. Палла в *Revue historique du Sud-Esteuropeen*, XIX, 2, P. 527 и далее; и в том же выпуске G. Bratiano. *Le conseil du roi Charles* [Карла Сицилийского], P. 291).

тогда как папская эскадра взяла крус на восточное Средиземноморье, где должна была атаковать тюркский форт Канделор, а затем держать в страхе Александрию. Тем не менее крестовый поход так и не начался: Филипп Красивый в дорогу не пустился, так же поступил и Эдуард I, занятый борьбой с валлийцами и шотландцами. Более чем когда-либо татары были готовы к совместным военным действиям, но из-за кончины хана Аргуна их поддержка стала менее вероятной, а западноевропейцы посылали на Восток только незначительные отряды. Что же касается генуэзцев и венецианцев, то с 1292 г. они вновь начали воевать между собой.

Однако появился последний шанс, почти непредвиденный случай снова создать на Святой Земле «Латино-Иерусалимское королевство». Кипр, хотя его и наводнили толпы беженцев, и обреченный на голод, по-прежнему оставался плацдармом, откуда мог стартовать новый крестовый поход. Армения, вассал монголов, призвала их на помощь, и новый хан Газан, несмотря на то, что принял ислам, обещал поддержку армянскому царю. Он договорился с королем Генрихом II о подготовке новой кампании в Сирии: 21 октября 1299 г. его посланник, христианин «Кариедин», прибыл, чтобы предложить королю и трем великим магистрам предпринять совместное наступление на Дамаск, а затем и на Египет. Великий Магистр тамплиеров и командор госпитальеров не смогли достигнуть согласия меж собой, и когда от хана прибыл новый посланец (30 ноября), ничего не было готово. Татары, армяне и грузины разбили мамлюков под Хомсом и без помощи киприотов (24 декабря 1299 г.)

Все же в то время, как побежденные убегали от своих врагов, которые преследовали их до самой Газы, король Генрих II послал экспедиционный корпус в прибрежную Сирию, где засели египтяне. Авангард состоял из четырех сотен лучников и туркополов, шестидесяти лучников и арбалетчиков: король приказал им атаковать побережье графства Триполи. По высадке в Ботроне, им надлежало дожидаться подхода всей королевской армии, укрепляя крепость Нефин. К несчастью, осмелев с прибытием маронитских отрядов из Ливана, франки напали на Триполи (новый город, построенный подальше от берега, чтобы крестоносцы не смогли закрепиться на прежнем месте, представлявшем собой почти остров), наступление обернулось поражением, ливанцы бежали сломя голову, франкские командиры погибли, а их армия отчалила обратно. Однако граф Яффаский Ги д'Ибелен с генуэзской эскадрой захватил Джебайл, но не смог там удержаться. Небольшая флотилия под командованием адмирала Бодуэна де Пикиньи с экспедиционным корпусом на борту во главе с Раймундом Висконтом, отчалила 20 июля 1300 г. из Фамагусты, в то время как король, принц Тирский, магистры обоих орденов и Шиол, посланник Газана, не могли достигнуть общего взгляда на план кампании. Шиол отплыл на эскадре и принял участие в экспедиции: высадка была произведена у Ро-

зетты, где освободили пленных татар¹, а сотня всадников опустошила деревню. Корабли совершили демонстративный рейд мимо Александрии, затем поднялись к сирийскому побережью, высадив на берег у Акры, а затем у Тортосы войска, которые разбили слабые отряды мусульман. Немного к северу, возле Мараклеи, госпитальеры потеряли убитыми одного рыцаря и двадцать пехотинцев. Экспедиция вернулась на Кипр, так и не добившись крупных результатов, но зато посеяла панику в рядах мусульман. Киприотская армия (300 рыцарей) и тамплиеры (300 рыцарей) с госпитальерами встали лагерем на триполийском берегу в ожидании Газана, который намеревался предпринять новую кампанию зимой против Египта (ноябрь 1300 г.). Ими был занят остров Руад, часть которого взяли тамплиеры, и город Тортоса, но татары так и не подошли.

Тогда Ги д'Ибелен-Яффа и Жан, сеньор Джебайлский, направились под Антиохию, к Кутлуг-шаху, военачальнику монгольской армии (40 000 всадников), которая наконец подоспела (февраль 1301 г.): шах сообщил им, что Газан слег больным. Единственное, что мог предпринять Кутлуг в подобных обстоятельствах со своими ограниченными силами, так это осуществить набег на область Алеппо; киприотам же пришлось уйти из Тортосы, где им угрожало нападение мамлюкского войска. Однако внутренняя Сирия все еще оставалась под властью монголов, которые назначили правителем Дамаска присоединившегося к ним египетского эмира. Кутлуг был вынужден вернуться в Иран, где хан Туркестана напал на восточную границу империи Газана; он оставил в долине Иордана отряд 20 000 человек под началом Мулаи.

Газан отлично понимал, как сложно ему будет сохранить завоеванные им земли; поскольку Сирия фактически оказалась ничейной землей — на побережье размещались лишь небольшие гарнизоны мамлюков, вряд ли способные нанести серьезное поражение слабой армии киприотов — он воззвал к западноевропейцам начать отвоевывать Иерусалимское королевство. В мае 1300 г. Хайме II Арагонский предложил хану Персии галеры, нефы, воинов и коней, чтобы завершить покорение Святой Земли, пятую часть которой он просил для себя. Что касается Газана, то он в начале 1300 г. заявил царю Армении: «Мы желаем, царь Армении, чтобы земли, захваченные в Сирии, были оставлены под охраной христиан, если они придут; и когда они придут, мы доверим командование Кутлуге, чтобы он отдал Святую Землю христианам и оказал им совет и помощь по восстановлению разоренных земель». Также он написал папе в конце 1301 г., прося послать в Сирию войска, прелатов, духовенство и земле-

¹ Также освободили и франков, как, например, англичанина Жоффруа де Семари, захваченного в плен в 1291 г. в Акре (Rishanger. Chron., ed. J. O. Halliwell, p. 442–444). — О Шиоле («sir Tchol»), пизанце, которому благоволили при монгольском дворе, см. P. Pelliot. *Isol le Pisan* // Journ. Asiat., 1915, II, p. 495.

дельцев, чтобы населить землю и воссоздать костяк поселенцев, столь же надежный, как и в XII в. Папа согласился и стал работать над претворением в жизнь этого плана.

Но было уже поздно: длительное отсутствие Газана и промедление западноевропейцев позволило правителю Дамаска в 1301 г. изменить монголам и сдать их крепости мамлюкам; маленькое войско Мулаи было вынуждено отступить к Евфрату, и в тот самый год (как мы уже видели) Кутлуг-шах смог привести только слабый отряд, которому даже не удалось соединиться с киприотами из Тортосы. В 1302 г. Газан вернулся: снова татарская армия заняла Хаму и появилась под Дамаском. Там она была разбита 3 мая 1302 г., и Евфрат опять стал границей монгольской империи¹.

Исключительный случай отвоевать Святую Землю был утрачен, и непрочное христианское поселение на сирийском побережье, в Руаде, долго там не продержалось. В 1301 г. тамплиеры выпросили у папы этот остров. Но у них не хватило времени, чтобы возвести там крепость. В 1303 г. султан, воспользовавшись отсутствием франкской флотилии, распорядился высадить на остров небольшую армию. Тамплиеры во главе с братом Гуго д'Ампуриасом отчаянно сопротивлялись; но гарнизон был ослаблен из-за отъезда их предводителей незадолго до нападения, а подкрепления на замену бойцов не подошли. На Кипре снарядили эскадру, которая должна была отправиться на помощь острову; но стало известно, что сарацины загнали тамплиеров в тупик на холме и предложили Гуго почетную капитуляцию, на которую тот согласился. Нарушив свое обещание, мамлюки увели 120 рыцарей в плен в Каир и обезглавили 500 сирийских лучников из гарнизона².

С потерей Руада исчезло последнее франкское поселение в Сирии, и несколько набегов, устроенных позднее киприотами, так и не смогли восстановить власть латинян над этой землей. Королевство Акры отжило свой век; в 1291 г. с ним было покончено. «Священная уния», образованная из страха перед нападениями Бейбарса, но расшатанная междоусобицами, не смогла спасти королевство; помощь с Запада никогда не поспевала вовремя; господство Карла Анжуйского помешало Акре принять участие в кампании монголов в 1281 г. Даже подмога со стороны монголов запаздывала в решительные моменты: шансу, представившемуся в 1260 г., не суждено было повториться — кроме

¹ R. Rohricht, *Les batailles de Hims, 1281 и 1290*// A. O. L., I, 1881. — *Chiprois*, P. 848; Amadi, 234–8; Hayton// *Doc. Arm.*, II, P. 197; *Monum. Germ. Hist.*, SS., XXII, P. 482–483; Finke. *Op. cit.*, III, P. 90 (подтверждение дара Газаном Святой Земли, 23 марта 1300 г.) — В ходе клеветнической кампании короля Генриха II обвиняли в том, что он систематически препятствовал продовольственному снабжению армии в Тортосе (*R. O. L.*, XI, 1907, P. 447–448). — Abel Remusat. *Op. cit.* II, 386–388.

² Amadi, 238–239; *Chiprois*, P. 849; *Registres de Boniface VIII*, III, 4199, 4383–4; *Proces des templiers*, I, P. 39.

1299 г., когда было слишком поздно. Монгольские ханы и христианские государи были заняты иными заботами (война в Сицилии, в Арагоне и Уэльсе, войны за наследство, войны на Кавказе и в Афганистане) и не могли посвятить Сирии все свое внимание или договориться о совместных действиях. Святая Земля была предоставлена самой себе, а если ей и помогали, то присылали небольшие отряды, своего рода «капли в море»; сама она могла выставить против единой империи мамлюков лишь около сотни рыцарей, к тому же погрязших в распрях. Монархическая реставрация 1286 г. пришла слишком поздно: в ответ на лихорадочные усилия папства и военных орденов накануне последнего натиска мусульман были слышны только обещания. Последним франкским рыцарям оставалось лишь умереть перед Проклятой башней, последним тамплиерам, госпитальерам и тевтонцам — пасть на улицах, в башнях или возле ворот Акры, с героизмом, заставлявшим вспомнить о воителях старого Иерусалимского королевства. Но ничто уже не могло спасти Святую Землю после того, как она сама обрекла себя на гибель в 1244 г. и в 1260 г., когда внутренние раздоры достигли своего апогея, а беспрестанно усиливавшаяся внешняя опасность наталкивалась в королевстве Ассиз на полное непонимание. После своего двухвекового существования франкская Сирия исчезла, правда, вписав в историю несколько славных страниц.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИТОГИ
ВЛАДЫЧЕСТВА
ЛАТИНЯН
НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

В течение ста девяноста лет Латино-Иерусалимское королевство привлекало толпы паломников с Запада, и весьма многие из них оставались жить на палестинской земле. За весь этот период европейское население, по преимуществу французы, «возглавило» местных жителей. Уступавшие по численности сирийским христианам или мусульманам, хотя возможно, сравнявшиеся с ними в некоторых городах,¹ эти пришельцы так и не смогли создать стабильные сельские поселения. Иерусалимское королевство всегда было «колонией правящего класса», несмотря на отдельные старания, о которых свидетельствуют жалованные хартии вольностей в XII в. Тем не менее, когда с падением Акры пробил последний час маленького государства латинян, возникшего в результате необычайного авантюрного похода крестоносцев на Восток, на Святой Земле обитало несколько десятков тысяч «франков», причем предки некоторых из них жили там уже долгие поколения.

Одной из первых задач Запада была забота об участи этих поселенцев. Что случилось с людьми, которые поселились в Леванте? Во многом история резни и кровавых поражений, положивших конец в 1187 г., в 1244 г., в 1263—1272 гг. и в 1291 г. различным периодам существования Латинского королевства, дает четкий ответ. Но многие латиняне избежали бойни: как сложилась их судьба? Среди тех, кому удалось уцелеть (в 1291 г. в Акре около десяти тысяч человек нашли убежище в резиденции тамплиеров²), некоторые вернулись в Европу: сеньоры де Ла Манделе снова обрели кров в Калабрии, откуда в свое время они приехали, чтобы поселиться в Иерусалиме, и до нас дошел список знатных венецианских семей (восемь «линьяжей»), которые вернулись в Венецию и в 1296 г. вновь заняли свое место в Большом Совете³.

Большинство беженцев укрылось на Кипре и влачило нищенское существование: их наплыв взвинтил цены (плата за жилье возросла за год с 10 до

¹ Численность франкского населения нельзя определить точно. Исходя из численности армии (в 1244 г. — 17 000 латинян; в 1187 г. — самая многочисленная армия), можно предложить цифру от 100 000 до 200 000 человек — должно быть, в Иерусалиме и Акре население было наполовину франкским.

² Chiprois, 814.

³ Du Cange-Rey. P. 613; Vidal. *Registres de Benoit XII*, 1974 (1339: Жан, сеньор де Ла Манделе). — См. также *Chronicon Parmense* (в Muratori. *Raccolta*) P. 62.

100 безантов) на острове до такой степени, что денег, которых им удалось привести с собой, хватило ненадолго. Кипру суждено было познать экономические неурядицы, а проблема с хлебом надолго оставалась малоразрешимой. Даже родственники беглецов, осевшие на Кипре, предпочитали, по словам одного хрониста, не признавать родню, приходившую к ним с мольбой о помощи, и лишь личное вмешательство Генриха II и королевы, которые раздавали милостыню и содержали бедняков, облегчило их участь¹. Эти франки из Сирии увеличили процент латинского населения на острове, и их приход, без сомнения, упрочил положение Кипрского королевства, которое еще на протяжении двух столетий оставалось «франкским» государством, где преобладали французы, прежде чем стать венецианским владением.

Но многие франки не смогли бежать, и о том, как сложилась их судьба, мы знаем благодаря расследованию, проведенному доминиканским миссионером Рикольдо де Монте-Кроче, который шел до самого Багдада по следам пленников, взятых в Акре и собирал о них всю информацию, какую мог добыть. «Клирики и воины были перебиты, дети пощажены, чтобы сделать из них мусульман, женщины, матери семейств, монахини и юные девушки разданы сарацинам как рабыни и наложницы». «Христиан продавали в Багдаде в самых отдаленных уголках Востока, ибо в плену их оказалось великое множество». И Рикольдо оплакивает святотатства, совершенные повсюду: поруганные церкви, Евангелия, откуда вырывали страницы, чтобы обтянуть барабаны пергаментом, «потиры, покровы и прочие украшавшие алтарь предметы со стола Христова попали на пир к сарацинам... книги Пророков и Евангелия скормили псам (Рикольдо скупил несколько книг, которые ему удалось отыскать, ранее хранившиеся в клуатре доминиканцев в Акре, где его собратья приняли мученическую смерть в субботу 1291 г., в три часа дня)², но более всего ужасней, что из монахинь и дев, посвященных Господу, отобрали самых красивых и послали их королям и знатым мусульманам, дабы они родили сыновей, воспитанных в исламской вере; прочие были проданы и отданы бродячим шутам, чтобы те провели их по всему миру, посрамив христиан»³.

Иных не обращали в рабство из пренебрежения: «Я видел стариков, девушек, детей и младенцев, худых, бледных и немощных, которые выпрашивали хлеба; многие из них мечтали стать рабами мусульман, но не умирать от

¹ Amadi. P. 227.

² Rohricht. Ricoldi de Monte Crucis, O. P., epistolae, V// A. O. L., II, 2, 1883. P. 258—296. Мученическая смерть доминиканцев должна была последовать на следующий день после падения Акры (P. 291).

³ Ibid., 272, 281, 291. — Монахини аббатства Св. Клары обезобразили себя, чтобы не попасть в рабство и также приняли мученическую кончину (Archivium franciscanum historicum, II, P. 471).

голода.., несчастных женщин и старух, омывавших слезами подножие распятия, безутешно оплакивавших своих сыновей и мужей, ставших рабами мусульман или убитых ими»¹. «Вавилонские рабы» уже давно были основной головной болью папства, желавшего вырвать из плена тех, кто вышел на бой за христианскую веру. После 1291 г. эта забота стала еще более насущной. В 1279 г. Николай III послал в Каир францисканца, чтобы тот оказал пленным христианам духовное утешение. Вернувшись, этот папский посланец поведал, что видел, как закованные в цепи христиане роют крепостные рвы, переносят землю в корзинах и едва накормлены, ибо в день им выдают лишь три крошечные лепешки (1282 г.). В понтификат Бонифация VIII еще одни францисканцы, посланные в Каир, добились разрешения посетить пленных: они восхваляли усердие коптов, которые кормили франкских рабов, давая им милостыню, и выкупали их по мере возможности. Иоанн XXII даже в конце концов отменил запрещение на торговлю с Египтом в надежде получить разрешение на выкуп рабов (1317 г.). Однако от этого в Египте не уменьшилось количество рабов и вольноотпущенников франкского происхождения, которых один путешественник в 1329 г. назвал «Gazani». У этих франков было две часовни, одна в Вавилоне (Каире), другая в Александрии. Некий путешественник, ирландский францисканец, обличал «бредовые басни», согласно которым пленников подвергали зверским притеснениям; несмотря на издевательства, особенно со стороны отступников (эфиопов, нубийцев и людей иной народности) «рабы султана» занимались различными профессиями (каменщики, плотники) и получали плату и еду за свою работу; материальное положение многих из них было гораздо выше, чем в своей собственной стране, но зато все они страдали, ибо не могли вернуться домой и не соблюдали воскресный праздник².

Эти латиняне Египта не замедлили раствориться среди египетского населения; в конце концов перестали следовать римскому церковному обряду, так как его сложно было соблюдать в одиночку, без священников, и присоединились к мелькитам или коптам. Возможно, один из них и стал коптским архиепископом Александрии: в патриаршем списке Абу аль-Барака среди прелатов упоминается «Феодор, сын Рафаила, франк, шесть лет и шесть месяцев, с 10 авив 1010 до 5 тубаха 1016 (4 июля 1294 г. — 31 декабря 1299 г.)». Шла ли речь о потомке одного из пленных латинян, оказавшегося в рядах яковитского духовенства?³

¹ Ibid. P. 286.

² Golubovich. Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa, I, 275—276, II, 60, III, 68. — Registres de Jean XXII, ed. Mollat, — II, 5742. — Itineraria Symonis Symeonis, ed. J. Nasmyth. Canterbury, 1778. P. 56.

³ E. Tisserand, G. Wiet // Maspero. Patriarches d'Alexandrie. P. 358 и далее.

Но среди латинян многие не имели достаточно храбрости, чтобы сохранить свою веру: Рикольдо со скорбью замечает, что «многие уцелевшие христиане выбрали закон, а точнее вероломство, Магомета».

«Общеизвестно, — писал автор одного из проектов крестового похода, — что в языческих землях живет много вероотступников, и надо полагать, они оставили христианскую веру вовсе не из-за того, что сочли закон Магомета лучшим, чем заповедь Христа. Одни отреклись из слабости, чтобы избежать наказания и страданий в темнице, другие под другим предлогом, и всех, кто разделил их неверие, сарацины снабдили оружием и лошадьми. И ежели эти люди, отрекшиеся от своей веры, увидят, как в этой стране появился могущественный сеньор, который намеревается там поселиться (автор проекта предлагал основать на Востоке военный орден)..., то вероятно, что многие среди них возжелают вернуться к католической вере, что причинит сарацинам великий ущерб, ибо подобные отступники являются лучшими бойцами, какие только есть у сарацин»¹. В конце XIII в. миссионеры находили приют у вероотступников, занимавших высокие посты в султанской армии (например, француз по имени Жан, взятый в плен в Акре) или при дворе (трое драгоманов султана, в 1329 г., которые отреклись от своей веры «на словах, но не в сердце»; один из них был христианин римского вероисповедания, Ишц-аль-Дин, друг одного старого тамплиера, вероотступника, вступившего в брак, двое других — итальянцы, примкнувшие к яковитам)². Известно, какую удачу в последующие столетия стяжали в мусульманских государствах Средиземноморья франки-вероотступники, ставшие самыми грозными вождями берберских пиратов, которые в XVI—XIX вв. владычествовали на море.

Беженцы, рабы, вероотступники — такова была участь франков, обосновавшихся в Иерусалимском королевстве. Из немногочисленного французского населения в Сирии, помимо тех, кто смешался с коренными жителями, не выжил никто. Но, напротив, далеко не все плоды их деятельности погибли безвозвратно.

Святая Земля познала довольно активную интеллектуальную жизнь. Клирики и даже миряне (например, Рено Сидонский) интересовались мусульманской культурой: Гильом Тирский написал историю династий мусульманских правителей. Однако маловероятно, чтобы арабская мысль проникала на Запад через призму Иерусалимского королевства: с этой точки зрения Сицилия и Испания играли гораздо более важную роль. Во франкской Сирии проживало несколько переводчиков восточных философских трактатов; правда, не располагая точными сведениями об их числе, мы не можем заключить определенно, идет ли речь о настоящем литературном взаимодействии между франками и

¹ Ricoldo. P. 270; Ch. Kohler. Deux projets de Croisade // Melanges. P. 553.

² Golubovich, III, 68; Itineraria Symonis Symeonis. P. 62.

мусульманами в этой стране¹. В большей степени была затронута восточно-христианская мысль: споры об объединении Церквей привели к плодотворному сближению; в 1237 г. братья-доминиканцы из монастыря в Иерусалиме вмешались в раздоры внутри яковитской (монофизитской) церкви, чтобы утихомирить враждующие стороны, и в 1247 г. яковитский патриарх присоединился к римской Церкви. Доминиканский приор Святой Земли² Филипп послал в 1237 г. папе отчет, в котором обрисовывал широту диалога между своими собратьями и восточными прелатами. По случаю пятого крестового похода появились переводы из коптской и сирийской литературы. Познание Востока положительно сказалось на развитии западной науки, и именно это являлось главным результатом крестовых походов в интеллектуальной области.

Но особенно распространенной в Святой Земле была литература на французском языке. Сирийские бароны поддерживали тесные контакты со знатью из франкоязычных стран и были прекрасно осведомлены о развитии литературного творчества на Западе. Сирийско-киприотская знать очень любила романы о рыцарях Круглого стола и цикл об античности; в 1286 г. во время праздников в Акре устраивали театральные представления, когда юные аристократы «подражали», то есть разыгрывали на сцене пассажи из своих излюбленных романов — Ланселота, Тристана или Паламеда. И Филипп Новарский, кипрский поэт, смог написать «Роман о Ренаре» — пародию на войну между Жаном д'Ибеленом и Амори де Барле — пародию, которая среди поэтических сочинений Филиппа пользовалась у франкских рыцарей наибольшим успехом³. До нашего времени не сохранились поэмы, написанные баронами Святой Земли, но у Филиппа Новарского, без сомнения, были свои подражатели среди таких же, как и он, аристократов. Но все эти бароны, сам Филипп и Жан д'Ибелен, Жоффруа ле Тор и многие другие, блистали на поприще юриспруденции: «Иерусалимские ассизы» заняли одно из первых мест во французской правовой литературе.

Эти образованные миряне не отставали от клириков и в иных областях литературной жизни. Если после Фульхерия Шартрского Гильом Тирский принялся писать историю завоевания франками Святой Земли (и бароны охот-

¹ Помимо франков «арабофобов» (Рено Сидонский, Онфруа Монреальский) известен по крайней мере один труд, переведенный в Сирии: дьякон Филипп посвятил епископу Триполийскому свой перевод «Секрета секретов» (Sirr al Asrar). Доминиканцы изучали Коран, например, Рикольдо из Монте-Кроче и Гильом Триполийский. Западноевропейские книги переводились на арабские языки: см. E. Cerulli. Il libro etiopico dei miracoli di Maria. Rome, 1945. V. Monneret de Villard. Ricoldo da Montecroce. Rome, 1948, n. 432.

² Об этой провинции см.: F. Balme. La Province dominicaine de Terre Sainte// R. O. L., I, 526 и B. Altaner. Die Dominikanermissionen des 13. Jhdts. Habelschwerbt, 1924.

³ Chiprois. P. 793. — L. Foulet. Le Roman de Renard (Bibl. Ec. Hautes Etudes, f. 211). Paris, 1914. P. 511 и далее.

но ее читали), то продолжить его труд взялись Эрнуль, оруженосец Ибеленов, и Филипп Новарский, так же как и автор «Деяний киприотов», которого называли тирским тамплиером (хотя он никогда не был тамплиером). Работу Гильома (сжатое изложение которой подготовил епископ Акры Жак де Витри) продолжили и другие лица. Эти продолжения, написанные на французском языке, стали известны под названием «Истории Эракля».

Если гибель библиотек и большинства архивов общин и сборников сеньориальных хартий Латинского королевства и не позволяет нам узнать больше о литературной деятельности франков Святой Земли, то монументальные сооружения, возведенные ими в Сирии, свидетельствуют о жизнеспособности западной цивилизации, перенесенной крестоносцами на берега Леванта. Речь идет о бесчисленных крепостях, Монфоре, Баниасе, Краке, Бофоре, которые, невзирая на столетия, прошедшие с тех пор, и поныне остаются самыми замечательными образцами военной архитектуры средневековья¹. Две цитадели Сидона являются живым напоминанием о строительных работах, развернутых на Святой Земле Людовиком IX Французским. Мощные замки, при постройке которых учитывали и западные и местные традиции, — правда, часто преобладали последние, — уже одним фактом своего существования свидетельствуют о стойкости, с которой франки Сирии защищали свое королевство против мусульманской агрессии.

Наряду с укрепленными замками, франкские строители во множестве возводили на Святой Земле храмы. Церкви паломников, в основном построенные до того, как халифы захватили Сирию, постепенно уступили место романским и готическим соборам. Французские строители, которые возводили эти церкви — часто это были романские здания, перестроенные в XIII в., — познакомили Восток с архитектурными стилями западных и юго-восточных областей Франции, а также Бургундии. Строительные площадки никогда не пустовали: приток пилигримов и их дарения, богатства капитулов и аббатств было достаточно, чтобы работа не прекращалась; если Франция покрылась белым одеялом церквей в XI и XII вв., то Сирия XII–XIII вв. тоже обновила свой покров из храмов.

Архитекторам приходилось преодолевать трудности, с которыми они гораздо реже сталкивались на Западе. Им нужно было учитывать расположение предыдущих построек, как, например, в Назарете, или архитектурные особенности Церкви Гроба Господня, где со времен Константина сохранились остатки

¹ Многие книги из епископства Сидонского до сих пор хранятся в библиотеке Ватикана. О существовании сборников сеньориальных хартий свидетельствует то, что ордену госпитальеров передавали хартии для хранения (Амори Бейсанский, сеньор Джебайла). О крепостях см.: P. Deschamps. Les chateaux des Croises en Syrie, заменивший устаревший труд Rey. Etudes sur l'architecture militaire des Croises.

древних базилик. Тем не менее им удалось справиться с этими проблемами, и если возведенные ими церкви и не отличаются особой оригинальностью (исключение составляет Гроб Господень), то все же выдерживают сравнение с храмами, выраставшими в эту же эпоху во Франции.

К несчастью, мусульмане, нанеся удар по королевству, не только снесли несколько замков, но с особенным ожесточением ополчились на церкви. Бейбарс разрушил храмы Престола Господа в Назарете; Рикольдо Монте-Кроче с горечью упоминал, что прекрасная церковь в Магдале, посвященная Св. Марии — Магдалине, и собор в Вифании были превращены в конюшни¹. Но после этого разрушения не прекратились: путешественники видели много церквей, которые впоследствии исчезли с лица земли. Кафедральный собор в Тире, где проповедовал Гильом Тирский, был еще очень внушительным в XVIII в.; когда же паша Джеддар повелел его частично разобрать, чтобы перевести колонны в Акру, от него осталось лишь одна стена и колонна. Церковь, построенная в XII в. в Магомении, была снесена в 1915 г., а храм аббатства Св. Марии Великой — в 1901 г. В водовороте войны сгинула церковь Св. Иоанна в Газе, возведенная в XII в. тамплиерами. Церкви в Пюи де Жакоб (Источник Иакова) и Лидде (частично уцелевшая, несмотря на то, что в 1273 г. ее частично разрушили по приказу Бейбарса, но перестроили во время реставрации греками), Св. Иоанна в Наблусе также погибли. Огромный, с тремя нефами, собор Св. Андрея в Акре, где зародилось знаменитое братство Св. Андрея, был еще невредим XVIII в., но теперь от него ничего не сохранилось.

Итак, ныне осталось лишь несколько франкских церквей, тогда как еще два или три столетия назад их было довольно много: одни были превращены в мечети, как, например церковь в Хевроне, построенная примерно в 1120 г., кафедральный собор в Рамле, созданный в романском стиле и в 1298 г. ставший «Великой Мечетью»; также уцелело несколько сельских церквей, например, в Пти-Магомении и Фонтен дез Эмо, франкских поселениях, где их возвели в XII в. для латинского населения (второй храм, сегодня — Кариет-эль-Энаб, все еще принадлежит французским бенедиктинцам; он представляет собой характерную для франкских поселков церковь-крепость). Главная мечеть Бейрута в прошлом была древним кафедральным собором Св. Иоанна, «красивым образчиком небольшого собора франкского поселения, построенного быстро, изящного, прочного и практичного», с нефом и приделами, а перед

¹ Ricoldo. Loc. cit. P. 278. — О церквях см.: С. Englart. Les monuments des Croises dans le royaume de Jerusalem. Paris, 1925 и M. de Vogue. Les eglises de Terre Sainte. Paris, 1860, равно как и P. Abel. Guide Bleu de Syrie-Palestine. Самый замечательный из них — собор Пресвятой Девы в Тортозе — не вписывается в рамки нашего исследования (см. M. Pillet // Syria, X, 1929. P. 40).

ними — папертью и ее тремя абсидами, чей внешний вид поразительно напоминает окружные хоры романских церквей Западной Франции. Этот кафедральный собор, заложенный между 1110 и 1187 г., был перестроен в готическом стиле в XIII в.¹ Развалины кафедрального собора в Севастии, где Усама видел каноников, молившихся столь истово, что это вызвало у него восхищение, также свидетельствуют о силе романской архитектуры, привнесенной в Святую Землю.

Но больше всего археологических следов франкской эпохи сохранилось в Иерусалиме: так, в церкви Св. Марии Латинской на архивольте портала изображены знаки зодиака и образы месяцев. Церковь Св. Анны осталась почти нетронутой; дошли до нашего времени клуатр тамплиеров, часовня Вознесения и прочие памятники. Но именно в церкви Гроба Господня живет память о франкских строителях. Пострадав от пожара в 1808 г., этот храм остался все тем же зданием, что был освящен латинским патриархом в 1149 г. на основе обветшалой базилики Константина, которую по возможности прелат пытался сохранить в целостности. Романские капители и ригели фасада свидетельствуют о наличии на Святой Земле школы франкских скульпторов, близкой к школе Западной Франции, чьим самым знаменитым творением по праву называют капители, найденные в руинах древней базилики в Назарете. Напротив, франки научились применять в других областях искусства достижения местной традиции: часто роспись соборов доверяли художникам, творившим в византийской манере, например, в Фонтен дез Эмо и, прежде всего, в Вифлееме, где художники Василий и Ефремий выполнили за плату от Мануила Комнина и Амори I церковное убранство, в котором западные святые причудливым образом изображены вперемешку с восточными, а греческий язык соседствует с латинским².

Опять же декораторы, владевшие византийской техникой, работали над оформлением псалтыря королевы Мелизинды и создавали гробницы Иерусалимских королей. Эти гробницы, оскверненные в 1244 г. хорезмийцами, были разрушены в 1810 г. греками — а ведь незадолго до того на них еще можно было прочесть эпитафии Готфриду Бульонскому и Балдуину I. Удалось отыскать лишь обломки надгробия Балдуина V, которые использовали при строительстве мирхаба мечети Аль-Аксар³: там четко прослеживается византийское

¹ C. Enlart. La cathedrale Saint-Jean de Beyrouth, extr. du Recueil de Memoires, опубликованных по случаю столетия Общества древностей Франции. Paris, 1904.

² Vincent et Abel. Bethleem, le Sanctuaire de la Nativite. Paris, 1914. — Des memes. Jerusalem, recherches d'Archeologie et d'histoire. T. II. Paris, 1914 (О Гробе Господнем). P. Deschamps. La sculpture francaise en Palestine et en Syrie a l'epoque des Croisades // Fondation Eug. Piot, Monuments et Memoires, XXXI, 1930. P. 91.

³ Du Sommerard. Les arts du Moyen Age, Album, 2 serie, pl. 29 (репродукции переплета Псалтыря). J. Strzygowski. Ruins of Tombs of the Latin Kings in the Haram of Jerusalem, Speculum, XI, 1936. P. 499.

влияние. К тому же мы знаем, например, из свидетельства Вильбранда Ольденбургского (около 1212 г.), что в Святой Земле, чтобы украсить дома и дворцы, на работу охотно привлекали сирийских мастеров, более умелых, чем их франкские конкуренты. «Сирийцы, сарадины и греки превосходят всех в искусстве декорации», замечал Вильбранд, выражая, таким образом, мнение всех латинян Сирии¹.

Так, в области художественного творчества франкские архитекторы и скульпторы в сотрудничестве с местными художниками и декораторами (создателями мозаик и инкрустаций из дерева, граверами) породили франко-сирийское искусство, которое на протяжении двух столетий процветало на латинском Востоке². Эта художественная и литературная деятельность показывает, что ошибочно будет считать франков Сирии грубыми и жестокими воинами, поработившими более цивилизованные народы и не способными понять их культуру; наоборот, стремление Гильома Тирского, доминиканцев, самих баронов узнать о науке и истории арабов, совместный труд греко-сирийских мастеров, владеющих техникой декорации, и франкских архитекторов достаточно подтверждает, что латиняне смогли вжиться в восточную среду. Западные купцы провозили в Европу из сирийских портов самые редкие товары, производимые в Азии, и Сирия — особенно прибрежная — обязана франкам своим последним периодом расцвета, перед тем как вступить в фазу глубокого упадка, продолжавшегося с гибели Акры (несмотря на попытки возрождения при Фахраль-Дине и Джебаре) до конца оттоманского владычества.

История Латино-Иерусалимского королевства отнюдь не напоминает собой бесплодную авантюру: у маленького государства, основанного крестоносцами с целью защиты пилигримов по пути к Гробу Господню (даже после 1291 г. паломничество продолжало пользоваться необычайной популярностью³) хватило сил перерасти во что-то иное, чем гарнизон, обосновавшийся в вражеской местности. Несмотря на постоянную угрозу в лице мусульман, всегда готовых сбросить франков в море, это королевство превратилось, благодаря своей замечательной правящей династии, в оригинальное и жизнеспособное политическое образование. Прежде чем сгинуть, пав жертвой распрей, ослабления своих институтов в то время, как престол пустовал, и особенно пострадав

¹ Rey. P. 8.

² Отметим, что франки часто использовали античные скульптуры, особенно капители римской эпохи, при постройке новых зданий: однако это, скорее, говорит не о неспособности основать свое художественное направление, а об уважении перед камнями из почитаемых храмов и пристрастии строителей романской эпохи к античному искусству.

³ Доминиканец Гильом Адам (*De modo Sarracenos extirpandi*// Doc. Arm., II, 528) сожалел об участии огромного числа пилигримов, которые были вынуждены платить в казну султана 35 турецких грошей каждый и старались найти средства вернуться домой из Святой Земли.

от возрождения единой мусульманской империи в Египте и внутренней Сирии, Латинское королевство все же познало славные дни, и ему было суждено исчезнуть вовсе не из-за изъянов в его институтах, которые, как это часто замечалось, были более чем устойчивыми. Существование этих институтов позволило сплотить, не подавляя, в рамках королевства множество народностей так, что сирийцы — приверженцы разных течений христианства, мусульмане, евреи, самаритяне, бедуины и франкские поселенцы могли жить бок о бок под властью аристократии французского происхождения, которая, несмотря на страсть к свободе, иногда приводившую к вспышке анархии, поставляла для латинских учреждений «выносливые кадры». Латино-Иерусалимское королевство, своего рода первая попытка колонизации, предпринятая франками Западной Европы, продемонстрировало понимание ментальности местного населения Святой Земли, и только это позволило его основателям гарантировать своему детищу долгие годы жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

Охватить вопрос во всей его полноте можно обратившись к статье Ла Монта (Some problems in crusading historiography / *Speculum*. Т. XV. 1940) (на странице 74 приведен список работ об истории каждой из франкских сеньорий). Целый том, специально посвященный библиографии, должен дополнить монументальную *History of the Crusades*, которую Пенсильванский университет выпустил в пяти книгах. В ожидании его выпуска можно использовать работу La Monte. *Bibliography of works relating to the fiefs and families of the Latin Crusading states* // *Bulletin of the international Committee of historical sciences*. IV, juin 1932. P. 308 и J. Calmette. *Le monde féodal* (новое издание в соавторстве с Ш. Игуне). P., 1951. P. 410—421.

1. Нарративные источники, в которых мы черпаем наибольшее количество информации, в основном изданы в *Recueil des Historiens des Croisades* (*Historiens Occidentaux*, 5 vol.; *Historiens Orientaux*, 4 vol.; *Historiens Grecs*, 2 vol.; *Documents Arméniens*, 2 vol.; *Lois*, 2 vol.), который мы для краткости обозначаем аббревиатурой R. H. C. — Академия надписей и изящной словесности распорядилась подготовить публикацию второй серии этого сборника, под руководством Э. Фараля (*Documents relatifs à l'histoire des Croisades*, чей первый том увидел свет в 1946 г.)

Albert d'Aix (Alb. Aq.). — *Liber christianae expeditionis* // R. H. C., *Hist. Occ.* IV.

Amadi. — *Chroniques d'Amadi et de Strambaldi* / Éd. R. de Mas-Latrie. Paris, 1891 (*Documents inédits sur l'histoire de France*).

Ambroise. — *Ambroisé: Estoire de la guerre sainte* / Éd. G. Paris. Paris, 1907 (*Ibid.*).

Andrea Dandolo. — *Chronicon* // Muratori. *Historiae patriae monumenta. Scriptores*. Т. XII.

Aubri de Trois-Fontaines. — *Chronicon* // *Monum. Germ. Hist. Scriptores*. Т. XXIII.

Chiinois. — см. *Gestes des Chiinois*.

Ekkehard. — *Ekkehardi... Hierosolymita* / Éd. Hagenmeyer. Tübingen, 1877.

Eracles. — Продолжение истории Гильома Тирского, известное под названием *Estaires d'Eracles* (Ираклия), emperor // R. H. C., *Hist. Occ.* Т. II.

Ernouf. — *Chronique d'Ernouf et de Bernard Le Trésorier* / Éd. Mas-Latrie. Paris, 1871 (*Société de l'histoire de France*).

Foucher de Chartres. — *Historia Hierosolymitana* / Éd. Hagenmeyer. Heidelberg, 1913.

Gestes des Chiinois. — (Компиляция XIV века, вобравшая в себя, помимо прочего, хроники Филиппа Новарского и тирского псевдотамплиера) // R. H. C., *Documents Arméniens*. Т. II.

Guillaume de Туг (сокращение G. T.). — *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum* // R. H. C., *Hist. Occ.* I, 2 vol. (Перевод на французский, сделанный в XIII веке и известный в Сирии под названием «*Livre dou Conquest*», был повторно издан Поленом Парисом: *Guillaume de Туг et ses Continuators*. Paris, 1879—1880. 2 vol. Иногда мы пользовались именно этим изданием).

Ibn Djobair // R. H. C., *Hist. Orientaux*. Т. III.

Jacques de Vitry. *Historia Hierosolymitana* // Bongars. *Gesta Dei per Francos*. Hannover, 1611. P. 1047 и далее.

Kamel al-Tevarykh // R. H. C., *Hist. Orientaux*. T. I.

Livres des Deux Jardins // R. H. C., *Hist. Orientaux*. T. I.

Maqrizi. — *Histoire d'Égypte* // *Revue de l'Orient Latin*. T. VI, VII, IX, X.

Matthieu Paris. — *Chronica Majora* / Éd. Luard. Londres, 1872–1883. 7 vol. (Rer. brit. med. aevi scriptores. T. LVII).

Michel le Syrien. — *Chronique...* (1099). Paris, 1899–1904. 4 vol.

Michelant (H.), Raynaud (G.). *Itinéraires à Jérusalem rédigés en française*. Genève, 1882 (Société de l'Orient Latin).

Olivier de Padeborn. — *Historia de Damiatina* / Éd. Hoogeweg. Die' Schriften des Oliverus. Tübingen, 1894.

Rothelin. — *Continuation de Guillaume de Tyr dite du manuscrit de Rothelin* // R. H. C. *Hist. Occ.* T. II (завершается 1263 годом).

Sanudo Marino Torcello. *Secreta Fidelium crucis* / Éd. J. Bongars // *Gesta Dei per Francos*. Hannover, 1611.

Tobler, Molinier. — *Itinera Hierosolymitana*. Genève, 1885. 2 vol. (Société de l'Orient Latin).

Usama. — *Autobiographie d'Ousâma* / Trad. H. Derembourg. Paris, 1895 (выдержка из *Revue de l'Orient Latin*. T. I, III).

Villehardouin. — *La conquête de Constantinople* / Éd. et trad. E. Faral. Paris, 1938–1939. 2 vol. (Les Classiques de l'Histoire de France au Moyen-Age).

2. Источники права, столь важные для истории институтов латинского Востока («*Livre en forme de plait*» Филиппа Новарского, «*Livres des Assises de la Haute Cour*» Жана д Ибелена, «*Clé des Assise*», «*Livre de Jacques d'Ibelin*», «*Livre de Goffroy de le Tort*») были опубликованы графом Бренью, наряду с «*Lignages d'Outre-Mer*», генеалогией баронских фамилий Сирии, и «*Documents*», посвященными наследованию трона, регентству, военной службе, в *Recueil des Historiens des Croisades. Lois*. T. I, II. Однако «*Книгой королю*» и «*Книгой Ассиз курии горожан*» мы пользовались в другом издании: Kausler. *Les Livres des Assises et des usages dou réaume de J.* Stuttgart, 1839. Bd. I. (опубликованное по лучшему манускрипту, это издание прекратилось после выхода в свет первого тома).

Уставы военных орденов были опубликованы Перлбахом (устав Тевтонского ордена), Делавилем ле Ру (устав госпитальеров) и А. де Курсоном (*La Règle du Temple* // *Société de l'Histoire de France*. T. I. — Мы часто цитируем его в неполном издании Мейярда де Шамбюра. *Règle et statuts secrets des Templiers*. Paris, 1840).

3. Документальные источники, хоть и относительно богатые, ныне представляют собой лишь жалкие остатки сокровищниц хартий латинского Востока: до нас дошли лишь архивы орденов, которые владели имуществом за пределами Сирии и смогли своевременно переправить документацию в свои западные угодья. Большинство этих документов вошли в необычайно полезный справочник Рерихта (сокращенно R. R.), к которому мы постоянно отсылаем читателя, за исключением тех случаев, когда его анализа оказывается недостаточно — например, с генуэзскими документами мы работали в издании *liber Jurium reipublicae genuensis* (в *Historiae patriae manumenta*.

2 vol.; эти документы были переизданы в *Regesta chartarum Italiae*, где только что опубликованы и R. Morozzo della Rocco et A. Lombardo. *Documenti del commercio veneziano nei secoli XI—XIII*. Rome, 1940. 2 vol.). Основные сборники приведены ниже:

Albon (marquis d'). — *Cartulaire général de l'ordre du Temple, 1119—1150*. Paris, 1913—1922 (почти все документы тамплиеров по Востоку сгинули; см. E. C. Léonard. *Introduction au cartulaire manuscrit du Temple, 1159—1377*. Paris, 1930).

Delaville le Roulx (J.). — *Cartulaire général de l'ordre de Hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem*. Paris, 1894—1906. 4 vol. (сокращенно Delaville le Roulx).

Delaborde (H. F.). — *Chartes de Terre Sainte provenant de l'abbaye de Notre-Dame de Josaphat*. Paris, 1880 (*Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome*, № 8).

Filangieri (Riccardo). — *Regesta chartarum Italiae: gli atti perduti della cancellaria angioina*.

Huillard-Bréholles. — *Historia diplomatica Friderici secundi*. Paris, 1852—1861. 7 vol.

Konhler (Ch.). — *Chartes de l'abbaye... de Josaphat*. Paris, 1900.

Marsy (comte de). — *Fragment d'un cartulaire de l'ordre de Saint-Lazare en Terre Sainte (1130-1228) // Archives de l'Orient Latin*. T. II.

Michelet (J.). — *Le Procès des Templiers*. Paris, 1841—1851. 2 vol. (*Documents inédits sur l'Histoire de France*); G. Lizerand. *Le dossier de l'affaire des Templiers*. Paris, 1923 (*Classiques de l'histoire de France au Moyen Age*).

Muller (Gius.). *Documenti sulle relazioni delle città toscane coll' Oriente cristiano...*, Firenze, 1879.

Папские регистры, источник необычайной важности, неоднократно переиздавались: Балюз первым опубликовал регистры Иннокентия III (перепечатаны в «Латинской патрологии» Миня), а Прессути — регистры Гонория III. Последующие регистры издавались Французской Школой Рима, и именно к этой публикации мы отсылаем читателя, равно как и к следующим книгам:

Rodenberg. — *Epistolae saeculi XIII eregestis pontificum romanorum selectae*. Berlin, 1883—1894. 3 Bd. (*Mon. Germ. Hist.*).

Röchricht. — *Regesta Regni Hierosolymitani, 1097—1291*. Insbrück, 1904 (сокращенно R. R.).

Röchricht. — *Regesta Regni Hierosolymitani: Addidamentum*. Insbrück, 1904 (сокращенно R. R. Add.).

Rozière (E. de). — *Cartulaire de l'Eglise du Saint-Sépulcre de Jérusalem*. Paris, 1849.

Rymer. — *Foedera, conventiones... et acta*. T. I. La Haye, 1739 (не был полностью использован Перихтом).

4. Научных трудов о латинском королевстве написано очень много: поэтому мы укажем здесь лишь те, на которые постоянно ссылаемся и те, которые наиболее пригодились нам в ходе работы.

Abel. (le R. P. P.) — *Géographie de la Palestine*. Paris, 1936—1938. 2 vol.

Blancard (L.). — *Documents inédits sur le commerce de Marseille au Moyen Age*. Marseille, 1885. 2 vol.

Brehier (L.). — *L'Eglise et l'Orient au Moyen Age. Les Croisades*. Paris, 1912. — См. также статьи этого автора в *Dict. d'hist. et géogr. ecclésiastiques*.

- Cahen (Cl.). — La Syrie du Nord à l'époque des Croisades. Paris, 1940.
- Chalandon (F.). — Histoire de la Première Croisade. Paris, 1925 (с резюме о создании франкских государств).
- Clermont-Ganneau. — Recueil d'archéologie orientale. Paris, 1888—1906. 6 vol.
- Conder (Lt.-Cl. C. R.). — The latin Kingdom of Jerusalem, 1099—1291 A. D. London, 1897.
- Delaville le Roulx. — Les Hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre. Paris, 1904.
- Deschamps (P.). — Les châteaux des Croisés en Terre Sainte. T. I: Le Crac des Chevaliers. Paris, 1934. 1 vol. et un album. T. II: La défense du royaume de Jérusalem. Paris, 1939. 1 vol. et un album (Haut-Commissariat de la République française en Syrie, Bibl. Archéologique et historique. T. XXXIV).
- Dodu (G.). — Histoire des Institutions monarchiques dans le royaume latin de Jérusalem. Paris, 1894.
- Du Cange. — Les famille d'Outre-Mer / Éd. E. G. Rey. Paris, 1869 (Doc. inéd. sur l'histoire de France. — сокращенно Ducange-Rey).
- Dussaud (R.). — Topographie historique de la Syrie antique et médiévale. Paris, 1927.
- Dussaud, Deschamps, Seyrig. — Syrie antique et médiévale illustrée. Paris, 1931.
- Enlart (C.). — Les Monuments des Croisés dans le royaume de Jérusalem. Paris, 1925—1927. 2 vol. et 2 vol de planches.
- Grandclaude (M.). — Essai critique sur les livres des Assises de Jérusalem. Paris, 1923.
- Grousset (G.). — Histoire de Croisades et du royaume franc de Jérusalem. Paris, 1934—1936. 3 vol.
- Guide Bleu de Syrie-Palestine. Paris, 1932.
- Hagenmeyer. — Chronologie de la Première Croisades. Paris, 1902.
- Hagenmeyer. — Chronologie du royaume de Jérusalem // Revue de l' Orient Latin. T. IX, X, XI, XII.
- Hayek (D.). — Le droit franc en Syrie pendant des Croisades. Institutions judiciaires. Paris, 1925.
- Heyd (W.). — Histoire du commerce du Levant / Trad. Furcy-Raynaud. Leipzig, 1885—1886. 2 bd.
- Houtsma. — Encyclopédie de l'Islam. Leyde et Paris, 1913—1938. 5 vol.
- Kohler (Ch.). — Mélanges pour servir à l'histoire de l'Orient Latin. Paris, 1906. 2 vol.
- La Monte (John L.). — Chronologie de l'Orient Latin // Bulletin of the International Committee of historical Sciences. T. XII. Paris, 1943. P. 141—203.
- La Monte (John L.) — Feudal monarchy in the Latin Kingdom of Jerusalem, 1100—1291. Cambridge, 1932 (сокращенно La Monte).
- La Roncière (Charles Bourel de). Histoire de la marine française. T. I. Paris, 1909.
- Longnon (Jean). — Les Françaises d'outre-mer au Moyen Age. Paris, 1929 (сирийскому королевству посвящены стр. 102—157).
- Mas-Latrie (L. de). — Les comtes de Jaffa et d'Ascalon // Archivio Veneto. T. XVIII. 1879. P. 370—417.
- Mas-Latrie (L. de). — Histoire de l'île de Chypre. Paris, 1852—1861. 3 vol. et carte.
- Mas-Latrie (L. de). — Les Patriarches latines de Jérusalem, extr. de Revue de l'Orient Latin. T. I.

Mélanges syriens offert à M. Dussaud. Paris, 1939. 2 vol.

Munro (D. C.). — The Kingdom of the Crusaders. New York, 1936.

Preston (H. G.). — Rural conditions in the kingdom of Jerusalem. Philadelphia, 1903.

Prutz (H.). — Kulturgeschichte der Kreuzzuge. Berlin, 1883.

Rey (E. G.). — Les colonies franques en Syrie aux XII et XIII siècles. Paris, 1883 (сокращенно Rey).

Rey (E. G.). — Etudes sur la topographie de la ville d'Acre au XIII siècle // Mém. Soc. Antiq. de France. T. XXIX. 1878. T. XXXIX. 1888.

Rey (E. G.). — Sommaire du supplément aux Familles d'Outre-Mer. Chartre, 1881 (ответ на статью Мас-Латри, дополнившего данные работы Дю Канжа, которую издал Рей).

Riant (comte de). — Eglise de Bethléem-Ascalon // Revue de l'Orient Latin. T. I.

Richard (J.). — Le comté de Tripoli sous la dynastie toulousaine. Paris, 1945 (Bibliothèque Archéologique et historique. T. XXXIX).

Richard (J.). — Païrie d'Orient latin: les quatre baronnies des royaumes des Jérusalem et de Chypre // Rev. hist. de droit française et étranger. 1950. P. 67–68.

Röhricht (R.). — Etudes sur les derniers temps du royaume de Jérusalem // Archives de l'Orient Latin. T. I, II.

Röhricht (R.). — Geschichte des Königreichs Jerusalem (1100–1291). Innsbrück, 1898. (сокращенно G. K. J.).

Röhricht (R.). — Zusätze und Verbesserungen zu Du Gange, Les familles d'Outre-mer. Berlin, 1886.

Runciman (St.). — A history of the Crusades. Cambridge, 1951. T. I.

Schaube. — Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge. Munich-Berlin, 1906.

Schlumberger (G.). — La fin de la domination franque en Syrie. Paris, 1914.

Schlumberger (G.). — Numismatique de l'Orient Latin et Supplément. Paris, 1878–1882. 2 vol.

Schlumberger (G.), Chalandon (F.), Blanchet (A.). — Sigillographie de l'Orient latin. Paris, 1943 (Bibliothèque Archéologique et historique. T. XXXVII).

Stevenson (W. B.). — The crusaders in the East, Cambridge, 1907. Есть много журналов, печатавших материалы исключительно по Востоку — например, Zeitschrift des Deutschen Palästina-Vereins, Revue de l'Orient Latin (с 1893 по 1908 гг. вышло двенадцать томов), Archives de l'Orient Latin (в 1881–1884 гг. вышло два тома), и более современные, Byzantion и Syria; наряду с ними работы о латинском Востоке принимают и в менее специализированных журналах (Speculum, Revue historique du Sud-Est européen). Лучшей исторической картой является карта Джонса (C. N. Johns. Palestine of the Crusades. Jerusalem, 1946).

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА ЖАНА РИШАРА

I. HISTOIRE DES CROISADES ET DES ETATS LATINS D'ORIENT

1. Le comté Tripoli sous la dynastie toulousaine (1102–1187). // Bibliothèque archéologique et historique, 39. Paris, 1945. VIII — 95 pages. Переиздано с исправлениями и дополнениями: Paris, 1999.

2. Note sur l'archidiocèse d'Арамée et les conquêtes de Raymond de Saint-Gilles en Syrie du Nord. // Syria 25 (1946–48). P. 102–08 [переиздано. См. N. 185].

3. Le casal de Psimolof et la vie rurale en Chypre au XIVe siècle. // Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'École française de Rome 59 (1947). P. 121–53 [переиздано. См. N. 186].

4. Questions de topographie tripolitaine // Journal asiatique. 236 (1948). P. 53–59 [переиздано. См. N. 185].

5. De nouveaux documents des archives italiennes concernant l'Orient latin. // Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions (1948). P. 258–65.

6. Païrie d'Orient latin. Les quatre baronnies des royaumes de Jérusalem et de Chypre. // Revue historique de droit française et étranger (1950). P. 67–88 [переиздано. См. N. 185].

7. Un évêque d'Orient latin au XIVe siècle: Guy d'Ibelin, O. P., évêque de Limassol, et l'inventaire de ses biens (1367). // Bulletin de correspondance hellénique 74 (1950). P. 98–133 [переиздано. См. N. 186].

8. Le chartier de Sainte-Marie-Latine et l'établissement de Raymond de Saint-Gilles à Mont-Pèlerin. // Mélanges d'histoire du Moyen Age dédié à la mémoire de Louis Halphen. Paris, 1951. P. 605–612 [переиздано. См. N. 185].

9. (Совместно с: P. M.-H. Laurent). La bibliothèque d'un évêque dominicain de Chypre en 1367. // Archivum fratrum praedicatorum 21 (1951). P. 447–454. [переиздано. См. N. 186].

10. An Account of the Battle of Hattin Referring to the Frankish Mercenaries in Oriental Moslem States. // Speculum 27 (1952). P. 168–77 [переиздано. См. N. 185].

11. La révolution de 1369 dans le royaume de Chypre. // BEC 110 (1952). P. 108–23 [переиздано. См. N. 185].

12. Un partage de seigneurie entre Francs et Mameluks: les "casaux de Sur". // Syria 30 (1953). P. 72–82 [переиздано. См. N. 185].

13. Le royaume latin de Jérusalem, préface de René Grousset. Paris, 1953. 367 pages. Перевод на английский язык: Janet Shirley, The Latin Kingdom of Jerusalem, Europe in the Middle Ages. Selected Studies 11. Amsterdam, 1979. Vol. II. xxvi–514 pages.

14. Colonies marchandes privilégiées et marché seigneurial: la fonde d'Аcre et ses «droitures». // Le Moyen Age (1953). P. 325–40 [переиздано. См. N. 185].

15. Les listes de fiefs dans Jean d'Ibelin. // Revue historique de droit français et étranger (1954). P. 563–77 [переиздано. См. N. 186].

16. Quelques textes sur les premiers temps de l'Église latine de Jérusalem. // Recueil de travaux offerts à M. Clovis Brunel. Paris, 1955. Vol. II. P. 420–30 [переиздано. См. N. 185].

17. Observations sur le rapport «L'idée de croisade». // Atti del X. Congresso internazionale di scienze storiche. Rome, 1955. P. 375–76.

18. Une "Histoire des Croisades" collective. // Journal des Savants (1957). P. 119–31.
19. La papauté et la direction de la Première Croisade. // Journal des Savants (1960). P. 49–58 [переиздано. См. N. 185].
20. Un recueil de lettres sur la huitième croisade. // Bulletin de la Société nationale des Antiquaires de France (1960). P. 182–86 [переиздано. См. N. 185].
21. Le statut de la femme dans l'Orient latin. // Recueils de la Société Jean Bodin 12: La femme. Bruxelles, 1962. P. 377–88 [переиздано. См. N. 185].
22. Chypre sous les Lusignans. Documents chypriotes des archives du Vatican (XIVe et XVe siècles). Bibliothèque archéologique et historique 73. Paris, 1962. 183 pages.
23. La fondation d'une église latine en Orient par saint Louis: Damiette. // BEC 120 (1962). P. 39–54 [переиздано. См. N. 185].
24. La Fauconnerie de Jean de Francières et ses sources. // Le Moyen Age. Livre jubilaire. 1963. P. 893–902 [переиздано. См. N. 186].
25. Sur un passage du "Pèlerinage de Charlemagne": le marché de Jérusalem. // Revue belge de philologie et d'histoire 43 (1965). P. 552–55 [переиздано. См. N. 185].
26. Le royaume de Chypre et le Grand Schisme, à propos d'un document récemment découvert. Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (1965). P. 498–507 [переиздано. См. N. 186].
27. La confrérie des Mosserins d'Acre et les marchands de Mossoul au XIIIe siècle. // L'Orient syrien 11 (1966). P. 451–60 [переиздано. См. N. 185].
28. Le contact de l'orient. // Civilisations, peuples et mondes, 3: Le Moyen Age. Paris, 1967. P. 185–241.
29. L'ordonnance de décembre 1296 sur le prix du pain à Chypre. // *Ἐπετηρὶ κέντρον ἐπιστημονικῶν ἐρευνῶν*. 1 (1967–68). P. 45–51 (далее Epiteris). [переиздано. См. N. 185].
30. La croisade bourguignonne dans la politique Européenne. // Publication du centre européen d'études burgondo-médianes. 10 (1968). P. 169–76.
31. L'Esprit de la Croisade. Textes recueillis et présentée par Jean Richard. // *Chrétiens de tous les temps* 37. Paris, 1969. 203 pages. Перевод на японский язык Hironori Miyamatsu. // *Sangyo Keizai Kenkyu*. Vol. 30 (1989–90). P. 124–76, 322–64, 455–518, 642–98.
32. L'abbaye cistercienne de Jubin et le prieuré Saint-Biaise de Nicosie. *Epeteris* 3 (1969–70). 63–74 [переиздано. См. N. 185].
33. Saint Louis dans l'histoire des Croisades. // Bulletin de la Société d'Emulation du Bourbonnais 55 (1970). P. 229–44 [переиздано. См. N. 185].
34. Raymond d'Aguilers, historien de la Première Croisade. // Journal des Savants (1971). P. 231–42 [переиздано. См. N. 186].
35. Une lettre de Benjamin Guérard et l'édition des Assises de Jérusalem. // BEC 129 (1971), 129–33 [переиздано. См. N. 186].
36. Laurum, une abbaye cistercienne fantôme // BEC 129 (1971). P. 409–10 [переиздано. См. N. 186].
37. Le comté Tripoli dans les chartes du fonds des Porcellet. // BEC 130 (1972). P. 339 [переиздано. См. N. 186].
38. La situation juridique de Famagouste dans le royaume des Lusignans. *Praktikon* du 1er congrès international d'études chypriotes. Nicosie, 1972. Vol. II. P. 221–29. [переиздано. См. N. 186].

39. Chypre du protectorat à la domination vénitienne. // Venezia e il Levante fino al secolo XV ed. Agostino Pertusi. Firenze, 1973. Vol. II. P. 657–77 [переиздано. См. N. 186].
40. La confrérie de la croisade: à propos d'un épisode de la Première Croisade. // Mélanges E. R. Labande. Poitiers, 1974. P. 617–622. [переиздано. См. N. 186].
41. Quelques éléments pour l'histoire du vin de Chypre. // Annales cisalpines d'histoire cisalpine 3 (1972) [paru en 1974]. P. 229–30.
42. La politique orientale de saint Louis: la Croisade de 1248. // Septième centenaire de la mort de saint Louis. Actes des colloques de Royaumont et de Paris 1970. Paris, 1976. P. 197–207 [переиздано. См. N. 186].
43. Une économie coloniale? Chypre et ses ressources agricoles au Moyen Age. Byzantinische Forschungen 5 (1977). P. 331–52 [переиздано. См. N. 186].
44. Église latine et églises orientales dans les états des croisés la destinée d'un prieuré Josaphat. // Mélanges offerts à Jean Dauvillier. Toulouse, 1979. P. 743–52 [переиздано. См. N. 187].
45. Le peuplement latin et syrien en Chypre au XIIIe siècle. // Byzantinische Forschungen 7 (1979). P. 157–73 [переиздано. См. N. 187].
46. La féodalité l'Orient latin et le mouvement communal: un état des questions. // Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranée (Xe–XIIIe siècles). Rome, 1980. P. 651–665 [переиздано. См. N. 187].
47. Les Templiers et les Hospitaliers en Bourgogne et en Champagne méridionale, XIIIe–XIIIe siècles. // Die geistlichen Ritterorden Europas. / ed. Josef Heckenstein et Manfred Hellmann. Vorträge und Forschungen 26. Sigmaringen, 1980. P. 231–42 [переиздано. См. N. 187].
48. Une famille de «Vénitiens blancs» dans le royaume de Chypre au milieu du XVe siècles: les Audeth et la seigneurie du Marethasse. // Rivista di studi bizantini e slavi 1 (1981). P. 89–129 [переиздано. См. N. 187].
49. Huon de Tabarié. La naissance d'une figure épique. // La chanson de geste et le mythe carolingien. Mélanges René Louis. Saint-Père-sous-Vézelay, 1982. Vol. II. P. 1073–78 [переиздано. См. N. 187].
50. Hospitals and Hospital Congregations in the Latin Kingdom in th Early Days of the Frankish Conquest. // Outremer. Studies in the History of the Crusading Kingdom of Jerusalem Presented to Joshua Prawer / ed. Benjamin Z. Kedar, Hans F. Mayer, R. C. Smail. Jérusalem, 1982. P. 89–100 [переиздано. См. N. 187].
51. Philippe Auguste, a croisade et le royaume. // La France de Philippe Auguste. Le temps des mutations / ed. R.-H. Bautier. Paris, 1982. P. 411–24 [переиздано. См. N. 187].
52. Le droit et les institutions franques dans le royaume de Chypre. 15e congrès d'études byzantines. Athènes 1976. [переиздано. См. N. 186. IX. P. 3–20].
53. Saint Louis, roi d'une France féodale, soutien de la Terre Sainte. // Marabout-histoire 14. Paris, 1983. 638 pages. [переиздано Bruxelles 1986 в переводе на английский язык: Saint Louis, Crusader King of France. Transl. by Jean Birell. ed. Simon Lloyd. Cambridge, 1992. XXIV–354 pages.
54. Les chemins de l'Orient. // La France médiévale, sous la dir. de Jean Favier. Paris, 1983. P. 449–463.
55. Le livre des remembrances de la secrète du royaume de Chypre (1468–1469) avec la collaboration de Th. Papadopoulos. Centre de recherches scientifiques. Sources et études de l'histoire de Chypre 10. Nicosie, 1983. XXV–256 pages.

56. Les Saint-Gilles et le comté Tripoli. // Islam et Chrétiens du Midi = Cahiers de Fanjeaux 18 (1983). P. 65–75 [переиздано. См. N. 188].

57. Le royaume de Chypre et l'embargo sur le commerce avec l'Égypte (fin XIIIe—début XIVe siècles). (1984), 120–34 [Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres [переиздано. См. N. 188].

58. The *Société de l'Orient latin* Described by its Founder. // Bulletin of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East 4 (1984). P. 19–22. [французский вариант переиздан. См. N. 188].

59. Croisade et mission en terre d'orient: la participation française (XIIe–XVe siècles). // Réveils missionnaires en France du Moyen Age à nos jours (XIIe–Xxe siècles). Actes du colloque de Lyon, 29–31 mai 1980. Paris, 1985. P. 9–35.

60. Les comtes de Tripoli et leurs vassaux sous la dynastie antiochénienne. // Crusade and Seulement. Papers read at the First Conference of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East / ed. Peter Edbury. Cardiff, 1985. P. 213–24 [переиздано. См. N. 188].

61. The Political and Ecclesiastical Organization of the Crusader States. // A History of the Crusades / ed. Kenneth M. Setton. Vol. 5. Madison, 1985. P. 193–250.

62. Agricultural Conditions in the Crusader States. // A History of the Crusades / ed. Kenneth M. Setton. Vol. 5. Madison, 1985. P. 251–94.

63. La diplomatie royale dans les royaumes d'Arménie et de Chypre, XIIe–XVe siècles // BEC 144 (1986). 69–86 [переиздано. См. N. 188].

64. Un monastère grec de Palestine et son domaine chypriote: le monachisme orthodoxe et l'établissement de la domination franque. // Praktika du 2e congrès international d'études chypriotes. Nicosie, 1982. Vol. 2. Nicosie, 1986. P. 61–75 [переиздано. См. N. 188].

65. Les Turcoples au service des royaumes de Jérusalem et de Chypre: musulmans convertis ou chrétiens orientaux? // Mélanges Dominique Sourdel = Revue des études islamiques 55 (1986). P. 259–70 [переиздано. См. N. 188].

66. L'arrière-plan historique des deux cycles de la croisade. // Les épopées de la croisade. Premier colloque international (Trêves, 6–11 août 84) / ed. K. H. Bender. // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. Beiheft 11. Stuttgart, 1987. P. 6–16 [переиздано. См. N. 188].

67. Urbain II, la prédication de la croisade et la définition de l'indulgence. // Deus qui mutat tempora. Festschrift für Alfons Becker zu seinem 65. Geburtstag / ed. Ernst-Dieter Hehl, H. Seibert, F. Staab. Sigmaringen, 1987. P. 129–35 [переиздано. См. N. 188].

68. Culture franque et culture grecque dans le royaume de Chypre au XVe siècles // Byzantinische Forschungen 11 (1987). P. 399–415 [переиздано. См. N. 188].

69. La cour des Syriens de Famagouste d'après un texte de 1448. // Byzantinische Forschungen 12 (1987). P. 383–98 [переиздано. См. N. 188].

70. Frankish Power in the Eastern Mediterranean. // Mediterranean Historical Review 2 (1987). P. 168–87. Французская версия: Le pouvoir franc dans la Méditerranée orientale. // La France et la Méditerranée 27 siècles d'interdépendance / ed.

Irak Malkin. Leiden. 1990. P. 77–97 [французская версия опубликована в: См. N. 188] [переиздано. См. N. 186].

71. Les comptes du collecteur de la Chambre apostolique dans le royaume de Chypre (1357–1363). // Eretiris 13–16 (1983–87). P. 1–47 [переиздано. См. N. 188].

72. A propos d'un privilège de Jean II de Lusignan. Une enquête sur les modalités de la mise en forme des actes royaux. // *Kypriakai Spoudai* 50 (1986). P. 125–33 [переиздано. См. N. 188].
73. Les états féodaux et les conséquences de la croisade. // *Etat et colonisation au Moyen Age et à la Renaissance* / sous la dir. de Michel Balard. Lyon, 1989. P. 181–192.
74. The Establishment of the Latin Church in the Empire of Constantinople (1204–1227). // *Mediterranean Historical Review* 4 (1989). P. 45–62 et dans *Latins and Circians in the Eastern Mediterranean after 1204* / ed. Benjamin Arbel, Bernard Hamilton. David Jacoby. London, 1989. P. 45–62 [переиздано. См. N. 188].
75. La croisade de 1270, premier "passage général"? // *Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres* (1989), 510–23 [переиздано. См. N. 188].
76. La noblesse de Terre Sainte (1097–1187). // *Arquivos do Centro cultural português* 26 (1989). P. 321–36, et dans *La noblesse dans l'Europe méridionale du Moyen Age. Accès et renouvellement. Actes du Colloque*. Paris, 1989. P. 63–84 [переиздано. См. N. 188].
77. The Institutions of the Kingdom of Cyprus. // *A History of the Crusades* / ed. Kenneth M. Setton. Vol. 6. Madison, 1989. P. 150–74.
78. La campagne de Saint Louis en Egypte les rançons. // *Thy Crusader Chronicles* / ed. Elizabeth Hallam. Londres, 1989.
79. La conquête de Chypre par Richard Coeur de Lion et la formation du royaume des Lusignans. // *La France aux portes de l'Orient. Chypre XIIe–XVe siècles* / sous la dir. de J. Charles-Gaffiot. Paris, 1991. P. 29–31.
80. The Cistercians in Cyprus. // *The Second Crusade and the Cistercians* / ed. Michael Gervers. New York, 1992. P. 199–209.
81. 1187, point de départ pour une nouvelle forme de la croisade. // *The Horns of Hattin. Proceedings of the Second Conference of the Society for the Study of the Crusades and the Latin East. Jerusalem-Haifa 2–6 July 1987* / ed. Benjamin Z. Kedar. Jerusalem-Londres, 1992. P. 250–60.
82. Le paiement des dîmes dans les états des croisés // *BEC* 150 (1992). P. 71–83, et *17 Congreso nacional de ciencias historiens. Vol. 2: Sección cronologica*. Madrid, 1992. P. 990–999.
83. Une bulle inédite du monastère de la Table Nôtre-Seigneur (XIIe siècles?). // *Revue numismatique* 6.34 (1992). P. 233–36.
84. La chrétienté latine et l'Orient aux XIe et XIIe siècles. // *Université de Saint-Etienne. Etudes d'histoire* (1991–92). P. 19–33.
85. Formation et structure du royaume latin de Jérusalem» (en arabe). // *Al-Sira al-Islâm al-Faranjî al'a Filastîn fi al-qurân al-wusta (The Islamic-Frankish Conflict over Palestine during the Middle Ages* / ed. H. Dajani-Shakeel et Burhan Dajani. Beyrouth, 1993. P. 147–78.
86. La seigneurie franque en Syrie et à Chypre: modèle oriental ou modèle occidental? // *117ème Congrès national des sociétés savantes. Clermont-Ferrand, Histoire médiévale*. Paris, 1994. P. 155–66.
87. Cum omni raisagio montanee. A propos de la cession du Crac aux Hospitaliers. *Itinéraires d'Orient: Hommages à Claude Cahen = Res Orientales* 6 (1994). P. 187–94.
88. Des Lusignans mythiques au mythe des Lusignans: un "petit Lusignan" au XVe siècles. // *Actes du colloque Les Lusignans et l'Outremer* / ed. C. Mutafian. Poitiers, 1995. P. 251–59.

89. L'établissement du royaume médiéval, 1192–1205 Le royaume médiéval de 1205 à 1324 Les institutions politiques et sociales du royaume médiéval Le droit du royaume médiéval. // *Istoria ths Kuprou*. // sous la dir. de Th. Papadopoulos. Vol. 4.1 Nicosie, 1995. P. 1–20, 21–50, 333–74, 375–86. (на греческом языке).
90. Le siège de Damas dans l'histoire et la légende. // *Crosscultural Convergences in the Crusader Period. Essays Presented to Aryeh Grabois* / ed. Michael Goodich, Sophia Menache, Sylvia Schein. New York, 1995. P. 225–35.
91. L'état de guerre avec l'Égypte et le royaume de Chypre. // *Cyprus and the Crusades. Papers Given at the International Conference. Nicosia, 6–9 September 1994*. ed. Nicholas Coureas et Jonathan Riley-Smith. Nicosie, 1995. P. 83–95.
92. L'Occidente prima della crociata. // *Piacenza e la prima crociata* / a cura di P. Racine. Trad. Paola Olivi. Reggio Emilia, 1995. P. 51–66.
93. Freedom and Servitude in Cyprus and Rhodes: An Assize dating from 1396. Trad. Judith Romani. // *Intercultural Contacts in the Medieval Mediterranean. Studies in Honour of David Jacoby*. / ed. Benjamin Arbel. London, 1996. P. 272–83 = *Mediterranean Historical Review* 10 (1995). P. 272–83.
94. A propos de la "Bulla Cypria" de 1260. // *Byzantinische Forschungen* 32 (1996). P. 19–31 = 6e Symposium byzantin. Strasbourg, 1992.
95. Culture franque, culture grecque, culture arabe dans le royaume de Chypre au XIIIe et au début du XIVe siècle. // *In memoriam Professeur J.-M. Fiey. Université Saint-Joseph. Annales du département des Lettres arabes* 63. 1991–92. Beyrouth, 1996. P. 235–245.
96. Les Etats latins de Terre Sainte. // *La Croix et le Croissant. Actes de la IVe Université d'été Renaissance catholique. Quarré-les-Tombes, août 1995. Paris, 1996*. P. 75–100.
97. La croisade, réveil religieux et ouverture au monde. // *Les Nouvelles de l'Ordre du Saint-Sépulcre, supplément au n° 42, janvier 1996*. P. 3–7.
98. Histoire des croisades. Paris. 1996. 544 pages. Traduction anglaise par Jean Birrell. *The Crusades, c.1071–c.1291. Cambridge Medieval Text Books. Cambridge, 1999*. XIV — 516 pages. Traduction italienne. *La grande storia delle crociate* (1999).
99. Un palais à Beyrouth au début du XIIIe siècle. // *Res Orientales* 8 (1996). P. 139–141.
100. L'indulgence de croisade et les pèlerinages en Terre Sainte. // *Il concilie di Piacenza e le crociate. Plaisance, 1996*. P. 213–23.
101. Les prisonniers et leur rachat au cours des croisades. // *Fondations et œuvres charitables au Moyen Age. 121 éme Congrès national des sociétés savantes. Nice, 1996*. P. 63–79.
102. Le crociate e le fonti occidentali: Baldovino IV il leproso. // *Le Crociate, l'Oriente e l'Occidente da Urbano II a san Luigi, 1096–1270 (Rome, 1997)* / a cura di Monique Rey-Delqué. Version française: *Les Croisades. L'Orient et l'Occident d'Urbain II à Saint Louis, 1096–1270 (Toulouse, 1997)*. P. 39–47, 161–72.
103. Les révoltes chypriotes de 1191–1192 et les inféodations de Guy de Lusignan. // *Montjoie. Studies in Crusade History in Honour of Hans Eberhard Mayer*. / ed. Benjamin Z. Kedar, Jonathan Riley-Smith, Rudolf Hiestand. Aldershot, 1997. P. 123–28.
104. Les prisonniers de Nicopolis. // *Nicopolis. 1396–1996. Actes du colloque international. Dijon, 18 octobre 1996 (Annales de Bourgogne 68, 1996)* / ed. J. Paviot, M. Chauney-Bouillot. Dijon, 1997. P. 75–83.

105. Les marchands génois de Famagouste et la défense de Smyrne. // *Oriente e Occidente tra medioevo e età moderna. Studi in onore di Geo Pitarino / a cura di Laura Balletto. Génois, 1997. Vol. II. P. 1059–1071.*

106. La Méditerranée des croisades. // *Regards sur la Méditerranée 7ème colloque de la Villa Kerylos, 4–5 octobre 1996. Paris, 1997. P. 135–150.*

107 Vassaux, tributaires ou alliés. Les chefferies montagnardes et les Ismaéliens dans l'orbite des Etats des croisés. // *Die Kreuzfahrerstaaten als multikulturelle Gesellschaft. Schriften des Historischen Kollegs. Kolloquium 37 / ed. Hans E. Mayer. München, 1997. P. 141–52.*

108. Le financement des croisades. // *Pouvoir et gestion. 5èmes rencontres, 29–30 novembre 1996. Collection Histoire. Gestion. Organisation 5. Toulouse, 1997. P. 63–71.*

109. Le départ de la croisade. // *Universitat occitàna d'estiu. Actes de l'université d'été 1996. Nîmes, 1997. P. 228–246.*

110 La culture juridique de la noblesse aux XIe. XIIe et XIIIe siècles. // *Nobilitas. Funktion und Repräsentation des Adels in Alteuropa. Veröffentlichungen des Max-Planck Institut für Geschichte. 133. ed. O.G. Oexle, Werner Paravicini. Göttingen, 1997. P. 53–66.*

111. Joinville à la croisade. // *Le prince et son histoire. La vie de Saint Louis par Joinville / ed. J. Dufournet, L. Harf. Paris, 1997. P. 24–31.*

112. La croisade: l'évolution des conceptions et des stratégies. // *From Clermont to Jerusalem. The Crusades and Crusader Societies, 1095–1500. Selected Proceedings of the International Medieval Congress. Leeds, 1995. / ed. Alan V. Murray. Turnhout, 1998. P. 3–25.*

113. Les évêques de Chypre et la Chambre apostolique: un arrêt de compte de 1369. // *The Crusades and their Sources. Essays Presented to Bernard Hamilton / ed. John France et William G. Zajac. Aldershot, 1998. P. 181–94.*

114. Les bases maritimes des Fatimides, leurs corsaires et l'occupation franque en Syrie. // *Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras. Vol 2. Orientalia Lovanensia analecta 83 / ed. Urbain Vermeulen et D. De Smet. Louvain, 1998. P. 115–29.*

115. Affrontement ou confrontation? Les contacts entre deux mondes au pays de Tripoli au temps des croisades. // *Chronos. Revue d'histoire de l'Université de Balamand. Vol. 2. 1999. P. 7–28.*

116. La levée des décimes sur l'Eglise latine de Chypre. Documents comptables de 1363–1371. // *Epeterida. Nicosie, 1999. Vol. 25. P. 11–18.*

117. Le Midi italien vu par les pèlerins et les chroniqueurs de Terre Sainte. // *Il Mezzogiorno normanno-svevo visto dall'Europa e dal mondo mediterraneo. Atti delle tredicesime giornate normanno-sveve / a cura di Giosuè Musca. Bari, 1999. P. 341–58.*

II. МИССИИ, ПУТЕШЕСТВИЯ, ЛИТЕРАТУРА. МОНГОЛЬСКАЯ АЗИЯ

118. La papauté et les missions catholiques en Orient au Moyen Age. // *Mélanges d'archéologie et d'histoire publiés par l'Ecole française de Rome 58 (1941–1946). P. 248–66 [переиздано. См. N. 186].*

119. Un évêque bourguignon au Turkestan au XIVe siècle. // *Mémoires de l'Académie de Dijon (1943–46). P. 329–36.*

120. Evêchés titulaires et missionnaires dans le "Provinciale Romane Ecclesiae". // *Mélanges d'archéologie et d'histoire 60 (1948). P. 227–36 [переиздано. См. N. 186].*

121. Un texte latin du XIVe siècle concernant la Corée. // Actes du XXIe congrès des Orientalistes. Paris, 1948. P. 349–50.
122. La chanson de Syracon et la légende de Saladin. // Journal asiatique 237 (1949). P. 155–58 [переиздано. См. N. 186].
123. Le début des relations entre la Papauté et les Mongols de Perse. // Journal asiatique 237 (1949). P. 287–93 [переиздано. См. N. 186].
124. Deux évêques dominicains, agents de l'Union arménienne au Moyen Age. // Archivum fratrum praedicatorum 19 (1949). P. 255–65 [переиздано. См. N. 185].
125. La limite occidentale de l'expansion de l'alphabet ouigours. // Journal asiatique 239 (1951). P. 71–75 [переиздано. См. N. 186].
126. Les missions chez les Mongols aux XIIIe et XIVe siècle. // L'Histoire universelle des missions catholiques, dirigée par Mgr Delacroix. Monaco, 1957. Vol. I. P. 173–95.
127. La mission en Europe de Rabban Çauima et l'Union des Eglises. // XIIe Convegno Volta. Oriente et Occidente nel medioevo. Rome, 1957. P. 162–67 [переиздано. См. N. 185].
128. L'Extrême-Orient légendaire au Moyen Age: roi David et Prêtre Jean. // Annales d'Ethiopie 1 (1957). P. 225–42 [переиздано. См. N. 185].
129. Essor et déclin de l'Eglise catholique de Chine au XIVe siècle. // Bulletin de la Société des Missions Étrangères de Paris 2.134 (1960). P. 285–95 [переиздано. См. N. 185].
130. Les premiers missionnaires latins en Ethiopie (XIIe–XIVe siècle). // Atti del Convegno internazionale di studi etiopici. Accademia nazionale dei Lincei, Problemi attuali di scienza e cultura. Vol. 48. Rome. 1960. P. 323–29 [переиздано. См. N. 185].
131. Une lettre concernant l'invasion mongole? // BEC 119 (1961). P. 243–45.
132. Les missionnaires latins chez les Kaïtak du Daghestan (XIVe–XVe siècle). // Труды XXV Международного Конгресса востоковедов. Москва, 1962. Т. 3. С. 606–611 [переиздано. См. N. 186].
133. Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares. Documents relatifs à l'histoire des croisades publiée par l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres 8. Paris, 1965. 132 pages.
134. La vogue de l'Orient dans la littérature occidentale du Moyen Age. // Mélanges offerts à René Grozet. Poitiers, 1966. P. 557–561 [переиздано. См. N. 186]. Резюме с тем же названием см: Труды XXV Международного Конгресса востоковедов. Москва, 1962. Т. 1. С. 458–459 Перевод на арабский язык: al-Tsirat a-saibi (L'héritage populaire). Bagdad, 1985. P. 95–101.
135. La conversion de Berke et les débuts de l'islamisation de la Horde d'Or. // Revue des études islamiques (1967). P. 173–84 [переиздано. См. N. 185].
136. The Mongols and the Franks. // Journal of Asian History 3 (1969). P. 45–57 [переиздано. См. N. 185].
137. Les navigations des Occidentaux sur l'Océan Indien et la mer Caspienne (XIIIe–XVe siècles). // Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien. Bibliothèque générale de l'Ecole pratique des Hautes Etudes, 6e section. Paris, 1970. P. 353–363 [переиздано. См. N. 185]. Également paru en anglais: European Voyages in the Indian Ocean and Caspian Sea, 12th–15th centuries. // Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies 6 (1968). P. 45–52.

138. Isol le Pisan: un aventurier franc gouverneur d'une province mongole? » Rashid al-Din Commération Volume = Central Asiatic Journal 14 (1970). P. 186–94 [переиздано. См. N. 185].
139. Les missionnaires latins dans l'Inde au XIVe siècle. // Mélanges Loenert = Studi veneziani 12 (1970). P. 231–42 [переиздано. См. N. 185].
140. Ultimatums mongols et lettres apocryphes: l'Occident et les motifs de guerre des Tartares // Central Asiatic Journal 17 (1973). P. 212–22 [переиздано. См. N. 185].
141. Robinson Crusoe voyageur imaginaire, témoin de la pénétration du christianisme en Chine et en Haute Asie au début du dix-huitième siècle. // Revue d'histoire des religions 187 (1975). P. 71–83 [переиздано. См. N. 186].
142. Recherches sur la propagation du christianisme dans l'Asie centrale médiévale et moderne. // Altaica collecta. Berichte und Vorträge der XVII. Permanent International Altaistic Conference. Wiesbaden, 1976. P. 199–207 [переиздано. См. N. 186].
143. Sur les pas de Plancarpin et de Rubrouck: la lettre de saint Louis à Sartaq. // Journal des Savants (1977). P. 49–61 [переиздано. См. N. 187].
144. Chrétiens et Mongols au concile. La Papauté et les Mongols de Perse dans la seconde moitié du XIIIe siècle. // 1274, année charnière. Mutations et continuité Paris, 1977. P. 31–44 [переиздано. См. N. 187].
145. Les Mongols et l'Occident: deux siècles de contacts. // 1274, année charnière. Mutations et continuité Paris, 1977. P. 85–96 [переиздано. См. N. 187].
146. La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). // Collection de l'École de Rome 33 (Rome, 1977). xxxiv–325 pages. 2e édition revue. Rome, 1998, xxxiv–331 pages.
147. L'enseignement des langues orientales en Occident au Moyen Age. // L'enseignement en Islam et en Occident au Moyen Age (Colloques internationaux de la Napoule, 1976) = Revue des études islamiques 44 (1976). P. 149–64 [переиздано. См. N. 187].
148. Les causes des victoires mongoles d'après les historiens occidentaux du XIIIe siècle. // Central Asiatic Journal 23 (1979). P. 104–17 [переиздано. См. N. 187].
149. Une ambassade mongole à Paris en 1262. // Journal des Savants 1979. P. 295–303 [переиздано. См. N. 187].
150. Louis de Bologne, patriarche d'Antioche, et la politique bourguignonne envers les Etats de la Méditerranée orientale. // Publication du Centre Européen d'études Burgondo-médianes 20. Bâle, 1980. P. 63–69 [переиздано. См. N. 187].
151. Les papes d'Avignon et l'évangélisation du monde non-latin à la veille du Grand Schisme. // Genèse et débuts du Grand Schisme d'Occident. Avignon, 1978. Paris, 1980. P. 305–15 [переиздано. См. N. 187].
152. Les recits de voyages et de pèlerinages. // Typologie des sources du Moyen Age occidental 38 (Turnhout, 1981). 84 pages. Mise à jour. Turnhout. 1985. 4 pages. Traduction italienne revue en préparation.
153. Voyages réels et voyages imaginaires, instruments de la connaissance géographique au Moyen Age. // Culture et travail intellectuel dans l'Occident médiévale. Paris, 1981. P. 211–20 [переиздано. См. N. 187].
154. Les gens de mer vus par les Croisés et par les pèlerins occidentaux au Moyen Age. // Le genti del Mare Méditerranée / ed. Rosalba Ragosta. Napoli, 1981. P. 341–55 [переиздано. См. N. 187].

155. Latran III et l'Orient. // Le troisième concile du Latran (1179). Etudes Augustiniennes. Paris, 1982. P. 41—44.

156. Le christianisme dans l'Asie centrale. // Journal of Asian History 16 (1982). P. 101—24.

157. Le discours missionnaire: l'exposition de la foi chrétienne dans les lettres des papes aux Mongols. // Prédication et propagande au Moyen Age. Islam, Byzance, Occident. Penn-Paris-Dumbarton Oaks Colloquia 3 (Paris, 1983). P. 257—68 [переиздано. См. N. 187].

158. La Méditerranée et ses relations avec son arrière -pays oriental (XIe—XVe siècles). // Navigazioni mediterranee et connessioni continentali (sec. XI—XVI). // Congresso di storia marittima. 1969. / a cura di Rosalba Ragosta. Napoli, 1983. P. 265—299 английская версия в: [См. N. 186].

159. Les relations de pèlerinages au Moyen Age et les motivations de leurs auteurs. // Wallfahrt kennt keine Grenzen. München, 1984. P.143—154.

160. La lettre du connétable Smbat et les rapports entre Chrétiens et Mongols au milieu du XIIIe siècle. // Armenian Studies — Etudes Arméniennes. In memoriam Haig Berherian / ed. Dickran Kouymjian. Lisbonne, 1986. P. 683—96 [переиздано. См. N. 188].

161. Krizari i putnici u serdnjovjekovnoi Slavonii (Croisés et pèlerins dans l'Esclavonie médiévale). trad. Mgr. F.Sanjek. // Croatica christiana 10 (1986). P. 27—39.

162. Le transport outremer des croisés et des pèlerins (XIIe—XVe siècles). // Maritime Aspects of Migration = Quellen und Darstellungen zur Hansischen Geschichte NF 34 / ed. K. Friedland. Köln 1989. P. 29—44 [переиздано. См. N. 188].

163. Le soutien de l'Eglise latine aux chrétiens d'Orient durant le Moyen Age. // Conversion and Continuity. Indigenous Christian Communities in Islamic Lands, VIIIth—XVth Centuries / ed. Michael Gervers et R. J. Bikhazi. Toronto, 1990. P. 389—405.

164. Les églises orientales d'Asie et d'Afrique les états latins d'Orient; la recherche de l'union avec les autres Orientaux; l'Eglise latine et les non-chrétiens hors de la chrétienté. // Histoire du christianisme. Vol. 6. Un temps d'épreuves. 1274—1449. Sous la dir. de M. Mollat du Jourdin, André Vauchez. Paris, 1990. P. 209—49, 770 77, 840—48, 883—900.

165. A propos de la mission de Baudouin de Hainaut: l'empire latin de Constantinople et les Mongols. // Journal des Savants (1992). P. 115—21.

166. Les Arméniens à Avignon au XIVe siècle. // Mémorial Sirarpie der Nersessian = Revue des études arméniennes 33 (1992). P. 253—64.

167. «Manières de crestiens: les chrétiens orientaux dans les relations de pèlerinages aux Lieux Saints (XIIe—XVe siècles). // Relazioni di viaggio e conoscenza del mondo fra medioevo e umanesimo. Atti del V convegno dell' A.M.U.L. / a cura di St. Pittalunga. Genova, 1991 Columbiana V. Genova, 1993. P. 89—110.

168. La Relatio de Davide: une source de l'histoire des Mongols. // Proceedings of the 35th Permanent International Altaistic Conference, September 1992. Taipei. / ed. Chieh hsien Ch'en. Taipei/1993. P. 417—429. Исправленная и дополненная версия опубликована: Thó Relatio de Davide as a Source for Mongol History and the Legend of Prester John. // Prester John, thó Mongols and the Lost Tribes / ed. Ch. F. Beckingham et Bernard Hamilton. Aldershot, 1996. p. 139—158.

169. L'Orient latin et le monde des missions. // Hagiographies / sous la dir. de G. Philippart. Corpus christianorum 1. Turnhout, 1994. P. 189—198.

170. Les sources latines et l'Iran médiévale. // Sociétés et cultures d'hier et d'aujourd'hui (Les chantiers de la recherche. Strasbourg, 1994) Paris, 1996. P. 317–319.

171. La Papauté en Avignon et l'Arménie. // Arménie entre Orient et Occident. 3000 ans de civilisation / sous la dir. de R. Kevorkian. Paris, 1996. P. 184–187.

172. Les explorateurs du Moyen Age et l'Extrême-Orient Marco Polo: le voyageur et son oeuvre les lieux cités par Marco Polo. // Marco Polo: le livre des Merveilles, manuscrit français 2810 de La Bibliothèque Nationale de France. Commentaire, avec traduction allemande de Jörg Trobitius. Lucerne, 1996. P. 11–18, 55–68, 283–289, 325–336, 501–507.

173. Travel Literature (trans. George E. Gingras). // Medieval Latin. An Introduction and Bibliographical Guide. / ed. F. Mantello et A. G. Rigg. Washington, 1996. P. 682–687.

174. Sur un passage de Simon de Saint-Quentin: le costume, signe de soumission dans le monde mongol. // Actes de la 37ème Permanent International Altaistic Conference. Chantilly, 1994 (Etudes mongoles et sibériennes, cahier 27, 1996). P. 229–234.

175. D'Algigidai à Gazan: la continuité d'une politique franque chez les Mongols. // L'Iran face à la domination mongole. Etudes réunies et présentées par Denise Aigle. Institut français de recherche en Iran. Bibliothèque iranienne 45 (Téhéran, 1997). P. 57–69.

176. Byzance et les Mongols. // Byzantinische Forschungen 25 (1999). P. 83–100.

III. РАЗНОЕ

177. Introduction à Etienne Delaruelle. L'idée de croisade au Moyen Age. / ed. André Vauchez. Turin, 1980. P. VI–XI.

178. Jean Longnon (1887–1979). // BEC 139 (1981). P. 357–359. 179. La contribution de Denis Sinor aux études médiévales. // Denis Sinor Bibliographe, compiled by R. Meserve. Bloomington, 1986. P. 46–48.

180. Préface René Grousset. Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem. (Персиздание). Paris, 1991. P. 7–13.

181. Notice sur la vie et les travaux de Paul Deschamps. // Comptes-rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (1991). P. 337–346.

182. Introduction à: The Military Orders: Fighting for the Faith and Caring for the Sick / ed. Malcolm Barber. Aldershot, 1994. P. XXI–XXVII.

183. Préface à Correspondance et écrits de Louis de Mas-Latrie sur Chypre / ed. H. de Dianous (s.l. 1997). P. 9–14.

184. Contribution au catalogue de l'exposition Liban. L'autre rive. Paris, 1998. P. 228–240.

IV. СБОРНИКИ ПЕРЕПЕЧАТАННЫХ РАБОТ

В Variorum Reprints было собрано 4 тома статей Жана Ришара, касающихся истории Латинского Востока, крестовых походов, миссионерства и путешествий:

185. Orient et Occident au Moyen Age: contacts et relations (XIIIe–XVe siècles). London: Variorum Reprints, 1976. IV–392 pages.

186. Les relations entre Orient et Occident au Moyen Age: Etudes et documents. Préface de J. Glénisson. London: Variorum Reprints, 1977. IV–356 pages.

187. Croisés missionnaires et voyageurs: les perspectives orientales du monde latin médiéval. London: Variorum Reprints, 1983. 340 pages.

188. Croisades et Etats latins d'Orient. Points de vue et documents. Aldershot, 1992. X-316 pages.

V. ДОКЛАДЫ, КОНФЕРЕНЦИИ, СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

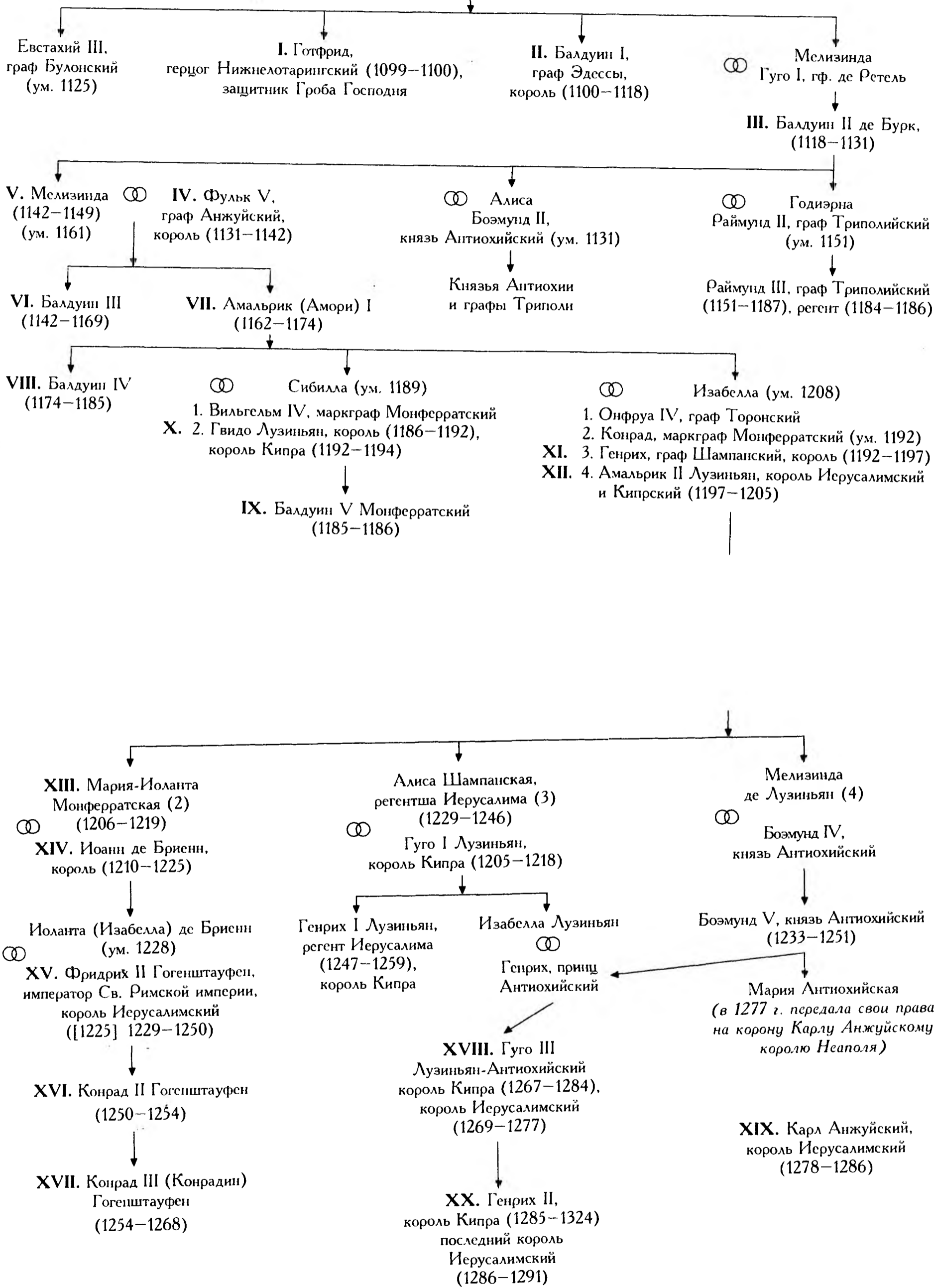
189. Les chrétiens d'Orient dans la perspective de l'établissement des croisés. // Colloque Arméniens et autres chrétiens d'Orient face à l'empire byzantin. Montpellier 1999.
190. Le temps des croisades. // Histoire du Liban / sous la direction de B. Dib.
191. L'acheminement par mer des croisades. // Journée d'archéologie maritime. Paris 1995.
192. Frédéric II, roi de Jérusalem. // Federico IIe le cinque corone. Convegno di Cosenza, 1996.
193. Le régime des fiefs à Chypre, entre service armé et contribution fiscale, à propos de quelques documents inédits. // Actes du congrès de Nicosie. 1996.
194. René Grousset: de l'histoire des croisades à l'empire des steppes. // Colloque René Grousset. Montpellier, 1996.
195. Saint Louis et la Terre Sainte. // Colloque d'Aigues-Mortes, 1997.
196. Les transformations de l'image de Saladin dans les sources occidentales. // Revue des études du monde musulman. 1997.
197. Jean Baptiste Mailly et l'Esprit des croisades. // Mémoires de l'Académie de Dijon, 1998–1999.
198. De J.-B. Mailly à J.-F. Michaud. Un moment de l'historiographie des croisades, présenté la conférence: Society for the Study of the Crusades and the Latin East. Jérusalem, 1999.
199. Pouvoir royal et patriarcat au temps de la cinquième croisade. A propos du rapport du patriarche Raoul, présenté au colloque sur la féodalité dans le royaume de Jérusalem. Jérusalem, 1999.
200. The Eastern Churches. // The New Cambridge Medieval History 4.1. // ed. David Luscombe.
201. La relation de pèlerinage, instrument de dévotion. // Jerusalem in der christlichen Spiritualita/t des Mittelalters. Jérusalem, 1999.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AOL Archives de l'Orient latin
- BEC Bibliothèque de l'Ecole des chartes
- Cart Hosp Cartulaire général de l'Ordre des Hospitaliers de Saint-Jean de Jérusalem, 1100–1310 / ed. Joseph Delaville Le Roulx. 4 vols. Paris, 1894–1906.
- Cart St Sep Le Cartulaire du chapitre du Saint-Sépulcre de Jérusalem. / ed. Geneviève Bresc-Bautier. Documents relatifs à l'histoire des croisades 15. Paris, 1984.
- Chartes Josaphat Chartes de la Terre Sainte provenant de l'abbaye de Notre-Dame de Josaphat / ed. Henri F. Delaborde. Bibliothèque des Ecoles françaises d'Athènes et de Rome 19. Paris. 1880.
- Cont. WT La Continuation de Guillaume de Tyr (1184—1197) / ed. Margaret Ruth Morgan. Documents relatifs à l'histoire des croisades 14. Paris, 1982.
- CCCM Corpus Christianorum. Continuatio Mediaevalis
- DA Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters
- DOP *Dumbarton Oaks Papers*
- «Eracles» Le estoire de Eracles empereur. // RHC Oc 2.
- Ernoul Chronique d'Ernoul et de Bernard le Trésorier. / ed. Louis de Mas-Latrie. Paris, 1871.
- FC Fulcher of Chartres, *Historia Hierosolymitana*. / ed. Heinrich Hagenmeyer. Heidelberg, 1913.
- JL *Regesta pontificum Romanorum ab condita ecclesia ad annum p. Chr. natum 1198*. 2nd ed. / ed. Philipp Jaffé Wilhelm Wattenbach, Samuel Löwenfeld et al. 2 vols. Leipzig, 1885–1888.
- Mansi *Concilia Giovanni Domenico Mansi (ed) Sacrorum conciliorum nova et amplissima Collectio*
- MGH *Monumenta Germaniae Historica*
- MGHS *MGH Scriptores*
- PCRCICO *Fontes pontificiae commissionis ad redigendum Codicem iuris canonici orientalis*
- PG *Patrologia Graeca*
- PL *Patrologia Latina*
- PPTS *Palestine Pilgrims' Text Society*
- RHC *Recueil des Historiens des Croisades* / ed. Académie des inscriptions et belles-lettres. 15 vols. Paris, 1844–1895.
- Arm Documents arméniens
- Oc *Historiens occidentaux*

ИЕРУСАЛИМСКИЕ КОРОЛИ *

ЕВСТАХИЙ II, ГРАФ БУЛОНСКИЙ

* Римскими цифрами обозначена последовательность наследования короны.

ИЕРУСАЛИМСКОЕ КОРОЛЕВСТВО в 1241 г.

Имп. — города и замки,
контролируемые
императором Фридрихом II

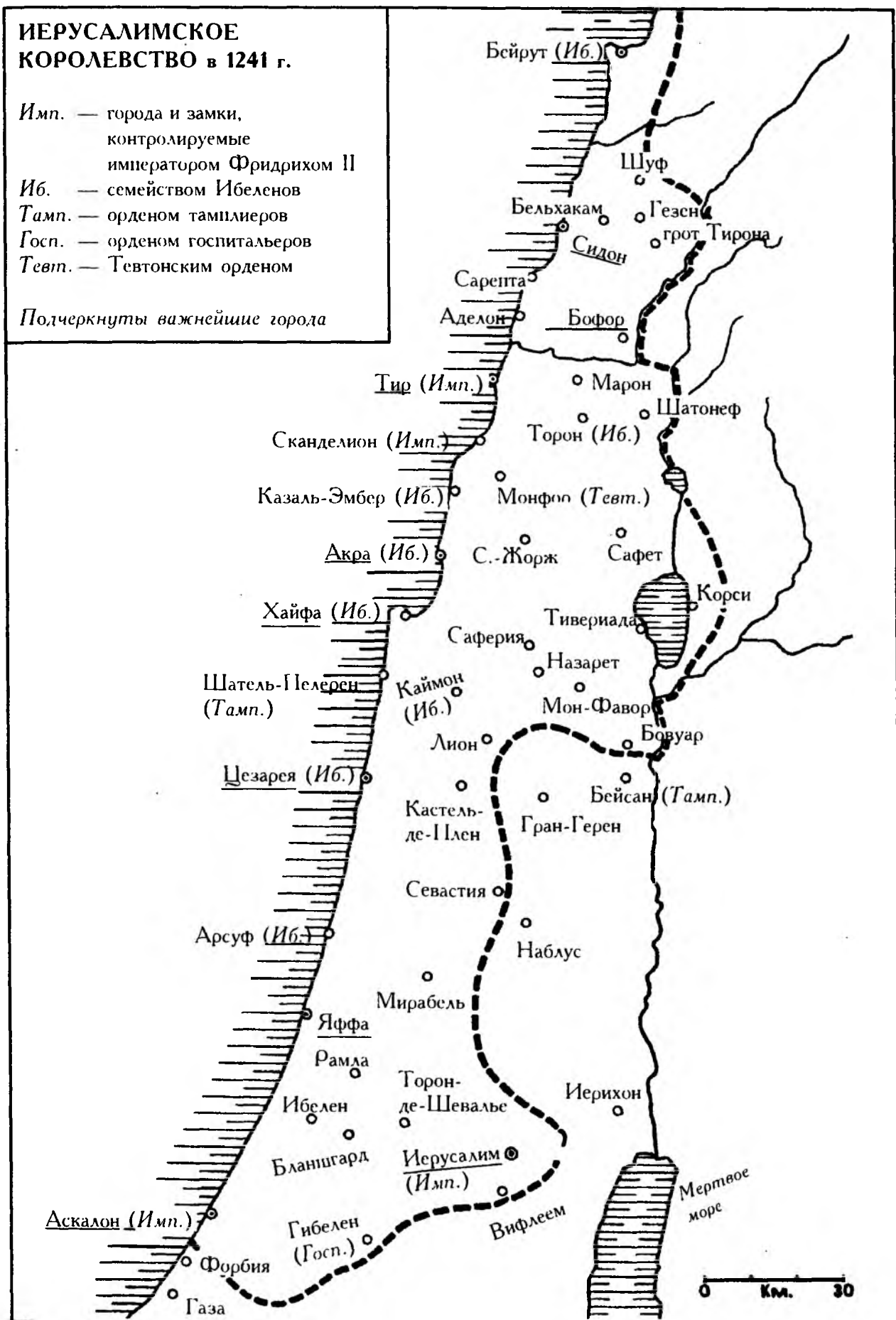
Иб. — семейством Ибеленов

Тамп. — орденом тамплиеров

Госп. — орденом госпитальеров

Тевт. — Тевтонским орденом

Подчеркнуты важнейшие города

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛИ

- Абак, правитель Дамаска 66, 67
 Абель 16
 Абу Али Тахир, визирь Дамаска 62
 Абу Имран Фадл 57
 Авень, Готье д' 209, 211, 251
 Агнесса Эдесская — см. Агнесса де Куртене
 Аделаида Сицилийская, супруга Балдуина I 35, 119
 Адемар Монтейский, епископ Пюи 38, 43, 45, 81, 270
 Адриан IV, папа Римский 127
 Адриан V, папа Римский 342
 Адриан, римский император 117
 Аз-Захир, правитель Алеппо 194
 Айбег Туркмен, мамлюкский султан Египта 310, 311, 313, 314
 Александр III, папа Римский 120, 137, 208
 Александр IV, папа Римский 330, 334, 342, 350, 351, 368
 Алексей Комнин, византийский император 26, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43
 Алиенора, супруга Людовика VII 65
 Алиньян Бенедикт д', епископ Марсея 294
 Алиса Иерусалимская, дочь Балдуина II 62, 63
 Алиса Шампанская, дочь Изабеллы I, королевы Иерусалимской 192, 231, 236, 237, 279, 284, 298, 299, 300, 301, 305, 366, 368, 371, 372
 Аль-Адил II, султан Египта 290, 291
 Аль-Азиз, правитель Египта 194, 195
 Аль-Афдаль, визирь 50, 194
 Аль-Ашраф, султан Египта 223, 388, 389, 390, 391, 393
 Альберт Ахенский 18
 Альварес Гарсия 243
 Аль-Камиль, султан Египта 212, 213, 216, 221, 222, 223, 227, 228, 290
 Аль-Мансур, правитель Хамы 194, 195
 Альморавиды, династия 37
 Аль-Муаззам, правитель Дамаска 206, 210, 213, 215, 221, 222, 223
 Аль-Назир, правитель Дамаска 223, 225
 Аль-Салих, правитель Дамаска 74
 Альфен Л. 22
 Альфонс Арагонский 387
 Альфонс Кастильский 342
 Альфонс-Иордан, граф Тулузский 65
 Амбруз французский, хронист 186, 192, 241, 266
 Амори I, король Иерусалимский 34, 36, 70, 71, 72, 73, 74, 85, 86, 91, 96, 97, 99, 100, 101, 102, 104, 107, 111, 113, 114, 122, 126, 129, 137, 138, 150, 151, 157, 163, 165, 167, 173, 189, 204, 229, 231, 239, 252, 255, 258, 278, 347, 375
 Амори II (Амори де Лузиньян), король Кипрский и Иерусалимский 88, 163, 167, 187, 191, 195, 196, 197, 198, 201, 202, 203, 205, 222, 229, 231, 232, 233, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 244, 272, 278, 362, 373, 375, 383
 Ампуриас, Гуго д', тамплиер 397
 Амьен, Пьер д' 344
 Анап, Николай де, патриарх Иерусалимский 342
 Анар, визирь Дамаска 63, 64, 65, 66
 Андрей II, венгерский король 209, 210, 211, 238
 Андроник Комнин, византийский император 77, 79, 96, 200
 Андуз, Бермон д' 201
 Антьом Бальан 373
 Антьом Никола 368, 373
 Аргун, хан 346, 363, 365, 384
 Арда, супруга Балдуина 35, 119 I
 Арденн-Анжу, династия 34, 37, 102, 116, 160, 190, 264
 Арнольд Любекский, хронист 196
 Арпен, виконт Буржский 106
 Арси, Жан д' 212
 Артуа, Роберт д', брат Людовика IX Святого 308, 309
 Ас-Салих Эйюб, правитель Дамаска 290
 Ас-Салих Исмаил, правитель Дамаска 290, 291
 Ассальи, Жильбер д', Великий Магистр ордена госпитальеров 137, 142
 Асцелин 350
 Атем 18
 Ачерра, Томас д' 221, 224, 234, 269, 276, 298, 300, 302, 306
 Аюис, правительница Помье 143
 Базон, Жерве де 59, 105, 114, 116
 Байель, Жан де 284
 Байоль, Руссель де 26
 Балак 62

- Балдуин I, король Иерусалимский 34, 35, 46, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 83, 84, 89, 103, 105, 106, 107, 114, 118, 119, 122, 124, 131, 150, 151, 152, 155, 230, 254, 257, 260, 407
- Балдуин II де Бурк, король Иерусалимский 29, 34, 35, 36, 44, 51, 60, 61, 62, 65, 67, 84, 85, 86, 90, 92, 93, 98, 103, 108, 109, 115, 120, 151, 158, 257, 260, 289, 298, 375
- Балдуин I, константинопольский император, граф Фландрии 199, 202
- Балдуин III, король Иерусалимский 34, 36, 55, 64, 67, 68, 69, 70, 85, 94, 96, 97, 99, 102, 108, 120, 143, 153, 178, 198, 239, 255, 256, 258, 260, 265
- Балдуин III, король Иерусалимский 34, 86, 100
- Балдуин IV Прокаженный, король Иерусалимский 34, 36, 37, 75, 76, 78, 79, 85, 86, 87, 96, 99, 110, 111, 113, 120, 138, 153, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 173, 181, 185, 198, 229, 276
- Балдуин V Дитя, король Иерусалимский 34, 37, 87, 94, 163, 166, 167, 407
- Балдуин Гинский 103
- Балдуин, граф Эно и Туля 38
- Балдуин, сын Ури Наблусского 108
- Бальан II Сидонский 372
- Бальан Сидонский 84, 213, 220, 224, 277, 278, 279, 281, 287, 289, 291, 293, 297, 374
- Банден, канцлер 182, 191
- Бар Ле-Дюк, Генрих де 291
- Барбо Папалеоне 261
- Бардас (Вартан) Армянин 158
- Барле Рено (де Монтрей-Беллей) 192, 196
- Барле, Амори де 279, 280, 282, 283, 404
- Барле, Гуго де 376
- Барсома, несторианский епископ 346
- Бартелеми Пьер 42, 43, 119
- Батый, хан 245
- Бахрам-шах, эмир Баальбека 194
- Бедан Филипп, юрист 299
- Бейбарс, мамлюкский султан Египта 309, 337, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 364, 370, 371, 376, 392, 397
- Бейрут, Бернар де (Бланшгард) 237
- Бейсан, Адам III де 111, 164
- Бейсан, Амори де 279, 280
- Бельфорсе 18
- Бенедетто Захария 334
- Беньо, историк 140
- Беренгарий, епископ Оранжа 119
- Бернар, епископ Назарета 121
- Бертран, сын Раймунда Сен-Жильского, граф Триполи 53, 54
- Бетюн, Адам де 105
- Бланка Кастильская, королева Франции 311
- Бове, Винсент де 199
- Боже, Гильом де, Великий Магистр ордена тамплиеров 377, 378, 380, 384, 388, 390, 391
- Боже, Юмбер де 309
- Бонвичини Ансальдо, кастелян Тира 177
- Бонгар 18
- Бонифаций VIII, папа Римский 402
- Бонифаций, маркграф Монферратский 200
- Боземунд II Антиохийский 62
- Боземунд III Антиохийский 71, 166, 167, 170, 184, 235
- Боземунд IV, граф Триполи 180, 184, 209, 210, 235, 252, 282, 284
- Боземунд V Антиохийский 284, 286, 300
- Боземунд VI Антиохийский 314, 332, 333, 349, 350, 352, 355, 361, 366, 367, 369, 370
- Боземунд VII Антиохийский 336, 345, 377, 379
- Боземунд Тарентский 39, 40, 41, 42, 43
- Брейс Людовик 16, 19
- Бри, Ансо де 279, 283
- Бри, Дре де 105
- Бриенн, Готье де, брат короля Иоанна 232, 237, 291
- Бриенн, Готье де, племянник короля Иоанна 242, 284, 289, 292, 293, 300, 302
- Бриенн, Гуго де, граф Лекки 370, 378
- Бриенн, Иоанн де — см. Иоанн де Бриенн
- Бриенн, Энгильберт де 232
- Бриенн, Эрар де 192
- Брюс Ренье 105
- Бурзуки, правитель Мосула 59, 60, 61, 62
- Бури, сын Тюгтекина 62
- Бутрон, Гильом де 370
- Бутье, Этьен де 287
- Бюр, Гильом де, коннетабль Иерусалимского королевства 54, 98, 116
- Ваалино Джованни 297
- Валанс, Гильом де 165, 169, 238, 243, 277
- Валанс, Жирар де, виконт Акры 143
- Валанс, Жослен де 277
- Валапсьен, Жан де 341, 356
- Валери, Эрар де 343, 344
- Вальтер Неимуций, рыцарь 38
- Вальтер Теккский, граф Тюбингена 38

- Ваше Бернар 263
 Вельф Баварский 45
 Венсан 16
 Вермандуа, Гуго де 38, 39, 45
 Вивьен Хайфаский 143
 Видаль Жак, маршал Иерусалимского
 Королевства 379
 Виктор IV, папа Римский 120, 137
 Виллардуэн, Гильом де, князь Морийский
 211, 368
 Вильбранд Ольденбургский 408
 Вильгельм II, король Сицилии 80, 179, 180,
 195
 Вильгельм III Монферратский 87, 94
 Вильгельм III, король Сицилии 195
 Вильгельм IV Монферратский 34, 87, 139,
 199, 229
 Вильгельм V Монферратский (Яфаский)
 229
 Вильгельм Завоеватель, король Англии 26,
 119
 Вильер, Жан де, Великий Магистр ордена
 госпитальеров 391
 Витри, Жак де, епископ Акры 18, 209, 245,
 247, 249, 267, 318, 342, 405
 Владислав Венгерский 195
 Владислав, чешский герцог 135
 Вольтер 19
 Вьей-Брида, Пьер де, Великий Магистр
 ордена госпитальеров 297
 Газан, хан 395, 396, 397
 Гарнье «Германец» (Гарнье фон Эгисхейм)
 211, 242, 269, 277, 281
 Гастон Беарнский 38
 Гвиберт, антипапа 37
 Геннеберг, Беатриса фон 238, 242
 Геншеберг, Отто фон 238, 251, 276, 277
 Генрих I, король Кипрский 222, 232, 279,
 280, 282, 305, 306, 328, 332, 366, 367,
 369
 Генрих II, король Кипра и Иерусалима 382,
 383, 385, 388, 389, 390, 392, 394, 395,
 401
 Генрих III, герцог Бургундский 87
 Генрих III, король Англии 295
 Генрих VI Гогенштауфен, германский
 император 195, 196, 197, 208, 219, 222
 Генрих Антиохийский 366, 367, 369, 370,
 377
 Генрих Лимбургский 42
 Генрих Назаретский 286
 Генрих Плантагенет, король Англии 80
 Генрих Принц 282
 Генрих Шампанский, король Иерусалимский
 127, 183, 192, 195, 196, 197, 229, 230, 233,
 234, 235, 236, 2237, 238, 244, 260, 261,
 265, 272, 279, 298, 371
 Георгий Армянин 158
 Герард, магистр госпиталя Св. Иоанна
 Крестителя 130
 Герман фон Зальца, Великий Магистр
 Тевтонского ордена 215, 252, 276
 Герри, архиепископ Пестры 122
 Ги де Лузиньян, король Иерусалимский 19,
 87, 113, 116, 138, 153, 163, 165, 166, 167,
 168, 169, 170, 171, 172, 179, 180, 181, 182,
 183, 184, 185, 186, 187, 190, 191, 192, 193,
 223, 224, 230, 231, 233, 234, 235, 237,
 239, 241, 243, 244, 250, 252, 253, 259,
 261, 270, 279
 Ги Лиможский 25
 Ги Санлисский, виночерпий Франции 185,
 186
 Гильом II Тайфер, граф Ангулемский 25
 Гильом III, граф Руэга 25
 Гильом Мессинский, патриарх Иерусалим-
 ский 120, 123
 Гильом Назаретский, архиепископ Назарета
 122
 Гильом Неверский 45
 Гильом Плотник, виконт Меленский 38, 42
 Гильом Тирский 18, 24, 30, 36, 68, 72, 77, 86,
 88, 89, 95, 98, 99, 100, 101, 103, 114, 115,
 119, 120, 122, 123, 124, 127, 129, 130, 131,
 312, 145, 150, 239, 254, 403, 404, 406,
 408
 Гильом, епископ Оранжский 81
 Гинсмер Булонский 38, 40
 Глазенаэр 18
 Гогенлоэ Конрад, германский сеньор 269,
 276
 Гогенштауфены, династия 208, 226, 271, 327,
 328, 366, 269, 378
 Годемар Карпенель 82, 105, 106, 107
 Годен Тибо, командир тамплиеров 393
 Гонорий II, Папа Римский 84
 Гонорий III, папа Римский 214, 218, 219
 Гонфруа, кастелян башни Давида 51
 Горанфло, Алом де 164
 Готман Брюссельский 50
 Готман Брюссельский, рыцарь 108
 Готфрид Бульонский, герцог Нижней
 Лотарингии 34, 35, 38, 39, 40, 42, 43, 44,
 47, 48, 49, 53, 58, 82, 83, 84, 88, 105, 118,
 156, 254, 374, 407

- Готшалк, рыцарь 38
 Готье I Бризбарр 103
 Готье II Бризбарр 56, 103
 Готье III Бризбарр 102, 103
 Готье Цезарейский 104, 115, 179
 Готье, епископ Бейрутокий 341
 Грали, Жан де 343, 345, 377, 379, 385, 386, 388, 391
 Гранклод М. 88, 89, 90, 100, 316
 Грансон, Отто де 344, 345, 386, 388, 391, 392, 394
 Грез, Гарнье де 83
 Григорий IX, папа Римский 135, 222, 228, 246, 249, 252, 282, 284, 285, 286, 287, 289, 330, 347
 Григорий X, папа Римский 348, 378
 Гриль Симон 335
 Гримальди Лукето 336
 Груссе Рене 19, 20, 35, 36, 37, 78, 99, 137, 197, 226, 230, 245, 261, 271, 287, 354
 Гуго I Кипрский 209, 210, 279
 Гуго I, граф Шалонский и епископ Оксерский 26
 Гуго II, король Кипрский 332, 366, 369
 Гуго III Антиохийский (Лузиньян), Кипрский король 296, 345, 348, 360, 366, 367, 370, 371, 372, 376, 377, 378, 379, 381, 382, 385, 389, 390
 Гуго III, герцог Бургундский 163, 184, 189, 191
 Гуго III, Кипрский король — см. Гуго III Антиохийский
 Гуго IV герцог Бургундский 288, 292, 293, 306, 309
 Гуго Джебайлский 111, 280
 Гуго Рыжий (Сюлли, Гуго де), король Неаполитанский 386
 Гуго Тивериадский, см. Сент-Омер, Гуго де
 Гуго Цезарейский 55, 71, 72, 212
 Гуюк, хан 349, 350
 Давуд, правитель Трансиордании 290, 292
 Даимберт Пизанский, патриарх Иерусалимский 48, 82, 83, 84, 118, 119, 120, 127, 254, 347
 Дампьер, Ренар де 201
 Дампьер, Рено де 238
 Даниил, игумен 31, 131, 155
 Дароса, Сальвадор де 268
 Дешан Поль 16, 19, 30, 59
 Джалал Ад-Дин, султан Хорезма 221, 300, 324, 327
 Джиоржио Марсилио 238, 300, 324, 327
 Джустиниани Марко 330, 332, 333
 Диргам, визирь 71
 Додю Гастон 20, 127, 129, 140
 Докуз-Хатун, ханша 362
 Дукак, правитель Дамаска 58
 Дю Канж 17, 18
 Дюра Готье, маршал 191
 Дюссо 16, 19
 Евстахий Гранье, коннетабль Иерусалимского королевства 52, 98, 104, 106, 107, 145, 195
 Евстахий Монах, пират 38
 Евстахий, граф Булонский 38, 45, 47, 84, 85
 Жан Готман 108
 Жан Джебайлский 396
 Жан Сидонский 372
 Жан Цезарейский 281, 283, 285, 289, 297
 Жиль Ле Брен, Великий Магистр ордена госпитальеров 314
 Жиль Сидонский 243, 293
 Жирар Сидонский 68, 98, 101, 104, 113, 116
 Жобер, Великий Магистр ордена госпитальеров 154
 Жюсслен Эдесский — см. Куртене,
 Жюслен де
 Жоффрау Ле Тор 106, 164, 191, 250, 284, 286, 287, 373, 404
 Жоффрау Плантагенет, граф Анжуйский 36
 Жуанвиль, Жан де 307, 311, 314, 373, 394
 Жюльен Сидонский 243, 333, 339, 353, 354, 360, 372
 Зайн ад-Дин 361
 Зенги II, правитель Алеппо 78
 Зенги, правитель Мосула 62, 63, 64, 66, 194
 Зенгиды, династия 67, 74, 75, 77, 194
 Зено Пьеро 337
 Ибелен Жан д', граф Яффаский 88, 91, 102, 103, 105, 107, 108, 109, 112, 114, 145, 147, 155, 287, 295, 300, 312, 316, 330, 331, 339, 348, 351, 357, 359, 367, 368, 369, 373, 374, 375
 Ибелен, Бальан д', коннетабль графства Яффаского 107, 115, 158, 159
 Ибелен, Бальан II д' 141, 169, 171, 172, 173, 174, 176, 177, 185, 189, 190, 191, 197, 232, 243, 244
 Ибелен, Жан II д', сеньор Бейрута 197, 205, 206, 222, 238, 239, 261, 262, 275, 277, 278, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 294

- Ибелен-Бейрут, Жан II д' 356, 376
 Ибелен, Изабелла де 371, 376
 Ибелен, Филипп д', регент Кипра 222, 244, 279, 373
 Ибелен, Эльвис д' 296
 Ибелен, Эскива д' 232, 236, 376
 Ибелен-Арсуф, Бальан д', сын Жана д'Арсуфа 339, 357, 366, 367, 368, 369, 370, 379, 380
 Ибелен, Балдуин д' 306, 385
 Ибелен-Арсуфский Жан д' 278, 282, 287, 291, 294, 297, 306, 312, 314, 328, 332, 333, 339, 367, 369, 373
 Ибелен-Бейрут Бальан д' 294, 295, 297, 298, 299, 300, 306, 338, 367
 Ибелены, династия 166, 181, 184, 185, 196, 222, 223, 224, 230, 232, 233, 238, 242, 243, 244, 252, 275, 277, 278, 279, 280, 284, 285, 286, 295, 299
 Ибелен-Яффа, Ги д' 297, 395, 396
 Ибн Джубайр, мусульманский историк 95, 151, 160, 167, 193, 317
 Ибн Каланиси 19
 Ибн-аль-Асир 139, 169, 174
 Ивер, Фульк д' 193
 Игнатий II, яковитский патриарх 155, 249
 Ида, дочь Готфрида III Горбатого 34
 Ида, маркграфиня Австрийская 45
 Иерж, Манассе д, регент королевства Иерусалимского 86
 Изабелла I Иерусалимская, дочь Амори I 34, 106, 165, 166, 167, 185, 186, 187, 192, 195, 230, 232, 237, 241, 274, 277, 278, 299, 366, 371, 372, 378
 Изабелла II Иерусалимская (Изабелла де Бриенн) 219, 220, 221, 272, 284, 369, 370
 Иль-Гаази 62
 Иннокентий II, папа Римский 123
 Иннокентий III, папа Римский 186, 199, 202, 206, 207, 208, 209, 218, 233, 238
 Иннокентий IV, папа Римский 301, 305, 306, 328, 346, 350
 Иоанн I, Кипрский король 382
 Иоанн XII, папа Римский 402
 Иоанн Безземельный, король Англии 189
 Иоанн Вюрцбургский 129, 133, 206, 265, 267
 Иоанн де Бриенн, король Иерусалимский 207, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 216, 127, 218, 219, 220, 221, 223, 225, 229, 232, 233, 234, 236, 237, 238, 252, 261, 263, 265, 268, 270, 272, 289, 322, 326, 362, 369
 Иоанн Комнин, византийский император 63, 64
 Иоанн Пизанский, архидьякон Тира, кардинал 127
 Иоанн Фока 31
 Ираклий, патриарх Иерусалимский 120, 129, 166, 168, 173, 174, 189, 233, 241
 Исаак Ангел, византийский император 175, 200, 230
 Исаак Комнин, император Кипра 183
 Иса-аль-Хаккари 172
 Исмаил, правитель Дамаска 63, 292
 Кабор, Рохард де 158
 Кайкобад I, сельджукский султан Анатолии 227
 Калаун, мамлюкский султан Египта 337, 364
 Капетинги, династия 50, 96, 102, 144, 198
 Карл Анжуйский, король Сицилии 195, 270, 271, 328, 336, 345, 348, 353, 362, 363, 364, 377, 378, 379, 380, 381, 384, 397
 Карл Великий, франкский император 25, 208, 320
 Карл Добрый, граф Фландрский 90
 Каролинги, династия 50, 254, 320
 Катценельнбоген, Бертольд фон 202
 Кафран, Адам де, кастелян Тира 392, 393
 Каэн Клод 16, 19, 131, 140
 Кевр, Рауль де 299, 300, 301, 368
 Кербога (Карборан, Курбука), правитель Мосула 41, 42
 Китбука, монгольский военачальник 351, 352, 353, 354, 355
 Клермон, Матье де, маршал госпитальеров 391
 Климент IV, папа Римский 350
 Климент VI, папа Римский 327
 Конрад I, маркграф Монферратский, дядя Балдуина V 177, 178, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 200, 229, 233, 234, 236, 241, 252, 259, 261, 265, 270, 272, 345
 Конрад III (Конрадин) Гогенштауфен 315, 327, 328, 330, 332, 345
 Конрад III Гогенштауфен, германский император 64, 65, 195, 198, 222, 229, 369, 370, 371
 Конрад IV Гогенштауфен (Конрад II Иерусалимский) 221, 284, 287, 298, 299, 301, 306, 314, 315, 322, 327, 328, 330, 366, 368
 Конрад, архиепископ Майнца 196, 197
 Конрад, граф Люксембурга 26

- Константин IV, византийский император 195
 Констанция, графиня Тулузская, дочь Людовика VII 135
 Констанция, дочь Вильгельма II Сицилийского 195
 Констостефанос Андроник, адмирал 73
 Конш, Гильом де 297
 Корсали Луккино 261
 Крезек, Роберт де 361
 Круази, Гильом де 164
 Курсон, Робер де, папский легат 212
 Куртене, Агнесса де 34, 86, 99, 100, 120, 163, 165, 167
 Куртене, Жослен II де, граф Эдессы 60, 61, 64, 65, 84, 99, 105
 Куртене, Жослен III де, сенешаль королевства Иерусалимского 99, 100, 111, 163, 164, 165, 167, 168, 169, 172, 176, 177, 178, 191, 223, 238, 251
 Кутлуг-шах, монгольский военачальник 396, 397
 Кутуз, мамлюкский султан Египта 354

 Ла Манделе, Гильом де 339, 400
 Ла Манделе, Жак де 251, 276, 400
 Ла Монт 16, 19, 98, 99
 Ла Томассьер, Тома де 18
 Лаваль, Ив де 201
 Лаврентий, кардинал, папский легат 248
 Ламберт Ардрский 103
 Ланс, Пьер де 105
 Лев, царь Армении 235, 236
 Лейрон, Эймар II де, кастелян Тира 279
 Леопольд, герцог Австрийский 190, 209, 210
 Литард Камбрейский, рыцарь 50
 Левелин ап Гриффит, князь Уэльса 384
 Лозанн, Герольд де, патриарх Иерусалимский 225, 282, 301
 Лонжюмо, Андре де 307, 350
 Лузиньян, Жоффрау де 182, 186, 187, 191, 291
 Лузиньян, Изабелла де 366, 369, 370
 Лузиньян, Амори де, князь Тирский и коннетабль Иерусалимского Королевства 382, 385, 388, 390
 Лузиньян, Амори де, коннетабль — см. Амори II
 Лузиньян, Ги (Гвидо) де — см. Ги де Лузиньян
 Лузиньян, Сибилла де 236
 Луций III, папа Римский 208

 Людвиг Баварский, германский император 226
 Людовик IX Святой, король Франции 203, 303, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 314, 315, 316, 320, 328, 336, 342, 344, 345, 347, 349, 350, 361, 365, 373, 380, 405
 Людовик VI Толстый, король Франции 36, 91, 107
 Людовик VII, король Франции 64, 65, 71, 73, 347
 Людовик, граф Блуасский 199

 Мавдуд, правитель Мосула 59, 60, 62
 Макризи, мусульманский историк 76, 207, 210
 Малик-аль-Адиль 174, 188, 194, 195, 196, 197, 199, 200, 201, 205, 206, 207, 208, 210, 211, 214, 227
 Мальбег Герхард фон, Великий Магистр Тевтонского ордена 302
 Мануил Комнин, византийский император 69, 74, 75, 77, 195, 202, 407
 Манфред, бастард Фридриха II Гогенштауфена 364, 378
 Маргарита Антиохийская (Лузиньян) 371
 Маргарита Бургундская, королева 379
 Маргарита, королева Франции 311
 Марин, Милиан де, Генуэзский консул 335
 Мария Антиохийская 77, 345, 371, 377, 378
 Мария Иерусалимская и Монферратская, дочь Конрада Монферратского 192, 205, 220, 230, 232, 236, 299, 366, 383
 Мария Комнина, супруга Амори I 34, 72, 96, 107, 173, 185, 197, 232
 Мартен Гуго («Гугело»), маршал 191, 193
 Мартин IV (Симон де Бри), папа Римский 379, 380, 381
 Марторано, Арнульф де 119, 120, 122
 Мас-Латри, Людовик де 19
 Матвей Парижский, английский хронист 304, 306
 Матвей Эдесский, армянский хронист 154
 Мичиело Виталио, дож Венеции 258
 Мелетос, архиепископ Газы 154
 Мелизинда, дочь Амори II и Изабеллы I 231, 371, 407
 Мелизинда, дочь Балдуина II 34, 64, 65, 86, 96, 115, 116, 125, 127
 Меранкур, Рауль де, патриарх Иерусалимский 189, 210
 Меровинги, династия 25
 Мехмет-Али 50, 271
 Мильи, Филипп де 104, 108, 153

- Мильи, Генрих Буйвол де 164, 242
 Мильи, Эгъенетта де 108, 111, 185
 Мииро Дана К. 19
 Михаил Гриффон 158
 Михаил Палеолог, византийский император 334, 335, 364, 381
 Михаил Сириец, хронист 37, 104, 132
 Мишель Синайский 110
 Мишо 19
 Могастель, Филипп де 285, 293
 Монбельяр, Готье де 202, 207
 Монбельяр, Эд де, коннетабль Иерусалимского Королевства 221, 277, 281, 284, 285, 286, 287, 289, 291, 293, 297, 299, 301, 312
 Монгк, хан 349
 Монжизар, Гильом де 110
 Монлери, Мелизинда де 34
 Мошелъе, Гильем VI де 254
 Мошелъе, Гильем де 38
 Монте-Кроче, Рикольдо де, доминиканский миссионер 401, 403, 406
 Монфор, Амори де 291, 295
 Монфор, Ги де, сеньор де Ла Ферте-Але 296
 Монфор, Жан де 337, 371, 381, 382
 Монфор, Онфруа де 361, 377, 381, 382, 385
 Монфор, Ротру де 201
 Монфор, Симон де, граф Лестера 295, 296, 362
 Монфор, Филипп де, сеньор Торона 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 310, 312, 314, 315, 331, 333, 335, 337, 359, 367, 368, 371
 Морио Жан 278
 Морфия, супруга Балдуина II 35
 Мулен, Роже де, Великий Магистр ордена госпитальеров 168
 Муса Араб 158, 159

 Неблан, Рихард де, коннетабль Иерусалимского Королевства 379
 Невер, Эд де 344, 358
 Невер-Форез, Гиг де 292
 Нель, Амори де, патриарх Иерусалимский 99, 120, 122
 Нель, Дре де 43
 Нель, Ив де, граф Суассонский 112
 Немур, Готье де 212
 Николай III, папа Римский 402
 Николай IV, папа Римский 342, 344, 345, 384, 385, 394
 Николай, Александрийский патриарх 217
 Николас Германец, сеньор Цезарейский 376
 Нуреддин, сын Зенги, правитель Дамаска, Алешию и Мосула 64, 65, 66, 67, 68, 70, 72, 74, 79, 104

 О, Пьер д', рыцарь 40
 Окр, Гильом д', канцлер Иерусалимского Королевства 315
 Октавиан, кардинал 137
 Онфруа I торонский 106
 Онфруа II Торонский 86, 105, 106, 116, 163, 185
 Онфруа III Торонский, князь Монреальский 55, 69, 72, 74, 76, 106, 108, 301
 Онфруа IV Торонский 79, 106, 108, 111, 165, 166, 168, 175, 185, 186, 190, 191, 192, 241, 276, 277
 Орг, Тьерри д' 242
 Орделафо Фальеро, венецианский дож 54, 254
 Оттон Брауншвейгский, германский император 198, 200, 208
 Оттон, герцог Меранский 209

 Падерборн, Оливье де 214
 Паси, Юмбер де 143
 Пасхалий II, папа Римский 118, 121, 122, 123
 Педро III, король Арагонский 381, 384
 Пейен Ле Бутейе 108
 Пейен Хайфаский 179, 191
 Пейен, Гуго де, основатель ордена тамплиеров 62, 132
 Пелагий, папский легат 212, 214, 215, 216, 217, 218, 220, 238, 248, 252, 264, 270
 Пеллио Поль 16
 Пендесье, Готье 287, 293, 294
 Перонелла, виконтесса Акры 164
 Пертц 19
 Петр Барселонский, архиепископ Тирский 127
 Петр Нарбошский, прелат 117
 Петр Отшельник 26, 38, 41
 Петр, архиепископ Цезарейский 225
 Петр, епископ Вифлиемский 202
 Пикиньи, Бодуэн де, адмирал 395
 Пикиньи, Бодуэн де, кастелян Иерусалима 227, 287
 Пикиньи, Гормонд де, патриарх Иерусалимский 54, 55, 120, 123
 Плано Карпини, Иоанн де 350
 Планси, Миль де, регент Иерусалимского Королевства 74, 86, 100, 102, 108, 111

- Пантагенеты, династия 186, 190, 198, 362
 Плезанция Антиохийская, королева Кипрская 332, 366, 367, 369
 Плиний Старший 27, 320
 Понс Триполийский 63, 114
 Понс, магистр ордена тамплиеров в Венгрии 209
 Порселе, Бертран де 282
 Провен, Миль де 265
 Птолемен, династия 50, 271
 Пуалешен, Эд де 343, 345, 364, 379, 380, 381, 383, 385
 Пуатье, Гильом де 45
 Пуатье, Раймунд де, князь Антиохийский 63, 64, 65, 66
 Пужи, Жерар де 163
 Пьер Армянин 158
 Пьер Моклерк, граф Бретани 291
 Пьер Нарбоннский, епископ Альбары 43, 81
 Пюи, Раймунд дю, магистр ордена госпитальеров 133, 142
 Пюи, Ромен дю 90, 108, 115, 116
 Пюизе, Гуго I де 96, 107, 115, 116
 Пюизе, Гуго II де, граф яфаский 67, 90, 96, 107, 115, 116

 Раймонд-Рупен Антиохийский 167, 171, 235, 236, 252, 277, 296
 Раймунд II Триполийский 65
 Раймунд III Триполийский 75, 79, 86, 87, 105, 116, 163, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 175, 176, 177, 178, 179, 181, 241, 258, 259, 260
 Раймунд Ажилский, хронист 119
 Раймунд Сен-Жильский (Тулузский) 26, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 47, 48, 81
 Рам, Балдуин де 163, 166, 168, 170
 Рам, Гуго де 107
 Рам, Ренье де 107
 Рауль Канский, хронист 119
 Рауль Тивериадский 88, 179, 184, 237, 239, 373
 Раша, Жерар ле, виконт Акры 379
 Рей Е.-Г. 19, 129
 Рейно 19
 Ренард Тульский 43
 Рене Джебайльский 191, 192
 Рено Сидонский 104, 109, 157, 166, 171, 176, 177, 179, 189, 190, 191, 239, 243, 373, 403
 Рено Хайфаский 227, 287
 Ренье Монферратский 200, 229
 Рерихт Рейнхольд 19

 Риан де, граф 19
 Ривс, Гильом де 193, 280, 281
 Ридфор, Жирар де, Великий Магистр ордена тамплиеров 138, 163, 167, 169, 170, 172, 173, 181, 183
 Ричард Львиное Сердце, король Англии 180, 181, 183, 184, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 200, 211
 Ричард, граф Корнуэльский 292, 293, 294, 295, 305, 306, 315
 Роберт II, граф Фландрии 38, 41, 45, 82
 Роберт Великолепный, герцог Нормандии 25
 Роберт Гвискар 195
 Роберт Коротконогий, герцог Нормандии 38, 39, 40, 45, 47, 82
 Роберт Руанский 118
 Роберт Фриз, граф Фландрии 26
 Роберт, епископ Лиддский 118
 Родриго, граф, глава ордена Монжуа 139
 Роже Хайфаский 107
 Рожер Антиохийский 60
 Рожер Сицилийский, сын Аделаиды Сицилийской 35
 Розуа, Роже де 51
 Роол, Арнульф де, патриарх Иерусалимский 81, 82, 118, 119, 120, 124
 Рохард Наблусский 107
 Рохард Хайфаский 262, 278, 281
 Рубрук, Гильом де 350
 Рупен III из Малой Армении 277
 Руссильон, Гильом де 343, 380
 Руссудан, царица Грузии 220
 Рютбеф, французский поэт 343, 344

 Сабле, Роберт де, Великий Магистр ордена тамплиеров 187
 Сабран, Гибелин де, папский легат 119
 Саладин, султан Египта 37, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 97, 113, 128, 134, 152, 163, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 180, 181, 182, 183, 187, 188, 189, 190, 193, 195, 205, 207, 225, 230, 243, 244, 259, 271, 313, 388, 392
 Салах ад-Дин Юсуф — см. Саладин
 Салих ибн Яхья 56
 Самосат, Балдуин де 100
 Самосат, Жослен де 100
 Сан-Северино, Рожер де, граф Марсики 363, 378, 379, 380, 381
 Санги, Жиль де 344
 Санудо, Марино 18, 321
 Св. Бернард 64, 132

- Св. Бурхард 27, 130
 Св. Виллибальд 25
 Св. Иероним 25
 Св. Франциск Ассизский 216
 Св. Эуфемия 27
 Севрей, Пьер де, маршал тамплиеров 392
 Сейж, Жерар де, виконт Иерусалима 287
 Сен-Абрахам (Сен-Авраам), Балдуин де 107
 Сен-Абрахам (Сен-Авраам), Гуго де 107, 142
 Сент-Аман, Эд де, Великий Магистр ордена тамплиеров 138
 Сент-Омер, Жоффруа де 132
 Сент-Омер, Готье де 55, 105, 112
 Сент-Омер, Гуго де (Гуго Тивериадский) 46, 59, 105, 179, 184, 191, 196, 202, 238
 Сержин, Жоффруа де 316, 330, 343, 345, 353, 356, 357, 358, 361, 367, 369, 376
 Серизи, Адон де 105
 Сибилла Иерусалимская, дочь Амори I 34, 87, 96, 99, 107, 139, 163, 166, 167, 168, 173, 181, 184, 187, 191, 229
 Сигурд Крестоносец, конунг Норвегии 54
 Симеон Раббан-Ата 356
 Сканделион, Агнесса де 326, 339
 Совеньи, Этьен де 369
 Спинола Томмазо 336
 Стефан Шартрский, патриарх Иерусалимский 49, 84, 127
 Стивенсон В. 19
- Танкред Отвильский 42, 44, 45, 47, 49, 51, 58, 60, 81, 82, 83, 105, 126, 210
 Танкред, король Сицилии 180
 Тангаис (Алтунташ), правитель Хаврана 65
 Татикий, византийский военачальник 40, 41
 Теодорих, архиепископ Равенны, папский легат 286
 Терм, Оливье де 343, 348, 358
 Термонд, Тьерри де 202, 243
 Тибо IV Шампанский 289, 291, 292
 Тибо, граф Шампанский 199, 200, 232
 Тиссеран 16
 Тодини, Рожер де, командующий папской эскадрой 388
 Торингель 266
 Торон, Изабелла де 277
 Торос, армянский князь 40, 96, 151, 159
 Труа, Гуго де, епископ Вифлиемский 380
 Труа, Филипп де 286, 287
 Туран-шах, султан Египта 308, 310
 Турбессель, Арнульф де 72, 100
- Турнехем Стефан, посланец короля Англии 190
 Тьеполо Джакомо, командующий венецианским флотом 388
 Тьеполо Лоренцо 331
 Тьерри Эльзасский, граф Фландрский 198
 Тьерри, граф Фландрский 64, 66, 69, 75
 Тюгтекин, правитель Дамаска 57, 58, 59, 60, 61, 66, 194
 Тюдель, Бенджамен де 254
- Убальдо Пизанский, архиепископ, папский легат 185
 Уголино, граф 328
 Урбан II, папа Римский 24, 26, 37, 118
 Урбан IV, папа Римский 248, 350, 352, 353, 356, 362, 363
 Ури Наблусский 108
 Усама ибн Мункыз 64, 68, 151, 407
- Факон Жан 328
 Фанон Жан 367
 Фатимиды, династия 43, 50, 51, 54, 58, 70, 73, 74, 76, 220, 271, 346
 Фахр Ад-Дин, египетский эмир 221, 225, 408
 Феодора Комнина, супруга Балдуина III 34, 69, 96
 Филанжиери Лотарио, маршал Иерусалима 299, 300
 Филанжиери Риккардо, маршал 222, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 294, 296, 297, 300, 319, 322, 374, 380
 Филипп — Август, король Франции 107
 Филипп I, король Франции 107
 Филипп III Смелый, французский король 343, 381, 384
 Филипп IV Красивый, король Франции 102, 384, 394, 395
 Филипп Антиохийский 236
 Филипп Бедуин 373
 Филипп л'Асн 278
 Филипп Наблусский 55, 94
 Филипп Новарский, Кипрский сеньор, юрист и поэт 85, 88, 90, 126, 266, 275, 280, 298, 299, 300, 373, 404, 405
 Филипп Рыжий 110, 164
 Филипп, граф Фландрский 75, 86, 87
 Филипп, епископ Бовезийский 185, 186
 Филиппа, дочь Изабеллы I, королевы Иерусалимской 192, 231, 236
 Флери, Гильом де, виконт Акры 379

- Флор, Рожер де (Рожер Блюм), тамплиер, предводитель наемных отрядов 393
- Фолькмар, рыцарь 38
- Форез, Гуго де, епископ Отенский 201
- Фридрих II Гогенштауфен, германский император 162, 197, 198, 206, 208, 216, 217, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 233, 234, 236, 242, 244, 250, 252, 253, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 289, 290, 292, 293, 295, 296, 298, 300, 302, 304, 305, 307, 313, 314, 315, 319, 322, 329, 340, 342, 350, 364, 372, 373, 378, 380, 384
- Фридрих Барбаросса, германский император 73, 180, 183, 195, 219, 222, 229
- Фридрих Швабский, сын императора Фридриха Барбароссы 180, 183, 241, 250
- Фруассар, Жан 18
- Фульк V Анжуйский, король Иерусалимский 34, 36, 62, 63, 64, 65, 85, 86, 90, 91, 107, 115, 116, 142, 155, 169, 187, 256, 258, 263
- Фульк Гинский 103
- Фульк из Нейи, проповедник 199
- Фульк Черный, граф Анжуйский 26
- Фульхерий Ангулемский, патриарх Иерусалимский 120, 123, 127, 136
- Фульхерий Шартрский 18, 43, 46, 53, 91, 141, 145, 149, 150, 154, 265, 404
- Хагенмайер 19
- Хайме I, король Арагонский 344, 361, 363, 386, 387
- Хайме II, король Арагонский 396
- Хайфа, Миль де 343
- Хаким, халиф из династии Фатимидов 25
- Харун Ар-Рашид, халиф Багдада 320
- Хегум, царь Армении 350, 364
- Хулагу, хан Ирана 349, 351, 352, 355, 362, 363
- Цезарий Гейстербахский 140
- Чингиз-хан 216, 221, 246, 302, 349
- Шабо 16
- Шавар, визирь 71, 72, 73
- Шаландон Фердинанд 19
- Шанлитт, Гильом де 368
- Шасене, Эрар де 212
- Шатийон, Рено де, князь Ангиохийский, затем Заиорданский 69, 70, 75, 78, 79, 87, 108, 115, 168, 169, 171
- Шатору, Эд де, папский легат 394
- Шенеше, Говен де 191, 193, 279, 281
- Ширкух, дядя Саладина, мусульманский военачальник 71, 72, 73, 77
- Ширкух, правитель Хомса 71
- Шлюмберген Г. 19
- Э, Жан д', Великий Магистр ордена тамплиеров 314
- Эвремар 119, 124
- Эд Шартский, патриарх Иерусалимский 120
- Эд, епископ Байе 119
- Эдгар Этелинг, англо-саксонский король 41
- Эдмунд Английский 361
- Эдуард I, король Англии 321, 344, 363, 364, 376, 380, 384, 386, 389, 394, 395
- Эймар Монах, патриарх Иерусалимский 127, 233, 238
- Эйюб, султан Египта 74, 290, 291, 292, 302, 304, 305, 306, 307, 308
- Эйюбиды, династия 70, 75, 79, 195, 197, 204, 205, 216, 227, 228, 288, 305, 313, 314, 351, 353
- Эмбриако Гильельмо 258
- Эмбриако Никколо 258
- Эмбриако Уго 258
- Эмихо Лейзингенский, рыцарь 38
- Эмма Иерихонская 107
- Энлар Камилл 19
- Эно, Балдуин д', граф Фландрский, константинопольский император 199, 202
- Эпуасс, Жан д' 212
- Эрве «Франкопул» 26
- Эрих Германец 202
- Эрнуль, хронист 30, 96, 103, 140, 159, 163, 199, 202, 241, 279, 405
- Эстрен Жоффрау д', сеньор Хайфы 295
- Этамп, Бернар д' 105
- Этьен Блуасский 38, 39, 42
- Ювенал, епископ Иерусалима 117
- Юстиниан, византийский император 117, 195

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббаз 313
Абиссиния 216
Австрия 245, 350
Агрида 266, 283
Ангадди 318
Аделон 104, 204, 242
Адриатическое море 39, 255, 329
Азия 40, 67, 160, 227, 321, 408
Айла (крепость — порт) 57, 74, 77, 79, 108, 115
Айн Джалуд 355, 364
Акабский залив 24, 115
Акра 21, 27, 49, 53, 54, 58, 59, 65, 73, (стр. 76 Акка), 77, 86, 93, 94, 95, 96, 97, 102, 106, 110, 122, 123, 132, 135, 141, 145, 150, 151, 152, 155, 160, 162, 164, 168, 172, 176, 177, 178, 182, 183, 184, 187, 190, 195, 199, 201, 204, 206, 207, 215, 223, 225, 228, 230, 233, 241, 245, 246, 247, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 262, 263, 267, 272, 274, 276, 279, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 289, 290, 291, 293, 295, 297, 298, 304, 306, 307, 311, 312, 313, 314, 317, 321, 324, 325, 334, 343, 346, 347, 353, 355, 356, 358, 359, 366, 370, 372, 376, 385, 386, 387, 389, 390, 394, 396, 397, 398, 400, 401, 403, 404, 405, 406, 408
Александрия 68, 70, 72, 73, 74, 77, 117, 200, 207, 213, 214, 219, 256, 290, 307, 308, 317, 318, 395, 396, 402
Алеппо 40, 41, 60, 61, 63, 64, 65, 67, 70, 72, 74, 75, 80, 169, 194, 205, 221, 227, 235, 271, 297, 307, 313, 317, 318, 351, 353, 355, 362, 396
Алжир 149, 321
Аль-Ариш 112
Альбара (крепость) 43, 117
Аль-Биру 224
Амазия 45
Амальфи 124
Америка 19, 246
Амман 108, 194
Анатолия 37, 39, 40, 42, 46, 50, 66, 74, 355, 363,
Англия 26, 29, 36, 80, 167, 180, 183, 186, 189, 190, 230, 296, 311, 312, 315, 317, 318, 322, 341, 344, 346, 357, 365, 386
Анкара 45
Анкана 253, 322
Ангиолия 20, 37, 40, 41, 42, 43, 45, 48, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 69, 70, 71, 78, 83, 103, 104, 105, 122, 123, 133, 168, 175, 176, 201, 209, 235, 244, 258, 265, 266, 284, 298, 336, 337, 349, 350, 351, 355, 396
Апамея 43, 48
Аппенинский п-ов 119, 267
Апулия 78
Аравийская Пётра 56, 57, 60, 77, 108, 153, 169, 195, 214
Аравия 57, 78, 117, 121, 317, 318, 321
Арагон 295, 346, 363, 398
Арденны 42
Аркас 43, 48, 137
Арль 195
Армения 37, 214, 215, 236, 244, 296, 298, 317, 321, 326, 339, 354, 355, 385, 394, 395, 396
Арраб 110
Аррас 320
Арсуф 27, 48, 49, 50, 107, 115, 145, 156, 188, * 204, 243, 255, 258, 284, 291, 294, 312, 357, 358, 364, 366
Аскалон 44, 47, 48, 50, 51, 53, 54, 61, 64, 66, 67, 68, 75, 80, 83, 96, 98, 107, 115, 119, 122, 131, 137, 142, 145, 153, 166, 172, 177, 180, 188, 255, 291—293, 300, 302, 306, 308, 315, 351, 358, 364
Афганистан 318
Африка 388
Ахайя 203
Ашдод 159
Баальбек 66, 67, 75, 194
Багдад 48, 58, 73, 96, 189, 214, 225, 239, 318, 349, 351, 401
Баграс 104
Байон 320
Балканы 195, 240
Баль 320
Баняс 62, 63, 64, 68, 69, 71, 74, 78, 104, 105, 106, 115, 123, 134, 210, 213, 405
Бар 289
Барамун 217, 270
Бари 196
Барселона 253, 346
Бофор 292, 293, 312, 405
Бейрут 21, 24, 29, 52, 54, 55, 56, 77, 78, 103, 104, 122, 123, 152, 167, 168, 169, 172, 178, 187, 189, 190, 195, 197, 198, 242, 244, 246, 249, 255, 261, 262, 277—282, 284, 287, 293, 303, 324, 366, 376, 385, 393, 406

- Бейсан (Скирополис) 49, 58, 61, 78, 79, 94,
105, 106, 134, 210, 244, 293, 312, 358, 364
- Бейт-джин 75, 193
- Бекаа 21
- Белге 21
- Белк 134
- Бельвеер 135
- Бельхакам 104, 204
- Бетгибелин (Берсабия) 142
- Бетнобль 188
- Бильбейс 68, 71, 72, 73, 137
- Бирра 144
- Бланшгард 93, 102, 104, 107
- Блахазент (Белхакам) (крепость) 55
- Бовуар 134, 175, 213, 294
- Болонья 267
- Бомбей 394
- Бордо 25
- Босра 63, 65, 66, 69, 117, 121, 124
- Ботрон 172
- Бохтор 56
- Брабант 196
- Бретань 291, 308, 309, 312
- Бриндизи 39, 220, 278, 290
- Брод Иакова (крепость) 69, 76
- Бужи 319
- Булонь 42, 83
- Бургундия 291, 405
- Ботрон 395
- Вавилон 48, 72, 73, 200, 249, 402
- Вади Муса 56
- Валь Жермен 104
- Валь-Муаз 57, 64
- Великая Армения 80, 194, 221, 227
- Венгрия 38, 39, 209, 226, 270, 349, 350, 351
- Венеция 30, 149, 200, 201, 210, 234, 238,
253, 254, 255, 258, 260, 264, 317, 328,
329, 331, 336, 337, 400
- Византия 38, 39, 63, 71, 72, 73, 74, 79, 80, 114,
129, 179, 229, 335
- Вифания 28, 406
- Вифлеем 25, 29, 44, 48, 119, 122, 128, 132,
224, 293, 347, 357, 364, 376
- Гавлантида (Савад) 58
- Газа (Гадр) 24, 68, 74, 75, 76, 107, 133, 134,
142, 291, 292, 296, 302, 304, 313, 354,
395, 406
- Галилея 20, 21, 24, 29, 48, 49, 58, 59, 60, 61,
63, 74, 76, 78, 79, 105, 106, 121, 132, 134,
143, 172, 181, 201, 207, 210, 247, 291, 293,
308, 312, 313, 339, 357
- Гарб 56, 103, 360
- Гасконь 295, 346, 379
- Гатине 105, 182
- Гезен 104, 210, 293, 339
- Генуя 149, 253, 254, 255, 257, 260, 264, 283,
289, 317, 320, 324, 328, 329, 331, 332,
334, 336
- Гераза 60
- Гераклея 40, 45
- Герен 79, 106, 145, 147
- Германия 39, 64, 195, 203, 208, 271, 320
- Гибелин 133, 142, 293, 294, 313
- Гибралтар 201
- Гиза 71
- Гран-Герен 79, 106, 134, 313, 364
- Грот Тирона 71, 104, 204, 294, 310, 311, 339
- Грузия 124, 207, 220, 227, 349
- Дамаск 21, 40, 41, 48, 49, 51, 56, 57, 58, 59, 61,
62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 72, 75, 79,
105, 115, 158, 169, 193, 196, 197, 198, 201,
210, 214, 220, 223, 225, 228, 271, 290,
291, 292, 294, 301, 302, 304, 313, 317,
318, 319, 321, 351, 352, 355, 384, 393, 395,
396, 397,
- Дамур 361
- Дамьетта 68, 72, 74, 211, 212, 213, 214, 215,
216, 217, 218, 233, 252, 256, 290, 308,
309, 310, 311, 317
- Дарейя 78
- Дегербом 159
- Дельта 70, 72, 201, 217
- Дераа 50, 61, 65, 121
- Дерб Хадж 57
- Детруа (Пьер-Анлиз) (ущелье) 106
- Джабала 201
- Джебайл 172, 258, 333, 336, 337, 395
- Джебел Друз 24, 65, 105
- Джебель Нозайри 137
- Джезирех 194
- Джунийе 103
- Дорилей 40
- Дорон 74, 75, 93, 313
- Дуэ 320
- Дьё д'Амур 282, 383
- Дюраццо 39
- Евфрат 66, 355, 397
- Египет 27, 37, 48, 49, 52, 56, 57, 60, 61, 67, 68,
69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80,
96, 97, 100, 113, 114, 115, 137, 154, 155, 170,
172, 174, 194, 195, 200, 207, 208, 209, 211,
212, 213, 214, 215, 217, 221, 225, 232,

- 243, 249, 254, 255, 256, 271, 289, 290,
291, 305, 307, 308, 310, 313, 317, 318, 321,
337, 344, 358, 360, 362, 364, 386, 387,
395, 396, 402, 409
- Жуанья 289
- Зайн ад-Дина 361
- Зал (древняя Петра) 97
- Занзибар 318
- Западная Франция 407
- Зафран 29
- Зекканин (поместье) 110
- Зония 159
- Ибелен (замок) 52, 54, 107, 158, 159, 204,
262, 378
- Ивзем 295, 362
- Идулия 115
- Иерихон 29, 94, 119, 122, 125, 134, 293, 318
- Иерусалим 21, 24, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 34,
37, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 56,
58, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 77, 78, 80, 81, 82,
83, 84, 85, 88, 91, 93, 94, 95, 96, 97, 99,
100, 104, 105, 109, 190, 222, 225, 226,
238, 253, 274, 284, 287—291, 293, 296,
298, 299, 301, 302, 303, 304, 308, 313,
316, 317, 321, 348, 364, 400, 404
- Икбал 135
- Иконий 45
- Икония 40, 227
- Индийский океан 321
- Индия 79, 214, 317, 318
- Индокитай, п-ов 318
- Иордан, р. 21, 59, 61, 65, 67, 104, 108, 134,
210, 214, 292, 293, 313
- Иордания 56, 72
- Иосафатская д. 28, 72, 125
- Иран 214, 303, 317, 349, 363, 396
- Испания 27, 37, 39, 131, 203, 268, 403
- Италия 16, 29, 32, 37, 39, 43, 53, 129, 195, 196,
199, 220, 225, 240, 253, 254, 259, 262,
268, 271, 274, 285, 296, 317, 320, 336,
347, 369, 378, 387
- Иудея 20, 21, 24, 29, 45, 48, 49, 57, 58, 61, 94,
215, 225, 247, 265, 304, 308, 357
- Йязур 188
- Кавказ 214, 351
- Казаль Юмбер 94, 182, 282, 283, 338,
356, 385
- Казаль-Бланк 164
- Казаль-Робер 201, 339
- Каир 48, 56, 70, 72, 73, 204, 206, 212, 217,
220, 228, 235, 271, 301, 308, 310, 317,
321, 388, 393, 397, 402
- Кеймон 312, 364
- Како 106, 147, 204
- Калабрия 400
- Калансон 106, 147, 204
- Камбре 320
- Кана 29, 119, 132, 313, 357
- Канделор, форт 395
- Каппадокия 227
- Каринтия 350
- Кармильская (гора) 21, 27, 94, 107, 154, 360,
364, 393
- Каср Бардавилль 105
- Кастилия 384
- Каталония 259, 317
- Кафарнаон 188, 357
- Кафран 106
- Кафр-Кенна 201
- Киликия 40, 69, 180, 236, 284
- Киннесрин 63
- Кипр 100, 118, 154, 183, 186, 198, 203, 206,
209, 222, 225, 231, 232, 234, 236, 244,
271, 274, 277, 278, 280, 281, 283, 284,
287, 290, 297, 298, 305, 307, 324, 328,
346, 358, 367, 369, 390, 394, 395, 396,
397, 400, 461
- Китай 349
- Клермон 37
- Комана 40
- Компостелла 24, 268
- Константинополь 37, 45, 75, 77, 100, 163, 185,
194, 200, 201, 202, 203, 230, 256, 289,
334, 380
- Корсика 254, 255, 263
- Крак де Моаб 74, 77, 79, 108, 109, 122, 216,
243
- Крак де Шевалье 43, 135, 205, 277, 306,
360, 405
- Красное м. 24, 57, 79, 103, 108
- Крит 331
- Кус 72
- Ла Латин (аббатство) 124
- Ла Магомери 52, 144, 146
- Ла Манш 38
- Лан 248
- Ланахия 164
- Лангедок 259, 295, 317
- Лангра 207
- Лаодикея 41, 54, 258

- Лас Навас де Толоса 203
 Лаяццо 317
 Ле Мерль 106
 Лезант 18, 40, 54, 205, 222, 245, 274, 305,
 320, 342, 400, 405
 Летгино 347, 348
 Ливан 16, 21, 63, 103, 194, 395
 Ливония 350, 351
 Лидда 28, 52, 75, 118, 122, 128, 131, 134, 143,
 188, 189, 201, 224, 247, 359, 406
 Лилль 320
 Лимассол 290, 307
 Лион 106, 147, 172, 293, 346, 358
 Лигань 21, 55, 210, 292
 Ломбардия 180, 185, 195, 229, 387
 Лондон 295, 344, 346, 347
 Лотарингия (Нижняя) 34, 38, 39, 42, 48, 50,
 82, 83, 84
 Луара 38, 240
 Лувье 320
 Лузиньян 263, 379
- Маарат 43
 Магдала 406
 Магомерия 129, 406
 Магриб 70, 76, 254
 Майнц 196
 Македония 39
 Малая Азия 39, 64, 240, 256
 Мальта 130, 217
 Мансура 217, 220, 308, 309, 310, 311
 Маракля 43, 385, 396
 Мараш 40
 Маргат 133, 297, 385
 Мардин 62
 Марж Айюм 21, 76, 77, 80, 104, 354
 Марон (замок) 102, 104, 165, 364
 Марсель 30, 201, 251, 253, 256, 264, 289,
 319, 324, 329
 Махала 72
 Медина 79
 Мейяфарикип (Монферанкен) 351
 Мекка 56, 78, 204, 205, 214
 Мелория 336
 Мемфис 73
 Мерль — Ле Мерль, см. выше
 Мертвое море 20, 21, 24, 56, 94, 107, 108,
 115
 Месдедул 157
 Месопотамия 48, 77, 170, 216, 221, 227, 302,
 317
 Мессина 270
 Метгессель (поместье) 106
- Мира 254
 Мирабель 86, 107, 172, 293
 Мириоксфалон 75
 Моаб (плато) 21, 24, 57, 108
 Мон Гаризим 153
 Монбар 132
 Мон-Гавьсен 55, 103
 Монголия 307
 Мондидье 311
 Монжизар 76
 Монжуа (холм) 330
 Монпелье 178, 253, 254, 329
 Монреаль 57, 77, 78, 108, 110, 176, 194, 216,
 243, 277
 Монмюзар 268, 312, 333
 Мон-Фавор 59, 79, 105, 117, 125, 126, 143,
 158, 201, 206, 312, 357
 Монферран 63, 229, 263
 Монфор (Франк-Шато) 95, 223, 226, 251,
 269, 276, 277, 358, 360, 405
 Моравия 350
 Морья 307, 368, 380
 Мосул 66, 67, 75, 78, 80, 319, 321, 326, 376
 Мраморное море 37
- Наблус 29, 47, 49, 52, 59, 79, 86, 89, 94, 96,
 105, 107, 113, 117, 122, 150, 152, 168, 170,
 176, 238, 293, 294, 313, 406
 Наварра 289, 361
 Назарет 29, 31, 48, 79, 112, 120, 121, 124, 128,
 132, 141, 157, 170, 171, 202, 204, 224, 247,
 293, 312, 313, 319, 337, 362, 405, 406,
 407
 Наим 29, 357
 Накура (мыс) 21, 106
 Нахр Дамур 385
 Нахр Литани 94, 104
 Нахр эль Муальмиташ 103
 Нахраль-Кала 58
 Нахр-аль-Кальб 103
 Нахр-Зерка 106
 Неаполь 195, 328, 346, 381
 Невер 289
 Негеба (стень) 21
 Нейи 199
 Нефин, крепость 395
 Никья 38, 40
 Никозия 280, 346, 370
 Нил 27, 52, 68, 70, 71, 74, 211, 217, 304, 308,
 310, 317
 Норвегия 350,
 Нормандия 25, 36, 38, 48
 Нубия 214, 216

- Одабеб 159
 Оливьер, г. 28, 125, 128
 Оронг, р. 21, 41, 56, 69, 205
- Палестина 18, 20, 21, 24, 25, 39, 50, 58, 64,
 77, 80, 81, 82, 113, 117, 118, 121, 123, 124,
 203, 210, 212, 213, 221, 360, 364
 Париж 320, 341, 346
 Парма 267
 Персия 214, 249, 318, 396
 Пиза 149, 234, 253, 255, 258, 260, 261, 262,
 263, 264, 269, 317, 324, 327, 328, 331,
 336
 По, р. 39
 Польна 114, 349, 350
 Померания 350
 Прованс 152, 259, 317, 329, 363, 369
 Провен 320
 Пруссия 350
 Пти Магомери 132, 144, 406
 Пти-Герен 106, 355, 357
 Птолемея 271
 Пуатье 320
 Пьяченца 342
- Раббат Аммон (Филадельфия) 122
 Рамла (Рам) 28, 44, 47, 50, 51, 55, 75, 107,
 118, 131, 143, 188, 189, 201, 224, 242, 314,
 358, 364, 406
 Рафанея 61, 63
 Реймс 265, 320
 Рим 39, 101, 119, 123, 127, 129, 136, 220, 221,
 225, 236, 256, 285, 285, 286, 340, 346,
 351, 353, 358, 362, 363, 367, 377
 Розетта 73, 308
 Ромаде 68, 256
 Роцца 39
 Руад, о. 180, 396, 397
 Руан 320
 Русь 349, 355, 363
 Руэг 295
- Самария 20, 21, 24, 29, 45, 57, 58, 59, 79, 94,
 107, 172, 247, 265
 Сансерр 289
 Сан-Симеон 41
 Сардиния 258, 263, 264, 328, 331
 Сарегга 29, 104, 123, 172, 204, 245
 Саферия 112, 141, 157, 170, 172, 224, 313, 319
 Сафет 105, 134, 175, 197, 213, 291, 292,
 293, 294, 304, 312, 357, 358, 359, 360,
 304
 Севастия 29, 79, 117, 125, 128, 407
- Селимбрия 39
 Сент-Авраам — см. Хеврон 107, 108, 122,
 128, 277
 Сен-Антуан 380, 312
 Сен-Жан де Севаст 106
 Сен-Жиль 178, 179, 253
 Сен-Круа 285
 Сен-Лазар 312
 Сен-Самуэль де Монжуа 125
 Сефелах (терраса) 20
 Сидон (Сайета или Сайда) 21, 29, 54, 55, 71,
 76, 101, 104, 122, 123, 128, 138, 152, 172,
 187, 189, 190, 201, 204, 213, 223, 242,
 254, 339, 353, 354, 360, 364, 366, 376,
 385, 393, 405
 Сиена 342
 Синайская гора (Синай) 29, 108, 122, 154,
 217, 326
 Синайский п-ов 21, 73, 76, 322
 Синжар 194
 Синн-аль Набра 31, 59, 60, 80
 Сирия 16, 18, 20, 21, 25, 27, 37, 39, 43, 45, 46,
 48, 49, 50, 54, 56, 57, 59, 61, 62, 64, 66, 67,
 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 80, 95, 100,
 103, 109, 113, 136, 140, 148, 151, 154, 158,
 160, 162, 170, 174, 189, 190, 193, 194, 195,
 196, 198, 200, 201, 202, 203, 206, 209,
 211, 215, 218, 221, 224, 234, 251, 253,
 254, 261, 262, 268, 271, 325, 337, 394,
 395, 396, 397, 398, 401, 403, 405, 408,
 409
 Сито 199, 350
 Сихем (Сихарь) 94, 105
 Сидимия 24, 99, 116, 179, 180, 196, 219, 220,
 346, 348, 361, 363, 364, 365, 379, 380,
 384, 386, 394, 398, 403
 Сканделион 21, 54, 106, 182, 204, 242, 364,
 385
 Скифополис (Бейсан) 117, 121
 Салоники 195
 Спалато 209
 Субейб 105, 314
 Суматра 318
 Сура 366, 368, 372, 381, 382, 393, 406
- Тальма 78
 Тамарен (возвышенность) 142
 Танис 72, 73, 308
 Тебриз 363
 Текуа 64, 94
 Тел аш-Шакхаб 61
 Тел Данит 60, 128
 Тибет 318

- Тивериада (Табария) 29, 49, 57, 58, 59, 69, 105, 107, 117, 121, 128, 129, 132, 168, 169, 170, 171, 172, 277, 292, 293, 302, 306, 308, 313, 339, 359, 364
- Тир 21, 29, 51, 53, 54, 58, 59, 60, 62, 67, 73, 86, 94, 95, 96, 104, 105, 106, 122, 123, 124, 127, 128, 129, 138, 152, 165, 175, 177, 178, 179, 181, 186, 187, 190, 192, 197, 204, 215, 220, 223, 224, 226, 230, 238, 239, 246, 249, 255, 257, 259, 260, 265, 269, 274, 279, 280, 282, 284, 285, 286, 296, 298, 299, 300, 301, 312, 317, 318, 319, 322, 324, 325, 333, 337, 346, 353, 354, 359, 360, 364
- Тирренское море 254, 328
- Тих (пустыня) 21, 52, 107
- Торон 53, 58, 78, 105, 106, 152, 165, 168, 169, 193, 197, 204, 213, 224, 238, 242, 270, 276, 277, 293, 296, 301, 359, 364
- Торон де Шевалье 188, 304, 364
- Тортоса 43, 77, 393, 396, 397
- Тоскана 262
- Трансильвания 210
- Трансиордания 56, 57, 60, 61, 71, 77, 78, 80, 94, 96, 100, 108, 134, 151, 153, 194, 195, 214, 290, 292, 294, 296, 302, 304, 322
- Триполи 16, 20, 43, 48, 53, 54, 58, 59, 60, 62, 65, 69, 72, 78, 103, 120, 133, 137, 172, 174, 175, 176, 179, 180, 201, 205, 210, 235, 327, 241, 244, 254, 282, 284, 298, 300, 302, 306, 319, 337, 343, 345, 346, 349, 356, 360, 377, 383, 384, 385, 386, 387, 395
- Труа 248
- Тубания 79
- Тунис 271, 321, 344, 346, 361
- Тур 312
- Турбессель 66
- Туркестан 363, 396
- Турция 180, 249, 363
- Тутмос 271
- Украина 349
- Уэльс 363, 398
- Фавор 293, 313
- Фамагуста 283, 330, 395
- Фигье (крепость) 188
- Филистия 68, 204, 217, 271, 308
- Финикия 58, 61, 117, 122, 123, 226, 265
- Фландрия 48, 163
- Флоренция 267
- Фонтен дез Эмо 406, 407
- Форбеле 78, 79, 175
- Форбия 289, 302, 303, 304, 310
- Форез 289
- Форос 46
- Фракия 39
- Франция 16, 19, 35, 36, 64, 80, 83, 84, 91, 98, 99, 102, 109, 111, 126, 128, 143, 144, 167, 179, 180, 183, 184, 186, 190, 199, 203, 208, 230, 232, 240, 242, 265, 301, 302, 307, 310, 311, 314, 315, 323, 342, 343, 346, 357, 361, 365, 388, 405, 406
- Фригия 40
- Фризия 320
- Фува 72, 201
- Хабис Джалдак 59, 60, 69, 78, 158
- Хазарт 61
- Хайфа (Каифас) 21, 53, 58, 59, 83, 105, 106, 123, 143, 145, 179, 183, 204, 242, 255, 262, 295, 312, 333, 341, 358, 360, 364, 393
- Хама 62, 63, 194, 227, 235, 291, 355, 397
- Харам-аш-Шериф 44
- Харим 41, 69, 71, 75, 163, 164
- Харпут 60, 61, 227
- Хатгинский холм (Хатгин) 171, 172, 173, 176, 177, 179, 181, 239, 241, 245, 257, 259, 288
- Хеврон — см. Сент-Авраам 29, 49, 51, 52, 56, 94, 107, 122, 125, 131, 132, 142, 152, 175, 247, 293, 294, 313, 360, 364, 406
- Хермон 61
- Хомс 41, 48, 61, 62, 63, 64, 194, 235, 291, 302, 355, 364, 395
- Хорватия 39, 349
- Хорезм 214, 221, 222
- Цезаря 27, 40, 49, 58, 104, 106, 124, 128, 135, 145, 149, 152, 204, 206, 211, 213, 223, 226, 242, 243, 253, 255, 258, 261, 284, 297, 311, 312, 358, 360, 364
- Цивитот 38
- Чехия 349, 350
- Шалон 289, 320
- Шампань 284, 289, 320
- Шартр 265
- Шастель Бланк 138, 360
- Шастель-Арнуль 51, 52, 131, 188
- Шатель-Руж 69
- Шато-Бодуэн 59
- Шато-дю-Руа 95, 164, 168, 178, 204, 223, 251, 270

- Шатель-Пелерен 213, 223, 225, 251, 306,
312, 358, 360, 364, 385, 393
Шатоннеф 72, 76, 106, 175, 293, 296, 359, 364
Шейзар 43, 56, 63, 64, 69
Шотландия 363
Штирия 350
Шуф 56, 104, 204, 253, 339
- Эг-Морг 289
Эдесса 20, 36, 40, 41, 43, 48, 60, 62, 64, 65,
66, 85, 86, 164, 339, 351
Эльзас 276
Эммаус 134, 135, 144
Эно 81
Энсап (Айн-Шемс) 144
- Эсдрелон 21, 94, 206, 213
Эстония 350
Эфиопия 217, 318
- Ява 318
Ярмук 21, 105
Яффа 27, 28, 44, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 84,
90, 96, 107, 108, 115, 118, 120, 122, 131,
135, 136, 145, 166, 172, 178, 187, 188,
189, 196, 197, 198, 190, 201, 204, 223,
224, 225, 226, 228, 231, 236, 242,
250, 253, 254, 255, 256, 259, 261, 269,
274, 284, 291, 292, 293, 294, 300, 302,
312, 314, 316, 333, 351, 358, 359, 360,
364, 366

Научное издание

Жан Ришар

**ЛАТИНО-ИЕРУСАЛИМСКОЕ
КОРОЛЕВСТВО**

Главный редактор *Чубарь В. В.*
Принимающий редактор *Антонов Т. В.*
Выпускающий редактор *Трофимов В. Ю.*
Художественный редактор *Лосев П. П.*
Корректор *Мартынова Г. Н.*
Оригинал-макет *Капитоновой Е. А.*

ЛР № 065280 от 09 июля 1997 г.
Подписано в печать 26.05.2002. Формат 70 × 100 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 36,12.
Гарнитура «Академическая». Бумага для печатных изданий.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Заказ № 3244

ООО Издательская группа «Евразия»
191194, Санкт-Петербург, ул. Чайковского, д. 65, пом. 7Н
тел. 303-93-25
e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12